

Пермикин

Озеро Косогол и  
его нагорная доли-  
на. (Об Урянхайе).

Вестник императорских  
русских географ. о-вств  
1858, т. 2, с. 41-75.

5138

# **В Ъ С Т Н И К Ъ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

# ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакцію исправляющаго должность Секретаря Общества

*В. П. Безобразова.*

---

1858.

---

---

**ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**

---



**САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.**

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

**1858.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 27 сентября 1838 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

# I.

## ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА,

ДАРОВАННАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО  
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА П. П. СЕМЕНОВУ, ЗА  
ИСПОЛНЕНІЕ ВОЗЛОЖЕННАГО НА НЕГО ОБЩЕСТВОМЪ ПОРУЧЕНІЯ  
ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

*Постановленіе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго  
Общества 3 мая 1858 года.*

Вице-Предсѣдатель обратилъ вниманіе Совѣта на ученія  
заслуги и подвиги Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Рус-  
скаго Географическаго Общества Семенова, нынѣ исполнившаго  
возложенное на него Обществомъ порученіе относительно изслѣ-  
дованій въ Средней Азійи. Рѣшившись взять на себя эти изслѣдо-  
ванія, съ чистою и безкорыстною цѣлію служенія наукѣ, г. Се-  
меновъ блистательнымъ образомъ преодолѣлъ всѣ трудности двух-  
лѣтняго путешествія, и проникъ въ самое сердце Небеснаго хребта  
и пограничную область озера Иссыкъ-Куля, — страны, еще вовсе  
до него не посѣщенныя учеными путешественниками, ни отече-  
ственными, ни иностранными. Посвятивъ себя съ истиннымъ  
самоотверженіемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, исключительно на  
изученіе землевѣдѣнія, во всемъ объемѣ его современнаго значе-

нія, и обогатившись всѣмъ запасомъ знаній, входящихъ въ предѣлы этой науки, между прочимъ особенно подъ руководствомъ знаменитаго географа Карла Риттера, г. Семеновъ поставилъ задачею своихъ усилій истинно патріотическое дѣло: примѣнить результаты современнаго европейскаго знанія къ успѣхамъ отечественной науки, и внести въ нее совершенно самостоятельныя изслѣдованія русскаго ученаго, въ странахъ, неизвѣстныхъ ученому міру. Въ посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ, онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя геологическія и естественноисторическія изысканія, съ помощью коихъ онъ надѣется обработать географію того края и нѣкоторымъ образомъ можетъ содѣйствовать къ разрѣшенію общихъ вопросовъ, занимающихъ современную науку. Во время своего путешествія, онъ не разъ подвергался всѣмъ лишеніямъ, сопряженнымъ съ поѣздками въ дикія и необитаемыя страны, и даже опасности жизни, при частыхъ встрѣчахъ съ кровожадными и враждующими племенами Средней Азіи. Кромѣ того онъ сдѣлалъ, на приведеніе въ исполненіе своего предпріятія, значительныя денежныя пожертвованія, безъ коихъ Географическое Общество не могло снарядить этой экспедиціи собственными средствами. Результатомъ этихъ подвиговъ было собраніе не только большаго запаса географическихъ свѣдѣній и коллекцій, но и наблюденій надъ характеромъ обитающихъ народовъ и ихъ отношеніями къ сопредѣльнымъ частямъ Имперіи. Обработкою всѣхъ этихъ матеріаловъ, занимающею нынѣ г. Семенова, Императорское Русское Географическое Общество можетъ надѣяться украсить свою дѣятельность на пользу отечественнаго просвѣщенія, и значительно обогатить русскую ученую литературу. За изысканіями г. Семенова слѣдили съ любопытствомъ и теплымъ участіемъ лучшіе представители европейскаго ученаго міра, который не разъ выражалъ свои нетерпѣливыя ожиданія отъ результатовъ его трудовъ. Въ виду всѣхъ подвиговъ молодаго ученаго, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества считаетъ его достойнымъ особеннаго поощренія, и потому признаетъ обя-

занностью своею ходатайствовать предъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества объ испрошеніи для г. Семенова въ установленномъ порядкѣ, награжденія орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

*Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ.*

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ объ исходатайствованіи Дѣйствительному Члену Общества Семенову ордена св. Владиміра 4-й ст., въ награду за исполненіе возложеннаго на него порученія по изслѣдованію Средней Азіи.

Совершивъ это ученое предпріятіе съ полнымъ успѣхомъ и преодолевъ всѣ трудности, которыми оно сопровождалось, г. Семеновъ важнымъ трудомъ своимъ принесъ всему ученому міру истинно полезный и драгоцѣнный подарокъ, служащій источникомъ особенной славы для отечественной науки нашей, такъ какъ ученая дѣятельность г. Семенова обогащаетъ ее многополезными изысканіями и первыми основательными изслѣдованіями страны, о которой доньнѣ имѣлись лишь самыя недостаточныя и баснословныя свѣдѣнія.

Признавая, что столь важныя заслуги даютъ полное право на особое, достойное ихъ поощреніе, Я прошу ваше высокопревосходительство дать установленный ходъ препровождаемому при семъ представленію Совѣта Географическаго Общества, присовокупивъ къ нему и собственное мое ходатайство о пожалованіи Семенову той именно награды, которую испрашиваетъ ему означенный Совѣтъ.

Подлинное подписалъ:

«КОНСТАНТИНЪ.»

19 мая 1858 г.

Въ слѣдствіе такового ходатайства Августѣйшаго Предсѣдателя Общества и Совѣта, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше соизволилъ удостоить, 6 іюня 1858 года, подписаніемъ Указа Капитулу Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ о награжденіи Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Семенова орденомъ св. Владиміра 4-й степени.



## ВЫШИСКА ИЗЪ ПИСЬМА

**НАЧАЛЬНИКА ХОРАССАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. В. ХАНЫКОВА**


къ Помощнику Предсѣдателя Императорскаго Русскаго  
Географическаго Общества, отъ  $\frac{1}{13}$  іюля 1858 года, изъ  
Мешхеда.

---

Считаю пріятнымъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія, что 24 числа, я, со всѣми спутниками моими, благополучно прибылъ въ Мешхель, встрѣчая вездѣ по дорогѣ самый радушный и почетный пріемъ.

Относительно проѣзда нашего до Мешхеда, я только могу сказать, что благодаря заботливости персидскаго правительства, мы ѣхали такъ спокойно, какъ по Калужской губерніи; Туркменъ мы видѣли только разъ и то издали, у Пули Абрашимъ. Они прослѣдили за нами съ пол-часа, но сообразивъ, что въ караванѣ, примкнувшемъ къ намъ въ Шахрудѣ до 2,000 поклонниковъ, что съ нами была пушка и 200 всадниковъ, они оставили насъ въ покоѣ. Наблюденія мы свои тоже дѣлали, какъ дома, и если нашей экспедиціи не суждено привести никакихъ другихъ результатовъ, то и того, что теперь уже сдѣлано почти довольно для полнаго ученаго успѣха. Въ бытность мою въ Тегеранѣ, спутники мои обозрѣли Астрабадскую провинцію и часть Мазадерана въ топографическомъ, ботаническомъ и геологическомъ отношеніяхъ;

топографъ бывшій со мною въ Тегеранѣ снялъ подробный маршрутъ отъ Астрабада чрезъ Шахрудъ до столицы и маршрутъ этотъ уже находится у генерала Милютина, котораго я просилъ сообщить копию съ него барону Ливену; то же самое продолжено было и до Мешхеда. Мы посѣтили бирюзовые рудники, г. Гёбель осматривалъ ихъ въ подробности въ теченіи двухъ дней, и есть надежда, что когда онъ подвергнетъ химическому разложенію собранные имъ образцы породъ, сопровождающихъ бирюзовыя жилы и самую бирюзовую породу, то можно будетъ убѣдиться въ благонадежности сихъ рудниковъ. Профессоръ Бунге собралъ болѣе 1,000 видовъ растений, болшею частью сходныхъ съ растеніями степей средней Азіи, но не лишенныхъ и вовсе новыхъ видовъ неизвѣстныхъ доселѣ въ наукѣ или извѣстныхъ только весьма не совершенно, какъ напр. *Assa foetida*. Бабочки и насѣкомыя будутъ всѣ новы, такъ какъ никто ихъ здѣсь не собиралъ. Астрономическія наблюденія до сихъ поръ могутъ, болшею частью, служить только подтвержденіемъ наблюденій Лемма, такъ какъ мы слѣдовали по пути этого неутомимаго наблюдателя, опредѣлившаго почти всѣ ночлеги, но и тутъ при боковыхъ поѣздкахъ были опредѣлены нѣкоторыя новыя точки и въ числѣ ихъ весьма важныя: бирюзовыя рудники. Магнитныя же наблюденія вовсе новы и будутъ безъ сомнѣнія приняты съ любопытствомъ ученымъ свѣтомъ. Наконецъ собственныя мои изслѣдованія дополняютъ собранное другими.



## П И С Ь М О

### ГЛАВНАГО АСТРОНОМА СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ШВАРЦА

къ Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, отъ 19 (31) іюля 1858 года, изъ с. Безкацонки.

---

Наконецъ могу сообщить что нибудь положительное на счетъ пути, которымъ намѣренъ слѣдовать для достиженія пограничныхъ столбовъ Хонинъ-Дабага (?) и Бомъ-Кема. Прежде чѣмъ коснусь до этого предмета, вкратцѣ упомяну о томъ, что происходило послѣ моего перваго письма (\*).

9 іюня поручикъ Рашковъ отправился на лодкѣ изъ Иркутска; къ іюньской лунаціи онъ будетъ въ Балаганскѣ. Пунктъ этотъ г. Рашковъ опредѣлитъ посредствомъ пассажнаго инструмента. Лѣтнее время вѣроятно не дозволитъ ему сдѣлать въ этомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ четыре наблюденія надъ кульминаціями края луны, и изъ нихъ еще можетъ быть одно не удастся по причинѣ дурной погоды. Ближайшій затѣмъ кардинальный пунктъ Братскій острогъ, третій Багучанское и наконецъ четвертый впаденіе Ангары въ Енисей или городъ Енисейскъ. Если какія либо особенно неблагопріятныя обстоятельства не разстроятъ нашего плана, то Рашковъ къ срединѣ сентября прибудетъ въ Красноярскъ.

---

(\*). См. Ч. XXIII. Отд. I, стр. 17.

Продолжительныя туманныя ночи во время полнолунія легко могутъ быть причиною, что онъ опоздаетъ цѣлымъ мѣсяцемъ. Что касается до порученій, возложенныхъ мною на г. Рашкова по случаю настоящей его поѣздки, то объ нихъ ничего не могу сказать, что бы заслуживало особаго вниманія; о важнѣйшихъ изъ нихъ упомянулъ я еще прежде, говоря о планѣ работъ, предположенныхъ на нынѣшнее лѣто. Главнѣйшіе результаты означенной поѣздки будутъ заключаться въ астрономическихъ опредѣленіяхъ мѣстностей, съемкѣ теченія Ангары, отъ Братскаго острога до леустьева, и въ правильно веденныхъ метеорологическихъ наблюденіяхъ; въ физическомъ отношеніи долина Ангары болѣе извѣстна, такъ что г. Рашкову едва-ли удастся прибавить что либо новаго или замѣчательнаго къ тому, что уже извѣстно. Въ слѣдствіе письма академика Бэра, поручилъ я г. Рашкову обратить особенное вниманіе на распространеніе зоба, имѣя въ виду, при осмотрѣ лицъ одержимыхъ этимъ недугомъ, развитіе мускуловъ и напряженность нервной дѣятельности. Къ сожалѣнію мы слишкомъ мало приготовлены къ этого рода наблюденіямъ, и едва-ли будемъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ г. Бэра.

Лишь четыре часа послѣ отъѣзда г. Рашкова прибылъ г. Крыжинъ. При тряской дорогѣ отъ Иркутска до Тунки, у него разбился барометръ, и попытки его, въ Тункѣ, вставить новую барометрическую трубочку, не удалась, такъ что изъ трехъ запасныхъ трубочекъ у него осталась только одна. Онъ долженъ былъ возвратиться въ Иркутскъ, гдѣ однакожъ трудно было помочь бѣдѣ, такъ какъ барометрическія трубочки тамъ вещь весьма рѣдкая. Наконецъ досталъ я изъ гимназій три трубочки, которыя долженъ потомъ возвратить, а астрономъ пекинской миссіи, г. Пещуровъ подарилъ мнѣ четвертую. Послѣ двухъ дней г. Крыжинъ могъ отправиться съ исправнымъ барометромъ, взявши съ собою три запасныя трубочки.

Менѣе счастливъ былъ я самъ. Для поѣздки моей въ Минусинскій округъ, назначилъ я два хронометра, боксъ-хронометръ Дента 1953 и карманный Дента 6705. Первый изъ нихъ у меня разъ остановился; но какъ это случилось тотчасъ послѣ того, какъ я завелъ его, то я неслишкомъ безпокоился о томъ, зная, что это иногда случается и, какъ полагаю, происходитъ отъ слишкомъ быстрого порояота, при укладкѣ въ ящикъ. Однакожъ, въ послѣднее время ходъ его становился все хуже и хуже, а такъ какъ при осмотрѣ

оказалось, что масло сдѣлалось тягучимъ, то я далъ его вычистить здѣшнему часовому мастеру г. Педерсену. При разборѣ однакожь оказалось, что испортился ковчикъ оси маятника, и что хронометръ для дороги не годится. Я былъ въ немаломъ затрудненіи, такъ какъ для дороги оставался у меня лишь одинъ карманный хронометръ. Мои собственные часы испортились во время поѣздки моею въ прошедшемъ году по Витиму. Но какъ для веденія маршрута мнѣ необходимы были часы, карманный же хронометръ не хотѣлось мнѣ подвергать частой опасности, то я рѣшился купить у г. Педерсена хорошіе англійскіе анкерные часы за 50 руб. сер. Наконецъ 24 іюня выѣхалъ я изъ Иркутска въ двухъ тяжелыхъ тарантасахъ, и 3 іюля прибылъ въ Красноярскъ. Здѣсь засталъ я члена-соревнователя Петра Ивановича Кузнецова, у котораго, какъ мнѣ извѣстно было, находился хорошій боксъ-хронометръ Дента 745. Г. Кузнецовъ обязательно одолжилъ мнѣ свой хронометръ на время предстоящей поѣздки, и я считаю за особенное удовольствіе довести до свѣдѣнія вашего о готовности г. Кузнецова содѣйствовать пользамъ Географическаго Общества. 7 іюля выѣхалъ я изъ Красноярска, и 10 прибылъ въ Минусинскъ. Въ князѣ Костровѣ, начальникѣ Минусинскаго округа, нашелъ я самое живое сочувствіе къ нашему предпріятію, и его посредству обязанъ я ревностнымъ содѣйствіемъ другихъ лицъ. По совѣщаніи съ нимъ, какъ удобнѣе направить нашъ путь, онъ отправилъ минусинскаго исправника въ Шушанское, чтобы заготовить потребное число лошадей и проводниковъ, а изъ Саянской станицы потребовалъ я казака, ѣздившаго нѣсколько разъ къ пограничнымъ столбамъ и усвоившаго себѣ языкъ Зоіотовъ. (?) Благодаря участію князя Кострова и усердію исправника г. Нечаева, я сегодня, 19 іюля, могу отсюда выѣхать, опредѣливши долготу и широту исходной точки, селенія Безкацопки. Селеніе это находится при впаденіи рѣки того же имени съ лѣвой стороны въ Кебешъ, который въ свою очередь впадаетъ съ лѣвой стороны въ р. Оіа, одинъ изъ притоковъ Енисея съ правой стороны. Маршрутъ мой отсюда слѣдующій. Отъ Безкацопки я буду слѣдовать Кебешомъ вверхъ до его истоковъ, которые вмѣстѣ съ истоками р. Оіа берутъ свое начало изъ Кичиръ-Сукъ, составляющаго водораздѣлъ между р. Исъ и сѣверными притоками Енисея съ правой стороны. Перешедши чрезъ этотъ хребетъ, мы достигнемъ р. Усъ, на лѣвомъ берегу коего находится 22-й пограничный знакъ, Хонинъ-Дабага; здѣсь

остановимся на нѣкоторое время, такъ какъ я отсюда намѣренъ слѣдять рекогносцировку истоковъ р. Усь—озера Чернаго. Возвратившись съ этой экскурсіи, направлюсь далѣе на западъ, вдоль лѣваго берега р. Усь, до ся устьевъ; тутъ построимъ лодку, чтобъ вверхъ по Енисею достигнуть 23 пограничнаго знака Бомъ-Кема. Съ устьевъ Уса отошлю молхъ лошадей и всю излишнюю поклажу, отчасти для того, чтобы изслѣдовать берега Енисея и собрать геологическіе образцы, а также чтобы собственными глазами посмотрѣть на «*magne calagastae*», о коихъ повѣствуютъ прежніе путешественники, основываясь лишь на слухахъ.

Возвратившись въ Минусинскъ, отправлюсь тотчасъ въ Таштыпъ, откуда въ три дня достигну 24 пограничнаго знака, Шабинъ-Дабага. По западному повороту возвращусь изъ Таштыпа въ Минусинскъ, чтобы отправиться на плоту внизъ по Енисею до Красноярска.

Слѣдуя такимъ образомъ чрезъ Минусинскій округъ, пересѣку его подъ тремя различными меридіанами: по направленію отъ сѣвера къ югу, отъ Безкацопки къ Ховинъ-Дабага, отъ Бомъ-Кема къ Минусинску, и на возвратномъ пути изъ Таштыпа въ Минусинскъ. Въ продолженіе всей этой поѣздки, я буду имѣть возможность собирать геологическіе образцы, коллекція коихъ, можетъ быть, дастъ нѣкоторыя поясненія на-счетъ геологической формаціи этого края. Доселѣ собрано мною 25 образцовъ, обнаруживающихъ большое однообразіе. Старый красный песчаникъ, находимый около Красноярска, по Иркуту и Ленѣ, сопровождалъ меня до Минусинска. Вездѣ, гдѣ я ни подходилъ къ Енисею, кирпичнокрасные склоны прибрежныхъ горъ свидѣтельствовали о присутствіи этой горной породы. Большая часть номеровъ моего собранія состоятъ изъ темнофіолетоваго сланцевого песчаника, изъ котораго, сколько я могъ удостовѣриться, главнѣйше состоятъ горы до устьевъ Туби, впадающей въ Енисей съ правой стороны ниже Минусинска; отсюда порода эта смѣшивается съ мѣдно-зеленымъ песчаникомъ, образуя такимъ образомъ перемежающимися пластами берега устьевъ Туби и долину р. Оіа. Всѣ надгробные камни надъ могилами Чуди высѣчены изъ этого фіолетоваго песчаника. Изъ этой же породы состоятъ три рунические камни, сохраняемые въ Шушинскомъ. Первый, о которомъ упоминаетъ Палласъ, взятъ съ лѣваго берега Енисея, противъ с. Означенное; онъ привезенъ въ Шушинское Кастреномъ,

снявшимъ конію съ его надписи; остальные два привезены въ прошедшемъ году въ Шушинское съ лѣваго берега Енисея, противъ устьевъ Ои. Полковникъ Фаленбергъ снялъ со всѣхъ трехъ вѣрныя коніи, которыя чрезъ князя Кострова представилъ Президенту Императорской Академіи Наукъ. Камень, привезенный изъ с. Означеннаго, какъ мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ разрушившіеся остатки окаменѣлостей. Отъ всѣхъ трехъ камней отломалъ я угловые куски. Разсматривая эти странныя буквы, я не могъ удержаться отъ предположенія, что онѣ суть знаки таинственнаго письма, ключъ къ коимъ можетъ быть навѣки утраченъ вмѣстѣ съ смертію ихъ изобрѣтателя. Рѣшаясь высказать это предположеніе, можетъ быть рискую сказать нелѣпность; но на двухъ камняхъ, находившихся противъ устьевъ Ои, видны ясныя слѣды, доказывающіе, что поверхность ихъ сглажена искусственно: какимъ образомъ могли сохраниться такіе слѣды, будучи въ продолженіе слишкомъ тысячи лѣтъ, подвержены вліянію зноя, холода и воды, если находящіяся на этихъ камняхъ знаки должны изображать письмена исчезнуваго народа, о существованіи котораго нѣкогда, мы заключаемъ изъ искусныхъ, исключительно изъ мѣди слѣданныхъ, доспѣховъ и земледѣльческихъ орудій, находимыхъ въ чудскихъ гробницахъ.

Что касается до моего путешествія, то доселѣ не имѣю сообщить ничего занимательнаго. Минусинскій округъ называютъ Италією Восточной Сибири; слѣданныя же мною метеорологическія наблюденія въ Минусинскѣ (\*) напоминаютъ мнѣ Иркутскъ, и въ особенности Верхнеудинскій округъ Забайкальской области, а характеръ мѣстности долины Енисея постоянно приводитъ мнѣ на память слѣдованіе мое по долинѣ Селенги.

Изъ прочихъ членовъ экспедиціи г. Рашковъ сообщилъ мнѣ краткое извѣстіе изъ Балаганска; онъ началъ свои наблюденія пассажнымъ инструментомъ, и окончилъ кульминаціи перваго края луны. О г. Усольцовѣ я знаю только, что онъ счастливо отплылъ изъ Шилкинска. Передъ самымъ выѣздомъ моимъ,

(\*) Минимумъ-термометръ показалъ здѣсь съ 10—11 іюля + 9,0° P.

11—12 — + 6,9


12—13 — + 8,0

13—14 — + 6,0

14—15 — + 4,5

15—16 — + 8,0

получилъ я письмо отъ г. Раде. Упомянувъ о своихъ работахъ въ нынѣшнее лѣто, онъ сообщаетъ мнѣ о желаніи предпринять будущимъ лѣтомъ путешествіе, для пополненія своихъ наблюденій нагъ фауною и флорою долины Амура. Ваше высокопревосходительство вѣроятно уже извѣщены о такомъ желаніи г. Раде. Предполагаемый имъ путь тотъ самый, который я хотѣлъ возложить на него въ прошедшемъ году, а именно отъ Кяхты чрезъ Камардабанъ къ Тункинскимъ альпамъ, для изслѣдованія водораздѣла между Амуромъ и Енисеемъ и отысканія, соединенія системъ обѣихъ рѣкъ. Сильное желаніе г. Раде отправиться на Амуръ, для пополненія собранныхъ гг. Шренкомъ, Максимовичемъ, Дитмаромъ и Маакомъ, во время ихъ путешествія, матеріаловъ, неизбѣжно заключающихъ въ себѣ пробѣлы, заставило меня отказаться въ то время отъ перваго моего плана. Поэтому въ совершеніи путешествія, о разрѣшеніи коего ходатайствуетъ г. Раде, я вижу лишь приведеніе въ исполненіе первоначальнаго моего плана.



## II.

### ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

---

#### БУРЯТЫ.

---

Между инородцами, обитающими въ Сибири, весьма важное мѣсто занимаютъ Буряты. Родовой ихъ бытъ, религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи, степень развитія ихъ промышленности— все это составляетъ весьма любопытную страницу въ исторіи всемірной культуры и въ особенности нашего роднаго края. Инородцы наши, какъ дѣти природы, стоятъ, такъ сказать, одною ногою въ патриархальныхъ понятіяхъ, которыми начинается историческая жизнь, другою они уже опираются на сложившуюся цивилизацію русскаго народа, и мало по малу входятъ въ составъ господствующаго племени.

Буряты съ незапамятныхъ временъ имѣютъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ пространства земель, заключающихся между хребтами Яблоннымъ и Алтайскимъ съ одной стороны, и Верхоленскими и Тункинскими горами съ другой. Множество рѣкъ, текущихъ изъ этихъ горныхъ вершинъ, образуетъ отдѣльные участки поземельныхъ протяженій, обставленныхъ лѣ-

снстыми горными кряжами, посреди которыхъ заключаются прекрасныя степныя пространства, верѣдко тянущіяся на нѣсколько сотъ верстъ. Такимъ образомъ этотъ обширный участокъ соединяетъ въ себѣ все необходимыя условія для того, чтобы дать удобства жизни одной изъ многочисленныхъ вѣтвей монгольскаго происхожденія—племени Бурятъ. Кто видывалъ эти пространства, омываемыя рѣками Удой, Чикоемъ, Селенгой и Баргузиномъ съ одной стороны, Иркутомъ, Китоемъ, Бѣлой, Леной въ ея верховьяхъ и Ангарой съ другой, тотъ согласится съ нами, что родоначальники Бурятъ чрезвычайно удачно избрали мѣста кочевокъ для удобства жизни своихъ родовъ. Если справедливо, что для удовлетворенія потребностей патріархальныхъ племенъ достаточно непосредственныхъ произведеній природы, когда они безъ особенныхъ усилій, требующихъ искусственныхъ средствъ труда, могутъ находить полъ рукою все для себя необходимое, то быть Бурятъ всегда представлялъ величайшія удобства жизни въ сравненіи съ другими подобными кочующими племенами. Все почти означенныя рѣки изобилуютъ рыбой, особенно выпадающія въ Байкаль; горныя хребты и обширныя лѣса наполены разнаго рода дичью и пушными дорогими звѣрями. Степныя пространства, на всемъ ихъ протяженіи, поросли разнаго рода травами, составляющими питательный кормъ для домашнихъ животныхъ. По всему этому можно легко повѣрить показанію исторіи Монголовъ, что Буряты уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи занимали окрестности Байкала.

Если при недостаткѣ историческихъ свѣдѣній, позволено вдаваться въ аналогическія предположенія, то съ болшею вѣроятностію можно предполагать, что Бурято-Монголы суть одни изъ аборигеновъ при-Байкальской Сибири. Все заставляетъ думать, что настоящія, занимаемая Бурятами пространства принадлежатъ имъ съ незапамятныхъ вѣковъ. Въ теченіе времени могли быть у нихъ важныя перемѣны, въ слѣдствіе какихъ либо политическихъ причинъ или умноженія населенія, когда они, можетъ быть, въ связи съ исторією Монголовъ, принимали немаловажное участіе въ движеніи на Азію и Европу; но то остается несомнѣннымъ фактомъ, что родныя стоябща ихъ никогда не могли быть оставляемы совершенно, какъ мѣста, самую природою назначенныя для жительства кочующихъ племенъ.

Обыкновенно Бурятъ отдѣляютъ отъ китайскихъ Монголовъ и различаютъ отъ Тунгусовъ, живущихъ далѣе на востокъ, между

рѣками Аргунью и Онономъ въ Нерчинскомъ краѣ. Трудно рѣшить въ какой степени справедливо такое различіе. Если это мнѣніе утверждается на однихъ только лингвистическихъ основаніяхъ, то тождество привычекъ, образа жизни, релігіозныхъ вѣрованій весьма много противорѣчатъ этому мнѣнію. Самое различіе въ языкѣ, въ особенности съ китайскими Монголами, вовсе не такъ велико, какъ кажется. По крайней мѣрѣ наши Буряты въ сношеніяхъ съ теми послѣдними, сколько извѣстно, никогда не затрудняются въ выраженіи своихъ мыслей. Скорѣе можно полагать, что два эти племени суть только политически раздѣленные половины одного и того же тѣла. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ требуетъ подробнѣйшаго изслѣдованія.

Но каково бы ни было происхожденіе Бурятъ, только извѣстно, что въ XVII столѣтіи, при завоеваніи Сибири, они уже находились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ кочуютъ нынѣ. Послѣ того какъ царскіе воеводы съ казаками, расширяя наши предѣлы на востокъ Сибири, добрались по Вилюю до Лены и по Олекмѣ до Амура, открытъ былъ новый, ближайшій путь въ Нерчинскій край по р. Тунгускѣ чрезъ Байкаль, и по Селенгѣ. Въ это время, съ половины XVII стол., приступлено было къ завоеванію и обложенію ясакомъ бурятскихъ племенъ. Какъ при покореніи тунгусскихъ племенъ, жившихъ дагѣ на сѣверѣ и востокѣ, устроены были остроги въ Якутскѣ, на Витимѣ и Амурѣ, такъ для упроченія завоеванія Бурятъ построены на Тунгускѣ Братскій острогъ, и на Селенгѣ — Верхнеудинскій и Селенгинскій. Нѣтъ сомнѣнія, что этнографическія различія покоряемыхъ племенъ не входили въ расчеты нашихъ завоевателей, и названія ихъ со стороны Русскихъ образовались уже въ послѣдствіи времени, когда эти послѣдніе успѣли, такъ сказать, осмотрѣться въ новыхъ своихъ владѣніяхъ. Поэтому очень вѣроятно, что слово Тунгусъ первоначально было общимъ, родовымъ названіемъ инородцевъ, и это подтверждается дѣловыми актами временъ Царей Іоанна и Петра, въ которыхъ слово Тунгусъ относится къ инородцамъ вообще. Въ послѣдствіи времени самобытный русскій языкъ, воспользовавшись существующими уже названіями племенъ, одни изъ этихъ названій утвердилъ за ними, а другіе переименовалъ на собственный ладъ. Къ сему послѣднему роду должно отнести названіе разсматриваемаго нами племени Бурятъ, именуемыхъ обыкновенно Братскими. Неизлишне

при этомъ замѣтить, что и до настоящаго времени въ Сибири различаются только три главныя названія племенъ: Буряты, Якутовъ и Тунгусовъ. Всѣ остальные какъ бы исчезаютъ въ этихъ трехъ названіяхъ ииородцевъ.

Живя на роскошныхъ долинахъ, окруженные безконечными горными хребтами и въ центрѣ многоводныхъ рѣкъ, Буряты до сихъ поръ сохранили патриархальный характеръ кочующихъ племенъ. Они до сихъ поръ дѣлятся по колѣнамъ и родамъ, и ведутъ свое происхожденіе отъ главнаго родоначальника, отнюдь не смѣшиваясь между собою, такъ что каждый родъ, или аймакъ, ведя свое происхожденіе отъ колѣннаго родоначальника, считаетъ себя какъ-бы отдѣльнымъ семействомъ, и имѣетъ свое отдѣльное родовое устройство. Но и тождество происхожденія всѣхъ родовъ одного племени отъ главнаго ихъ родоначальника не исчезло въ преданіяхъ родовъ. Изъ него образовалось общее управленіе всѣхъ родовъ одного племени, представителемъ котораго бываетъ наследственное лицо, или заступаетъ его мѣсто юридическое лицо — Степная Дума, составленная изъ засѣдателей — шуленговъ, зайсановъ, какъ представителей отдѣльныхъ родовъ племени, и главнаго тайши, заступающаго въ нѣкоторомъ смыслѣ главнаго родоначальника, избираемаго часто изъ одной и той же фамиліи, иногда даже въ самомъ юномъ возрастѣ, что и указываетъ на наследственность правъ этого представительства.

При такихъ юридическихъ началахъ патриархальнаго, колѣннаго устройства Буряты и по различію топографическаго положенія бурятскихъ родовъ, расположенныхъ по притокамъ Байкала или рѣкамъ, впадающимъ въ эти притоки, ихъ можно раздѣлить на двѣ главныя вѣтви: южно-байкальскую, т. е. на Буряты живущихъ по ту сторону Байкала, и сѣверо-байкальскую, обитающую на этой сторонѣ Байкала.

И тѣ и другіе Буряты состоятъ изъ племенъ, которыя дѣлятся на роды, *аймаки*, что означаетъ не отдѣльное семейство или поколѣніе, но цѣлое племя, произшедшее отъ одного колѣна или общаго родоначальника, жившаго за нѣсколько вѣковъ.

Къ южно-байкальскимъ племенамъ принадлежатъ: Баргузинское, Кударинское, Селенгинское и Хоринское, а къ сѣверо-байкальскимъ: Тункинское, Верхоленское, Ольхонское, Кудинское, Идинское, Балаганское и Аларское.

Баргузинское племя обитаетъ на сѣверо-восточной оконечности

Байкала, по рѣкѣ Баргузину; не будучи многочисленнымъ, оно владѣетъ обширными землями и состоитъ изъ 5 родовъ.

Кударинское состоитъ изъ 4 родовъ, и кочуетъ по прибрежью Байкала и при устьѣ р. Селенги.

Селенгинское—обитаетъ по рѣкамъ: Селенгѣ, Чикою, Джидѣ и Темнику, и состоитъ изъ 18 родовъ, изъ которыхъ 6 чисто монгольскихъ, именно: Цонгдоловъ, Сартуловъ, Атагановъ, Хатагичовъ, Табанагүтовъ, и такъ называемый Подгородный родъ, составленный изъ разныхъ малолюдныхъ монгольскихъ племенъ съ примѣсью бурятскихъ, присоединены къ Россіи въ 1727 году, при опредѣленіи влирійскимъ графомъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ пограничной съ Китаемъ линіи, согласно трактату, заключенному еще въ 1689 году околыничимъ Головинымъ.

Изъ этихъ Бурятъ сформировано 4 казачьихъ полка, которые съ 1764 года, съ одною тунгусскою и другою русскою казачьими командами, составляютъ пограничную стражу на китайской линіи въ нынѣшней Забайкальской области. Къ службѣ этой Буряты вызвались добровольно и за-то не вносятъ ясака. Въ 1851 году послѣдовало преобразование этихъ полковъ, и теперь они управляются на основаніи устава, Высочайше утвержденного въ 4 день января 1851 года.

Хоринское племя составляютъ 14 родовъ, которые кочуютъ по рѣкамъ Удѣ и Хилку, владѣя обширными землями.

Тункинское племя, состоящее изъ 14 родовъ, обитаетъ на сѣверо-западной оконечности Байкала, по ложбинамъ и долинамъ между Байкальскими и Саянскими горами, около Тункинской крѣпости и у верховьевъ рѣки Иркуты.

Верхоленское — живетъ на пространствѣ отъ истоковъ Лены до Верхоленскаго острога. Это племя состоитъ изъ 10 родовъ.

Ольхонское — состоитъ изъ 5 родовъ и живетъ на Байкальскомъ островѣ Ольхонѣ.

Кудинское—поселено по рѣкѣ Кудѣ, до Байкала. Оно есть ближайшее къ Иркутску и находится на сѣверной его сторонѣ. Кудинскихъ Бурятъ числится 14 родовъ.

Идинское племя, состоящее изъ 12 родовъ, обитаетъ на правомъ берегу Ангары, ниже Иркутска.

Багаганское, состоя изъ 16 родовъ, занимаетъ степи по обѣимъ сторонамъ р. Ангары, ниже Идинскаго племени.

Аларское племя обитаетъ вѣво отъ московскаго тракта, на степи орошаемой Иретью, вытекающею изъ высотъ Саяна; состоитъ изъ 9 родовъ.

Для незнакомыхъ съ мѣстами обитанія Бурятъ представляется здѣсь краткій очеркъ Братской степи.

Вообразите, что вы выѣзжаете изъ мѣсту или спускаетесь съ горы—вдругъ вамъ представляется совершенно ровное, гладкое мѣсто, тянущееся во все стороны по горизонту: ни одинъ предметъ не застигаетъ его, только по окраинамъ видящимся въ отдаленіи, отъ ровной мѣстности поднимаются горы, которыя иногда касаются облаковъ. Горы эти покрыты лѣсомъ, а иногда совершенно голыя.

По этой ровной площади вы ѣдете въ тарантасѣ. Дорога совершенно гладкая, лучше всякаго шоссе, потому что грунтъ земли—крупный песокъ, изъ котораго очень рѣдко выглядываютъ камни. Весь этотъ грунтъ покрытъ зелеными, ароматическими травами, или лучше кустообразною травой, которая придастъ всей картинѣ прекрасный видъ.

Вы смотрите въ даль: на горизонтѣ чернѣются движущіяся точки, разбросанныя тамъ и сямъ по степи,—это кочующій скотъ: лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды. Но также въ отдаленіи вы видите группу черныхъ точекъ большого размѣра,—это юрты, похожія на русскіе овчины, потому что составляютъ не что иное, какъ четырехугольныя избы, покрытыя дранью. Онѣ стоятъ довольно правильно одна возлѣ другой, и представляютъ видъ деревни. Когда начинаете подъѣзжать къ такому улусу,—видите тамъ и сямъ ѣдущихъ на быкахъ бабъ, дѣвокъ, мальчиковъ и взрослыхъ Бурятъ. Но фигуры эти весьма рѣдки. У самыхъ юртъ лежатъ коровы, отрыгающія жвачку, собаки, лающія на васъ, и тутъ же бѣгаютъ голые мальчики. Но напрасно вы стали бы искать когонибудь: вы видите только вашихъ ямщиковъ Бурятъ, которые суетятся около лошадей, да развѣ какънибудь подвернется непригожая баба, несущая дугу или возжи. Остальнаго населенія вы не увидите.

Расположеніе юртъ какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, одинаковое. Въмѣсто печки каминъ, а въ войлочной юртѣ очагъ по срединѣ; у бѣдныхъ даже и въ деревянной юртѣ огонь раскладывается на землѣ, потому что деревяннаго пола не дѣлается.

Перѣдко на одномъ наружномъ углу стоитъ шесть съ утвержденнымъ цилиндромъ, въ родѣ скворечницы. Онъ обклеенъ монгольскими подписями, выражающими молитву. Вѣтеръ дуетъ въ этотъ скворечный цилиндръ и поворачиваетъ его. Это признается достаточнымъ для восхваленія имени бога.

Другой религіозный памятникъ всегда стоитъ внутри юрты, противъ самаго входа, ближе къ лѣвому углу. Это ящикъ въ родѣ комода съ изображеніями ламайскихъ святыхъ — бурхановъ. Наружныя доски комода или вывозятся изъ-за границы или дѣлаются на мѣстѣ доморощенными мастерами. На ящикѣ видѣются мѣдныя бурханы, привезенныя изъ-за границы, колокольчики съ приятнымъ звономъ, что доказываетъ, что въ нихъ должна быть известная часть серебра, чашечки, въ которыхъ насыпаны зерна пшеничныя, ячменныя и цвѣты, а въ большой праздникъ, напримеръ на новый годъ — и жертва съ воткнутыми ароматическими свѣчами. Тутъ же лежитъ пачка ароматическихъ спичекъ или свѣчь темнокоричневаго цвѣта.

Что касается до мебели, то ея совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ Буряты, по восточному обычаю, любятъ сидѣть на войлокахъ, если они есть, а нѣтъ, такъ и на голой землѣ.

Посреди юрты, если она войлочная, круглая, т. е. принадлежитъ бѣдняку, — разложенъ огонь. Тутъ же ставится треногъ, для вѣшанія котла, въ которомъ варится пища. Въ одномъ углу юрты, ближе ко входу, стоитъ приборъ для приготовленія дарасуна (водки изъ кислаго молока). Кромѣ того, почти въ каждой юртѣ можно найти другой приборъ, для приготовленія араку — высшій сортъ дарасуна.

Буряты вообще средняго роста, плечисты, широки и плотны; сложеніе ихъ тѣла сапгвиническо-флегматическое, т. е. полно-крово-лимфатическое; у многихъ изъ нихъ замѣчается дородность и такіе кажутся опухлыми.

Голова Бурята средней величины, нѣсколько сдавлена спереди, и имѣетъ видъ конусообразный, низомъ къ основанію; лобъ плоскій и небольшой; брови тонкія и высокія; глаза узкіе, черные и угловатые, какъ и у всѣхъ кочующихъ народовъ, привыкшихъ съ младенчества смотрѣть въ даль; носъ плоскій и широкій; уши большія и оттопырившіяся; щеки у молодыхъ полныя, а у старыхъ впалыя; зубы правильные и отличаются необыкновенною бѣлизною; волосы черные и гладкіе и носятя только на макункѣ,

всѣ остальные сбиваются; волосы на бородѣ, и притомъ весьма рѣдкіе, носятъ одни старики, молодые же выдергиваютъ ихъ; цвѣтъ лица смугло-красный и лоснящійся. Вообще лице Бурята похоже на калмыцкое, т. е. съ весьма развитыми скулами, которыя однакожъ въ молодости и при полнотѣ мало замѣтны.

Ноги Бурятъ всегда очень выгнуты на вѣннюю сторону, что происходитъ отъ сидѣнья съ сложенными подъ себя ногами, и отчасти отъ верховой ѣзды, столь обыкновенной въ кочевомъ быту. — Бурятъ идетъ всегда покачиваясь съ стороны на сторону; такая походка вѣроятно есть слѣдствіе кривизны ногъ и развитія туловища насчетъ ногъ, которыя вообще въ сравненіи съ нимъ довольно коротки.

Буряты не отличаются крѣпостію и силою тѣлесною, по крайней мѣрѣ если взять Русскаго, съ виду одинаковаго съ Бурятомъ, то первый изъ нихъ будетъ превосходить послѣдняго вѣсомъ, и вообще одинъ Русскій можетъ преодолѣть нѣсколько Бурятъ, чего они и сами не отвергаютъ.

Въ движеніяхъ Бурятъ видна медленность, неповоротливость. При этомъ нельзя не замѣтить, что они, явившись въ работники, весьма усердны къ работѣ—въ продолженіе зимы, но какъ скоро почувствуется весенній запахъ, то никакія усилія не удержатъ Бурята, особенно въ городѣ: тогда Бурятъ, задержанный нѣсколько хозяиномъ по какимъ нибудь причинамъ, уйдетъ непременно тайно въ свои улусы, и никакая плата не можетъ заставить его работать въ городѣ. Буряты хорошо знаютъ вліяніе на нихъ весны, и потому нанимаются только до Никола, 9 мая.

Женщины имѣютъ цвѣтъ лица нѣжнѣе, чѣмъ мужчины; но другихъ различій между мужчинами и женщинами, кромѣ обыкновенныхъ, не существуетъ.

Буряты говорятъ языкомъ монгольскимъ, который между ними имѣетъ три нарѣчія. Буряты кочующіе вдоль китайской границы, именно тѣ роды селенгинскаго племени, которые присоединены къ Россіи по трактату 1689 года, говорятъ чисто монгольскимъ нарѣчіемъ. Они имѣли свою грамоту, изобрѣтенную, какъ извѣстно, въ тринадцатомъ столѣтіи, и сообщили ее сосѣдственному съ ними племени Хоринскому; чрезъ это существовавшее здѣсь монголо-бурятское нарѣчіе теперь смягчилось. Буряты живущіе по сю сторону Байкала, близъ Иркутска, говорятъ монгольскимъ нарѣчіемъ, нѣсколько отличнымъ

отъ прочихъ, съ примѣсью словъ русскихъ. Теперь монгольская грамота въ употребленіи у всѣхъ Бурятъ, исключая развѣ Кударинскихъ, обитающихъ на самыхъ южныхъ берегахъ Байкала и не имѣющихъ никакой грамоты. Буряты Хоринскаго племени всѣ общественныя и частныя дѣла отправляютъ на монгольскомъ языкѣ. Вообще Буряты употребляютъ русскій языкъ только при сношеніи съ окружающими и пограничными начальствами, для чего и содержатся русскіе писаря.

Между платьемъ Бурятъ и Бурятокъ нѣтъ большой разницы. И тѣ и другія носятъ зимою сдѣланныя изъ дубленой овчины нагольные шубы, на спишы которыхъ нашиваются у богатыхъ изъ краснаго, а у бѣдныхъ, по причинѣ дороговизны его, изъ синяго сукна, ленты въ четверть длины, вырѣзанныя фестонами. Иногда у женскихъ шубъ бываютъ на спишѣ небольшіе сборки, и подолъ вышивается шелками и опускается, въ палецъ ширины, бобромъ или другимъ дорогимъ мѣхомъ. Лѣтомъ и мужчины и женщины носятъ халаты на ватѣ, обшитые звѣринымъ мѣхомъ; мужскіе халаты бываютъ такіе же, какъ и приготовляемые Татарами, а женскіе въ родѣ китайскихъ, съ пуговицами на правомъ боку. На голову надѣваютъ лѣтомъ шапки на ватѣ, сдѣланныя изъ шелковой, а у бѣдныхъ изъ бумажной матеріи. Околышъ на шапкахъ изъ той же матеріи и загнутый, съ разрѣзомъ назадъ, къ которому прикрѣпляются ленты съ бантомъ у околыша; ленты эти какъ и матеріа, изъ которой дѣлается тулья шапки, бываютъ у богатыхъ шелковыя и разныхъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго и желтаго, такъ что если шапка краснаго цвѣта, то ленты желтаго, и на оборотъ; длина этихъ лентъ, спускающихся вдоль спины, не болѣе аршина. Форма шапокъ конусообразная съ кистью на верхушкѣ, въ видѣ волосянаго султана на каскѣ; кисть эта у богатыхъ шелковая, а у бѣдныхъ бумажная, какъ и матеріа на шапкѣ; если шапка желтая, то кисть бываетъ красная, и на оборотъ. Зимнія шапки дѣлаются изъ звѣриныхъ шкуръ, съ околышемъ, который отворачиваютъ для того, чтобы закрыть имъ уши. Вообще мужчины и женщины рубашекъ не носятъ; исключеніе составляютъ люди достаточные, которые носятъ рубашки изъ китайки. Лѣтомъ, женщины ходятъ въ одиѣхъ рубашкахъ, сходныхъ покроемъ съ рубашками русскихъ женщинъ; женщины, одѣтыя въ одиѣ рубашки, подпоясываются шнурками; мужчины всегда подпоясаны. Мужчины носятъ узкіе и короткіе штаны, которые

дѣлаются изъ кожи и до колѣнъ. Многіе изъ Бурятъ носятъ сапоги, подобные тѣмъ, которые мы видимъ у простыхъ русскихъ мужиковъ; богатые Буряты носятъ сапоги плисовые, а женщины шелковые, вышитые разными узорами; у тѣхъ и другихъ подошвы дѣлаются изъ пробки, пальца въ два толщиною; вообще же обувь Бурятокъ не отличается отъ мужской. Мужчины и женщины носятъ складные ножи; у первыхъ они прикрѣпляются къ поясу, а вторыя носятъ ихъ въ карманѣ или на маленькой цѣпочкѣ подъ одеждой.

У Бурятъ, какъ сказано выше, остается только на маковкѣ клокъ волосъ во всю длину; эта часть волосъ заплетается въ косичку, которую завязываютъ на концѣ узломъ. Бурятки дѣлаютъ прямой проборъ на передней части головы, какъ и русскія женщины, и заплетаютъ волосы—замужнія женщины въ двѣ косы, а дѣвушки въ нѣсколько нетолстыхъ косичекъ; какъ женщины, такъ и дѣвочки украшаютъ косы разными вещами — моржанами (\*), яшмой и нерѣдко монетами; косы спускаются на груди, а не на спину. Для серегъ Бурятки не прокалываютъ ушей, и съ удивленіемъ видятъ это у русскихъ женщинъ;— вмѣсто серегъ бурятскія женщины носятъ за ушами вещи, сдѣланныя изъ кожи, верхка въ два квадратныхъ, перегнутыя и убранныя моржанами, яшмою и бусами, такъ что кожи совсѣмъ не видно, до того вещи эти покрыты бусами; все это поддерживается шнуркомъ, перекинутымъ черезъ голову. Въ праздники Бурятки богатыя надѣваютъ на шею ожерелья изъ моржанъ и разныхъ бусъ, перемѣшанныхъ иногда серебряными и золотыми монетами. Одежда бурятскаго населенія въ праздничные дни вообще отличается своего рода пышностію.

Буряты, какъ и всѣ кочующія племена, питаются преимущественно произведеніями своего скота. Особенно употребительны между ними баранина и молочные скопы. Бараншу варятъ въ находящемся среди юрты котлѣ, въ чистой водѣ, безъ всякой приправы, какъ-то зелени, муки и соли; величина куска зависитъ отъ числа лицъ въ семействѣ. Мясо, изрѣзанное на куски въ корытѣ, раздается сидящимъ какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Бурятъ захватываетъ сперва цѣлый кусокъ мяса зубами и потомъ уже отрѣзываетъ часть его тѣмъ самымъ ножомъ, который и мужчины и женщины носятъ обыкновенно при себѣ. Бульонъ

(\*) Моржаномъ называется крупный красвый камень, вывозимой изъ Китая.

отъ сваренной баранины разливается въ чашки, покупаемыя у Русскихъ и весьма обыкновенныя въ быту нашихъ крестьянъ; бульонъ этотъ пьется какъ чай. Баранье мясо готовится также и на вертелѣ, что составляетъ лакомый кусокъ, особенно почки. Изъ другихъ видовъ домашняго скота употребляется въ пищу и корова, но это бываетъ весьма рѣдко. Мясо зарѣзанной лошади Буряты ѣдятъ весьма рѣдко, когда лошадь захромаетъ и т. п. Молоко идетъ на приготовленіе масла, а изъ парнаго молока, которое скоро окисаетъ на солнцѣ, дѣлаютъ вино, называемое *дарасуномъ*. Его готовятъ лѣтомъ на открытомъ воздухѣ такимъ образомъ: на палку, положенную на двухъ треножныхъ козлахъ, вѣшаютъ войлочные мѣшечки, въ видѣ колпаковъ, узкимъ концомъ къ низу; у верхней части мѣшечка имѣются веревки, которыя и надѣваются на палку; въ мѣшки льютъ молоко, а подъ ними ставятъ ведра, въ которыя стекаетъ жидкая часть молока, которая сливается въ кадку, гдѣ и начинается броженіе. Приготовленное такимъ образомъ вино наливаютъ въ мѣдные чайники, которые кагрѣваются, такъ какъ горячій дарасунъ крѣпче и потому предпочитается холодному, впрочемъ также потребляемому. Между тѣмъ помянутые мѣшки снова доливаютъ, послѣ каждаго удоя коровъ, парнымъ молокомъ; творогъ же, остающійся послѣ лѣтняго приготовленія дарасуна, бросается, по крайней мѣрѣ болѣе достаточными Бурятами.

Дарасунъ пьютъ многіе и изъ Русскихъ, но если бы они видѣли, что въ мѣшки, служащіе для приготовленія его и ни чѣмъ не покрытые, налетаетъ множество пыли, мухъ, комаровъ, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, то конечно отказали бы себѣ въ удовольствіи лакомиться этимъ напиткомъ.

Зимою, въ юртахъ, готовятъ дарасунъ иначе; именно наливаютъ парное молоко въ узкія и высокія кадки съ весьма небольшимъ отверстіемъ на верху, въ которое вѣланъ поршень, доходящій до половины сосуда, гдѣ находится дырчатая доска: отъ давленія поршня болѣе жидкая часть молока вытекаетъ въ нижнюю часть кадки, изъ которой она выпускается чрезъ небольшое отверстіе, заткнутое гвоздемъ. Жидкость, выпущенная изъ отверстія въ сосудъ, бываетъ густа и потому, давъ время отстояться, ее переливаютъ въ другой сосудъ, и потомъ ждуть броженія. Творогъ, остающійся отъ зимняго приготовленія дарасуна, употребляется Бурятами въ пищу.

Приготовленіе *араку* — высшій сортъ ларасуна — производится въ особомъ приборѣ, находящемся почти въ каждой юртѣ. Проквашенное молоко прогоняется чрезъ кубъ, т. е. котель обмазанный глиной и коровымъ каломъ. Къ нему, или лучше изъ него проведенъ рукавъ, въ который выцѣживается эссенція, похожая на водку бѣловатаго цвѣта, слабо опьяняющаго свойства. Окружающіе кубъ матеріалы сообщаютъ араку довольно непріятный запахъ, но привыкнувъ можно съ удовольствіемъ употреблять этотъ напитокъ.

Употребительно также между Бурятами приготовленіе въ пищу *затурана*. Въ котель среди юрты кладется масло, его кипятятъ и когда масло накипитъ, то подкладываютъ муки и мѣшаютъ; послѣ, образовавшееся такимъ образомъ тѣсто разводятъ водою, наливаютъ его въ чашки и пьютъ, какъ телячій бульонъ. *Затуранъ* имѣетъ столько питательности, что весьма рѣдко употребляется въ пищу послѣ баранины.

Карымскій или кирпичный чай въ весьма большомъ употребленіи между Бурятами, и съ давняго времени. Его пьютъ во всякое время и готовятъ такимъ образомъ: отрѣзавъ кусокъ кирпичнаго чаю, кладутъ его въ котель, тотъ же самый, въ которомъ варится баранина; въ котель наливаютъ воды и кипятятъ, а во время кипяченья подкладываютъ сметаны, масла и молока; если кладутъ масло или сметану, то въ такомъ случаѣ подбавляютъ соли.

Буряты ѣдятъ также лепешки. Просѣянную ржаную муку мѣсятъ на холодной водѣ и дѣлаютъ довольно тонкія лепешки, которыя пекутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ горѣлъ огонь подъ котломъ.

Родовой бытъ Бурятъ служитъ главнымъ основаніемъ ихъ правительственныхъ учреждений.

До 1822 года, т. е. до изданія особаго устава для управленія сибирскими инородцами, Буряты управлялись родовыми конторами, которыя составлялись изъ шуленговъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго тайши. Всѣ дѣла тяжбыя и уголовныя, исключая важнѣйшихъ, рѣшались по древнимъ обычаямъ.

На основаніи устава 1822 года всѣ сибирскіе инородцы раздѣлены на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ. Буряты отнесены ко второму разряду. Управленіе ихъ раздѣлено на частное — по каждому стойбищу, улусу или роду, и общее по стойбищамъ, улусамъ и наслѣгамъ, волостямъ и родамъ соединеннымъ. Част-

ное управленіе составляетъ староста и одинъ или два его помощника; эта степень управленія называется *родовымъ управленіемъ*. Общее управленіе составляютъ: голова (подъ именемъ тайши), два выборные и письмоводитель, — эта степень управленія именуется *инородною управою*. Сверхъ того для многихъ родовъ, соединенныхъ въ общую зависимость, учреждены *степенныя думы*. Степную думу составляютъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго родоначальника (тайши и т. п.), избранные засѣдатели (тайши, зайсань, шуленги и проч.), число которыхъ зависитъ отъ принятаго обычая, или отъ надобности, родовичами признаваемой, и инородныхъ управъ головы, которые по своему званію суть члены степной думы.

Буряты, какъ и всѣ кочевые инородцы, судятся въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ и по общимъ государственнымъ постановленіямъ, только въ возмущеніи, намѣренномъ убійствѣ, грабежѣ и насиліи, а также дѣлаціи фальшивой монеты и вообще въ похищеніи казеннаго и общественнаго имущества. Во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, не исключая и кражи, — по собственнымъ ихъ степнымъ законамъ и обычаямъ. Въ порядкѣ судопроизводства по дѣламъ изъятымъ отъ дѣйствія общихъ законовъ, первую степень словесной расправы или родового суда у кочевыхъ инородцевъ, къ которымъ, какъ сказано выше, принадлежатъ Буряты, составляетъ родовое управленіе, вторую степень инородная управа, а третью мѣстная земская полиція. По неудовольствію на разбирательство земской полиціи инородцы должны уже обращаться съ письменною жалобою въ земскій судъ.

Степная дума заимствуетъ свое названіе отъ степи, на которой живутъ роды, или отъ горъ, или отъ извѣстной мѣстности; напримѣръ Хоринская, Селегинская, Баргузинская, Верхоленская, Балаганская и проч. Предсѣдатель думы есть тайша, члены — шуленги. Званіе тайши переходитъ иногда по наследству, но чаще всего въ тайши избираетъ вся совокупность родовъ изъ извѣстныхъ семействъ. Достоинство, богатство и аристократизмъ нѣкоторыхъ семействъ производятъ то, что извѣстная фамилія всѣми средствами старается удержать за собою это право, и потому нерѣдко случается, что малолѣтній сынъ или другой родственникъ умершаго тайши вступаетъ какъ-бы безспорно въ его права. Но честолюбіе не дремлетъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ званіемъ соединяется настоящее господство власти и всѣ матеріальныя

выгоды и расчеты. Поэтому въ случаѣ переменъ лица, начинаются споры о правахъ на званіе тайши. Честолюбецъ умекаетъ свой родъ или нѣсколько другихъ, недовольныхъ начальствовавшей фамиліей; они дѣлаютъ новый выборъ, употребляютъ нерѣдко всѣ усилія, чтобы отвергнуть избраніе перваго, и такимъ образомъ начинается безконечная, раззорительная тяжба о правѣ на званіе тайши, и хотя правительство постоянно старается утвердить перваго, но послѣдніе всегда находятъ бездну поводовъ, чтобы обременять его своими жалобами. Разумѣется, это честолюбіе дорого обходится родамъ — и нерѣдко изъ богатыхъ инородцевъ они дѣлаются нищими.

Вторую степень власти въ степной думѣ составляютъ шуленги. Они также избираются или изъ однихъ и тѣхъ же фамилій, наследственно, или изъ другихъ постороннихъ.

Степную думу можно разсматривать какъ высшую власть въ предѣлахъ инородческихъ обычаевъ. Ей принадлежитъ народосчисленіе, раскладка сборовъ, правильный учетъ всѣхъ суммъ и общественнаго имущества, распространеніе земледѣлія и инородной промышленности, а равно ходатайства у высшаго начальства о пользахъ родовичей.

Предсѣдатель инородной управы есть голова, члены — засѣдатели; это нѣчто въ родѣ волостнаго правленія въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ. Черезъ эту управу степная дума дѣйствуетъ по управленію родовъ.

Что касается до личности тайши, шуленговъ, головъ и засѣдателей, то въ сущности они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ Бурятъ: та же нечистоплотность, то же невѣжество. Но какъ богатство во всякомъ случаѣ лучше нищеты, то аристократія административная отличается отъ плебейства подчиненнаго лучшимъ платьемъ того же самага покроя. Жены тайшей иногда встрѣчаются въ золотыхъ повязкахъ, въ длинныхъ платьяхъ, обложенныхъ позументами, или парчевыхъ, обвѣшанныхъ ожерельями изъ толстыхъ моржановъ или серебряныхъ монетъ. Мужчины носятъ плисовые, а самые богатые парчевые халаты съ серебряными или золотыми драконами, вывозимыми изъ Китая. Въ домашнемъ быту, если эта аристократія и не отличается чистоплотностію и удобствомъ помѣщенія, то у нея можно найти самоваръ, пшеничный хлѣбъ, отличную настойку и даже шампанское.

Буряты принадлежатъ къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: христіанскому, шаманскому и ламайскому.

Христіанская вѣра есть самая новѣйшая между Бурятами, по времени ея появленія между инородцами. Тѣмъ не менѣе число послѣдователей евангельскаго ученія каждагодно все болѣе и болѣе увеличивается. Бурятъ мужскаго и женскаго пола просвѣщено святымъ крещеніемъ съ 1840 по 1844 г. 1295 человекъ, съ 1844 по 1850 г. 1727 душъ, и въ 1851 году 780. Всѣхъ Бурятъ, исповѣдающихъ христіанскую религію, числилось въ 1851 году 9,225 человекъ. Замѣчательно, что изъ принимающихъ крещеніе Бурятъ, гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ; между исповѣдующими христіанскую православную вѣру находится много знатныхъ Бурятъ. Въ крестные отцы Братскіе стараются выбирать богатыхъ и знатныхъ особъ, отъ которыхъ, по коренному своему обычаю, любятъ получать подарки.

Какъ на доказательство уваженія къ святымъ обратившихся въ православіе Бурятъ, можно указать на вклады и пожертвованія, дѣлаемые ими въ пользу церквей.

Шаманство было древнѣйшею религіею Бурятъ, и господствовало до половины прошлаго столѣтія. Получивъ начало свое въ древнія времена, шаманское исповѣданіе есть общее всѣмъ народамъ, живущимъ на сѣверѣ и востокѣ Азіи, слѣдовательно не только Бурятамъ, но и Тунгусамъ и прочимъ инородцамъ. Оно основано на изустныхъ преданіяхъ, и заключается въ поклоненіи онгонамъ — духамъ, имѣющимъ владычество надъ стихіями, горами, долинами, рѣками и лѣсами. Въ слѣдствіе этого у шаманитовъ образовались онгоны, или святилища по всему протяженію разрозненныхъ ихъ жилищъ. Цѣлебные источники, скалы или непроходимыя мѣста служатъ для нихъ предметами почитанія и благоговѣнія. Въ числѣ такихъ святилищъ немаловажное мѣсто занимаетъ по ихъ вѣрованіямъ и шаманскій камень. Тѣ изъ Бурятъ, которые держатся шаманства, не сомнѣваются въ преданіи, что на шаманскомъ камнѣ, находящемся въ устьѣ рѣки Ангары, при истокѣ ея изъ Байкала, возсѣдаетъ онгонь. — Истинное ученіе шаманства состоитъ въ поклоненіи Богу и душамъ тѣхъ людей, которые ознаменовали жизнь свою добродѣтелями, мужествомъ и другими заслугами. Поэтому воздаяніе за дѣла входитъ въ кругъ преданій послѣдователей этого исповѣданія, равно какъ и будущая жизнь, которую впрочемъ они предста-

вляють себѣ бѣдною и печальною. Шаманы — жрецы, при совершеніи обрядовъ своей религіи, призываютъ души людей добродѣтельныхъ подъ общимъ названіемъ онгоновъ. Обряды эти случайны и зависятъ отъ произвола прихожанъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ совершаются ежегодно. Такъ въ концѣ мая или іюня, когда отъ подножнаго корма поправляется скотъ, Буряты шаманскаго толка собираются праздновать возрожденіе природы. На такія празднества обыкновенно собираются жители окрестныхъ мѣстъ верстъ за 30, принося съ собою молочное вино и съѣстные припасы. Подобные обряды совершаются въ конусообразныхъ палаткахъ, или шатрахъ, строящихся на вершинахъ горъ или холмовъ и сдѣланныхъ изъ тонкаго лѣса, втыкаемаго въ землю, особенно березоваго. Эти шатры называются *обонами*. При отправленіи означенныхъ обрядовъ, шаманскіе жрецы славословятъ онгоновъ и молятъ ихъ даровать обиліе травъ и плодородіе скота. Случается иногда, что при обонахъ совершаются жертвоприношенія.

Къ числу онгоновъ Буряты шаманскаго исповѣданія относятъ Николая Чудотворца, которому они поклоняются и приносятъ жертвы.

Замѣчательно, что обоны, какъ равно и обрядъ жертвоприношеній при открытіи весны, принадлежацій собственно шаманству, такъ глубоко укоренены между Бурятами, что и ламайская религія не только ихъ не уничтожила, но напротивъ приняла какъ догматъ. Такимъ образомъ и у ламантовъ обрядъ этотъ совершается во всей своей силѣ, но только при молитвахъ присутствуетъ не шаманъ, а сонмище ламъ. Впрочемъ не одинъ только этотъ обрядъ заимствованъ у шаманства Бурятами ламайскаго вѣры, которые наравнѣ съ первыми почитаютъ онгоновъ и отдѣляютъ часть пищи и платья въ пользу этихъ послѣднихъ, при всякомъ случаѣ, и бросаютъ на воздухъ, хотя этого ламайскаго вѣра, повидимому, и не требуетъ.

Число послѣдователей шаманства, уменьшаясь мало-по-малу, особенно въ послѣднее время, сдѣлалось очень ограниченнымъ. Правда, Буряты вообще и до сихъ поръ любятъ обращаться къ шаманамъ, имѣющимъ, по ихъ мнѣнію, общеніе съ духами, за предсказаніями, до чего, какъ извѣстно, люди тѣмъ менѣе образованы, тѣмъ болѣе имѣютъ охоты, — но шаманство отживаетъ уже свой вѣкъ, и представляетъ слабую тѣнь прежняго ученія въ Сибири.

Ламайская или *шигэмоніанская* вѣра, получившая свое названіе отъ *Шикэмуни* — верховнаго духа, управляющаго вселенною, называется также *шератскимъ закономъ* и основывается не на преданіяхъ, какъ *шаманство*, а на писаніяхъ, и при томъ имѣетъ догматы и богослуженіе. Будучи отраслью буддизма, это таинственное и систематическое ученіе о періодическомъ возрожденіи міровъ и непрестанномъ перерожденіи одушевленныхъ тварей, ведетъ начало свое изъ Индіи, откуда оно распространилось по Тибету и потомъ китайской Монголіи. Къ Бурятамъ принесено это исповѣданіе тѣми Монголами, которые вошли въ составъ Селенгинскаго племени, по силѣ трактата состоявшагося въ 1689 году. Въ послѣдствіи времени ламайское исповѣданіе перешло и къ другимъ племенамъ.

Представители ламаиства суть *ламы* — общее названіе духовенства, имѣющаго около 30 степеней. Въ отношеніи къ должностному служенію, ламайское духовенство дѣлится на разряды. Всѣ *ламы*, начиная отъ *хамбо-ламы*, главы бурято-ламайскаго духовенства, и *ширета*, соответствующаго нашему кафедральному протоіерею, до *ламскихъ помощниковъ*, наблюдающихъ надъ обучающимися грамотѣ и закону, имѣютъ свои обязанности.

Начало самостоятельности ламаизма въ Забайкальскомъ краѣ относится къ 1764 году. Въ это время *ширетъ Зяевъ*, для прекращенія, какъ надо полагать, зависимости забайкальскихъ ламъ отъ монгольскаго *кутухты*, у котораго они доселѣ посвящались, возведенъ былъ въ званіе *хамбы*. Съ тѣхъ поръ число ламъ начало возрастать, и особенно увеличилось когда *Агалдай*, второй изъ ламъ по старшинству, отказался отъ зависимости *Зяеву* и сдѣлался главою раскола въ ламской іерархіи. Противныя стороны, для поддержанія своего авторитета, имѣли нужду въ головахъ.

Между тѣмъ сами Буряты, отчасти по ревности къ исповѣдуемой ими вѣрѣ, отчасти изъ-за выгодъ, съ которыми сопряжено ламское званіе, весьма охотно отдавали дѣтей своихъ въ *обаши*, — что означаетъ предназначеннаго въ духовное званіе ламайскаго исповѣданія. Нужно замѣтить, что званіе *обаши* могутъ принимать міряне обоюго пола, даже находясь въ бракѣ, если въ слѣдствіе болѣзни или набожности даютъ такой обѣтъ. Женщины и дѣвцы называются въ такомъ случаѣ *обасанцами*. Обаши и обасанцы обязаны соблюдать 5 *цраванъ*, кающихся на себя постъ

и чтеніе *ма-ни*; первый изъ нихъ заключается въ воздержаніи отъ мяса въ 8-й, 15-й и 30-й день каждаго мѣсяца, а *ма-ни* есть молитва: *омъ-ма ни-бадъ-мэхунъ* (Господи помилуй). Важнѣйшая выгода ламскаго званія заключается въ томъ, что инородцы, отправляя повинности цѣлыми родами, оставляютъ свое духовенство безъ участія въ этомъ дѣлѣ деньгами. Въ послѣднее время число ламъ до того увеличилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ больше, чѣмъ самыхъ прихожанъ. Это, конечно, могло содѣйствовать быстрому распространенію ламизма между Бурятами.

На основаніи догматовъ своего ученія, ламы обязаны вести жизнь дѣвственную, и имѣть жительство при кумирняхъ — храмахъ, гдѣ совершается идолослуженіе, или дацанахъ — монастыряхъ; но постановленія эти не исполняются, и ламы живутъ по улусамъ, гдѣ имѣютъ свое хозяйство.

Кумирни строятся въ центрѣ нѣсколькихъ улусовъ, на разстояніи отъ нихъ до 2—3 верстъ. Онѣ различаются по обтѣму и по украшеніямъ, что зависитъ оттого, кѣмъ преимущественно отправляется въ кумирнѣ идолослуженіе. Кумирня, гдѣ совершаетъ обряды хамбо-лама, гораздо больше той, въ которой служитъ простой лама. По наружности кумирня, имѣя немного болѣе двухъ сажентъ вышины, не отличается отъ большой юрты, построенной изъ бревенъ; разница въ томъ только, что на верху кумирни имѣется родъ калаачи съ довольно длиннымъ шестомъ, на верхнемъ концѣ котораго устроены бѣлый флюгеръ, сдѣланный въ видѣ шестерни, приводимой въ движеніе дуновеніемъ вѣтра; на флюгерѣ этомъ черными буквами написано извѣстное изрѣченіе буддійской религіи: *Омъ-ма-ни-бадъ-мэхунъ*, что значитъ по русски: Господи помилуй. По угламъ кумиренной кровли находятся еще нѣсколько шестиковъ, на которыхъ также развѣваются небольшіе флюгера съ тою же надписью. Такое устройство флюгеровъ основано на извѣстномъ, распространенномъ на востокѣ, вѣрованіи буддистовъ, что человѣкъ тѣмъ болѣе имѣетъ заслугъ предъ Богомъ, чѣмъ болѣе разъ онъ произнесетъ сказанное священное изрѣченіе; но такъ какъ самъ человѣкъ не можетъ каждую минуту произносить эту молитву, то онъ и строитъ флюгера, которые отъ вѣтра вертятся каждую минуту и такимъ образомъ безпрестанно произносятъ сказанную молитву (\*).

(\*) Такіе же флюгера устраиваются на юртахъ ламъ и встрѣчаются на юртахъ простыхъ Бурятъ ламайскаго толка, какъ сказано выше.

Кумирня имѣеть большое крыльцо въ нѣсколько ступеней и широкую платформу, сдѣланную изъ дерева; входъ въ кумирню довольно пространнѣй, съ створчатыми дверями.

Кумирня, гдѣ обыкновенно отправляютъ идоло луженіе простые ламы, четырехугольная и имѣеть до 16 квадратныхъ сажень; впрочемъ это зависитъ отъ числа и богатства прихожанъ. Двери устраиваются съ южной стороны; при самомъ входѣ, на полу кумирни начинаются возвышенія по обѣимъ сторонамъ прохода, пространствомъ около 2 аршинъ; возвышенія эти находятся на поларшина отъ пола и покрываются войлоками; во время идолослуженія на нихъ сидятъ, лицомъ къ проходу, приготовляющіеся въ ламы молодые Буряты, и держа въ рукахъ священныя книги, читаютъ ихъ вслухъ, а сами покачиваются; люди эти сидятъ поджавъ подъ себя ноги, и одѣты въ рубашки и кафтаны краснаго цвѣта. Позади возвышеній, около стѣнъ, имѣется пространство тоже около 2 аршинъ; здѣсь сидятъ прихожане мужскаго пола и также покачиваются, имѣя лицо обращенное къ бурханамъ—богамъ, нарисованнымъ на 2 ящикахъ краснаго цвѣта, въ формѣ комодовъ. Бурханы находятся у стѣны противоположной входу, и изображены сидящими на поджатыхъ подъ себя ногахъ въ бурятскихъ костюмахъ.—на красномъ полу, въ желтыхъ, зеленыхъ и синихъ кафтанахъ и въ шапочкахъ. На этихъ ящикахъ сидятъ неподвижно, также съ поджатыми подъ себя ногами, двое ламъ высшаго разряда, похожіе болѣе на истукановъ, чѣмъ на людей; эти послѣдніе ламы имѣютъ въ рукахъ по книгѣ, которыя они читаютъ молча. Вокругъ ламъ, сидящихъ на красныхъ ящикахъ, поставлены чашечки, вышиною съ вершокъ, сдѣланныя изъ желтой мѣди; эти чашечки наполнены зернами: въ одной пшеница, въ другой рожь, въ третьей ячмень, въ четвертой вода; по обѣимъ сторонамъ ящиковъ находятся два небольшіе ящика съ пескомъ, въ который втыкается отъ 10 до 15 благовонныхъ китайскихъ свѣчъ кирпичнаго цвѣта, въ родѣ нашихъ пяти-копѣечныхъ; свѣчи эти во время отправленія обрядовъ зажигаются. Потолокъ кумирни украшенъ кусками шелковыхъ и бумажныхъ матерій разныхъ цвѣтовъ, которыя прибиты гвоздями къ потолку по угламъ, но слабо, такъ что средина виситъ; къ среднѣмъ матеріи по угламъ пришиты куски разныхъ лоскутовъ, концы которыхъ висятъ довольно низко, достигая до головъ приготовляющихся въ ламы; надъ проходомъ такихъ кусковъ нѣтъ, а

наць головами ламъ, сидящихъ на ящикахъ, висятъ матеріи желтаго цвѣта и съ прибитыми къ нимъ кусками матерій не очень низко.

Въ то время какъ всѣ находящіеся въ церкви сидятъ, каждый занимаясь своимъ дѣломъ, одинъ Бурятъ въ кафтанѣ краснаго цвѣта, съ кускомъ красной матеріи (въ 3 четверти аршина, а длина достаетъ до полу) черезъ плечо, ходитъ съ довольно толстою бамбуковой палкой аршина въ 2 по кумирнѣ, или стоитъ. По объясненіямъ ламъ это большой дьяконъ, обязанный смотрѣть, чтобы Буряты приготовляющіеся въ ламы усердно и правильно читали. Всѣ находящіеся въ кумирнѣ, не исключая и ламъ, имѣютъ голову непокрытую. На платформѣ у входа въ кумирню стоятъ женщины и молятся, падая ницъ, какъ и самъ служащій лама, который читаетъ на платформѣ вслухъ, но безъ книги въ рукахъ; у этого ламы сверхъ краснаго кафтана наброшенъ на оба плеча, подобно мантии, кусокъ матеріи краснаго цвѣта, нижній конецъ котораго достаетъ до полу. Во время чтенія лама, сложивъ обѣ руки, прикладываетъ ихъ ко лбу и такимъ образомъ кланяется въ землю; это дѣлается при началѣ идолослуженія, а послѣ этого лама снимаетъ мантию и садится вмѣстѣ съ приготовляющимися въ ламы въ рядъ, на первомъ мѣстѣ. Среди идолослуженія ламы, сидяціе на ящикахъ, гдѣ горятъ свѣчи, звонятъ въ колокольчики, находящіеся по правую сторону каждаго изъ нихъ, а кандидаты въ ламы въ то же время бьютъ въ бубны и трубятъ въ рога и раковины; музыка эта чрезвычайно непріятна для непривычнаго уха.

Одно русское семейство, жившее долго въ Иркутскѣ, приглашено было присутствовать при идолослуженіи въ дацанѣ на Гусиномъ озерѣ — мѣстопребываніи хамбо-ламы. Оно дѣйствительно отправилось, но когда стало подъѣзжать къ кумирнѣ, то лошади, испуганныя дикими тонами и оглушительными звуками идолослужебнаго инструментальнаго хора, понесли. Можно представить какъ была звучна эта музыка, когда это случилось не доѣзжая до кумирни около версты. Музыка эта возвышалась *crescendo*. Когда наконецъ семейство это вошло въ кумирню, то все было тихо; но вдругъ ширеть затянулъ тибетскія слова и сталъ больше и больше, сильнѣе и сильнѣе возвышать свой голосъ; ему вторили всѣ ламы, постепенно одушевляясь и тоже возвышая голосъ; съ ними мало по малу слылись бубны, тарелки, желѣзные уголь-

ники и прочіе инструменты, наконецъ трубы — и все это, возрастая до самыхъ высокихъ нотъ, самыхъ оглушительныхъ, было дѣйствительно эффектно. Самъ хамбо-лама не участвовалъ въ идо-лослуженіи; кресла его, на подобіе архіерейскихъ, оставались незанятыми и стояли между ящиками и креслами ширетовъ, въ самой верхней части кумирни.

По отдаленности кумирень отъ приходовъ строятся *бухманы*, часовни въ полѣ, гдѣ и совершается ламами идо-лослуженіе.

Различіе шаманской и ламайской вѣры больше всего можно видѣть изъ судебныхъ присягъ, по которымъ Буряты того или другаго вѣроисповѣданія призываются къ свидѣтельству или оправданію себя отъ обвиненія.

При этомъ нужно замѣтить, что у Буряты сѣверныхъ, исповѣдующихъ шаманскую вѣру, обряды присяги бываютъ различныя. Въ дѣлахъ маловажныхъ или семейныхъ они клянутся предъ домашними бурханами, просто призывая этихъ боговъ, или духовъ во свидѣтели своего показанія, и предавая себя гнѣву и карѣ ихъ, если поклянутся ложно. По дѣламъ слѣдственнымъ клятва происходитъ предъ заряженнымъ ружьемъ или обнаженною саблею, и по окончаніи клятвы цѣлуется у ружья дуло, а у сабли лезвее. Буряты твердо убѣждены въ томъ, что въ случаѣ лживой присяги ружье должно выстрѣлить и убить клятвoprеступника, или, въ послѣдствіи времени, онъ непременно погибнетъ отъ подобныхъ орудій, какъ призваннаго въ поручительство. Въ дѣлахъ тяжбныхъ Буряты клянутся при обонахъ, въ присутствіи шамановъ, которые въ то время призываютъ духовъ, хранителей страны, чтобы удостоили присутствіемъ присягу и лишили счастья и плодородія того, кто лживо поклянется. Въ важныхъ случаяхъ приводятъ къ присягѣ у такъ называемаго *шаманскаго камня*, который находится по срединѣ р. Ангары, при истокѣ ея изъ Байкала, и возвышается надъ поверхностію воды около двухъ аршинъ. Быстрое теченіе рѣки, льющейся изъ Байкала, и шумъ, съ которымъ воды ея разбиваются о камень въ мелкія брызги и кипятъ вокругъ клубящимися волнами, могутъ вселить ужасъ во всякомъ, кто приближается къ этому опасному мѣсту. Но Буряты, послѣдователи шаманства, считаютъ это мѣсто ужаснѣйшимъ въ свѣтѣ, не столько по видимой опасности его положенія, сколько по несомнѣнной вѣрѣ въ древнее преданіе, что на томъ камнѣ имѣетъ престолъ свой и возсѣдаетъ онгонъ Эмникъ

Цаганъ Ноюнгъ — неукротимый, суровый бѣлый князь духовъ. Къ этому-то страшному и опасному мѣсту подвозятъ обвиняемаго въ небольшой лодкѣ, и обративъ его лицомъ къ Байкалу, обширное пространство и величiе котораго умножаютъ ужасъ, — заставляютъ присягать и говорить: да *неукротимый Эмникъ Оюнгъ Цаганъ терзаетъ его, низвергнетъ въ бездну и утопитъ*. Рѣдкіе покушаются на такую, по убѣжденію ихъ, опасную присягу; большая часть рѣшаются скорѣе понести клевету и напрасное наказаніе.

Мы имѣемъ подъ рукою копiи съ бурятскихъ присягъ шаманскаго и ламайскаго исповѣданiй, которыя и приводимъ здѣсь слово въ слово въ переводѣ, удостовѣренномъ подписью переводчика.

*Очищительная присяга шаманской вѣры.*

Творецъ неба и земли! обманывать тебя есть великій грѣхъ. Ты святъ, ты, Богъ мой, присутствуешь внутри этого мѣста, куда никто изъ смертныхъ не долженъ приходить безъ благоговѣнiя. Это ужаснѣйшее мѣсто, здѣсь мы и поклонимся. Ты, Боже мой, видишь виновнаго! И если я виноватъ предъ тобою, то ты, Боже мой, убей меня. Если же сей человекъ виноватъ предъ тобою, Творецъ небесный, то ты его и убей.

*Свидѣтельская присяга шаманской вѣры.*

Подумай предъ Всевышнимъ Богомъ о законѣ Царя своего и говори правду. Вспомни о благосостоянiи своемъ, какъ-то: о дѣтяхъ своихъ, о скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, которое ты производилъ. Если ты скажешь правду, то Богъ сохранитъ тебя и душа твоя переселится въ царствіе Божіе, гдѣ будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Если же скажешь неправду, то будетъ тебѣ ужаснѣйшій грѣхъ, и ты впадешь въ адъ сатаны, гдѣ ты будешь терзаемъ многоразличными бѣдствіями. И такъ бойся этихъ ужаснѣйшихъ мученiй ада и удаляйся этого страшнаго мѣста, дабы ты не лишился вѣчнаго блаженства! Пожалѣй наконецъ о настоящей своей жизни, равно и о душѣ своей, и не лги между двумя этими свидѣтелями (человѣками), ни для подарковъ и родства и ни для чего другаго, но что видѣлъ и слышалъ — говори истинно и справедливо.

*Клятвенное обѣщаніе ламайскаго вѣроисповѣданiя.*

Я нижепоименованный съ благоговѣнiемъ клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ его святою книгою въ томъ, что если я

ложно буду захищати такого чловѣка, котрый говорить несправедливо, и въ такой несправедливості, если я буду захищати и свидѣтельствовать ложно, то даю сію клятву, если не случилось со мною въ настоящей — то отъ вѣчной злой тройкой судьбы да совершится въ будущей жизни:

1) Во время перерожденія моего въ царствѣ ада, пусть я буду сожженъ! Пусть буду сваренъ и буду находиться въ самомъ жаркомъ мѣстѣ. Сердце мое пусть будетъ съѣдено! Пусть я буду разрѣзанъ, испиленъ, искрошенъ и пусть буду смолоть на мелкія части! Пусть я буду перерожденъ въ царствѣ сихъ осьми злойныхъ (горячихъ) адовъ! Потомъ пусть я буду перерожденъ въ царствѣ осьми холодныхъ адовъ, и буду находиться въ самомъ холодномъ мѣстѣ, гдѣ я буду ощущати холодъ, буду мерзнуть, озноблюсь, оцѣпенѣю! Все тѣло мое пусть опухнетъ! Пусть я замерзну и погибну (околѣю) до смерти! — Тѣло мое пусть раздѣлится на сто частей, — и пусть я буду претерпѣвати мученія 18 адовъ!

2) Во время перерожденія моего въ голодномъ царствѣ Баритовъ (чудовищъ преисподней) ротъ мой пусть будетъ — какъ ухо иглы, горло — какъ волосъ, чрево мое — какъ озеро, ноги мои пусть будутъ — какъ трава; если устами моими будетъ принимаема пища, хотя съ одву каплю, то она пусть разольется во мнѣ, какъ горячій чугунъ! Каковыя мученія глада и жажды, я по необходимости да буду претерпѣвати!

3) Если я переселюсь въ царство животныхъ и сдѣлаюсь скотомъ, дикимъ звѣремъ, птицею, уткою, рыбою, червякомъ и муравьемъ, то пусть я буду обремененъ тяжестію, пусть на мнѣ вѣзятъ, пусть меня бьютъ и маютъ и налагаютъ на меня цѣпи! Пусть сдираютъ съ меня кожу! Пусть обрѣжутъ, и буду я убитъ! Пусть я на утесѣ буду застрѣленъ изъ лука! Войду въ яму (пропасть) и погибну! Войду въ неводъ — и погибну! Встрѣчусь съ острымъ оружіемъ — и пусть я буду убитъ! Пусть я буду сожженъ, какъ камень, бывший въ огнѣ! Пусть я претерплю всѣ сіи мученія! Кратко сказать: сначала всей моей жизни до конца и вѣчно сіи мученія пусть я претерплю! И да не буду я чловѣкомъ! И пусть я подвергнусь мученіямъ злой тройкой судьбы, — и ся всіми мученіями пусть я буду терзасмъ вѣчно! Въ заключеніе же сей моей клятвы, съ благоговѣніемъ покланяюсь предъ божественною книгою.

Разница въ характерѣ присягъ зависитъ отъ характера началъ, лежащихъ въ вѣрѣ шаманитовъ и ламайтовъ. У первыхъ нѣтъ никакихъ видимыхъ органовъ религіозныхъ; нѣтъ ни дацановъ, ни ламъ, а есть только одни религіозныя преданія, священныя мѣста и извѣстные предметы, ими боготворимые. Этого элементъ выражается въ первыхъ двухъ присягахъ, произносимыхъ предъ гражданскимъ судилищемъ. Для этого оно должно выѣзжать въ извѣстныя, освященныя преданіемъ мѣста или быть у святыхъ предметовъ, каковы: цѣлебные источники, какія нибудь роши, камни, наприм. шаманскій. Чѣмъ болѣе соединяется съ извѣстнымъ мѣстомъ или предметомъ религіознаго почтенія и страха, тѣмъ присяга дѣйствительнѣе. Но къ сожалѣнію должно сказать, что и у Бурятъ весьма замѣтна порча нравовъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые ближе живутъ къ Иркутску. Это подтверждаютъ выѣзды земскаго суда на шаманскій камень, не приносящіе правосудію видимой пользы.

Что касается до времени присяги въ процессѣ, то очистительная дается тогда, когда суду нѣтъ возможности рѣшить дѣло на основаніи другихъ совершенныхъ доказательствъ. А это въ процессахъ между Бурятами и Русскими бываетъ сплошь и рядомъ. Главная причина этому недостаточность свидѣтельской присяги. Гражданскія судилища смотрятъ на нее, какъ на необходимое утвержденіе показанія — и только. Нерѣдко они заставляютъ произносить ее въ присутствіи суда, тамъ, гдѣ производится слѣдствіе. Но какъ жидъ можетъ имѣть условную форму, при которой присяга для него считается ничтожною, наприм. присяга рекрута, когда произнося ее, онъ въ то же время думаетъ о ея нарушеніи, такъ и для Бурята ничего не значить произнести ее не на священномъ мѣстѣ. Оттого лжесвидѣтельства свидѣтелей — вещь самая обыкновенная, и всякій Буряť предъ гражданское судилище можетъ противъ 10 русскихъ достовѣрныхъ свидѣтелей выставить 20, 30, 40 и болѣе бурятскихъ свидѣтелей, которые по формѣ присяги будутъ столько же достовѣрны. А надо замѣтить, что Буряты очень дружны и крѣпко защищаютъ одни другихъ, оттого они и бывають всегда правы. И судъ, принимая такія показанія за юридически-достовѣрныя, по необходимости склоняетъ вѣсы правосудія на ихъ сторону.

Но случается иногда, и именно тогда, когда въ процессѣ принимаетъ участіе ловкая русская борода, иное. Она тре-

буеть, чтобы свидѣтели были спрошены на извѣстномъ, освященномъ мѣстѣ. Тутъ религіозное чувство беретъ перевѣсъ — и сонмъ свидѣтелей разсыпается предъ этою религіозной пыткой. Вотъ почему, въ важнѣйшихъ случаяхъ, очистительная присяга всегда произносится на священномъ мѣстѣ или у священнаго предмета. Здѣсь Бурятъ не смѣетъ солгать. Но какъ идея освященія извѣстныхъ мѣстъ въ преданіяхъ народныхъ, не укрѣпляемыхъ никакими видимыми религіозными обрядами, ослабляется, то поэтому самые суды по необходимости впадаютъ иногда въ анахронизмъ и тащатъ обвиняемаго къ такому мѣсту, наприм. шаманскому камню, которое въ глазахъ нѣкоторыхъ потеряло важную силу освященія.

Ламайская религія, въ основаніи которой лежитъ древнѣйшее начало переселенія душъ, есть религія обрядовая, имѣющая сонмы религіозныхъ органовъ — ламъ. — Поэтому здѣсь клятва носить на себѣ совсѣмъ другой характеръ. Онъ видѣнъ изъ представленной формы присяги. Это списокъ съ вѣрованій, приведенный въ формѣ русской присяги. Но, кажется, эти вѣрованія недоступны большинству. Главное явленіе вѣрованія въ переселеніе душъ, до сихъ поръ остающееся все еще сильнымъ въ Индіи, едва-ли не стоитъ въ противорѣчій съ дѣйствительнымъ бытомъ Бурятъ. Тогда какъ въ Индіи, въ слѣдствіе этого вѣрованія, по показанію очевидцевъ, боятся дотронуться до животнаго, опасаясь въ лицѣ его задушить отца, мать, дѣда или другаго родственника, — нашъ Бурятъ мало думаетъ объ этомъ и очень спокойно ѣстъ барана, корову, и только рѣдкіе, въ слѣдствіе этой религіозной боязни, позволяютъ себѣ кушать одну только мертвечину. Мало этого: ламайская религія въ своемъ развитіи такъ далеко шагнула впередъ, что одна изъ религіозныхъ догматовъ, относящихся къ ея сущности, состоитъ въ предписаніи уклоняться отъ ѣды мертвечины, и въ слѣдствіе того все общество дѣлится на чистыхъ и нечистыхъ, и принадлежащіе къ первымъ, послѣ извѣстнаго религіознаго обряда, украшаются перевязью, въ знакъ отршенія себя отъ всякой нечистоты, въ томъ числѣ и отъ пища изъ мертвыхъ тѣлъ. Стало быть, ламайская религія положительно признаетъ возможность употребленія живыхъ существъ. А это весьма важный фактъ, потому что онъ стоить въ прямомъ противорѣчій съ ученіемъ о переселеніи душъ.

Родство у Бурятъ не ограничивается связью лицъ и степеней

рожденія. Родъ (родственники) означаетъ у нихъ, какъ сказано выше, не отдѣльное семейство или поколѣніе, но цѣлое племя въ совокупности, происшедшее отъ одного колѣна или общаго родоначальника. Всѣ родовичи, принадлежащіе къ одному племени, въ числѣ которыхъ есть многолюдныя, имѣющія по нѣсколько тысячъ душъ, употребляютъ одно общее прозваніе; считаются между собою до неопредѣленнаго времени, всегда и всѣ, какъ мужескаго такъ и женскаго пола, роднею; не женятся на дѣвицахъ и вдовахъ своего племени, признавая это непростительнымъ кровосмѣшеніемъ, хотя бы то случилось отъ общаго родоначальника въ согомъ и далѣе колѣнѣ. Этотъ обычай соблюдается даже тѣми, которые приписываются къ постороннимъ племенамъ, обществамъ и вѣдомствамъ, и которые, хотя принимаютъ прозваніе послѣднихъ, однако не считаютъ себя въ родствѣ съ ними. Напротивъ того, родные братья одного племени могутъ жениться на родныхъ сестрахъ племени другаго происхожденія; два свата берутъ за своихъ сыновей въ замужество двухъ дочерей одинъ у другаго, на обмѣнъ, что называется дружитья; меньшій братъ умершаго вступаетъ въ бракъ съ его вдовою (старшій братъ не можетъ вступить въ бракъ со вдовою младшаго), а иногда насынокъ съ мачихою, и тестъ съ снохою, овдовѣвшими. Эти два послѣдніе случая должно приписать неограниченному праву калыма.

Инородцы засватываютъ невѣсть своимъ сыновьямъ, большею частію, съ младенчества, женятъ ихъ по совершеннолѣтіи невѣсть, а иногда мальчиковъ отъ 8 до 12 лѣтъ брачатъ съ 17 и 20 лѣтними дѣвицами, для вспоможенія въ хозяйствѣ свекровямъ. При начальномъ сговорѣ условливаются о количествѣ и родѣ скота, который со стороны жениха долженъ быть выданъ тестю, по древнему обычаю, на снабженіе его дочери платьемъ, посудою и юртою, съ принадлежностями. Такой скотъ называется Русскими калымомъ, а Бурятами — сговорнымъ скотомъ. Другой способъ пріобрѣтенія Бурятами невѣсть состоитъ въ прямой покупкѣ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ, по воспитаніи, выдаютъ за своихъ сыновей или постороннихъ, за условленный скотъ.

Быть можетъ, что первоначальная цѣль свадебнаго договора инородцевъ дѣйствительно относилась къ снаряженію невѣсты всѣмъ нужнымъ для хозяйства, иживеніемъ жениха. Однако, по

укоренившемся между ними мѣстою, по которому не присвоится женщинамъ право располагать собою, по корыстолюбію отцевъ и родственниковъ и по другимъ злоупотребительнымъ видамъ, этотъ обычай извращенъ и выдача за калымъ въ замужество въ настоящее время есть не что иное, какъ продажа дочерей и родственницъ. Отъ этого происходятъ разныя неудобства. Мальчики, вступившіе въ бракъ съ совершеннолѣтними дѣвками, возмужавъ, обходятся сурово съ устарѣвшими и между тѣмъ привыкшими къ вольности женами; послѣднія съ отчаяніемъ уходятъ отъ мужей и нерѣдко покушаются на жизнь. По смерти родовича, платившаго за сына или родственника въ теченіе многихъ лѣтъ сговорный скотъ по частямъ (что дѣлается и безъ свидѣтелей), нареченный тестъ запирается въ полученіи заатковъ, и пришедшій въ возрастъ женихъ начинаетъ искъ и остается безъ жены и безъ имущества. За помолвленную невѣсту надобно внести калымъ вдругъ или доплатить: недостаточный женихъ остается холостымъ или пускается въ воровство, только бы добыть сколько нужно ему для расплаты. Тяжбы относящіяся къ калымамъ, въ особенности по причинѣ сговоровъ между малолѣтними, служатъ у Бурятъ главнѣйшею причиною непорядковъ, смуть и междоусобій.

Неизлишне замѣтить еще насчетъ калыма, что богатые инородцы даютъ нерѣдко приданое, превосходящее цѣну сговорнаго скота; инородцы же средняго состоянія разсчитываютъ количество сговорнаго скота такъ, чтобы онъ былъ достаточенъ къ снаряженію дочери, выдаваемой замужъ, всѣмъ необходимымъ въ домашнемъ быту, не касаясь собственнаго своего имущества.

На бурятскихъ свадьбахъ подносится старшему гостю вареная домашней скотины голова, большою частію баранья, на подобіе курника, который, по древнему русскому обычаю, начинаетъ старшій гость за столомъ. Это составляетъ самое почтительное и торжественное угощеніе, которое употребляется и при посѣщеніяхъ знатныхъ чиновниковъ и духовныхъ. Тестъ при всѣхъ другихъ затѣмъ пріѣздахъ, подарившій зятю и дочери что нибудь значительное, какъ-то: живую скотину, полную шубу, кусокъ шерстяной матеріи или цѣлый кирпичъ чаю, можетъ требовать возврата своихъ подарковъ, за исключеніемъ малоцѣнныхъ вещей. По обычаю Бурятъ Тункинскаго, Илинскаго и Балаганскаго вѣдомствъ, если у хозяина на свадебномъ пиршествѣ сдѣлается пропажа, и по обыску не найдется, то незваные гости должны

платить за это, чтобы впрелд для пьянства и безъ дѣла незваные въ гости не ходили.

Годы дѣтей считаются сибирскими инородцами не со дня рожденія. Новый годъ начинается у нихъ обыкновенно съ послѣдняго новолунія предъ весеннимъ равноденствіемъ, а иногда, смотря по близости этого новолунія къ равноденствію (8 марта), и ранѣе одною луною. Когда младенецъ родится до этого новаго ихъ года, хотя и за одни сутки, то считаютъ ему отъ роду уже одинъ годъ, какъ въ минувшемъ году родившемуся; а по наступленіи дня новаго года, говорятъ, что онъ уже двухъ годовъ, хотя бы не прошло ему и одной недѣли послѣ рожденія.

Тѣ изъ Бурятъ, которые со введеніемъ земледѣлія, дѣлаются мало-по-малу осѣдлыми, усваиваютъ обычан и нравы нашихъ крестьянъ, отличаясь однакоже врожденною хитростію, пропырствомъ и скрытностію. Особенное трудолюбіе и хорошая нравственность замѣчаются въ Забайкальскихъ Бурятахъ. Вообще Буряты разсудительны и не лишены умственныхъ способностей. Доказательствомъ тому, что Буряты вообще способны къ образованію, служить Банзаровъ, сынъ одного тайши, бывший въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ. Покорность и кротость Бурятъ нѣкоторые объясняютъ распространеніемъ между ними буддійской религіи, и въ примѣръ противоположности приводятъ послѣдователей исламизма, обитающихъ за Кавказомъ; но объясненіе это едва-ли справедливо. Конечно ламизмъ имѣлъ вліяніе на своихъ послѣдователей, но онъ не могло быть значительно. Причины кротости и покорности Бурятъ скорѣе слѣдуетъ искать въ мѣстности занимаемой Бурятами и ихъ политической жизни, изъ которыхъ ни та, ни другая не сходствуютъ съ обстановкою Черкесовъ.

Что касается до грамотности, то она существуетъ преимущественно между Забайкальскими Бурятами, у которыхъ имѣются свои книги, переведенныя большею частію съ тибетскаго языка. При селенгинской и хоринской стенихъ думахъ существуютъ училища, гдѣ число учениковъ впрочемъ незначительно, и по трудности имѣть хорошихъ учителей ученіе идетъ не вполне удовлетворительно.

Умственному развитію этихъ Бурятъ много способствовали проживавшіе между ними англійскіе духовные миссіонеры. Хотя во время пребыванія своего въ Забайкальскомъ краѣ, болѣе 22

лѣтъ, они не достигли главной своей цѣли—распространенія христіанской вѣры, но многихъ инородцевъ научили лучшему чтенію и письму на монгольскомъ языкѣ, правильному черченію, переплету книгъ и другимъ полезнымъ искусствамъ.

Всѣхъ Бурятъ числится до 190,000 душъ обоего пола. Земли, ими занимаемыя, простираются, по приблизительному изчисленію, на 1000 квадратныхъ верстѣ.

Извѣстно, что стойбища или улусы бурятскіе окружены русскими деревнями, кои нерѣдко находятся среди самыхъ кочевьевъ. Это сосѣдство людей, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, мало-по-малу развивало въ Бурятахъ понятіе о земледѣліи. Поэтому и по приглашенію правительства съ 1807 года Буряты принялись за хлѣбопашество. Сбытъ хлѣба на продовольствіе Иркутскаго края и казенныя поставки еще болѣе развили въ народѣ охоту къ обработкѣ своихъ полей.

Въ настоящее время можно насчитать три или четыре племени, занимающіяся земледѣліемъ: это Идинскіе, Кудинскіе и Аларскіе Буряты, живущіе въ Иркутскомъ округѣ, и частію Хоринскіе, расположенные на р. Куль, въ Верхнеудинскомъ округѣ. Хотя хлѣбопашество этихъ племенъ и не составляетъ еще господствующаго промысла, но нельзя не отдать справедливости трудолюбію Бурятъ. Пшеница и рожь у нихъ лучшаго качества и добывается въ наибольшемъ количествѣ, сравнительно съ русскими селами или деревнями, въ одинаковой пропорціи къ населенію. Это мнѣніе большинства знающихъ туземное сельское хозяйство. Трудно сказать о причинѣ такой разности производимаго хлѣба Русскими и Бурятами, и едва-ли можно найти ее въ разности почвы и даже въ разности труда. Впрочемъ русское «авось» господствуетъ въ Сибири такъ же, какъ и въ Россіи, и хозяинъ, бросивъ сѣмя въ болѣе или менѣе хорошо распаханную землю, ожидаетъ послѣдствій сложа руки, какъ подобаетъ русскому мужичку. Поэтому случайныя явленія природы, которыя, къ счастью, въ Сибири рѣже разрушаютъ труды земледѣльца въ такой степени, какъ въ Европейской Россіи, оставляются на произволъ судьбы, и сибирскій крестьянинъ не предпринимаетъ ничего къ отвращенію зла.

Не такъ трудится Буряты: онъ не оставляетъ своихъ полей на произволъ разрушительныхъ силъ природы, а слѣдитъ за сѣменемъ и его появленіемъ. Поля Бурятъ всегда огорожены лучше и крѣпче русскихъ, и среди ихъ проведены ручьи, которые

содѣйствуютъ поддержанію влажности въ почвѣ, такъ что засуха здѣсь почти неизвѣстна. Плодородію бурятской почвы много содѣйствуетъ также обширное ихъ скотоводство, и притомъ поля этихъ инородцевъ не разбросаны по десяткамъ квадратныхъ верстъ, а сосредоточены на тѣхъ пространствахъ земли, которыя примыкаютъ къ жилищамъ, что очень похоже на русскіе огороды, но гораздо въ большемъ объемѣ, особенно у Бурятъ Верхнеудинскаго округа. Этими особенностями бурятскаго хозяйства можно объяснить хорошій урожай ихъ хлѣба и тайну сравнительно большаго добыванія его. Наши крестьяне привыкли оцѣнивать качество хозяйства числомъ засѣянныхъ десятинъ, и мало обращаютъ вниманія на то, что если одна десятина даетъ наприм. 30 четвертей зерна, то 6 десятинъ, давши по 5 четвертей, ни сколько не увеличатъ количества зерна, хотя на обработку ихъ потребуется въ 6 разъ больше труда и времени, чѣмъ на одну десятину. Поэтому-то и хлѣбопашество Бурятъ повидимому мало обращаетъ на себя вниманія, какъ незначительное въ отношеніи къ массѣ засѣваемыхъ десятинъ земли.

Само собою разумѣется, что при такомъ хорошемъ положеніи полей, и постоянномъ ихъ урожаѣ, Буряты не имѣютъ особенной надобности въ отборныхъ сѣменахъ, какъ Русскіе, для которыхъ тощее зерно неурожайнаго года обуславливаетъ нѣсколько будущихъ возрожденій и ослабляетъ самую растительную силу природы. Но какъ полное и доброкачественное зерно даетъ такой же плодъ, то натурально, что Буряты заботятся о хорошихъ сѣменахъ, что доказывается бурятскою мукою. Она, въ особенности пшеничная, предпочитается русской, какъ по своей бѣлизнѣ, такъ и необыкновенной тягучести тѣста. Охотники до пироговъ или булокъ предпочитаютъ бурятскую муку крушчатой, тѣмъ болѣе что относительная цѣна ихъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе: одна напримѣръ стоитъ 60 коп., а другая 2 р. 60 коп. за пудъ. Впрочемъ это не составляетъ безусловнаго правила: есть въ Сибири и русскія волости, пшеница которыхъ славится бѣлизною.

Поля бурятскія обрабатываются простыми земледѣльческими орудіями, посредствомъ лошадей. Въ хорошіе годы жатва бываетъ весьма обильная, такъ что яровой хлѣбъ родится самъ 30 и болѣе. Хотя бурятскія пашни, какъ сказано выше, менѣе подвержены случайностямъ, тѣмъ не менѣе ранніе морозы и кобылка, осо-

беннаго рода саранча, не посѣщаютъ Сибири безъ значительнаго вреда хлѣбопашеству инородцевъ. Впрочемъ, по 10 лѣтней сложности, средній урожай въ Сибири составляетъ озимаго самъ  $6\frac{1}{2}$ , а яроваго самъ 14.

Породы хлѣба, засѣваемаго Бурятами, суть: пшеница, рожь, озимая и яровая, ячмень, овесъ и изрѣдка греча. Посѣвы пшеницы, проса и озимой пшеницы имъ неизвѣстны. Горохъ сѣется весьма рѣдко. Изъ земледѣльческихъ орудій ими употребляются только простая соха и борона.

Свѣжесть, доброкачественность и обиліе бурятскихъ хлѣбовъ много зависятъ отъ искусственныхъ водопроводовъ. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ этихъ водопроводахъ. Чтобы понять простоту ихъ системы, должно имѣть въ виду, что бурятскія стоибища всегда болѣе или менѣе приближены къ горамъ и именно къ той ихъ части, гдѣ горы, расходясь, образуютъ пади. Въ этихъ падахъ почти всегда журчатъ ручьи, которые текутъ по наклонной плоскости до слѣдующей рѣчки. Такими-то ручьями и пользуются Буряты, развѣтвляя ихъ небольшими канавами по своимъ полямъ и лугамъ. И какъ напоръ воды постоянный, то вода, движущаяся сама собою, куда бы канава ни была ведена, течетъ по этой новой плоскости даже нѣсколько въ гору. Подобныя каналы могутъ сходиться, расходиться, принимать кругообразное, перпендикулярное и всякое другое направленіе, и все таки вода будетъ струиться по нимъ, орошать прилегающую землю и такимъ образомъ содѣйствовать ея плодородію. Ручей, какъ живая, неумолкающая и безпрестанно движущаяся сила, не въ состояніи испариться, а слѣдовательно и канавка съ водой высохнетъ. Если бы понадобилось уничтожить эти каналы, по причинѣ излишней влажности, то нужно только запрудить каналы и сосредоточить воду ручья въ одномъ руслѣ. Для хлѣбовъ это бываетъ иногда необходимо, а для травы — никогда.

При этомъ не излишне будетъ сказать объ одномъ странномъ явленіи, касающемся до хлѣбопашества Иркутской губерніи: въ то время какъ по сую сторону Байкала бываетъ обильный урожай, на той сторонѣ озера замѣчается неурожай и обратно.

Что касается до сбыта Бурятами хлѣба остающагося за мѣстнымъ потребленіемъ, то онъ, какъ и вообще сибирскій хлѣбъ, продается на мѣстѣ и на частныя золотыя прииски, въ Киргизскую степь и на линію казакамъ, или же поступаетъ въ казну

или наконецъ отправляется за границу. Отпускъ хлѣба въ Китай прѣломъ, весьма незначительный въ началѣ, съ 1835 года, когда воспослѣдовало дозволеніе производить мелочной торговѣ хлѣбомъ всѣмъ жителямъ Забайкальскаго края, началъ увеличиваться. Впрочемъ все это относится къ торговлѣ хлѣбомъ сибирскихъ жителей вообще, а не однихъ Бурятъ.

Луговое хозяйство Бурятъ можно раздѣлять на рѣчное и степное, натуральное и искусственное. Рѣчное, находящееся близъ рѣчекъ, озеръ, болотъ и т. п., ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго лугового хозяйства. Поемныхъ луговъ въ Сибири нѣтъ, по той естественной причинѣ, что ни большія, ни малыя рѣки въ началѣ весны не выступаютъ изъ береговъ, хотя нельзя сказать, чтобы онѣ были всегда тихи. Напротивъ онѣ нерѣдко разливаются опустошительными потоками, какъ рѣки, имѣющія свои вершины на большихъ возвышенностяхъ; но разливы эти всегда бываютъ въ слѣдствіе продолжительныхъ дождей въ началѣ лѣта, т. е. въ концѣ июня и началѣ июля, и потому луговое хозяйство отъ нихъ всегда терпитъ большое зло, ибо, разливаясь по прибрежнымъ лугамъ, они заваливаютъ ихъ иломъ или забрасываютъ пескомъ, отчего травы становятся негодными.

Степное луговое хозяйство, какъ достояніе однихъ Бурятъ, замѣчательно не столько обиліемъ травъ, сколько роскошью ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣтъ повидимому злака, который не издавалъ бы ароматическаго запаха. Трава кустиста, рѣдка, но чрезвычайно сочна и питательна. Относительный вѣсъ этой травы, взятой сравнительно съ луговой, можно положить какъ 1: 3, а къ такъ называемому дубравному сѣну, т. е. растущему между лѣсомъ, какъ 1: 4 и даже 1: 5.

Искусственнымъ луговымъ хозяйствомъ Бурятъ можно назвать луговое хозяйство подчиненное, какъ и хлѣбопашество, орошенію. Вообще орошеніе развито у Бурятъ въ высшей степени. Всякій улусъ лежитъ при рѣчкѣ или ручьѣ, и вода проведена чрезъ все пространство. Бурятское орошеніе напоминаетъ китайское и бухарское, гдѣ, какъ извѣстно, водопроводы занимаютъ огромныя протяженія и часто ведутъ въ гору, и потому можно полагать, что орошеніе перешло къ Бурятамъ изъ средней Азіи.

Буряты нерѣдко уваживаютъ свои луга. Такое добываніе травъ хорошо только относительно роста и массивности сѣна, но обыкновенно покупатели его обѣгаютъ, потому что, не смотря

на жиръ свой, оно отличается неприятнымъ запахомъ, и животное съ видимымъ неудовольствіемъ его потребляетъ.

Огородничество нисколько не развито у Бурятъ, по той весьма понятной причинѣ, что они, привыкнувъ съ малолѣтства къ баранинѣ, говядинѣ, сырой или вареной рыбѣ, не могутъ остановиться, повидимому, на мысли, что есть возможность удовлетворить питанію иною кромѣ животной пищи. Какъ бы то ни было, но у нихъ напрасно стали бы искать овощей, хоть наприм. луку, и это тѣмъ естественнѣе, что большая часть Бурятъ, въ слѣдствіе кочевой жизни, заставляющей бродить за стадами, удаляется отъ своихъ юртъ, что служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію огородничества. Притомъ женское населеніе въ теченіе лѣта занято добываньемъ молока и приготовленіемъ дарасуна и арака, составляющихъ ихъ главное попеченіе, съ перваго весенняго выпуска стада въ поле до появленія снѣга. Мужчины же заняты бываютъ въ это время своими полевыми работами, перенесеніемъ юртъ, праздниками, питьемъ дарасуна и арака, — слѣдовательно не имѣютъ времени заняться огородничествомъ, да и толку въ немъ не знаютъ.

Какъ народъ ведущій кочевую жизнь, Буряты предпочитаютъ лошадей всѣмъ другимъ породамъ домашнихъ животныхъ. Лошадь для нихъ есть необходимая принадлежность. Бурятъ шагу не сдѣлаетъ безъ коня, — это другъ его съ самой колыбели. Въ юрты трудно встрѣтить Бурята иначе, какъ на лошади: будетъ ли это тайша, шуленга, лама или простой мужикъ, мальчонка ли или старикъ, мужчина или женщина. Въ недавнее только время стала входить въ моду у бурятской аристократіи ѣзда въ тарантасахъ. Богатство Бурятъ измѣряется числомъ ихъ табуновъ, какъ богатство тамошнихъ невѣсть числомъ головъ скота, отданаго въ калымъ. Съ такимъ понятіемъ о лошади, Буряты однакоже нисколько не думаютъ объ улучшеніи породъ этихъ животныхъ. Самое сознаніе объ относительныхъ достоинствахъ существующей у нихъ породы лошадей едва-ли доступно ихъ разсудку. Впрочемъ если разсматривать этотъ вопросъ по отношенію къ потребностямъ Бурятъ, то едва-ли это можетъ имѣть важнѣйшій практическій смыслъ. Здѣсь не излишне будетъ замѣтить о свойствахъ бурятскихъ лошадей и способахъ ихъ содержанія. Вообще должно сказать, что Буряты мало заботятся о продовольствіи своихъ табуновъ: лошади ихъ съ давнихъ поръ привыкли довольствоваться однимъ подножнымъ кормомъ, какъ лѣтомъ, такъ и

зимою. Но такое отступленіе отъ европейскаго способа кормленія лошадей не должно удивлять насъ. По образу жизни Бурятъ, работы лошадей ихъ нисколько не обременительны для сихъ послѣднихъ. Всѣ тяжести, какъ то: хлѣбъ, лѣсъ и т. п. перевозятся у большей части Бурятъ на быкахъ, и лошадь кромѣ верховой ѣзды, ни на что не употребляется. Съ этой стороны она вполне удовлетворяетъ потребности Бурята, потому что отличается быстротою, пылкостью и терпѣніемъ, и притомъ не требуетъ для себя ни ухода, ни корма, какъ другія породы лошадей.

Не должно однакожь думать, что всѣ бурятскія племена имѣютъ одинаковую возможность заниматься разведеніемъ лошадиныхъ табуновъ. Не всѣ роды въ одной и той же степени пользуются удобствами пастбищъ. Область коневодства иркутскихъ Бурятъ несравненно меньше, чѣмъ верхнеудинскихъ, а сихъ послѣднихъ меньше, чѣмъ живущихъ по ту сторону Яблоннаго хребта. И это очень понятно. Приходя мало-по-малу, Русскіе стѣснили гораздо болѣе первыхъ, чѣмъ послѣднихъ; притомъ же духъ хозяйственной предпримчивости у Бурятъ живущихъ по сю сторону Байкала болѣе развитъ, и быкъ не всегда замѣняетъ лошадь; здѣсь лошадь исправляетъ, съ весьма рѣдкими исключеніями, всѣ хозяйственныя работы, какъ и у русскихъ крестьянъ. Хлѣбопашество здѣшнихъ Бурятъ вызвало для лошади свойственный ей трудъ, тогда какъ у забайкальскихъ ихъ собратовъ она до сихъ поръ существуетъ какъ бы для удовольствія, и цѣнность лошади опредѣляется не способностію ея къ работѣ и силою, а скоростью бѣга и удобствомъ ѣздить на ней верхомъ. Понятіе о цѣнности табуна, какъ оборотнаго капитала, принадлежитъ только тѣмъ Бурятамъ, которые близко примыкаютъ къ китайской границѣ, какъ напримѣръ селенгинскимъ Братскимъ въ Верхнеудинскомъ округѣ. Монголы нерѣдко нуждаются въ этихъ лошадяхъ и тогда онѣ промѣниваются имъ на кирпичный чай, дабу, шелковыя ткани и другіе товары.

Количество лошадей, разводимыхъ Бурятами, опредѣлить весьма трудно, тѣмъ болѣе, что они сами не считаютъ ихъ. По понятіямъ Братскихъ, если считать скотъ, то послѣдуетъ его гибель. Приблизительно можно сказать, что есть хозяева въ Верхнеудинскомъ округѣ, у которыхъ находятся десятки тысячъ лошадей, такъ что многія изъ нихъ во все время существованія своего не видали узды и не чувствовали сѣдла.

Безразличное понятіе болѣеи части Бурятъ о пользѣ лошади, отсутствіе хозяйственныхъ учреждений для ея кормленія подвергаетъ существованіе этихъ животныхъ совершенной случайности. Исключеніе изъ этого составляетъ содержаніе лошадей для почтовой гоньбы, когда Буряты по необходимости обязываются заготовлять на зиму достаточное количество для нихъ корма. Жестокія зимы или глубокіе снѣга, препятствующіе лошадямъ отыскивать кормъ подъ ногами, истребляютъ ихъ тысячами и случается, что богатѣйшій хозяинъ лишается почти всѣхъ своихъ табуновъ. Это впрочемъ относится преимущественно къ Бурятамъ Верхнеудинскаго округа.

Разведеніе Бурятами рогатаго скота заслуживаетъ особаго вниманія по своей многочисленности. Бытъ инородцевъ тѣсно связанъ съ размноженіемъ этого рода животныхъ. Быкъ, какъ выше замѣчено, исправляетъ у Бурятъ всѣ роды тяжелыхъ работъ. Въ самомъ юномъ возрастѣ, у теленка между ноздрями въ хрящѣ прокалывается дыра; въ нее продѣвается палочка или бечевка и это остается на всю жизнь. Тихій и покорный быкъ управляется этимъ орудіемъ и замѣняетъ Буряту лошадь. Корова важна для этихъ инородцевъ болѣе по количеству добываемаго отъ нея молока, изъ котораго приготовляются дарасунъ и аракъ. Буряты пьютъ ихъ съ утра до вечера, и отъ этого краснѣютъ и жирѣютъ. А какъ приготовленіе этихъ напитковъ, ежедневно подновляемыхъ, требуетъ большаго запаса молока, то для Бурятъ обладаніе значительнымъ числомъ коровъ составляетъ необходимость. Съ другой стороны Буряты, употребляють рогатый скотъ какъ капиталъ; рѣдко имѣя возможность пріобрѣсть деньги посредствомъ труда, свойственнаго крестьянамъ, онъ продастъ скотъ для полученія денегъ на платежъ податей и другіе расходы. Торговля рогатымъ скотомъ въ бурятскихъ улусахъ имѣетъ весьма значительные размѣры. Иркутскіе и верхнеудинскіе купцы покупають этотъ скотъ тысячами, пригоняють его изъ-за Яблоннаго хребта, изъ Хоринской и Мухоръ-сибирской степей къ устью Селенги и здѣсь, когда наступятъ холода, скотъ этотъ убивается и тушами перевозится черезъ Байкаль въ Иркутскъ. Сюда же пригоняется и скотъ, закупленный въ Тункѣ и у Бурятъ обитающихъ въ югозападной части Байкала.

При имени Бурятъ невольно вспоминаются дорогіе мѣха, такъ какъ отечество ихъ есть страна, гдѣ звѣромовство сохранило еще

свое первобытное значеніе. Но при этомъ не нужно забывать, что въ настоящей статьѣ можетъ быть сказано только о состояніи звѣриного промысла у Бурятъ, минуя прочихъ инородцевъ: Якутовъ, Тунгусовъ и другихъ племенъ, кочующихъ на необъятныхъ пространствахъ Восточной Сибири. Замѣчаніе это важно въ томъ отношеніи, что область звѣриныхъ промысловъ въ первомъ случаѣ весьма стѣсняется въ географическомъ протяженіи, а въ послѣднемъ она получаетъ обширѣйшій размѣръ и обусловливается иными основаніями, способами и орудіями.

Въ то время, какъ Тунгусъ, по преимуществу дитя природы, рождается, воспитывается и умираетъ въ лѣсахъ или на дикихъ, едва доступныхъ вершинахъ горъ, въ то время какъ мѣстожителство его измѣряется сотнями верстъ, и онъ появляется въ мѣстахъ сообщества людей, потому что ему необходимо отдать ясакъ или приобрести орудія для охоты: винтовку, порохъ и свинецъ, — Бурятъ находится подъ иными условіями жизни. Для него звѣриный промыселъ есть занятіе второстепенное: дополненіе къ скотоводству и хлѣбопашеству, и потому онъ употребляетъ на него только осеннее время, хотя въ Сибири производство звѣринаго и птлычаго промысловъ дозволено во всякое время года.

Въ Нерчинскомъ краѣ прелѣломъ бурятскаго звѣроловства можно считать то пространство, которое обнимаютъ Ингода и Ононъ, и весьма незначительное протяженіе между рѣками Аргунью и Шинкою, до такъ называемой Стрѣлки, т. е. до соединенія этихъ рѣкъ. Въ Верхнеудинскомъ округѣ Буряты промышленляютъ по лѣсамъ и хребтамъ, примыкающимъ къ рѣкамъ: Чикою, Селенгѣ, Удѣ и особенно Баргузину, лежащему въ восточной части Байкала. Въ Иркутскомъ — на югозападѣ, въ вершинахъ и по теченію рѣкъ Иркуты, Китоя, Бѣлой, Ангары и по ея притокамъ: Удѣ и другимъ, впадающимъ въ Ангару въ Нижнеудинскомъ округѣ. Такимъ образомъ за границу бурятскихъ промысловъ можно принять рѣки: Шинку и Ингоду и линію отъ этихъ рѣкъ проведенную на р. Баргузинъ и далѣе на сѣверъ, чрезъ верховья Лены до самой Ангары, или Тунгуски.

Въ звѣропромышленности Бурятъ, по причинѣ большаго или меньшаго сосредоточенія ихъ стойблицъ около русскаго населенія, проявляется нѣкоторый родъ подчиненія ея духу коммерческой предприимчивости, тогда какъ у другихъ инородцевъ, наприм. Тунгусовъ, эта отрасль промышленности проявляется не иначе,

какъ подѣ гнетомъ купеческаго деспотизма, безъ всякой повидимому соразмѣрности выгодъ промышленника и покупища. Причина тому очень понятна. Бурягъ можетъ избѣжать монополи купца, потому что онъ имѣетъ возможность встрѣтить конкуренцію въ сбытѣ имъ своего товара, въ чемъ не мало помогаетъ ему мелкое торгашество соплеменниковъ его, которымъ вовсе не чуждъ духъ спекулятивной предприимчивости. Многіе изъ нихъ, начиная съ осени, примыкаютъ къ городскому населенію и здѣсь занимаются спекуляціями всѣми предметами, свойственными бурятской звѣропромышленности. Они ловятъ продавца за предѣлами города, покупаютъ у него дичь, пушныхъ звѣрей: соболя, бѣлку, лисицу, горностая, и перепродаютъ все это купеческому классу, удерживая за собою весьма выгодный процентъ. Само собою разумѣется, что это относится только къ ближайшимъ городскимъ племенамъ. Но чѣмъ отдаленнѣе племя отъ города, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ оно затрудненія въ сбытѣ и тѣмъ сильнѣе подчиняется вліянію монополиста. Сословіе этихъ монополистовъ обхватило все пространство, на которомъ добывается дорогой пушной звѣрь. Иностранецъ, войдя разъ въ обязательства съ такими людьми, никогда уже не въ состояніи выдти изъ подѣ вліянія ихъ; нужда все больше и больше заставляетъ его забирать въ долгъ, и онъ по необходимости долженъ отдавать весь свой товаръ за цѣну, произвольно назначенную покупищикомъ. Это имѣетъ впрочемъ свою хорошую сторону, ту именно, что монополистъ никогда не оставляетъ въ нуждѣ иностранца даже и въ томъ случаѣ, если добыча звѣря бываетъ неудачна, и онъ, не имѣя средствъ достать все нужное для своего промысла, принужденъ былъ бы умереть съ голоду. Впрочемъ Буряты гораздо менѣе подвластны вліянію монополи, нежели другіе иностранцы.

Разсматривая звѣринные промыслы Бурягъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ звѣроловства, вообще слѣдовало бы показать отличительныя его свойства, чѣмъ можно было бы положить грань между тѣмъ и другимъ. Но говоря вообще, такую грань провести довольно трудно и даже почти невозможно, ибо породы звѣрей и способы добыванія ихъ одинаковы и въ томъ и другомъ случаѣ. Можно замѣтить только, что въ предѣлахъ бурятскаго звѣроловства нѣтъ нѣкоторыхъ породъ звѣрей, наприм. оленей, медвѣдей, песцовъ, свойственныхъ странамъ примыкающимъ къ Сѣверному океану. Можно также сказать, что и самыя пушныя звѣри бу-

рятской мѣстности, наприм. соболь, бѣлка, лисица не отличаются тою высокою добротою, которою славятся пушные звѣри отла-деннаго сѣвера, наприм. вилюйскіе, якутскіе и олекминскіе, хотя нерчинскіе и баргузинскіе соболи и бѣлки тоже считаются въ числѣ высокихъ сортовъ. Изъ породы лисицъ огневка добы-вается преимущественно въ Якутской области, чернобурая лисица высокаго качества еще сѣвернѣе, хотя не рѣдко и южнѣе; но это случается весьма не часто, и потому составляетъ родъ исключенія.

Вообще на пространствѣ бурятской звѣропромышленности, начертанной выше, исключительныя породы звѣрей весьма рѣдки и добываются въ незначительномъ количествѣ, такъ что желающій собрать наприм. въ Иркутскѣ горностаевый или хорьковый мѣхъ долженъ пріобрѣтать этихъ звѣрковъ, почти по одиначкѣ, въ границахъ бурятской звѣропромышленности; легко можно купить сотни и тысячи бѣлокъ или нужное количество лисицъ для мѣха.

Что касается до средствъ и орудій добыванія звѣрей Бурятами, то самый главный изъ нихъ составляетъ винтовка. Добываніе посредствомъ стрѣлъ вовсе вывелось у Бурятъ изъ употребленія. Винтовка, кромѣ экономическихъ выгодъ въ зарядѣ, представляетъ то удобство, что шкурка звѣря остается, большею частію, неповрежденною. Звѣроловъ, стрѣляя навѣрняка, мѣтитъ въ голову звѣря и такимъ образомъ шкурка сохраняется отъ поврежденія.

О количествѣ добываемыхъ Бурятами звѣрей трудно собрать положительныя свѣдѣнія. Одни изъ нихъ, какъ напр. коза и изюбрь, годные въ пищу, потребляются самими Бурятами, другіе пушные звѣри, раздробляясь по частямъ между торгующимъ клас-сомъ, составляютъ коммерческую тайну. Свѣдѣнія въ Кяхтѣ о коли-чествѣ звѣря, идущаго на промѣнъ, могутъ служить только ука-заніемъ количества добытаго звѣря вообще, но отнюдь не бурят-скаго, тѣмъ болѣе что мѣха, остающіеся отъ промѣна, отпра-вляются на Ирбитскую ярмарку. Пріѣтомъ не бесполезно замѣтить, что Кяхта притягиваетъ къ себѣ почти всю эту промышленность и нерчинскіе, баргузинскіе и иркутскіе капиталы, около этой отрасли торговли обращающіеся, въ мѣховой торговлѣ устрем-ляются сюда же, подобно тому какъ якутскіе, вилюйскіе и олек-минскіе притягиваются Иркутскомъ.

Въ заключеніе обзора Бурятской звѣропромышленности можно сказать нѣсколько словъ объ употребленіи пушнаго звѣря самими Бурятами.

Замѣчательно, что Буряты не охотники щеголять и употреблять дорогіе мѣха на свою одежду. Этимъ монголо-бурятское племя существенно отличается отъ монголо-китайскаго. Китаецъ—франтъ; его курма или соболя или лисья, и только низшій классъ въ Маймачинѣ имѣетъ курму изъ мерлушки. Но Буряты по большей части одѣваются въ овечій кафтанъ—голый или у богатыхъ—покрытый дабой. Иногда Буряты опушаютъ рукава бобромъ, но рѣчнымъ, а не камчатскимъ. Шапка на головѣ Бурята сшита бываетъ изъ лисьихъ лапокъ, — даже бѣдный изъ этого народа очень заботится о пріобрѣтеніи подобной шапки.

Изъ племенъ, живущихъ въ Верхнеудинскомъ округѣ, можно указать, какъ на занимающихся рыболовствомъ, на Буряты обитающихъ по рѣкамъ Селенгѣ и Баргузину, а въ Иркутскомъ округѣ на Аларскихъ по р. Ангарѣ. Рыбные промыслы селенгинскихъ Буряты сосредоточиваются преимущественно въ устьѣ р. Селенги и по берегамъ Байкала, примыкающимъ къ этому устью. Здѣсь въ теченіи іюня и іюля, соединясь въ артели, Буряты ловятъ омулей, осетровъ, тайменей, харюза, сига и другихъ, менѣе замѣчательныхъ рыбъ. Орудіемъ ловли служатъ невода, длина которыхъ простирается иногда до 500 и болѣе сажень. Вся эта рыба Байкаломъ и Ангарой сплавляется въ Иркутскъ. У баргузинскихъ Буряты и живущихъ на островѣ Ольхонѣ (въ восточной части Байкала) и у идинскихъ (внизъ по Ангарѣ около такъ называемаго Братскаго острога) лѣтній промыселъ незначителенъ, но зимшій достоинъ полнаго вниманія, потому что населеніе Иркутска получаетъ изъ этихъ мѣстъ наибольшее количество рыбы. Добываемую этими Бурятами рыбу составляютъ сиги, окуни, щуки и друг. Отсюда же въ незначительномъ количествѣ вывозится лѣтомъ форель, ловимая въ озерѣ, находящемся на одномъ изъ высокихъ пиковъ. Въ Ангарѣ у Братскаго острога тамошними Бурятами добываются осетры и стерляди. Ловля осетровъ замѣчательна тѣмъ, что ихъ добываютъ не неводами, а острогой. Въ срединѣ зимы осетры собираются въ кучи въ глубокихъ ямахъ, надъ которыми рыболовы прорубаютъ ледъ и поражаютъ осетровъ острогами. Подобный способъ добыванія осетровъ употребителенъ также и между Русскими, промышленяющими на р. Селенгѣ.

Изъ сказаннаго видно, что лѣтній промыселъ рыбою составляетъ только принадлежность селенгинскихъ Буряты. Это объяс-

яется удобствомъ и выгодною сбыта предмета промысла. Хотя р. Баргузинъ и друг. лежащія въ сѣверовосточной части Байкала преимущественно изобилуютъ рыбою, что можно сказать также и объ Ангарѣ, въ нижнихъ ея частяхъ, — но недостаточность развитія лѣтняго промысла въ этихъ мѣстахъ зависитъ отъ невозможности сбыта рыбы въ лѣтнюю пору. Баргузинскіе и ольхонскіе Буряты, чтобы доставить рыбу въ Иркутскъ, на разстояніи 500 и болѣе верстъ, должны подвергаться опасности испортить свой товаръ, потому что случайность вѣтровъ можетъ заставить ихъ пробыть на Гайкалѣ двѣ, три недѣли и болѣе, и притомъ пускаясь въ этотъ путь, рыбопромышленникъ долженъ запастись судномъ значительнаго размѣра, что потребуетъ капитала. Буряты изъ Братскаго острога, чтобы доставить рыбу въ центръ мѣстнаго сбыта — Иркутскъ, должны быть тащить ее вверхъ по Ангарѣ также не менѣе 500 верстъ. Зимній же промыселъ не стѣсняется опасностію стновить рыбу, и потому, хотя разстояніе и увеличиваетъ ея цѣну, но легкость добыванія и малоцѣнность ея на мѣстѣ даютъ возможность извлечь изъ этого промысла необходимое вознагражденіе за труды.

У другихъ Бурятъ рыболовство находится вообще на весьма низкой степени развитія, не смотря на то, что воды Чикоя, Ингоды, Онона, Шилы и Аргуни, преимущественно обильны лучшими породами рыбъ, наприм. сазаномъ, бѣлугою, тайменемъ, нельмою, бѣлою рыбою, осетрами и т. п. Но должно замѣтить, что какъ всякая промышленность требуетъ для своего развитія капиталовъ, которыми Буряты еще не могутъ располагать, то и изъ рыбнаго ихъ промысла болѣе всего извлекаетъ выгоды торговое сословіе.

**А. РАЕВЪ.**



## IV.

### БИБЛИОГРАФІЯ.

---

#### О ВОЕННОЙ СТАТИСТИКѢ ВЪ РОССІИ (\*).

La science est une reine dont les allures doivent être franches et libres. L'atmosphère de la coterie la tue.

Bastiat. (Harmonies économiques).

Последняя война возбудила у насъ много толковъ о военной наукѣ. Въ обществѣ слышатся по этому предмету мнѣнія чрезвычайно разнообразныя и нерѣдко доводимыя даже до крайностей. Такъ одни, основываясь на доказанной опытомъ ошибочности нѣкоторыхъ изъ положеній, признававшихся прежде несомнѣнными въ наукѣ, готовы отрицать самую науку; другіе, напротивъ того, не хотятъ признать важности опыта, выходящаго изъ разряда обыкновенныхъ явленій, и остаются безусловно вѣрны старому ученію. Какъ ни односторонни однако многія сужденія о военномъ дѣлѣ, но самое существованіе ихъ, въ настоящее время, въ обществѣ составляетъ уже явленіе многозначительное, потому что наука можетъ развиваться только тогда, когда она не замыкается стѣнами кабинетовъ ученыхъ и академическихъ аудиторій, а какъ близкая общественнымъ интересамъ, составляетъ предметъ изустныхъ и литературныхъ бесѣдъ не однихъ только специалистовъ по ремеслу. Въ этомъ смыслѣ, современная шаткость военной науки заклю-

---

(\*) Настоящая статья обязательно сообщена начальствомъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ Императорское Русское Географическое Общество, съ просьбою о помѣщеніи оной въ «Вѣстникъ».

часть въ себѣ гораздо болѣе условій для ея развитія, чѣмъ прежняя ея непоколебимость, основанная исключительно на томъ, что никто не дерзалъ подымать голоса противъ положеній, высказываемыхъ авторитетомъ. Могла-ли развиваться наука, когда она не сознавалась потребностями самаго общества? когда дѣятели ея не находили въ немъ сочувствія? когда сочиненія встрѣчались въ литературѣ равнодушно и не возбуждали свободныхъ преній? когда ученая критика замѣнялась объявленіями о выходѣ въ свѣтъ книгъ и безусловными панегириками ихъ авторамъ? Совершенное отсутствіе военной критики, замѣчаемое въ нашей литературѣ, предшествовавшей послѣднимъ событіямъ, не служитъ-ли лучшимъ доказательствомъ господствовавшаго въ военномъ обществѣ равнодушія къ самой военной наукѣ и слѣдовательно застою послѣдней. Въ короткое время послѣднихъ лѣтъ, военная критика конечно не могла еще создаться; но литература представляетъ уже нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ разъясненія нѣкоторыхъ военныхъ вопросовъ печатными преніями, а если эти пренія выходятъ иногда изъ круга ученой полемики, то это не доказываетъ ничего болѣе, какъ только нашу малую опытность на новомъ поприщѣ.

Настоящей статьей мы бы желали возбудить вопросъ о военной статистикѣ. Предмету этому особенно посчастливилось въ Россіи. Теоретическая разработка его началась и никогда не выходила изъ круга занятій нашей Императорской Военной Академіи (нынѣ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба). Практическое выполненіе принадлежитъ также исключительно нашему Генеральному Штабу, продолжительными трудами котораго составлены военно-статистическія описанія всѣхъ губерній и областей Россіи. Поэтому, думаемъ, что вопросъ о военной статистикѣ заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ, и съ этою мыслию рѣшаемся высказать нѣсколько замѣчаній о трудахъ по этому предмету Академіи и Генеральнаго Штаба.

## 1.

Въ числѣ предметовъ преподаванія въ Императорской Военной Академіи, при самомъ ея основаніи (1), были назначены:

«*Военная географія Европы, въ особенности же Имперіи Россійской и сосѣдственныхъ съ нею государствъ*» и

«*Военная статистика, или познаніе о сухопутныхъ и морскихъ силахъ и военныхъ средствахъ европейскихъ государствъ*».

(1) Академія основана 26 ноября 1832 года.

Этими выраженіями уставъ Академіи обозначилъ довольно понятно, хотя не совсѣмъ опредѣлительно, сущность военной статистики, но вовсе не объяснилъ значенія военной географіи. Кромѣ того, опредѣливъ объемъ или составъ курса обоихъ предметовъ, долженствовавшихъ составлять одну кафедрѣ, умолчалъ о системѣ, методѣ и цѣли преподаванія ихъ, и такимъ образомъ какъ-бы предоставилъ самой Академіи избрать въ этомъ отношеніи тотъ путь, который бы болѣе соответствовалъ цѣли ея учрежденія и рациональному развитію науки. Задача Академіи была нелегка, потому что литература военной географіи и военной статистики не представляетъ и понынѣ ни одного сочиненія, которое бы могло служить, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ профессоровъ Академіи, не только руководствомъ, но даже образцемъ для преподаванія этихъ предметовъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Профессора Академіи П. А. Языковъ, Г. Ф. Стефанъ и Д. А. Милютинъ должны были сами устанавливать теоретическія положенія науки и соответственно съ ними приобретать и разрабатывать матеріалы (2). Въ такихъ обстоятельствахъ, курсъ не могъ быть поставленъ разомъ на прочныхъ основахъ, но долженъ былъ улучшаться постепенно. Работа по составленію его началась съ военной географіи и въ первые годы ограничивалась, можно сказать, только цытами, что вполнѣ подтверждаетъ слѣдующая выписка изъ годового отчета Академіи за 1836 годъ.

«Измѣненія въ преподаваніи военной географіи должны еще продолжаться, дабы выказать эту науку, какъ высшее аналитическое изслѣдованіе элемента географическаго, для соображеній военныхъ. Курсъ прошедшаго года, хотя нѣсколько улучшенъ противу предъидущихъ годовъ, однако нельзя оный иначе считать, какъ сборомъ матеріаловъ и продолженіемъ опытовъ, съ цѣлію открыть наивыгоднѣйшее направленіе, для хода науки.

«Военная географія должна содержать въ себѣ двѣ составныя части: описаніе предметовъ географическихъ и изслѣдованіе оныхъ для опредѣленной цѣли, т. е. для соображеній военныхъ: описаніе составляетъ данность, — изслѣдованіе должно считать существомъ науки.

«На семь основаніи описательная часть должна быть болѣе сжата чрезъ исключеніе многихъ топографическихъ подробностей; напро-

(2) П. А. Языковъ преподавалъ военную географію въ теоретическомъ Отдѣленіи Академіи съ 1833 по 1843 годъ; Г. Ф. Стефанъ — въ практическомъ Отдѣленіи и помогъ въ обоихъ съ 1834 по 1843 годъ; наконецъ Д. А. Милютинъ — военную статистику въ связи съ военною географіею въ Практическомъ Отдѣленіи съ 1843 по 1836 годъ.

«тивъ того, по мѣрѣ возможности, должно усилить часть изслѣдательную разсужденіями, подкрѣпляя ихъ событіями историческими. Такою мѣрою изученіе военной географіи облегчится, память обучающихся не будетъ обременяться, и курсъ сдѣлается занимательнѣе и полезнѣе, ибо разсудокъ обучающихся будетъ имѣть болѣе упражненія.

«Въ послѣдствіи должно будетъ объяснить способъ составленія военно-географическихъ обзорѣній и описаній, указать на причины почему такъ нужно дѣлать, а не иначе; т. е. необходимо изложить общее руководство, для открытія истинныхъ началъ науки и составленія общихъ правилъ.

Курсъ военной географіи, улучшаясь мало-по-малу, принялъ довольно опредѣленное направленіе, о которомъ можно судить изъ другаго годоваго отчета за 1843 годъ.

«Военная географія объемлетъ обзорѣніе всей пограничной полосы Европейской Россіи и смежныхъ государствъ.

«Преподаваніе военной географіи, въ связи съ военною статистикою, представляло большое затрудненіе для Академіи, ибо невозможно было ни слѣдовать способу, принятому въ военныхъ училищахъ Западной Европы, ни примѣнить къ нашему курсу какое либо изъ иностранныхъ военно-географическихъ сочиненій, разсматривавшихъ предметъ вовсе не съ стратегической стороны. Въ нашей же Академіи, кромѣ военнаго обзора мѣстности, описанія вооруженныхъ силъ и военныхъ средствъ государствъ, разсматривается каждое государство по *театрамъ войны*, съ разборомъ стратегическаго значенія важнѣйшихъ географическихъ данностей; при семъ приняты за образецъ превосходные разборы театра войны 1799 года *арцигерцога Карла* и Сѣверной Италіи *Наполеона*. Такое направленіе дано у насъ этой наукѣ, чрезвычайно важной въ кругу высшаго военнаго образованія офицеровъ, предназначенныхъ къ службѣ Генеральскаго Штаба, ибо наука сія вдвойнѣ полезна для нихъ: и какъ запасъ свѣдѣній о положеніи сосѣднихъ съ Россіею Державъ и о замѣчательнѣйшихъ въ военномъ отношеніи пограничныхъ пространствахъ нашего отечества, и какъ дополненіе къ теоретическому и историческому преподаванію стратегіи».

«Но предметъ этотъ требуетъ усовершенствованій и измѣненій по самой своей сущности, ибо въ немъ безпрестанно будутъ измѣняться военно-географическія данности, напр. проложеніе новыхъ путей, желѣзныхъ дорогъ, возведеніе крѣпостей и т. п. Судя по тому, что уже сдѣлано, можно съ увѣренностію надѣяться,

«что этот предмет, у насъ начатый, у насъ же достигнетъ и «арѣлости».

Представивъ выписки изъ двухъ годовыхъ отчетовъ Академіи, какъ историческіе факты постепеннаго развитія военной географіи, мы не будемъ входить въ критическій разборъ изложенныхъ въ нихъ мыслей, такъ какъ съ появленіемъ замѣчательнаго труда г. Милютина: «Первые опыты военной статистики», напечатаннаго по частямъ въ «Военномъ Журналѣ» 1846, 47 и 48 годовъ и отдѣльными книжками, онѣ не имѣютъ уже современнаго значенія.

Сочиненіе г. Милютина имѣло рѣшительное вліяніе на академическій курсъ, установивъ въ немъ то направленіе, которому слѣдовала Академія до настоящаго времени. Не смотря однако на свою важность, оно не возбудило въ литературѣ отчетливой критики. Сколько помнится, по выходѣ въ свѣтъ труда г. Милютина, были напечатаны только двѣ рецензіи: одна профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Горловымъ въ отчетѣ Императорской Академіи Наукъ, а другая въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 и 47 годовъ; но ни одна изъ нихъ, къ сожалѣнію, не обратила должнаго вниманія на теоретическія основы науки, предложенныя авторомъ. Вотъ причина, побуждающая насъ остановиться на разборѣ той части «Первыхъ опытовъ военной статистики», гдѣ изложено критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики. При этомъ, для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, считаемъ нужнымъ принять также въ соображеніе другіе отдѣлы «Первыхъ опытовъ» и академическія записки, составленныя г. Милютинымъ и служащія какъ бы дополненіемъ къ его печатному сочиненію (3).

Опредѣлить значеніе и начало науки можно двумя путями: путемъ теоріи, т. е. на основаніи анализа самой идеи науки, и путемъ историческаго или дѣйствительнаго ея развитія. Г. Милютинъ, въ своемъ изслѣдованіи, соединилъ обѣ эти методы, но на первомъ планѣ поставилъ методу историческую. Прежде всего онъ разбираетъ литературу «спеціальнаго изученія въ военномъ отношеніи странъ и государствъ» т. е. военной географіи, такъ какъ военная статистика, въ смыслѣ такого изученія, до сихъ поръ не

---

(3) Въ «Первыхъ опытахъ военной статистики» заключаются: а) критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики, б) основанія политической и военной системы Германскаго Союза, и в) военная статистика королевства Прусскаго. Курсъ военной статистики, въ связи съ военною географіею, составленный г. Милютинымъ для Академіи, состоитъ изъ: а) статьи о значеніи военной географіи и военной статистики; б) военно-статистическихъ обзоръ сосѣднихъ съ Россіею европейскихъ государствъ: Швеціи и Норвегіи, Пруссіи, Австріи и Турціи, и в) военно-географическихъ историческихъ обзоръ

имѣть еще литературы (4), и доказываетъ неудовлетворительность сочиненій по военной географіи; затѣмъ, прѣдя къ убѣжденію, что предметъ этотъ не можетъ составить отдѣльной, самобытной науки, и что изученіе въ военномъ отношеніи странъ и государствъ приличнѣе и правильнѣе называть военною статистикою, обращается къ изслѣдованію отношенія между географіею и статистикою вообще и между статистикою общею и военною; наконецъ опредѣляетъ систему, методу и цѣль изученія послѣдней. Мы не вполне согласны со многими мнѣніями автора относительно географіи и статистики вообще, но, не желая отвлекаться отъ предположенной нами цѣли, ограничимся только разборомъ тѣхъ мѣстъ изслѣдованія г. Милютина, которыя непосредственно касаются до спеціальнаго изученія въ военномъ отношеніи государства.

Если мы прослѣдимъ вмѣстѣ съ авторомъ литературу военной географіи, принадлежащую почти исключительно нѣмецкимъ писателямъ, то увидимъ, что подъ именемъ этого предмета одни изъ нихъ разумѣли простыя топографическія описанія мѣстности (элементъ топографическій); другіе—такія же описанія въ примѣненіи къ самымъ дѣйствіямъ военнымъ, даже въ отношеніи тактическомъ (элементы топографическій и тактическій); третьи—сборники географическихъ свѣдѣній, которые могутъ имѣть отношеніе къ военнымъ соображеніямъ, или должны входить въ кругъ свѣдѣній военнаго человѣка (элементъ географическій); наконецъ четвертые—изслѣдованія географическихъ данныхъ въ отношеніи стратегическомъ (элементы географическій и стратегическій). Каждое изъ этихъ воззрѣній конечно весьма односторонне, и потому мы раздѣляемъ большую часть мнѣній г. Милютина о разбрасываемыхъ имъ сочиненіяхъ; но съ нѣкоторыми замѣчаніями автора не можемъ согласиться.

Такъ напримѣръ, мы вполне убѣждены, что топографическія описанія составляютъ только матеріалъ для науки, а не самую науку; но не думаемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы они были без-

замѣчательнѣйшихъ въ военномъ отношеніи частей Россійской Имперіи, Финляндіи, Западнаго пограничнаго пространства по Западную Двину и Лифляндію и Кавказскаго края.

(4) Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ военныхъ писателей, одинъ г. Милютинъ придаетъ военной статистикѣ широкое значеніе изслѣдованія государства въ военномъ отношеніи. Всѣ же прочіе, такъ же какъ и уставъ Академіи, подъ именемъ этого предмета разумѣютъ изображеніе однихъ только вооруженныхъ силъ государства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ военная статистика имѣетъ литературу, но чрезвычайно скудную и неудовлетворительную.

полезны и чтобы не могли даже служить предметомъ особыхъ сочиненій (5).

Намъ кажется также нецѣлесообразнымъ, что авторъ, говоря о Вентурини, нападаетъ на элементы топографическій и тактическій (6), и сряду же послѣ этого хвалитъ мысль Рубина, что «въ военной географіи каждая страна должна быть такъ описана, чтобы изображены были характеристическія черты ея фивіономіи, отъ которыхъ зависятъ самое значеніе цѣлой страны въ военномъ отношеніи, т. е. удобства или препятствія къ расположенію, движенію, дѣйствованію, продовольствованію, снабженію арміи и проч. и проч.» мысль, въ которой выставляются тѣ же элементы, наравнѣ съ географическимъ и стратегическимъ, и которая опредѣляетъ только масштабъ, а не сущность изслѣдованія предмета (7). На основаніи этой мысли, въ разборахъ театра войны самаго г. Миллюина, элементы топографическій и тактическій ставятся рядомъ съ элементами географическимъ и стратегическимъ, а въ его превосходномъ военномъ очеркѣ Кавказа первые едва-ли не берутъ даже перевѣсъ надъ послѣдними. Такимъ образомъ, на практикѣ авторъ убѣжденъ, что какъ тѣ такъ и другіе имѣютъ одинаковую важность въ военномъ отношеніи; но отъ чего же въ теоріи онъ вездѣ говоритъ только объ элементахъ географическомъ и стратегическомъ, и если не порицаетъ, то умащиваетъ объ элементахъ топографическомъ и тактическомъ? Подъ словомъ *географія*, выражающимъ понятіе общее, конечно можно подразумѣвать и *топографію*; но если подъ словомъ *стратегія*, авторъ разумѣлъ и *тактику*, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы оговориться, ибо различіе между науками заключается, по нашему мнѣнію, не въ однихъ только размѣрахъ изслѣдованія.

Приведемъ еще слѣдующій выводъ автора изъ разбора военно-географическихъ статей Ллойда, эрцгерцога Карла и Наполеона: «въ немногихъ сочиненіяхъ, служащихъ образцами отдѣльныхъ описаній театровъ войны, съ критическимъ изслѣдованіемъ стратегическаго значенія географическихъ данныхъ, всѣ изслѣдованія неизбежно относятся къ одной лишь эпохѣ, къ другой же примѣняемы быть не могутъ. Это подтверждаетъ, что при стратегическихъ изслѣдованіяхъ театра войны, невозможно ограничиться однимъ географическимъ данными, устраняя всѣ другіе роды соображеній, какъ напримѣръ: политическія, нравствен-

(5) «Первые опыты военной статистики», часть 1 стран. 7.

(6) Тамъ же стран. 8.

(7) Тамъ же стран. 9.

ныя... и проч. и проч.» (8). Здѣсь заключеніе сдѣлано неправильно: первая мысль вовсе не подтверждаетъ втою. Стратегическое изслѣдованіе какого либо извѣстнаго театра войны всегда относится къ одной эпохѣ, основано—ли оно на однихъ только данныхъ географическихъ, или также на политическихъ, нравственныхъ и вообще статистическихъ; потому что, какъ географическія, такъ и статистическія данныя измѣняются и послѣднія еще несравненно быстрее, чѣмъ первыя. Мы не споримъ съ авторомъ, что изслѣдованіе статистическое, въ обширномъ смыслѣ слова, многостороннѣе географическаго, и потому ведетъ къ болѣе правильному заключенію относительно извѣстной эпохи; но говоримъ только, что на основаніи измѣняемости данныхъ, нельзя доказать преимущества статистики предъ географіей и сдѣлать логическій переходъ отъ послѣдняго предмета къ первому (\*).

Гораздо естественнѣе въ этомъ случаѣ переходъ отъ измѣняемыхъ данныхъ извѣстнаго момента къ общимъ началамъ, къ теоріи, какъ это сдѣлалъ г. Языковъ въ своемъ «Опытѣ теоріи военной географіи (1838)». Въ основныхъ положеніяхъ этого сочиненія мы вовсе не видимъ тѣхъ противорѣчій, которыя находитъ авторъ «Первыхъ опытовъ» (9), и для подтвержденія нашего взгляда выпишемъ собственныя слова послѣдняго: «Г. Языковъ не только не могъ согласиться съ мнѣніями нѣмецкихъ сочинителей о военной географіи, но нашелъ еще недостаточнымъ критическое изслѣдованіе стратегическихъ свойствъ даннаго театра войны въ известную эпоху; потому что въ такомъ случаѣ, по его словамъ, каждая историческая эпоха имѣла бы свою военную географію; ибо отъ перемѣны обстоятельствъ разнаго рода самое

(8) Тамъ же стран. 30.

(\*) Намъ кажется, что иль г. Милютина въ приведенномъ мѣстѣ изъ его сочиненія и не состояла въ томъ, чтобы доказывать преимущество статистическихъ изслѣдованій предъ географическими; тѣ и другія имѣютъ своимъ предметомъ отдѣльный кругъ явленій, и между ними не можетъ быть никакого преимущества, какъ не можетъ быть преимущества между какими бы то ни было отраслями знанія. Мысль г. Милютина, сколько мы понимаемъ, состоитъ въ томъ лишь, что военная точка зрѣнія на государство (т. е. ошибка его силъ въ военномъ отношеніи) можетъ быть установлена не на однихъ только географическихъ данныхъ государства, или на неизмѣнныхъ (по крайней мѣрѣ неизмѣнимыхъ для пространства времени, обвиняемого теоріями военной науки) условіяхъ физической природы страны, но и на условіяхъ государственной и общественной его жизни (выводимыхъ изъ изслѣдованій статистическихъ, политическихъ и историческихъ), постоянно измѣняющихся, въ силу закона развитія человѣческихъ обществъ.

Ред.

(9) Тамъ же стран. 20—21.

«значеніе предмето́въ географическихъ въ стратегическомъ смыслѣ» «вмѣняется; въ такомъ случаѣ военная географія, по мнѣнію г. Языкова, не могла бы слѣдаться наукою самостоятельною и неизмѣнною, а слѣдовательно ей необходимо, не ограничиваясь изслѣдованіемъ стратегическаго значенія мѣстныхъ данныхъ въ одну лишь эпоху, разбирать критически все случаи и обстоятельства, при которыхъ въ различныя эпохи обнаруживалось то или другое значеніе географическихъ данныхъ: цѣль же этого разбора должна, по мнѣнію г. Языкова, состоять въ томъ, чтобы изъ него вывести общія умозрительныя истины о постоянномъ значеніи каждою рода географическихъ данныхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ (10)». Такимъ образомъ г. Языковъ дошелъ до теоріи военной географіи. Гдѣ же тутъ противорѣчія? Мы думаемъ напротивъ, что, пытаясь отъ явленій частныхъ, случайныхъ, перейти къ общимъ началамъ, г. Языковъ слѣдовалъ тѣмъ логическимъ путемъ, которымъ развивается каждая наука. Согласны, что въ слѣдствіе этого, сочиненіе его представляетъ не что иное, какъ часть теоріи стратегіи; но иначе и быть не могло, и что-же тутъ дурнаго? Военная географія конечно не есть наука въ строгомъ смыслѣ слова, а только примѣненіе науки къ извѣстнымъ даннымъ, — теоріи военного искусства къ мѣстности (\*). Она можетъ служить полезнымъ практическимъ упражненіемъ для изучающихъ эту теорію, но не предметомъ особой кафедры. Вотъ почему г. Языковъ перешелъ отъ военной географіи къ стратегіи. Своимъ сочиненіемъ онъ на дѣлѣ заявилъ справедливый протестъ противъ германской науки, не имѣющей ничего догматическаго, положительнаго, своего собствен-

(10) Тамъ же стран. 21 и 22.

(\*) Въ этомъ и заключается сущность вопроса. — Если требовать отъ военной географіи вывода общихъ началъ и законовъ, то она совершенно сошлется или *съ военною наукою вообще*, т. е. съ теоріею военного искусства (когда задачей ей постановлено будетъ изслѣдованіе способовъ наиболее выгоднаго для войны пользованія условіями мѣста), или *съ исторіею вообще* (когда будутъ желать выяснить вопросъ, какими способами пользовались различные народы, въ разные времена, условіями мѣста для своихъ военныхъ цѣлей, и въ этихъ способахъ прослѣдить различные моменты ихъ развитія, въ связи съ прочими признаками проявленія ихъ духа). Если же военная географія должна собрать, лишь въ данный моментъ времени, фактическія свѣдѣнія о существующихъ физическихъ условіяхъ войны въ разныхъ государствахъ, безъ всякаго дальнѣйшаго о нихъ сужденія, то она должна отказаться отъ всякихъ притязаній на общіе законы и начала, въ строгомъ смыслѣ слова. Во всякомъ случаѣ трудно опредѣлить военной географіи мѣсто какъ совершенно самостоятельной науки; въ этомъ мы согласны съ авторомъ.

наго, и державнейшея безъ всякихъ прочныхъ основъ, едва-ли не по одной только привычкѣ подражанія иностранцамъ. Не та-ли же самая несамобытность военной географіи привела и г. Милютину къ военной статистикѣ? Пунктъ отправленія обоихъ авторовъ былъ одинъ и тотъ же, только пути различны.

Изъ разбора литературы военной географіи легко вывести заключеніе объ односторонности различныхъ воззрѣній на нее; но всѣ эти воззрѣнія, сведенныя вмѣстѣ, обозначаютъ уже довольно опредѣлительно предметъ военной географіи, заключающійся *въ описаніи свойствъ мѣстности, топографическихъ и географическихъ, въ отношеніи вліянія ихъ на военныя соображенія тактическія и стратегическія.* Мы сейчасъ выразили свое мнѣніе относительно значенія этого предмета. Г. Милютинъ не признаетъ также самобытности военной географіи, но доказываетъ свое положеніе, на основаніи вывода, не изъ всей литературы этого предмета, а только изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ на первый планъ выставился элементъ стратегическій. Обративъ вниманіе читателя на извѣстную мысль барона Медема, что стратегія должна основываться на всѣхъ данныхъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на ходъ войны въ совокупности (11), и желая примѣнить ее къ изученію государствъ и странъ въ военномъ отношеніи, г. Милютинъ ставитъ вопросъ: «Можно ли дать военной географіи значеніе *критическаго изслѣдованія мѣстныхъ данныхъ въ отношеніи стратегическомъ?*» и разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Если сообразно съ этимологиическимъ и общепринятымъ значеніемъ слова, военная географія *должна ограничиваться только тѣми данными, которыя относятся къ виду земной поверхности, то очевидно, что она не можетъ входить въ стратегическія изслѣдованія, а должна по необходимости оставаться простымъ сборникомъ фактическихъ свѣдѣній, подобно большей части нѣмецкихъ сочиненій, выходявшихъ подъ этимъ именемъ; въ такомъ случаѣ, конечно, она не можетъ и составить отдѣльнаго, самобытнаго предмета изученія. Если же, напротивъ того, предположенная цѣль должна состоять не въ приобрѣтеніи однихъ фактическихъ свѣдѣній, а въ критическомъ изслѣдованіи театровъ войны или цѣлыхъ государствъ въ отношеніи стратегическомъ, то необходимо уже значительно распространить кругъ соображеній, принявъ въ основаніе ихъ, кромѣ мѣстности, и всѣ тѣ данныя, которыя въ каждомъ государствѣ вообще опредѣляютъ его средства и способы къ веденію войны.*»

(11) «Обзорніе извѣстнѣйшихъ нравствъ и системъ стратегіи (1836 г.).»

«выгоды и невыгоды географическаго, этнографическаго и политическаго положенія, въ отношеніи къ общимъ военнымъ соображеніямъ; а чрезъ это изслѣдованія распространятся почти на весь составъ государства, и будутъ вести уже къ общей цѣли: *къ опредѣленію силы и могущества государства въ военномъ отношеніи*. Подобная цѣль можетъ дѣйствительно составить особый и весьма важный предметъ изученія; но собственно мѣстные данныя, опредѣляющія стратегическія выгоды и невыгоды государства, сильныя и слабыя его стороны, войдутъ въ эти изслѣдованія только какъ часть обширнаго цѣлаго; а слѣдовательно, въ такомъ случаѣ уже нельзя назвать подобный родъ изученія *военною географіей*, а приличнѣе и правильнѣе ему дать названіе *военной статистики* (12)».

Переходя отъ военной географіи къ военной статистикѣ и расширяя такимъ образомъ область изученія государствъ и странъ въ военномъ отношеніи, г. Милютинъ оказалъ огромную услугу Академіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что военное дѣло, подвергаясь постоянно вліянію чрезвычайно многоразличныхъ отношеній территориальныхъ, общественныхъ и политическихъ, не можетъ быть подчинено безусловной теоріи. Поэтому, для высшаго военнаго образованія, изученіе наукъ политическихъ, въ обширномъ смыслѣ слова, каравитъ съ военно-теоретическими, точно такъ же необходимо, какъ для образованія военно-техническаго, артиллерійскаго или инженернаго необходимо пособіе наукъ физико-математическихъ. Мысль эта ясно выразилась въ трудѣ г. Милютина, и составила главное и неоспоримое его достоинство. Но отдавая ей справедливость, нельзя не замѣтить, что въ приведенной нами выпискѣ вопросъ поставленъ авторомъ, какъ мы уже видѣли, нѣсколько произвольно, и самое рѣшеніе его не довольно убѣдительно.

Авторъ отрицаетъ самобытность военной географіи, и вводитъ ее въ военную статистику, какъ часть обширнаго цѣлаго, и въ то же время признаетъ самобытность военной статистики, которая, по его же замѣчанію, не болѣе какъ часть общей статистики. По нашему мнѣнію, между военною географіей и военною статистикою точно такое же отношеніе, какъ между военною статистикою и статистикою общею. Если мѣстные данныя, независимо отъ другихъ, не могутъ быть разсматриваемы въ стратегическомъ отношеніи, то и военное могущество государства нельзя разсматривать отдѣльно отъ другихъ сторонъ его жизни. Мы думаемъ даже, что послѣднее менѣе возможно, чѣмъ первое. Мѣстные данныя могутъ еще, сами по себѣ, имѣть непосредственное вліяніе на войну; но какъ опре-

(12) «Первые опыты военной статистики» часть 1, стран. 31 и 32.

дѣлать могущество государства, независимо отъ его матеріальнаго, нравственнаго и политическаго развитія? Г. Милютинъ самъ сознаетъ, что военная статистика должна распространить свои изслѣдованія на весь составъ государства; но чтобы разграничиться съ статистикою общою, удерживаетъ только спеціально-военную точку зрѣнія. Намъ непонятно, отчего авторъ принимаетъ относительно статистики ту же самую мысль, которую отрицаетъ относительно стратегіи? Отчего онъ признаетъ необходимость раздробленія первой по спеціальнымъ цѣлямъ изслѣдованія, и не допускаетъ раздробленія второй по составнымъ ея элементамъ? Но оставимъ въ сторонѣ эту параллель, и взглянемъ прямо на вопросъ: можетъ ли наука смотрѣть на государство съ исключительной точки зрѣнія военного могущества?

Въ государствѣ военные интересы всегда требуютъ жертвъ со стороны интересовъ общественныхъ, жертвъ необходимыхъ, но возможныхъ и полезныхъ только до извѣстнаго предѣла. Если государство переступить этотъ предѣлъ и, увлекаясь идеею военного могущества, разовьетъ военные интересы въ ущербъ другимъ, то достигнетъ результатовъ, диаметрально противоположныхъ своей цѣли: путемъ временнаго могущества, оно неминуемо придетъ къ современному безсилію. Зависимость интересовъ военныхъ отъ общественныхъ такъ велика, что нѣтъ никакой возможности разсматривать первые совершенно изолированно отъ вторыхъ, не рискуя при этомъ впасть въ крайне-одностороннія, и потому самому невѣрныя, заключенія, что конечно было бы недостойно науки (\*). Вотъ по-

---

(\*) Такого рода соображенія не могутъ входить въ область собственно военныхъ наукъ, а принадлежать уже наукамъ политическимъ. Въ нашихъ глазахъ, вся сфера военныхъ наукъ есть *тегническая*, т. е. конечная цѣль всей совокупности военныхъ наукъ есть *теорія воиннаго искусства*, — не болѣе и не менѣе. Военная наука можетъ пользоваться результатами изслѣдованій всѣхъ отраслей знанія, но она никогда сама не займетъ подлѣ нихъ мѣста какъ самостоятельная наука. Цѣль всякой науки, въ строгомъ смыслѣ слова, есть *истина* и только *истина*, а цѣль военной науки есть *успѣхъ извѣстнаго практическаго дѣйствія*; за границы этого послѣдняго понятія она и не должна заходить. Общая политическая теорія признаетъ необходимымъ для государства военную силу; послѣдняя и должна озаботиться исполнить свое назначеніе возможно болѣе успѣшнымъ образомъ. Но если бы военная сила стала входить въ сужденія о томъ, въ какой степени она необходима, то она тѣмъ самымъ вторгнулась бы въ область политики, ей вовсе не подчиненной, а напротивъ ей-же самой управляющей. Точно такъ же фабричная технологія вовсе не обязана изслѣдовать вопросъ о значеніи фабрикъ въ государствѣ, — это дѣло политической экономіи. Озимъ мы впрочемъ никакъ не отвергаемъ пользы изученія политическѣ наукъ для военныхъ людей; только они не должны

чому она не имѣть права смотрѣть на государство съ исключительной точки зрѣнія военного его могущества. Вотъ почему военная статистика, въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ей г. Милютинъ, до сихъ поръ не приобрѣла нигдѣ въ Европѣ правъ гражданственности, не имѣть своей собственной литературы, и не преподается ни въ одной военной школѣ. Въ смыслѣ исключительной точки зрѣнія на государство нельзя допустить даже статистики земледѣльской, мануфактурной и т. п., хотя антагонизмъ разнообразныхъ экономическихъ интересовъ въ государствѣ болѣе или менѣе приводится современною политическою экономіею къ гармоніи; тѣмъ болѣе нельзя этого сдѣлать относительно военной статистики, ибо ни политическая экономія, ни стратегія не опредѣлили еще соотношенія интересовъ военныхъ къ экономическимъ, въ той степени, чтобы можно было отдѣлить первыя отъ послѣднихъ. Согласны, что большинство статистиковъ неправо, совершенно упуская изъ вида военную точку зрѣнія на государство, и что Военная Академія должна обратить на нее вниманіе; но этого можно достигнуть, не создавая отдѣльной науки, а разширяя только кругъ зрѣнія статистики общей (\*).

подчинять ихъ своей военной точкѣ зрѣнія, а напротивъ должны подчинять свои нравственные понятія воззрѣніямъ политическихъ наукъ.

*Ред.*

(\*) Общая статистика никакъ не можетъ принять въ свою область военной статистики; въ томъ видѣ, какъ она требуется для военныхъ наукъ. Общая статистическая наука можетъ разсматривать и дѣйствительно разсматриваетъ многіе предметы военной статистики, какъ наприм. количество войска, рекрутскую повинность и проч.; но она никакъ не можетъ дѣлать этого съ *военной* точки зрѣнія, а только съ *общей научной*, т. е. открывая законы общественныхъ явленій, связь и взаимодѣйствіе причинъ и слѣдствій въ общественной жизни, безъ всякаго помысленія о той или другой *практической выгодѣ* того или другаго естественнаго закона. Практическая выгода явленія различна, смотря по тому, для какой цѣли его хотять употребить; а весь организмъ науки проникнуть одною идеею и однимъ воззрѣніемъ, которое только развѣтвляется въ изложеніи науки, но не превращается изъ одного въ другое: изъ экономическаго въ нравственное, изъ нравственнаго въ военное и т. д. Статистика ищетъ вліянія той или другой системы рекрутской повинности на составъ и движеніе народонаселенія; военная наука ищетъ вліянія этой системы на укомплектованіе войска, въ этомъ смыслѣ ее осуждаетъ или одобряетъ, и истощеніе отъ нея въ самомъ народонаселеніи разсматриваетъ только въ видахъ вреда, могущаго произойти для будущаго укомплектованія войска. Говоря о статистическомъ описаніи государства, не должно его смѣшивать съ наукою статистики: въ первое можетъ войти все что угодно, пожалуй и военная точка зрѣнія, ибо оно дѣлается съ цѣлями практическими; къ нему наука равнодушна и пользуется имъ только какъ матеріаломъ.

*Ред.*

Обратимся теперь къ разбору опредѣленій и системы военной статистики.

Мы видѣли выше, что авторъ «Первыхъ опытовъ» полагаетъ предметъ военной статистики въ опредѣленіи силы и могущества государства въ военномъ отношеніи. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ говоритъ, что предметъ военной статистики заключается въ изслѣдованіи въ данный моментъ силъ и средствъ государства въ военномъ отношеніи (13). Оба эти опредѣленія намъ кажутся не довольно опредѣлительными. Какая разница въ понятіяхъ заключается между словами *сила* и *могущество* въ первомъ опредѣленіи, и между словами *силы* и *средства* во второмъ? Если авторъ полагалъ разницу, то слѣдовало ее объяснить. Если же нѣтъ, какъ мы имѣемъ право заключить изъ выраженія его: «военныя силы обнимаютъ всё вообще средства.....» (14), то къ чему эти синонимы въ опредѣленіи, эти риторическія фигуры нарощенія интереса? Опредѣленіе должно выражать въ самой точной и по возможности сжатой формулѣ всю сущность предмета. Изъ него должна развиваться вся система науки, если авторъ не хочетъ только замѣнить естественный, органическій способъ построенія ея путемъ искуственнымъ, можетъ быть очень ловкимъ, но во всякомъ случаѣ непрочнымъ. Вопреки мнѣнію многихъ, мы считаемъ опредѣленіе дѣломъ весьма важнымъ, и потому желали-бы, чтобы, вмѣсто постановки трехъ почти однозначущихъ словъ, какъ *военное могущество*, *военныя силы* и *военныя средства*, авторъ принялъ одно, хоть напри- мѣръ: *военное могущество*, но развилъ бы со всею точностію анализа то понятіе, которое оно выражаетъ.

Г. Милютинъ дѣлитъ военную статистику на три отдѣла (15):

«1. Вступленіе должно заключать въ себѣ общее обозрѣніе цѣлаго государства въ военномъ отношеніи, т. е. разсмотрѣніе основныхъ силъ его или элементовъ съ военной точки зрѣнія и въ той степени сколько могутъ они имѣть общее вліяніе на военную силу цѣлаго государства.

«2. Собственно изслѣдованіе вооруженныхъ силъ сухопутныхъ и морскихъ, равно какъ и всѣхъ способовъ къ устренію ихъ, снабженію, содержанію и приготовленію къ военному времени.

«3. Частное изслѣдованіе стратегическаго положенія государства по театрамъ войны, противъ той или другой державы, съ различными обстоятельствами».

(13) Тамъ же стр. 53 и 54.

(14) Тамъ же стр. 54.

(15) Тамъ же стр. 58.

Разсматривая эту систему въ подробностяхъ, изложенныхъ авторомъ (16) и выполненныхъ имъ въ обзорахъ сосѣднихъ съ Россіею европейскихъ государствъ, нельзя не замѣтить, что: 1-й отдѣлъ, по собственному выраженію автора, есть не что иное, какъ *статистика вообще*, но только въ *сжатомъ видѣ* и съ исключительно военною точкою зрѣнія (17) (\*); 2-й отдѣлъ — *военная администрація*, предметъ составляющій теперь въ Академіи особую кафедру, и 3-й отдѣлъ — *военная географія*, отринутая авторомъ какъ самобытная наука, и введенная въ военную статистику какъ самобытная часть послѣдней.

Мы уже сказали свое мнѣніе относительно предмета подлежащаго изслѣдованію 1 отдѣла; но по поводу выраженія въ *сжатомъ видѣ* не можемъ не замѣтить еще, что размѣрами или масштабомъ изслѣдованія нельзя опредѣлять науку. Если возможно существованіе статистики, съ исключительно военною точкою зрѣнія въ *сжатомъ видѣ*, то возможно и въ обширномъ. Этимъ выраженіемъ авторъ вѣроятно хотѣлъ только показать отношеніе въ размѣрахъ 1 отдѣла къ прочимъ; но и въ такомъ случаѣ едва-ли правъ. Неужели напримѣръ свойства климата, о которыхъ въ военной статистикѣ Пруссіи, составляющей цѣлый томъ, говорится только на пяти строчкахъ (18), менѣе важны въ военномъ отношеніи чѣмъ подробныя числовыя свѣдѣнія о составѣ ротъ, или о стратегическомъ значеніи какой нибудь рѣчки, которой стоитъ только замерзнуть, чтобъ не имѣть никакого стратегическаго значенія? Вообще въ военно-статистическихъ обзорахъ Германскаго Союза и Пруссіи не замѣтно большой соразмѣрности между составными частями. Кромѣ того самая система, принятая авторомъ, обуславливаетъ частыя повторенія одного и того же, только въ различныхъ степеняхъ объема. Такія повторенія бросаются болѣе всего въ глаза въ 1 и 3 отдѣлахъ. «Въ 1 отдѣлѣ,» говоритъ г. Горловъ въ своей рецензій, «предполагается между прочимъ разсматривать геогра-

(16) Тамъ же стр. 39 — 67.

(17) Тамъ же стран. 61.

(\*) Это-то военная точка зрѣнія и даетъ особенность статистическимъ свѣдѣніямъ, входящимъ въ кругъ военной статистики; г. Милютинъ правъ, излагая этого отдѣла въ военной статистикѣ, ибо ему иначе нигдѣ не будетъ мѣста. *Ред.*

(18) Въ «Перв. опытѣ воен. ст.» части 2 на стр. 29 о климатѣ Пруссіи сказано только слѣдующее: «климатъ измѣняется не столько соответственно широтамъ, сколько по различію въ высотѣ мѣстъ, близости къ морю и свойствамъ почвы. Вообще при равныхъ широтахъ и при одинаковыхъ другихъ условіяхъ, къ востоку климатъ суровѣе, къ западу теплѣе.»

«Физическіе элементы относительно снабженія, расположенія войскъ, перевозки военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и проч. Эти статьи вносить программа въ 3 отдѣлъ, и еще два раза — сначала въ общій обзоръ, потомъ въ собственно стратегическое описаніе. Конечно, одни и тѣ же предметы могутъ быть описываемы короче и обширнѣе, смотря по потребностямъ общихъ взглядовъ или частныхъ цѣлей; но во всякомъ случаѣ изложеніе въ трехъ степеняхъ объема намъ кажется непрактическимъ.»

Изслѣдованіе о вооруженныхъ силахъ государства могло составлять существенный предметъ военной статистики, пока не отдѣлилось въ особую и весьма обширную науку; но съ тѣхъ поръ, какъ военная администрація приняла самостоятельное значеніе, существованіе военной статистики сдѣлалось окончательно невозможнымъ. Одинъ и тотъ же предметъ не можетъ быть разсматриваемъ съ одной и той же точки зрѣнія двумя науками. Дѣйствительно, между военною администраціею и военною статистикою нѣтъ разницы не только по предмету, но и по точкѣ зрѣнія. Предметъ обѣихъ — вооруженныя силы, и если военная администрація ограничивается до настоящаго времени сухопутными войсками, и упускаетъ изъ вида морскія силы и крѣпости, — то это происходитъ оттого что, по недавнему своему существованію, она не успѣла еще объять всего своего предмета. По точкѣ зрѣнія, между обѣими науками также нѣтъ разницы. Если бы военная администрація могла остаться наукою, излагающею только военные законы, то роль военной статистики опредѣлилась бы изслѣдованіемъ самаго проявленія ихъ въ дѣйствительности. Но такое раздѣленіе было бы непрактично, потому что оцѣнка достоинства законовъ обуславливается ихъ проявленіемъ въ дѣйствительности, точно такъ же, какъ оцѣнка состоянія вооруженныхъ силъ — достоинствомъ военныхъ законовъ. Элементы военно-юридической и военно-статистической имѣютъ такую тѣсную связь между собою, что почти невозможно разсматривать ихъ независимо одна отъ другаго; тѣмъ болѣе, что собственно статистическихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ, достаточно полныхъ и вѣрныхъ для отдѣльнаго изслѣдованія, далеко не представляетъ ни одна изъ европейскихъ литературъ. По этой послѣдней причинѣ, въ военной статистикѣ Пруссіи и Германіи г. Милютна, какъ справедливо замѣтилъ г. Горловъ, элементъ военно-юридическій имѣетъ сильный перевѣсъ надъ военно-статистическимъ (\*).

(\*) Военная статистика и военная администрація двѣ существенно различныя отрасли знанія. Первая излагаетъ факты проявленія силы военной, какъ они въ

Предметы, отнесенные авторомъ къ 3 отдѣлу, по самому существу своему принадлежать и другимъ отдѣламъ. Поэтому въ принятой имъ системѣ военной статистики, являются, какъ уже было замѣчено, частыя повторенія, обличающія слишкомъ искусственное построеніе ея. Особенность 3 отдѣла основана авторомъ не на предметахъ изслѣдованія, а на точкѣ зрѣнія на нихъ. На предметы обращается здѣсь вниманіе только въ отношеніи предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій, при болѣе или менѣе вѣроподобныхъ условіяхъ; базую 3 отдѣла поставлена такимъ образомъ гипотеза, болѣе принаровленная къ современнымъ обстоятельствамъ, чѣмъ такія же гипотезы эригерцога Карла и Наполеона въ ихъ стратегическихъ разборахъ Южной Германіи и Сѣверной Италіи; но тѣмъ не менѣе нѣчто слишкомъ произвольное и шаткое, чтобы служить основою для науки. Оцѣнить всѣ многостороннія до безконечности обстоятельства, которыя могутъ обнаружить вліяніе на ходъ войны, нѣтъ никакой возможности, и всякія предварительныя сужденія объ этомъ предметѣ не что иное, какъ догадки, болѣе или менѣе одностороннія и ошибочныя. Зданіе, построенное на нихъ, разрушается при всякой малѣйшей перемѣнѣ въ значеніи обстоятельствъ. Въ отчетѣ 1848 года, Академія сознается, что «неожиданныя событія политическія, совершившіяся въ Западной Европѣ въ началѣ 1848 года, во многомъ измѣнили и соображенія «стратегическія». Последняя война еще менѣе оправдала эти соображенія. Вообще разборы театровъ войны относительно предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій оказались практическими только въ мирное время; но лишь только открывалась война, они теряли свое значеніе. Вотъ почему эти разборы недостойны авторитета науки, читаемой съ кафедръ, и могутъ быть только полезны для пракческаго упражненія учениковъ (\*).

Разобравъ основныя положенія автора о военной статистикѣ, мы пришли къ убѣжденію, что предметъ этотъ ни по идеѣ, ни по

---

дѣйствительности существуютъ. Вторая излагаетъ *правила* управленія военными силами. Очевидно, что военная статистика, для уразумѣнія значенія фактовъ въ военномъ отношеніи, должна принять въ руководство воззрѣнія военной администраціи, а послѣдняя должна опираться въ своихъ соображеніяхъ на статистическіе факты. *Первая дѣлаетъ инвентарь того, что подлежитъ управленію; вторая указываетъ какъ управлять.* Ред.

(\*) Объ этомъ предметѣ можно сказать то же, что обо всѣхъ гипотетическихъ соображеніяхъ, предшосылаемыхъ разнымъ практическимъ предпріятіямъ: хотя разборы театровъ войны оказались ошибочными въ военное время, но ошибокъ было бы, можетъ статься, еще болѣе, если бы не было разборовъ въ мирное время.

Ред.

содержанію не можетъ составить самобытной науки. Мысль объ изслѣдованіи государствъ и странъ съ исключительно военною точкою зрѣнія, преслѣдуемая постоянно въ Академіи, достигла въ сочиненіи г. Милютина полного развитія; но какъ односторонняя, и потому самому неправильная, не могла привести къ прочимъ результатамъ. Переходомъ отъ военной географіи къ военной статистикѣ авторъ безспорно оказалъ большую услугу Академіи; но мы сожалѣемъ, что въ этомъ случаѣ онъ остался еще слишкомъ вѣрнопукоренившимся въ ней и отчасти въ военной литературѣ идеямъ о спеціально-военномъ изученіи государствъ; что онъ совершенно не оторвался отъ исторической почвы и не посмотрѣлъ прямо на вопросъ: въ какомъ отношеніи военные интересы въ государствѣ стоятъ къ интересамъ политическимъ и общественнымъ, матеріальнымъ и нравственнымъ. Тогда бы, по всей вѣроятности, онъ пришелъ не къ особой спеціально-военной статистикѣ, но къ статистикѣ общей, расширенной только военною точкою зрѣнія и приимѣненной такимъ образомъ къ потребностямъ Военной Академіи (\*).

Главное назначеніе Академіи заключается въ приготовленіи офицеровъ къ службѣ Генеральнаго Штаба, а одну изъ важныхъ обязанностей послѣдняго составляетъ собраніе и разработка статистическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для военныхъ соображеній, по составленію, снабженію, расположенію, передвиженію, дѣйствию и проч. вооруженныхъ силъ. Эти свѣдѣнія обнимаютъ собою, какъ справедливо замѣтилъ г. Милютинъ, почти весь составъ государства, и потому Академія должна познакомить офицеровъ съ сущностію статистики во всемъ ея обширномъ объемѣ, и показать на какой степени развитія находится эта наука въ настоящее время, какими путями слѣдуетъ ей итти къ разрѣшенію различныхъ общественныхъ, политическихъ и спеціально-военныхъ вопросовъ, до какихъ результатовъ достигла и проч. и проч. Академія должна приготовить офицеровъ къ самостоятельному занятію по части статистики, и связать свои подготовительные труды съ исполнительными работами самаго Генеральнаго Штаба. Но этой-то связи между обоими учрежденіями и не было замѣтно до настоящаго времени. Теоретическіе взгляды

---

(\*) Согласно со всѣми прежними нашими замѣчаніями, мы должны присоединиться къ воззрѣнію г. Милютина. Въ немъ мы видимъ болѣе вѣрный взглядъ на значеніе науки, или лучше болѣе строгое пониманіе науки, раздѣляемое впрочемъ и почтеннымъ авторомъ настоящей статьи; мы признаемъ болѣе сообразнымъ отличить военную статистику, какъ спеціальную отрасль, если не общечеловѣческаго знанія, то сферы практическихъ свѣдѣній (Kunde), чѣмъ присоединять ее къ общей статистикѣ, гдѣ ей нѣтъ мѣста.

Академіи вовсе не прививались къ практическимъ трудамъ Генеральнаго Штаба, и на оборотъ, послѣдніе не имѣли никакого вліянія на академическій курсъ. Такой разладъ въ общемъ дѣлѣ сильнѣе всего говоритъ противъ односторонности этого курса.

Обратимся теперь къ военно-статистическимъ трудамъ Генеральнаго Штаба.

## II.

Собираніе и разработка статистическихъ свѣдѣній составляетъ у насъ, какъ мы уже сказали, одну изъ главныхъ обязанностей Генеральнаго Штаба. До образованія въ 1834 году Военнаго Министерства, офицеры этого Штаба были обязаны, при производствѣ государственныхъ съемокъ и особенно военныхъ обзрѣній и рекогносцировокъ, собирать, по даннымъ имъ указаніямъ и таблицамъ, нѣкоторые статистическія свѣдѣнія, спеціально относившіяся къ ихъ работамъ. Съ теченіемъ времени, масса этихъ свѣдѣній сдѣлалась очень значительна, но они не были приведены въ систему, и притомъ все болѣе и болѣе старѣли и дѣлались малопрігодными для употребленія. Въ слѣдствіе этого 5 декабря 1836 года, Генеральному Штабу Высочайше повелѣно было составлять и чрезъ каждые три года повѣрять и исправлять военно-статистическія описанія губерній и областей Имперіи, для употребленія собственно Военнаго Министерства, главныхъ военныхъ управленій и Генеральнаго Штаба. Первоначально военно-статистическія описанія были составляемы по образцу такого же описанія Виленской губерніи, а потомъ по программѣ, утвержденной г. Военнымъ Министромъ 1 октября 1847 года. Такимъ образомъ, въ 17 лѣтъ, съ 1837 по 1854 годъ, при департаментѣ Генеральнаго Штаба были послѣдовательно налитографированы и потомъ напечатаны три изданія военно-статистическихъ описаній 69 губерній и областей Имперіи, которыя были употребляемы означенными вѣдомствами, но для публики оставались недоступными. Что же касается до повѣрки, исправленія и пополненія ихъ чрезъ каждые три года, то эти періодическія работы, превышая средства Генеральнаго Штаба, не могли быть ни разу приведены въ исполненіе (19).

Программа 1847 года состояла изъ двухъ частей: *обще-статистической* и *спеціально-военной*. Первая часть обнимала собою тѣ же самые предметы, которые излагаются въ общей статистикѣ, и

(19) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ напечатаннаго въ 1837 году «Наставленія о производствѣ статистическихъ работъ Генеральнымъ Штабомъ».

не отличалась отъ послѣдней даже по своему направленію. Правда, программа вводила мѣстами военную точку зрѣнія на статистическія данныя, но нигдѣ и не давала ей исключительнаго значенія. Вторая часть, заключавшая въ себѣ свѣдѣнія о средствахъ губерній къ расквартированію и провіантскому и комиссаріатскому довольствію войскъ, а также о дѣйствительномъ ихъ расположеніи и снабженіи, была отдѣлена отъ первой, на основаніи не столько спеціальности, сколько секретности этихъ свѣдѣній. Впрочемъ, если почти всѣ данныя, которыя излагались во второй части, такъ же важны въ экономическомъ отношеніи, какъ и въ военномъ, и потому сами по себѣ не могли считаться спеціальными; то въ замѣтъ этого, спеціальная точка зрѣнія господствовала здѣсь исключительно. По нашему мнѣнію—это ошибка, которая на практикѣ легко могла повлечь къ неравномѣрному и обременительному для народа расквартированію и снабженію войскъ. Не входя въ дальнѣйшій разборъ спеціальныхъ свѣдѣній, считающихся секретными, замѣтимъ только, что они составляли весьма незначительную часть программы, которая, говоря вообще, не столько заботилась объ исключительной и не совсѣмъ понятной военно статистической спеціальности, сколько объ общестатистическихъ свѣдѣніяхъ, существенно необходимыхъ для сообщеній Военнаго Министерства, точно такъ же, какъ и для всякаго другаго вѣдомства, имѣющаго широкій кругъ дѣятельности. Отдавая справедливость такому направленію программы, нельзя однако не замѣтить, что она была составлена не совсѣмъ согласно, ни съ теоретическими требованіями науки, ни съ средствами практическаго ея выполненія.

Вообще составленіе программы для подробной статистики всей Россіи дѣло чрезвычайно важное и трудное, и мы думаемъ, что оно не можетъ быть сдѣлано удачно иначе, какъ совокупнымъ трудомъ многихъ спеціалистовъ по различнымъ частямъ государственнаго управления. То же самое мы полагаемъ и о самомъ выполненіи официальной статистики Россіи. Каждое отдѣльное министерство или вѣдомство можетъ съ успѣхомъ собрать и разработать статистическія свѣдѣнія, находящіеся въ кругу его непосредственной административной дѣятельности; но лишь только захочетъ выйти изъ этого круга, неминуемо встрѣтитъ множество препятствій, и успѣхъ дѣла становится сомнительнымъ. По этому—то прекрасное предпріятіе Генеральнаго Штаба—составить подробную статистику всей Россіи по губерціямъ, задуманное въ первый разъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ неуклонною настойчивостію приведенное къ окончанію, не вполнѣ удалось. Разбирая, по порученію статистическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вмѣстѣ

съ Дѣйствительнымъ Членомъ В. П. Безобразовымъ, трудъ Генеральнаго Штаба, мы подробнѣ развили нашу мысль, и потому въ настоящемъ случаѣ не будемъ повторять сказаннаго и перейдемъ прямо къ вновь утвержденному г. военнымъ министромъ 9 мая 1857 года положенію о четвертомъ изданіи и постоянныхъ впредь повѣркѣ, исправленіи и пополненіи военно-статистическихъ описаній губерній и областей Россійской Имперіи.

Новое положеніе осталось въ главныхъ основаніяхъ вѣрнымъ прежнему способу собиранія статистическихъ свѣдѣній, но при этомъ озаботилось объ одновременности составленія и періодическаго исправленія военно-статистическихъ описаній. Всѣ вообще свѣдѣнія, которыя послужатъ къ составленію 4 изданія, предполагается довести до 1 января 1857 года, и затѣмъ исправленія производить чрезъ каждые три года. Но важнѣйшая мѣра новаго положенія заключается въ приданіи публичности значительной части труда Генеральнаго Штаба. «Такъ какъ военно-статистическія описанія,» говоритъ положеніе, «заключаютъ въ себѣ много занимательнаго и поучительнаго для каждаго Русскаго, то и полагаются составлять ихъ такимъ образомъ, чтобы часть оныхъ, заключающая въ себѣ свѣдѣнія собственно военныя, спеціальныя, оставалась недоступною для публики, другая же—содержащая въ себѣ всѣ затѣмъ свѣдѣнія общія, могла быть сообщена сей послѣдней. Для этого описаніе каждой губерніи или области раздѣляется на двѣ части: *общую* и *спеціально-военную*, подраздѣляющіяся одинаковымъ образомъ на отдѣлы *историческій*, *географическій* и *статистическій*, съ прибавленіемъ ко второй части еще одного четвертаго отдѣла — прежнихъ *спеціальныхъ свѣдѣній*.»

Глубоко сочувствуя просвѣщенному намѣренію Генеральнаго Штаба—дѣлиться своими трудами съ публикою, не можемъ однако умолять, что положеніе, раздѣливъ статистику на *общую* и *спеціально-военную*, не объяснило въ чемъ заключается различіе между ними? и чѣмъ должны отличаться отдѣлы 2 части описанія каждой губерніи отъ параллельныхъ имъ отдѣловъ 1-й? По этому предмету оно говоритъ только, что *военно-историческій взглядъ* на губерніи въ военной статистикѣ долженъ быть составленъ въ болѣе сжатомъ объемѣ, нежели *историческій взглядъ* въ общей статистикѣ (20), и затѣмъ *военно-географическое* и *военно-топографическое*, а также *военно-статистическое* описаніе губерніи въ военной статистикѣ должны заключать въ себѣ тѣ же предметы и въ томъ же порядкѣ, какъ и *географическое* и *статистическое* описанія въ общей статистикѣ, но

(20) Стран. 3 «Положенія».

исключительно въ военномъ отношеніи и въ примѣненіи къ военнымъ цѣлямъ (21). Повторяя послѣднее выраженіе нѣсколько разъ, положеніе нигдѣ однако не объясняетъ его значенія, а между тѣмъ слова въ военномъ отношеніи и съ военными цѣлями до такой степени общи, что съ ними не соединяется никакого опредѣленнаго и яснаго понятія. Въ напечатанномъ вмѣстѣ съ положеніемъ «наставленіи о производствѣ статистическихъ работъ Генеральнымъ Штабомъ», вопросъ о значеніи военной статистики оставленъ также безъ отвѣта.

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ различныя фазы проявленія въ Академіи и въ Генеральномъ Штабѣ мысли о военной статистикѣ, заключимъ нашу статью желаніемъ, чтобы спеціалисты въ военныхъ наукахъ и въ статистикѣ обратили вниманіе на вопросъ объ этомъ предметѣ.

**А. И. МАКШЕЕВЪ,**  
Д. Чл. Общ.

18 марта 1888 г.  
Г. Парижъ.




---

(21) Тамъ же стран. 3 и потомъ 5.

## У.

### КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ.

---

**СЕРЫЕ СѢРНЫЕ КЛЮЧИ ДИКАГО ОЗЕРА, ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.** Проживая нѣсколько лѣтъ въ Оренбургской губерніи, и изучая по возможности этотъ край въ геогностическомъ отношеніи, мнѣ ни разу не случалось слышать или читать въ топографическихъ описаніяхъ этой губерніи о существованіи сѣрныхъ ключей въ Бирскомъ уѣздѣ; и кажется, что присутствіе такихъ ключей у Дикаго озера извѣстно только мѣстнымъ жителямъ.

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ, разъѣзжая, по дѣламъ службы, по Бирскому уѣзду, и спрашивая иногда жителей о достопримѣчательностяхъ ихъ окрестностей, я узналъ отъ одного крестьянина, что въ восьми верстахъ отъ деревни, гдѣ я тогда находился, есть сѣрное вонючее озеро. Такая для меня новость подстрекнула меня отправиться къ этому озеру.

Считаю нелишнимъ сообщить результаты моего кратковременнаго осмотра этой мѣстности. Такъ называемое Дикое озеро лежитъ въ вотчинѣ Башкирцевъ деревни Угузовой, на разстояніи одной версты отъ деревни Симкиной удѣльнаго вѣдомства. Мѣстность здѣсь чрезвычайно гористая. Горы, прилежающія къ Дикому озеру, сложены изъ мощныхъ пластовъ сѣраго и бѣлаго алебастра (называемаго въ здѣшней губерніи опокою), съ прожилками гипса. Эта горная порода встрѣчается здѣсь очень часто по теченію рѣки Бѣлой и ея притоковъ. Глыбы алебастроваго камня, добытаго около Ди-

каго озера, для построения храма въ деревнѣ Калининкахъ, такъ значительны и тверды, что разрывались порохомъ. — Отъ подошвы горы, при деревнѣ Симкиной, простирается къ югу равнина, заливаемая весною водами рѣкъ Бѣлой и Старицы (старое теченіе р. Бѣлой, нынѣ рукавъ ея). На этой равнинѣ расположенъ рядъ озеръ, соединенныхъ другъ съ другомъ протоками. Дикое озеро, имѣющее не менѣе трехъ верстъ въ длину и до 70 сажень въ ширину, принадлежитъ къ числу среднихъ озеръ этой равнины, и соединяется съ сосѣднимъ озеромъ Еланкулемъ протокомъ въ  $2\frac{1}{2}$  сажени ширины. Кругомъ озера нигдѣ не замѣтно сѣрныхъ ключей; но присутствіе ихъ явно обнаруживается сѣрнымъ запахомъ, выходящимъ изъ озера и его истока и бѣловатымъ осадкомъ, покрывающимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самое дно озера и предметы, погруженные нѣсколько времени въ его водѣ, какъ то: иль, дерево, водорасли и т. п. Запахъ, напоминающій протухлыя яйца, тотчасъ слышенъ при вынутіи этихъ предметовъ изъ воды или тины озера. Въ лѣтнее время сѣрный запахъ не такъ чувствителенъ, но зимою, по отзыву крестьянъ деревни Симкиной, онъ бываетъ невыносимъ, въ особенности когда вѣтеръ дуетъ съ озера. Осенью, при умѣренныхъ морозахъ, озеро покрывается льдомъ, а во время сильной стужи ледъ исчезаетъ и тогда распространяется по окрестности сильный запахъ сѣры. Высохшая у самаго берега тина замѣтно покрыта сѣрватою пылью. Дно озера неровное, и мѣстами видно простымъ глазомъ, но посрединѣ представляетъ воронкообразныя омуты, въ нѣсколько сажень глубины. Со дна этихъ омутовъ выступаетъ жидкость молочнаго цвѣта, которая, смѣшавшись съ проточною прѣсною водою, уносится ею чрезъ истоки. Сравнивая молочный цвѣтъ и запахъ этой воды съ цвѣтомъ и запахомъ воды Сергіевского сѣрнаго озера, гдѣ устроено лѣчебное заведеніе, и припоминая сходство здѣшнихъ горныхъ породъ съ породами окрестностей Сергіевска, гдѣ также господствуютъ алебастръ и гипсъ, нельзя не убѣдиться, что со дна Дикаго озера бьютъ сѣрные ключи и, можетъ быть, очень сильныя; но въ какой мѣрѣ они насыщены сѣрою, при настоящихъ условіяхъ мнѣ трудно было узнать. Жители деревни Симкиной увѣряютъ, что около Троицына дня Дикое озеро покрывается множествомъ дохлой рыбы. Уже это обстоятельство показываетъ, что вода здѣсь сильно насыщена сѣрою. Но почему рыба гибнетъ преимущественно около Троицына дня — это вопросъ, который требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія. Можетъ быть, это явленіе происходитъ оттого, что только весною вода, проникая глубоко въ землю, производитъ давленіе на подземныя водскопища, и заставляетъ сѣрные ключи выступать съ большею силою. отчего

вода въ озерѣ насыщается сѣрою до такой степени, что рыба задыхается. Это обстоятельство въ нѣкоторой степени подтверждается самымъ выраженіемъ мѣстныхъ жителей, что около Троицына дня озеро загарается, то есть возмущается и принимаетъ молочный цвѣтъ.

Алебастровыя горы, равно какъ и всѣ окрестности Дикаго озера, носятъ на себѣ признаки тѣхъ горныхъ породъ, которымъ Р. Мурчисонъ, по несходству ихъ съ другими извѣстными формаціями, далъ названіе Пермской системы. Впрочемъ, пермскіе осадки составляютъ здѣсь нижнюю формацію, и почти вездѣ покрыты толстымъ слоемъ красной глины третичнаго, моласоваго періода. Въ восьми верстахъ отъ деревни Симкиной, въ казенной Юландинской дѣсной дачѣ, при самой рѣкѣ Бѣлой, третичная глина замѣнена пластомъ сыпучаго песка, въ 8 и 10 сажень толщины. — Что этотъ песокъ и глина не суть члены Пермской системы, а должны быть признаны за образованія новѣйшей формаціи, это доказывается присутствіемъ въ нихъ костей мамонтовъ необыкновенныхъ размѣровъ.

Для испытанія минеральныхъ ключей Дикаго озера, необходимо бы было достать воды со дна омутовъ, при самомъ выходѣ ключей. Можетъ быть вода эта обнаружила бы какія нибудь особенныя минеральныя свойства.

Кромѣ того, очень любопытно бы было сдѣлать около озера нѣсколько буровыхъ отверстій, изъ которыхъ сѣрныя подземныя водоскопница могли бы просачиваться на поверхность земли. Подобныя изслѣдованія могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать и къ отысканію около Бирска каменной соли, такъ какъ въ окрестностяхъ города есть соляные ключи. — Нѣсколько такихъ ключей выхоитъ изъ горы, близъ казенной деревни Уржумовой, въ 20 верстахъ отъ Бирска; а въ 2 верстахъ отъ города есть озеро, называемое Усолъе, на которомъ, дѣтъ 35 тому назадъ, устроено было солеварное заведеніе.

**АЛЕКСАНДРЪ ПЕКЕРЪ.**

Г. Бирскъ,  
30 іюня 1858 года.

**ПИСЬМО ДОКТОРА ГУСТАВА КЛЕЙМА КЪ ИСПРАВЛЯЮЩЕМУ ДОЛЖНОСТЬ СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА В. П. БЕЗОБРАЗОВУ (').** «Пока я не окончилъ моихъ подробныхъ изслѣдованій относительно этно-

(') Помѣщая на страницѣхъ «Вѣстника» письма почтеннаго ученаго, Редація надѣется, что его вопросы и замѣчанія вызовутъ любопытныя наблюденія,

графическихъ предметовъ, принадлежащихъ Россіи, позвольте мнѣ передать вамъ, для Императорскаго Географическаго Общества, нѣсколько замѣчаній, которыя, если обратятъ на себя вниманіе русскихъ любителей древностей, не останутся безъ пользы.

«Въ IV части моей «исторіи культуры» (\*) я указалъ на важную роль, которую бронза играетъ въ исторіи развитія народовъ, и замѣтилъ, что она постоянная спутница исторически дѣйствующихъ человѣческихъ расъ (active Menschenrassen), такъ что украшенія и орудія изъ этого сплава встрѣчаются повсюду, куда проникли члены этихъ расъ, — въ Азіи, Африкѣ, Европѣ и Америкѣ.

«Такія бронзовые вещи попадаютъ въ слѣдующихъ видахъ:

«1. Украшенія, а именно:

«а. Кольцеобразныя, какъ то: браслеты, колечки, ожерелья, кольца для ногъ и головы, разнообразнѣйшихъ формъ, подобные тѣмъ кольцамъ изъ желтой мѣди, которыя отчасти теперь еще носятъ Мордва, Индусы, сѣверные Африканцы, даже Каффы, съ тою впрочемъ разницею, что у этихъ народовъ желтая мѣдь или желѣзо замѣняютъ бронзу.

«б. Спиральныя проволоки, имѣющія отъ  $\frac{1}{3}$  до  $2\frac{1}{2}$  дюймовъ въ поперечникѣ, — большаго объема для ожерельевъ, и меньшаго для колецъ и браслетовъ. Эти украшения находятъ во всей Европѣ, отъ Италіи до Скандинавіи и отъ Англіи до Одера. Спрашивается, найдены ли подобныя между Одеромъ и азіатскою границею?

«в. Бронзовые шарики, просверленные на подобіе бусъ, бубенчики, или круглыя, внутри пустыя пуговицы.

«г. Треугольнички изъ бронзоваго листа, вверху просверленные для привѣшиванія, найдены, въ видѣ украшеній для головы или діадемъ, въ Ашераленѣ (въ Курляндіи (\*\*)), въ гробницахъ богатыхъ бронзовыми украшениями. И нынѣ еще такіе треугольнички изъ желтой мѣди привѣшиваются къ груднымъ застѣжкамъ каріюльскихъ женщинъ и къ курительнымъ трубкамъ ихъ мужей. Подобныя украшения, изъ краснаго сукна, я видѣлъ на шубахъ польскихъ земледѣльцевъ, близъ Кракова.

«2. Орудія:

со стороны нашихъ соплеменниковъ. — Безъ такия наблюденія, хотя бы они совершенно противурѣчили выводамъ д-ра Клемма, будутъ съ благодарностью помѣщаемы въ «Вѣстникѣ» и, по желанію авторовъ, сообщаемы г. Клемму.

(\*) Cultur-Geschichte von Dr. Gustav Klemm, Leipzig, 1856.

(\*\*) Авторъ вѣроятно разумѣетъ Ашераленъ — въ Лифляндіи, близъ Коке-хузла, у береговъ Двины.

«а. *Топорный клинокъ*, подражаніе древнѣйшей, первобытной формѣ каменнаго топорнаго клинка (см. Cultur-Gesch., часть III, стр. 95), нынѣ еще встрѣчается, въ этомъ же видѣ, у сѣверныхъ и юго-западныхъ Африканцевъ и у Калмыковъ. Въ той же III части моего сочиненія постепенное усовершенствованіе топора объяснено снимками съ оригиналовъ, хранящихся въ моей коллекціи. По свѣдѣніямъ, какія мнѣ до сихъ поръ удалось собрать, это орудіе не попадается въ центральной Европѣ далѣ Вислы; однакожь оно встрѣчается еще въ Индіи и въ средней Америкѣ, и потому полагаютъ, что оно было въ употребленіи и въ земляхъ, лежащихъ между Вислой и Волгой.

«б. *Бронзовый ножъ*, какъ я узналъ изъ вашего обязательнаго письма (\*), отыскивается и въ сибирскихъ гробницахъ, въ формѣ, которая встрѣчается также въ Испаніи, и то вслѣдствіе пребыванія Арабовъ. Всѣ наши (германскія) формы собраны мною въ III части стр. 133 моей Cultur-Gesch.

«в. *Кинжалъ* (Cultur-G. III, 154) попадаетъ одинаковой формы: бронзовый — въ древне-европейскихъ, желѣзный — въ азіатскихъ и африканскихъ памятникахъ.

«г. *Бронзовые мечи* (Cultur-G. III, 180), нерѣдко искусно украшенные, найдены въ Греціи, Италиі и во всѣхъ германскихъ земляхъ.

«д. *Бронзовыя острія копьевъ и стрѣлъ* (Cultur-G. III, 239.) распространены по всей Европѣ.

«е. *Шилообразныя орудія*, употребляемыя для шитья кожъ, или служившія шпильками для волосъ, были: изъ мѣди — у древнихъ Перуанцевъ (у меня есть такія изъ Serra del Pasco), изъ бронзы — въ земляхъ германскихъ и романскихъ, изъ желѣза — у южныхъ Африканцевъ, изъ этихъ же и другихъ металловъ — въ Индіи и Китаѣ.

«По моему мнѣнію, было бы весьма полезно для науки о человѣческой культурѣ и древностей, если бы Императорскому Русскому Географическому Обществу угодно было освѣдомиться во всѣхъ частяхъ Имперіи: есть-ли такіе бронзовые предметы и гдѣ именно? сохранились ли эти формы еще нынѣ? и изъ какихъ металловъ?

«Изъ украшеній, которыя вы такъ обязательно мнѣ прислали въ прошломъ году, я увидѣлъ, что у нынѣшнихъ жителей Россіи сохранились еще очень многія древнія формы украшеній и орудій. Такъ напр., колечки и браслеты вами присланные одина-

(\*) См. кн. 5 «Вѣстника» 1838 г. Отд. V, стр. 41.  
Т. XXIV. — Отд. V.

овой формы съ тѣми, которые были найдены въ германскихъ и литовскихъ гробницахъ. Вся разница заключается лишь въ различіи украшенія — а это для этнографіи не менѣе важно, чѣмъ надписи на памятникахъ.

«Когда намъ удастся лучше проникнуть въ науку объ украшеніяхъ (Ornamenten-Kunde), т. е. когда мы будемъ въ состояніи точно сравнивать отличительныя, характерныя украшенія народовъ азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ и европейскихъ, то мы получимъ, подобно какъ отъ геральдики, весьма интересныя свѣдѣнія о родословной этихъ племенъ и народовъ.»

15 (3) іюня. Дрезденъ.



#### ПОПРАВКА:

Въ оглавленіи XXIII части «Вѣстника» (кн. 8) по ошибкѣ напечатано имя автора статьи: «нѣсколько словъ о Ветлуго-Заводжскомъ краѣ» Н. Аванасьевъ, вмѣсто В. Архангельскій.

# **В Ъ С Т Н И К Ъ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

# ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакцію исправляющаго должность Секретаря Общества

*В. П. Безобразова.*

---

1858.

---

**ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**



**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

**1858.**

ПЕЧАТАТЬ ПОВЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узакононое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10 ноября 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

# I.

## ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

### ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

8 октября 1858 года.

---

Императорское Русское Географическое Общество имѣло, 8-го октября, свое первое послѣ вакаціоннаго времени, общее собраніе. Подъ предѣдательствомъ г. Вице Предѣдателя *О. П. Литке* присутствовало 95 членовъ и постороннихъ посѣтителей.

Засѣданіе началось, по заведенному порядку, сообщеніемъ о приношеніяхъ, поступившихъ въ пользу Общества послѣ предвѣдущаго общаго собранія. Особенное вниманіе обратили на себя богатые костюмы инородцевъ, присланные въ Общество г. начальникомъ Казанской губерніи и именно: полный *татарскій* женскій костюмъ (стоющій до 350 р. сер. и пожертвованный казанскимъ 1 гильдіи купцомъ Юнусовымъ), черемесскій, чувашскій и мордовскій, также четыре костюма вотяковъ и черемись, присланные г. начальникомъ Вятской губерніи.

За тѣмъ *Д. Чл. В. П. Безобразовъ*, исправлявшій должность Секретаря въ отсутствіе *Е. И. Ламанскаго*, сообщилъ о ходѣ всѣхъ ученыхъ предпріятій Общества въ теченіи вакаціоннаго времени и о настоящемъ положеніи разныхъ его работъ.

*Сибирская экспедиція.* Отъ главнаго Астронома экспедиціи г. Шварца получено донесеніе изъ Безкацонки, отъ  $\frac{19}{3}$  іюля. Согласно первоначально начертанному плану, членъ экспедиціи *поручикъ Рожковъ* отправился изъ Иркутска (6 іюня) въ лодкѣ

внизъ по Ангарѣ. Онъ долженъ былъ опредѣлить нѣкоторые пункты по теченію этой рѣки, слѣдуя по ней до Енисейска и къ серединѣ сентября прибыть въ Красноярскъ, общемъ соединительномъ пунктѣ, для возвращенія въ С. Петербургъ всей экспедиціи; отъ г. Рожкова уже есть довольно благоприятныя свѣдѣнія о его путешествіи. Поврежденіе въ хронометръ замѣтно нѣсколько выѣздъ г. Шварца изъ Иркутска. 24 іюня онъ отправился въ Красноярскъ, куда и прибылъ 24 іюля. Здѣсь Членъ-соревнователь общества П. И. Кузнецовъ обязательно снабдилъ г. Шварца своимъ столовымъ хронометромъ Дента. 10 іюля прибылъ г. Шварцъ въ Минусинскъ, гдѣ нашелъ самое живое сочувствіе къ цѣлямъ экспедиціи и дѣятельное содѣйствіе своему предпріятію со стороны начальника Минусинскаго округа кн. Кострова. г. Шварцъ опредѣлялъ широту и долготу своей исходной точки селенія Безкацонки, при впаденіи рѣки тогоже имени съ лѣвой стороны въ Кебенъ, лѣваго притока Ои, которая впадаетъ съ правой стороны въ Енисей. Отсюда онъ намѣревался отправиться на водораздѣлъ между Усомъ (правымъ притокомъ Енисея) и сѣверными притоками Енисея. Перешедши этотъ хребтъ, онъ долженъ былъ достигнуть 20 пограничнаго знака Хонингъ-Дабага, потомъ обозрѣть теченіе Уса и верховья Енисея. Г. Шварцъ, кромѣ астрономическихъ наблюденій, постоянно занимается собираніемъ образцовъ геологическихъ породъ, о коихъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя бѣглыя замѣчанія, и также барометрическими наблюденіями, которыя, какъ онъ говоритъ, весьма сходны въ Минусинскомъ округѣ съ состояніемъ погоды въ Иркутскѣ и Верхнеудинскомъ округѣ. Путешествіе члена экспедиціи г. Усольцова на Амуръ, для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ, оставшихся проблемою въ работахъ экспедиціи, началось благополучно. Отъ натуралиста Раде получено Совѣтомъ донесеніе съ его станціи въ Чинъ-Ганъ отъ  $\frac{1}{13}$  марта. Онъ прислалъ полный каталогъ млекопитающихъ и птицъ, собранныхъ имъ до сихъ поръ въ Восточной Сибири. Онъ намѣревался совершить въ теченіи нынѣшняго лѣта двѣ экскурсіи, для пополненія своихъ свѣдѣній о растеніяхъ вокругъ Чинганскихъ возвышенностей и именно на югъ, къ китайской границѣ, и на сѣверъ въ русскихъ владѣніяхъ. Главный астрономъ сибирской экспедиціи, согласно непреодолимому желанію молодого ученаго, завершить въ будущемъ лѣтѣ 1859 г. свои наблюденія надъ флорою и фауною

долины Амура, ходатайствовалъ о продолженіи срока его пребыванія въ Сибири еще на одинъ годъ. Совѣтъ съ особенною радостію исполнилъ это желаніе, долженствующее обогатить науку новыми результатами, съ такимъ талантомъ и безпримѣрнымъ рвеніемъ добываемые г. Раде. Онъ долженъ посѣтить тункинскіе альпы и водораздѣлъ верховьевъ Енисея и Амура. Подробности изслѣдованій сибирской экспедиціи будутъ постепенно сообщаемы въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

*Хороссанская экспедиція.* Начальникъ экспедиціи Д. Чл. Н. В. Ханьковъ сообщаетъ изъ Мешхеда, что благодаря заботливости персидскаго правительства, путешествіе его и всѣхъ членовъ экспедиціи совершается вполне благополучно. Самъ Н. В. Ханьковъ сдѣлалъ поѣздку въ Тегерацъ, а спутники его обозрѣвали въ это время Астрабадскую провинцію и часть Мазандерана. Топографъ сопровождавшій г. Ханькова снялъ подробный маршрутъ отъ Астрабада чрезъ Шахрудъ до Тегераца; и потомъ до Мешхеда. По словамъ г. Ханькова экспедиція уже теперь обогатилась свѣдѣніями весьма достаточными для ученаго успѣха предпріятія. Г. Бунге между прочимъ собралъ новые для науки виды растений.

*Генеральная карта Россіи.* Работы на картѣ безостановочно подвигались въ Военно-Топографическомъ Депо. Всѣ листы карты въ работѣ. Почти половина окончена въ контурахъ. На двухъ листахъ контуры уже цагравированы. Одинъ листъ уже оконченъ въ оригиналь и гравировается. Часть пробнаго листа окончательно отгравирована и представлена была въ засѣданіи Общества.

*Хронометрическая экспедиція,* предпріятая Обществомъ совокупно съ Генеральнымъ Штабомъ, для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Вятской и Вологодской губерніяхъ, недостающихъ на картѣ Россіи, исполнила въ теченіи лѣта свою задачу, хотя дожди нѣсколько помѣшали полному успѣху. Въ Вятской губ. опредѣлено 33 пункта, въ Вологодской 32.

*Географическій словарь Россіи.* Вслѣдствіе отъѣзда академика П. И. Кеппена на годъ въ Крымъ, для поправленія здоровья, Совѣтъ поручилъ завѣдываніе работами по составленію списка именъ и источниковъ для Словаря Д. Чл. А. Ѳ. Штакельбергу. П. И. Кеппенъ представилъ передъ своимъ отъѣздомъ 10,500 карто-

чекъ именъ и источниковъ оконченныхъ имъ. При особенной добросовѣстности и трудолюбіи, съ которыми П. И. Кеппенъ велъ это дѣло, оно получило обширное развитіе, такъ что готовыя карточки едва обнимаютъ двѣ трети именъ, которыя должны войти въ словарь, тогда какъ первоначально предполагалось все число именъ не болѣе 10,000. Списокъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ совершенно оконченъ; по всѣмъ другимъ частямъ географіи Россіи собрано много матеріаловъ, но еще не окончательно. Въ теченіи лѣта А. Ф. Штакельбергомъ изготовлено вновь до 1400 карточекъ; можно надѣяться, что работа эта, составляющая существенную трудность въ географическомъ словарѣ, будетъ выполнена и тогда останется поручить изложеніе статей особымъ редакторамъ.

Въ теченіи лѣта вышелъ въ свѣтъ обширный трудъ Д. Чл. И. С. Аксакова «*Исслѣдованіе о торговль на Украинскихъ ярмаркахъ*». Продолжалъ выходить ежемѣсячно *Вѣстникъ*; начался печатаніемъ XIII томъ записокъ подъ редакцію Д. Чл. Гильфердинга; оканчивается печатаніемъ III томъ Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи, и окончено составленіемъ на французскомъ языкѣ, извлеченіе изъ изданій Общества, за 1856 и 1857 годы.

*Работа по хромолитографической картѣ Рязанской губерніи* (въ 4 в. масштабѣ), предпринятой Обществомъ совокупно съ Межевымъ Корпусомъ, продолжалась и можно надѣяться, что карта въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

*Библіотека Общества* приводилась въ порядокъ особымъ бібліотекаремъ, состоящимъ нынѣ по найму отъ Общества. Перечневой каталогъ совершенно оконченъ и уже составлена часть систематическаго. Пополнены дефекты всѣхъ періодическихъ изданій со времени учрежденія Общества. Приглашенный Совѣтомъ бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки г. Бергхольцъ обязательно обозрѣлъ устройство бібліотеки и каталоговъ и нашелъ ихъ соответствующими своей цѣли и сдѣлалъ нѣкоторыя указанія для дальнѣйшаго продолженія дѣла. Библіотека значительно обогатилась въ послѣднее время, какъ многочисленными приношеніями, особенно со стороны иностранныхъ ученыхъ, такъ и приобрѣтеніями на счетъ суммъ Общества.

Въ теченіи засѣданія сообщено о Высочайшей награждѣ орденомъ Св. Владиміра 4 степени, дарованной Д. Чл. П. П. Семей-

нову, по ходатайству Совѣта, за его блестящіе подвиги изслѣдованія въ средней Азіи; объ избраніи Вице-Предсѣдателя О. П. Литке въ званіе Почетнаго члена Берлинскаго Географическаго Общества; о благодарственномъ письмѣ г. Лесепса, начальника работъ по Суэзскому каналу, за сочувствіе къ его предпріятію, выраженное ему со стороны Общества, и также о письмахъ въ Общество, нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ творца современной географіи Карла Риттера, выражающаго особенно лестнымъ образомъ свое уваженіе къ трудамъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Вслѣдствіе возвращенія Секретаря Общества Е. И. Ламанскаго изъ путешествія, предпринимаго имъ по порученію Общества, Совѣтъ освободилъ отъ обязанностей Секретаря Д. Чл. В. П. Безобразова, коему онѣ были поручены на время отсутствія Секретаря. Присутствовавшіе члены привѣтствовали Е. И. Ламанскаго, вновь возвратившагося къ своей полезной для успѣховъ Общества дѣятельности, а Д. Чл. В. П. Безобразовъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

«Милостивые государи!

«Эти полтора года моей дѣятельности въ должности исполнителя вашихъ благихъ намѣреній сликомъ ничтожны, чтобы быть вами замѣченными. Смѣю думать, что въ этомъ именно и заключалась задача, возложенная на меня довѣріемъ Совѣта; я долженъ былъ восполнить для васъ отсутствіе нашего многоуважаемаго Секретаря Е. И. Ламанскаго. Но въ моей памяти эти полтора года останутся на всегда отмѣченными, и я приношу вамъ за нихъ, м. г., мою горячую признательность, какъ за лучшее воспоминаніе моей жизни. Дѣйствительно многое въ званіи Секретаря Императорскаго Русскаго Географическаго Общества привязываетъ къ себѣ умъ и сердце образованнаго человѣка, какъ мы и видимъ, перебирая имена замѣчательныхъ личностей, дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ. И я считаю моею обязанностію открыто передъ вами объ этомъ свидѣтельствовать; Участіе въ великомъ общественномъ призваніи распространять свѣдѣнія въ нашемъ любезномъ отечествѣ, чистое отъ всякихъ грубыхъ побужденій служеніе истинѣ науки, назначеніе по свободному избранію, добровольное подчиненіе авторитету мысли и знанія, строго поставленныя границы устава, свято и непреко-

словно всѣми соблюдаемаго; вліяніе на дѣло только свободною силою труда и любви къ наукѣ; наконецъ гласность и публичность всѣхъ дѣйствій подъ контролемъ вашимъ и передъ судомъ общественнаго мнѣнія, безъ всякихъ привилегированныхъ правъ на его пощаду—все это такія условія, которыя въ высшей степени способны возбудить живой интересъ къ дѣлу. Изъ практическаго соприкосновенія съ такими условіями дѣятельности нельзя не вывести твердыхъ убѣжденій и добрыхъ упованій, полезныхъ въ жизни. Отраднo видѣть въ нашемъ отечествѣ общество, неуклонно преслѣдующее, въ теченіи 12 лѣтъ, свои цѣли, въ разумныхъ предѣлахъ закона и обычая, всѣми самопроизвольно уважаемыхъ, свободное отъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ насмій; отраднo видѣть стройный порядокъ, подъ охраною собственнаго суда совѣсти и взаимнаго уваженія. Наконецъ вмѣстѣ съ этими драгоценными для меня воспоминаніями, я счастливъ высказать здѣсь мою сердечную признательность за благосклонное вниманіе нашего Августѣйшаго Предсѣдателя, за довѣріе и руководство нашего глубоко-уважаемаго Вице-Предсѣдателя,—довѣріе, которое особенно высоко цѣню, руководство, которое можетъ внушить и воспитать самыя благородныя стремленія на пользу общественнаго дѣла, — за лестное довѣріе всѣхъ членовъ Совѣта».

Вслѣдъ за этимъ Секретарь Общества Е. И. Ламанскій произнесъ также нѣсколько словъ, въ которыхъ сообщилъ о результатахъ своихъ сношеній съ иностранными учеными обществами и о повсюду встрѣченномъ имъ сочувствіи къ работамъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ теченіи засѣданія были избраны въ званіе Д. Чл. слѣдующія лица: А. Ф. Гильфердингъ, Н. К. Зейдлицъ, Ф. А. Барыковъ, А. А. Кизерицкій и А. А. Красильниковъ.

Д. Чл. А. Н. Савичъ сообщилъ результаты наблюденій надъ кометою Донати, а Д. Чл. О. В. Струве представилъ рисунки, снятыя съ кометы.

## II.

### ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

#### ОЗЕРО КОСОГОЛЪ И ЕГО НАГОРНАЯ ДОЛИНА,

по свѣдѣніямъ, собраннымъ Членомъ—Сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Пермикинымъ.

При собраніи свѣдѣній о пограничныхъ мѣстахъ Китайской имперіи, сопредѣльныхъ Восточной Сибири, Сибирскій Отдѣлъ, въ настоящее время, въ особенности обращаетъ вниманіе на тѣ пункты, которые по своей географической важности должны быть по возможности приведены въ извѣстность прежде другихъ. Такимъ образомъ, мы уже успѣли пріобрѣсть значительные матеріалы о бассейнѣ р. Амуре и его прибрежьевъ. Мы ожидаемъ также много интересныхъ свѣдѣній отъ изслѣдованій натуралиста Радде, въ Дагурин. Онъ навѣрное обстоятельно познакомитъ насъ съ оз. Далай-Норомъ, верхнею системою р. Аргуни и направлениемъ горной отрасли Малаго Гентея и его гольца Сохондо. Слѣдуя отъ сего послѣдняго пункта на западъ, по линіи китайской границы, для насъ болѣе всего необходимы будутъ географическія данныя

объ источникахъ р.р. Чикоя, Селенги и Енисея, и также нагорной долины озера Косокола и облегающихъ его Хангайскихъ горъ. Но приобрѣтеніе такого рода свѣдѣній сопряжено съ немовѣрными трудами. Болѣе всего въ этомъ случаѣ служитъ преградой грубая закоснѣлость Китайцевъ, не допускающихъ никакихъ исключеній для перехода за черту границы, хотя сія послѣдняя во многихъ мѣстностяхъ опредѣлена весьма не точно и сбивчиво, особенно начиная съ горныхъ предѣловъ Хангайскаго хребта и Алтая (горъ Тавну), отъ пункта Мунко-Сардыка до Шабина-Дабаса, конечнаго граничнаго рубежа. Не смотря однакожь на недовѣрчивость, съ которою смотрятъ Китайцы на появленіе Русскихъ въ мѣстахъ, сопредѣльныхъ Монголіи, наши ученые въ разное время проникали за черту границы для своихъ изслѣдованій; подозрительные сосѣди имѣли уже случай многократно убѣдиться, что переходъ Русскихъ единственно касался до ученыхъ обзорнѣйшихъ участковъ земли, которые они посѣщали.

Не смотря на всеобъемлющую обстановку великаго труда знаменитаго Карла Риттера, исчерпавшаго для своей Азіи всѣ источники и китайскихъ и европейскихъ географическихъ литературъ, не смотря на этотъ монументальный трудъ, должно сказать, что много еще нужно трудиться для землевѣденія обширныхъ предѣловъ Средней Азіи. Въ главѣ всѣхъ матеріаловъ, для ученаго географа, была китайская государственная географія — Да-цанъ-итхунъ-чжы. По отзыву нашего извѣстнаго синолога архимандрита Аввакума, это китайское сочиненіе не можетъ вполне удовлетворить всѣмъ вопросамъ современной географической науки. То же самое говоритъ и Риттеръ. Разбирая критически описаніе Средней имперіи, должно сказать, что не всѣ мѣстности этого огромнаго государства изложены съ одинаковою достовѣрностію и подробностями. Въ Китаѣ въ разное время были снаряжаемы цѣлыя экспедиціи отъ правительства, составленныя изъ людей, вполне знающихъ свое дѣло, и изъ этихъ то рукъ, послѣ многолѣтнихъ занятій, вышли труды добросовѣстные и полные. Съ другой стороны, были описанія многихъ отдѣльныхъ странъ, сдѣланныя мѣстными начальствами по извѣстнымъ формамъ; такіе источники неполны и не совсѣмъ достовѣрны. Поэтому, соображая матеріалы, собранныя Риттеромъ относительно географіи нашихъ приграничныхъ мѣстъ, не удовлетворяемся показаніями китайской государственной географіи и желаемъ такого рода подробностей, ко-

торья бы, кромѣ географическихъ данныхъ, знакомили бы насъ и съ другими отдѣлами этой обширной науки. Такимъ образомъ насъ особенно всегда занимали важныя въ географическомъ смыслѣ пункты оз. Косогола и его нагорной долины и близкой къ ней мѣстности верхнихъ истоковъ р. Енисея.

Постоянное пребываніе по дѣламъ службы нашего Члена-Сотрудника Пермикина, въ предѣлахъ Тункинскаго края, дало намъ возможность въ настоящее время собрать много интересныхъ данныхъ объ озерѣ Косоголѣ и его нагорной долинѣ, а также и объ верхнихъ истокахъ р. Енисея (\*). Для сего дана была г-ну Пермикину краткая инструкція—какимъ образомъ и что именно нужно собрать объ этихъ пунктахъ, обратившись для полученія нужныхъ свѣдѣній на китайской границѣ къ Урянхамъ и Дархатамъ, племенамъ подвластнымъ Китаю. Г. Пермикинъ исполнилъ порученіе Сибирскаго Отдѣла какъ только позволяли ему мѣстные обстоятельства. Къ сожалѣнію онъ пустился въ путь въ позднее осеннее время, когда уже выпалъ снѣгъ, и это много помѣшало ему при собраніи свѣдѣній о заграничной землѣ.

Прежде нежели коснемся мы свѣдѣній, собранныхъ г. Пермикинымъ, упоминаемъ здѣсь о нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, относительно мѣстности озера Косогола, его долины, верхнихъ истоковъ р. Енисея и водораздѣла, отдѣляющаго эти воды отъ источниковъ р-р. Оки и Иркуты, находящихся въ нашихъ владѣніяхъ. Въ старыхъ дѣлахъ Иркутскаго архива я нашелъ два указанія, весьма важныхъ относительно предѣловъ земли, занимаемыхъ загадочнымъ племенемъ Урянховъ. Во время пребыванія въ Пекинѣ русскаго посланника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана Льва Измайлова, на совѣщаніяхъ съ китайскими министрами 18 декабря 1721 года, производившихся посредствомъ пересылки писемъ и меморіаловъ, было предъявлено Китайцами пять пунктовъ, изъ коихъ въ 4-мъ говорится, что Китайцы выговаривали Измайлову, какъ могли поселиться Русскіе у рѣчки Ума, гдѣ кочуетъ подданный ихъ монгольскій Урянхай, и что на этихъ мѣстахъ они, Русскіе, пришедъ сибиряковъ человекъ со ста, на берегахъ озера Косогола построили острогъ и назвали его косогольскимъ, и хотя нынѣ онъ уничтоженъ и люди выведены, по

(\*) Для соображеній просмотрѣны были свѣдѣнія въ *Erdkunde* Риттера, — часть II. т. I, стр. 404—503, отъ 589—594, отъ 1039—1061 и отъ 1098—1143.

земля эта принадлежитъ Китайцамъ. Изъ этого свидѣтельства видно, что Русскіе, гораздо ранѣе предьявленія Китайцевъ, уже занимали верхнюю долину оз. Косокола. Мѣсто это всегда будетъ важнымъ, какъ открытый и безпрепятственный путь сообщенія съ среднею Монголоіею; стоитъ только перевалить Саянь отъ Хангинскаго караула и отсюда начинается обширная долина оз. Косокола. Въ сѣверной части долины этой, какъ мы упомянули, Русскіе, понимая всю важность этого мѣста, построили Косокольскій острогъ, и здѣсь то производилась мѣновая торговля съ Урянхами и Монголами и собиралась десятинная пошлина въ пользу казны. Для насъ осталось неизвѣстнымъ, почему графъ Савва Владиславичъ, при разграниченіи земель между Россіею и Китаемъ въ 1727 г., уступилъ долину оз. Косокола во владѣніе Китаю. Въ этомъ случаѣ можно допустить одно довольно вѣроятное предположеніе: намъ извѣстно, что торговыя сношенія съ Монголами въ такомъ захолустѣ, какъ Косокольскій острогъ, производились съ большими беспорядками; кромѣ торгующихъ, наша русская вольница—казаки самовольно пускались во внутрь Монголіи, гдѣ имѣли нерѣдко непріязненные столкновенія, и дѣло доходило до взаимныхъ побоищъ. Какъ на эти обоюдные беспорядки, такъ равно и на тайный провозъ Русскими товаровъ безъ пошлыны, оба правительства должны были обратить вниманіе, и для новаго и лучшаго порядка торговыхъ дѣлъ были избраны два мѣста—Кяхта и Цурухайтуй. Предьявленіе Китайцевъ посланнику Измайлову, что въ мѣстахъ у оз. Косокола кочуютъ ихъ подданные Урянхи, было совершенно ложно, ибо приграничныя къ намъ Урянхи, какъ мы увидимъ ниже, по свѣдѣніямъ переданнымъ мнѣ архимандритомъ Аввакумомъ, только въ 1755 году сдѣлались подвластными Китаю. Не безъ основанія должно полагать, что во время негоціацій гр. Саввы Владиславича съ Китайцами, нагорная долина оз. Косокола отошла въ пользу Китая единственно по той причинѣ, что Саянь, избранный за черту границы, составляетъ какъ-бы естественную черту между двумя государствами, и такъ какъ долина Косокола начипается вблизи отъ подошвы господствующаго Саянскаго хребта, за южнымъ его склономъ, то мѣстность эта къ сожалѣнію и не вошла въ черту границы.

Другое обстоятельство о сопредѣльныхъ къ Урянхамъ мѣстахъ интересно также въ историческомъ отношеніи. Въ 1722 году было трактовано съ Китайцами о пропускѣ епископа Иннокентія на

жительство при миссіи въ Пекинѣ. Дѣло это въ самомъ началѣ (своемъ не имѣло успѣха, потому что китайскій дворъ напередъ требовалъ о возвращеніи 700 Мунгаловъ, перешедшихъ въ наши предѣлы. Въ это же самое время была просьба и отъ Китайцевъ по дѣламъ религіознымъ. Кутухта просилъ богдыхана о позволеніи посѣтить мѣстность, лежащую за гольцомъ Мунко-Сардыкъ, при истокахъ правой стороны р. Оки, гдѣ въ одной горѣ, именуемой Русскими Саинь-камень и Мунгалами Табунъ-Мундарге, находится каменный идолъ. Съ древнихъ временъ мѣсто это почиталось святымъ, ибо тамъ самъ Тамерланъ приносилъ жертву помянутому изображенію. Кутухта желалъ перевезти идола въ Пекинъ, или въ крайнемъ случаѣ просилъ дозволить сдѣлать оному описаніе. Для сего пріѣхали въ Селенгинскъ два мандарина и два заргучея съ 24-мя человекѣми и тремя ламами, посланными отъ Гегена. Посланныхъ, однакожъ, по особенному указу сената, не пропустили, извѣстясь, что съ дѣломъ отысканія идола соединялись политическіе виды объ осмотрѣ КитаЙцами земель, должествующихъ въ скоромъ времени составить обоюдныя границы. КитаЙскимъ уполномоченнымъ было объявлено, что нашъ Императоръ Петръ 1-й находится въ персидскомъ походѣ, и безъ соизволенія Государя невозможно пропустить посланныхъ; но чтобъ удовлетворить требованіе богдыхана, для сего пошлются люди для снятія вѣрнаго рисунка съ идола, который и препроводится въ Пекинъ. Впослѣдствіи оказалось, что КитаЙцы совершенно не знали земли Урянховъ, которую почитали своею. Замѣчательный по своей древности каменный идолъ былъ отысканъ посланными—кузнецкимъ боярскимъ сыномъ Баткѣевымъ и навигаторомъ Лужинымъ не на правомъ берегу р. Оки, какъ писали КитаЙцы, но именно въ долинѣ оз. Косокола, на дорогѣ Батуръ-Баги, на лѣвой сторонѣ р. Уры, немного выше р. Иги (сѣвернаго притока р. Селенги), на ровномъ мѣстѣ въ 40 саженьяхъ отъ хребта. Идолъ этотъ былъ врытъ въ землю и лицомъ обращенъ къ востоку; вышина его пять четвертей, безъ рукъ, съ глубокою чертою на лбу и ямками на щекахъ.

Въ 4-мъ пунктѣ Буринскаго трактата (1728 г.) объ Урянхахъ сказано: «А Уряна, въ которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по прежнему у своихъ владѣтелей. А которые по одному соболю давали, впредь не возметая съ нихъ вѣчно, съ котораго дни пограничный договоръ установился и что

такъ рѣшено, о томъ подтверждено письменнымъ свидѣтельствомъ и каждой сторонѣ вручено».

Въ свидѣтельствѣ, подписанномъ агентомъ Лоренцомъ Лангомъ, геодезистами, комиссарами и другими лицами, бывшими при заключеніи Буринскаго договора, — 4-й пунктъ относительно Урянховъ объясняется такъ: «что упомянуто въ пограничномъ договорѣ о Уряняхъ, чтобъ платили въ ту сторону, кому до сего числа болѣе платили: Уряни суть народы непостоянные и перекочевываютъ своимъ кочеваніемъ по хребтамъ и горамъ по нѣскольку недѣль ходу, нѣкогда въ Россійскую Имперію, а нѣкогда въ Мунгальскую землю и гдѣ остановятся кочеваніемъ, тому платятъ по пяти соболей ясаку, дабы ихъ съ того урочища не сбивали, а откуда ушли, тому платятъ по одному соболу ясаку, дабы ихъ назадъ не требовали и такихъ Урянховъ обрѣтается на обѣ стороны такъ далеке, что по нѣскольку недѣль разстоянія, а равное-ль число такихъ перекочевниковъ у одной и другой Имперіи, о томъ подлинно невѣдаемъ.»

Почтенный нашъ исторіографъ Мюллеръ, въ проэктѣ своемъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Китайцевъ, написанномъ по поводу возникшихъ въ то время споровъ, между прочимъ говоритъ, что въ верхней части р. Селенги (какъ мѣстѣ прежде принадлежавшемъ Россіи) можетъ быть построена главная крѣпость, и дорога для сообщенія съ Тункинскимъ острогомъ должна лежать мимо озера Косогола. Въ этомъ же проэктѣ упоминается, что Альтынь-ханъ (бывшій владѣтель земель Урянховъ, начиная отъ предѣловъ Томской губерніи до верхней долины р. Селенги) былъ нашъ подданный и что Китайцы, опасаясь близости русскихъ урянскихъ земель, перевели стойбище Кутухты, лежавшее прежде въ плодородной долині при р. Ебине, впадающей въ Орхонъ, на нынѣшнее мѣсто въ Ургу, что у семи озеръ.

Долина оз. Косогола и верхнихъ источниковъ р. Селенги, занимаемая загадочнымъ племенемъ Урянховъ до предѣловъ озера Алтань-Нора, ожидаетъ еще своего этнографа. Смѣсь родовъ, населяющихъ эту обширную альпійскую мѣстность, носящихъ различныя наименованія, какъ то: Урянховъ, Соіотовъ, Дархатовъ, Карагасовъ и проч., представляетъ покуда вполне не разрѣшенный вопросъ объ ихъ историческомъ происхожденіи. Ученый Клапротъ относитъ Урянховъ къ племени финскому. Историкъ Фишеръ называетъ ихъ Сайанами, Сайанскими Татарами.

Нашъ покойный Членъ-Сотрудникъ Сычевскій утверждалъ, что Якуты соплеменны Урянхамъ и что первые удалились изъ горныхъ предѣловъ Тавну на побережья Лены, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ. Изъ собранныхъ немногихъ данныхъ, нарѣчія вышеупомянутыхъ племенъ такъ спутаны между собою, что скорѣе онѣ представляютъ смѣсь монгольскаго, тюркскаго и финскаго языковъ. Ученый Академикъ Кастрентъ особенно интересовался страной Урянховъ и думалъ туда проникнуть; но недоступность этихъ мѣстъ и вмѣстѣ болѣзнь воспрепятствовали ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

Чтобъ сколько нибудь познакомить съ этнографическимъ описаніемъ мѣстонахожденія племени Урянховъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько важныхъ указаній, сообщенныхъ въ Сибирскій Отдѣлъ ученымъ синологомъ отцемъ Аввакумомъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ извлеченіяхъ:

«Краткія свѣдѣнія о поколѣніи *Урянхай* заключаются въ слѣдующихъ книгахъ: 1) въ зеркалѣ маньчжурской словесности т. е. въ маньчжурскомъ словарѣ, расположенномъ по предметамъ; 2) въ уложеніи Пекинской палаты вѣщнихъ сношеній и 3) въ запискахъ (на китайскомъ языкѣ) пекинскаго вельможи Сунъ-цзюня, бывшаго нѣкогда заргучесемъ въ Кяхтѣ.»

Въ маньчжурскомъ словарѣ, въ статьѣ подъ названіемъ: *одинадцать Урянхайскихъ знаменъ*, о поколѣніи Урянхай сказано слѣдующее:

«Въ 19-мъ и 20-мъ годахъ правленія Каянь-лунь (1754 и 1755 г.), когда наша армія была въ походѣ противъ Чжунгарцевъ (Калмыковъ), глава Алтайскихъ Урянхайцевъ *Чадакъ* и глава Саянскихъ (хребта Тавну) Урянхайцевъ *Тубшинъ*, признательные къ милостямъ Государя и жаждущіе просвѣщенія, съ своими подчиненными, число которыхъ простиралось болѣе нежели до десяти тысячъ душъ, изъявили свою покорность китайско-маньчжурскому повелителю. Вслѣдствіе сего, изъ Алтайскихъ Урянхайцевъ составлено было двадцать пять ротъ, которыя раздѣлялись на семь знаменъ, а изъ Тавнскихъ Урянхайцевъ—шестнадцать ротъ, раздѣленныхъ на четыре знамени. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ повелѣно жить за прежними пограничными (монгольскими) караулами (т. е. между русскою границею и прежними монгольскими караулами), значить въ прежнихъ своихъ кочевьяхъ. Чалакъ произведенъ въ чинъ генерала дворцовой гвардіи, а Тубшинъ получилъ

чинъ генерала въ Императорской свитѣ. Оба сдѣланы главноначальствующими надъ своими племенами и получили казенныя печати для употребленія при дѣлопроизводствѣ. Эти-то поколѣнія, добровольно покорившіяся подъ власть Китая, извѣстны подъ именемъ *одинадцати урянхайскихъ знаменъ*.

«Изъ уложенія Пекинской палаты внѣшнихъ сношеній видно, что Алтайскіе Урянхайцы состоятъ подъ вѣдѣніемъ маньчжурскаго генерала, пребывающаго въ городѣ Кобдо, а Таннускіе, подъ вѣдѣніемъ другаго генерала, пребывающаго въ городѣ Улясутай. Начальствующій надъ Алтайскими Урянхайцами получаетъ жалованья въ годъ  $77\frac{1}{2}$  ланъ серебра (155 р. сер.), а четыре помощника его по 65 ланъ (130 р. сер.). Такимъ же окладомъ пользуется и начальствующій надъ Таннускими Урянхайцами. Какъ тотъ, такъ и другой, въ определенное закономъ время, должны являться въ мѣстечко Муранъ (за великою стѣною въ Монголіи, гдѣ богдыханъ забавляется звѣриною охотою), для поклоненія государю и изъявленія ему своихъ всеподданническихъ чувствованій, и, когда бываетъ дозволено, участвуютъ съ нимъ въ звѣриной ловлѣ.

«По уложенію палаты, къ Таннускимъ Урянхайцамъ, равно какъ и во всѣ мѣста, лежація къ сѣверу отъ города Улясутай, никакимъ купцамъ не позволено ѣздить съ товарами. Если же понадобится Урянхайцамъ промѣнять какія либо изъ своихъ вещей на другія, нужныя въ общежитіи, то должны промѣнивать оныя въ городѣ Улясутай, когда пріѣзжаютъ въ оный съ мягкою рухлядью для внесенія въ казну. Китайскимъ купцамъ, торгующимъ въ этомъ городѣ, строго запрещено давать Урянхайцамъ въ долгъ серебро или свои товары, но приказано торговать съ ними на наличныя деньги или вещи.

«Бывшій министръ Сунъ-цзюнь въ своихъ запискахъ говоритъ, что за границую (т. е. въ Россіи) на западъ отъ Кяхты кочуютъ *Буряты*, а на западъ отъ бурятовъ кочуютъ *Харяты*. Сія послѣдніе одного племени съ Таннускими Урянхайцами. Къ сѣверу отъ Тарбагатайской области, въ смежности съ Россіею, кочуютъ Алтанъ-норскіе и Алтайскіе Урянхайцы. Они давно считаются въ нашемъ подданствѣ и, по уложенію, ежегодно вносятъ подать собольими шкурками, которыя улясутайскій главнокомандующій собираетъ и вмѣстѣ отсылаетъ въ столицу (Пекинъ). Представ-

ляющимъ эту подать отъ казны дѣлаются награды по уложенію-Урянхайцы, кочующіе по близости къ Россіи, и туда вносятъ также подать соболями шкурами. Это ведется издавна, для поддержанія взаимнаго согласія. Городъ Улясутай находится во владѣніяхъ Саянь-Ноиня, а городъ Кобдо въ сѣверозападной части владѣній Чжасакту-хана, по близости Алтайскихъ горъ».

Изъ ученыхъ русскихъ путешественниковъ, перешедшихъ Саянскій хребетъ отъ Хангинскаго караула и проникнувшихъ къ сѣвернымъ берегамъ оз. Косогола, мы должны упомянуть о двухъ лицахъ: это извѣстные ботаники Турчаниновъ и Кириловъ. Они совершили этотъ путь вслѣдъ одинъ за другимъ въ 1836 году, съ единственною цѣлю изслѣдованія той мѣстности въ отношеніи растительномъ. Во время своихъ экскурсій, они успѣли собрать нѣсколько новыхъ видовъ растеній, обогатившихъ флору Восточной Сибири.

Въ смыслѣ географическаго и этнографическаго изслѣдованій является только одинъ—нашъ Членъ-Сотрудникъ Пермикинъ, который въ настоящемъ году, по слѣдамъ ученыхъ ботаниковъ, въ тѣхъ же предѣлахъ перешелъ въ нагорную долину оз. Косогола и собралъ столько интересныхъ данныхъ о неизвѣстной странѣ, сколько позволило ему позднее осеннее время и краткое его тамъ пребываніе.

Представляю здѣсь путевой журналъ г-на Пермикина, переданный на мое разсмотрѣніе, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ препровожденъ въ Сибирскій Отдѣлъ, съ картой нагорной долины оз. Косогола. При этомъ г. Пермикинъ также представилъ видъ озера Косогола, снятый имъ съ сѣвернаго пункта, и рисунокъ буддайскаго храма, находящагося въ тамошнихъ предѣлахъ.

Послѣдуемъ за интереснымъ путешествіемъ г. Пермикина. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ путевомъ журналѣ:

«Желая въ точности исполнить, помимо моей прямой обязанности (добываніе лапсѣ-лазули) предписаніе министра удѣловъ графа Льва Алексѣевича Перовскаго, осмотрѣть горныя породы, залегающія въ вершинахъ рѣчки Сорохой, берущей начало въ самыхъ возвышенныхъ предѣлахъ Саяна, я въ особенности долженъ былъ положительно узнать мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ въ нижней части этой рѣчки. Тамъ въ 1855 году при развѣдкѣ

находимы были золото, платина и въ большомъ количествѣ противъ этихъ металловъ мѣдные самородки разной величины, замѣчательные по своему особенному образованію.

5-го октября я прибылъ въ верховья р. Иркута, въ Хангинскій пограничный караулъ. Здѣсь ясачные буряты передали мнѣ, что проѣздъ къ рч. Сарахою сопряженъ съ большими трудностями. Чтобы перейти водораздѣлъ рѣкъ Иркута и Оки чрезъ голецъ Нукудабанъ (дырявая гора), должно слѣдовать чрезъ ущелье, которое, по словамъ инородцевъ, въ настоящую пору уже завалено было толстымъ слоемъ снѣга, и отъ сильныхъ вѣтровъ горныя распадки, ведущія къ ущелью, также забиты глубокимъ снѣгомъ, который, не окрѣпнувши еще отъ морозовъ, не можетъ подымать лошадей и что поэтому, забравшись въ безлѣсныя горныя мѣста, можно совершенно погибнуть. Тоже самое подтвердили и казаки, находящіеся на Хангинскомъ караулѣ. По необходимости мнѣ оставалось одно, измѣнить планъ моей поѣздки и вмѣсто осмотра рч. Сарахои и верхнихъ истоковъ р. Енисея, берущихъ начало свое близъ урочища Шишковъ, въ землѣ Дархатовъ, я положилъ, переваливши отъ Хангинскаго караула чрезъ Саянъ, спуститься въ нагорную долину озера Косогола, въ мѣстность именуемую Ханка, обитаемую Урянхами. Исполненіе давнишней мысли моеи осмотрѣть долину Косогола и горныя предѣлы истока р. Енисея, сначала казалось мнѣ дѣломъ довольно рискованымъ; для этого надо было перешагнуть за черту границы; но въ этихъ горныхъ предѣлахъ Саяна, начиная гораздо восточнѣе Хангинскаго караула до послѣдняго пункта Шабина-Дабага, обоюдная черта границы такъ сбивчива и такъ неточно опредѣлена, что во многихъ пунктахъ ни мы, ни сосѣди наши, совершенно не знаемъ, что кому принадлежитъ. Съ другой стороны, Сибирскій Отдѣлъ, давши мнѣ инструкцію, поручилъ собрать свѣдѣнія объ упомянутыхъ пунктахъ на границѣ китайской отъ нашихъ сосѣдей Урянховъ. Чтобы исполнить это порученіе, и вмѣстѣ осмотрѣть горнокаменныя породы южной стороны Саяна, какъ дѣла, прямо на мнѣ лежащаго, я рѣшился спуститься съ Саяна въ доселѣ неизвѣстную долину Ханка, зная напередъ, что пограничные казаки наши находятся въ отличныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Урянхами. Въ этомъ интересномъ осмотрѣ меня прежде всего занималъ важный орографическій вопросъ, въ какомъ видѣ долженъ

представится южный склонъ Саяна, и не узнаю ли я что-нибудь о соотношеніяхъ сего послѣдняго съ кряжами горъ Таннѹ и Хангайскими, столь близкими къ намъ при своихъ сліяніяхъ съ Саяномъ.

Въ пути, избранномъ мною, мнѣ сопутствовали—переводчикъ, хорошо понимающій монгольскій языкъ, и четверо вожаковъ изъ Бурятъ.

6 октября рано утромъ я былъ уже на рубежѣ границы, лежащей на теменѣ горъ, принадлежащихъ по своей высотѣ къ третьей степени, сравнительно съ господствующимъ горнымъ узломъ Мунко-Сардыка, высящимся на правомъ берегу р. Иркута, въ верхнихъ истокахъ этого бассейна водъ. Отъ Хангинскаго караула граница лежитъ примѣрно въ 10 верстахъ. Путь къ ней проложенъ по узкой тропѣ, которая вьется сначала по прибрежной долинѣ р. Иркута, потомъ должно слѣдовать по холмистой мѣстности, образовавшейся изъ наносныхъ породъ на лѣвомъ берегу рч. Ханги, берущей начало свое въ предѣлахъ высотъ самой границы и вливающейся въ Иркутъ съ правой стороны. Далѣе мы начали подыматься все выше и выше по обрывамъ горъ, поросшихъ густымъ едва проходимымъ лѣсомъ. Здѣсь лиственница достигла гигантскихъ размѣровъ; съ ней, въ этой полосѣ хвойныхъ лѣсовъ, растутъ ель, величавый кедръ, пихтовникъ, а ниже ихъ, въ мѣстахъ сырыхъ и отложихъ, красивый ерикъ (*Betula fruticosa*). Большаго труда намъ стоило пробраться этою таюжною дичью: огромныя деревья, ниспровергнутыя бурями, преграждали намъ путь на каждомъ шагу. Хотя было только еще начало октября, но здѣсь зима уже наступила и земля находилась подъ гнетомъ глубокаго снѣга. Подымаясь все выше по крутизнамъ къ чертѣ границы, отдѣляющей владѣнія Россіи отъ Срединной имперіи, я былъ твердо убѣжденъ, что спускъ на южную сторону Саяна долженъ представлять тоже крутые распадки горъ и отвѣсныя громады скалъ, какія мы видимъ съ нашей стороны. Но вышло совершенно противное. Отъ самыхъ пограничныхъ знаковъ, съ гребня горъ, спускъ въ долину озера Косогола едва замѣтно склоняется по скату междугорьевъ, и къ удивленію моему, кромѣ того я не нашелъ здѣсь никакой древесной растительности; все это вмѣстѣ показало совершенно иной характеръ природы южнаго склона Саянскихъ горъ. Видъ, открывшійся отсюда на обширную долину Ханка, не заслонебный

тайгою, былъ удивительно хороше; онъ нѣсколько напомнилъ собою открытую мѣстность нашего Гусицаго озера. При подъемѣ, съ нашей стороны, лошади грузли по колѣно въ глубокомъ снѣгу, а здѣсь, напротивъ, трава только что покрыта инеемъ; однакожь, холода, покуда не обогрѣло солнце, былъ весьма ощутителенъ.

На гребнѣ горъ, граница, какъ съ нашей, такъ и съ китайской стороны, обозначена двумя каменными насыпями (маяками), сдѣланными одна противъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи. Около насыпей, съ обѣихъ сторонъ набиты колья вышиною до полутора фута; сажень земли между кольями китайскими и нашими почитается за нейтральную. Для выѣзда въ Монголію и въ Россію поставлены ворота; на нашей сторонѣ она сдѣланы изъ двухъ жердей вышиною въ 4 аршина, врытыхъ въ землю; проходъ между жердями, при ихъ основаніи, въ сажень; верхніе концы соединены между собою, что и представляетъ видъ треугольника. Въ полутора аршинахъ отъ земли протянуть отъ одной жерди къ другой волосяной снурокъ, посрединѣ котораго виситъ колодка изъ двухъ половинокъ, внутри коихъ хранится пограничная печать. Ворота изъ жердей, подобныхъ русскимъ, съ китайской стороны цѣтъ. Находясь на гребнѣ горъ, раздѣляющихъ насъ отъ Монголіи, я прежде всего смотрѣлъ на лшію Саяна. Главный, господствующій горный узелъ, лежащій при границѣ почти въ нашихъ предѣлахъ—Мунко-Сардыкъ. Принадлежа къ системѣ горъ, возникшихъ въ Монголіи, и можетъ быть составляя одну изъ главныхъ отраслей хребта Таниу, онъ вѣзался своими пикообразными вершинами, пересѣкъ Саянъ и раздѣлилъ собою верхніе истоки Енисея отъ водъ, впадающихъ въ озеро Косоголь. Тункинскіе гольцы, безъ сомнѣнія, суть продолженіе гольца Мунко-Сардыка; только первые при началѣ своемъ отдѣляются отъ сего послѣдняго верховьями р. Иркута, гдѣ возникшая цѣпь тункинскихъ горъ, своимъ гольцомъ Нуку-Дабанъ и продолжающеюся отъ него цѣпью горъ, составляетъ линію раздѣленія водъ рѣки Оки отъ Иркута и сего послѣдняго отъ рѣкъ Бѣлой и Кытая. Что же касается до направленія Саяна, то отъ угла Мунко-Сардыка онъ является горною цѣпью, покрытою лѣсомъ и по высотѣ своей принадлежащею къ третьей степени горъ. Слѣдуя на востокъ, Саянъ достигаетъ гольцовой высоты въ Хамардабанскомъ краѣ и отсюда развѣтвляется на двѣ отрасли; одна цѣпь горъ идетъ на юго-востокъ и отдѣляетъ до-

лину р. Дзиды отъ Селенги, а другая, также раздѣлившись на двѣ отрасли: на сѣверо-восточную и юго-восточную, облегаетъ собою бассейнъ озера Байкала подъ именемъ Байкальскихъ горъ. Точное же опредѣленіе простиранія и зависимости горной области тункинско-саянскаго сплетенія конечно должно быть выяснено только послѣ строгаго геогностическаго осмотра. Отчетъ объ этомъ дѣлѣ, составленный въ 1852 году г. капитаномъ Горныхъ Инженеровъ Меглицкимъ, проливаетъ много свѣта на эту замѣчательную горную область; но, къ сожалѣнію, его осмотръ былъ ограниченъ слишкомъ краткимъ временемъ, въ чемъ онъ и самъ сознается, и поэтому намъ остается желать болѣе подробныхъ свѣдѣній, которыя, при собранныхъ геогностическихъ данныхъ, подтвердили бы выводы, сдѣланные г. Меглицкимъ.

Смотря съ высотъ Саяна на приграничную долину Ханка, въ которой начинается обширное озеро Косоголъ, взору моему представлялась безконечная степная возвышенность, постепенно расширявшаяся къ южнымъ своимъ предѣламъ. Я уже сказалъ, что направо отъ гольца Мунко-Сардыкъ, во внутрь земли Урянховъ, тянется громадная, пикообразная цѣпь, раздѣлившая воды Еписея отъ водъ озера Косогола. Налѣво, на крайнемъ горизонтѣ юго-восточныхъ предѣловъ бассейна озера Косогола, также синѣтся кряжъ горъ; не отрасли-ли это Хангайскаго хребта, возродившагося въ верховьяхъ р. Орхона, отроги котораго, обогнувъ часть р. Селенги, продолжаютъ до російской границы?

Осмотрѣвши со всѣхъ сторонъ великолѣпную мѣстность долины Ханка, мы безъ всякихъ затрудненій спустились по довольно пологому скату горъ къ южной подошвѣ Саяна.

Чтобы безпрепятственно проникнуть на побережья озера Косогола, для этого я счелъ за нужное предварительно выпросить позволеніе у Дагаина (начальника этой мѣстности) Шулгумъ-Комбо. Проѣхавши небольшое пространство, мы встрѣтили пастуха Урянха, отъ котораго узнали, что Данантъ въ лѣтнее время кочуетъ около самаго берега Байгаль-Далая (Косоголъ), а въ настоящее время онъ уже перешелъ въ зимники въ долину Коль, куда, по просьбѣ моей, Урянхъ указалъ намъ путь. Мы слѣдовали на холмъ, раздѣляющій долину Ханка отъ долины Коль. Лишь только подвинулись мы на возвышенность, глазамъ моимъ представилась необозримая равнина, гдѣ я, въ первый разъ въ моей жизни, увидалъ безчисленные стада разнаго скота.

Но меня болѣе всего поразили животныя, которыхъ я и не думалъ здѣсь встрѣтить — это цѣлые табуны яковъ (*bos gruniens*), такъ мало извѣстныхъ Европейцамъ. Животное это, не смотря на усвоеніе его человекомъ, вполне сохранило типъ своей горной породы. Движенія яка необыкновенно живы, онъ дѣлаетъ иногда отчаянные скачки и для него нѣтъ никакихъ высотъ, куда бы онъ не достигъ. Якъ не терпитъ зноя долнѣ и, какъ первообразъ животныхъ съ нагорныхъ предѣловъ Тибета, взбирается на высоты, чтобы дышать воздухомъ для него свойственнымъ или, напротивъ, большую часть дня стоитъ въ водѣ, испуская по временамъ дикій ревъ, котораго не терпятъ прочія животныя. Якъ понемногу переходитъ и за нашу границу и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта замѣчательная и полезная порода быковъ можетъ быть съ успѣхомъ разведена въ Восточной Сибири. Стада яковъ, встрѣченныя мною въ долинѣ Колъ, большею частію имѣли бѣлую шерсть; при своемъ странномъ образованіи, безъ роговъ, съ большимъ горбомъ, длиною, чуть не до земли, шерстью и пушистымъ хвостомъ и бородою, они казались необыкновенно красивы и остановили бы на себѣ вниманіе всякаго, увидавшаго это животное въ первый разъ. Табуны быковъ и овецъ съ курдюками были еще многочисленнѣе; послѣднія всѣ большею частію также съ бѣлою шерстью. Смотря на эти туземныя богатства, я невольно подумалъ, не удивительно ли это, одинъ горный перевалъ и здѣсь все въ иномъ видѣ. Что такое узкая, ничтожная долина Тунки передъ пространной, роскошной долиной озера Косокола? И когда вспомнишь, что при этомъ мы не можемъ перешагнуть къ Уряхамъ, чтобы промѣнять избытки нашихъ произведеній, то невольно спрашиваешь — неужели этотъ закоснѣлый обычай недоступности сосѣдей будетъ надолго существовать между нами и Китайцами, а между тѣмъ, какія обоюдныя выгоды могутъ быть извлечены только отъ вымѣна заграничнаго скота, въ которомъ мы, при нашихъ золотыхъ промыслахъ, особенно нуждаемся.

Я нарочно медленно ѣхалъ по этой чудесной долинѣ, чтобы ознакомиться съ неизвѣстною мѣстностію. Вблизи табуновъ, на берегу живописной, горной рѣчки Колъ, мы нашли семь войлочныхъ юртъ, разбитыхъ въ близкомъ разстояніи одна отъ другой; онѣ совершенно походили на такъ называемыя кибитки Киргизовъ. Въ трехъ юртахъ помѣщался самъ Данаинъ Шу-

тумь-Комбо съ тремя женами, а послѣднія жилища занимали его домочадцы. Юрты Данаина отличались особенною бѣлизной войлоковъ и одно изъ трехъ жилищъ этихъ сверхъ того было съ нашивками красныхъ узоровъ, сдѣланныхъ въ китайскомъ вкусѣ. Такъ какъ насъ было шестеро, то, чтобы не испугать Урянховъ нашею ватагою, я счелъ за лучшее оставить за холмомъ четырехъ моихъ провожатыхъ съ лошадьми, а самъ съ переводчикомъ приблизился къ жилищу Данаина. Первая встрѣча была негостепріимна, отъ юрты бросилась на насъ цѣлая стая злѣйшихъ собакъ, огромной монгольской породы, которыя съ остервенѣніемъ напали на нашихъ лошадей; слѣзть съ нихъ не было возможности, иначе собаки разорвали бы насъ; но наконецъ къ намъ выбѣжала вся прислуга Данаина, вооруженная палками, и собаки были отогнаны въ сторону. Слѣзши съ лошади, я просилъ моего переводчика передать одному изъ Урянховъ, что русскій чиновникъ желаетъ видѣться съ Данаиномъ и познакомиться съ нимъ. Докладчикъ очень неторопливо пошелъ въ юрту, гдѣ находился хозяинъ. Четверть часа мы должны были ожидать отвѣта, между тѣмъ какъ сильный, холодный вѣтеръ пронизывалъ насъ и я вышелъ изъ всякаго терпѣнія. Но вотъ наконецъ появилась и Данаинъ; онъ медленно перешелъ изъ одной юрты въ другую, посмотрѣлъ на насъ внимательно и снова возвратился въ первую юрту. Прошло еще минутъ пять и послѣ этого ко мнѣ былъ высланъ сынъ Данаина просить меня въ юрту отца. При входѣ въ юрту, прежде всего мнѣ бросилась въ глаза удивительная во всемъ чистота и порядокъ. Противъ самаго входа была расположена божница съ тремя уступами, на которыхъ помѣщались бронзовые идолы съ разными принадлежностями буддѣйской вѣры; по лѣвую сторону стояли въ два ряда сундуки, вычурно разрисованные въ китайскомъ вкусѣ. По правую сторону находились полки съ посудой, состоящей изъ мѣдныхъ кувшиновъ, деревянныхъ чашекъ и китайскаго фаянса и деревянныхъ ведеръ съ мѣдными и желѣзными обручами. Между полками съ посудой и божницею стоялъ низменный диванъ. Посреди юрты устроенъ очагъ, въ которомъ безпрестанно поддерживается огонь. Данаинъ занялъ мѣсто на правой сторонѣ отъ божницы, на коврѣ, разостланомъ на полу; на немъ была надѣта овчинная шуба монгольскаго покроя и такая же шапка. По лѣвую сторону помѣщалась женщина лѣтъ сорока, довольно

недурная собою, одѣтая также въ овчинную шубу и въ такой же шапкѣ; въ послѣдствіи я узналъ, что это старшая жена Данаина.

Узнавъ предварительно о необходимыхъ мѣстныхъ обычаяхъ Урянховъ, я подошелъ къ Данаину, приложилъ мою правую руку къ его лѣвому боку, а лѣвою взялъ его правую руку выше локтя и такимъ образомъ привѣтствовалъ хозяина, который тоже самое сдѣлалъ и съ своей стороны. За симъ, мы сказали другъ другу *менду муръ* и на вопросы его: здорово ли мое семейство, каковъ скотъ, хороши ли у насъ кормы, я отвѣчалъ ему и сдѣлалъ въ свою очередь тѣ же самые вопросы. Послѣ этихъ привѣтствій, Данаинъ просилъ меня сѣсть на коверъ съ лѣвой стороны божницы и потомъ спросилъ: что побудило меня заѣхать въ ихъ сторону? На это я, чрезъ моего переводчика, отвѣчалъ, что часто, проѣзжая по дѣламъ службы, по рубежу нашей границы, я былъ много наслышанъ, что въ сосѣдствѣ живетъ добрый ноіонъ и я давно хотѣлъ съ тобою познакомиться и сверхъ того осмотрѣть и полюбоваться вашими прекрасными мѣстами, и вотъ наконецъ рѣшился пріѣхать къ тебѣ и теперь же прошу твоего позволенія осмотрѣть мнѣ побережье озера Косогола. На это Шулгумъ-Комбо отвѣчалъ: хотя нашъ Амоголунъ-ханъ и вашъ Саганъ-ханъ живутъ весьма дружно, но намъ запрещено переходить къ вамъ, а также и васъ пускать къ себѣ, то поэтому я спрашиваю, что будетъ, если я сейчасъ же отправлю тебя къ своему начальству? Признаться сказать, я ожидалъ такого вопроса; но слова его и пронизательный взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на меня, нисколько меня не смутили. На это я отвѣчалъ смѣло и откровенно: что я напередъ зналъ, что Данаинъ не сдѣлаетъ ничего непріятнаго своимъ гостямъ и что мы также готовы принимать нашихъ добрыхъ сосѣдей всегда радушно и ласково и никогда не причинимъ имъ никакого вреда. Послѣ такого отвѣта, Шулгумъ-Комбо мгновенно перемѣнилъ топъ первой рѣчи и его испытующій взоръ сдѣлался кроткимъ. А умѣешь ли ты распознавать по лицу человѣка — хорошъ ли онъ или дуренъ? На это я отвѣчалъ Данаину, что качества людей въ своихъ я могу узнавать, но Урянховъ — въ первый разъ встрѣчаю, однакожь, смотря на тебя, я ясно вижу по лицу твоему, что ты добрый человѣкъ и ноіонъ благородной крови. Лестъ моя поправилась Данаину и онъ самодовольно улыбнулся. Въ это самое

время хозяйка начала разливать въ деревянныя чашки кирпичный чай и первую чашку одинъ изъ прислужниковъ поднесъ мнѣ съ знаками величайшаго униженія. Такъ какъ мои спутники оставались за холмомъ, то я просилъ Данаина дозволить имъ пріѣхать сюда. Къ этому я прибавилъ, что тамъ во व्यюкахъ для него есть подарки. По знаку Шултумъ-Комбо прислуга немедленно распорядилась дать знать нашимъ и они тотчасъ же пріѣхали. На первый разъ я подарилъ хозяину и хозяйкѣ по зеркальцу, кромѣ сего далъ имъ моржановъ, крупнаго бисеру, нѣсколько колець, серьги и краснаго сукна. Подарки повидимому очень расположили въ пользу мою урянхайскаго табуната Шултумъ-Комбо; онъ остался ими весьма доволенъ, разговоръ вдругъ оживился и распросамъ его не было конца. Онъ спрашивалъ, гдѣ я живу, въ какой нахожусь службѣ, какъ велико мое жалованье. Отъ моей личности онъ перешелъ къ болѣе важнымъ вопросамъ: какъ велико народонаселеніе Россіи, далеко ли отсюда до того города, гдѣ живетъ нашъ Саганъ-ханъ и сколько надо провести ночей, чтобы доѣхать до того мѣста; доступенъ ли Саганъ-ханъ и видимъ ли мы его? На всѣ вопросы я отвѣчалъ какъ можно яснѣе и короче. Съ своей стороны, имѣя въ виду инструкцію Сибирскаго Отдѣла, я долженъ былъ узнать здѣсь многое, что касается до топографіи приозерной долины и ея обитателей, что конечно сопряжено было съ большимъ трудомъ, ибо наши невѣжды переводчики часто искажаютъ смыслъ вопросовъ и передаютъ или убавляя или прибавляя отъ себя то, объ чемъ и не надо было дѣлать вопросовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ важныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Данаиномъ о сосѣдней къ намъ землѣ.

На прибрежныхъ, пространныхъ, степныхъ мѣстахъ нагорной долины озера Косогола обитаетъ болѣе 5 тысячъ Урянховъ, которыми, какъ мѣстный родовой князь, завѣдываетъ Данаинъ Шултумъ-Комбо. Для наблюденія же нѣкоторымъ образомъ за внутреннимъ порядкомъ жителей этой страны, равно и для обереженія и осмотра этой границы, на годовой служебный срокъ назначается сюда изъ Монголіи особый чиновникъ Тусулакша (Тусулакчій), и кромѣ этого лица никто изъ начальствующихъ не посѣщаетъ землю Урянховъ. Списковъ народной переписи здѣсь не ведется, поэтому о числѣ рождающихся и умирающихъ не имѣется ни какихъ свѣдѣній, народный же счетъ дѣлается примѣрно по семействамъ. Данаинъ облагаетъ всякомъ подчинен-

ныхъ ему Урянховъ, смотря по состоянію каждаго семейства, и за сборомъ этой подати разсымаетъ своихъ людей. Ясакъ этотъ опредѣленъ отъ 10 до 120 бѣлокъ съ каждой юрты, хотя бы въ ней жилъ одинъ Урянхъ или большое семейство. Это распределение однакожь основано на такомъ расчетѣ; кто имѣетъ 1000 штукъ рогатаго скота, тотъ платитъ 120 бѣлокъ или 3 соболя; соболь равняется 40, лисица 15, а волкъ 20 бѣлкамъ. Тѣ же изъ жителей, кто не имѣетъ юрты и своего скота, ясака совершенно не вносятъ. Собранныя звѣриныя шкуры Данаинъ отправляетъ въ городъ, именуемый ими Уляста (Улясутай), и сдаетъ тамъ мѣстному Амбаню. Впослѣдствіи одинъ Урянхъ разсказалъ мнѣ иначе объ этомъ сборѣ: всѣ достаточные облагаются ясакомъ, смотря по состоянію, отъ 1 до 6 соболей, и въ замѣнъ соболей отъ нихъ ни подѣ какимъ видомъ не принимается бѣлка; тѣ изъ Урянховъ, на которыхъ разложена бѣлка, должны вносить отъ 10 до 200 шкуръ. Власть Данаина распространяется и на духовное вѣдомство; отъ него зависитъ назначеніе въ ламы и большая часть ламъ не изъята отъ взноса ясака. По смерти Данаина власть эта переходитъ къ старшему въ родѣ.

Пока мы разговаривали, хозяйка хлопотала объ обѣдѣ. Данаинъ распорядился для угощенія меня заколотъ лучшаго барана, часть мяса изрубилъ въ мелкіе куски; положили въ котелъ, въ кипящую воду и засыпали потомъ китайскою вермишелью; изъ этого отвара вышла довольно густая и вкусная похлебка. Между прочимъ Данаинъ не однократно спрашивалъ меня, какъ цѣнны подаренныя мною ему вещи; на это я объявилъ ему, что подарки ничего не стоятъ; но онъ просилъ однакожь сказать ему непременно, потому что по обычаю ихъ, онъ взаимно долженъ отдарить на такую же цѣну, на какую получилъ. Самый лучшій подарокъ для меня будетъ тотъ, заключилъ я, когда Данаинъ дозволитъ мнѣ осмотрѣть Байгалъ-Далай (озеро Косоколь), его окрестныя мѣста, курезъ-кумиршо и кромѣ того дастъ мнѣ провожатьхъ за хребетъ, въ Шишки, въ землю Дархатовъ. Мои земли ты можешь видѣть, сказалъ Данаинъ, но въ Шишки я проехать отказываюсь, во-первыхъ потому, что теперь уже зима наступила и въ хребтахъ, разделяющихъ насъ съ Дархатовъ, выпалъ глубокій снѣгъ. На это я отвѣчалъ, что превозмогу всѣ трудности и перейду снѣга. Для меня удивительнымъ кажется, возразилъ Шулатумъ Кэмбо, что русскій воионъ въ такое позднее

время разбѣзжаетъ и переноситъ все трудности. Дѣло совѣмъ другое, еслибъ ты пріѣхалъ лѣтомъ, да и во вторыхъ, самое главное препятствіе въ томъ, что вотъ уже два лѣта какъ мы избѣгаемъ всякаго столкновенія и встрѣчи съ нашими сосѣдями, для сего я и поставилъ наблюдательный караулъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно чрезъ горы проѣхать къ Дархатамъ, и такихъ мѣстъ только два. Почему же вы избѣгаете сношеній съ Дархатами? спросилъ я. Видишь ли случилось какое дѣло: наши ламы поссорились съ тамошними, да кромѣ того все Дархаты страшные воры. Но я все таки настаивалъ, чтобъ провели меня къ Дархатамъ. Меня крайне занимала мысль, что я первый увижу верхніе источники Енисея и по возможности опишу ихъ. Данаинъ, желая лично отдѣлаться отъ моей настойчивой просьбы, совѣтовалъ мнѣ завтра проѣхать къ ноюну Даши, мѣстному Тусулакчию, или какъ выражался Данаинъ — Тукшулакми, а также и къ его старшему сыну Иринеюну, которые можетъ быть и согласятся провести меня чрезъ горы.

Когда мы достаточно наговорились, Данаинъ, желая похвалиться передо мною своими вещами, показалъ мнѣ различныя каменныя рѣдкости высокаго достоинства: тутъ были нитки сердоликовъ кроваваго цвѣта съ опаловыми оттѣнками, вещи изъ агатовъ и лапись-лазули весьма хорошаго цвѣта; но болѣе всего меня заняла табакерка изъ оникса, изъ которой Данаинъ шохалъ табакъ; каменный флаконъ этотъ былъ такъ тонко выточенъ, что плавалъ на водѣ и хозяинъ высоко цѣнилъ свою табакерку.

Бесѣда наша съ радушнымъ хозяиномъ продолжалась до половины девятаго вечера; наконецъ Данаинъ всталъ и ушелъ изъ юрты. Только что онъ оставилъ насъ, какъ жена его, 16 лѣтній сынъ и прислуга, изъ смиреннаго, почтительнаго вида, вдругъ перешли въ живое и свободное обращеніе. Я невольно удивился этой перемѣнѣ и спросилъ: отчего они вдругъ стали развязны и веселы. Мнѣ отвѣчали очень наивно, что хозяинъ ушелъ почевать въ другую юрту къ своей молодой женѣ и что больше сюда уже не придетъ. По уходѣ, хозяйка до того очень скромная, необыкновенно развернулась; она подошла ко мнѣ, разсматривала мою одежду, брала часы и дѣлала вдругъ нѣсколько вопросовъ — пригожи ли наши женщины; въ какой онѣ носятъ одежду, въ такой ли какъ онѣ, по сколько мы имѣемъ женъ, любятъ ли ихъ и т. п. Въ исходѣ девятаго часа два Урианга служители принесли боль-

шее баранье одѣяло, согрѣли его надъ огнемъ и (вотъ хозяйка сняла съ себя шубу и осталась совершенно нагою, потому что онѣ рубахъ не носятъ; потомъ сняли съ нея обувь и она легла въ постель, а люди тотчасъ закрыли ее нагрѣтымъ одѣяломъ и вокругъ обтыкали тѣло хозяйки, чтобы не проходилъ холодъ, а сверху одѣяла еще покрыли шубой, а голова осталась не закрытою. Последняя сцена, видѣнная мною, вполне показывала патриархальность мѣстныхъ нравовъ; сюда, въ эту глушь, не могла проникнуть китайская цивилизація и Урянхи надолго еще останутся самобытными. Когда хозяйка улеглась такъ покойно, то вслѣдъ за симъ два Урянха легли у ногъ своей госпожи не раздѣваясь; у нихъ не было ни постели, ни изголовья, однакожъ и на голой землѣ они спали очень крѣпко. Мнѣ страннымъ показался здѣшній обычай, что въ юртѣ Данаина варили кушанье и готовили чай Урянхи, а женщины между тѣмъ ничего не дѣлали.

Утромъ въ семь часовъ, люди принялись за приготовленіе чая. Въ кипящую воду, они всыпали кирпичнаго чая, потомъ положили на половину листовничной коры, истолченной въ мелкій порошокъ, за симъ налили густаго молока отъ яковъ и начали варить чай, помѣшивая его отъ времени до времени деревянными лопатками. Жена Данаина хотя уже проснулась, но все еще лежала въ постели. Когда же ей сказали, что чай готовъ, она освободилась изъ подъ одѣяла, сѣла обнаженною на своей постели, и на лицѣ ея незамѣтно было и тѣни стыдливости; одинъ изъ Урянховъ подаль госпожѣ шубу, а другой началъ надѣвать на нее сапожки въ китайскомъ вкусѣ съ поднятыми къверху носками и толстыми подошвами. За симъ ей подали небольшой мѣдный кувшинчикъ съ водою; она умылась, выполоскала себѣ ротъ и вмѣсто полотенца обсохла у огня. Вскорѣ послѣ этого пришелъ и самъ Данаинъ, онъ привѣтствовалъ меня словомъ *менду муръ* и сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Ему тотчасъ же подали кувшинъ съ чаемъ, который и мнѣ въ одно же время былъ предложенъ; но у меня былъ приготовленъ свой чай; я попросилъ Данаина попробовать нашего съ сахаромъ, онъ охотно согласился и по видимому пилъ съ большимъ удовольствіемъ. Къ чаю я попросилъ подать молока отъ яковъ, лишь только подосеннаго, оно было очень вкусно и своею густотою походило болѣе на сливки. Чай Урянховъ съ примѣсью листовничной коры очень не дуренъ, а главное чрезвычайно полезно.

Между тѣмъ, пока я пилъ чай, лошади мои были готовы и я тотчасъ же отправился въ сосѣднее стойбище, имѣя вожатымъ Урянха, даннаго мнѣ Данаинномъ. Почтенный хозяинъ вышелъ провожать меня и при прощаніи убѣдительно просилъ пріѣхать къ нему въ гости лѣтомъ.

Мы поѣхали въ долину Сахангаръ, гдѣ кочевали старшій сынъ Данаина и Тусулакчій Дашинъ. Съ небольшимъ черезъ часъ мы достигли юрты Иринсына. И здѣсь также стаи огромныхъ черныхъ монгольскихъ собакъ, кажется злѣйшихъ изъ всей собачьей породы, выбѣжали къ намъ, и воздухъ былъ оглашенъ ихъ неистовымъ лаемъ. Все народонаселеніе юрты было встревожено необыкновеннымъ лаемъ собакъ; Урянхи вышли изъ своихъ жилищъ и между ними не трудно было отличить Иринсына; онъ видѣе всѣхъ и ростомъ и своею осанкой, и я не ошибся, отрекомендовавшись ему первому. Послѣ обычнаго менду муръ, меня попросили войти въ юрту. И жилище сына Данаина также содержится въ большомъ порядкѣ, повсюду чистота и опрятность. Жизнь Урянховъ во всемъ далеко выше нашихъ зажиточныхъ монголовъ, притомъ она рѣзко отличается отъ сихъ послѣднихъ своеобразнымъ типомъ, въ которомъ виденъ особый народъ по языку, нравственнымъ качествамъ и хозяйственному быту. Мнѣ разостлали коверъ китайскаго издѣлія и просили занять мѣсто. Послѣ привѣтствій, я прежде всего распорядился поднести хозяину и молодой, красивой женѣ его такіе же подарки, какіе я передалъ его отцу. Не забыты были и маленькія дѣти Иринсына, которыя, къ удивленію моему, такъ были милы, что съ перваго разу пошли ко мнѣ на руки, играли со мною и цѣловали меня. За симъ пошли угощенія и по всему видно было, что Иринсынъ былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ; подали чай съ тою же ластовничною корою и къ этому вмѣсто хлѣба прѣсный овечій сыръ, очень не дурной, и въ то же время думали уже объ обѣдѣ, закололи также барана и сварили похлебку, какою угощалъ меня Данаинъ. Иринсынъ уже не спрашивалъ меня — зачѣмъ я къ нимъ пріѣхалъ, ибо навѣрное отецъ еще вчера успѣлъ увѣдомить его о моемъ къ нимъ пріѣздѣ. Во время этой бесѣды, меня пришли звать къ Тусулакцію, живущему по близости юрты Иринсына. Такъ какъ я особенно желалъ видѣть этого монгольскаго чиновника, то не медля, вхвѣстъ съ сыномъ Данаина, отправился въ его юрту. Тусулакчій принялъ меня какъ нельзя лучше; онъ отличался осо-

бенными манерами отъ табунатовъ урянхайскихъ. Это былъ типъ чистаго Монгола, средняго роста, съ умною открытою физиономіею. Знакомство мое съ нимъ я началъ также поднесеніемъ небольшихъ подарковъ. Когда мы размѣнялись обоюднo привѣтствіями, то прежде всего я обратился къ Тусулакчию и Ириньсину съ просьбою, чтобъ они указали мнѣ путь чрезъ горы и дали провожатыхъ къ Дархатамъ, но они положительно отказали мнѣ въ этомъ, увѣривъ меня, что сибга уже занесли горцу нады и тѣ высоты, чрезъ которыя должно слѣдовать, и что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности туда проникнуть, но что лѣтомъ можно проѣхать туда безпрепятственно. По необходимости я долженъ былъ согласиться съ мѣстными обстоятельствами и до времени отложить важное дѣло—изслѣдованіе верхнихъ источниковъ Енисея. Но я положилъ себѣ за непремѣнное покрайшей мѣрѣ собрать здѣсь нѣсколько свѣдѣній о народѣ Дархатахъ и ихъ землѣ. Тусулакчій распорядился обѣдомъ, намъ подали ту же похлебку и куски бараняго шешлыка, отлично изжареннаго на вертелѣ. Пообѣдавши наскоро, я выпросилъ себѣ провожатыхъ и поѣхалъ осматрѣть будайскій дацанъ (курень), озеро и прилегающія окрестности. Дацанъ Урянховъ лежитъ на сѣверной сторонѣ озера Косогола, верстахъ въ трехъ отъ него, и живописно красуется на открытой долинѣ. Наружная архитектура трехъ главныхъ кумиренъ съ окружающими его небольшими моельнями (суме), много напоминаютъ нашу Гусиноозерскую кумирню, но наружная и внутренняя обстановка дацана косогольского показалась мнѣ богаче и изящнѣе. Въ украшеніяхъ кумиренъ соединенъ вкусъ тибетскій вмѣстѣ съ китайскимъ, яркость красокъ, позолота и вычурность рѣзнаго искусства поражаютъ глаза своею оригинальностію. Курень-дацанъ кругомъ обнесенъ тыномъ; кромѣ главныхъ кумиренъ и побочныхъ моельней здѣсь находятся амбары, куда сложено лучшее имущество Данаина, старшихъ роловичей и ламъ. Главная кумирня довольно обширная: по тремъ стѣнамъ ея—передней и двумъ боковымъ устроены открытые шкапы, въ которыхъ помѣщается множество бронзовыхъ позолоченныхъ идоловъ. Здѣсь, кажется, собрано все, что имѣеть у себя будайская священная космогонія съ безчисленными атрибутами этого вѣрованія. Одни изъ этихъ идоловъ, довольно большихъ размѣровъ, блистали яркостью позолоты и убранствомъ бирюзы, лаписъ-лазули и малавъ, другіе были одѣты въ разноцвѣтныя китайскія матеріи, нѣ-

которые изъ нихъ заключались въ ящикахъ изъ розоваго дерева со стеклами. Все это вмѣстѣ сильно бросается въ глаза и служитъ отличнымъ украшеніемъ дацана. Послѣ этой кумирни я осматрѣлъ еще двѣ и нашелъ то же расположеніе и также этажерки въ нѣсколько отдѣленій, только бронзовыя изображенія и глиняныя слѣпки были гораздо меньшаго размѣра; за то тутъ находилось множество новыхъ видовъ буддайскихъ божествъ; предметы эти, по выраженію сопровождавшаго меня ламы, суть высокія идеи великой истины. Когда я выходилъ изъ третьей кумирни, слухъ мой былъ пораженъ стройнымъ пѣніемъ многихъ голосовъ и за симъ оглушительнымъ шумомъ бубновъ, трубъ, раковинъ и звономъ колокольчиковъ. Оказалось, что въ четвертой кумирнѣ, гораздо меньшей по объему трехъ осматрѣнныхъ мною, происходило служеніе. Мнѣ не отказали войти и туда. Здѣсь я нашелъ пятьдесятъ ламъ, совершавшихъ службу; стройность ихъ голосовъ удивила меня, тоны ихъ пѣнія по временамъ переходили изъ самыхъ высокихъ нотъ въ низкія; ихъ басы и октавы представляли рѣдкое явленіе, мнѣ казалось, что подобныхъ я нигдѣ не слыхалъ. Голоса эти, необыкновенно сильные и звучные, наполняли собою всю кумирню и поражали своею огромностію и густотою слухъ мой, хранина въ полномъ смыслѣ слова дрожала отъ ихъ fortissimo. И было откуда выходить этимъ могучимъ басамъ, тутъ находились ламы огромнаго роста съ атлетическими формами мускуловъ и дородства. Не менѣ замѣчательны были ихъ земные поклоны; ламы падали нацѣ мгновенно и подымались какъ бы по знаку. Послѣ продолжительныхъ поклоновъ, они сѣли по старшинству на скамьи другъ противъ друга, составивъ въ равномъ числѣ двѣ линіи, старшій же ихъ ширетуй помѣстился ближе къ жертвеннику на низкомъ стулѣ, обтянутомъ краснымъ сукномъ. На жертвенникѣ, между изображеніями буддайскихъ идоловъ, стоялъ серебряный сосудъ, украшенный финифтью и имѣющій форму между кувшиномъ и чайникомъ, съ узкимъ горлышкомъ, съ пробкою, въ которую воткнуты три павлиньихъ пера. Во время служенія пробку эту ширетуй вынималъ изъ сосуда и благоговѣнно водилъ ею, подымая надъ жертвенникомъ. Немного спустя, старшій за ширетуемъ лама взялъ сосудъ и обошелъ съ нимъ всѣхъ, наливая на правую ладонь каждому изъ присутствующихъ какой-то освященной жидкости. Подходя ко мнѣ, онъ взглянулъ на ширетуя и получалъ отъ него два за-

мѣтное приказаніе удѣлить и мнѣ этой воды. По примѣру ламъ и я подставлялъ правую руку, лама капнулъ воды и на мою ладонь. Послѣ непродолжительныхъ молитвъ всѣ въ одно мгновеніе, омочивъ указательныя пальцы лѣвой руки въ жидкость, помазали себѣ глаза и затѣмъ, поднеся правую руку къ губамъ, каждый обтеръ оставшуюся влажность объ свою голову и этимъ кончилось ихъ служеніе. Въ кумирнѣ никого не было изъ постороннихъ кромѣ ламъ и меня, сопровождавшія меня духовныя лица не вошли со мною въ кумирню, а оставались внѣ оной и ожидали моего выхода. По окончаніи службы, ламы остались на своихъ мѣстахъ и имъ въ кумирнѣ же поданъ былъ чай, а въ это время я прѣсиль главнаго ширетуя дозволить мнѣ поближе осмотрѣть жертвенникъ съ буддайскими божествами, на что онъ охотно согласился. Между различною утварью и бронзовыми статуэтками находилась горка, убранная различными агатами и сердоликами, обдѣланными шариками и кусками въ своемъ природномъ видѣ; между этими породами я видѣлъ кусочки хризопраса, лапсѣ-лазули и тутъ же помѣщены были русскія серебряныя и мѣдныя деньги. За радушный пріемъ ламъ, я приложилъ съ своей стороны на эту горку крупнаго разноцвѣтнаго бисера, которымъ надѣлалъ и ширетуя, чѣмъ, повидимому, онъ остался очень доволенъ. Здѣсь я узналъ, что духовный комплектъ ламъ косокольскаго куреня состоитъ изъ 130 человекъ, имѣющихъ въ ономъ постоянное жительство и не менѣе такого же числа проживаютъ внѣ куреня по улусамъ; а сюда только съѣзжаются въ большіе праздники для совершенія общаго служенія.

Изъ кумирни я отправился осмотрѣть ближнія побережья Косокола, сколько то было возможно. Здѣсь я снялъ видъ озера отъ сѣвернаго его пункта и потомъ, по собраніи распросныхъ свѣдѣній, составилъ наглядную карту озера Косокола съ его главными притоками и истокомъ рч. Иги, составляющей одинъ изъ сѣверныхъ источниковъ р. Селеги (\*).

---

(\*) См. наглядную карту долины Косокола и живописный видъ этого озера. Наглядная карта мѣстности не прилагается при семъ, потому что Отдѣлъ для точной съемки назначилъ особую экспедицію въ описываемую мѣстность.

Осмотрѣвъ приозерныя окрестныя мѣста, я возвратился на ночлегъ въ юрту Иринсына. Хозяинъ не обратилъ на меня своего вниманія; повидимому онъ ничего не видалъ и не слыхалъ, что дѣлалось въ юртѣ; всѣ мысли его прикованы были къ шахматной доскѣ; его противникъ лама былъ въ разгоряченномъ видѣ и уже проигралъ двѣ лошади. Интересно было смотрѣть на ихъ бой; оказалось, что Иринсынъ игралъ въ шахматы несравненно лучше ламы. Шахматная игра между богатыми здѣсь въ большомъ ходу, за нею Урянхи проводятъ цѣлые дни и держатъ большіе заклады. Игра эта называется у нихъ *шестеръ*; количество пѣшекъ то же самое, что и у насъ. Первая пѣшка называется *поюнъ*, вторая берсы, третья тымэ (двѣ пѣшки), четвертая морэ (двѣ пѣшки) пятая тыргэ (также двѣ) и восемь пѣшекъ, изображающихъ различныя забавныя фигуры людей, выточенныхъ изъ кости очень не дурно. За шахматами Иринсынъ и лама просидѣли цѣлый день до десяти часовъ вечера. Когда ушелъ обыгранный лама, Иринсынъ приказалъ принести свои каменныя рѣдкости, въ которыхъ, какъ видно, Урянхи большіе знатоки и, подобно Маньчжурамъ и Гитайцамъ, уважаютъ эти вещи. Поданъ былъ довольно большой ящикъ, изъ котораго хозяинъ вынималъ и показывалъ мнѣ различныя величины, формы и качества каменные флаконы, табакерки, кольца, подвѣски и проч., сдѣланные изъ агатовъ, халцедона, ониксовъ, ланцезлазули и бѣлаго китайскаго нефрита. Любитель агатовыхъ породъ нашелъ бы здѣсь интересное собраніе камней, въ которыхъ игра природы вмѣстѣ съ безконечными оттѣнками яркихъ цвѣтовъ дѣйствительно представляли рѣдкіе образцы. Притомъ разнообразіе формъ каменныхъ табакерокъ, изящность отдѣлки и тонкость шлифовки еще болѣе возвышали цѣнность видѣнныхъ мною вещей. Иринсынъ былъ очень радъ, что я понималъ и цѣнилъ каменныя вещи, укладывая ихъ обратно въ ящикъ и обертывая каждую вещь въ бумагу, онъ упомянулъ, что это малѣйшая часть его каменныхъ табакерокъ, и что самое большое число рѣдкостей находится въ анбарахъ куреня.

Во время продолжительной игры Иринсына въ шахматы, меня занимала жена его, очень миловидная женщина лѣтъ 27, характера живаго и веселаго. Ея манеры и вѣжливое обхожденіе далеко были выше противъ нашихъ дикихъ и робкихъ Монголокъ. Она созвала къ себѣ нѣсколько женщинъ и дѣвицъ и онѣ ни-

сколько не дичимся съ нами; хозяйка заставила ихъ играть съ однимъ изъ моихъ провожатыхъ, молодымъ человѣкомъ, и дѣвицы кружились и прыгали съ нимъ; звонкій хохотъ Урянхаекъ оглашалъ юрту, и не смотря на этотъ шумъ, наши игроки въ шахматы не обращали никакого вниманія, что дѣлалось вокругъ нихъ. Нарядъ женщинъ очень красивъ и удобенъ и много напоминаетъ покроемъ монгольскій. Зимняя ихъ одежда состоитъ изъ овчинъ, очень тщательно выдѣланныхъ, по подолу нашивается довольно широкая красная обшивка; рукава ихъ показались мнѣ очень странными, у самыхъ плечъ дѣлаются буфы, набитые шерстью. Поверхъ шубы надѣвается китайчатый халатъ безъ рукавовъ, большею частію синяго цвѣта, воротъ котораго застегивается серебряными тонкими бляшками. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы и распускаютъ ихъ по передней части шеи. Жены ноіоновъ отличаются отъ простыхъ женщинъ переднимъ уборомъ волосъ, носимыхъ ими въ видѣ широкихъ, тонкихъ плетешковъ, для поддержанія которыхъ онѣ смачиваютъ клеємъ и чтобы они не мялись, скрѣпляютъ волоса двумя камышевыми досечками, а нижній конецъ плетешковъ украшаютъ подвѣсками изъ моржановъ и цвѣтныхъ камней. Позади плетешковъ идутъ особія пряди волосъ, зашитыя въ чехлы изъ черной матеріи, которые висятъ до самыхъ колѣнъ. Лобъ своей женщины украшаютъ лентою, шириною пальца въ два, унизанною китайскимъ жемчугомъ и моржанами; къ лентѣ этой прикрѣплена привѣска въ видѣ подковы, сдѣланная также изъ жемчуга и цвѣтныхъ камней. На головѣ онѣ носятъ шапку изъ черной мерлушки съ собольимъ околкомъ. Дѣвицы заплетаютъ свои волосы въ одну косу и пускаютъ ее подобно русскимъ по спинѣ. Дѣти отъ одного до четырехъ лѣтъ носятъ на шеѣ кусокъ сыраго жиру, вырѣзаннаго изъ бараньяго курдюка, который поминутно сосутъ. Маленькіе Урянхи, мальчики и дѣвочки, были вообще очень грязны; я узналъ, что отъ самаго рожденія до большаго возраста ихъ по суевѣрію не моютъ. Ни народныхъ игръ, ни плясокъ, какъ мнѣ передали, у Урянховъ нѣтъ; музыкальныхъ инструментовъ они также не имѣютъ. Въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ буддайскаго служенія, на которое собирается народъ и ламы въ дацанъ-курень, Урянхи подобно Монголамъ дѣлаютъ скачки и борьбы. Они борются или нагіе, или въ узкомъ платьѣ, сдѣланномъ изъ плотной китайской матеріи, совершенно обтягивающей тѣло. Кто

поборетъ двухъ человекъ, тому даютъ двухъ-годовалого быка, а кто трехъ, тому даютъ большаго быка, за четырехъ получаетъ лошадь. По разсказамъ Урянховъ, бывають случаи, что борцы въ остервенѣніи убиваютъ людей на мѣстѣ до смерти. Главное дѣло хорошаго борца состоятъ въ искусствѣ во время уловить минуту оплошности своего противника и повергнуть его на землю. Дѣла уголовныя рѣшаетъ самъ Данаилъ съ своими помощниками, присутствуя въ куренѣ въ самомъ дацавѣ. За похищеніе одного быка надѣваютъ на шею хищника тяжелую, деревянную колодку на сорокъ дней и во все это время водятъ его изъ одного улуса въ другой и кормятъ изъ востороннихъ рукъ, ибо его руки не могутъ доставать рта. За похищеніе двухъ быковъ надѣвается на шею колодка на восемьдесятъ дней, а за кражу трехъ быковъ виновный приговаривается къ смерти, для совершенія которой преступника отправляютъ въ городъ Улясутай. За похищеніе одного или двухъ барановъ наказываютъ плетью, а кража трехъ барановъ равняется кражѣ одного быка, и за другіе проступки виновныхъ осуждаютъ на ношеніе колодки и сѣченіе плетью. Случается не рѣдко, что преступники умирають на мѣстѣ наказанія, но судьи за это не отвѣчаютъ. Несмотря на то, что здѣсь отъ правительства, въ видѣ прокурора, живетъ Тусулакчій, но по всему видно, что Данаилъ Шултумъ-Комбо, есть полный властитель своего народа, и что неприкосновенности народныхъ правъ Урянховъ покровительствуетъ сама природа, помѣстивъ народъ этотъ на обширной долинѣ, замкнутой почти со всѣхъ сторонъ высокими горами и лежащей на самой дальней окраинѣ сѣвера.

Нравы Урянховъ во многомъ остаются дикими и невѣжественными. Обычай покидать на произволъ судьбы дряхлыхъ и больныхъ господствуетъ здѣсь въ полномъ смыслѣ этого слова. Старыхъ и подверженныхъ тяжкимъ болѣзнямъ, Урянхи оставляють однихъ, и несчастные погибають безъ вособій и возможности достать себѣ пищу. Мертвыя тѣла не зарываютъ въ землю, а бросаютъ куда нибудь въ сторону отъ своихъ жильевъ и трупы пожираются собаками, хищными звѣрями и птицами.

Я не берусь разсуждать объ историческомъ происхожденіи народа урянхскаго, во первыхъ потому, что изслѣдованіями такого рода я никогда не занимался, а во вторыхъ, здѣсь на мѣстѣ я ничего не могъ собрать ни о приходѣ Урянховъ сюда, ни о смѣ-

шеніи ихъ съ другими племенами. Урянхи говорятъ между собою уйгурскимъ языкомъ, слѣдовательно они должны принадлежать къ тюркскому поколѣнію, но они знаютъ въ совершенствѣ и монгольскій языкъ. Переводчикъ, сопровождавшій меня, по поводу моихъ вопросовъ, свободно понималъ отвѣты Урянховъ, и они также въ свою очередь понимали смыслъ рѣчи переводчика. На одной землѣ съ Урянхами, только въ различныхъ мѣстностяхъ, живутъ также Соіоты, Дархаты и Карагассы; любопытно знать, составляютъ ли эти инородцы отдѣльные роды или принадлежатъ къ урянхскому племени? Если же это не Урянхи, то кто изъ этихъ инородцевъ заключаетъ въ себѣ элементы финскаго языка и кто изъ нихъ Монголы?

Для параллели уйгурскаго языка, которымъ говорятъ Урянхи, съ монгольскимъ, я приведу здѣсь нѣсколько словъ.

<i>Уйгурскій.</i>	<i>Монгольскій.</i>	<i>Русскій.</i>
отгъ . . . . .	галъ . . . . .	огонь.
адъ . . . . .	муренъ . . . . .	лошадь.
атъ . . . . .	нохой . . . . .	собака.
хысь . . . . .	укыръ . . . . .	быкъ.
тэхъ . . . . .	бошу . . . . .	поскорѣе.
байхара . . . . .	байсь . . . . .	стой.
тажъ . . . . .	челонъ . . . . .	камень.
демъ . . . . .	голъ . . . . .	рѣка.
дакъ . . . . .	хада . . . . .	гора.
кишице . . . . .	эре . . . . .	мужчина.
урукуга . . . . .	басаганъ . . . . .	дѣвка.
аль . . . . .	абыншъ . . . . .	на, возьми.
ханъ . . . . .	асса . . . . .	дай.
аштабъ торѣмень . . . . .	иделихъ мини . . . . .	я ѣсть хочу.
тобъ тормень . . . . .	дорсонъ би . . . . .	я озябъ.

*Счетъ.*

1 бире, 2 хи, 3 усь, 4 дортъ, 5 песь, 6 алта, 7 тчети, 8 сесь, 9 тоъ, 10 онгъ, 11 онъ бире, 12 онъ хи, 13 онъ усь, 14 онъ дортъ, 15 онъ песь, и т. д. 20 дербэ, 21 хи онъ дербэ и т. д. 30 уджень, 31 уджень бире, 40 дартанъ, 41 дартанъ бире, 50 печень, 51 печень бире, 60 алтанъ, 61 алтанъ бире, 70 джедонъ, 71 джедонъ бире, 80 сетонъ, 81 сетонъ бире, 90 тотонъ, 91 тотонъ бире, 100 дюсь, 1000 шильмонъ.

На другой день моего пребыванія у Иринсына, Тусулакчій Даши прислалъ ко мнѣ своего человѣка просить меня посѣтить его юрту. Было еще очень рано и я лежалъ въ постелѣ и наблюдалъ, что дѣлалось въ юртѣ Иринсына. Когда онъ только что всталъ съ постели, тотчасъ же началъ умываться, потомъ сѣлъ у огня, обсохнулъ и вслѣдъ за симъ подошелъ къ божницѣ и положилъ нѣсколько усердныхъ земныхъ поклоновъ, нашептывая при этомъ какую то молитву. Помолвившись, онъ вышелъ изъ юрты и въ это время прислуга варила чай съ листовничною корою и молокомъ отъ яковъ. Когда чай былъ готовъ, приснулась и хозяйка, она освободилась изъ подъ своего огромнаго овчиннаго одѣяла и совершенно нагая сѣла на постель и спустила ноги свои на землю; за симъ два Урянха начали ее одѣвать, одинъ подавалъ ей шубу, другой помогалъ надѣвать сапожки. Потомъ она стала умываться и сѣла на корточки обсушиться у огня, и за симъ также вышла изъ юрты, а я между тѣмъ отправился къ Тусулакчю. Здѣсь угощеніе было совсѣмъ иное; сначала подали хорошій чай и за нимъ принесли большой китайскій подносъ, на которомъ находились различные сорта сухихъ плодовъ, конфектъ и пекинскихъ печеньевъ. Хозяинъ былъ необыкновенно внимателенъ ко мнѣ; разговорамъ у насъ не было конца. Онъ очень сожалѣлъ о томъ, что законы ихъ воспрепятствуютъ переходъ за границу; въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, я сейчасъ бы поѣхалъ въ одинъ изъ русскихъ городовъ, чтобы посмотреть, какъ вы живете. Много говорилъ мнѣ Тусулакчій о пользѣ обоюдныхъ сношеній здѣшнихъ жителей съ нами, и между прочимъ убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нимъ на будущее лѣто и, если возможно, привезть различной стеклянной посуды, въ которой они очень нуждаются, и что стекло вообще между ними очень цѣнится. Бесѣда наша продолжалась довольно долго; многое бы я узналъ отъ Тусулакчія, но къ несчастію онъ выпилъ довольно большой пріемъ предложенной мною водки и совершенно опьянѣлъ. Въ самозабвеніи онъ легъ на свой китайскій диванъ и заснулъ глубокимъ сномъ. Въ это время вошелъ въ юрту одинъ изъ моихъ провожатыхъ, онъ особенно убѣждалъ меня воротиться домой, говоря, что снѣжныя тучи нависли надъ Сардыкомъ и что если горы завалитъ снѣгомъ, тогда мы и не пройдемъ. Замѣчаніе это было вполне справедливо, и я рѣшился оставить сѣверную окраину о. Косогола, пробывши здѣсь три

сутокъ. Слѣдуя обратнымъ путемъ, я направилъ путь мой къ сѣверозападнымъ покатосямъ горъ, чтобы осмотрѣть эту мѣстность въ геогностическомъ отношеніи, и поздно вечеромъ съ своими провожатыми прѣхалъ въ нашъ пограничный Хангинскій карауль.

Послѣ этнографическихъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ Урянхахъ, я представлю здѣсь нѣсколько географическихъ данныхъ объ оз. Косоголѣ и его пагорной долині.

Я уже упомянулъ, что мѣстность оз. Косогола представляетъ обширную пагорную равнину, болѣе и болѣе разширяющуюся къ своему южному концу. Только на нашей чертѣ границы находятся таіюжныя мѣста, но за рубежами Саяна древесная растительность мало по малу исчезаетъ, и широкія побережья оз. Косогола скорѣе можно назвать пространною степью, имѣющею свой особенный характеръ, ибо множество рѣчекъ, стремящихся въ Косоголѣ съ той и съ другой стороны, орошаютъ земли и, по словамъ Урянховъ, отличныя травы покрываютъ всю долину. Это изобиліе травянистой растительности сдѣлало Урянховъ по преимуществу скотоводами. По свидѣтельству инородцевъ, многочисленныя стада яковъ, быковъ, овецъ и козъ, видѣнныя мною на сѣверномъ концѣ озера, далеко ничтожны предъ тѣмъ количествомъ стадъ, которое имѣется у нихъ на обширныхъ угодьяхъ южнаго Косогола.

Озеро Косоголѣ, какъ я сказалъ выше, Урянхи именуютъ Байгалъ-Далай. Фигура его продолговатая, имѣющая простираніе отъ сѣвера къ югу. Сѣверный пунктъ этого обширнаго воднаго бассейна начинается въ 10 верстахъ отъ черты границы. Урянхи, при вопросѣ о длинѣ озера, говорили такъ: чтобы проѣхать отъ сѣвернаго конца его до южнаго по одной только сторонѣ и слѣдовать скоро, то на этомъ пути пужно захватить не менѣе пяти ночей. Судя по этому отзыву, длина оз. Косогола должна быть не менѣе 250 верстъ. Ширина его по всему протяженію мало измѣняется; по срединѣ Косоголѣ имѣеть ширины до 50 верстъ, только въ южномъ концѣ своемъ озеро нѣсколько уже и изъ этой то части изливается единственный истокъ—рѣка Эга (Ига), которая, принявъ въ себя рѣку Дылагиръ-Мирекъ, берущую начало изъ горъ правой стороны, составляетъ сѣверныя притоки р. Селенги. Не вдалекѣ отъ выхода р. Эги находится китайскій карауль Хотъ-голѣ. Глубина озера мнѣ неизвѣстна; для измѣренія я хотѣлъ проплыть нѣкоторое пространство на лодкѣ, но

оказалось, что Урянхи не имѣютъ никакого понятія о лодкахъ; впрочемъ здѣшніе жители говорятъ мнѣ, что озеро вообще очень глубоко. На самой срединѣ Косогола лежитъ довольно большой островъ, называемый мѣстными жителями Далай-Куйса (морской пупъ); онъ поросъ густымъ, хвойнымъ лѣсомъ лиственницы, кедровъ и пихтъ. Урянхи говорили мнѣ, что островъ, по неимѣнію лодокъ, доступенъ имъ только зимою и что тамъ водится много звѣрей: унгигнъ—лисица, шондога—заяць, зуръ—коза, сага—олень.

По свидѣтельству Урянховъ, воды Косогола весьма обильны различною рыбою. Во время приваловъ, которые бываютъ здѣсь весною и осенью, рыба идетъ густыми рунами въ главныя рѣчки и спруживается; въ это время ипородцы легко добываютъ ее желѣзными крючьями, приделанными къ длиннымъ шестамъ. Выдергивая безпрестанно эти шесты, они вытаскиваютъ по нѣскольку рыбъ вдругъ и въ самое короткое время такимъ образомъ налавливаютъ цѣлый лошадиный выюкъ рыбы. Въ особенности водится въ озерѣ видъ рыбы съ мелкою чешуею и мягкими костями, весьма похожій на сельдь; эта рыба вообще меньше омуля и круглѣе его. Урянхи называютъ ее болегонъ и она преимущественно ловится въ маѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ мѣстные жители не имѣютъ понятія о засолѣ рыбы, ибо они соли совсѣмъ не употребляютъ, то пойманную рыбу вялятъ на солнцѣ и сѣдаютъ ее въ теченіи лѣта. Кромѣ болегона въ озерѣ водятся: бѣлая рыбаца, ходора—хайрюзъ, зыбы—ленокъ и въ большомъ количествѣ гужа—налимъ, который, по увѣренію Урянховъ, достигаетъ здѣсь огромныхъ размѣровъ. Эту рыбу особенно ловятъ лишь только покроется озеро льдомъ. Косоголъ замерзаетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а вскрывается въ концѣ мая или началѣ іюня. Приозерные берега вообще крѣпкіе, болотистыхъ мѣстъ весьма мало, а если и есть, то это только при самомъ впаденіи въ озеро нѣкоторыхъ рѣчекъ.

Отъ гольца Мунко-Сардыка, называемаго Урянхами Мунко-цасо (вѣсковые снѣга), какъ я уже сказалъ, простирается краѣвъ гольцовыхъ горъ, дающій начало безчисленному множеству водныхъ источниковъ, изъ которыхъ образуются довольно значительныя рѣчки. Главныя рѣчки, впадающія въ Косоголъ, суть: Желга, Урмухаръ, Жорговалта, Хореты, Хонгоро, Мунгорго, Ходонъ, Оюкъ, Хулгата, Шарбулу, Улу, Дьбырлыкъ, Ханымъ, Жиглыкъ,

Харета, Тон, Торокъ, Шогнулъ, Ноюнъ, Харатуши, Долбай, Борсукъ, Мото и Хишигъ. Рѣчки эти стремятся сначала изъ скалистыхъ ущелій, потомъ текутъ по расширеннымъ палямъ и наконецъ выходятъ въ долины, и, орошая ихъ, вливаются въ озеро.

Въ обнаженныхъ мѣстахъ прибрежьевъ рѣчекъ, берущихъ начало изъ гольца Мунко-Сардыка, найдены мною слѣдующія горныя породы: известнякъ, древній глинистый сланецъ, кварцъ, гранитъ краснаго цвѣта, подобный финскому и обыкновенный сѣрый, крупно и мелкозернистый, гранито-сіенитъ, диабазъ, гнейсъ и лава. На сѣверномъ берегу оз. Косокола видны въ юбиліи выпосы лавы. Въ обнаженіяхъ нижнихъ уступовъ южной стороны Саяна я нашелъ въ большомъ развитіи зеленый камень. Въ низменныхъ мѣстностяхъ долины Жарганалта, Урмухара, включительно до предѣловъ долины Колъ, находятся пласты известняка и позднѣйшіе наносы. Кристаллическіе известняки кончаются на сѣверной сторонѣ отвѣсною гранитною скалою, составляющею въ этомъ мѣстѣ берегъ озера Косокола, при подножій котораго лежатъ значительные валуны лавы.

Древесная растительность въ особенности покрываетъ покати горъ сѣверовосточной стороны оз. Косокола. Къ рубежамъ русской границы лѣса эти переходятъ въ сплошныя тайжныя мѣста. Лѣсъ кое гдѣ еще видѣнъ въ ущельяхъ Косокола, но далѣе на югъ онъ совершенно исчезаетъ и являются необозримыя, открытыя, береговыя долины. Изъ деревьевъ преимущественно растутъ лиственница, что нѣкоторымъ образомъ показываетъ слѣшкомъ возвышенную область здѣшнихъ нагорныхъ предѣловъ.

Не могли, къ большому моему сожалѣнію, проникнуть въ землю Дархатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать верхніе источники р. Енисея, я долженъ былъ довольствоваться на этотъ разъ собраніемъ немногихъ даныхъ объ этой мѣстности. Дархаты населяютъ нагорныя мѣста и пространныя долины въ верховьяхъ р. Енисея, отдѣленные отъ оз. Косокола пикообразною, высокою цѣпью горъ, которая идетъ на югъ отъ гольца Мунко-Сардыкъ. По свидѣтельству Урянховъ, Дархаты гораздо численнѣе ихъ и этотъ народъ еще богаче своими стадами. Главное мѣсто ихъ жительства называется Шишки, гдѣ живетъ подобно урянхскому Данапу, родовой Тайца, завѣдывающій этимъ племенемъ и также находится со стороны правительства Тусулакцій, зависящій отъ

Амбана, живущаго въ Кобдо. Въ урочищѣ Шишкахъ есть обширный буддаискій монастырь и множество ламъ, жителствующихъ отдѣльно (\*). Наши пограничные казаки, бывшіе по дѣламъ службы въ Шишкахъ, рассказываютъ о богатыхъ украшеніяхъ этой кумирни и объ особенномъ гостепрѣимствѣ и радушіи здѣшнихъ ламъ.

Отъ Урянховъ, равно также и отъ нашихъ казаковъ, я узналъ, что въ мѣстности рѣчки Жойганъ, составляющей одинъ изъ сѣверныхъ источниковъ р. Енисея, находятся почти въ смѣжности пять горячихъ источниковъ различнаго свойства и извѣстныхъ между Уряхами и Дархатами по своей отличной цѣлебной силѣ. Дархаты увѣряютъ, что воды этихъ источниковъ исцѣляютъ всѣ болѣзни, какъ-то: наружныя раны, ломоту, удушье, грудную боль и глазныя воспаленія, и будто бы эти воды также оказываютъ чудное дѣйствіе противъ женской неплотности. Инородцы эти говорятъ, что въ прежнія времена находился здѣсь еще шестой ключъ подъ названіемъ пьяный; двухъ чашекъ довольно было, чтобы человекъ опьянѣлъ, и что, къ сожалѣнію, много лѣтъ тому назадъ источникъ этотъ изсякъ. Эти минеральныя воды въ такой славѣ, что Уряхи и Дархаты обоюга пола смѣзжаются сюда ежегодно для пользованія разныхъ болѣзней, и что нѣкоторые изъ нихъ проживаютъ здѣсь до поздней осени и возвращаются отсюда уже чрезъ русскія владѣнія, по причинѣ равнинъ сибирскихъ, выпадающихъ въ гольцахъ со стороны Монголіи. Воды жойганскія посѣщаютъ и наши инородцы, но они, равно какъ и приграничные наши сосѣди, стараются скрывать ихъ существованіе отъ Русскихъ, боясь, что они явятся сюда и тогда воды эти утратятъ свою цѣлебную силу. Отъ пункта мѣстности рѣчки Жойгана, гдѣ находятся минеральныя источники, на западъ, наша граница съ Китаемъ ничѣмъ не обозначена. Карагассы не безъ основанія думаютъ, что мѣста эти, равно и окрестныя предѣлы верховьевъ р. Енисея, принадлежатъ Россіи, ибо въ этихъ урочищахъ Карагассы безпрепятственно занимаются звѣропромышленностію, и что оленные Уряхи означаютъ предѣлы наши хреб-

(\*) Архимандритъ Аввакумъ свидѣтельствуетъ, что буддаискіе монастыри и земли къ нимъ приписанныя, находящіяся въ сѣраѣ Урянховъ и Дархатовъ, составляютъ монастырскія владѣнія Кутухты ургинскаго.

томъ, отсюда едва виднымъ, находящимся по лѣвую сторону р. Енисея. Для лучшаго пониманія мѣстности минеральныхъ водъ и ближнихъ къ ней водныхъ источниковъ, раздѣленныхъ между собою хребтомъ горъ, я прилагаю здѣсь распросную карточку.»

Въ заключеніе свѣдѣній своихъ, собранныхъ о нагорной долины оз. Косогила и ея обитателяхъ, равно и о сосѣдномъ племени Дархатовъ, г. Пермикинъ прибавляетъ, что какъ бы важны были для насъ торговыя сношенія съ этими инородцами, живущими подлѣ самыхъ рубежей нашей границы. Говоря о богатствѣ ихъ стада, онъ свидѣтельствуется, что многіе изъ Урянховъ и Дархатовъ не знаютъ о численности ихъ. Инородцы загоняютъ стада свои въ узкія ущелья, и если загороженное пространство тѣсно наполнится скотомъ, тогда они увѣрены, что онъ весь въ наличности. Стада Урянховъ и ихъ сосѣдей круглый годъ пользуются подножнымъ кормомъ, только на ночь загоняютъ скотину въ загороженные междугорья; чтобы сохранить отъ нападенія волковъ, при стадахъ постоянно находятся огромныя монгольскія собаки. Сѣна Урянхи не косятъ, а рвутъ его руками, заготовляя для больныхъ овецъ самое питательное количество.

Г. Пермикинъ полагаетъ, что при развитіи золотопромышленности въ нашемъ краѣ, заграничныя инородцы могутъ постоянно снабжать насъ въ большихъ количествахъ мясомъ, по цѣнамъ чрезвычайно низкимъ, и скотъ можетъ быть приобретень чрезъ мѣну на различныя русскія издѣлія, въ которыхъ инородцы эти, не имѣя ни съ кѣмъ сношеній, очень нуждаются. Кромѣ мяса, можно будетъ вымѣнивать отъ нихъ также въ значительномъ количествѣ сырыя кожи, выдѣланныя овчины, шерсть и сало. Урянхи и Дархаты съ своей стороны имѣютъ особенную потребность въ кирпичномъ чаѣ, толстыхъ сукнахъ, дабѣ, ситцахъ, холстѣ, плисахъ, моржанахъ, желѣзѣ, въ небольшихъ кускахъ латунной мѣди, мѣдныхъ чайникахъ и котлахъ, въ оловѣ, ножахъ, въ выточенныхъ топорахъ (ибо не имѣютъ точилъ), сѣрѣ (изъ которой сами дѣлаютъ порохъ, селитру имѣютъ въ изобиліи), винтовкахъ, стеклянной посудѣ и разныхъ желѣзныхъ вещахъ. За 7—8 кирпичей чая Урянхи даютъ лучшаго быка.

Вотъ всѣ свѣдѣнія о неизвѣстной сосѣдней къ намъ странѣ и ея обитателяхъ, собранныя усерднымъ нашимъ сочленомъ

г. Пермикинымъ. Краткость времени не позволила ему разрѣшить многіе вопросы о нагорной долинѣ озера Косогола, какъ желалъ этого Отдѣлъ въ своей инструкціи. Не смотря на это, мы должны быть особенно признательны за трудъ его, по истинѣ не маловажный. Въ свѣдѣніяхъ, переданныхъ г. Пермикинымъ Отдѣлу, въ первый разъ говорится о загадочной для насъ мѣстности, недоступной по закоренѣлости нравовъ Китайцевъ. Тѣхъ подробностей, которыя представлены г. Пермикинымъ, не откуда было взять. Въ Erdkunde Риттера, мы только нашли общія очертанія этой страны и ея жителей, переведенныя изъ китайскихъ источниковъ съ погрѣшностями и неполнотами, заключающимися въ оныхъ.

Кромѣ полученныхъ нами свѣдѣній, не менѣе интересны распросныя карты г. Пермикина объ этомъ обширномъ бассейнѣ водъ съ его притоками и истокомъ р. Иги, а также мѣстностью сѣверныхъ источниковъ р. Енисея. На картахъ настоящаго времени, имѣющихся въ Отдѣлѣ, озеро Косоголъ означено по крайней мѣрѣ въ 200 верстахъ отъ границы, тогда какъ по изслѣдованію г. Пермикина, оно находится только въ 10 верстахъ отъ оной. Самое протяженіе озера показано по китайскимъ свѣдѣніямъ не болѣе какъ въ 50 верстѣ, но, по разсказамъ Уряиховъ, вполне достовернымъ, оно оказалось въ 250 верстѣ. Въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири хранится копія съ весьма замѣчательной пограничной карты, сочиненной во время разграниченія графомъ Саввою Владиславичемъ земель между Россією и Китаемъ. Свѣрря мѣстность оз. Косогола на этой картѣ съ распросною картою г. Пермикина, я крайне былъ удивленъ почти совершеннымъ сходствомъ очертаній озера и простираніемъ его отъ сѣвера на югъ; равно близость его отъ нашихъ предѣловъ точно та же показана и на пограничной картѣ, только въ сей послѣдней островъ Далай-Куйса названъ монгольскимъ именемъ Болдокъ, а рѣка Ига—Югою (\*).

Начальникъ физической экспедиціи Шварцъ, принимающій живое участіе въ дѣлахъ Отдѣла, былъ не менѣе заинтересованъ матеріалами г. Пермикина. Разсматривая ихъ, онъ вы-

---

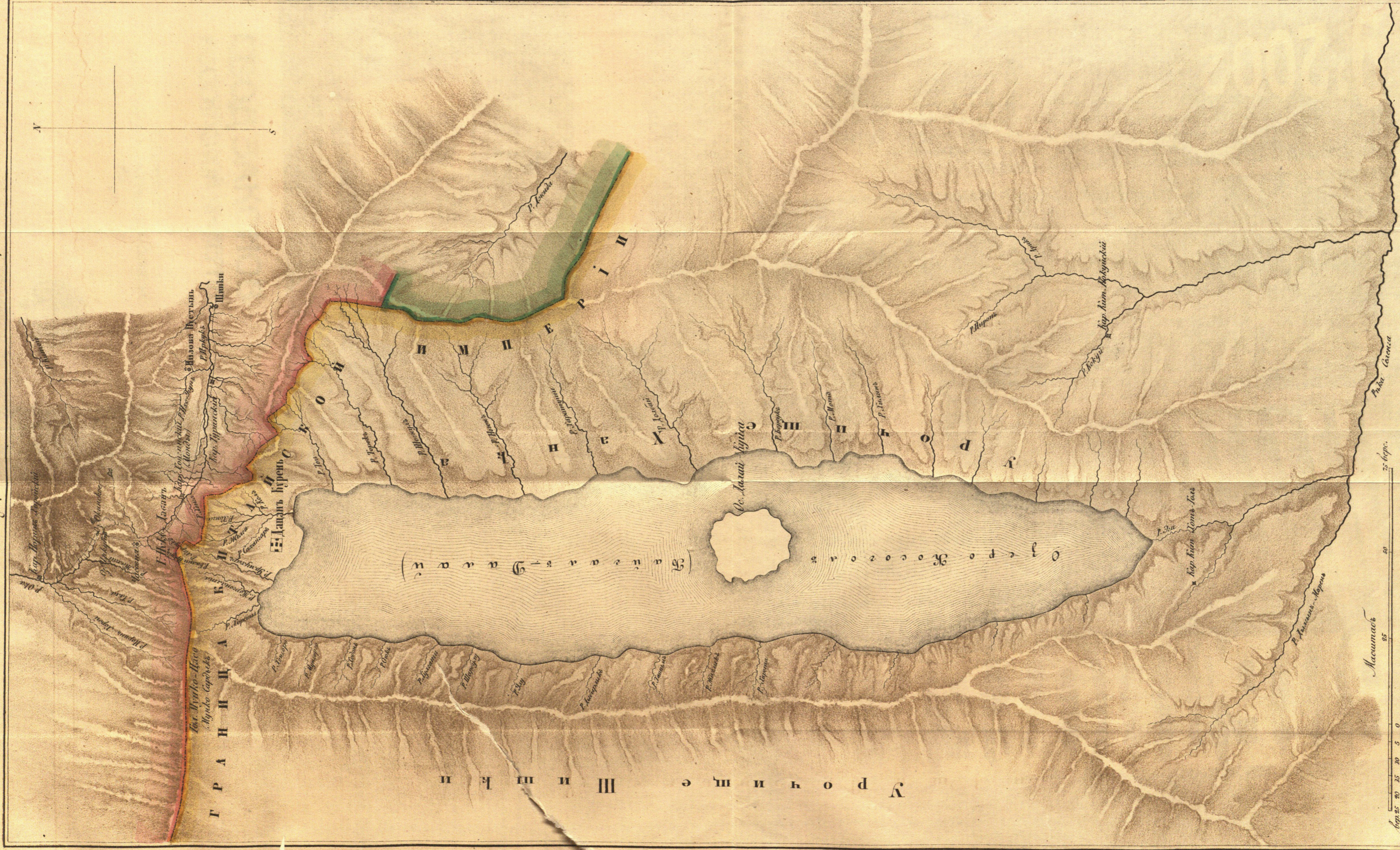
(\*) На картѣ Восточной Монголіи отца Іакинфа, островъ Косогольскій названъ Шеболтокъ, а рѣка, вытекающая изъ него, Эх-голь.

разился: что какъ было бы важно изслѣдовать въ подробности долину оз. Косокола и верхніе источники р. Енисея, опредѣливъ эти пункты астрономически. Изъ данныхъ истока р. Селенги и впаденія оной въ Байкаль, равно ранняго замерзанія и поздняго вскрытія водъ оз. Косокола, въ сравненіи съ оз. Байкаломъ, онъ дѣлаетъ заключеніе, что нагорная косокольская долина должна быть значительно выше уровня водъ Байкала. Г. Шварцъ предполагаетъ, что дѣйствія физической экспедиціи Географическаго Общества, можетъ быть, въ нынѣшнемъ году будутъ направлены для описанія Саянскаго хребта, начиная отъ Тункинскаго края на западъ включительно до Томской губерніи. Ученое предпріятіе это разрѣшитъ многіе вопросы и можетъ быть исходомъ этого дѣла также будетъ ясное опредѣленіе пограничной черты, которая, какъ мы выразились, въ горныхъ предѣлахъ очень сбивчива, и что это обстоятельство подаетъ поводъ ко многимъ спорнымъ пунктамъ, особенно въ дѣлахъ золотопромышленныхъ.

**И. СЕЛЬСКІЙ,**  
Д. Чл. Общ.



Распределенная карта озера Косогола и его нагорной долины.



### III.

## ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

---

### О СОСТОЯНІИ КАРТОГРАФІИ ВЪ ЕВРОПѢ КЪ КОНЦУ 1857 ГОДА, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ОБЪ УСПѢХАХЪ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ТОПОГРА- ФИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ.

---

(Статья Эмиля Фонтъ-Сидова) (\*).

---

Стараясь годъ тому назадъ обозначить состояніе картографіи къ концу 1856 года (\*\*), мы принуждены были для вѣрной оцѣнки положенія спеціальныхъ топографическихъ источниковъ, бросить по этому случаю взглядъ на исторію ихъ происхожденія и на обстоятельства, способствовавшія или неблагопріятствовавшія ихъ преуспѣянію. Положивъ такое основаніе для дальнѣйшаго развитія нашей работы, мы должны теперь изслѣдовать въ какой мѣрѣ оправдались надежды, которыя вправдѣ были мы имѣть, или во сколько результаты отстали отъ нашихъ ожиданій. Къ этому обзорѣню спеціальныхъ топографическихъ работъ опять присоединится разсмо-

---

(\*) Извлечено изъ Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischen Institut, 1858.

(\*\*) См. Вѣстникъ 1857 г. №№ 5 и 6.

трѣнне нѣкоторыхъ отдѣльныхъ картъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія; при этомъ повторяемъ, что вовсе не имѣемъ въ виду обозрѣть всѣ вышедшія карты, а упоминаемъ лишь о тѣхъ явленіяхъ, которыя, въ томъ или другомъ отношеніи, имѣютъ особенную важность для спеціальнаго изученія географіи; компиляцій же будемъ касаться только въ томъ случаѣ, если онѣ въ какомъ либо отношеніи обрисовываютъ, по нашему мнѣнію, настоящее положеніе географической науки. При такихъ условіяхъ, обозрѣніе общихъ атласовъ и педагогическихъ картографическихъ изданій можетъ быть оправдано лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, на что мы должны обратить особенное вниманіе читателей, такъ какъ воззрѣнія въ этомъ отношеніи различны. Затѣмъ, при ежегодныхъ нашихъ обозрѣніяхъ, воспользуемся всякій разъ случаемъ исправить ошибки и пополнить недостатки, вкравшіеся въ прежнія статьи; если же такое намѣреніе не всегда будетъ вполне удовлетворительно выполнено, то это зависитъ не отъ нашей готовности доискиваться строгой истины, но отъ несообщенія намъ откуда слѣдуетъ надлежащихъ указаній.

### І. Швеція и Норвегія.

Такъ какъ надежды наши относительно изданія топографической карты Швеціи и Норвегіи въ масштабѣ  $\frac{1}{1,000,000}$  не осуществились въ 1857 году, то здѣсь найдемъ мы мало новаго и заслуживающаго особеннаго вниманія. Знаніе географіи Норвегіи не расширилось никакими новыми картами, насъ не порадовали продолженіемъ полуофіціальныхъ картъ управленій въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$ . За то для картографіи Швеціи весьма важно, что топографическія карты правительственныхъ округовъ (Län) обогатились картою сѣверной части Эльфборгскаго лэна или Дальсланда (\*). Изданіе атласа Льюнггрена (Ljunggren) шведскихъ городовъ также увеличилось десятью листами, а А. Гаръ (Hahr), приложивъ къ своей картѣ въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$  особую двухлистовую карту различныхъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, доставилъ публикѣ въ первый разъ возможность проникнуть въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ постепенное распространеніе сѣти шведскихъ желѣзныхъ дорогъ (\*).

(\*) Топогр. Корпуса: Norra Delen of Elfsborgs Län eller Dalsland машт.  $\frac{1}{200,000}$  Stockholm, 1856 2 $\frac{1}{2}$  тал. H Ljunggren: атласъ шведскихъ городовъ машт.  $\frac{1}{200,000}$  съ 1833 года повишь 46 листовъ по  $\frac{1}{2}$  тал.

(\*) Aug. Hahr: Karta öfver föres lagne Iernvägs Kommunikationer inom Stockholms Upsala, Ny köpiugs, Westeras, Orebro och Carlstads Län; Skalan 1:500,000 2 Bl Stockholm 1856 2 $\frac{1}{2}$  th.

Покуда не будетъ издана геологическая карта минералогомъ и берггауптманомъ Форселемъ (котораго не должно смѣшивать съ Форселемъ, землемѣромъ, какъ то по ошибкѣ было сдѣлано въ прошлогоднемъ отчетѣ), все еще придется ссылаться на прежнюю геологическую карту средней и южной Швеціи В. Гиссингера (Hisinger) въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$ ; впрочемъ должно надѣяться, что геологическая карта долины Фириса у Упсала, составленная профессоромъ Эрманомъ, по порученію Упсальскаго Общества Сельскаго Хозяйства, не останется изолированнымъ фактомъ, но послужитъ вызовомъ къ дальнѣйшимъ драгоценнымъ предпріятіямъ.

Чѣмъ менѣе мы имѣемъ повода, по случаю изданій въ 1857 году, особенно пополнить, въ нашемъ каталогѣ картъ, отдѣлъ о Скандинавіи, тѣмъ болѣе считаемъ нашею обязанностію напомнить, что барона Гермелина (Hermelin) слѣдуетъ считать отцомъ шведской картографіи. Съ 1795 — 97 онъ издалъ нѣсколько генеральныхъ и другихъ картъ норландскихъ правительственныхъ округовъ (Län), съ 1798 — 99 финскихъ округовъ, съ 1801 — 1804 свеаландскихъ округовъ, а съ 1808 — 1812 годъ южной Швеціи; большая часть этихъ картъ издана при дѣятельномъ участіи Галстрема (Hallström) и Форсея, въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$ . Хотя карты эти и не соотвѣтствуютъ настоящимъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе онѣ служатъ основаніемъ для всѣхъ новѣйшихъ изданій, а также пособіемъ для тѣхъ мѣстностей, куда не проникли еще мензулы топографовъ; наука же всегда съ уваженіемъ вспомнить о человѣкѣ, посвятившемъ всю свою жизнь и все свое достояніе успѣхамъ отечественной картографіи Швеціи.

## II. Данія.

Хотя 1857 годъ не принесъ намъ продолженія топографической специальной карты въ масштабѣ  $\frac{1}{1,000,000}$ , тѣмъ не менѣе однакожъ дѣятельность топографовъ Генеральнаго Штаба обнаружилась въ изданіи весьма подробной карты Копенгагена и его окрестностей въ масштабѣ  $\frac{1}{20,000}$ , а также первыхъ листовъ карты Шлезвига и Альсена въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$  въ томъ видѣ, какъ она составлена была Ученымъ Обществомъ на основаніи землемѣрныхъ съемокъ съ 1851 — 1854 годъ. Новый атласъ Даніи Адольфа Буля (Bull) (\*) отличается нѣсколько по формѣ своей отъ вышеозначенныхъ официальныхъ работъ, приобрѣвшихъ извѣстность своимъ превосход-

(\*) *Adolph Bull Atlas over Danmark. Maast. 1:96,000, 23 Bl. Kjöbenhavn, Chr. Steen 1856 no 2 $\frac{1}{2}$  th.*

нымъ исполненіемъ и точностію. Атласъ этотъ можетъ имѣть весьма практическое достоинство, заключаая въ себѣ, во сколько это позволяютъ большой масштабъ въ  $\frac{1}{96,000}$  и принятія въ основаніе кадастровыя измѣренія, всѣ возможныя топографическія подробности, а именно подраздѣленія въ административномъ и церковномъ отношеніяхъ, съ означеніемъ даже отдѣльныхъ приходоу, всѣмъ же требованіямъ географической науки литографическое выполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ, и изданіе это лишь до тѣхъ поръ будетъ обращать на себя научное вниманіе, покуда оно въ состояніи будетъ опередить большую топографическую карту, въ чемъ конечно не представится затрудненія, судя по настоящему ходу ея изданія.

### III. Нидерланды и Бельгія.

О богатствѣ картографическихъ изданій, относящихся до королевства Бельгійскаго, подробно говорено было въ прошлогоднемъ отчетѣ; присоединить къ тому что либо новаго изъ 1857 года намъ не представляется случая. Иное дѣло королевство Нидерландское. Хотя мы и не имѣемъ изъ Гааги продолженія новой топографической специальной карты, однакожъ до насъ дошли богатые указанія, существенно дополняющія наши прежніе отчеты и выставляющія картографическую дѣятельность Нидерландовъ въ необыкновенно выгодномъ свѣтѣ. Можетъ ли и быть иначе въ странѣ, гдѣ человѣкъ живетъ въ постоянной борьбѣ съ необузданными стихіями, гдѣ сила и умственные способности его созрѣваютъ въ школѣ опасностей и гдѣ разница въ одномъ дюймѣ выше или ниже часто рѣшаетъ судьбу нѣсколькихъ тысячъ. Мы это чувствовали, выражая въ прежнихъ отчетахъ нашихъ предположеніе относительно существованія множества матеріаловъ для специальныхъ картъ, безъ которыхъ не могла устоять древняя слава этого перваго въ мірѣ водчаго водяныхъ сооружений; но намъ не доставало специальныхъ указаній. Теперь, благодаря благосклонному сообщенію Военнаго Министерства, мы имѣемъ передъ собою великолѣпный каталогъ всѣмъ изданнымъ картамъ, хранящимся въ Военномъ Министерствѣ въ архивѣ Инженернаго Корпуса (\*). На основаніи этого каталога и обязательныхъ сообщеній г. Старинга къ г. доктору А. Петерману, мы въ состояніи дать весьма богатый списокъ драгоценнымъ специальнымъ картамъ. Въ числѣ 129 номеровъ, заключающихся

(\*) Lijst van gedrukte kaarten, voorhanden in het Archief der Genie van het Ministerie van Oorlog. Opgemaakt naar de Registers van het Archief door den Adjunct-Commies P. I. M. Meyboom. 'sGravenhage. 1857.

въ означенномъ каталогѣ, есть провинціальныя карты новѣйшаго времени, могущія замѣнить новую спеціальную карту по тѣмъ мѣстностямъ, коихъ она еще не коснулась, или представляющимъ сами по себѣ особенный интересъ. Имѣются также морскія карты, которыя продолжаютъ издаваться по весьма сходной цѣнѣ въ Морскомъ Министерствѣ; а въ Министерствѣ Военномъ составляются рѣчныя карты, имѣющія какъ непосредственно практическое, такъ и научное достоинство. Если мы къ этимъ свидѣтельствамъ объ усиленной картографической дѣятельности, присоединимъ такую же постоянную заботливость о за-океаническихъ владѣніяхъ, а также изданіе геологической карты г. Старингомъ, кою «*Bedem van Niderland*» уже возбудило высшій интересъ науки, не говоря о множествѣ спеціальныхъ и общихъ картъ, ежегодно выходящихъ въ Нидерландахъ, то географическая наука можетъ съ истиннымъ наслажденіемъ взглянуть на богатые картографическіе источники и на духъ, который ихъ создаетъ и управляетъ ими.

#### IV. Франція.

Въ то время, какъ мы можемъ сообщить о равномерномъ быстромъ изданіи превосходной топографической карты Военнаго Депо въ масштабѣ  $\frac{1}{100,000}$  (\*), такъ о произведеніи, удовлетворяющемъ высшимъ требованіямъ науки, замѣтивъ между прочимъ, что новѣйшіе листы, обнимающіе восточные и западные склоны Пиринеевъ, отличаются совершенствомъ изображенія; намъ, вслѣдствіе особенно благосклоннаго сообщенія, представляется случай исправить нѣкоторыя ошибочныя показанія въ нашемъ прошлогоднемъ отчетѣ. Если тамъ сказано, что и полковникъ Мишель участвовалъ въ наблюденіи за составленіемъ топографической карты, то это произошло отъ ошибки источника, коимъ мы пользовались; штабъ-офицеръ этотъ занятъ другими работами въ Военномъ Депо, а означенный трудъ порученъ лишь подковникамъ Блонделю и Левре. Равнымъ образомъ мы ошибочно показали, что топографическая съемка и гравированіе одной карты Гренобельскаго отдѣла обошлась въ 18,000 фр., между тѣмъ какъ сумма эта израсходована на гравированіе однихъ горъ, что конечно даетъ совершенно другое понятіе о финансовыхъ пожертвованіяхъ на пользу этого предпріятія. Наконецъ насъ убѣдили, что мы увлеклись въ нашихъ надеждахъ, полагая, что вся карта будетъ кончена въ теченіе

(\*) Depot de la guerre: Carte topographique de la France; 1:80,000, 238 листовъ. Paris Longuet. До конца 1857 г. вышло 190 картъ.

десяти лѣтъ; теперь мы должны къ сожалѣнію сообщить, что цѣлое пространство, заключающее въ себѣ 10 отдѣловъ въ области Альповъ, еще не снято, и что лишь послѣ десяти или двѣнадцати лѣтъ, по окончаніи этой трудной работы, къ которой должно присоединить и не менѣе медленное производство гравированія, можно надѣяться на совершенное ея окончаніе. Какъ мы ни благодарны Военному Депо за это извѣстіе о положеніи спеціальной топографіи, мы не можемъ однакожь передать его безъ истиннаго сожалѣнія, потому что вслѣдствіе этого еще надолго останется чувствительный пробѣлъ въ наукѣ. Что касается изданія большой спеціальной карты (\*), въ меньшемъ масштабѣ  $\frac{1}{320,000}$ , то въ 1857 году, мы получили лишь отдѣлъ Метца, какъ дополненіе къ нынѣ уже вышедшимъ 16 листамъ, и сожалѣемъ объ этомъ нѣсколько медленномъ ходѣ изданія, въ особенности потому, что надѣемся, что это изданіе сдѣлаетъ существенно болѣе доступными свѣдѣнія о территоріальной картинѣ Франціи. Если г. Дюфуръ въ своей новой «Carte administrative et physique de la France», которая должна быть для насъ въ особенности драгоцѣнна въ отношеніи путей сообщенія, не воспользовался существованіемъ изображенія, представляющаго намъ совершенно новыя указанія по двумъ третямъ всей Франціи, то это очевидно происходитъ отъ стремленія къ обобщенію, что при изыщномъ выполненіи, привлекло на его сторону большую часть публики. Если же въ настоящее время германскіе картографы, при изданіи новѣйшихъ картъ Франціи, обнаруживаютъ совершенное невѣдѣніе существованія превосходной карты Военнаго Депо, то это вовсе не соотвѣтствуетъ славѣ нѣмецкой основательности, а еще менѣе добросовѣстности, которую долженъ былъ бы соблюдать каждый, который хвастливо выставляетъ на заглавіи своихъ сочиненій, что воспользовался новѣйшими источниками. Въ Веймарѣ также вышла въ 1857 г. новая генеральная карта Франціи.

## V. Испанія и Португалія.

Судя по печатнымъ извѣстіямъ, развитіе топографическаго изыченія всего полуострова ограничилось въ 1857 году лишь продолженіемъ изданія атласа Коэлло (\*\*). Мы уже въ прежнемъ отчетѣ нашемъ упомянули, что изданіе это не соотвѣтствуетъ потребности;

(\*) Dépôt de la guerre: Carte de la France à l'échelle de 1:320,000, d'après C. topogr. Paris, Longuet.

(\*\*) D. Francisco Coëllo: Atlas de Espana y sus Posesiones de ultramar; 1:200,000, Madrid. 1848 — 1857.

мы сожалѣемъ о застоѣ здѣсь картографической дѣятельности, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія, казалось, готова была воспріять столь быстрое движеніе, и должны ожидать лучшихъ успѣховъ въ будущемъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени.

## VI. Италія.

Между тѣмъ, какъ Сардинія непрерываемымъ изданіемъ своей спеціальной карты въ масштабѣ  $\frac{1}{80,000}$  (\*) заботится о распространеніи точныхъ свѣдѣній о топографіи твердой земли, передъ нами лежатъ для познанія острова Сардиніи двѣ карты, которыхъ мы не имѣли въ виду при составленіи перваго нашего отчета. Карты эти, авторъ коихъ генераль Мармора, дополняютъ, въ масштабѣ  $\frac{1}{250,000}$  и  $\frac{1}{500,000}$  изображеніе твердой земли. Большая изъ нихъ, изданная въ 1845 году, будучи результатомъ чисто научной обработки, отличается во всѣхъ отношеніяхъ изяществомъ и точностію. Съ совершенно особеннымъ способомъ изображенія почвы соединяются числовыя обозначенія высотъ; сдѣланное различіе воздѣланныхъ отъ невоздѣланныхъ пространствъ весьма драгоцѣнно, а обиліе геологическихъ подробностей во многихъ отношеніяхъ полезно. Меньшая карта есть не менѣе превосходно выполненное сокращеніе большой карты; она издана въ 1853 году и въ сжатыхъ своихъ формахъ представляетъ поражающую картину естественной пластичности почвы, какъ скоро привыкнешь къ одностороннему освѣщенію.

Въ нынѣшнемъ изданіи «Carte de la Partie sud-ouest des Etats de l'Eglise», другими словами «окрестности Рима въ обширномъ смыслѣ», Французское Военное Дѣпо дало новое доказательство превосходныхъ своихъ работъ. Любопытно сличить эту карту съ подлежащими листами карты Средней Италіи, изданной австрійскимъ квартирмейстерскимъ генеральнымъ штабомъ. Сіи послѣднія отличаются рѣзкимъ, характеристическимъ изображеніемъ; тѣмъ не менѣе однакожь мы должны отдать преимущество французской картѣ; не вслѣдствіе большаго масштаба, что при незначительной разности между  $\frac{1}{80,000}$  и  $\frac{1}{50,000}$  не составляетъ большой важности, но въ отношеніи большей ясности и вѣрности, какъ результатъ съемки по горизонтальнымъ прорѣзамъ на равныхъ дистанціяхъ. Большое множество находящихся на картѣ числовыхъ показаній высотъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ никакого сомнѣ-

(\*) Carta degli Stati de sua Maestà Sarda in Terra ferma. 91 л. Туринъ.

нiя, и служить новымъ доказательствомъ, если въ этомъ отношенiи еще могутъ господствовать различныя мнѣнiя, что лишь употребленiе методы измѣренiя различныхъ высотъ (Höhensmixin-Methode) можетъ раскрыть почву, въ малѣйшихъ ея изгибахъ, совершенно вѣрно съ естественнымъ положенiемъ, предохраняя отъ такъ часто встрѣчающихся преувеличенiй и живописныхъ изображенiй. Если при австрiйской съемкѣ, какъ мы думаемъ, не были употреблены горизонтальные прорѣзы на ровныхъ дистанцiяхъ, то удачное выполнение карты дѣлаетъ величайшую честь рисовальщикамъ, но что бы произвели столь опытные глаза и искусныя руки, еслибъ онѣ не пренебрегали горизонтальными прорѣзами! Планъ Рима въ масштабѣ  $\frac{1}{200,000}$  придаетъ французской картѣ еще большее преимущество.

Весьма важно безъ сомнѣнiя извѣстiе, встрѣчаемое наукою съ радостнымъ трепетомъ, что въ военномъ географическомъ институтѣ въ Вѣнѣ трудятся надъ изданiемъ генеральной карты всей Италiи въ масштабѣ  $\frac{1}{225,000}$  на 27 листахъ, и что уже нѣсколько листовъ отгравированы на мѣди; желательно, чтобы мы въ непродолжительномъ времени могли объявить о выходѣ въ свѣтъ этой карты.

## VII. Турецко-Греческiй полуостровъ.

Хотя кругъ нашихъ знанiй относительно полуострова самъ по себѣ значительно расширился, вслѣдствiе окончанiя нынѣ австрiйскими офицерами триангуляци и нанесенiя на планы подробной съемки Валахиi, однакожь плодъ этого труда, соединеннаго съ неизяснимыми затрудненiями и усилiями, лишь тогда сдѣлается всеобщимъ достоянiемъ, когда составленная нынѣ въ Вѣнскомъ военномъ географическомъ институтѣ карта въ масштабѣ  $\frac{1}{215,000}$  будетъ издана въ свѣтъ.

## VIII. Австрия.

Не смотря на вышеозначенную топографическую дѣятельность, обнаруживаемую Австрiею внѣ ея предѣловъ, она и внутри государства не перестаетъ подвизаться по извѣстному, превосходному своему плану; она доставляетъ картографическимъ работамъ постоянно новую пищу, поощряетъ къ примѣненiю къ практической жизни добычи источниковъ, заключающихъ въ себѣ богатый материалъ. Между тѣмъ какъ приступаютъ къ новой съемкѣ Зальцбурга, съ обращенiемъ особеннаго вниманiя на большее число показанiй высотъ, въ 1857 году появились 7 листовъ, составляющихъ продолженiе спеціальнiй карты Богемiи и конецъ комитатскихъ картъ Венгрии. Предположенiе, что сiи послѣднiя, предше-

ствуя болѣе значительному труду, должны лишь временно выполнить пробѣлы, подтверждается радостнымъ извѣстіемъ объ изданіи генеральной карты Венгріи на шестнадцати листахъ въ масштабѣ  $\frac{1}{2087000}$ ; первые пять отдѣловъ этой карты (№ 1, 11, 13, 14, 15) вскорѣ выйдутъ изъ стѣны Вѣнскаго военно-географическаго института. Дозаказательствомъ неуспѣшнаго стремленія этого заведенія къ усовершенствованіямъ и крайне основательнаго, отчетливаго управленія его служить между прочимъ четвертый листъ, доходящій до Глогницца и снѣжной горы, который недавно присоединенъ къ картѣ окрестностей Вѣны, въ масштабѣ  $\frac{1}{457200}$ . Карта Богеміи Крумберга также приобрѣла новое равно драгоцѣнное дополненіе въ четыре листа, изъ коихъ одинъ листъ заключаетъ весьма отчетливо отдѣланный планъ Кракова въ масштабѣ въ  $\frac{1}{107800}$ , чрезъ что болѣе и болѣе обогащается запасъ картъ восточныхъ не германскихъ земель, принадлежащихъ австрійской коронѣ. Въ этомъ отношеніи мы не преминемъ указать на двѣ карты, отсутствіе которыхъ въ прежнихъ нашихъ отчетахъ заслуживаетъ справедливаго замѣчанія. Во первыхъ карта Семиградской области Мерсина въ масштабѣ  $\frac{1}{437200}$  отличается въ особенности тѣмъ, что на ней показаны лѣса и обозначены съ точностію административныя подраздѣленія, а также кромѣ населенія приведены нѣкоторыя измѣренія высотъ, чѣмъ нѣкоторымъ образомъ замѣняется совершенное отсутствіе обозначенія почвы; во вторыхъ карта Сербскаго воеводства, Темешкаго баната и проч. Фридберга въ масштабѣ  $\frac{1}{2287000}$ , содержащая въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи лучший матеріалъ для карты означенныхъ странъ.

Между тѣмъ какъ спеціальная картографія продолжаетъ такимъ образомъ содѣйствовать къ ближайшему познанію отдѣльныхъ мѣстностей, въ то же время заботятся о соединеніи трудовъ для воспроизведенія обширныхъ общихъ обзорныхъ. Прежде всего мы должны въ этомъ отношеніи упомянуть, что карта Австрійской имперіи Шеда (\*) въ масштабѣ  $\frac{1}{876000}$  вышли слѣдующіе три листа. Они представляютъ весьма любопытныя изображенія Италіи до параллели Рима и западной области Альповъ съ сѣвѣрною окружностію до параллели Штразбурга. На этихъ листахъ съ большимъ искусствомъ соединены мѣткое и характеристическое изображеніе почвы съ необыкновеннымъ богатствомъ ситуацій и письменныхъ указаній, и всякій, кто хотя сколько нибудь предъугадываетъ какія затрудненія представляетъ добросовѣтная обработка и техническое выполненіе столь огромнаго труда, тотъ не откажетъ автору въ

(\*) *I. Sceda*. General- K. d. Österreichischen kaiserstaates 20 т. Вѣна.

величайшей благодарности, даже и тогда, еслибъ по его мнѣнію кое что могло бы быть сдѣлано иначе. Маіору Шеда предстояла трудная задача бороться съ препятствіями съ двухъ сторонъ: съ одной стороны онъ долженъ былъ метко и характеристически обобщать, а съ другой указывать сколько возможно на топографическія частности; ибо на практикѣ мы видимъ, что большая часть подписчиковъ на эту двадцатиллистовую карту требуютъ, чтобы она вполнѣ удовлетворяла различнымъ ихъ потребностямъ. Гораздо легче удовлетворительно составить спеціальную карту въ большомъ масштабѣ, или бѣгло набросать совершенно общую картину, чѣмъ съ счастливымъ тактомъ устоять на трудной серединѣ; авторъ преодолѣлъ трудности столько же искусствомъ, сколько сильною настойчивостію; мы искренно желаемъ, чтобы эта настойчивость не оставяла его, дабы онъ достигъ своей великой цѣли. Наконецъ послѣ долгихъ ожиданій издано въ свѣтъ начало сочиненія Чернига объ этнографіи Австрійской Имперіи (\*). Болѣе спеціальная цѣль нашего отчета не позволяетъ намъ распространяться о въ высшей степени важномъ и любопытномъ содержаніи этого знаменитаго сочиненія; мы должны ограничиться указаніемъ, что къ этому изданію приложены двѣ разрисованныя этнографическія карты. Большая изъ нихъ, составленная въ масштабѣ  $\frac{1}{864,000}$ , представляетъ на четырехъ листахъ довольно полную географическую основу для этнографическаго элемента, изображеннаго съ большою точностію, изяществомъ и ясностію разноцвѣтными группами; высокое достоинство этой карты существенно возвышается еще очеркомъ почвы. Меньшая карта, на одномъ листѣ, лишена такого очерка, однакожъ при помощи пояснительнаго текста и о распредѣленіи племенъ и ихъ группъ въ Австрійской монархіи (предѣлы и острова языковъ) вполнѣ удовлетворяетъ всеобщему ознакомленію. Этимъ изданіемъ замѣняются всѣ прежнія карты, относящіяся до этого предмета, и достойная дѣятельность барона Чернига, по части статистики, въ обширномъ ея значеніи, увѣнчивается такимъ образомъ новыми блистательными произведеніями. Статистика вообще доставляетъ посредственно и непосредственно важныя пособія картографіи. Превосходный трудъ министеріальнаго секретаря Штрефлера (Streffleur) «über die Strassen-statistik des Österr. Kaiserstaates und die Strassenbeschreibung des Herzth Kärnten» въ 1-й книжкѣ 5 года «Mittheilungen aus dem Gebiete der Statistik» служить въ этомъ случаѣ разительнымъ доказательствомъ; онъ отличается между прочимъ кар-

(\*) Karl Freiherr von Czörnig. Ethnographie der Österreichischen Monarchie. Wien, Braumüller, 1857.

тою, представляющею обзоръ путей сообщенія всей имперіи, и таковою же Каринтіи съ характеристическимъ обозначеніемъ почвы. Съ рѣчнымъ атласомъ Дуная на 50 листахъ, изъ коихъ 7 уже были въ виду Вѣнскаго Статистическаго конгресса, мы не имѣли еще случая ближе познакомиться; однакожь должны радоваться, что Дунай вступаетъ наконецъ въ права свои, что уже давно слѣдовало бы ему. *Постоянное усовершенствованіе картъ «общественнаго здравія» (Sanitäts karten)* обусловливается кажется въ Австріи въ военномъ отношеніи расположеніемъ войска и можетъ служить новымъ доказательствомъ многосторонней важности картографическихъ изображеній. Государственный геологическій институтъ продолжаетъ съ неутомимымъ усердіемъ свои работы, а дѣлаемая при этомъ измѣренія высотъ служатъ тѣмъ драгоценнѣйшимъ пособіемъ для всеобщей картографіи, что на топографическихъ специальныхъ картахъ доселѣ мало обращали вниманія на гинзметрический элементъ.

#### IX. Пруссія.

Королевскій Генеральный Штабъ посвящаетъ успѣхамъ специальной топографіи Пруссіи всю свою дѣятельность, и даже можетъ быть еще большую чѣмъ можно было предполагать изъ нашихъ прежнихъ отчетовъ, потому что совершенный недостатокъ правительственныхъ извѣстій часто заставлялъ насъ заимствовать наши свѣдѣнія изъ различныхъ неофіціальныхъ источниковъ. Сколько мы въ то время должны были сожалѣть о недостаткѣ всякаго офіціального извѣстія объ исторіи, системѣ и работахъ прусской топографіи, столько мы нынѣ признательны за нѣкоторые сдѣланныя намъ по этой части благосклонныя сообщенія. Дѣятельность Генеральнаго Штаба по чисто картографической части специальной топографіи мы можемъ удобно раздѣлить на три отдѣла: приготовленіе, непосредственное производство и изданіе въ свѣтъ, и повѣрка того, что издано, и сохраненіе текущаго. Приготовительно дѣйствовало въ 1857 году тригонометрическое отдѣленіе посредствомъ триангуляцій въ восточной Пруссіи и Альтъ-Маркѣ для имѣющихся начаться въ скоромъ времени подробныхъ съемокъ, посредствомъ измѣреній отъ Гаде до Гольштиніи для составленія точной береговой карты и посредствомъ нивелированія отъ Брокена до Нѣмецкаго моря. Что касается тригонометрическаго соединенія треугольникомъ съ Россіею, равно какъ и совершеннаго урвненія сѣти Тюрингена, основанной на треугольничкѣ Брокенъ Инзадсбергъ и Геркулесъ (у Касселя), то должно ожидать, что труды эти въ скоромъ времени изданы будутъ въ свѣтъ. Топогра-

фическимъ отдѣленіемъ ежегодно измѣряются, уменьшаются и обнаруживаются отъ 80 до 100 кв. миль. Изданные въ 1857 году восемь листовъ топографической карты восточной части въ масштабѣ  $\frac{1}{100,000}$  (а именно Витенбергъ, Потербоекъ, Эislebenъ, Кверфуртъ, Наумбургъ при Заале, Люка, Гера и Альтенбургъ) представляютъ съ небольшимъ площадь въ 140 кв. миль, и судя по равномерному, ясному и, вслѣдствіе означенія значительнаго числа измѣреній высоту, весьма драгоцѣнному характеру этой карты, видно, что завѣдываніе работами находилось въ превосходныхъ рукахъ, которыя стремятся къ достиженію цѣли на основаніи твердыхъ правилъ, придерживаясь новѣйшихъ способовъ съемки. Сосредоточивая всѣ силы свои на топографической специальной картѣ, Генеральный Штабъ отстранилъ себя отъ всякихъ другихъ предпріятій, почему и оставилъ безъ исполненія планъ (прежде упомянутой) карты горъ, водъ и путей сообщеній средней Европы въ масштабѣ  $\frac{1}{300,000}$ . При такихъ условіяхъ можетъ быть обращено вниманіе лишь на отдѣльныя близкія явленія; какъ-то, изданіе Карты окрестностей Галле, предназначенной для маневровъ четвертаго армейскаго корпуса, въ масштабѣ  $\frac{1}{50,000}$ , и раскрашенный планъ окрестностей Берлина и Шарлотенбурга въ масштабѣ  $\frac{1}{125,000}$ , изданіе коего ожидается каждую минуту. Топографическимъ отдѣленіемъ выпущено въ 1857 году, на основаніи землемѣрныхъ работъ, третье изданіе западной части Прусской монархіи въ масштабѣ  $\frac{1}{1,000,000}$  на 14 листахъ съ присоединеніемъ желѣзныхъ дорогъ и второе изданіе восточной части въ масштабѣ  $\frac{1}{1,000,000}$  на 19 листахъ. Мы не можемъ быть довольно благодарны за скучный трудъ нанесенія всѣхъ строительныхъ перемѣнъ, такъ какъ топографическія карты имѣютъ участь скоро стариться. Эту заслугу Генеральнаго Штаба должно тѣмъ выше цѣнить, что на девятилистовой картѣ курсоваго отдѣленія (Cours-Bureau) теперь лишь наносятся желѣзныя дороги и доселѣ тщетно ждали выхода въ свѣтъ большой дорожной карты, которую Министерство Торговли приготавливаетъ къ изданію.

Обманутые такимъ образомъ въ нашей надеждѣ, указать на новое особенно важное картографическое изданіе 1857 года, которое бы обнимало всю Пруссію, мы упоминаемъ о тѣхъ отдѣльныхъ картографическихъ произведеніяхъ, коими обогатились нѣкоторыя части монархіи. Относительно гогенцоллернскихъ земель мы прежде всего назовемъ карту Либенова въ масштабѣ  $\frac{1}{100,000}$ , о которой къ крайнему сожалѣнію нашему, по ошибкѣ упустили упомянуть въ прежнемъ нашемъ отчетѣ: карта эта заслуживаетъ величайшей признательности своею необыкновенной полнотой, и отменно отчетливымъ и изящнымъ выполненіемъ, и стоитъ несрав-

ненно выше другихъ картъ означенныхъ областей. Не менѣе драгоценнымъ по назначенію ея оказывается геогностическая карта Ахенбаха въ масштабѣ  $\frac{1}{180,000}$ , приложенная къ геогностическому описанію гогенцоллернскихъ областей. Превосходная геологическая карта Рейнской области и Вестфалии увеличилась отдѣлами Варбурга и Кельна, затѣмъ мы имѣемъ карту Зальцведельскаго уѣзда (Kreis) капитана Либескинда въ масштабѣ  $\frac{1}{73,000}$  и планъ окрестностей Бромберга, премьеръ-поручика Шульца въ масштабѣ  $\frac{1}{28,000}$ . Г. Новако издаетъ хорошую спеціальную карту Франкфуртскаго правительственнаго округа по способу Энгельгардта, въ масштабѣ  $\frac{1}{300,000}$ , а карта прихода Нейэнде и Гепценсъ представляетъ въ первый разъ пространство прусскаго портоваго округа на Іаде въ столь значительномъ масштабѣ, въ  $\frac{1}{10,000}$ .

## Х. Германія.

Кромѣ Пруссіи и Австріи лишь одна Баварія содѣйствовала въ 1857 году къ пополненію пробѣловъ въ обнародованныхъ топографическихъ спеціальныхъ картахъ Германіи, присоединивъ къ своему топографическому атласу въ масштабѣ  $\frac{1}{50,000}$  листы Гомбургъ и Герольцгофенъ, между тѣмъ, какъ другія государства все еще заняты приготовленіями къ дальнѣйшимъ изданіямъ. По мнѣнію нашему, мы не можемъ кратче описать основанное на новѣйшихъ официальныхъ работахъ состояніе спеціальной картографіи Германіи, какъ перечнемъ пробѣловъ, оказывающихся въ нашихъ собраніяхъ картъ. Не окончено еще по топографическимъ атласамъ: Баваріи 9 листовъ (Лихтенфельдсъ, Кульмбахъ, Орбъ, Ашаффенбургъ, Ландтфекенъ, Кейзерлаутернъ, Франкенталь, Цвейбрюкенъ, Пирмасенсъ); Саксоніи 8 листовъ (Баутценъ, Гроссенгайнъ, Осшатцъ, Лѣбницъ, Эльстербергъ, Плауэнъ, Шёнбергъ и Люкендорфъ); курфиршества Гессенскаго 6 листовъ (Касель, Шмалькальденъ, Штейнбахъ, Роденбергъ, Рингель, Ольдендорфъ); Ольденбурга 14 листовъ. По слѣдующимъ государствамъ вовсе не имѣется новѣйшихъ топографическихъ спеціальныхъ картъ: герцогства Мекленбургскія, княжества Липскія, Вальдекъ и Нассау. Округи вольныхъ городовъ Любека и Бремена, мы не вправѣ причислить къ означеннымъ пробѣламъ, ибо какъ карта Любскаго округа Беренса, такъ и карта бременскаго округа Тетьенгорста суть результаты новѣйшихъ тригонометрическихъ работъ, хотя въ отношеніи послѣдней и остается нерѣшеннымъ, имѣетъ ли она по внутреннему содержанію своему преимущество предъ необыкновенно основательными работами Гейнекена, относящимися къ 1798 и

1805 годамъ. Благодаря благосклонному сообщенію, предъ нами новые 11 листовъ необнародованной ганноверской межевой карты въ масштабѣ  $\frac{1}{215,35}$   $\frac{1}{5}$ , относящихся къ періоду съемокъ 1856 года; мы опять такъ и можемъ лишь обратить вниманіе на оригинальное и практическое достоинство этой карты, заключающееся въ возможности имѣть значительное число оригинальныхъ съемокъ, хотя бы въ простомъ видѣ бѣглой металлографіи и желали бы, чтобы Ганноверъ въ этомъ случаѣ не остался безъ подражанія.

При разрозненномъ состояніи германской спеціальной картографіи, все еще весьма трудно избѣгнуть, при сведеніи генеральныхъ или спеціальныхъ картъ, внутреннихъ непоследовательностей даже невѣрностей, и еще пройдетъ много времени, покуда возможно будетъ издать гармоническую, въ своемъ содержаніи, критически обработанную общую картографическую картину Германіи въ среднемъ масштабѣ, примѣрно въ  $\frac{1}{200,000}$ : карта Германіи Голле (\*), кажется не обращаетъ вниманія на эти затрудненія, ибо она дошла уже до 20 листа и представляетъ именно такія страны, къ которымъ лишь съ трепетомъ можно приступить. Карта Германіи Реймана покуда благоразумно оставляетъ въ сторонѣ воспроизведеніе столь неудобныхъ мѣстъ, подвигаясь на югъ на основаніи новыхъ и лишь отчасти новѣйшихъ официальныхъ работъ. Въ 1857 году вышли литографированные отдѣлы этой карты: Регенбургъ, Кельмаръ, Вилингенъ и Мюнхенъ и гравированные на мѣди листы Брауншвейгъ и Ботценъ, весьма выгодно отличающіеся своею превосходною какъ внутреннею, такъ и внѣшнею отдѣлкою. Въ прежнемъ отчетѣ нашемъ мы достойно оцѣнили важность этой карты и сочувствуя трудностямъ, съ которыми она должна бороться, не сочли нужнымъ обратить особеннаго вниманія на нѣкоторыя недостатки. Тоже дѣлаемъ мы и нынѣ, принимая въ уваженіе большія относительныя заслуги, которыя это огромное предпріятіе оказало и еще въ послѣдствіи въ состояніи будетъ оказать, смотря по тому во сколько ей удастся соответственно вознаградить потерю дѣятельной и осмотрительной редакціи и непосредственнаго участія г. Гандтке. Какъ на произведеніе, отличающее собою новую эпоху въ направленіи картографіи, мы должны указать на изданіе въ свѣтъ первыхъ двухъ листовъ карты измѣренія высотъ средней Европы Папена (\*\*), въ масштабѣ  $\frac{1}{2,000,000}$ . Само по себѣ карты, изображающія высоты слоевъ, дѣло не новое. Самъ маіоръ Папенъ

(\*) Holle'sche Spezialkarte v. Deutschland etc. 1:200,000. Wolfenbüttel, 1851 — 1857.

(\*\*) Major Papen: Höhengschichten—karte von Central Europa Frankfurt 1857.

издалъ въ 1844, какъ предвѣстіе нынѣшней его работы, сътъ вы-  
сотъ, изображенную на его картѣ Ганновера; но вышедшій нынѣ  
трудъ обѣщаетъ доказать, какую поражающую наглядность на боль-  
шее пространство земель въ извѣстныхъ границахъ производятъ  
последовательно проведенныя на равныхъ дистанціяхъ кривыя вы-  
соты (Höhenkursen). Еслибъ мы хотѣли написать подробный разборъ  
о первыхъ двухъ листахъ, то можетъ быть мы тамъ и сямъ не  
воздержались бы отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, а именно пожелали бы  
ради глазъ нашихъ, замѣнить слишкомъ мелкое выполненіе болѣе  
ясною рельефностью нѣсколькихъ высочайшихъ точекъ мѣстности  
(landschaftlicher Kulminations punkte), дабы для удобнѣйшаго слѣдованія  
по картѣ имѣть нѣсколько точекъ опоры и отдохновенія; но неу-  
мѣстно было бы, если бы при первомъ появленіи этого гигантскаго  
труда, хотѣли хотя сколько нибудь умалить значеніе отдаленнѣй-  
шихъ его послѣдствій. Мы сравнили нѣкоторыя мѣстности, и въ  
особенности на французской почвѣ, съ собственными, случайно  
совершенно одинаково направленными наблюденіями, и были изум-  
лены тщательностію и добросовѣстностію, съ которыми дѣйстви-  
тельнѣе авторъ; онъ внушилъ намъ къ дальнѣйшему ходу его пред-  
пріятія довѣріе, которое считаемъ обязанностію передать. Чрезвы-  
чайно трудное, раскрашенное тисненіе, превосходно выполнено  
подъ руководствомъ г. Равенштейна, и кажется ничего не жалѣли,  
чтобы отвѣтствовать тѣмъ ожиданіямъ, къ которымъ подаетъ по-  
водъ твореніе, повторяемъ, предназначенное по видимому доставить  
картографіи необходимый ключъ для изображенія рельефности  
почвы, коль скоро имъ пользуются съ должнымъ разумніемъ.

Что касается отдѣльныхъ частей Германіи, то мы можемъ ука-  
зать на многое дѣльное, и сожалѣть о нѣкоторыхъ неудачахъ. О  
теченіи рѣки Эльбы, въ предѣлахъ Саксонскаго королевства, имѣется  
превосходная офіціальная карта въ масштабѣ  $1/12,5000$ , отличающаяся  
весьма изящною отдѣлкою. Платъ издалъ эту карту въ сокра-  
щеніи, а Гюббе составилъ двѣ драгоценныя карты устьевъ той же  
рѣки. Карта высотъ Саксоніи Троммера скрываетъ хорошее ядро  
въ весьма худой скорлупѣ, а топографическая спеціальная карта  
королевства Саксонскаго М. Зюсмилхъ-Гёрнига доказываетъ, что  
относительно сноса выполненія вовсе не было обращено вни-  
манія на столь близкій превосходный образецъ рѣдкаго искус-  
ства изображенія. Великое-Герцогство Баденское издаетъ два ли-  
ста своей давно ожидаемой уменьшенной карты въ масштабѣ  $1/300,000$   
отличающейся совершенствомъ выполненія, меткою рисовкою и обо-  
гащенной показаніемъ высотъ и значительнымъ пространствомъ по-  
граничныхъ владѣній. Жаль только, что для атласа избранъ лито-

графическій способъ и, какъ мы узнали, отпечатаніе оказывается весьма неровнымъ. Къ этому изданію присоединяется совершенно новая карта великаго-герцогства Гессенскаго, хотя и не въ томъ же масштабѣ, ибо она уменьшена до  $\frac{1}{400000}$ , однакожъ отличающаяся тѣмъ же превосходствомъ выполненія. Любопытная мѣстность великаго-герцогства съ его границами изображена на двухъ листахъ самымъ точнымъ, яснымъ и нагляднымъ образомъ. Богатый матеріалъ нанесенъ върлю и при удачномъ размѣрѣ, въ большой полнотѣ; картографію Германіи можно поздравить съ этимъ новымъ обогащеніемъ. Изъ специальныхъ картъ окрестностей слѣдуетъ въ особенности упомянуть съ большою похвалою о картѣ Люксембурга капитана Деменанга. Что касается до геологическихъ картъ, то пріятно видѣть, что карта Гессена дополнена Средне-рейнскимъ обществомъ отдѣломъ Бюдинггенъ, а карта Ганновера Ремера продолжена тремя стольже превосходно, на основаніи карты Папена, отдѣльными листами, между тѣмъ какъ Шромбергъ на томъ же базисѣ издавъ не менѣе превосходный трудъ о Брауншвейгѣ.

## ХІ. ШВЕЙЦАРІЯ.

Хотя 1857-й годъ не обрадовалъ насъ продолженіемъ союзной спеціальной карты въ масштабѣ  $\frac{1}{100000}$ , но за то топографическая карта кантона Цюриха, на 13-ти листахъ, уже вышла въ свѣтъ, и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями топографіи. Раскрашенное тисненіе, изогипсы отъ 10 до 16 метровъ, большой масштабъ въ  $\frac{1}{25000}$ , все это содѣйствуетъ къ тому, чтобы столь ясный и рѣзко разлагающійся ландшафтный видъ, изобразить такъ, какъ только желать можно. Другимъ картографическимъ произведеніемъ обязаны мы опять также Г. I. М. Циглеру. Онъ издавъ въ новомъ видѣ (\*) свою пользующуюся большою извѣстностію карту Швейцаріи въ масштабѣ  $\frac{15}{800000}$  онъ придавъ всей картинѣ болѣе ясности, нанесеніемъ почвы коричневою краскою и давъ ея выраженію болѣе опредѣлительности по свойственному ему превосходному способу, и съ особенною заботливостію достигъ точности посредствомъ разныхъ исправленій и дополненій. Приложенныя же поясненія заключаютъ въ себѣ дополненія, въ особенности важныя для гипсометріи, и лишь бѣглый взглядъ удостовѣряетъ, что авторъ исполнилъ свою задачу съ тѣмъ разумніемъ и тактомъ, которые одни даютъ мертвой повидимому формѣ внутреннюю жизнь. Равнымъ образомъ мы не можемъ не упомянуть о промышленной

(\*) *I. M. Ziegler Neue Karte der Schweiz. Winterthur 1857.*

картъ Швейцаріи Циглера. На листѣ изъ ручнаго атласа автора, на которомъ съ извѣстною пластическою выразительностію изображена служащая основою Швейцарія, равноевѣтныя тѣни и условные знаки (Flächentöne und Signaturen) обозначаютъ различныя направленія промышленности, такъ что напримѣръ при первомъ взглядѣ узнаешь распространеніе альпійскаго хозяйства на юго-востокъ отъ черты Апенцель-Вевей, полосу фабрикаціи часовъ въ предѣлахъ юрской системы, округъ прядущей и ткащей промышленности между Баденскимъ озеромъ и рѣкою Рейсомъ и т. д. Само по себѣ практическое значеніе картины необыкновенно привлекательно, но для полнаго, болѣе глубокаго пониманія, необходимы еще другія данныя, и мы желали бы, чтобы карта эта составила отдѣльный листъ изъ систематически-составленнаго соціально-статистическаго атласа Швейцаріи, изданію коего, безъ сомнѣнія, вполне соответствуетъ прилежаніе и талантъ автора.

## ХІІ. Великобританія.

Въ прошедшемъ отчетѣ нашемъ мы старались изобразить общую картину состоянія спеціальной топографіи, не имѣя для того столь обширнаго источника, какой нынѣ намъ представляется въ официальномъ отчетѣ подполковника королевскихъ инженеровъ Генри Жемса (Henry James) въ «Ordnance Survey» соединеннаго королевства за періодъ 1855—56. Отчетъ этотъ представляетъ въ яркомъ свѣтѣ огромную дѣятельность по части картографіи, заключаая въ себѣ указанія о имѣющихся въ распоряженіи личныхъ и финансовыхъ средствахъ, равно какъ и о ходѣ и о настоящемъ положеніи съемки, сокращенія, рисованія, печатанія и изданія въ свѣтѣ генеральныхъ картъ. Въ 28 изданіи отдѣльныхъ приложенийъ заключаются не только сборные листы, но и преимущественно образцы печати, фотографическихъ уменьшеній въ различныхъ масштабахъ, а также различныхъ способовъ, употребляемыхъ для полученія сколь возможно большаго числа оттисковъ. Документъ этотъ, столь поучительно знакомящій съ осмотрительнымъ направленіемъ всей съемки и дальнѣйшею установкою ея, долженъ быть подъ рукою у каждаго, кто желаетъ познаться съ настоящимъ положеніемъ топографической науки. Поэтому ограничиваемся лишь нѣкоторыми общими результатами, представляя каждому самому разсмотрѣть этотъ всеобщъ доступный отрывокъ парламентскихъ актовъ, дабы удостовѣриться какими способами достигнуты эти результаты. Судя по употребленію масштаба, въ  $\frac{1}{100000}$  для городовъ, имѣющихъ болѣе 4000 жителей,

и  $\frac{1}{2500}$  для приходовъ въ значительно воздѣланныхъ мѣстностяхъ, должно предполагать большую точность при снятіи подробностей; примѣненіе же фотографіи къ нанесенію этихъ подробностей на карты графствъ въ масштабѣ  $\frac{1}{10,000}$ , и затѣмъ къ перенесенію сихъ послѣднихъ на большую карту всего королевства въ масштабѣ  $\frac{1}{63,360}$ , внушаетъ большое довѣріе къ вѣрному сведенію рисунковъ, не говоря о достигаемомъ этимъ способомъ сбереженіи времени и денегъ. Если присовокупимъ къ тому способъ сниманія земель посредствомъ горизонтальныхъ прорѣзовъ на равныхъ дистанціяхъ и нанесеніе протяженія горъ, то не знаемъ, чего еще можетъ желать гравировщикъ, чтобы исполнить свою задачу съ наибольшимъ совершенствомъ. Если всѣ листы сѣверной Англійи и Шотландіи въ такомъ же видѣ выйдутъ изъ рукъ гравировщика, въ какомъ они представлены въ образцахъ означеннаго отчета, то мы, не задумываясь, поставимъ нынѣшнее Ordnance-Mass на первое мѣсто между всеми картами генеральныхъ штабовъ. Еслибъ для означенія горъ не были употреблены пламеннообразные штрихи, къ удержанію коихъ мы не находимъ ни какого основанія, штрихи же эти были бы нанесены съ большею правильностію, а горизонтальные прорѣзы ясно обозначены при гравированіи, вмѣсто того, чтобы покидать этихъ съ такимъ трудомъ добытыхъ вѣрныхъ путеводителей, то мы британскія топографическія спеціальныя карты приняли бы за образцовыя изображенія, хотя очень хорошо знаемъ, что не вездѣ имѣются тѣ же средства, и что не предстоитъ безусловной необходимости примѣнять высшую степень искусства къ одной этой сторонѣ познанія, исходящаго отъ правительства, если чрезъ это могутъ пострадать другіе интересы. Но во всякомъ случаѣ да будетъ намъ позволено преслѣдовать идеалъ топографической науки, и за тѣмъ пожелать, чтобы подполковникъ Жемсъ не встрѣтилъ на пути достойныхъ своихъ заслугъ ничего, что могло бы повредить столь превосходно начатому имъ дѣлу.

Что касается успѣховъ топографическихъ картъ отдѣльныхъ главныхъ частей, то упомянемъ о слѣдующемъ: а) *Англія*. Изъ шести сѣверныхъ графствъ, отгравированныхъ въ масштабѣ  $\frac{1}{10,000}$ , изданы въ свѣтъ: Ланкаширъ, Йоркширъ и Дюргамъ; въ работѣ и отчасти изданы: Вестмерландъ и Нортгумберландъ; подлежитъ еще съемкѣ: Кумберландъ. Уменьшеніе въ масштабѣ  $\frac{1}{63,360}$  для присоединенія къ прочимъ частямъ Англійи и Валиса, по Йоркширу гравуруется, а по прочимъ графствамъ послѣдуетъ вслѣдъ за окончаніемъ въ большомъ масштабѣ. б) *Шотландія*. Въ большомъ масштабѣ изданы въ свѣтъ: Единбургское графство, Гаддингтонъ,

Линтлиговъ, Каркенбрайтъ, островъ Левисъ; сняты и отчасти изданы: Айръ (Ауг), Дунфрисъ, Ренфевъ, Пиблессъ, Бервикъ; сняты и въ рисунокъ: Ленаркъ, Роксбургъ, Селькаркъ, островъ Гаррисъ (всѣ отчасти). Изъ этого видно, что по южной Шотландіи не много недостаетъ, а съемкою острововъ Левиса и Гарриса, приступлено также уже и къ средней Шотландіи. Имѣющееся и по этимъ съемкамъ послѣдовать уменьшеніе въ  $\frac{1}{63360}$  отгравировано въ ситуаціи по первой группѣ изданныхъ въ свѣтъ графствъ, а нѣкоторые листы уже изданы съ выполненною почвою (mit ausgefülltem Terrain). в) Ирландія. Уже оконченная карта въ масштабѣ  $\frac{1}{102000}$  (безъ почвы) имѣетъ быть вновь повѣрена; повѣрка эта уже послѣдовала по сѣверной части, отъ черты, проведенной отъ Донегаля къ Дудалькскому заливу. Уменьшеніе въ масштабѣ въ  $\frac{1}{63360}$  сдѣлано уже для половины всего острова, и обнародованный отчетъ обѣщаетъ, что ситуація (the out line) всей карты будетъ отгравирована къ 31 марта 1859 года. Нанесеніе почвы (Eintragung des Terrains) также подвигается впередъ; очертаніе горъ (Bergskizzirung) четверти Ирландіи приготовлено къ печати, а въ большемъ масштабѣ  $\frac{1}{102000}$  снабжена горизонтальными (контурами): Донегаль Лондондери, Туроне, Антримъ (отчасти), Лоутъ, Калькенни, Дублинь.

Что касается чрезвычайно богатаго списка планамъ городовъ, то отсылаемъ къ изданному отчету, изъ коего между прочимъ съ удовольствіемъ заимствуемъ извѣстіе о существованіи специальныхъ картъ острововъ Мальты и Гоцо.

Такъ какъ намъ изъ частныхъ особеннаго вниманія заслуживающихъ картографическихъ предпріятій ничего не извѣстно, что бы могло иначе характеризовать прежде описанное положеніе картографіи въ Великобританіи, то оканчиваемъ нашу перечень замѣчаніемъ, что и адмиралтейство неутомимо продолжаетъ пополнять собраніе своихъ превосходныхъ морскихъ картъ, и такимъ образомъ правительство въ Великобританіи оказываетъ достойную признательности заботливость о распространеніи познаній о нашей землѣ посредствомъ картъ.

Мы нашли соответствующимъ заглавію нашего краткаго обозрѣнія, если упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о вліяніи, которое специально топографическія работы имѣютъ и готовы имѣть въ будущемъ на черченіе обыкновенныхъ или географическихъ картъ. Стекающийся со всѣхъ сторонъ матеріалъ специальныхъ измѣреній земель не могъ долго оставаться безъ примѣненія со стороны тѣхъ чертителей географическихъ картъ, которымъ желательно было, ни чего не выражающія или прямо говоря искаженные изображенія

передѣлать въ вѣрные снимки съ природы. Гусьяницеобразное черченіе горъ по способу теоріи водораздѣловъ стало болѣе и болѣе исчезать, когда убѣдились, что совпаденіе рѣзкой горной высоты и водораздѣла не есть вовсе необходимый законъ во внѣшнемъ распредѣленіи почвы. Какъ очень часто случается, впали въ крайность; за исходную точку при черченіи принимали не господствующія надъ мѣстностію горы, а низменности; каждая маленькая долинка получала выдающуюся по боковымъ сторонамъ ея наклонность; въ изящномъ группированіи созидали терасы надъ терасами, и такимъ образомъ получались наконецъ картины, которыя скорѣе похожи были на замерзшую, во все стороны кристаллизированную поверхность паровъ, чѣмъ на изображеніе натурального ландшафта. Рисовальщики, обладающіе преимущественно внѣшнею формою ситуационнаго рисовальнаго искусства, взяли за черченіе географическихъ картъ. Они находили удовольствіе пополнять малѣйшія карточки горными штрихами всякихъ нюансовъ; увлекли за собою гравировщиковъ, а въ послѣдствіи литографовъ въ изобрѣтеніи новыхъ изображеній странъ, и созидали въ свою очередь карты, которыя чрезмѣрною полнотою и преувеличеніемъ уничтожали сходство съ подлинниками природы. Въ такомъ превращеніи находились географическія карты, покрайней мѣрѣ въ Германіи, еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; немногіе авторы дѣлали въ этомъ случаѣ исключенія, держась надлежащей середины, весьма же многіе составляли исключеніе тѣмъ, что не слѣдовали никакой системѣ. Географія нашла дѣльныхъ учителей, спеціальная карта представляла болѣе и болѣе матеріалу, публика желала всего этого видѣть по немногу на своихъ картахъ, не отказываясь отъ удобства ручнаго формата и дешевой цѣны. Усовершенствованная техника пришла на помощь рисовальщикамъ и слѣдалось возможнымъ сжать множество матеріалу на большемъ пространствѣ, и за всемъ тѣмъ придать хорошій видъ, на счетъ ли глазъ или удобнаго обозрѣнія, на это покуда не было обращено вниманія. Но чѣмъ болѣе требовали знаковъ и названій на картѣ, тѣмъ болѣе затруднялись нанесеніемъ горныхъ штриховъ: обобщеніе рисованія почвы не находило еще для мыслящаго рисовальщика надлежащаго ключа. Тогда геологи вышли изъ своей замкнутости; подали руку географамъ для взаимнаго обмѣна и указали на гармонию между внѣшнею формою почвы и внутреннимъ ея свойствомъ, и такимъ образомъ ни одинъ добросовѣтный рисовальщикъ географическихъ картъ не хотѣлъ уже представить изображеніе страны, не имѣя также подъ рукою и геологическое устройство ея. Изображенія стали опять естественнѣе, во многихъ случаяхъ они получили поразительно

вѣрный отпечатокъ, однакожь въ другихъ случаяхъ созданная въ кабинетѣ система не согласовалась съ внѣшнимъ видомъ природы. Обдуманная географическая карта большею частію и теперь еще стоитъ на той же точкѣ, ибо союзъ съ геологіею еще слишкомъ новъ; необдуманная же карта идетъ спокойно своею дорогою, гонясь, для подкупа, лишь за внѣшностями. Въ новѣйшее время вслѣдствіе потребностей геологовъ, техниковъ и топографовъ занялись обработкою новаго элемента, подстрекающаго вниманіе рисовальщика географическихъ картъ; это исометрія. Неровно распределенный матеріалъ свѣденій о высотахъ все еще затрудняетъ при изображеніи почвы на общей картѣ; но не должно щадить никакихъ трудовъ, чтобы пополнить списокъ высотамъ, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно воспользованіе содержаніемъ этихъ списковъ должно служить основаніемъ системы согласнаго съ природою изображенія почвы. При геологической картѣ сходной съ исометрической, съ другой стороны географической картѣ вскорѣ удастся весьма успѣшно обобщить эти частности, и ей будетъ пріятно каждое пособіе, которое облегчитъ ее въ разрѣшеніи этой трудной задачи. Поэтому географъ и долженъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за нынѣшнимъ способомъ сниманія топографическихъ специальныхъ картъ по системѣ горизонтальныхъ разрѣзовъ на равныхъ дистанціяхъ; хотя ему и очень прискорбно бываетъ, видѣть, что всѣ почти такія карты въ моментъ ихъ окончанія боязненно уничтожаютъ слѣды этихъ линий, служившихъ имъ къ достиженію ихъ картинъ, однакожь онъ все такъ и радуется, что результаты этихъ нивелированій сохранились въ многочисленныхъ показаніяхъ высотъ. Изъ этихъ показаній и множества пересѣкающихся нивелированій, которыя нынѣ производятся по воздѣланнымъ и долженствующимъ быть воздѣланными мѣстностямъ нашимъ, можно составить карты, показывающія высоту слоевъ, которыя не только могутъ быть принимаемы за предшественниковъ вѣрнаго и характеристическаго изображенія почвы на генеральныхъ картахъ, но и въ состояніи принести непосредственную пользу интересамъ практической жизни. Въ настоящую именно минуту мы можемъ сказать, что изданіе картъ, показывающихъ высоты слоевъ, есть признакъ дальнѣйшаго стремленія картографіи къ вѣрному изображенію природы; поэтому мы считаемъ нашу обязанностію слѣдить за постепеннымъ развитіемъ ея, дабы не быть вдругъ настигнутыми быстрымъ приливомъ новѣйшихъ усовершенствованныхъ способовъ, которые конечно еще не вполне исчерпаны нашимъ изобрѣтательнымъ вѣкомъ. Г. совѣтникъ Штейнгауеръ въ Вѣнѣ избавилъ насъ отъ труда ровысканія въ этомъ отношеніи: его

меткое сужденіе и научная дальновидность вѣрно оцѣнили значеніе нивелическаго элемента въ картографіи, и побудили его въ -адежащій моментъ прочесть въ Вѣнскомъ географическомъ обществѣ, въ началѣ нынѣшняго года, увлекательныя лекціи объ исторіи и положеніи картъ, основанныхъ на нивелированіяхъ (Niveauearten). Г. Штейнгауеръ возводитъ исторію высотныхъ картъ до Дюпенъ-Триеля (Dupain-Triel), который издалъ первую карту слоевъ во Франціи по идеѣ женевакаго инженера Дю-Карла (Du-Carla), присоединивъ къ ней объясненіе, на которомъ значится 1791 годъ. Усовершенствованіе системы съемокъ по горизонтальнымъ разрѣзамъ на равныхъ дистанціяхъ принадлежитъ Ла-Пласу; первое официальное примѣненіе этого способа послѣдовало при составленіи новой топографической карты Франціи въ 1818 году. Далѣе г. Штейнгауеръ слѣдитъ за разными данными, свидѣтельствующими о постепенномъ развитіи картъ, основанныхъ на нивелированіяхъ (Niveauearten), вспоминаетъ съ должною признательностію о заслугахъ въ семъ отношеніи фельдмаршала Гауслаба для Австріи и оканчиваетъ ссылкою на нивелиметрической атласъ Циглера и карту высотъ слоевъ Папена, какъ на новѣйшія явленія, имѣющія нивелиметрической элементъ главнымъ предметомъ своихъ изображеній. Не смотря на благосклонное позволеніе, мы не хотимъ предупредить статью объ этомъ занимательномъ предметѣ въ журналѣ Вѣнскаго географическаго Общества, и ограничиваемся лишь указаніемъ на нее.

---

## V.

### КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ.

---

**ПРАЗДНЕСТВА И ЗАБАВЫ ПРИ-АРГУНЦЕВЪ.** Въ при-Аргунскомъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ обширной Россіи, есть свои народныя празднества, игры и забавы. Всѣ празднества и забавы нашихъ простолюдиновъ по большей части имѣютъ между собою много общаго, но при внимательномъ разсмотрѣніи всегда можно встрѣтить особенности въ играхъ той, или другой мѣстности. Игры и забавы въ каждомъ мѣстѣ принимаютъ свои мѣстные оттѣнки, хотя многія изъ забавъ и житейскихъ обыкновеній принесены съ другихъ сторонъ.

Изъ народныхъ празднествъ между при-Аргунцами я замѣтилъ только два : одинъ называется праздникомъ женщинъ или *бабьимъ праздникомъ*, другой — *праздникомъ дьвицъ*.

*Бабій праздникъ* бываетъ обыкновенно послѣ Пасхи въ родительскую субботу. Жителю при-Аргунскаго края, еще незнакомому съ мѣстными обычаями, покажется весьма страннымъ вдругъ услышать рано утромъ въ день родительской субботы страшные крики и какой-то особенный вой. Что же это такое? спрашиваете вы, и узнаете, что эти крики несутся съ кладбища, гдѣ на каждой почти могилѣ можно увидать по одной или по двѣ женщины. Онѣ справляютъ тризну по своимъ покойнымъ родителямъ, мужьямъ и другимъ родственникамъ. Эти поминки ограничиваются только тѣмъ, что женщины, прійдя на кладбище и поклонившись

троекратно могилѣ, бросаются каждая на могилу своего родственника и съ плачемъ причитають добродѣтели покойнаго и проч. Насытившись такимъ образомъ плачемъ и воемъ, высчитавъ все добрыя качества усопшихъ и высказавъ свое горькое положеніе, часто конечно несуществующее, все женщины гурьбою возвращаются домой и раздѣляются на многія отдѣльныя партіи. Такими партіями заходятъ поочереды во все знакомыя имъ дома, гдѣ заканчиваютъ поминки, вдоволь наѣвшись и напившись. При переходахъ изъ дома въ домъ, бабы, при сильномъ куражѣ, разумѣется, въ каждомъ домѣ все болѣе и болѣе прибавляющемся, начинаютъ уже распѣвать пѣсни, а иногда даже и приплясывать. Это продолжается обыкновенно цѣлый день или, лучше сказать, до тѣхъ поръ, пока отъ опьяненія онѣ не въ состояніи уже будутъ совершать переходы изъ дома въ домъ и по неволѣ должны разойтись. Часто случается, что упившаяся до нельзя женщина остается до утра тамъ, гдѣ сильный хмѣль произвелъ окончательно свое дѣйствіе, лишивъ способности мыслить, говорить и двигаться.

*Праздникъ дѣвицъ* есть обыкновенно день *семика* — четвертокъ въ недѣлю предъ Троицынымъ днемъ. Рано утромъ въ день семика, нарядныя при-Аргунскія дѣвицы отправляются съ пѣснями или въ лѣсъ, или на гору, гдѣ только есть хотя небольшой лѣсокъ; тамъ срубають березку, которая въ этотъ день носить уже названіе *калины*; эту калину (\*) украшаютъ, навѣшивая платки и ленты, несутъ съ пѣснями и пляскою по улицамъ деревни, потомъ, выбравъ равнину, вколачиваютъ березку въ землю, кругомъ ставятъ столы и скамейки, выносятъ изъ домовъ заранѣе приготовленныя разныя съѣдобныя вещи и непременно также водку; все это разумѣется предлагается для угощенія молодыхъ парней, съ которыми дѣвицы гуляютъ до самаго вечера. Наконецъ березка съ тѣми же пѣснями и плясками несется къ рѣкѣ, тутъ каждая изъ дѣвицъ, сорвавъ вѣточку березки, бросаетъ въ рѣку и по направленію брошенной вѣтки гадаеть о своей судьбѣ, т. е. скоро ли выйдетъ она замужъ, или нѣтъ.

Въ этотъ день дѣвушки обыкновенно поютъ слѣдующія пѣсни:

## 1.

Встану-ли я  
Поутру ранешенько,  
Пойду-ли я

---

(\*) Ясно, что это *калина*, только по мѣстному нарѣчію удареніе перешло на первый слогъ, что составляетъ также небольшую особенность языка.

СМѢСЬ.

Вдоль улицею широкою,  
Взойду-ли я  
На гору высокую,  
Срублю-ли я  
Вѣточку дубовую,  
Подниму-ли я  
На свои ручки,  
Повесу-ли я  
Вдоль по улицѣ,  
Принесу-ли я  
Къ быстрой рѣчкѣ,  
Брошу-ли я  
Въ быструю рѣчку.  
Тонетъ-ли  
Дубовая вѣточка?  
Нѣтъ, не тонетъ.  
Тужать-ли  
Мать и отецъ?  
Нѣтъ, не тужать.

2.

Ужъ туча съ громомъ  
Сговаривались:  
Таки вью младу мою.  
Пойдемъ, громъ,  
Погуляемъ, громъ,  
Таки вью младу мою.  
На тѣ луга  
На Олочинскія,  
Таки вью младу мою.  
За царемъ, царемъ,  
Посла пошлемъ,  
Таки вью младу мою.  
Что царица моя  
Сына породила,  
Таки вью младу мою.  
Сынъ у мевя  
Домашній гость,  
Таки вью младу мою.  
А ужъ туча съ громомъ  
Сговаривались.  
А я вью младу мою.

3.

Ой кáлина,  
Ой мáлива!

Во саду-ли дѣвушки гуляли,

Во саду-ли красныя гуляли.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

По вѣточкѣ ломали,

По вѣпочку свивали.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

По вѣпочку свивали,

Въ быстру рѣчку бросали.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

Тонеть-ли вѣточка?

Нѣтъ — не тонеть.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

Тонеть-ли вѣночикъ?

Нѣтъ — не тонеть.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

Тужить-ли мой миленькій?

Нѣтъ — не тужить.

Ой кáлина,

Ой мáлина!

Вѣтомъ въ праздничные дни одна изъ любимыхъ забавъ здѣшнихъ дѣвушекъ — это *водитъ хороводы*. Въ хороводахъ нерѣдко участвуютъ и замужнія женщины, особенно же молодыя; рѣдко однакожь хороводы обходятся безъ участія молодыхъ парней. Самые же хороводы состоятъ по большей части въ томъ, что одна изъ бойкихъ дѣвицъ, она же и *завѣвало*, водить весь рядъ схватившихся между собою руками дѣвицъ изъ одной стороны въ другую; или же, рассадивъ дѣтей въ разныхъ направленіяхъ въ рядъ дорожекъ, весь хороводъ ходитъ съ пѣнями по этимъ дорожкамъ; не рѣдко также дѣвушки, схватившіяся попарно, разгуливаютъ кругомъ или по тому направленію, какое вздумается первой парѣ принять. Водить хороводы начинаютъ обыкновенно съ перваго дня Пасхи. Пѣсенъ хороводныхъ весьма не много, объ нихъ я упоминалъ уже при краткомъ географическомъ описаніи края, но и здѣсь снова считаю нужнымъ приложить ихъ. Вотъ онѣ:

1.

Я млада

Не пословна была (\*)

(\*) *Непословна* значитъ: *несговорчива, капризна*.

И не слушалася:  
 Заставлять меня  
 Свекоръ баюшко  
 Лошадухекъ поить.  
 Я лошадокъ напоила,  
 Во дворъ не загиала;  
 Заставляла меня  
 Свекровка магушка  
 Въ избушечкѣ мести,  
 Я въ избушкѣ подмела,  
 Соръ не выбросила;  
 Заставляли меня  
 Золовки-сестрицы  
 Коровушекъ доить,  
 Я коровокъ подоила,  
 Молочко пролила;  
 Заставлялъ меня  
 Мужечечикъ  
 Банюшку топить,  
 Я баню истопила,  
 Двери выставила,  
 Баню выстудила.  
 За ту меня вину,  
 Младу, мужъ перебилъ,  
 Онъ великими побоями,  
 Онъ шолчивочкою  
 Привязалъ къ пеньку  
 За соломинку.  
 Я со тѣхъ-то, съ побоевъ,  
 Три недѣли вылежала,  
 Не пивала, не ѣдала  
 И не завтракала,  
 На четвертую недѣлюшку  
 Позавтракала.  
 Ужь я съѣла, молода,  
 Я быка третьяка,  
 Овцу яловицу,  
 Свиною супоросу,  
 Двѣ печи хлѣбовъ,  
 Да печь пироговъ,  
 Два корыта киселя,  
 Два ушата молока,  
 Двѣсти гусей,  
 Полтора ста лебедей,  
 Сѣру утку  
 На закусочку.

## 2.

Есть на нашей на сторонкѣ,  
 Есть на нашей на сторонкѣ,  
     Велика удача, велика удача.  
 Есть великая удача,  
 Есть великая удача,  
     Вѣтви золотыя, вѣтви золотыя.  
 Вѣтви, вѣтви золотыя,  
 Вѣтви, вѣтви золотыя,  
     Серебрены листья, серебрены листья.  
 Я пойду же, молоденька,  
 Я пойду же, молоденька,  
     Въ зеленъ садъ гуляти, въ зеленъ садъ гуляти.  
 Нащиплю я, молоденька,  
 Нащиплю я, молоденька,  
     Хмѣлю садоваго, хмѣлю садоваго.  
 Наварю я, молоденька,  
 Наварю я, молоденька,  
     Пива перевару, пива перевару.  
 Созову я, молоденька,  
 Созову я, молоденька,  
     Гостя дорогова, гостя дорогова.  
 Гостя, гостя дорогова,  
 Гостя, гостя дорогова,  
     Батюшку роднова, батюшку роднова.  
 Не по часту въ гости ходишь,  
 Не по часту въ гости ходишь,  
     Не долго пируешь, не долго пируешь.  
 Одну ноченьку ночуешь,  
 Одну ноченьку ночуешь,  
     Тую протоскуешь, тую протоскуешь.  
 По новымъ сѣнямъ проходишь,  
 По новымъ сѣнямъ проходишь,  
     Въ окошко просмотришь, въ окошко просмотришь.  
 Бѣла свѣту дождайся,  
 Бѣла свѣту дождайся,  
     Домой снаряжайся, домой снаряжайся.  
 Домой, домой снаряжайся,  
 Домой, домой снаряжайся,  
     Съ дочерью прощайся, съ дочерью прощайся.

## 3.

Я по бережку похаживала,  
 Я по крутому погуливала,  
 Я бабушъ вусей заганивала,  
 Лебедочковъ заворачивала,

Мои гуси не табунятся,  
 Мои сѣры не вогажуются,  
 Они всѣ врозь разлетаются,  
 Но желтымъ пескамъ сажаются,  
 Но желтымъ пескамъ Макарьевскимъ,  
 Но Макарьевскимъ, Захарьевскимъ.  
 Не загнала я гусей,  
 Домой пошла;  
 Я домой пошла, задумалася,  
 Красна дѣвица, запечалилась,  
 Встрѣчу мнѣ, младешенькой,  
 Молодой сержантъ  
 Камышевской, Амышевской,  
 Онъ и вачалъ со мной  
 Шуточки шутить,  
 За бѣло лице похватывати,  
 За бѣло лице, за ягодицы (\*).  
 Мое личико разгорчивое,  
 Ретиво сердце зазпобчивое,  
 Зазнобилъ сердце мое,  
 Что сержантъикъ молодой.  
 Мой-то батюшко  
 Сдогадливъ очень былъ,  
 Родна матушка  
 Сдогадливѣй его —  
 Не отпустить меня  
 Во зеленый садъ гулять,  
 Съ конопелюшекъ  
 Воробушекъ гонять:  
 Кышу! Кышу!  
 Воробушки не летягъ.  
 Все воробушки —  
 То солдатскія головушки,  
 Все со ружьями  
 И со сабляшками.

## 4.

Ой вы, кумушки, подружки,  
 Поиграйте,  
 На меня, красну дѣвицу,  
 Не дивуйте:  
 Ужъ я, красна дѣвица,  
 Заручена (\*),

(\*) Ягодицы — это по дѣшнему щечки.

(\*) Заручена — значить: обручена.

Я за лысаго за бѣса  
     За дѣтишку,  
 Еще лысый бѣсъ, дѣтинушко,  
     Несвѣжда:  
 На кабагъ идетъ дѣтинушко —  
     Штается,  
 Съ кабака идетъ дѣтинушко —  
     Валяется;  
 Во черной грязи дѣтинушко  
     Марается,  
 Надо мною, красной дѣвицей  
     Ломается,  
 Семи сажены оборки (\*)  
     Развязались,  
 Восьми сажены огачи (\*\*)  
     Распустилися.

Что касается до *святочныхъ шоръ*, то онѣ не имѣютъ никакихъ особенныхъ мѣстныхъ отличій. Всѣ дѣвчія святочныя игры состоятъ въ томъ, что дѣвица, выбравъ себѣ парня, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ, или кругомъ, при пѣсняхъ другихъ дѣвиць, и по окончаніи пѣсни, поцѣловавшись, расходятся; за тѣмъ является на сцену другая пара и т. д., — слѣдовательно вся цѣль игры заключается въ поцѣлуѣ.

Вотъ нѣкоторые изъ святочныхъ пѣсень:

## 1.

Деталь голубь,  
 Деталь сизой  
 Со голубошкою,  
 Удалой молодецъ  
 Съ красной дѣвицею.  
 Еслибъ ты, моя голубка,  
 Со мной съ голубемъ жила,  
 Еслибъ ты, красна дѣвица,  
 За мной замужемъ была;  
 Я бы золотомъ усыпалъ,  
 Жемчугомъ ударилъ,  
 Я бы лѣтнею порою  
 Во каретѣ прокатилъ,  
 Я бы зимнею порою  
 Въ Петербургъ городъ свозилъ,

(\*) *Оборки* — веревки или ремни, которыми обвиваютъ ноги.

(\*\*) *Огачи* — ошчи.

На ямскихъ лошадяхъ,  
 На раскрашенныхъ саняхъ.  
 Сажу голубя на ручку,  
 Овъ не трехнется,  
 На другую посажу,  
 Не ворохнется,  
 Скажу: *кышъ!* полетай,  
 Мой сизой голубокъ,  
 Полетай голубъ домой,  
 Распрощаюсь я съ тобой.

## 2.

Я качу, качу  
 Золотое кольцо,  
 За колечушкомъ  
 Идетъ молодець,  
 За собой ведетъ  
 Красну дѣвицу.  
 Ты возьми ее  
 За бѣлы ручки,  
 Поведи ее  
 Въ нову горницу,  
 Ты поставь ее  
 Среди горницы,  
 Отойди отъ нея  
 Ты подалече,  
 Подойди-ка къ ней  
 Близешенько,  
 Цоклопись-ка ей  
 Низешенько,  
 Поздоровайся съ ней  
 Милешенько,  
 Чтобъ и намъ было  
 Любешенько.

## 3.

Бражка пьяная хмѣльна,  
 Веселая голова,  
 Не ходи мимо сада,  
 Не прокладывай слѣда,  
 Дороженьки не тори,  
 Худой славы не клади —  
 Отцу, матери безчестье,  
 Роду, племени позоръ,  
 Съ плечъ головушка долой,  
 Миѣ нельзя идти домой

Смазать матушкѣ родной.

Скажу такъ,

Скажу сякъ,

Скажу этакъ,

Вотъ и такъ (\*).

Я во садикѣ была,

Во зеленомъ гуляла,

Сладки яблочки рвала,

Я наливчатя,

Черны-сливчатя,

Я на блюдишко клала,

На серебряный подносъ,

Къ милу дружку послала,

Во высокой по теремъ.

Милый яблочъ не примаеть,

Ничего не говорить,

Отворотится, бранить.

Я поставила на столъ

И ударила челомъ:

Оставайся, чертъ съ тобой,

Не ломайся надо мной,

Надъ дѣвичьей красотой,

Надъ моею русой косой.

Есть у меня

Лучше тебя,

Повыше плечомъ

Покрасивѣ лицомъ,

Онъ на ножку легокъ,

На босу ножку сапогъ,

Въ полночь гулять готовъ.

*Качели*, или какъ здѣсь говорятъ *качули* и *скакули*, суть самыя обыкновенныя забавы молодыхъ людей обоого пола. Качели являются преимущественно въ недѣлю Пасхи; въ послѣдующее же за тѣмъ время замѣняютъ ихъ вездѣ скакули — это довольно длинная доска, положенная серединою своею на толстый брусъ и для игры становятся обыкновенно на концы доски, тогда играющіе прискакивая поднимаютъ другъ друга, — а отъ прискакиваній вѣроятно и произошло названіе скакулей.

Изъ особенныхъ мѣстныхъ игоръ я замѣтилъ только двѣ: *раз-луку* и *черту*.

---

(\*) Во время этого скорого пригѣва обыкновенно пара скачетъ и пристукиваетъ ногами.

*Разлука* есть игра въ родѣ нашихъ горѣлокъ, разница только та, что здѣсь бѣгутъ разомъ двѣ пары, мужчины же въ такомъ случаѣ стараются ловить чужихъ дѣвицъ, что и называется разлучить пару, а отсюда и самое названіе игры — разлука.

*Черта.* Эта игра состоитъ въ перепрыгиваніи задомъ, или, какъ здѣсь говорятъ *въ занытки*, т. е. пятками впередъ, чрезъ назначенныя въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи черты. Не выпрыгнувшія дѣвицы стараются въ такомъ случаѣ убѣжать и скрыться, потому что онѣ наказываются за свою неловкость тѣмъ, что должны на себѣ возить выигравшихъ дѣвицъ, но преимущественно, какъ всегда почему-то случается, молодыхъ парней. Словомъ — эта игра очень похожа на чехарду, но гдѣ страдаютъ по большей части дѣвушки. И не разъ, конечно, случается, что какая нибудь сухопарая при-Аргунка, кряхтя, тащитъ на себѣ иногда довольно тяжелого парня.

Самая же главная забава здѣшнихъ обоюго пола молодыхъ людей — это *посидѣнки* и *вечѣрки*.

*Посидѣнки* начинаются обыкновенно съ Покрова, т. е. съ 1-го октября; *вечѣрки* же преимущественно со святокъ и продолжаются до великаго поста по всеѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; кромѣ того *вечѣрки* бываютъ и въ другіе дни, но только уже по случаю свадебъ въ домѣ невѣсты. Во время святокъ, начиная съ перваго дня и вплоть до Крещенія, *вечѣрки* бываютъ и днемъ и ночью по очереди въ домѣ каждой дѣвицы; если же домъ какой либо дѣвицы тѣсенъ, то она уже заранѣе заботится о наймѣ просторной хаты у своихъ сосѣдей, приглашаетъ своихъ подружекъ, знакомыхъ парней и непременно музыканта, безъ котораго не можетъ уже обойтись никакая *вечѣрка*. Поэтому святки составляютъ особенное веселое раздолье для молодыхъ людей, чего все вообще и дожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ. Надобно еще замѣтить, что все при-Аргунки охотницы до плясокъ; здѣсь въ-ходу *барыня*, *двѣ парочки* или *русская кадрили*, которая называется также *шестеркою* или *осьмеркою*, такое названіе конечно произошло отъ числа участвующихъ паръ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ танцуютъ даже *краковякъ*; послѣдній танецъ ясно попалъ сюда съ далекаго запада отъ переселенцевъ Поляковъ. Изъ мѣстныхъ плясокъ больше всего въ употребленіи: *молочикъ*, *трамб-брамъ* и *костоломъ*. На *вечѣркахъ* однакожь болѣе всего выигрываетъ для себя музыкантъ; каждая пригласившая его дѣвушка обязана заплатить за игру или деньгами, или чѣмъ нибудь болѣе для него существеннымъ: мукою, крупою и проч. Надобно впрочемъ замѣтить, что все здѣшніе музыканты, или какъ ихъ возб-

ще называютъ, *скрипачи*, по большей части люди самые бѣдные. Потеря зрѣнія и другіе природные недостатки, а слѣдовательно и крайняя нужда, заставляютъ бѣдняковъ приниматься за скрипку для снисканія себѣ насущнаго хлѣба.

*Посидѣлки* — это тѣ же вечерки, гдѣ дѣвицы, подъ предлогомъ рукодѣлья, собираются обыкновенно для плясокъ.

Вотъ одна изъ посидѣлочныхъ пѣсень:

У стараго мужа  
Жена молода,  
Въ лѣсъ по малину  
Не хаживала;  
Прялку взяла,  
На вечерку пошла.  
На вечерку пришла,  
Прялицу подъ лавицу,  
Плясать пошла.  
Пѣтухи спѣли,  
Домой пойду;  
Вторые спѣли,  
Не думала, млада;  
Третьи спѣли —  
Зоря занялась;  
Зоря занялась,  
Я домой поднялась.  
Вотъ встрѣчу молодой  
Идетъ деверь молодой:  
Деверь, деверь молодой,  
Проводи меня домой!  
Подь, поди, невѣстка,  
Не бойся ни кого,  
Заднія двери  
Не заперты,  
У горницы  
Не заложены!  
По сѣничкамъ шла,  
Я не стукнула;  
Двери стала открывать  
И не скрипнула;  
Вотъ я села (\*) на кровать,  
Стала ноги разувать,  
Вдругъ старый мужъ  
Пробуждается отъ сна:

(\*) Села вмѣсто съла относится къ особенностямъ здѣшняго нарѣчія.

Что же ты, жена,  
 Не теперь ли ты пришла?  
 Что ты, старый чертъ,  
 Не со сна ли говоришь?  
 Съдая борода,  
 Не турусишь ли? (\*)  
 Я хочу ставать (\*\*)  
 Хочу избу топить;  
 Хочу избу топить,  
 Щи, кашу варить;  
 Щи, кашу варить —  
 Тебя стараго кормить.

На посидѣнкахъ иногда разсказываются сказки или загадываются загадки. Изъ сказокъ я ни одной не нашелъ такой, которая была бы мѣстнаго происхожденія; всѣ онѣ напротивъ перешли сюда изъ внутренней Россіи, здѣсь же только приняли мѣстный колоритъ.

Тоже самое должно сказать и о загадкахъ, такъ что изъ большаго множества здѣшнихъ мѣстныхъ загадокъ я выбралъ не многія. — Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1. Двое ножницъ въ рукахъ, двѣ щетиночки въ зубахъ, хвостикъ закорючкой, подпираючись идти.

*Ракъ.*

2. Черенъ я, но не медвѣдь; шесть ногъ у меня, но безъ копытъ, съ рогами, да не быкъ.

*Муравей* или какъ здѣсь говорятъ — *мурашигъ*.

3. Красна, да не дѣвица, зелена, да не дуброва, съ хвостомъ, да не корова.

*Рыба.*

4. Пошлю я посла по дорогаго гостя, гостя дождусь, либо нѣтъ, а посла вовѣки не дождусь.

*Хлѣбное посѣянное зерно.*

5. Туръ ходитъ по горамъ, а турица (\*\*\*) по порамъ; туръ свиснетъ, а турица мигнетъ.

*Громъ и молнія.*

6. Шелъ мужикъ, несъ дергунъ, шелкуномъ завязанъ, въ немъ два помазья, да два коверзья, да два крякуна, два дермороя, двадцать вычирковъ, да часть скотобойны.

(\*) *Турусить* — значитъ *бредить*.

(\*\*) По мѣстному произношенію во многихъ глаголахъ буква *в* отбрасывается, а потому вмѣсто *вставать* говорятъ: *ставать*.

(\*\*\*) *Турицею* называется здѣсь *мышь*.

Это не составляет особенной какой либо загадки, а тутъ замѣчательны названія нѣкоторыхъ вещей, употребляемыхъ только въ немногихъ при-аргунскихъ деревняхъ. Такъ *мужи-комъ* здѣсь называютъ вообще *хохловъ-Малороссовъ*; *дергунъ* значить *мышокъ*, *щелкунъ* — кнутъ, бичъ; *помазень* — блинь; *ковержень* — ерушникъ, хлѣбъ изъ гречневой муки; *крякунъ* — утка; *дерморой* — поросенокъ; *вычирки* — яйца; *скотобойна* — солонина.

7. Подъ поломъ-поломъ, ходить барыня съ коломъ.

*Жерновъ.*

8. Зеленъ кудреватъ, попросился на кровать, я его взяла и къ верху руки, ноги подняла.

*Вѣнникъ*, которымъ парятся въ банѣ.

9. Пѣтухъ-пѣвецъ построилъ хлѣвецъ, въ этомъ хлѣвцѣ шестьдесятъ хлѣвцовъ, а въ каждомъ хлѣвцѣ по одной овцѣ.

*Шмелиное гнѣздо* и *ячейки* (пчелъ здѣсь нѣтъ).

10. Не гни меня, не ломи меня, лавъ на меня и причаумкайся (\*).

*Черемуха.*

11. Парень молодой, праздникъ годовой, вдѣвъ гладко, толкай глубоко.

*Сапоги.*

12. Полна шляпа татарскихъ ягодъ.

*Жаръ въ печи* — огонь.

13. Былъ я на базарѣ, очутился на пожарѣ.

*Горшокъ.*

14. Плетъ плетена, вверхъ ведена, о сто угловъ, о тысячу рублевъ.

*Церковь.*

15. Ротъ безъ зубовъ, а кости грызеть.

*Мялка*, что трепать коноплю.

16. Полно корыто, людей набито.

*Огурецъ.*

17. Съ лѣсомъ ровно, а не видно его.

*Сердцевина дерева.*

18. Леталъ птахъ по горамъ и по доламъ, плакалъ о своей гордынѣ; кто его побьетъ, тотъ свою кровь прольетъ.

Комаръ, также *оводъ*, или какъ здѣсь зовутъ: *паутъ*, *слѣпень*.

(\*) *Причаумкайся* значить напитайся до сыта. Надобно замѣтить, что при-Аргунцы страстные охотники до черемухи, которую ѣдятъ съ особенною охотою, что и выражается словомъ — *причаумкаться*.

19. Стоитъ сохатый (лось) и весь дыроватый.

*Борона.*

20. Стоять вилы, на вилахъ дубъ, на дубу клубъ, на клубу чащѣ, въ чащѣ свиньи роются.

*Голова и волосы.*

21. Безъ рукъ, безъ ногъ, а на гору ползеть.

*Огонь — палы.* Весною здѣсь выжигаютъ траву, что и называется *палами* — отъ слова *палить*.

22. На водѣ родится, воды боится.

*Соль.*

23. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ, колеса съ навѣсомъ.

*Серги.*

24. Зоря зорница, красная дѣвица, по свѣту ходила, слезы обронила, мѣсяцъ видѣлъ, а солнце скрыло.

*Роса.*

25. Надъ нашей избушкой хлѣба краюшка.

*Луна.*

26. Съ вечеру заторокою, со полуночи зашоркаю, къ разсвѣту затолкаю, къ солнцу вытащу.

*Хлѣбъ.* *Заторокать* знач. замѣнить; *зашоркать* — потворить хлѣбъ, а затолкать — въ печь посадить.

27. Домъ шумить, хозяинъ молчить, приѣхалъ гость ни на саняхъ, ни на телѣгѣ, рѣшеткой облечетъ, а хозяина вонъ поволочетъ.

*Рѣшетка — неводъ, хозяинъ — рыба.*

28. Семь листовъ бумажныхъ, осьмой золотой.

*Постъ и Пасха.*

29. Четыре стукоты, четыре громоты, два коктырька, два моктырька, да еще коктырекъ, да еще моктырекъ.

*Телы.*

30. Живой мертваго бьетъ, мертвый кричитъ и на его голосъ народъ бѣжить.

*Колоколъ.*

31. Сидитъ монахъ, на бѣлыхъ горахъ, дожидается живыхъ и мертвыхъ.

*Курица на яйцахъ — насадка.*

32. Выйдетъ изъ тѣла: душа и тѣло, что съ ними дѣлать?

Это младенецъ, котораго нужно *крестить*, послѣднее слово и составляетъ отвѣтъ на загадку.

33. День виситъ, а ночью въ норѣ лежитъ.

*Болтъ у ставня.*

34. Попъ низокъ, на немъ семьдесятъ семь ризовъ.

*Качанъ капуста.*

35. Въ стулѣ вода, въ огородѣ лебеда; за моремъ огонь добро-  
дно горитъ.

*Зеркало.*

36. Царево вино и царицыно пиво въ одной стклянкѣ не смѣ-  
шаются.

*Бѣлокъ и желтокъ въ яйцѣ.*

37. Свинка, стальная щетинка, кудельный хвостъ.

*Ила съ ниткой.*

38. Сутуленькій, маленькій, горбатенькій, по полю свищеть, а  
домой прибѣжить, всю зиму пролежить.

*Серпъ, по туземному горбуша.*

39. Дворъ дырывать, люди говорятъ, а выдти не могутъ.

*Верша, по здѣшнему морда, чѣмъ ловятъ рыбу.*

40. Пятеро толкають, пятеро держать и двое смотреть.

*Ила, когда въ нее вдѣваютъ нитку, пальцы и глаза.*

41. Свинья моруля, хвостомъ вильнула, лѣсы пали, горы стали.

*Коса, когда косятъ сѣно.*

42. Разсыпался горохъ на двѣнадцать дорогъ, никому не соб-  
рать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни поповымъ дочкамъ.

*Звѣзды.*

43. Два волка бѣгутъ, оба на небо глядятъ.

*Полозья у саней.*

44. Вѣситея, болтатся, всякъ за него хвататся.

*Полотенце.*

45. Черненькій барашекъ, косяное брюшко.

*Черемуха.*

46. Черная корова всѣхъ поборола, бѣлая пришла, всѣхъ под-  
няла.

*Ночь и день.*

47. Синенькая шапка вся въ заплаткахъ.

*Небо и звѣзды.*

48. Съ мѣста не сойду, а десятерыхъ свяжу.

*Пальцы ногъ, когда надѣваютъ обувь.*

49. Стоитъ дерево безъ корня и вѣтвей, сидитъ на немъ воронъ  
безъ крыль и очей; прійдя къ нему безногій, взялъ его безъ рукъ,  
сѣлъ безъ рта и вѣсть ему сырости.

*Роса.*

50. Полный огородъ красныхъ коровъ, одна черная пришла,  
всѣхъ разогнала.

*Угли и кочегра.*

51. Лѣзу по жегѣзу на мясную гору.

*Съдло.*

52. Два борова дерутся, вокругъ ихъ пѣна бѣжитъ.

*Жернова и мука.*

53. Надъ нами — верхъ ногами.

*Муха и тараканъ.*

54. Вышелъ дѣдъ на Егорьевъ день, у него восемь ногъ, а носъ золотой.

*Соха, плугъ.*

55. Два стоятъ, два идутъ и два минуютъ.

*Небо и земля, солнце и луна, день и ночь.* При-Аргунцы, какъ не знаемые съ астрономією, убѣждены, что небо и земля стоятъ неподвижно.

56. Богъ приказалъ, къ боку палку привязалъ, гдѣ есть такая снасть, куда палочку класть.

*Шпага.*

*Масляница* есть время обжорства и катаній. Блины и горы суть самыя необходимыя условія масляницы. Здѣсь не кладутъ горъ изъ снѣгу, какъ это дѣлается въ Россіи, да и нѣтъ особенной необходимости; кромѣ того часто случается, что и снѣгу въ здѣшнихъ мѣстахъ иногда не бываетъ во все продолженіе зимы. А потому горами здѣсь служатъ преимущественно отлогости естественныхъ горъ, гороскаты, которыхъ по гористой мѣстности при-Аргунскаго края множество. Стоитъ только полить водою естественную горную покатошь, вотъ вамъ и масляничная гора при-Аргунцевъ, или какъ здѣсь называютъ *катушка*; происхождение послѣдняго слова конечно всякому понятно отъ глагола *кататься*. На такой горѣ катаются всегда на бычачьей или лошадиной шкурѣ, на которую садятся кучею дѣвицы и молодые парни, тутъ также случается не безъ шалостей, особенно когда кто нибудь столкнетъ дѣвушку со шкуры и тогда бѣдная рада не рада должна скатиться съ горы, не рѣдко теряя на этомъ неожиданномъ съ ея стороны поѣздѣ часть собственной кожи. Русскихъ же санокъ и салазокъ я встрѣчалъ здѣсь довольно мало.

Болѣе взрослые въ продолженіи масляницы, а иногда и въ другое свободное отъ домашнихъ работъ время, забавляются бѣгомъ на рысакахъ и иноходцахъ. Многіе изъ жителей имѣютъ большую къ бѣгамъ страсть, закладывая не рѣдко довольно значительное пари.

Смотря на большихъ, тутъ же и мальчишки забавляются бѣгомъ, пускаясь въ запуски на небольшихъ жеребятахъ.

Есть здѣсь также и любители карточной игры. Обыкновеннѣйшая игра при-Аргунцевъ въ карты — это такъ называемый туземцами *бардадымъ*. Игра эта похожа на три листа съ подходцемъ и разница только въ томъ, что сдающій своему партнеру даетъ всегда четыре карты, изъ которыхъ тотъ долженъ выбрать одну, какая ему болѣе понравится, или же не беретъ ни одной, если все

четыре карты не хороши, потому при сдачѣ добавляетъ еще двѣ карты; слѣдовательно игра эта рѣшительно одинакова съ извѣстнымъ подкаретнымъ трилистикомъ; тутъ тѣ же хлюсты, то же замиреніе и тѣ же подходцы и проч.; но кто имѣетъ на рукахъ *бардадыма*, т. е. пикового короля, отъ котораго игра и получила свое названіе, тотъ выигрываетъ или проигрываетъ что-то болѣе, но сколько именно, узнать, право, не могъ.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о забавѣ Аргунцевъ, жителей Аргунскаго села, нѣкогда бывшаго аргунскимъ острогомъ, — это о *штурмѣ* городка или крѣпости, построенной изъ снѣгу. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе какъ молодые, такъ и довольно пожилые люди; иногда даже старики.

Снѣжный городокъ, въ родѣ крѣпостцы, начинаютъ обыкновенно строить изъ снѣгу (если только зима благопріятствуетъ этому общіемъ снѣга), съ третьяго дня масляницы; въ послѣдній же, т. е. прощенный день, къ закату солнца начинается самая забава. Всѣ участвующіе въ игрѣ раздѣляются на двѣ партіи: на пѣхоту и кавалерію; первая должна защищать крѣпость, вторая же производить натискъ или атаку. Защищающіе крѣпость запасаются обыкновенно комками снѣгу, кавалерія же хлопочетъ только о томъ, чтобъ ничего ей не мѣшало и потому всадники снимаютъ съ себя рѣшительно все платье, оставаясь только въ одномъ прародительскомъ костюмѣ, что и дѣйствительно бываетъ весьма необходимо, дабы пѣшіе не могли никакъ схватить всадника. Кавалерія, отъѣхавъ на полверсты и далѣе, бросается во весь карьеръ на пѣхоту, стараясь какъ можно ближе подѣхать къ городку и сломать хотя верхушку его, что и признается уже за рѣшительную побѣду; но снѣжные комки, бросаемые пѣхотою въ лошадей и всадниковъ, заставляютъ кавалерію обратить тылъ. Если же кто-либо изъ храбрыхъ кавалеристовъ въ азартѣ успѣетъ вѣхать въ толпу пѣхоты, то она, стащивъ его съ лошади, бросаетъ въ снѣгъ и горе бѣдному всаднику, если онъ не вырвется и не убѣжитъ, въ такомъ случаѣ пѣхота накормитъ его снѣгомъ до нельзя. Забава эта, разумѣется, продолжается до тѣхъ поръ, пока удачною атакою кавалерія не сомнетъ пѣхоты и не разрушитъ городка; но случается не рѣдко и такъ, что кавалерія, измучившись совершенно, оставляетъ нападеніе и со стыдомъ убѣгаетъ съ поля сраженія, разѣзжаясь по домамъ.

Вотъ всѣ забавы и игры жителей при-Аргунскаго края.

**Н. КАШИНЪ,**  
Чл.-Сотр. Общ.

**О ДОГОВОРЪ АХЪ СЪ КИТАЕМЪ.** Всѣ понятія Китайцевъ о другихъ странахъ и народахъ, также о государственномъ и международномъ правѣ, основаны на чувствѣ высокоумія и тщеславія. Мудрецы ихъ учатъ, что вокругъ Цвѣтка средины живутъ дикія чудовища,—сущія животныя, хотя по наружности они и принадлежать къ человѣческому роду. Согласно съ такимъ понятіемъ о чужеземцахъ, имъ даютъ всякаго рода ругательныя прозвища; ихъ называютъ собаками, свиньями, дикарями и чертями, и раздѣляютъ по четыремъ странамъ неба, на восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ бѣсовъ. По волосамъ ихъ дѣлятъ еще на: варваровъ съ рыжей щетиной и варваровъ съ курчавой щетиной. Всѣ эти уродливыя созданія могутъ быть обновлены только просвѣщеніемъ Срединнаго царства и превращены въ людей, съ помощью китайскихъ учителей.—Тотъ, кто дѣйствуетъ противъ священнаго ученія Я и Шуна, или нарушаетъ предписанія Контзе и Лаодзе, разсматривается не только какъ нарушитель небеснаго порядка, но какъ и преступникъ противъ Сына Неба, которому одному приличествуетъ господство надъ всею землею, дарованное ему Богомъ и законами. Сообразно съ этимъ и государство китайскаго императора называется *тіэннѣ*—кругоземнымъ. Изъ этого легко можно видѣть, что договоры съ такими фанатиками исключительнаго божескаго господства имѣютъ только значеніе исписанной бумаги, и никогда не могутъ быть принимаемы за юридическія обязательства, а приведены въ исполненіе, согласно ихъ духу и содержанію, иначе какъ силою высшаго принужденія. Это испытали всѣ народы, вынужденные, въ теченіи послѣдняго столѣтія, вступить въ отношенія съ Китаемъ, какъ Англичане, Сѣверо-Американцы, такъ и въ послѣднее время, Французы.

Еслибы европейскія націи и Сѣверо-Американцы обращали вниманіе на упомянутыя нами понятія Китайцевъ о международномъ и публичномъ правѣ, то они должны бы были явиться къ послѣднимъ, не съ дружескими предложеніями, а съ наступательною силою и тотчасъ же требовать точнѣйшаго опредѣленія условій ихъ договоровъ. Извѣстно, что на желаніе сѣверо-американскаго уполномоченнаго Калеба Кушинга въ 1844 г., чтобы Китай вступилъ въ дружественно-торговый договоръ съ Сѣверо-Американскими штатами и принялъ при пекинскомъ дворѣ посланника, манджурское правительство отвѣчало, что «эти требованія противны установленному порядку Срединной имперіи; что Сынъ Неба никогда не допуститъ въ свою столицу посланника, какого либо государства, на правахъ какого либо съ нимъ равенства и что въ Срединномъ царствѣ знаютъ только вѣстниковъ, несущихъ дань отъ чужихъ народовъ. Сверхъ того было бы совершенно излишнимъ уста-

новлять договоръ съ Сѣвѣрною Америкою; пусть Американцы дѣйствуютъ спокойно и съ повиновеніемъ,—торговыя сношенія будутъ продолжаться, какъ это и было до сего, мирнымъ образомъ. Великобританско-китайскій договоръ въ Нанкинѣ вызванъ другими обстоятельствами—Англія поступила враждебно съ Срединною имперіей,—договоръ былъ необходимъ для того чтобы возстановить мирныя сношенія». «Если въ договоръ возможно вступитъ только послѣ войны», возразилъ смѣлый американецъ, то мое государство за этимъ не постоитъ. Довольно у насъ вооруженныхъ кораблей въ водахъ Восточнаго океана и десантная войска явится сюда въ непродолжительное время». Высокій властелинъ тысячелѣтій (\*) не заставилъ повторять себѣ этого въ другой разъ. Договоръ съ Америкой былъ тотчасъ заключенъ и Кушингъ, трактатомъ, заключеннымъ въ Вангіа, выговорилъ для себя гораздо болѣе, нежели англійскіе уполномоченные въ Янтсе - Кіангъ. Такимъ образомъ должно бы поступать съ Китаемъ и со всеми другими гордыми и тщеславными, восточными деспотіями. Кто порицаетъ подобный образъ дѣйствій и видитъ въ немъ, какъ американскій сенаторъ Бентонъ, нарушеніе нравственнаго закона, тотъ не знаетъ ни Азіи, ни потребностей цивилизаціи европейскихъ народовъ. — Случайныя обстоятельства помѣшали американцамъ вынудить принятіе посланника въ Пекинъ. Эскадра, находившаяся въ Тихомъ океанѣ и другіе корабли, которыхъ ожидалъ Кушингъ, не подоспѣли во время; пароходъ-фрегатъ Миссури сгорѣлъ въ Гибралтарѣ, а другой пароходъ, назначенный вмѣсто него, не могъ въ скорости быть отправленъ. «Такимъ образомъ, пишетъ Кушингъ, я долженъ былъ отказаться отъ Пекина, но я ходатайствовалъ о посольствѣ, непосредственно сносясь съ дворомъ черезъ верховныхъ уполномоченныхъ, которые должны были доставлять наши депеши императору. Затѣмъ было условлено, что какъ только французскій, или какой либо другой, посланникъ, будетъ принятъ въ Пекинъ, то и наше правительство можетъ тотчасъ отправить свое посольство ко двору, безъ всякаго особаго договора».

Римско-католическіе миссіонеры Гюкъ и Габе встрѣтились въ 1844 г. съ Манджуромъ Кишенемъ, который игралъ столь важную роль при началѣ англо-китайскаго замѣшательства, какъ намѣстникъ въ Лалѣ. Кишень разспрашивалъ у нихъ о Пальмерстонѣ и о томъ, управляетъ ли онъ еще министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. «А знаете ли вы, что случилось съ Эллиотомъ?» «Онъ отозванъ въ Англію; твое паденіе повлекло за собою и его паденіе». «Жаль, сказала Кишень, у него было прекрасное сердце, но онъ ни на

(\*) Одинъ изъ многочисленныхъ титуловъ китайскаго императора.

что не умѣлъ рѣшиться». Такъ въ самомъ дѣлѣ и было; Эллиотъ не умѣлъ никогда рѣшиться на чтонибудь одно. Еслибы британскій повѣренный не согласился на удовлетвореніе выкупными деньгами, суммою на 6-ть милліоновъ долларовъ, и завладѣлъ бы, что было весьма возможно, Кантономъ, то нравственное впечатлѣніе такого событія на дворъ и на все народонаселеніе государства, особенно на самый Кантонъ, имѣло бы неисчислимыя послѣдствія. Гордость кантонцевъ была бы сломана и можно было бы утвердить за собою навсегда, разъ завоеванное положеніе. Но такъ какъ этого не случилось и какъ сверхъ того Англичане допустили замирить себя такимъ ничтожнымъ выкупомъ, то это только укрѣпило жителей Кантона въ мысли о своей непобѣдимости и о страхѣ и трепетѣ варваровъ передъ ихъ могущественной и богатой населеніемъ державой. «Еслибы у жадныхъ варваровъ, говорятъ Кантонцы въ одномъ официальномъ документѣ, было достаточно силы, для того чтобы напасть на нашъ богатый и великолѣпный городъ и разграбить его сотни милліоновъ, то эти кровожадные коршуны не удовлетворились бы такимъ ничтожнымъ выкупомъ. Еслибы они были въ состояніи ворваться во внутренность нашихъ укрѣпленій, то они не остались бы жить въ своихъ факторіяхъ за валомъ, вмѣстѣ съ послѣдней нашей сволочью». Впослѣдствіи присоединились другія причины, укрѣпившія манджурское правительство и китайскую націю въ обычной гордости и въ чувствѣ собственнаго могущества и непобѣдимости. Многія обязательства, принятыя ими по договорамъ, были вовсе не исполняемы, и европейскія державы переносили эти упущенія. Были ведены переговоры и переговоры, но въ восточной Азіи они не ведутъ ни къ какимъ результатамъ. По договору съ Великобританіей, Кантонъ долженствовалъ быть открытымъ какъ для желающихъ поселиться въ немъ, такъ и для производства торговли; высшія должностныя лица Англии, какъ только они того пожелаютъ, должны быть принимаемы, во всякое время, мандаринами Китая, и разсматриваемы во всѣхъ отношеніяхъ, какъ равноправные представители независимаго государства. Однако ничего подобнаго не произошло. Согласно договору съ Сѣверной Америкой, китайское правительство не могло ни увеличить, ни измѣнить въ чемънибудь таможенныя пошлины, безъ совѣщанія объ этомъ съ Америкой и безъ ея на то согласія; всякая жалоба Вашингтонскаго правительства или вообще какая либо нота его, должна быть непременно принята высшими мѣстными властями и отправлена для удовлетворенія въ Пекинъ. Ни то, ни другое не было исполнено. Франція, сверхъ льготъ, дарованныхъ Англии и Сѣверо-Американскому союзу, выговорила для себя еще то, чтобы обитатели срединнаго царства не встрѣчали препятствій въ от-

правленіи римско-католическаго вѣроисповѣданія. «Еслибы Французы, противно существующему запрещенію, проникли во внутренность государства, то китайскія власти могутъ ихъ задержать и отправить въ ближайшее консульство. Но никто не смѣетъ ударить схваченнаго Француза, или его ранить, или оскорбить какимъ бы то ни было образомъ. Еслибы это случилось, то доброе соглашеніе между обоими государствами было бы нарушено». И эти обязательства китайское правительство нарушило самымъ грубѣйшимъ образомъ, и неоднократно.

Англичане не разъ настаивали на томъ, чтобы условія ихъ договоровъ были исполняемы. Императорскіе сановники показывали себя, по видимому, весьма къ тому расположенными, но постоянно заявляли, что они не въ состояніи измѣнить упрямаго духа кантонскихъ жителей, и принуждать ихъ силою было бы опасно. Дѣйствительно мандарины, съ своей стороны, весьма часто обращались къ народонаселенію, съ просьбами и увѣщаніями объ уступкахъ. «Достопочтенные обитатели континента, говорилъ императорскій уполномоченный Кингъ, подумайте о томъ, что между нами и другими народами господствуетъ теперь миръ. Подобно Шангаю, Нингпо, Фучу и Амою, Кантонъ также долженъ быть открытъ для иностранцевъ. Вы вынуждены уничтожить ваши заставы и дозволить иноземцамъ свободный входъ въ гавань».

Эти слова возбудили безпокойное и опасное движеніе. Были распространяемы во множествѣ прокламаціи и объявленія, направленные противъ безстыдныхъ и корыстолюбивыхъ чиновниковъ, противъ грязнаго и продажнаго управленія, которое осмѣлилось говорить въ Кантонѣ такимъ языкомъ: «Кантонъ, это нашъ родной городъ, здѣсь живутъ наши семейства, здѣсь лежатъ кости нашихъ предковъ. Если мятежники осмѣлятся напасть на нашъ городъ, то всѣ мы встанемъ, какъ одинъ человѣкъ, переловимъ варваровъ и отрубимъ имъ головы. Мы очень хорошо знаемъ этихъ демоновъ Англіи, мы знаемъ, что они день и ночь помышляютъ только о лжи и обманѣ. Они непокорны какъ дикія лошади, обжорливы какъ коршуны и шелковичный червь,—перечислить ихъ преступленія трудно, чѣмъ волоса на головѣ. И это естественно. Развѣ они не родились внѣ просвѣщенныхъ странъ и городовъ, и не удалены отъ нихъ, живя въ своей нечестивой и ядовитой странѣ. Это тотчасъ можно замѣтить по ихъ волчьей натурѣ, по ихъ скотскимъ фигурамъ. Если они когда нибудь придутъ въ нашъ городъ, то обо всемъ приобрѣтутъ понятія и скоро сдѣлаются нашими господами».

При такой ненависти китайскаго народа къ Англичанамъ и обнаружившемся безеніи китайскихъ властей, британское управленіе сочло себя въ правѣ требовать немедленнаго исполненія дого-

вора. Пекинское правительство испросило себѣ еще на два года отсрочки, послѣ которой Кантонъ долженъ быть открытъ и Англичанамъ предоставлено жить какъ въ этомъ городѣ, такъ и другихъ, упомянутыхъ въ договорѣ. Когда и этотъ срокъ прошелъ, оно выхлопотало себѣ еще отсрочку. Мандарины и народъ истолковали снисходительность Англiи такимъ образомъ, что Англичане совершенно отказались отъ трактата и обѣщали никогда не возвращаться въ Кантонъ. Но этого вовсе не было, какъ очевидно изъ представленной парламенту переписки объ открытiи Кантона. Англійское управленiе приобрѣло только одно убѣжденiе, что дальнѣйшая переписка съ китайскими властями не послужила бы ни къ чему. Въ 1850 г. былъ отправленъ пароходъ въ Тiэнтзинъ на Пэхо, чтобы вручить пекинскому двору представленiе о томъ, что право входа въ Кантонъ, какъ основанное на договорѣ, будетъ приведено въ исполненiе. Императоръ отказалъ въ просьбѣ безусловно и навсегда. Борингъ, преемникъ Бонамса въ Гонгъ-контѣ, въ самомъ началѣ своего правленiя (1854), неоднократно представлялъ тоже требованiе. Въ немъ каждый разъ было отказываемо. «Что свободный входъ въ Кантонъ не дозволяется намъ потому, что это противорѣчить направленiю умовъ въ Кантонѣ, говорить между прочимъ Борингъ, то такого возраженiя я не могу болѣе принимать. Что стало бы съ порядкомъ всего мiра, если бы мятежный духъ массъ сталъ отвергать торжественно-заключенные договоры». За этимъ мѣстное китайское управленiе дало гонгконгскому намѣстнику нѣсколько поученiй въ томъ, каковы должны быть внутренняя политика и управленiе государствомъ у просвѣщенныхъ народовъ. «Цѣль укрѣпленныхъ городовъ, по словамъ высочайшаго указа нашего Императора,—доставлять защиту народу. Въ охраненiи народа лежитъ безопасность государствъ. И такъ, если народонаселенiе Кантона не желаетъ допускать въ городъ иностранцевъ, то какъ мы можемъ стѣснить ихъ императорскимъ повелѣнiемъ и приказатъ имъ дѣлать то, чего они вовсе не желаютъ? Китайское правительство отнюдь не расположено противиться народной волѣ изъ за того, чтобы угодить иностранцамъ. На оборотъ, иностранцамъ надлежитъ соображаться съ народными склонностями и поступать согласно съ оными, стараясь не подвергать при этомъ ни малѣйшей опасности ихъ собственность и личность». «Въ нашемъ государствѣ, присовокупилъ верховный намѣстникъ Je (Jeh), народъ есть основа всѣхъ дѣйствiй правительства. Если правитель любитъ своихъ подданныхъ, то они будутъ ему повиноваться. Таковъ нашъ всеобщiй порядокъ и такъ у насъ было во все времена. Идти противъ народнаго чувства, это согрѣшать противъ природы и неба. Такова государственная мудрость нашей Средней имперiи. И мы увѣре-

ны, что управление вашего превосходительства, не менѣ насъ, почитаетъ своей священнѣйшей обязанностью дѣлать только то, что согласуется съ небесными законами, что согласуется съ обязанностями въ отношеніи къ человѣчеству».

Эта переписка, представленная въ 1857 году парламенту въ двухъ синихъ книгахъ, указываетъ на неизмѣримую противоположность между Китаемъ и иностранцами, противоположность, которую не въ состояніи примирить никакое краснорѣчіе и которая можетъ быть разсѣчена только мечемъ. Внѣшній поводъ къ войнѣ имѣлъ уже меньшее значеніе. Рано или поздно, война все-таки должна была произойти; Великобританія должна была знать объ этомъ и приготовиться къ ней въ широкихъ размѣрахъ. Но этого не было: гонконгскія власти начали войну, не имѣя средствъ дать тотчасъ же большое сраженіе. Если бы они, при самомъ началѣ замѣшательства (въ октябрѣ 1856 г.) были въ состояніи навести страхъ и ужасъ на непріятельскій лагерь, то ихъ требованія были бы исполнены и уваженіе къ англійской націи не потерпѣло бы ущерба. Борингъ и его сослуживцы были увѣрены, что верховный намѣстникъ Іе, подобно своему предмѣстнику Кіингу (1847), окажетъ полное повиновеніе и подчинится каждому требованію Англичанъ, послѣ нѣсколькихъ угрожающихъ нотъ, или по крайней мѣрѣ послѣ разрушенія укрѣпленій по ту сторону Жемчужной рѣки и при Кантонѣ. Но они позабыли, что съ вступленіемъ на престолъ Гіенфонга, въ управленіи государствомъ явилась новая система, противоположная прежней. Сынъ и наслѣдникъ Таокуанга вознамѣрился возстановить въ прежнемъ блескѣ могущество и достоинство Серединной имперіи, пострадавшаго во время англо-китайской войны, и считалъ для того, главнымъ образомъ, необходимымъ: упорно отстранять всякое своеволие «зломыслящихъ варваровъ—Англичанъ», и если будетъ нужно, отразить его силою. Кіингъ, равно какъ и другіе, проникательные и уступчивые совѣтники императора-отца, были удалены отъ двора молодого императора и нѣкоторые жестоко наказаны. Старые Китайцы, высококомѣрные и невѣжественные, презирающіе иностранцевъ и все чужеземное, манджуры и монголы, никогда не выдавшіе вблизи Европейцевъ, и неимѣющіе никакого понятія о народахъ, живущихъ внѣ предѣловъ Серединнаго государства, о ихъ могуществахъ и о потребностяхъ новаго времени, призваны въ пекинскій кабинетъ и къ другимъ важнѣйшимъ мѣстамъ. Они управляютъ теперь Китаемъ. Одинъ изъ такихъ людей Іе-Мингшу, главный намѣстникъ двухъ областей Кантона и Куангзи, замѣчательный человѣкъ въ своемъ родѣ. Іе не опасался того, что многочисленные жестокіе поступки непріятели поколеблютъ упорный духъ китайскихъ патріотовъ. При

разграбленіи своего кантонскаго дворца Англичанами и Американцами, при сожженіи Кантона, посреди труповъ своихъ друзей и соотечественниковъ, онъ остался тѣмъ же непоколебимымъ государственнымъ мужемъ. Мы видимъ его, предупредительно и неутомимо дѣйствующимъ въ разныхъ случаяхъ; кажется, среди затруднительныхъ обстоятельствъ онъ вырастаетъ для многообразной дѣятельности. «Коварное варварское племя должно быть истреблено, стерто съ лица земли». Даже дружески-льстивыя угожденія и различныя прельщенія англійскихъ властей не могли его подвинуть на болѣе краткія мѣры. «Напередъ должны подчиняться намъ варвары, и вознаградить насъ за неизмѣримый вредъ; тогда только императорское управленіе имѣетъ съ зрѣlostію обсудить, могутъ ли быть снова милостиво приняты дикіе варвары и при какихъ условіяхъ». (Ausland.)

**ПИСЬМО Г. ФЕРДИНАНДА ЛЕССЕПСА Г. ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** Я прочелъ съ величайшимъ наслажденіемъ письмо, которымъ вашему высокопревосходительству угодно было меня удостоить отъ имени Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Свидѣтельство сочувствія со стороны Общества служить для меня драгоценнымъ воодушевленіемъ къ исполненію предпріятія, съ которымъ особенно связаны коммерческіе и умственные интересы Россіи. Согласно съ высказанными вами мнѣніями, я не могу не припомнить здѣсь относящійся до Россіи параграфъ записки, представленной мною 15 ноября 1854 г. вице-королю Египта, о сооруженіи Суэзскаго канала. Я говорилъ тогда: «Россія найдетъ въ проложеніи канала справедливое удовлетвореніе своимъ народнымъ стремленіямъ къ востоку. Выпавшее на долю царя призваніе просвѣщать многочисленное народонаселеніе, ему подвластное, достаточно можетъ удовлетворить самому благородному чувству честолюбія; мирное открытіе новыхъ путей сбыта, для дѣятельности и порывовъ распространенія этого народонаселенія, будетъ гораздо для него выгоднѣе, чѣмъ завоевательная политика.» Его Императорское Величество великими своими дѣяніями осуществляетъ эти упованія, возникшія въ печальную эпоху войны между двумя нашими государствами. Я считаю себя счастливецомъ, если могу быть однимъ изъ орудій къ достиженію его великодушныхъ цѣлей. Благоволите, господинъ вице-президентъ, повергнуть предъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества выраженіе чувствъ моей благодарности и примите увѣреніе и проч.

**ПИСЬМО Г. ИНОСТРАННАГО ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА КАРЛА РИТТЕРА КЪ Г. ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ОТЪ 13 ІЮНЯ 1858 ГОДА.** Я обязанъ вашему высокопревосходительству чувствитель

нѣйшею благодарностію за письмо Ваше отъ 1/2 мая, при которомъ изволили препроводить отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и которое содержитъ въ себѣ такъ много лестнаго, для успѣховъ моей, впрочемъ довольно неудовлетворительной, географической дѣятельности. Однакожь, я охотно сознаюсь, что одобреніе трудовъ моихъ со стороны столь высоко поставленнаго Общества достойныхъ цѣнителей, составляетъ лучшую награду, которой я когда либо могъ достигнуть за слабыя мои усилія: оно меня глубоко тронуло и преисполнило живѣйшей благодарности.

Превосходно обработанное дополненіе, присоединенное къ русскому переводу моего сочиненія, совершенно соотвѣтствуетъ цѣли, которую я имѣлъ въ виду при первомъ планѣ моихъ географическихъ трудовъ, долженствовавшихъ служить лишь введеніемъ, для дальнѣйшихъ мѣстныхъ изслѣдованій, такъ что я крайне обрадованъ этимъ важнымъ успѣхомъ въ дѣятельности русскаго Общества; трудъ этотъ можетъ способствовать нѣкоторымъ образомъ къ изученію Россіи и, судя по огромному объему своему, подаетъ наилучшія надежды въ будущемъ. Вашему высокопревосходительству, какъ ученому представителю и руководителю высокопочтеннаго Общества, я обязанъ особою благодарностію за лестное ко мнѣ вниманіе и считаю долгомъ препроводить въ даръ для библіотеки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества плодъ послѣднихъ трудовъ моихъ, покуда лишь I томъ землевѣденія Малой Азіи, часть I; второй же томъ, если жизнь и силы позволятъ, не замедлю сообщить, какъ только выйдетъ изъ печати.

Берлинъ.  
13 іюня  
1838 г.



# VI.

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

### ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ СТАТИСТИКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

19 апрѣля 1858 года.

Присутствовали: Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи А. П. Заблоцкій и гг. Дѣйствительные Члены: А. И. Артемьевъ, А. Б. фонъ-Бушенъ, В. И. Вешняковъ, Ю. А. Гагемейстеръ, К. И. Домонтовичъ, Е. И. Кайшъ, С. С. Лашкаревъ, Г. П. Неболсинъ, П. И. Неболсинъ, Я. А. Соловьевъ, Ф. Г. Тернеръ, А. Ф. Штакельбергъ и Н. С. Щукинъ.

#### I.

По прочтеніи и одобреніи журнала предшествующаго засѣданія, Отдѣленіе слушало отзывы своихъ дѣйствительныхъ членовъ о разсмотрѣнныхъ ими статьяхъ и согласно съ оными опредѣлило: 1, замѣчанія священника Енакіевича, о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ народныхъ переписяхъ, разобранныя Дѣйствительнымъ Членомъ А. Г. Тройницкимъ, передать въ архивъ для храненія. 2, Отвѣты Священника Бѣловенца, изъ села Будаева, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, на вопросы климатической программы г. Порошина, передать въ Отдѣленіе Физической Географіи, къ предметамъ котораго они ближе подходятъ по своему содержанію и такъ какъ разсматривавшій сіи отвѣты Дѣйствительный Членъ К. С. Веселовскій полагаетъ, что они могутъ получить значеніе лишь въ связи съ другими отвѣтами, поступающими на ту же программу. 3) Статью о торговлѣ свѣжею и сугою рыбою и желѣзомъ въ Проскуровскомъ уездѣ, г. Дылинскаго, сообщить въ редакцію Вѣстника Общества, для напечатанія въ отдѣлѣ смѣси, согласно съ заключеніемъ Дѣйствительнаго Члена К. С. Веселовскаго.

#### II.

Относительно вновь поступившихъ статей опредѣлено: 1) Возвращенную Дѣйствительнымъ Членомъ М. Е. Салтыковымъ и оставшуюся неразсмотрѣнною

статью *Очеркъ промышленности въ Устюгъ Великомъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи* передать для разсмотрѣнія Дѣйствительному Члену Е. И. Кайшшу.

Доставленныя: 1) Коллежскимъ Совѣтникомъ Флеровскимъ *свѣдѣнія о цѣнахъ перевозки водою металловъ, приготавливаемыхъ уральскими горными заводами*; 2) *выписку изъ отчетовъ Генералъ-Майора Федорова* по имѣнію его, находящемуся Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда въ селѣ Богоявленскомъ, и 3) списокъ пошлинамъ, взимающимся въ Литовско-Волынскомъ краѣ съ разныхъ товаровъ въ 1863 году, какъ отвѣты на приглашеніе Отдѣленія доставлять ему матеріалы о цѣнахъ на разные предметы въ разное время, Отдѣленіе опредѣлило: передать на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену В. П. Безобразову и Члену-Сотруднику М. П. Заблоцкому, которые изъявили желаніе заняться разработкою всѣхъ имѣющихъ поступать въ Общество матеріаловъ о цѣнахъ. 4) *Свѣдѣнія Клинской Городской Думы о торговлѣ желѣзомъ* приобщить къ матеріаламъ для обзорѣнія внутренней торговли. 5) Статью о *Кизлярской торговлѣ* передать на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену П. И. Неболсину. 6) Статью подъ заглавіемъ *мѣстечко Переволочна*, передать Дѣйствительному Члену С. С. Лашкареву. 7) *Описаніе Воронежской губерніи*, составленное неизвѣстно кѣмъ въ 1777 г., передать Дѣйствительному Члену Второву, съ просьбою приготовить оное для напечатанія въ одномъ изъ изданій Общества, какъ любопытный матеріалъ для изученія прошедшаго времени. 8) *Свѣдѣнія о торговомъ движеніи на Рыбинской пристани въ 1857 г.* сдать въ архивъ для храненія. 9) *Свѣдѣнія Протоіерея Державина, села Назайкина Сентильевскаго уѣзда Симбирской губерніи*, въ отвѣтъ на Климатическую программу, передать Дѣйствительному Члену Порошину.

### III.

Затѣмъ Отдѣленіе слушало предложеніе Члена-Сотрудника С. И. Барановскаго, о содѣйствіи ему денежнымъ пособіемъ для собранія и обработки свѣдѣній о цѣнахъ на разные предметы въ Финляндіи, и опредѣлило просить г. Барановскаго о доставленіи: 1) программы, по которой онъ предполагаетъ совершить эту работу, 2) примѣрнаго образца подобной разработки по какому либо предмету; у 3) смѣты издержкамъ, которыхъ трудъ этотъ можетъ потребовать отъ Общества.

### IV.

Слушано переданное изъ Совѣта на разсмотрѣніе Отдѣленія предложеніе Дѣйствительнаго Члена Н. С. Щукина, объ изданіи на счетъ Общества, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для Географіи, Этнографіи и Статистики Восточной Сибири*, статей о Сибири печатанныхъ имъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Опредѣлено: просить Дѣйствительнаго Члена Н. С. Щукина о доставленіи списка всѣмъ статьямъ, которыя онъ желаетъ включить въ эти матеріалы, съ точнымъ указаніемъ номеровъ тѣхъ журналовъ и газетъ, гдѣ они были напечатаны, и затѣмъ просить Совѣтъ Общества свестись съ Сибирскимъ Отдѣломъ, для полученія его отзыва, признаетъ ли онъ полезнымъ такое изданіе.

### V.

Слушано письмо Дѣйствительнаго Члена Г. П. Неболсина къ г. Предсѣд. тельствующему о томъ, что статей г. Дѣйствительнаго Члена Н. С. Щукина о чаѣ и пушномъ товарѣ у него не находится. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

### VI.

Въ заключеніе Дѣйствительный Членъ Ѳ. Г. Тернеръ прочелъ замѣтки свои о нѣкоторыхъ новѣйшихъ финансовыхъ явленіяхъ въ Австріи. Чтеніе это было принято съ живѣйшимъ участіемъ всѣми присутствующими членами и возбудило между ними интересныя пренія.

# **ВЪСТНИКЪ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

# **ВѢСТНИКЪ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

---

1858.

---

**ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**



**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

**ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.**

**1858.**

**ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ,**

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узакоенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 10 декабря 1858 года.**

**Цензоръ *Д. Мацкевичъ.***

# I.

## ДОНЕСЕНІЕ

НАТУРАЛИСТА СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Г. РАДДЕ.

---

Представляя при семъ Императорскому Русскому Географическому Обществу списокъ всеѣмъ, собраннымъ мною доселѣ или извѣстнымъ мнѣ по достовѣрнымъ показаніямъ, млекопитающимъ и птицамъ, водящимся въ восточной Сибири, честь имѣю присовокупить къ нему краткій обзоръ двухъ главныхъ, предполагаемыхъ мною на будущей годъ экскурсій. Въ нынѣшнемъ году не могу представить подробнаго отчета о поѣздкѣ моей въ Шингганскій хребетъ и пребываніи моемъ въ этихъ горахъ, такъ-какъ наблюденія мои здѣсь еще не закончены.

Цѣль предполагаемыхъ мною двухъ поѣздокъ — наблюденія надъ предѣлами распространенія къ сѣверу и югу различныхъ породъ деревъ и кустарниковъ. Заключая изъ того, на сколько мнѣ доселѣ извѣстна растительность въ Шингганскомъ хребтѣ, я полагаю достовѣрнымъ, что многія породы растений уже не въ дальнемъ разстояніи на сѣверъ отъ береговъ Амура или вовсе не встрѣчаются, или достигаютъ тамъ уже крайняго своего предѣла. Равнымъ образомъ и другія породы вѣроятно встрѣчаются лишь въ китайскихъ границахъ.

Первая изъ этихъ экскурсій должна начаться 20-го іюня стар. ст.: и отправлюсь на двухъ лошадахъ въ сопровожденіи одного изъ моихъ казаковъ; путеводителемъ моимъ будетъ начальникъ бирарскихъ тунгусовъ. Съ ними, въ продолженіе двухъ или много трехъ дней, успѣю проникнуть на югъ въ китайскія владѣнія. Отваживаться далѣе, по показаніямъ моего жоюатаго, опасно, такъ какъ тамъ уже чаще встрѣчаются вооруженныя орды весьма смѣшаннаго населенія.

Вторая экскурсія на сѣверъ, въ предѣлахъ Россіи, можетъ быть отложена до второй половины іюля мѣсяца, потому что лѣса вообще густы и поэтому растительность запаздываетъ. Едва ли мнѣ удастся проникнуть на пять дней пути, потому что топкія болота и долины, поросшія густымъ кустарникомъ, если не сдѣлають эту поѣздку совершенно невозможною, то по крайней-мѣрѣ крайне затруднятъ ее. Я полагаю, что 3—4 дня пути будутъ достаточны для моихъ изслѣдованій, и къ 1-му августа я долженъ возвратиться домой, чтобы потомъ осенью заняться собираніемъ и поѣвомъ сѣмянъ и дополненіемъ коллекціи древесныхъ образцовъ. Достанетъ ли у меня времени совершить еще третію экскурсію къ оконечностямъ Шинг-ганскаго хребта, въ первой половинѣ іюля мѣсяца, объ этомъ я покуда ничего не могу сказать.

При этомъ я долженъ довести до свѣденія Общества, что казакъ Николай Бородинъ умеръ  $\frac{9}{21}$  февраля на Шинг-ганскомъ постѣ.

Я не премину представить отчетъ въ продолженіе лѣта.

Имѣю честь быть Императорскаго Географическаго Общества

покорнѣйшимъ слугою, *Густавъ Раdde*,  
Естествоиспытатель.

Въ моемъ жилищѣ

въ Шинг-гацѣ

$\frac{1}{13}$  марта 1858 г.

Списокъ всѣмъ доселѣ во время путешествій моихъ по восточной Сибири собраннымъ или замѣченными, или по достовѣрнымъ показаніямъ сдѣлавшимся мнѣ извѣстными млекопитающими и птицамъ.

*Примѣчаніе.* Породы, означенныя \*, были лишь замѣчены, но не собраны; означенныя же \*\* извѣстны лишь по показаніямъ. Домашнія животныя показаны въ этомъ списокѣ подъ особыми нумерами.

№	НАЗВАНІЕ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
<p>I. МЛЕКОПИТАЮЩЕ.</p> <p>1) <i>Solidungula.</i></p>		
1	<p>Equus hemionus. P.</p> <p>1) Equus Asinus, 2) Eq. Caballus, 3) Eq. Mulus.</p>	<p>(Dchiggetci) 4 экзempl., 3 самца, 1 самка изъ возвышенныхъ степей, къ сѣверу отъ Далайнора.</p>
<p>2) <i>Ruminantia.</i></p>		
2	<p>Cervus capreolus var. pygargus. P.</p>	<p>Имѣются молодые рога.</p>
3	<p>Cervus Elaphus.</p>	<p>Имѣются рога (12 концовъ).</p>
4	<p>* Cervus Tarandus. L.</p>	<p>Собраны свѣдѣнія о предѣлахъ, до которыхъ встрѣчается.</p>
5	<p>* Cervus Alce L.</p>	
6	<p>Moschus moschiferus.</p>	<p>2 экзempl. изъ Яблоноваго хребта, около истоковъ Инголы.</p>

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
7	<i>Bos grunniens. P.</i>	4 экзempl., всѣ самцы изъ Яблоноваго хребта въ южной части Даурин (изъ Букувунскаго караула).
8	<i>Antilope gutturosa P.</i>	5 экзempl. изъ возвышенныхъ степей около Далай-нора.
9	<i>Aegoceros Argali P.</i>	Черепъ съ рогами, весьма большой, принадлежавшій барану, убитому около 1831 года близъ Соктуя.
4*) <i>Camelus bactrianus</i> et <i>part. tota alba</i> , 5*) <i>Cervus tarandus domesticus</i> , 6*) <i>Bos Taurus</i> . 7*) Помѣсь отъ <i>Bos grunniens</i> и домашней коровы 8*) <i>Ovis Agies</i> съ видовизмѣненіями.		
5) <i>Pachydermata.</i>		
10	<i>Sus scrofa L.</i>	2 экзempl. изъ Яблоноваго хребта.
	9 <i>Sus scrofa domestica.</i>	
4) <i>Glires.</i>		
11	* <i>Lagomys alpinus.</i>	Къ сожалѣнію доселѣ нельзя было поймать.
12	<i>Lagomys ogotona.</i>	Во множествѣ въ возвышенныхъ степяхъ.
13	<i>Lagomys spec.?</i>	Съ Амура (въ Шинг-ганѣ) одинъ экзempl. въ спиртѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
14	<i>Lepus variabilis</i> P.	
15	<i>Lepus Tolai</i> P.	2 экзempl. съ острововъ Онона.
16	<i>Spalaoe talpinus</i> P.	2 экзempl. съ Онона (можетъ быть принадлежащія къ другой породѣ).
17	<i>Arvicola amphibius</i> L.?	1 экзempl. въ спиртѣ съ Амура; относительно точнаго опредѣленія сомнѣваюсь.
18	<i>Arvicola obscurus</i> Evr.	Какъ шкуры, такъ и экзemplары самыхъ животныхъ въ спиртѣ, имѣются во множествѣ съ возвышенныхъ степеней.
19	<i>Arvicola oeconomicus</i> .	Судя по недостаточнымъ ученымъ пособіямъ, коими я пользовался во время моего путешествія, я полагаю, что вѣрно отличилъ эту породу отъ предъидущихъ. Изъ Адончолонскаго хребта.
20	<i>Arvicola rutilus</i> P.?	1 экзempl. съ Байкала.
21	<i>Arvicola rufocanus</i> Saand.?	Изъ Шинг-сана; единственный видъ ея породы доселѣ мнѣ извѣстный. Покуда присоединяю вопросительный знакъ.
22	<i>Arvicola</i> ( <i>dahurica</i> species).	Ольби Монголовъ; множество шкуръ, и экзemplары въ спиртѣ съ Торей-вора.
23	<i>Arvicola</i> ( <i>sp. dahurica</i> ).	Съ тѣхъ же мѣстъ; обѣ породы состоятъ вѣроятно изъ породъ Паласа: <i>socialis</i> и <i>gregalis</i> ; при болѣе точномъ осмотрѣ моихъ матеріаловъ окажутся можетъ быть и еще другія породы.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я .
24	<i>Cricetus songarus</i> P.	Отъ 8 до 10 шкуръ и нѣсколько экземпляровъ въ спиртѣ съ Торей-нора.
25	<i>Cricetus furunculus</i> P.	Множество экземпляровъ съ тѣхъ же мѣстъ.
26	<i>Mus decumanus</i> P.	Изъ Иркутска, верхнихъ степей и съ Амура; взята для сравненія.
27	<i>Mus rattus</i> ?? sp. nova?	Съ Торей-нора.
28	<i>Mus musculus</i> L.	Съ Торей-нора.
29	<i>Mus</i> ? вѣроятно различное отъ <i>musculus</i> .	Изъ Шинг-гана, немного экземпляровъ въ спиртѣ.
30	<i>Mus minus</i> P.	Во множествѣ изъ низменностей.
31	<i>Mus sylvaticus</i> L.?	Съ Яблоноваго хребта, изъ долины Онона.
32	<i>Mus agrarius</i> P.? можетъ быть особенная порода.	Изъ Шинг-гана; экземпляровъ до 6 и нѣкоторые въ спиртѣ.
33	** <i>Mus Caraco</i> P.	Свѣдѣнія объ нихъ изъ Далай-нора.
34	<i>Dipus Sagilla</i> P.	Болѣе дюжины изъ Торей-нора.
35	<i>Arctomys bobac</i> Schreb.	Нѣсколько шкуръ изъ Торей-нора, черепа.
36	<i>Spermophilus Citillus</i> L.	Около Иркутска, неполный, но въ свѣжемъ состояніи правильно опредѣленный экземпляръ.
37	<i>Spermophilus</i> sp. nova?	Изъ возвышен. степей около монгольской границы (близъ рѣчки Ульдеа) около 10 шкуръ и нѣсколько экземпляровъ въ спиртѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
38	Spermophilus Eversmannii Brdt.	Съ Яблоноваго хребта, дюжина лѣтнихъ шкуръ въ переходномъ состояніи.
39	Sciurus vulgaris L.	Съ Байкала, изъ Дауріи, съ Яблоноваго хребта и Шинг-гана, въ лѣтнихъ и зимнихъ шкурахъ; а также нѣкоторые выродки.
40	Tamias striatus L.	Болѣе дюжины съ Байкала и нѣсколько съ Шинг-гана.
41	Pteromys volans L.	Около 8 шкуръ съ Яблоноваго хребта и одинъ экземпляръ съ Шинг-гана.

*Примѣчаніе.* Отноительно находенія *Castor fiber* въ Шингганѣ я лишь только узнать съ достовѣрностію, что туземцы его не знаютъ. Во всей Забайкальской области я тщетно старался развѣдать, водится ли тамъ нынѣ боберъ.

3) *Chiroptera.*

42, 43 и 44 Въ незначительномъ моемъ запасѣ спирта найдется можетъ быть около трехъ породъ.

6) *Insectivora.*

45	* <i>Talpa europaea</i> L.	Въ садахъ около Иркутска, одна-кожъ не вполне удостовѣрено.
46 и 47	<i>Sorex</i> , двухъ родовъ.	Съ Амура.
48	<i>Sorex</i> , вѣроятно, <i>vulgaris</i> .	Изъ низменностей рѣчки Ононъ-борсы.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
49	Sorex (желтоокрасный).	Къ сожалѣнію единственный экземпляръ, который я въ концѣ іюля нашелъ издохшимъ въ лѣсу около казачьяго караула Букукуна (въ Яблоновомъ хребтѣ), былъ уже въ такой степени попорченъ, что не было возможности сохранить его.
50	Erinaceus auritus S. Gmelin.	7 экземпляровъ изъ верхнихъ степей; попадаются также въ Шинг-ганѣ.
7) <i>Carnivora.</i>		
51	Felis tigris L.	Съ Шинг-гапа, шкура въ лѣтней шерсти; множество развѣдокъ о томъ, водится ли въ Забайкальской области.
52	** Felis irbis Müller.	По свѣдѣніямъ собраннымъ въ окрестностяхъ Сунгаря, Уссури и Охотскаго моря.
53	Felis lynx L.	Въ Баргузинѣ (Байкаль) и въ Шинг-ганѣ.
54	** Felis borealis Thbg.	По собраннымъ свѣдѣніямъ; порою однакожь показана безъ-ошибочно. На нижвей Шилкѣ.
55	* Felis manul.  10* Felis catus domesticus. 11* Felis catus domt. varietas.	Въ верхнихъ степяхъ Дауріи около Соктуя и Торей-нора.
56	Canis Lupus L. vart.	Изъ Манчжуріи и Шинг-гапа.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
57	<i>Canis Vulpes</i> L.	
58	<i>Canis Corsac</i> P.	9 шкуръ и 1 скелеть.
59	** <i>Canis alpinus</i> P.  12*) <i>Canis familiaris</i> L., нѣсколько видоизмѣненій (монгольскія и гилякскія, сибирскіихъ охотничьихъ собакъ и проч.)	Навѣрное водится въ Шинг-ганѣ, а вѣроятно и около горныхъ истоковъ Иркуты и Енисея.
60	<i>Ursus arctos</i> L.	Шкура изъ Шинг-гана.
61	<i>Meles Taxus</i> Schreb.	Изъ возвышенныхъ степей экземпляръ необыкновенной величины.
62	Сюда же относится животное Шигя, родъ коего безъ сомнѣнія различенъ отъ <i>Meles</i> .	5 экземпляровъ и 1 скелеть.
63	* <i>Gulo borealis</i> .	Собраны также свѣденія и въ Шинг-ганѣ.
64	<i>Mustela zibellina</i> L.	Замѣчанія на счетъ шкуръ этихъ животныхъ убитыхъ въ Шинг-ганѣ и другія свѣдѣнія.
65	<i>Mustela pitorius</i> ? (можетъ быть самостоятельная порода).	Нѣсколько весьма большихъ экземпляровъ изъ Торейскихъ степей и 1 экземпляръ съ зимнею шерстью изъ Иркутска.
66	<i>Mustela an luteola</i> ?	1 превосходный экземпляръ изъ Шинг-гана.
67	<i>Mustela sibirica</i> P.	Болѣе 15 экземпляровъ изъ различныхъ мѣстъ.

№	Названія породъ.	Примѣчанія.
68	<i>Mustela?</i> родъ, близкподходящій къ предыдущему, но отличающійся отъ него.	Въ половину меньше предшествующей. Изъ безводныхъ степей.
69	<i>Mustela Erminea</i> L.	Изъ Иркутска.
70	<i>Mustela vulgaris</i> Briss.	1 лѣтная и 1 зимняя шкура изъ верхнихъ степей, обѣ очень малыя.
71	* <i>Lutra vulgaris</i> .	Видѣлъ и веселъ развѣдывалъ.

8) *Pinnipedia.*

72	Phoca изъ Байкала.	1 экземпляръ и важнѣйшія части его скелета.
----	--------------------	---

Всего, со включеніемъ домашнихъ животныхъ, не считая ихъ видоизмѣненій, 83 породы.

## II. ПТИЦЫ.

1) *Rapaces.*

1	** <i>Gypaetos barbatus</i> L.	Собраны свѣдѣнія въ Дауріи и Монголіи, водится на Яблоновомъ хребтѣ, Алонъ-чолонѣ.
2	<i>Falco aesalon</i> Gml.	Обыкновенна на Байкалѣ, во время перелета къ Торей-нору.
3	* <i>Falco peregrinus</i> Briss.	Неоднократно видѣлъ на Торей-норѣ, какъ весною слѣдуетъ за полетомъ утокъ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
4	<i>Falco candicans</i> Gml.	Обыкновенна осенью въ Шингганѣ, 1 молодой экземпляръ съ Она.
5	<i>Falco lanarius</i> L.	1 старый экземпляръ съ Яблоноваго хребта, съ истоковъ Ингоды.
6	<i>Falco rufipes</i> Beseke.	Изъ Барабинской степи и нѣскольکو экземпляровъ съ верхняго Амура, гдѣ онъ водится на островахъ.
7	<i>Falco tinnuculus</i> L.	Попадается отдѣльно на Ононѣ.
8	<i>Pandion haliaetos</i> L.	1 экземпляръ изъ Шинггана, водится на Байкалѣ. Ононѣ и проч.
9	<i>Buteo vulgaris</i> Bechst.	Нѣсколько экземпляровъ изъ Торейскихъ степей и множество яицъ.
10	<i>Aquila fulva</i> L.?	6-7 экземпляровъ съ Торей-нора, покуда оставляю нерѣшеннымъ, не различна ли эта порода отъ европейской <i>Aquila fulva</i> . Яйца.
11	<i>Aquila imperialis</i> Bechst.	1 экземпляръ съ Торей-нора.
12	<i>Aquila clanga</i> Pall.	2 экземпляра оттуда же.
13	<i>Aquila (Haliaetos) albicilla</i> Br.	На Амурѣ, въ особенности начинающая отъ Усури; на Байкалѣ и въ Дауріи рѣдка.
14	<i>Milvus niger</i> Briss.	Въ различныхъ перьяхъ и различныхъ возрастовъ, съ сѣвернаго Байкала, изъ Иркутска, Дауріи и Шинггана; множество яицъ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
15	<i>Astur palumbarius</i> L.	Съ Байкала и молодой экземпляръ изъ Шинг-гана.
16	<i>Astur nisus</i> L.	Съ сѣвернаго Байкала и проч.
17	<i>Circus rufus</i> ( <i>aeruginosus</i> L.)	1 экземпляръ съ Торей-пора.
18	<i>Circus cyaneus</i> L.	Нѣсколько экземпляровъ изъ верхнихъ степеней.
19	* <i>Circus?</i> новая отличная порода съ совершенно черною головою.	Рѣдко встрѣчалъ въ долину Онона и по Торейю, чаще на Аргунѣ и два раза видѣлъ на верхнемъ Амурѣ. Къ сожалѣнію не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось добыть этого прекраснаго коршуна. Голова черная, широкая черная повязка отъ одного изгиба крыла до другаго, вдоль всей спины.
20	<i>Strix uralensis</i> P.	Съ нижней Шилки и 5 экземпляровъ изъ Шинг-гана.
21	<i>Strix</i> ( <i>Aegolius</i> ) <i>otus</i> L.	Убитъ во время перелета къ Торей-пору изъ Шинг-гана.
22	<i>Strix</i> ( <i>Aegolius</i> ) <i>brachyotus</i> Forst.	Изъ тѣхъ же мѣстъ.
23	<i>Strix</i> ( <i>Surnia</i> ) <i>nudipes</i> Nils.	Полученъ съ Онона около Чиндаска; но перья испорчены, потому что экземпляръ этотъ убитъ пулею.
24	<i>Strix</i> ( <i>Surnia</i> ) <i>passerina</i> L.	1 экземпляръ изъ Шинг-гана.
25	<i>Strix</i> ( <i>Surnia</i> ) <i>funerea</i> Lath.	Нѣсколько экземпляровъ изъ Яблоноваго хребта, и 1 экземпляръ съ средняго Амуре, ниже Бурен.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ	ПРИМЪЧАНІЯ.
26	<i>Strix (Surnia) nyctea</i> L.	Множество экземпляровъ съ Торей-нора, (изъ Шинг-гана).
27	<i>Bubo maximus</i> Ranz.	Два экземпляра съ Торей-нора; ийца.
2) <i>Scansores.</i>		
28	<i>Cypselus Ciris</i> P.	Два экземпляра съ верхняго Амура.
29	<i>Cypselus apus</i> L.	Съ Байкала и Торей-нора.
30	» <i>apus</i> var. $\beta$ Pall.	Съ Байкала.
31	<i>Caprimulgus europaeus</i> L.	Изъ Шинг-гана.
32	* <i>Cuculus canorus</i> L.	Наблюдения сдѣланы вездѣ въ Дауріи; но не удалось собрать экземпляровъ.
33	<i>Cuculus?</i> sp. <i>amurensis</i> .	1 экземпляръ съ верхняго Амура.
34	<i>Yunx torquilla</i> L.	Съ Торей-нора и убитъ на нижней Шилкѣ.
35	<i>Picus canus</i> Gml.	2 экземпляра съ Байкала и изъ Шинг-гана.
36	<i>Picus martius</i> L.	Съ Байкала и изъ Шинг-гана.
37	<i>Picus leuconotus</i> Bechst.	Съ Байкала и изъ Дауріи; попадется также въ Шинг-ганѣ.
38	<i>Picus major</i> L.	Встрѣчается вездѣ; собрано нѣсколько экземпляровъ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
39	* <i>Picus medius</i> L.	Единый экземпляръ, найденный мертвымъ въ Шинг-ганѣ, въ декабрь 1857 года, оказался негоднымъ для чучела.
40	<i>Picus minor</i> L.	Съ Байкала, Онона и изъ Шинг-гана.
41	<i>Picus tridactylus</i> L.	Изъ окрестностей Иркутска; попадаетъ также въ Шинг-ганѣ.
42	* <i>Alcedo ispida</i> L.	Замѣчена какъ на Ононѣ, такъ и на Амурѣ; но не удалось еще убить ни одного экземпляра.
43	<i>Upupa Epops</i> .	Изъ верхнихъ степей около Торей-нора.
3) <i>Oscines</i> .		
44	<i>Alauda arborea</i> L.	Собрано около Иркутска.
45	<i>Alauda arvensis</i> L.	Изъ верхнихъ степей.
46	<i>Alauda brachydactyla</i> Leisl.	Оттуда же.
47	<i>Alauda alpestris</i> L.	Съ Байкала и изъ верхнихъ степей.
48	* <i>Alauda sibirica</i> J. Fr. Gml.	Птица эта часто замѣчена въ Барабинской степи весною 1855 г.
49	<i>Alauda mongolica</i> P.	Около дюжины экземпляровъ съ Торей-нора.
50	<i>Plectrophanes nivalis</i> L.	Изъ Шинг-гана.
51	<i>Plectrophanes lapponica</i> L.	2 экземпляра съ Торей-нора.
52	<i>Emberiza pithyornus</i> P.	Съ острова Ольхона на Байкалѣ, съ Торей-нора и изъ Шинг-гана.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
53	<i>Emberiza rustica</i> P.	Съ Торей-нора, Онона и изъ Шинг-гана.
54	<i>Emberiza cioides</i> Brdt.	1 экземпляръ съ Онона и 1 экз. изъ Шинг-гана.
55	<i>Emberiza pyrrhuloides</i> P.	1 экземпляръ (самецъ) съ Торей-нора.
56	<i>Emberiza passerina</i> P.	1 экземпляръ съ Торей-нора.
57	<i>Emberiza pusilla</i> P.	Множество экземпляровъ съ Торей-нора.
58	<i>Emberiza aureola</i> P.	Съ Байкала, Онона и Торей-нора.
59	<i>Emberiza rutila</i> P.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
60	<i>Emberiza spodocephala</i> P.	Оттуда же и изъ Шинг-гана.
61	<i>Emberiza chrysophrys</i> P.	Съ Торей-нора.
62	<i>Emberiza amurensis</i> Radde sp. nova?	Изъ Шинг-гана.
63	* <i>Passer montanus</i> L.	Собраны свѣденія до какихъ предѣловъ водится эта птица.
64	<i>Passer domesticus</i> L.	Съ Торей-нора.
65	<i>Passer</i> sp.?	Похожа на обыкновеннаго воробья; можетъ быть выродокъ съ Торей-нора.
66	* <i>Passer arctous</i> P.	Замѣчена зимою 1857 года на Байкалѣ и на пути въ Иркутскъ.
67	<i>Passer roseus</i> P.	Изъ Шинг-гана нѣсколько весьма красивыхъ самцовъ.

№	Названія породъ.	Примѣчанія.
68	<i>Passer? sp.</i>	Съ Торей-нора, или <i>Passer roseus</i> , что невѣроятно, или особая порода, которая здѣсь принадлежитъ къ лѣтнимъ птицамъ.
69	<i>Passer?</i> (подъ названіемъ: <i>Coccothraustes sp.</i> рисунокъ отпавленъ въ 1857 г.)	Съ Торей-нора самецъ и самка.
70	<i>Pyrrhulla longicauda</i> Tem.	Изъ Иркутска; съ Байкала, Онона и изъ Шинг-гана.
71	<i>Pyrrhulla rubicilla</i> P.	Съ Байкала.
72	<i>Pyrrhulla enudeator</i> L.	Изъ Иркутска.
73	<i>Pyrrhulla erythrina</i> P.	Съ Торей-нора, убита во время перелета.
74	* <i>Fringilla spinus</i> L.	Замѣчена въ Шинг-ганѣ во время осенняго перелета.
75	<i>Fringilla linaria</i> L. во всѣхъ видоизмѣненіяхъ.	Изъ Иркутска, съ Байкала, изъ Дауріи и Шинг-гана.
76	<i>Fringilla montifringilla</i> L.	Съ Байкала и изъ Дауріи.
77	* <i>Fringilla coelebs</i> L.?	Только однажды въ іюнѣ 1855 года слышалъ пѣніе этой птицы на западной сторонѣ Байкала; ошибка невѣроятна.
78	<i>Coccothraustes vulgaris</i> P.	Съ Торей-нора, убита во время перелета.
79	<i>Loxia curvirostra</i> L.	Съ Байкала.
80	<i>Loxia leucoptera</i> Gml.	Оттуда же.
81	<i>Parus pendulinus</i> L.	Гнѣздо съ острововъ Селенги и замѣчена во время перелета въ Шинг-ганѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
82	<i>Parus caudatus</i> L.	Съ Байкала, изъ Дауріи и Шинг-гана.
83	<i>Parus major</i> L.	Изъ Иркутска.
84	<i>Parus palustris</i> L.	Съ Байкала, изъ Дауріи и Шинг-гана.
85	<i>Sitta uralensis</i> Licht.	Оттуда же.
86	<i>Bombycilla Garrulla</i> L.	Около Иркутска, на островахъ Онона и въ лѣсахъ Шинг-гана.
87	<i>Bombycilla</i> spec.?	6 экземпляровъ изъ Шинг-гана; кажется принадлежатъ здѣсь къ лѣтнимъ птицамъ; см. рисунокъ 1857 года.
88	<i>Garrulus infaustus</i> L.	Съ Байкала.
89	<i>Garrullus glandarius</i> (Brandtii)	Съ Байкала, Яблоноваго хребта и изъ Шинг-гана.
90	<i>Nucifraga Caryocatactes</i> L.	Съ Байкала и изъ Шинг-гана.
91	<i>Pica cyana</i> P.	Съ Онона и изъ Шинг-гана.
92	<i>Pica caudata</i> L.	Съ Онона.
93	<i>Corvus dahuricus</i> P.	Съ Байкала, изъ Иркутска и съ Онона.
94	<i>Corvus corone</i> Lath.	Съ сѣвернаго Байкала и изъ Шинг-гана.
95	<i>Corvus corax</i> L.	Съ Торей-вора.
96	<i>Fregilus Graculus</i> L.	Изъ Яблоноваго хребта.
97	<i>Sturnus dahuricus</i> .	Съ верхняго Амура.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
98	<i>Certhia familiaris</i> L.	Съ Байкала и изъ Шинг-гана.
99	<i>Cinclus Pallasii</i> Temm.?	1 экземпляръ съ Байкала.
100	* <i>Cinclus</i> sp.? ( <i>niger</i> ).	Только 1 экземпляръ; водится на рѣчкѣ Шинг-гана, гдѣ я однажды не могъ убить ея во время моего тамъ пребыванія; черная какъ воронъ.
101	<i>Anthus obscurus</i> Pennl.?	Опредѣленіе требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія.
102	<i>Anthus arboreus</i> Bechst.	То же.
103	<i>Anthus Richardi</i> Vieil.	Съ Байкала и изъ Цаганъ-олун.
104	<i>Motacilla alba</i> v. <i>lugens</i> .	Съ Байкала, Торей-нора и Амура; въ переходныхъ возрастахъ, въ перьяхъ молодости и старости.
105	* <i>Motacilla lugubris</i> Temm.	Однажды видѣлъ какъ птица эта клала яйца на разрушающемся сланцеватомъ берегу (правомъ) выше устья Бурен. Внезапная перемена погоды помѣшала мнѣ предпринять вторично экскурсію ради этой птицы, такъ какъ въ первый разъ со мною не было ружья. Я ясно замѣтилъ самку, которая, испуганная, не разъ слѣтала съ гнѣзда.
106	<i>Motacilla boarulla</i> Pent.?	Съ Торей-нора, нѣсколько молодыхъ и старыхъ экземпляровъ; покуда долженъ означить ихъ съ вопросительнымъ знакомъ.
107	<i>Motacilla citreola</i> P.	Съ Торей-нора; въ Шинг-ганѣ и на верхнемъ Амурѣ незамѣчна.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
108	Motacilla?	Вѣроятно въ числѣ экземпляровъ моихъ съ Торей-нора заключаются двѣ породы, а именно: Motacilla flava и Motacilla campestris P.
109	Motacilla? (pallida, chingganensis).	Только въ Шинг-ганѣ замѣчена; здѣсь принадлежитъ она къ лѣтнимъ птицамъ, и не рѣдкость. Остается нерѣшеннымъ, принадлежитъ ли порода этихъ птицъ, рѣдко замѣчаемая на Давачандскомъ озерѣ (Сѣверномъ Байкалѣ) къ вышеозначенной породѣ, или это M. sulfuga Vech.; экземпляровъ означенной породы у меня не имѣется.
110	Oriolus sp. amurensis.	2 экземпляра, 1 самецъ и 1 самка съ верхняго Амура; какъ увѣряютъ, рѣдко встрѣчается въ Шинг-ганѣ.
111	Turdus iliacus L.	1 экземпляръ съ сѣверозападнаго Байкала.
112	* Turdus musicus L.	Рѣдко встрѣчается около Иркутска; 1 экземпляръ видѣлъ въ комнатѣ.
113	Turdus pallidus Lath.	Множество экземпляровъ съ Торей-нора и 1 изъ Иркутска; попадаетъ также въ Шинг-ганѣ.
114	Turdus ruficollis P.	Во всякихъ перьяхъ и всякихъ возрастахъ съ Торей-нора.
115	* Turdus?	Или leucocillus, или megala; однажды подстрѣлилъ 1 экземпляръ на Торей-норѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
116	<i>Turdus? sp. amurensis.</i>	Водится въ обществѣ съ <i>Sturnus dahuricus.</i>
117	<i>Turdus (Oreocinda) varius. P.</i>	3 экземпляра съ Торей-нора; убиты во время перелета.
118	<i>Turdus (Oreocinda) sp.?</i>	1 экземпляръ съ Торей-нора.
119	<i>Accentor montanellus P.</i>	Множество экземпляровъ съ Торей-нора; 1 экземпляръ изъ Шинг-гана.
120	<i>Sylvia Calliope P.</i>	Изъ Иркутска, съ Торей-нора и изъ Шинг-гана.
121	<i>Sylvia (можетъ быть caligata) Licht.</i>	1 экземпляръ съ Торей-нора.
122	<i>Sylvia erythronata Evr.?</i>	Съ острова Охона; покуда не достоверно опредѣлена.
223	<i>Sylvia aurea P.</i>	Съ Торей нора, Онова и Амура.
114	<i>Sylvia suecica var. coerulescula.</i>	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
125	<i>Sylvia cyane P.;</i>	Множество экземпляровъ самцовъ и самокъ съ Торей-нора.
126	<i>Sylvia cyanura P, et var. dahurica.</i>	Весьма значительное число экземпляровъ съ Торей-нора и изъ Иркутска.
127	<i>Sylvia Eversmannii Vnr.?</i>	Изъ долины Кайи около Иркутска.
128	<i>Sylvia sibirica Midd.</i>	Съ Торей и изъ Шинг-гана.
129	<i>Sylvia (Locustella) locustella Pent.</i>	Съ Торей-нора.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
130	<i>Sylvia locustella ochotensis</i> Mdd.?	Оттуда же.
131	<i>Sylvia locustella?</i> (можетъ быть <i>cariceti</i> Naum).	Съ Торей-нора.
132	<i>Regulus Proregulus</i> P.	Множество экземпляровъ съ Торей-нора и 1 экземпляръ изъ Шинг-гана.
133	<i>Saxicola saltatrix</i> Mat.	Съ Байкала и изъ Даурин.
134	<i>Saxicola leucura</i> J. Fr. Gm.	Съ западнаго берега Байкала.
135	<i>Saxicola rubicola</i> L.	Видѣлъ на Байкалѣ, но не удалось убить.
136	<i>Saxicola?</i> (похожа на молодую <i>tubra</i> , но удивительна мала; цвѣтъ перьевъ не мѣняется).	3 экземпляра изъ верхнихъ степей Даурин, убитыхъ весною и осенью.
137	<i>Muscicapa fuscedula</i> P.?	Съ Байкала и изъ верхнихъ степей.
138	<i>Muscicapa grisola</i> L.?	Вѣроятно вмѣстѣ съ предшествующею находится между моими собраніями.
139	<i>Muscicapa parva</i> Bechst.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
140	<i>Muscicapa luteola</i> P.	Оттуда же.
141	<i>Muscicapa?</i>	Можетъ быть лишь самка предшествующей породы съ Торей.
142	Родъ близко подходящій къ <i>Muscicapa</i> и <i>Saxicola</i> ;	3 экземпляра одной породы съ Торей-нора; см. рисунки 1856 года.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ	П Р И М Ъ Ч А Н І Я .
143	<i>Lanius major</i> P.	Съ Ингоды, изъ Иркутска и изъ Шинг-гана.
144	<i>Lanius phoenicurus</i> P.	Съ Байкала и Торей-нора.
145	<i>Lanius</i> sp. <i>amurensis</i> .	Безъсомнѣнія различна отъ <i>minor</i> ; 1 экземпляръ изъ Шинг-ганскаго хребта; см. рисунки 1857 г.
146	<i>Hirundo rustica</i> v. <i>rufa</i> .	Изъ Иркутска.
147	<i>Hirundo alpestris</i> P.	Около 10 экземпляровъ изъ Давурии, Яблоноваго хребта; попадаетъ также на Зеѣ и устьяхъ Усури; птенцы въ спиртѣ.
148	<i>Hirundo urbica</i> L.	Съ Торей-нора.
149	* <i>Hirundo riparia</i> .	Замѣчена въ Шинг-ганѣ.
4) <i>Columbinae</i> .		
150	<i>Columba turtur</i> .	Изъ Шинг-гана; часто замѣчена на Оюонѣ и во время поѣздки моею сюда.
151	<i>Columba palumbus</i> L.	Въ послѣдній разъ видѣлъ на Уралѣ въ 1855 г. по одиночкѣ.
152	<i>Columba oenas</i> v. <i>rupestris</i> .	Съ Байкала.
153	<i>Columba</i> sp. <i>nova</i> ( <i>cinnamomea</i> ) R.	Одинъ экземпляръ съ верхняго Аргуни; см. рисунки 1856 г.
154	* <i>Columba</i> an <i>fusca</i> Gml.?	Однажды видѣлъ парочку на скалѣ у устьевъ ручья Анги на западномъ берегѣ Байкала.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
<i>5) Gallinaceae.</i>		
155	<i>Syrhaptus paradoxus</i> P.	12 прекрасныхъ экземпляровъ съ Торей-нора, яйца и экземпляры всѣхъ возрастовъ въ спиртѣ.
156	* <i>Lagopus alpinus</i> Nils.	Видѣлъ на вершинѣ Сохондо.
157	* <i>Lagopus albus</i> Gml. (J. Fr.)	Видѣлъ въ Красноярскѣ.
158	<i>Tetrao Urogallus</i> L.	1 экземпляръ купилъ въ Иркутскѣ.
159	<i>Tetrao Urogalloides</i> Mid.	5 экземпляровъ съ Яблоноваго хребта.
160	<i>Tetrao tetrix</i> L.	Съ Онона и Яблоноваго хребта; въ Шинг-ганѣ рѣдко встрѣчается.
161	** <i>Tetrao canadensis</i> L.	Собраны свѣдѣнія въ Шинг-ганѣ, на разстояніи пяти дней пути на сѣверъ, и въ сѣверной части нижней Шилки.
162	<i>Tetrastes Bonasia</i> L.	Изъ Яблоноваго хребта.
163	<i>Phasianus mongolicus</i> P.	Прекрасный самецъ изъ Кяхты.
164	<i>Srarna cinerea</i> vart.	Съ Онона, изъ Селенгинска.
165	<i>Coturnix dactylisonans</i> .	Съ рѣчки Ононь-борсы.
<i>6) Grallae.</i>		
166	<i>Glareola pratincola</i> L.	Одинъ экземпляръ съ Аргуни.

№2	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
167	* Otis Tarda L.	Замѣчена въ верхнихъ степяхъ и въ безлѣсной Дауріи (у Нерчинскихъ заводовъ).
168	Gallinula pusilla Gm.	Одинъ экземпляръ съ Яблоноваго хребта.
169	Gallinula sp. amurensis.	Одинъ экземпляръ съ верхняго Амура.
170	Fulica atra L.	Съ Торей-нора; замѣчена также около Иркутска и Усть-Стрѣлки.
171	Grus leucogeranus P.	4 экземпляра съ Даурскихъ верхнихъ степей.
172	Grus Antigone L.	4 экземпляра съ Даурскихъ верхнихъ степей; одинъ экземпляръ съ Амура.
173	* Grus cinerea L.	Замѣчена на Уралѣ во время поѣздки моей сюда.
174	Grus Virgo L.	Болѣе 10 экземпляровъ съ Торей-нора.
175	Grus nova sp. (leucocerphala) R.	9 экземпляровъ изъ верхнихъ Даурскихъ степей.
176	Vanellus cristatus, самецъ и самка R.	Съ Торей-нора на; Байкалѣ рѣдко встрѣчается.
177	Charadrius hypomelanus.	Одинъ экземпляръ съ Онона.
178	Charadrius pluvialis L.	Замѣчительно мала, съ Онона.
179	* Charadrius Morinellus L.	Однажды видѣлъ въ сентябрѣ 1855 года на восточномъ берегу Байкала у Посольска.
180	Charadrius mongolicus R.	Одинъ экземпляръ съ Торей-нора.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
181	<i>Charadrius curonicus</i> Bes.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
182	<i>Charadrius cantianus</i> Lath.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
183	<i>Charadrius hiaticula</i> L.	Съ Байкала.
184	<i>Recurvirostra avocetta</i> L.	Съ Торей-нора, яйца.
185	<i>Totanus glottis</i> L.	Только одинъ экземпляръ съ Торей-нора.
186	<i>Totanus fuscus</i> Br.	Также 1 экземпляръ оттуда же.
187	<i>Totanus stagnatilis</i> Bech.	Съ Торей-нора.
188	<i>Totanus calidris</i> L.	Оттуда же.
189	<i>Totanus ochropus</i> L.	Съ Торей-нора.
190	<i>Totanus glareola</i> P?	Одинъ экземпляръ съ Байкала.
191	<i>Limosa cinerea</i> Guld.	Изъ Яблоноваго хребта.
192	<i>Limosa melanura</i> Leisl.	Изъ Яблоноваго хребта и Торей-нора.
193	* <i>Machetes pugnax</i> .	Осенью видѣлъ большія стаи въ низменностяхъ Онова около Кубушайтуя; но не удалось убить ни одного экземпляра.
194	<i>Tringa subarquata</i> Guld.	Въ лѣтнихъ перьяхъ съ Байкала.
195	<i>Tringa temminckii</i> Leisl.	Съ Байкала и Торей-нора.
196	<i>Tringa minuta</i> Leisl.	Оттуда же.

Позднѣйшая разработка покажетъ, находятся ли въ числѣ моихъ запасовъ, которые незначительны, еще другія породы.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
197	<i>Scolopax gallinago</i> L.	Съ Торей-нора.
198	<i>Scolopax</i> sp.?	Съ Яблоноваго хребта; похожа на предыдущую; но навѣрно отъ нея отлична.
199	* <i>Scolopax major</i> .	Въ сентябрѣ мѣсяцѣ охотился за нею.
200	* <i>Scolopax</i> sp. ching-ganensis	Лишь однажды осенью видѣлъ въ лѣсистой долинѣ, она меньше чѣмъ мажог, но больше <i>gallinago</i> .
201	<i>Numenius arquata</i> L.	Съ верхняго Амура; хвостикъ совершенно бѣлый; замѣчена въ верхнихъ степяхъ.
202	<i>Ardea cinerea</i> L.	Съ Торей-нора.
203	* <i>Ardea alba</i> L.	Съ верхней Аргуни въ 1856 г.; видѣлъ въ тростникахъ у Абагайтуя.
204	* <i>Ardea</i> sp. amurensis.	Величиною съ <i>pusillus</i> .
205 и 206	* Двѣ породы, примѣрно осенью въ Шинг-ганѣ.	величиною съ <i>minuta</i> ; замѣчена
207	<i>Ardea stellaris</i> L.	Съ Торей-нора и изъ Читы.
208	* <i>Ciconia nigra</i> L.	Замѣчена на Ононѣ и по всему Амуру, насколько мнѣ удалось проѣхать по немъ.
209	* <i>Platalea Leucorodia</i> L.	Экземпляръ убитый на Ононѣ-борсѣ негодится; замѣчена кучами между Сунгари и Уссури.
210	* <i>Phoenicopterus roseus</i> P.	Случайно бываетъ на Байкалѣ; есть скелеть въ Иркутскѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
7) <i>Natatores.</i>		
211	<i>Cygnus musicus</i> Besh.	2 экземпляра съ Торей-нора.
212	* <i>Cygnus olor.</i>	Замѣчена тамъ же; очень рѣдка.
213	<i>Cygnus minor</i> P.	2 экземпляра съ Торей-нора.
214	<i>Anser cygnoides</i> P.	12 экземпляровъ съ Торей; яйца.
215	<i>Anser albifrons</i> Pnt.	1 экземпляръ изъ Иркутска.
216	<i>Anser segetum</i> , var.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора; яйца.
217	<i>Anser cinereus</i> , самецъ и самка.	Оттуда же.
218	<i>Anser Temminkii</i> Voie.	2 экземпляра съ Торей-нора.
219	** <i>Anser hyperboreus.</i>	Собраны свѣдѣнія, водится около Якутска.
220	<i>Anas Tadorna</i> L.	Нѣсколько экземпляровъ съ Торей-нора.
221	<i>Anas rutila</i> P.	Съ Байкала и Торей-нора.
222	<i>Anas penelope</i> L.	Замѣчена на сѣверномъ Байкалѣ и Ононѣ.
223	<i>Anas querquedula</i> L.	Съ Торей-нора.
224	<i>Anas strepera</i> L.	Одинъ экземпляръ отсюда же.
225	<i>Anas acuta</i> L.	Нѣсколько экземпляровъ отсюда же.
226	<i>Anas boschas</i> L.	Повсюду замѣчена.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
227	<i>Anas crecca</i> L.	Съ Торей-нора.
228	<i>Anas clypeata</i> L.	Тоже.
229	<i>Anas fusca</i> L.	Съ Торей-нора, лѣтняя птица!! самка.
230	<i>Anas clangula</i> L.	Съ Байкала и Шилки.
231	* <i>Anas histrionica</i> L.	Часто замѣчаема; но доселѣ еще не удалось застрѣлить.
232	<i>Anas marila</i> L.	Купленъ въ Иркутскѣ на базарѣ.
233	<i>Anas fuligula</i> L.	Съ Торей-нора.
234	<i>Anas ferina</i> L.	Въ Иркутскѣ и на сѣверномъ Байкалѣ.
235	<i>Anas glochitans</i> P.	Съ Торей-нора.
236	<i>Anas falcata</i> P.	Изъ Иркутска, съ Онона и Амурса.
237	<i>Anas. sp. ching-ganensis?</i>	См. рисунки 1857 года.
238	<i>Mergus albellus</i> L.	Съ Торей, Шилки, замѣченна а Оби.
239	<i>Mergus serrator</i> L.	На Байкалѣ и Амурсѣ.
240	<i>Phalacrocorax Carbo</i> L.	Съ Байкала.
241	<i>Phalacrocorax Graculus</i> L.	Изъ верхнихъ степей, по Селенгѣ.
242	<i>Podiceps subcristatus</i> Jcq.	Съ Торей-нора.
243	<i>Colymbus torquatus</i> Br.	Съ Онона.
244	* <i>Colymbus septentrionalis</i> L.	Однажды видѣлъ, въ лѣтнихъ перьяхъ, на нижней Шилкѣ.

№	НАЗВАНІЯ ПОРОДЪ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
245	<i>Larus glaucus</i> Br.	1 экземпляръ съ сѣвернаго Байкала.
246	<i>Larus cachinnans</i> P.	Нѣсколько экземпляровъ съ Байкала и Торея; множество яицъ.
247	<i>Larus canus</i> г. <i>major</i> .	Съ Ангаря, Тарей-нора.
248	<i>Larus ridibundus</i> L.	Въ лѣтнихъ перьяхъ съ Тарей-нора.
249	* <i>Sterna caspia</i> P.	Въ 1857 году неоднократно замѣчалъ ниже Айгунта.
250	<i>Sterna anglica</i> Tem.	Съ Торея (короткій носикъ).
251	<i>Sterna leucoptera</i> Meissner.	Съ Торея и нижней Шилки.
252	<i>Sterna longipennis</i> .	Съ Тарей-нора, на верхнемъ Амурѣ обыкновенна.
253	<i>Sterna hirundo</i> L.	Съ сѣвернаго Байкала.
254	* <i>Sterna minuta</i> L.	Только два раза видѣлъ ниже Айгуна.

Число млекопитающихъ, съ коихъ сняты шкуры, простирается до 300 экземпляровъ, а птицъ до 900. Къ концу зимы я надѣюсь будетъ у меня до 400 экземп. млекопитающихъ, а птицъ, если перелетъ будетъ значителенъ, до 1500. Болѣе могъ бы я приготовить, еслибъ при мнѣ былъ искусный препарантъ.

*Густавъ Раdde.*

Въ Шинг-ганѣ въ  
моемъ домѣ  
27 Февраля 1858 г.  
11 Марта

## Изъ писемъ г. Раде къ Академику П. И. Кеппену.

Шинг-ганъ  $\frac{23 \text{ Февраля}}{7 \text{ Марта}}$  1888 г. — 23½ реомюра.

Еще въ одномъ изъ предпослѣднихъ писемъ указалъ я на планъ обработки собранныхъ мною зоологическихъ и ботаническихъ матеріаловъ. По моему мнѣнію, задача состоитъ въ составленіи описанія, въ зоологическомъ и ботаническомъ отношеніи, всей рѣчной системы Амура, отъ источниковъ его (изъ нихъ на русской землѣ находится Ингода), или отъ Сохондскихъ горъ до устьевъ его, при чемъ, конечно, необходимо будетъ принять во вниманіе и всѣ до сихъ поръ опубликованныя работы и изслѣдованія, какъ-то г. г. Максимовича, Шренка, Маака — и на основаніи всѣхъ данныхъ раздѣлить всю страну по различію флоры и фауны, по различію типовъ каждой на разныя полосы. Это описаніе должно основываться:

- 1) на топографическихъ данныхъ страны.
- 2) на физическихъ и климатическихъ данныхъ.

Поэтому и тѣ, и другія, слѣдуетъ изложить въ общихъ чертахъ, прежде чѣмъ обращусь къ спеціальнымъ описаніямъ.

Пользуясь всѣмъ, доселѣ объ этой странѣ напечатаннымъ, я надѣюсь, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ собственныхъ наблюденій нѣтъ или они недостаточны, я достигну необходимой полноты сравненіемъ и критикой. Особенно важенъ при этомъ сравнительный методъ, которымъ возможно будетъ дополнить не мало пробѣловъ. Конечно сравненія тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе описанныя страны къ Амуру, чѣмъ болѣе сродны по характеру. Поэтому

для меня самыми важными будутъ описанія до-байкальскаго края и страны по сю сторону Яблоннаго хребта.

Необходимыя климатическія данныя по этимъ странамъ доставляютъ наблюденія, произведенныя въ Иркутскѣ и Селенгинскѣ. Флора страны описана Турчаниновымъ, хотя только систематически. Общаго обзорѣнія растеній у него нѣтъ.

Введеніе г. Турчанинова къ *Floa baicalensi dahurica* весьма кратко. Такъ напр. совершенно неизвѣстно до какой высоты встрѣчаются различныя породы деревьевъ на горахъ, около источниковъ Иркута. Какъ вамъ извѣстно, я при восшествіи на Сохондо успѣлъ сдѣлать довольно подробныя наблюденія, такъ что по отношенію къ Дауринъ въ состояніи дать совершенно опредѣленный отвѣтъ. Производство подобныхъ наблюденій необходимо какъ для провѣрки правильности прежнихъ наблюденій, такъ и для производства новыхъ. Повторить наблюденія слѣдовало бы въ до-байкальской странѣ и особенно въ горной странѣ Тунки, — повторить, если можно, еще въ большой подробности.

Поэтому предложеніе мое слѣдующаго рода:

Не угодно ли будетъ обществу, во вниманіе важности предпріятія и научнаго интереса, разрѣшить мнѣ восхожденіе на высоты Тункинскихъ горъ, Хамарь-Дабанъ (Khamardaban).

Повторяю, что все сказанное не болѣе какъ скромный вопросъ, который ужъ долго меня беспокоилъ и который осмѣливаюсь предложить лишь потому, что до сихъ поръ работы мои удостоились благосклоннаго отзыва.

Еслибъ всѣ физическія наблюденія производилъ я одинъ, то въ средствахъ недостатка бы не было. Если же окажутся какія либо препятствія касательно денежныхъ средствъ, то я готовъ прослужить все это время безъ жалованья, такъ какъ жалованье съ 1 Апрѣля 1858 г. остается въ Иркутскѣ и я ужъ какъ нибудь извернусь.

Результаты экспедиціи прямо относятся къ физической геогра-

фій, такъ какъ наблюденія о флорѣ и фаунѣ дѣлаются не относительно отдѣльныхъ видовъ, но вообще относительно распространенія различныхъ растений по полосамъ, на основаніи непреложныхъ законовъ природы.

Крайніе предѣлы распространенія отдѣльныхъ видовъ доходятъ до извѣстной высоты, на которой они гораздо менѣе измѣняются, гораздо тверже опредѣлены нежели политическія границы государствъ, которыя исторіею проводятся и отмѣняются произвольно. Первыя какъ законы природы вѣчны и непреложны, вторыя— дѣло смертныхъ людей и измѣнчивы.

Въ случаѣ согласія со стороны Совѣта на мое предложеніе, въ моемъ маршрутѣ не потребовалось бы даже никакихъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ въ январѣ 1859 г. я пріѣду въ Иркутскъ. Если получу разрѣшеніе остаться еще на лѣто 1859 г. (другіе члены экспедиціи безъ того еще остаются въ теченіе 59 года), то тотчасъ примусь за подробный отчетъ путешествія по Амуру, который долженъ быть оконченъ до конца апрѣля и въ срединѣ мая отправлюсь къ истокамъ Тунки. Время съ 15 іюня по 20 іюля проведу на Хамаръ Дабанѣ или Мункосардыкѣ (ореографія этихъ названій мнѣ въ точности неизвѣстна) для производства необходимыхъ метеорологическихъ наблюденій, собранія растений и т. д. При чемъ весьма важно будетъ сравненіе сѣверной стороны съ южной, чего къ сожалѣнію при описаніи Сохондо сдѣлано не было.

Къ концу сентября ворочусь въ Иркутскъ и въ ноябрѣ съ первымъ зимнимъ путемъ отправлюсь въ С. Петербургъ, куда надѣюсь успѣть еще въ 1859 году.

.....

Дѣло здѣсь идетъ не о какихъ нибудь двухъ или трехъ видахъ, но о томъ, чтобъ имѣть въ обширномъ царствѣ природы нѣскольکو вѣрныхъ точекъ, основываясь на которыхъ возможно было бы обозрѣть всецѣлость природы.

.....

Видѣтъ съ этимъ письмомъ посылаю отчетъ, въ которомъ излагаю мои предположенія на счетъ проектированной экспедиціи будущаго лѣта. Если на то станетъ время, то приготавливаю общее обозрѣніе всѣхъ до сихъ поръ добытыхъ зоологическихъ экземпляровъ.

Недостатокъ частныхъ и подробностей въ моихъ отчетахъ и описаніяхъ объясняется тѣмъ, что работы мои до сихъ поръ еще неокончены и съ самаго начала рассчитаны на два года.

Что говорятъ энтомологи о моихъ 60 экз. *Carabus smaragdinus impregiales*, 100 экз. *C. Burnaschevii*?

Я надѣюсь, что въ слѣдующемъ лѣтѣ успѣю собрать еще большее число подобныхъ тому экземпляровъ.

Я познакомился съ однимъ старикомъ изъ племени Бираръ-Тунгусовъ, которому 63 года отъ роду и извѣстны всѣ тропинки. Онъ обѣщаль мнѣ провести меня отъ нынѣшняго мѣста жительства на нѣсколько дневокъ, какъ за китайскую границу, такъ и по русской землѣ.

Тогда наконецъ надѣюсь собрать данныя для разрѣшенія вопроса о распространеніи деревьевъ по Амуру. Всѣ свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ имѣли, требуютъ еще подтвержденія.

*Pyrus usugiensis* встрѣчается на Амурѣ.

*Celastrus flagillaris* я также нашелъ и собралъ экземпляры почти всѣхъ деревьевъ и кустовъ, найденныхъ г. г. Маакомъ и Максимовичемъ. По мнѣнію Маака *Pinus sylvestris* встрѣчается вездѣ на горахъ Шинг-тана, но до сихъ поръ я этого не замѣтилъ. Во всей прибрежной странѣ Амура я знаю только одну ограниченную мѣстность, гдѣ нашелъ *P. s.* и при томъ въ незначительномъ количествѣ, къ тому же тамъ даже и другихъ хвойныхъ деревьевъ вовсе нѣтъ. Относительно верховьевъ Амура, почти до середины его теченія, я совершенно увѣренъ въ правильности моихъ наблюдений. Что касается нижняго теченія, то относительно его не увѣренъ, поэтому и слѣдовало бы удостовѣриться въ томъ.

Распространеніе *Lagix* по Амуру также довольно оригинально.

Въ китайскую сторону не смѣю углубляться дальше двухъ дней, такъ какъ дальнѣйшее путешествіе повело бы меня въ страну населенную дикими разбойничьими племенами — смѣшенія народовъ: Солоновъ, Дауровъ и Тунгусовъ. Къ сѣверу по русской землѣ, мнѣ также едвали удастся пойти дальше трехъ или четырехъ дней.

Однако думаю, что для моихъ цѣлей изслѣдованія и наблюденія на пространствѣ 50 и 60 верстъ на обѣ стороны Амура, будутъ совершенно достаточны; подобныя экскурсіи могу совершать даже пѣшкомъ и съ топоромъ въ рукахъ.



## II.

### ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

---

#### ЗАМѢТКИ КОЧЕВАГО АЛТАЙЦА.

---

За нѣсколько сотъ верстъ, по дорогѣ отъ г. Томска къ Бійску, Алтайскія горы поражаютъ наблюдателя своимъ видомъ. Непривычный глазъ затрудняется отличить ихъ отъ густыхъ, синихъ облаковъ. Но вотъ онѣ близятся, облачный видъ исчезаетъ; видно, что это цѣль высокихъ горъ; даже замѣтны на нихъ и признаки растительной жизни. Теперь всякій скажетъ, что это горы. Но далеко ли онѣ? Житель долины, привыкшій нагляднымъ образомъ опредѣлять разстояніе предметовъ, мало ошибется, если скажетъ вмѣсто дѣйствительныхъ 100 верстъ, 50—кажущихся. Такъ горы обманчиво сокращаютъ разстояніе!

Для обозрѣнія вблизи Алтая, всего приличнѣе раздѣлить его на двѣ части: сѣверную и южную. Основаніемъ такого раздѣленія служитъ самое свойство горъ и ихъ обитателей.

Сѣверная половина Алтая отдѣлена отъ южной самою природой. Мрачныя горы ея покрыты хвойнымъ лѣсомъ (\*). Тутъ

---

(\*) Говоря о хвойномъ лѣсѣ, нельзя умолчать, что сухими шишками его вполне замѣняются угли для самовара.

господствуютъ кедры, сосны, пихты и ели. Отъ мрачнаго вида лѣса эта часть Алтая называется *Чернью*. Червь оmyвается свѣтловодной Бией (Бій, царь), вытекающей изъ Телецкаго озера. Здѣсь нѣтъ того разнообразія, той ужасающей красоты въ горахъ, какъ въ другой части. Огромныя, сплошныя массы земли, одѣтыя между деревъ грубою травой, въ которой скрывается человѣкъ на конѣ, утомляютъ зрѣніе путника, шествующаго зимою по глубокимъ сугробамъ снѣга, а лѣтомъ — по всегдашней черной грязи. На за то здѣсь водятся бѣлые и черныя медвѣди, кабарги, черно-бурыя лисицы, разсомахи, волки, куницы, бѣлки и проч. Телецкое озеро, богатое сельдями, покрыто дичью не только лѣтомъ, но и зимой, потому-что оно замерзаетъ черезъ два года въ третій.

Южная часть Алтайскихъ горъ, именуемая собственно Алтаемъ, носить характеръ болѣе рѣзкій и удивляетъ наблюдателя своими очертаніями. Тутъ видѣются и огромныя зубцы, и стѣновидныя утесы изъ сплошнаго камня, заостренныя въ треугольникъ, и синія скалы аспидо-подобныхъ плитъ съ гнѣздами голубей и убѣжащемъ змѣй, живо папоминающія своимъ сближеніемъ «будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе», и отдѣльно возвышающіяся округленныя сопки, до которыхъ едва достигаетъ зрѣніе, и такія формы, которыя не подходятъ ни подъ какія правила геометріи. Лучше сдѣлаю, если не буду оскорблять ихъ своимъ слабымъ описаніемъ. Гибельнаго паденія горныхъ камней преимущественно должно опасаться въ ненастную погоду. Низвергаясь съ крутизны, они оставляютъ по себѣ замѣтную дорогу поломанныхъ деревьевъ, встрѣтившихся имъ на пути.

Чтобъ вполнѣ насладиться видами природы, слѣдуетъ проѣхать по берегамъ Катуня, до ея верховьевъ. Катунь вѣроятно получила свое названіе оттого, что разсвирѣпѣвши съ глухимъ грохотомъ *катитъ* большіе камни, которыми богато ея страшное русло. Между камнями, своею громадностію безмолвно, но убѣдительно, свидѣтельствующими о своей вѣковой осѣлости, какъ въ тискахъ заключены пропасти.

Алтайскія рѣки вообще быстры, потому-что падаютъ съ горъ, каменисты и обильны рыбой, изъ коей чаще другихъ попадаются: жирная нельма, кускучъ, осашистый тальмень, харюзъ и незначительный, но плодливый чебакъ, служащій пищею кра-

сивому, черному съ золотымъ отливомъ, сибирскому воробью, водящемуся по берегу.

Алтайскія горы всюду перерѣзаны рѣчками и ручьями, которые, то смиренно омываютъ подошвы горъ, то съ шумомъ стремятся по самымъ хребтамъ ихъ. Быстрота ихъ препятствуетъ скорому замерзанію (\*), а во многихъ мѣстахъ онѣ льдомъ не покрываются цѣлую зиму. Самый процессъ замерзанія совершается здѣсь не такъ, какъ въ Россіи. Къ камнямъ, проникнутымъ холодомъ, вода начинаетъ примерзать, отчего образуется на нихъ ледовитая кора. Но этотъ покровъ постоянно отбивается волнами, всплываетъ на верхъ и большими массами несется по теченію, какъ въ Россіи весною взломанный ледъ, и называется здѣсь *шугой*. Наконецъ шуга, представляющаяся съ горы какъ бы движущимся мраморомъ, сцѣпляясь болѣе и болѣе, пристаётъ къ берегамъ и превращается въ плотный ледъ.

Въ Катунѣ вода холодна, чиста и прозрачна, но изъ-синя-зеленаго цвѣта. Ей суждено бороться съ утесами, между которыхъ бурмитъ она, вырѣзывая большія впадины, при своихъ изворотахъ. Катунь родилась отъ высочайшей во всемъ Алтаѣ горы, которая, какъ и двѣ подобныя ей, называются *Катунскими столбами*, на подобіе сахарныхъ головъ возвышающимися въ небесномъ пространствѣ. Катунскіе столбы служатъ границей царству органическому: здѣсь вѣчно царствуетъ зима, распространяющая права свои и на сосѣднія горы, изъ коихъ немногія въ августѣ мѣсяцѣ освобождаются отъ снѣга, съ тѣмъ чтобъ снова покрыться имъ въ сентябрѣ. Снѣжныя горы вообще называются здѣсь *бѣлками* (буквальный переводъ слова Альпы или Альбы, *Albus*). Звѣроловы увѣряютъ, что съ каждымъ годомъ на этихъ столбахъ нарастаетъ новый слой льда, и доказываютъ это глубокой трещиной одного столба, выказывающей ледяное свойство его. На этихъ ледникахъ никогда не была нога человѣческая, по неприступности ихъ.

Бѣлки начинаютъ таять въ іюлѣ мѣсяцѣ, и дѣлаютъ большой переворотъ въ Алтаѣ: ручьи и протоки становятся тогда рѣчками, а рѣки чуть-ли не морями.

---

(\*) Стучалось, что въ половинѣ декабря и позже переѣзжали рѣчки еще въ лодкахъ.

Въ 15-ти верстахъ отъ истока Катуня замѣчательны два цѣлительные ключа: одинъ горячій, а другой холоднѣйшій. Въ одномъ нельзя пробыть 10-ти минутъ отъ жара, а въ другомъ — отъ холода. Оба на языкѣ Калмыкъ называются *аржан*, и весьма извѣстны по своей цѣлебной силѣ. О составныхъ частяхъ сихъ источниковъ исцѣленія, мой проводникъ, кочевавшій близь тѣхъ мѣстъ, инокордецъ, повѣдалъ слѣдующее: около 30-ти лѣтъ тому назадъ, проѣзжали откуда-то двое докторовъ, варили живительную влагу, и сказали, что въ ней много содержится нашатырю и квасцовъ. Въ Алтаѣ есть и еще горячій ключъ, безъимянный, на китайской границѣ. Китайцы будто бы сдѣлали изъ него нѣсколько колодцевъ, каждый съ надписью, противъ какой болѣзни полезенъ. Надписи хранятся въ деревянномъ столбѣ.

Въ проѣздахъ по берегамъ Катуня, къ ея верховьямъ, необходимо должно ознакомиться съ *бомами*. Бомомъ называется узкая отъ 8 — 12 вершковъ ширины, примкнутая къ утесу, тропинка. Выше тропы — сплошная стѣна изъ скаль, а ниже — пропасть въ Катунь. На этихъ тропинкахъ, или горныхъ уступцахъ двоимъ человекамъ можно разойтись съ трудомъ, а двѣ лошади не могутъ ни разойтись, ни возвратиться всячь. Подмѣхавъ къ бомамъ, коней развьючиваютъ, и проводникъ, дойдя до конца бома, оставляетъ тутъ шапку, въ знакъ того, чтобы другой кто-либо, идущій на встрѣчу, обождалъ его проѣзда. Если же случится нарушеніе условнаго знака, что бываетъ однакожь весьма рѣдко, нарушитель платится лошадыю, которая летитъ въ Катунь, разбиваясь въ мелкія части.

Надобно отдать справедливость алтайскому коню. Онъ на все готовъ; итеть безъ понужденія всюду: на высочайшую ли круть горы, по камнямъ ли, или въ воду, — для него все равно. Цѣпляясь за камни и, для увѣренности плотно ли они вставлены въ гору, облюхивая ихъ, кони часто принуждены, какъ козы, тремя или даже и всѣми ногами вставать на одинъ небольшой камень, и со всею осторожностію выбирать другой, на которомъ можно было бы утвердиться. По сымошнымъ покатымъ каменнымъ плитамъ кони прехладнокровно катятся. А на бомахъ ведутъ себя еще благоразумнѣе, вполне понимая, что одинъ невѣрный шагъ низринетъ ихъ въ бездну. Всего труднѣе для коня и всадника бродить рѣчки весной или осенью, когда онъ обрам-

ляются съ обѣихъ сторонъ, примѣрно въ 1 саж. ширины, хрупкимъ льдомъ. Тутъ и лошадь нѣсколько разъ поскользнувшись падаетъ, и всаднику часто выпадаетъ удобный случай испугаться. А между тѣмъ всѣхъ этихъ неприятностей избѣжать невозможно. Онѣ предстоятъ на единственныхъ вьючныхъ тропкахъ: тележныхъ дорогъ внутри Алтая нѣтъ. Поэтому здѣсь всѣ женщины, не исключая и нашихъ женъ, ѣздятъ верхомъ, въ сѣдлѣ.

О Катунѣ есть и легенда. «Во времена давно минувшія, рассказываютъ Калмыки, по берегамъ Катунѣ кочевалъ богатырь съ сыномъ, достойнымъ отца своего. Они задумали прославить свое имя свершеніемъ прочнаго моста чрезъ свирѣпую рѣку. Работа началась: огромные камни насыпались съ той и другой стороны рѣки, оставалось не болѣе 1 саж. на среднѣ, для довершенія арки, подъ которою предназначено было течь водѣ. Но день вечеряетъ, мощные труженики предаются усладительному отдохновенію; добрые духи, помогавшіе имъ въ богатырскомъ предпріятіи, охраняли ихъ покой. Вотъ они пробуждаются. Отецъ, охвативъ жилистыми руками бремя камней, спѣшитъ къ трудамъ своимъ, но видитъ и не вѣритъ глазамъ своимъ, большая часть насыпи поглощена Катунью. Впрочемъ старикъ скоро понялъ въ чемъ дѣло. Сынъ его, а онъ былъ женатъ, не выполнилъ условій добрыхъ духовъ — до окончанія работы хранить себя въ чистотѣ. Съ негодованіемъ на челѣ старикъ сѣлъ на ближайшій камень, и съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на недоконченное дѣло, удалился». Преданіе это общезвѣстно Алтайцамъ, и основано на томъ, что природа въ шутку, впрочемъ довольно-живо, изобразила противъ насыпей, на твердыхъ камняхъ, заднюю часть богатыря и его исполинскія лапы ногъ.

Недалеко отъ замышляемаго моста, на вершинѣ горы, Калмыки указываютъ на отломокъ Ноева ковчега, не зная однакожъ ничего о потопѣ. Это есть не что иное, какъ остатокъ маленькаго плота, именуемаго здѣсь *саликомъ*. Но какъ, и для чего занесенъ былъ плотъ на такую высоту — загадка.

Послѣ Катунскихъ столбовъ нельзя умолчать о Бобыр-ханѣ. Онъ много ниже горъ, окружающихъ верховья Катунѣ и далеко отъ нихъ, но за то это первая гора, которая бросается въ гла а проѣзжающему изъ Бійска въ Алтай. Подъемъ на нее не крутъ, и потому скрадывается еще высоту горы, которая однакожъ, какъ царь-гора, возвышается въ кругу сосѣднихъ подругъ. Вершина

горы очень-замѣчательна причудливымъ устройствомъ, представляя изъ себя развалины какого-либо города. Желтоватыя скалы здѣсь раздѣляются на множество улицъ и кварталовъ съ башнями и каланчами изъ отдѣльныхъ круглыхъ дикихъ камней, искусно складенныхъ рукою природы. На разстояніи 5-ти сажень звукъ голоса уже замираетъ въ каменныхъ лабиринтахъ волшебнаго города. Бобыр-ханъ замѣчателенъ и въ метеорологическомъ отношеніи: это огромный барометръ, всюду видный и никогда необманывающій. Если дождь или снѣгъ продолжится не долго, то не смотря на то, что подернуто облаками все небо, хохлачь-Бобыр-ханъ стоитъ въ ясной сферѣ. Но если угрюмое чело его покрылось облаками, то, хотя бы на всемъ горизонтѣ не было ни одной сѣрой тучки, непременно будетъ дождь и ненастье.

Виды съ горъ чрезвычайно живописны.

Въ южной части Алтайскихъ горъ почва земли сѣро-песчаная, и потому снѣгъ, исключая бѣлковъ, держится только до восхожденія солнца. Растительность на горахъ и долинахъ не столь роскошна, какъ въ Черни. Даже нѣкоторыя долины покрыты одною только травкою *кипцомъ* (буквальный переводъ *эю элэн*, горячая трава), которою съ большою охотою питаются овцы, и оттого весьма жирѣютъ. Горы здѣсь, исключая мертвыхъ бѣлковъ и голыхъ скалъ, покрыты лиственницей, березой, топодемъ, осиною, черемхой, акаціей, боярышникомъ, малиной, крыжовникомъ, черной и красной смородиной. Хвойнаго лѣса весьма-мало.

Звѣрей тоже здѣсь меньше, чѣмъ въ Черни, исключая сурковъ, емуранокъ и барандуковъ. Но за то весьма-много травоядныхъ животныхъ: дикихъ козъ, мораловъ и сохатыхъ. Это, мнѣ кажется, одинъ родъ, только въ разныхъ видахъ.

Дикая коза походитъ съ морды на овцу; уши острия, торчатъ вверхъ; заднія ноги, какъ у зайца, длиннѣе переднихъ; лѣтомъ покрыта рыжей, грубой, ломающейся шерстью, а зимою — избѣла-сѣраго цвѣта; ноги тонкія, съ раздвоенными копытами; поджарая, голосъ издаетъ скрипомъ; самецъ, именуемый здѣсь кураномъ, обладаетъ прямыми рогами; хвостъ заячій. Дикія козы величиною съ обыкновенную козу; мясо ихъ вкусно, изъ шкуръ шьютъ шубы, именуемая здѣсь *ягами* и *дохами*, и теплые сапоги, называемые *лунтаями*, сокращенно *лунтами*. Яга зимнихъ и осеннихъ шкуръ предпочитается лѣтнимъ. Ес надѣваютъ

шерстью вверхъ. Для Алтайца яга — сущій кладъ, потому-что легка, тепла какъ баня, непромокаема (дождь и снѣгъ съ нея скатываются), красива и дешева; отъ 5—7 рубл. сереб. Одинъ недостатокъ въ ягѣ: шерсть ея вылезаетъ и обсыкается, особенно въ тепломъ мѣстѣ, и потому ее въ комнату не вносятъ, а держатъ на вольномъ воздухѣ. Дубленные лунгаи тоже какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію; только надобно стараться не мочить ихъ.

Мораль отъ дикой козы отличается величиной и рогами. Онъ выше лошади, поджарый, съ вѣтвистыми рогами (изъ конхъ каждый по 1 арш. длины, въ руку толщины, съ 7-ю или 9-ю отростками, величиною въ  $\frac{1}{4}$  арш., расположенными въ одну сторону: у праваго рога — въ правую, у лѣваго — въ лѣвую), съ большими на выкатѣ глазами; шерсть у него, какъ зимняя дикой козы, съ длинными, жесткими подъ шеей волосами. Верхняя губа морала длиннѣе нижней; задняя часть отличена бѣлой шерстью; хвостъ короткій, заячій; ноги всѣ ровныя; когда тихо идетъ, заднюю ногу нѣсколько везетъ; человѣка боится, ручнымъ дѣлается однакожь весьма-легко, никогда не кусается, а раздраженный бьетъ передними ногами, которыя поднимаются у него выше головы его; голосъ морала, какъ у быка, силоватый, протяжный; пометъ подобенъ овечьему, только крупнѣе. Цѣнные рога его покрыты мягкой, короткою, какъ трипъ, шерстью бурого цвѣта, мѣняются каждую весну. У одного крестьянина, живущаго въ глуби Алтая, содержатся три морала: самецъ съ самкой и дѣтисцемъ, въ загородкѣ. Мораловодствомъ заниматься очень-выгодно: прокормить животнаго этого ничего не стоитъ, — оно питается травой и сѣномъ. Между тѣмъ какъ рога его, ежегодно срѣзываемые въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда они еще находятся въ хрящеватомъ состояніи, продаются около 100 рубл. сер. за пару, на китайской границѣ, при р. Чуѣ, гдѣ бываетъ два раза въ году мѣновая торговля. Съ нашей стороны идутъ звѣри, преимущественно сурки, мелкій скотъ и овчины; а изъ Китая переходитъ къ намъ: кирпичный чай, лошади, сарлыки (\*), бахта

---

(\*) Сарлыкъ или китайская корова со спины, брюха и хвоста — настоящая лошадь; съ головы и ногъ — корова; съ голосу — свинья. Шерсть сарылка весьма густа, мягка и такъ длинна, что едва не достаетъ до земли, преимущественно чернаго цвѣта; молоко синевато, уступаетъ вкусомъ молоку обыкновенной коровы.

и разная мелочь; напр. сѣдла, огнива, красивыя деревянныя, покрытыя лакомъ чашечки.

Мягкіе, налитые кровью рога морала потому цѣлны, что въ Китаѣ они служатъ спецификомъ отъ многихъ болѣзней.

Сохатый больше еще и морала, отличается отъ него лопатовидными отростками роговъ своихъ, которые однакожь никуда не употребляются.

Между-горныя долины Алтая, изъ которыхъ нѣкоторыя простираются верстъ на 15-ть, богаты всякаго рода дичью. Въ рѣчкахъ и озерцахъ этихъ долинъ стадами плаваютъ: гуси, лебеди и утки. Изъ послѣднихъ, преимуществуетъ порода *крахалей*, бѣлыхъ, съ черными головой и крыльями. Надъ кочками во множествѣ летаютъ птицы, по татарски *аныр*. Онѣ величиною съ гуся, цвѣтомъ красноваты; концы перьевъ и хвоста черныя; голова бѣлая; голосъ ихъ соотвѣтствуетъ скрипу несмазанныхъ колесъ.

Вообще дѣвственные лѣса Алтайскихъ горъ населены разнаго рода и вида пернатыми жильцами. Здѣсь есть и орлы съ беркутами, уносящіе дикихъ козъ, и соловьи съ иволгами, и дятлы разныхъ породъ—отъ маленькаго пестряка и темно-желтаго побольше, до чернаго, съ ворона величины, съ краснымъ на головѣ хохломъ и безъ опаго. Есть маленькія бѣлыя птички, съ воробья, и желтыя побольше съ черными крылышками. Много скворцовъ, дроздовъ, кукушекъ, сорокъ обыкновенныхъ и черновыхъ, похожихъ на кукушку, съ красноватыми перьями, а больше всего такихъ птицъ, которымъ мы не знаемъ названія. По ночамъ горы оглашаются криками филиновъ и совъ, заглушающими соловьевъ, которые впрочемъ поютъ здѣсь плохо.

Алтайскія горы имѣютъ нѣсколько видоизмѣненій. Зимой, по обыкновенію, одѣваются бѣлымъ покровомъ; весною—сначала поблеклою, оставшеюся отъ прошлаго лѣта травой; но она недолго держится на горахъ. Едва сойдетъ снѣгъ, а онъ очень дружно сходитъ, какъ пойдутъ великолѣпныя освѣщенія въ честь весны. Горы на всемъ томъ протяженіи, какое можетъ быть схвачено зрѣніемъ, пламенѣютъ непрерывнымъ зубчатымъ потокомъ—это Алтайскіе палы. Только Чернь лишена восхитительнаго зрѣлища паловъ. Тамъ они запрещены начальствомъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа. Потому что отъ паловъ однажды погорѣло весьма много кедровъ, которые составляютъ тамъ, если не единствен-

ный, по-крайней-мѣрѣ богатѣйшій источникъ народнаго благосостоянія. Послѣ паловъ земля недолго носитъ на себѣ мрачный трауръ: скоро показывается зелень, которая, въ соединеніи съ печальнымъ виломъ обожженныхъ горъ, представляетъ ихъ бурными. Но вотъ зелень съ каждымъ днемъ беретъ перевѣсъ надъ чернымъ грунтомъ; разцвѣтаетъ *кандыкъ*. Кандыкъ низкоствольное растеніе, съ двумя листочками, отличающимся отъ ландыша только коричневыми крапинками, съ цвѣткомъ изъ 6-ти сиреневыхъ лепестковъ, загнутыхъ вверхъ и 6-ти бѣлыхъ тычинокъ въ срединѣ, увѣчаныхъ желтыми сѣмячками. Корень этого растенія имѣетъ видъ земляной груши, вкусомъ сладковатый, употребляется здѣшними инородцами вмѣсто картофеля; въ прокъ готовится сушеніемъ на солнцѣ.

По отцвѣтеніи кандыка, всѣ каменныя горы покрываются *моралломъ*. Мораль отъ низкаго кустарника достигаетъ до 2-хъ сажень и болѣе ростомъ; тонкія его вѣтви унизаны частыми, твердыми листочками, похожими на листья клюквы, непадающими и зимой, издающими рѣзкій смолистый запахъ. Множество лиловыхъ цвѣтковъ моралла рѣшительно закрываетъ всѣ листья у него. Богатъ и пестръ нарядъ алтайской весны, но мораль своею красотою затмѣваетъ прочіе цвѣты.

Наступаетъ май; все встрепенулось, все ожило. Воздухъ наполняется ароматическими отдѣленіями тополей. Зацвѣтаютъ воздушный жасминъ, піоны, акація, таволожникъ, черемха, синіе и желтые касатики, медуница тѣхъ же цвѣтовъ, лютикъ и *боданъ*. Боданъ, какъ и мораль, дружится съ камнями. Онъ выходитъ изъ земли твердыми, кругловидными листками, отъ 2—3-хъ вершк. въ поперечникѣ, зеленого цвѣта, хрустящими подъ ногами. Среди нѣсколькихъ листьевъ, принадлежащихъ къ одному корню, является красный, въ мизинецъ толщины и отъ 5—8 вершк. вышины стволъ, оканчивающійся большою кистью розовыхъ маленькихъ колокольчиковъ. Всѣ Сибиряки охотники до чая, но за немѣніемъ кирпичнаго, прибѣгаютъ и къ бодану, листья котораго для сей цѣли собираются обыкновенно прошлагодніе, засохшіе и почернѣвшіе. Но и въ такомъ состояніи онъ еще очень-крѣпокъ для питья, производя трепетаніе сердца, и потому сначала обваривается кипяткомъ, сушится въ печи, или на солнцѣ, и затѣмъ уже за-мѣняетъ чай.

Іюнь снова разнообразитъ виды: цвѣтутъ боярышникъ, шипо-

вникъ, тюльпановидныя полевые колокольчики, яйцевидныя красныя кукушкины слезки, *марьяны коренья* и *саранка*. Среди пышной земли растенія, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ марьяныхъ кореньевъ, развѣтывается большой розовой цвѣтокъ, наподобіе махроваго мака. Это растеніе цвѣтетъ большими семействами и составляетъ изъ себя живописную картину. По отцвѣтеніи образуются на немъ четыре трехгранныя шишечки съ сѣмянами. Запахъ отъ ствола очень рѣзокъ и противенъ, впрочемъ корни употребляются инородцами въ пищу. Саранка имѣетъ тонкій стволъ вышиною отъ 16—20 вершк., оканчивающійся 5 или 7-ю вишневыми цвѣтами изъ продолговатыхъ загнутыхъ 6 листочковъ съ нѣсколькими тычиниками въ среднихъ, поддерживающими сѣмячки, окрашенныя въ густую коричневую краску. Листья саранки узкіе, продолговатыя и въ видѣ звѣзды, состоящей изъ 13-ти, окружаютъ стволъ въ трехъ мѣстахъ. Луковичныя корни сего растенія принадлежатъ также къ овощу инородцевъ, который готовится имъ всецѣлая мать-природа безъ всякихъ съ ихъ стороны трудовъ и заботъ.

Одни цвѣты отцвѣтають, а другіе распускаются. Но вотъ послѣдніе цвѣты: кипрей, барская спѣсь и мальва — это предвѣстники осени.

Замѣчательно, что нѣкоторые изъ цвѣтовъ алтайской флоры разнятся отъ російскихъ того же рода. Такъ, васильки, вмѣсто своего, извѣстнаго цвѣта, превращены сибирскимъ солнцемъ въ фіолетовый; чисто-бѣлые цвѣты ромашки — въ синій; желтыя шапочки — въ оранжевый.



Сколь разнообразенъ Алтай видами природы, столь же разнообразенъ онъ и своимъ пародонаселеніемъ. Начнемъ съ главныхъ, коренныхъ жителей собственно Алтая, т. е. южной части Алтайскихъ горъ. Здѣсь перекочевываютъ съ своими стадами, съ одного мѣста на другое, *Калмыки*, по мѣсту кочеванья, *алтайскіе*. Вотъ ихъ всеобщій типъ: лице плоское, лобъ низкій, скулы немного выдались, волосы и брови какъ смоль черныя, глаза таковогожъ цвѣта унырнули подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и потому

разстояніе одного глаза отъ другаго кажется довольно простран-нымъ; природное отсутствіе бороды; усы и бакенбарды изрѣдка встрѣчаются.

Калмыкъ зимой и лѣтомъ одѣтъ одинаково: въ шаровары суро-ваго холста, сапоги особеннаго покроя, въ овчинную шубу непре-мѣнно бѣлой шерсти, окаймленную на правой полѣ, рукавахъ и подо-лѣ вершка въ два шириною ремешкомъ конской шкуры, преимущественно рыжей шерсти. Шуба всегда бываетъ полная, съ весьма-широкими у плеча рукавами. На головѣ Калмыка — пирогообразная шапка, если съ бараньимъ, то непременно съ чернымъ околышемъ, который отъ лба суживаясь къ затылку, завязывается тамъ двумя длинными, красными, синими или жел-тыми лентами; верхъ шапки изъ желтой или зеленой нанки съ крас-нымъ изъ кумача кружкомъ на срединѣ. Изъ подъ шапки виситъ чубъ оставленныхъ на маковкѣ волосъ, заплетенныхъ въ косу, украшенную длиннымъ мипурнымъ шнуромъ, и оканчивающуюся кистью или нѣсколькими мѣдными пуговицами. Опояска калмыцкая состоитъ изъ ремня, за который заткнутъ ножъ въ деревянныхъ или роговыхъ ножнахъ, соединенныхъ ремешкомъ же съ отличнымъ стальнымъ огнивомъ, въ кожаной оправѣ, съ влагалищемъ для кремней и труту.

Женское одѣяніе то же самое, исключая *чегэдэка*, который зи-мою надѣвается сверхъ шубы, а лѣтомъ на голое тѣло; рубаш-ки не употребительны. Чегэдэкъ шьется изъ синей нанки или ки-тайки того же цвѣта. Покрой его походитъ на фракъ съ длинной таліей; кромѣ рукавовъ, есть подъ ними и другія отверстія для рукъ, а рукава болтаются только заурядъ. Онъ кругомъ оторо-ченъ лентой яркаго цвѣта, застегивается подъ шей двумя крас-ными стеклянными пуговицами, величиною съ большую горошину. Кромѣ чегэдэка женщина отличается отъ мужчины двумя ко-сами, висящими изъ подъ шапки, въ которыя вплетаются длин-ные шnurки, унизанные бѣлыми раковинками, извѣстными у крестьянъ подъ именемъ *зминыхъ головокъ*, оканчивающіеся двумя желѣзными ключами, или пуговицами, или чѣмъ либо въ этомъ родѣ.

Обувь у мужчинъ и женщинъ одинакова: лѣтомъ сапоги изъ конской кожи, просторные, съ двух-вершковыми неболѣе перед-ками, остальное мѣсто занимаетъ голенищey, востроносые, легкіе, съ чулками, сшитыми изъ войлока. Зимніе сапоги изъ лапокъ дикой козы, шерстью вверхъ. За правую голенищу закладывается

кожаный кисетъ. У нѣкоторыхъ женщинъ кисеты привѣшены за опояску.

Изъ описанной постоянной одежды Калмыковъ можно сдѣлать небольшія исключенія. Напримѣръ шубы бываютъ покрыты нанкой, сукномъ и плисомъ; оторочка ихъ также бываетъ плисовая; встрѣчаются яги и сурковыя шубы; окольши на шапкахъ, преимущественно женскихъ, бываютъ кувы и соболю, а у щеголихъ—изъ шеекъ дикихъ селезней, что очень красиво. Лѣтомъ часто можно встрѣтить мужчинъ, вблизи своихъ жилищъ, полунагими.

Калмыцкія жилища называются *юртами*, отъ слова *юртап-ядым*, живу. Юрта, т. е. жилье, есть коническій шалашъ изъ жердей, привязанныхъ къ деревяннымъ обручамъ внутри и обложенныхъ корою сосны извнѣ. Верхъ юрты открытъ для прохода дыма. Внутри Алтая, богатаго скотомъ, юрты большею частію войлочныя, называемыя *кэреге*. Онѣ имѣютъ видъ хлѣбныхъ одонковъ. Основаніе сдѣлано изъ перекрещенныхъ наискось палочекъ, связанныхъ въ точкахъ прикосновенія ремешками и обтянутыхъ бѣлыми войлоками. Юрты эти красивѣе и лучше сохраняютъ отъ воздушныхъ перемѣнъ, чѣмъ крытія древесною корою. Калмыки не любятъ большихъ обществъ, и потому въ ихъ *аилахъ* обыкновенно бываетъ не болѣе трехъ юртъ, весьма рѣдко пять, принадлежащихъ ближайшимъ родственникамъ, какъ то: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Каждая юрта охраняется полдюжиной собакъ, которыя обыкновенно встрѣчаютъ посѣтителей громкимъ лаемъ, однакожь никогда не кусаются. Проходъ въ юрту занавѣшивается звѣриной шкурою, или войлокомъ. Среди юрты неугасимый огонь зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью. Позади огня на стѣнѣ, противоположной двери, наставлены идолицы около 4 вершк. длины, тоненькіе, съ большою башкой, съ пуговицами вмѣсто глазъ. Въ рядъ съ ними веревка съ 9-ю тряпичками, *сомо*, изъ коихъ средняя имѣетъ видъ какого-то животнаго. Точно такіе же лоскутки бываютъ и снаружи у нѣкоторыхъ юртъ на веревочкѣ, привязанной къ двумъ березкамъ. По объясненію однихъ это изображеніе послѣдняго хана ихъ съ его семействомъ, а большая часть изъясняетъ эти подвѣсочки молчаніемъ. Въ прочихъ чертахъ юрты разнятся одна отъ другой. Мы припомнимъ, что видали въ разныхъ юртахъ. Недалеко отъ *сомо* виситъ мѣдный колокольчикъ, въ ушки коего воткнуты 3 пестрыя пера какой-то птицы. Тутъ же затыкаютъ за кольцо,

огибающее юрту, телячью брюшину, чтобъ скотъ воился, и нѣсколько оставовъ тетеревовъ, чтобъ птицы попадались на глаза, и также закопченныя шкурки небольшихъ звѣрковъ. По другимъ стѣнамъ навѣшены ружья, непременно съ деревянными подставочками, конскія кишки, палитыя масломъ, капканы, плетки и т. под. На полу, или точиѣе, на землѣ, подъ *сомо* вьючныя кожаныя сумы; число ихъ опредѣляетъ состояніе хозяина. У богатаго сумъ до 40 съ различнымъ имѣніемъ. Онѣ покрыты коврами и служатъ постелью почетнымъ членамъ юрты. Сумы эти все составляютъ для Калмыка — и сани и телегу. Сकोчевать ли онъ вду-масть, а это не рѣдкость, сумы перекинулъ на лошадь и пошелъ. За орѣхами ли въ Чернь — опять сумы необходимы. Словомъ, каждый Калмыкъ безъ вѣрнаго коня, добраго сѣдла и прочихъ, помѣстительныхъ сумъ, какъ безъ рукъ. По сторонамъ сумъ, близъ самыхъ стѣнокъ, блѣютъ ягнята и козлята, привязанные на *чумбуль* (веревка изъ конскихъ волосъ). Подальѣ отъ стѣнъ, ближе къ огню, помѣщаются вещи, принадлежащія кухнѣ и конюшнѣ: большой коробъ изъ бересты съ ячменемъ, накрытый деревянными пачевками, замѣняющими рѣшето; огромный, какъ казанча, буракъ съ ячменнымъ толокномъ, сѣдла, потники, узды, мѣшки изъ цѣльной шкуры звѣрей, таганъ, чугуныя котлы, деревянныя чашки и ложки, звѣриныя шкуры, каменныя плиты, на которыхъ готовится толокно, и животныя коробочки на ножкахъ, выдѣланныя изъ коровьяго вымени и засушенныя, и другія подобныя вещицы калмыцкой фантазіи. Вокругъ огня, на короточкахъ, помѣщаются хозяева юрты съ нагими, запачканными дѣтьми и посторонніе, буде есть, съ трубочками въ зубахъ. Калмыки всѣ, безъ исключенія пола и возраста, курятъ. Трубочки у нихъ большею частію желѣзныя подъ одно съ чубукомъ, около 5 вершк. длины, или деревянныя, умѣщающіяся въ ихъ кисетахъ. Для крѣпости табаку, или для ослабленія его силы, всегда прибавляютъ къ нему порошка сухой березовой коры.

Національное блюдо Калмыковъ есть *кочо*, т. е. каша изъ ячменныхъ цѣльныхъ зеренъ. Кочо бываетъ простое и молочное; варится одинъ разъ въ день, утромъ, въ котлѣ. Кромѣ его употребляютъ въ пищу мясо всѣхъ животныхъ, преимущественно лошадей. Жаркое Калмыки готовятъ такъ: кусокъ сыраго мяса надрѣзываютъ мелкими частями, просолятъ и, проткнувъ сквозь него заостренную палочку, представляютъ къ огню, по временамъ

переворачиваютъ. Это жареное довольно вкусно, только требуетъ твердыхъ зубовъ. Хлѣбъ неупотребителенъ, да и печь его негдѣ: юрты печей не имѣютъ. Оттого здѣшніе широдцы слабосильны, и къ земледѣльческимъ работамъ вовсе неспособны; а дѣти ихъ, отъ употребленія жидкой пищи, обыкновенно обладаютъ отвислыми брюхами.

Каждая калмыцкая персона имѣетъ свою чашку и ложку для употребленія, и ѣдятъ обыкновенно не всѣ вмѣстѣ, а кто когда вздумаетъ. Въ сравненіи съ русскими мужичками ѣдятъ Калмыки весьма мало. Впрочемъ, первымъ далеко уступаютъ и сибирскіе крестьяне въ этомъ пріятнѣйшемъ занятіи. Натура сибирская питается болѣе чаемъ, нежели хлѣбомъ.

Для питья Калмыками употребляется рѣчная вода (юрты ихъ всегда при самыхъ рѣчкахъ или ключахъ) и кирпичный чай, который варится въ большихъ мѣдныхъ чайникахъ, вмѣстѣ съ молокомъ, и разливается въ китайскія деревянныя чашечки съ толкномъ вмѣсто сахару. Выпивъ чашки, они преловко управляются съ оставшимся на днѣ чашекъ толкномъ, посредствомъ указательнаго пальца, который въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ замѣняетъ ложку. Лѣтомъ Калмыки предаются полному разгулу: *чегэнь*, *кумысъ* и *аракы* тогда льются рѣкой. Чегэнемъ называется кумысъ изъ коровьяго молока. Онъ довольно вкусенъ, кислотоватъ и отличается отъ кобыльяго тѣмъ, что не столько крѣпокъ. Чегэнь и кумысъ дѣлаются въ кожаномъ мѣшкѣ, называемомъ *аркытѣ*, гдѣ налитое молоко нѣсколько дней взбалтывается часто деревянною колотушкою, и приходитъ въ броженіе. Для закваски въ новый *аркытѣ* кладется копченая жила какого-либо животнаго, преимущественно лошади; а старый *аркытѣ* служитъ самъ себѣ закваской безъ посторонней помощи. Изъ кумыса производится вино слѣдующимъ образомъ: котель кумыса ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками выпуклой деревянной крышки, которой края со всѣхъ сторонъ замазаны глиной. На одной изъ половинокъ два отверстія, въ которыя вставляются двѣ деревянныя, дугообразныя трубы. Одинъ конецъ каждой трубы хорошо вмазывается въ отверстіе, а другой пропущенъ въ чугунный кувшинъ, закрытый плотно войлочнымъ кружкомъ и стоящій въ корытѣ съ холодною водою. Пары кумыса, проходя сквозь трубки въ кувшины, и здѣсь охлаждаясь, претворяются въ вино, *аракы*. Изъ выжимковъ испарившагося кумыса готовятъ сыры.

Сосѣдственныя съ Калмыками крестьяне, по ихъ способу, научились изъ хлѣба доставать себѣ вождѣльнную *сивуху*, именуемую *самосидкою*, которая однакожь строго преслѣдуется гг. корчемными засѣдателями, удобно открывающими изобрѣтателей по отвратительному запаху изобрѣтенія.

Главное богатство Алтая заключается въ скотоводствѣ, цвѣтущему состоянію коего весьма-способствуютъ кипцовыя долины, солонцы и подножный кормъ во весь круглый годъ. У многихъ Калмыковъ содержится до 40 табунѣвъ коней и до 3000 овецъ. Табунъ есть извѣстное число кобылъ, около 30, подъ управленіемъ одного жеребца. Алтайскія овцы рослы, горбоносы, съ умѣренными курдюками, широкими отвислыми ушами и длинной шерстью. Ими усѣяна гладкая какъ столъ долина Чарысъ, названная по рѣкѣ того же имени.

Калмыки разбросаны по всему Алтаю. Ихъ 7 волостей, называемыхъ *дючинами*. Каждая волость управляется *Зайсаномъ*. *Зайсанъ* (начальникъ) равняется волостному головѣ, облеченъ тою же властію и имѣетъ тотъ же кругъ дѣйствования: собираетъ подати, разбираетъ ссоры подвѣдомыхъ ему и проч. Зайсанство переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну. Второе лице по зайсанѣ называется *судъ*. Число ихъ, смотря по волости, бываетъ отъ 2 до 5. Суды трехъ зайсанѣвъ выше каждаго зайсана: опредѣленія ихъ въ дѣлахъ спорныхъ неизмѣнны. Подъ рукою у каждаго суда по одному помощнику — *димичи*, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи послѣдняго начальственнаго члена *шулѣна*, соотвѣтствующаго чинѣмъ сотнику. Калмыки вмѣсто клятвы цѣлуютъ дуло ружья, а вмѣсто подписки своеручно прилагаютъ *тамгу*, мѣтку, тавро, которымъ мѣтятся у каждаго свой скоть.

Димичи преимущественно занимаются собраніемъ *ясака*, который вручаютъ зайсанамъ, а сіи, положивъ на ясакъ свою именную печать, сдаютъ его въ казначейство. Съ каждой дунни положено взымагъ по 3 бѣлки и 1 р. 86 к. сер., и сверхъ того 10 соболей съ каждой волости.

Сказанія Алтайцевъ о времени ихъ подданства Россіи различны и сбивчивы. Большинство однакожь увѣрляетъ, что послѣдній ханъ ихъ *Колданъ*, а по другимъ *Кандаичъ* имѣлъ у себя двухъ женъ и семерыхъ дѣтей: отъ первой жены сына *Шюну* и дочь *Шюжды*, а отъ второй пятерыхъ сыновей, изъ коихъ извѣстны по имени двое: *Амарзанъ* и *Табаичъ*. По смерти *Кандаича* между

дѣтьми возгорѣлось несогласіе. Противъ Шюну составилъ заговоръ его братьевъ, но сестра, узнавъ объ этомъ, предупредила его спастись бѣгствомъ. Онъ убѣжалъ въ Россію, назадъ тому около 150 лѣтъ, и принялъ ея подданство. Злополучная сестра убита заговорщиками за открытіе ихъ злаго умысла. Между остальными братьями согласія также не было: трое изъ нихъ погибли въ междоусобіи, но Амарзана и Табаачи продолжали еще спорить между собою о правленіи, пока первый не послѣдовалъ примѣру Шюну, предавшись Россіи, а послѣдній съ своимъ народомъ скочевалъ въ Китай. Всѣ Калмыки утверждаютъ, что во время междоусобія прадѣды ихъ 7 лѣтъ не платили ясака. Называющіе Кандайча послѣднимъ хапомъ говорятъ, что Канданъ былъ первымъ по немъ человѣкомъ, однакожъ не ханскаго происхожденія, и что рядъ настоящихъ зайсановъ происходитъ отъ сего послѣдняго.

Прежде же управленія ханами, во времена отдаленныя, Алтай, какъ сообщилъ мнѣ зайсанъ 1-й алтайской дочкины, который кажется еще поосновательнѣе прочихъ, — населенъ былъ Чудью, неимѣвшею ни князей, ни владѣтелей. Въ то время не было въ Алтай ни одной березы. Какъ скоро появилось это небывалое дерево, Чудь разсудила (и основательно), что ей болѣе не слобровать. Выкопали ямы, утвердили въ нихъ столбы для потолка изъ камней и земли, забрались въ эти ямы, подрубили столбы и тѣмъ беге дальнихъ хлопотъ всѣ дѣла покончили. Преданіе это хотя и негѣбно, однакожъ насыпи по р.р. Чарысу и Абаю, среди долинъ, неимѣющихъ далеко вокругъ ни одного камня, рѣшительно всѣми Алтайцами признаются за могилы предшествовавшаго имъ народа, отличнаго отъ нихъ. Насыпи эти имѣютъ правильный видъ круга, возвышаются на 1 арш. надъ уровнемъ долины, окружены дикими камнями, вовсе не природой наложенными, около 3 саж. въ діаметрѣ, съ углубленіемъ въ срединѣ на 1 саж., наполненнымъ камнями—и дѣйствительно походятъ на обвалы. Повыше же устья рѣчки Кенъги, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Уралъ, насыпи эти гораздо обширнѣе и глубже. Въ одномъ углубленіи замѣченъ мною старыи деревянный срубъ. Алтайцы разсказываютъ, что внутри насыпей находили мѣдныя стремяна, монеты и другія металлическія вещи.

Смотря же на валы двойные и даже тройные, встрѣчающіеся

въ Алтайѣ, можно съ увѣренностію сказать, что было время, когда населяли его люди, соединенные узами гражданственности.

Послѣ Калмыкъ первое мѣсто въ алтайскихъ горахъ принадлежитъ *татарамъ*, кочующимъ въ сѣверной части ихъ, называемымъ по мѣсту кочевокъ *черновыми*. Они отличаются отъ калмыкъ только именемъ, а почему одни татары, а другіе калмыки—рѣшить трудно. Черновые татары занимаются звѣроловствомъ, собираніемъ кедровыхъ орѣховъ, пчелованьемъ и мало пчеловодствомъ.

Кремневыхъ ружей здѣсь нѣтъ, кремнь всегда замѣненъ длиннымъ фитилемъ, внутренность ружья узкая, пяти-гранная; пуля туго вбивается желѣзнымъ шомполомъ и пыжей не требуетъ. Алтайскія ружья берутъ весьма на большое разстояніе. Рука алтайцевъ очень мѣткая; многіе изъ нихъ охотятся даже и за рыбами, убивая ихъ на 4 вершка глубины.

Хорошій кедръ доставляетъ Татарамъ пудовъ до двухъ чистыми орѣхами, которые продаются на мѣстѣ пріѣзжающимъ сюда крестьянамъ за весьма выгодную цѣну, разумѣется для послѣднихъ. Часто пудовка (мѣра) орѣховъ идетъ на таковую жъ ячменя. Урожай орѣхамъ узнается съ осени. Тогда уже зараждаются на кедрахъ шишечки, ихъ вмѣстилища, которыя созрѣваютъ въ продолженіе всего года.

Дикихъ пчелъ очень много въ Черни (\*). Татары отыскиваютъ ихъ весною по полету, и продаютъ крестьянамъ цѣлой лѣсиной на мѣстѣ, отъ 1—2 р. сер. Промыслъ этотъ называется *пчелованьемъ*.

Черновые татары управляются *башлыками* (баги, голова) и ихъ помещиками, димичами. Ихъ четыре волости. Ясакъ тотъ же, что у калмыковъ; только вмѣсто соболей, съ каждой волости должно ввести въ казначейство 10 черно-бурыхъ лисицъ. Еслижъ ловъ лисицъ будетъ неудаченъ, онѣ замѣняются бѣлками за каждую по 80 штукъ.

Въ Черни нѣтъ ни одной войлочной юрты; но зато встрѣчаются изъ тесу четырехъ-стѣнные, съ предюртіемъ въ родѣ сѣней; даже въ нѣкоторыхъ юртахъ есть и печи, сбитыя изъ гли-

---

(\*) О происхожденіи сибирскихъ пчелъ говорятъ, что первые два улья ихъ были выписаны въ 1796 г. г. полковникомъ Аршеневскимъ въ Устькаменогорскъ, отъ которыхъ и расплодился всѣ сибирскія пчелы.

ны, съ примыкающими къ нимъ глиняными, на прутьяхъ утвержденными колпаками (чувалъ), которые оканчиваются трубой. Внутренность печи, или правильнѣе полукруглая пещерка, сдѣлана только для формы, безъ назначенія. Потому что дрова приставляются къ печи, на полу; дымъ собирается подъ чуваломъ, и, не заглянувъ въ печку, улетаетъ въ трубу. Передъ печью, вверху—продолговатое отверстіе, накрытое льдиной, это окно. Стѣны вверху обведены, арш. 2 ширины и 3—4 верш. вышины, полукруглымъ возвышеніемъ, отправляющимъ должность обихихъ постелей. На этихъ возвышеніяхъ и мы проводимъ по нѣсколькимъ ночей на сѣдлѣ, вмѣсто изголовья. Впрочемъ, въ лѣтнее время вольный воздухъ предпочитается юртѣ. Въ юртахъ спать очень неудобно. Зимой — одна сторона жарится отъ огня, а другая — дрожитъ отъ холода. Лѣтомъ нападаютъ въ юртѣ легіоны блохъ и другихъ пасѣкомыхъ—порожденій нечистоты: во всемъ языческомъ Алтайѣ, сколько мнѣ извѣстно, одна только *мыльча* (баня). Вообще же въ юртѣ очень часто просыпаешься отъ боязни сгорѣть. Да и при этой невольной осторожности иногда прогораетъ платье отъ разлетающихся отъ огня искръ. Положимъ, долговременная, верховая тряска научаетъ спать спокойно даже и въ юртѣ, но поутру, на свѣжемъ воздухѣ, глаза докладываютъ, что они провели ночь въ дыму. Конечно, оттого и юрто-жители часто преждевременно теряютъ зрѣніе.

Черновыя татарки румянятся на пропалую, чего не терпитъ Алтай; шубы, многія покрываютъ китайкой или нанкой, шапки замѣняютъ платками. Близъ же Телецкаго озера встрѣчается на женщинахъ родъ кокошника, наклоненнаго внизъ, съ большими назадъ разводами.

Наконецъ, послѣдніе коренные жители алтайскихъ горъ—*Кумандинцы*, небольшими улусами осѣдло живущіе по рѣкѣ Бій. Ихъ только двѣ волости, управляемая башлыками. Кумандинцы отличаются отъ алтайскихъ калмыкъ и черновыхъ татаръ образомъ жизни и наружностію. Живутъ они домиками, занимаются скотоводствомъ и земледѣіемъ. Мужчины подстрижены въ кружокъ, какъ мѣщане; одѣваются въ бѣлье тонкаго холста халаты; зимою подъ халатъ надѣваютъ бараныи полушубки. Женщины одѣваются такъ же, какъ крестьянки, которымъ не уступаютъ и въ домоводствѣ. Кумандинцы не лишены переносиць и бородъ; глаза у нихъ подъ лобъ не прячутся.

Всѣ эти три племена, Калмыки, Татары и Кумандинцы — идолопоклонники шаманскаго суевѣрія, говорятъ на своемъ татарско-калмыцкомъ нарѣчій, съ небольшими различіями одного племени отъ другаго, впрочемъ другъ друга понимаютъ. Признаютъ два начала, доброе и злое. Подъ именемъ *Ульгя*, почитаютъ высшее существо, начало свѣтлыхъ силъ, *ару неме*, какъ Богу приносятъ жертву и *эрліку*, началу темныхъ силъ, *кара неме*. Этимъ двумъ существамъ подчинены, какъ меньшіе боги, чистые духи—*ак неме* и нечистые — *кара неме*. Изъ множества общихъ всѣмъ богамъ, каждое племя, *сюок*, имѣетъ одного особенно своимъ богомъ. Поклоняются также горамъ, особенно когда благополучно совершаютъ путь свой чрезъ ихъ вершины, поставая въ честь ихъ сухія березовыя палки со множествомъ тряпочекъ и конскихъ волосъ разныхъ цвѣтовъ. Чтутъ жертвами хозяевъ озеръ и рѣкъ — *ээзі*; при жертвоприношеніяхъ призываютъ въ мольбу умершихъ сродниковъ своихъ, дѣлаютъ въ честь ихъ подвѣски и поклоняются имъ; кланяются солнцу, луиъ, при услышаніи перваго грома—небу; грубой отдѣлки каменнымъ идоламъ и высокимъ плитамъ съ намалеванными черной краской изображеніями. Часть всякой жертвы и всякой пиши и питья съ поклонномъ удѣляютъ огню; поставляютъ лучшую пищу оспѣ и другимъ болѣзнямъ, для умилостивленія демоновъ, производящихъ болѣзни.

Главное идолослуженіе здѣшнихъ некрещенныхъ инородцевъ состоитъ въ жертвоприношеніи демонамъ. Въ посредники между человекомъ и дьяволомъ избирается послѣднимъ особенное лице, называемое *камъ*, отчего и жертвоприношеніе, соединенное съ религіозными обрядами, называется *камланьемъ*. Камы рождаются съ непреодолимымъ стремленіемъ къ камланью, хотя бы и не хотѣли быть камами. Должность ихъ переходитъ изъ рода въ родъ, не исключая и пола. Кама можно узнать по мрачному виду и налившимся кровью глазамъ. Предъ камланьемъ съ нимъ начинается сильная позѣвота, глаза закатываются подъ лобъ, мускулы сжимаются; онъ приходитъ какъ бы въ изступленіе. Во время же самыхъ дѣйствій глотаетъ ножи, трубки и другіе показываетъ фокусы безсознательно.

Каждому женатому человеку положено приносить жертву *Ульгяню* три раза въ жизни, преимущественно весной или осенью. Въ жертву ему приносится лошадь свѣтлой масти. Онъ, долго не

получая требуемой жертвы отъ человѣка, препоручаетъ *Эрлику* наказывать ослушника его постановленіи. Когда же *Ульэнь* съ *Эрликомъ* перевѣдались, тогда человѣкъ вдвойнѣ долженъ платить дань, т. е. умиловать жертвою *Эрлика* и потомъ исполнить требованіе *Ульэня*. *Эрликъ*, получивъ отношеніе *Ульэня* о жертвоприношеніи, приказываетъ распорядиться *Кыыр-хану*, союзнику *Ульэня*, который, по своему усмотрѣнію, предоставляетъ той или другой силѣ наказывать непочитающаго. Если человѣкъ и послѣ наказанія не исправится, тогда снова наказанія за наказаніями съшлются на несчастнаго до самой смерти. А если принесетъ пожеланную жертву *Ульэню*, отдаритъ и *Кыыр-хана* за хлопоты: тогда приближенный *Эрлика*, *Кыыр*, старшій надъ всѣми темными силами, командируетъ своихъ слугъ воспретить вредоносныя для человѣка дѣйствія демоновъ.

*Ульэню* женщина камлатъ не можетъ. Въ жертву *Эрлику* приносится лошадь непременно вороная. А въ дары *Кыыр-хану* и проч. идетъ всякая скотина.

Лошадь избирается для жертвы слѣдующимъ образомъ: на спину ея ставятъ чашку, вымытую собственнымъ ея молокомъ, лошадь прихлыснутъ, чашка падаетъ. Если она упала вверхъ дномъ, то лошадь въ жертву не годится; еслижъ станетъ на дно, то избранная жертва годна. Избранную такимъ образомъ кобылу даютъ держать за чумбуръ (поводъ) также человѣку избранному. Камъ машетъ березовымъ прутикомъ надъ лошадию, означая тѣмъ, что онъ отправляетъ душу животного къ *Ульэню* напередъ и съ проводникомъ. Среди юрты, гдѣ предназначено камлатъ, ставится свѣжая зеленая береза, *тапты*, вершина которой высовывается сквозь остроконечную верхушку юрты. На березѣ вырубаютъ 12 зарубокъ, это ступеньки, и къ вершинѣ привязываютъ, вмѣсто знамени, кусокъ полотна. Впереди юрты дѣлаютъ изъ бересты круглое гнѣздо, а у двери, въ сторонѣ, изображающей на этотъ разъ скотскій пригонъ, ставится силосъ изъ березовой палочки съ петлею конскихъ волосъ. Приготовивъ все такимъ образомъ, Камъ вооружается непремѣнными орудіями демоно-служенія — *бубномъ* и *орбой*.

*Бубны*, *тюниюръ*, *чалу*, величиною своей и раскраскою разнятся одинъ отъ другаго. Мнѣ случалось видѣть кружокъ, обтянутый моралловою кожей  $\frac{1}{2}$  арш. въ діаметрѣ, внутри кружка, на срединѣ, отъ одного края до другаго, утверждена палка, оканчив-

вающаяся вверху деревянной рожей съ мѣдными глазами. Палка немного ниже рожки пересѣкается веревкой, а у другихъ желѣзнымъ прутикомъ, на которомъ съ праваго бока привѣшено 4 желѣзца, а къ лѣвому — 5-ть, въ срединѣ желѣзокъ — три узкія тряпочки. На наружной сторонѣ кожи намалевано: небо, радуга, солнце, мѣсяць, звѣзды, березки, кѣви, гусь, камъ на конѣ и земля.

*Орба*, или деревянная изъ таволожки колотунка, обтянутая звѣриной кожей, шерстью вверху, имѣетъ видъ лапы. На одномъ концѣ ея 10 засаленныхъ тряпокъ, а на другомъ—3 пробойца на  $\frac{1}{4}$  верш. одивъ отъ другаго, каждый съ 3 желѣзными колесками.

Демоно-служеніе начинается призываніемъ великаго множества чистыхъ духовъ, подчиненныхъ *Улыэю*: *Керыыдай*, *Хан-Каршита*, *Кызы-хана*, *Мерьэнь-хана* и проч. Призыванія эти, какъ и всѣ обряды при камлани, сопровождаются стихами, которыхъ содержаніе очень трудно уловить незнающему основательно языка инородцевъ; тѣмъ-болѣе это трудно для Христіанина, потому-что обряды эти наполнены техническими словами ихъ чертовщины. Поэтому здѣсь описаны только дѣйствія кама.

На призыванія кама добрыхъ духовъ, какій-и изъ нихъ языкомъ кама же отвѣчаетъ: *Ао, камъ, ай*. Послѣ отвѣта камъ подставляетъ бубень, какъ бы принимая духа. Подобнымъ же образомъ призываетъ *Эрлика* съ его ватагой, выходитъ изъ юрты, садится на чучелу, представляющую гуся, и махая руками, какъ бы летитъ на высоту. Полетавъ не много, закричитъ: *мъайак, мьак, мьак*, — это ржанье приготовленной въ жертву лошади, *пура*. Заслышавъ свое ржанье, камъ, сидя на гусѣ, съ помощію созванныхъ силъ, гонитъ коня съ неба и спустившись на землю съ высоты, на которой не былъ, загоняетъ *пура* въ пригонъ, бѣгая вокругъ юрты извиѣ. Ротозѣи тоже пособляютъ ему ловить невидимаго коня и изо всей силы, вмѣстѣ съ камомъ кричатъ: *хай, хай, ай, ай, гай, гай* и вгоняютъ невидимку въ юрту, прямо въ скотный дворъ, гдѣ невидимый же караульщикъ *пура-сакчи*, съ силкомъ. Камъ, запыхавшись, вбѣгаетъ въ юрту и лѣвою рукою бросивъ чрезъ лѣвое плечо бубень къ народу, ту же руку мгновенно впускаетъ въ силокъ. Это значитъ *пура* поймана. Камъ начинаетъ голосомъ подражать лошади, у которой шея сдавлена арканомъ, прыгаетъ, лягается. Брошенный имъ бубень кѣмъ-

либо схватывается на воздухѣ. Еслижь его уронить на землю, значитъ *пура* сорвалась и убѣжала. Въ такомъ случаѣ камъ снова загоняетъ ее, окуриваетъ *аржаноми* (родъ можжевельника) и сдаетъ съ наставленіями *пура-сакчи*.

Потомъ камъ съ помощію народа ведетъ дѣйствительную лошадь въ поле, далеко отъ юрты къ березѣ, *чаал-каши*, заблаговременно присканной, которая не имѣла бы поврежденія ни въ стволѣ, ни въ вѣтвяхъ, гдѣ, поставивъ ее головой къ востоку, завязываютъ рыло веревкой. Къ каждой ногѣ также привязываютъ по веревкѣ, и положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги на обѣ стороны, а жердью придавливаютъ къ землѣ, и такимъ образомъ ломаютъ спину. Всѣ отверстія лошади затыкаютъ травой, чтобъ не выпустить крови. Когда она долго бьется, камъ беретъ пустую чашку и, поднося къ ней, говоритъ: *куруй-лян-ят, куруй-лян-ят; оп куруй, оп куруй, оп куруй*: это значитъ: буду ловить счастье, или силу на приплодъ, остальную и выходящую съ жизнію изъ кобылы. Съ замученной лошади снимаютъ кожу, не повреждая головы и ногъ; языкъ выдергиваютъ, и заостривъ конецъ березовой жерди, *тюкелѣ*, длиною отъ 12 — 16 арш., надѣваютъ на нее кожу жертвы, *байдара*, влезъ ногами, такъ, чтобы заостренный конецъ прошелъ сквозь голову въ ротъ. По содраниіи кожи дѣлаютъ жертвенникъ, *таскак*, изъ 4-хъ березовыхъ столбиковъ, вышиною около 5 арш., одинъ отъ другаго на 2½ арш. въ квадратномъ растояніи. Близъ *таскака*, на западной сторонѣ ставится березовый колъ съ развилкой на верху, вышиною около 5½ арш., на которую кладется верхній конецъ *тюкелѣ* съ *байдарою*, головою на востокъ (если жертва Ульгэно, Эрлику — на западъ), а нижній — утверждается въ землѣ, такъ чтобы *байдара* висѣла нагъ самымъ таскакомъ.

Управившись съ кожей, приступаютъ къ мясу; разрѣзываютъ оно на мелкія части, разбирая по суставамъ, *не ломая костей*; для чего избираются знатоки этого дѣла. Выбравъ кости ляшекъ, задъ отсѣкаютъ, это самая лучшая часть, *уя*. Грудину съ ребрами отдѣляютъ отъ спицы, обрѣзываютъ мясо и раздѣляютъ сырое понемногу всѣмъ. Удѣлы эти называются *тѣбѣ*, верхушка. *Учу*, грудину и мелкія кости варятъ въ большомъ котлѣ съ водою, безъ примѣси постороннихъ веществъ. Двое поваровъ, избираемые на этотъ случай, называются *казаний*. Они вооружены длинными въ 1 саж. заостренными палками, замѣняющими

вилки, *эдуш*. Кромѣ *казани* никто къ котлу приступать не смѣетъ. Когда идолжертвенное сварится, дѣлаютъ изъ березовыхъ прутьевъ въ 3 арш. длины и 1 ¼ арш. ширины *ширѣ* на землѣ, постилая эти прутья комлями къ краямъ, а вѣтвями въ средину, сжимая первые въ 2-хъ связанныхъ палкахъ. *Казани* вынимаютъ конишу *эдушемъ*, кладутъ на *ширѣ* и разрѣзываютъ на куски.

Камъ, наливъ въ чашку, *чащыл-аяк*, идолжертвенной жидкости, *эрысь*, подходитъ къ *Баш-тут-хану* (домашній идолъ каждой юрты) и крошитъ его отъ себя и отъ хозяина. Потомъ самъ отвѣдаетъ этой жидкости и родственники хозяина. Чашка опрастывается. Камъ, махая ею кругообразно, бросаетъ вверхъ. Если чашка падаетъ вверхъ дномъ — у хозяина будетъ покойникъ въ юртѣ, или это значить, что жертва *Улыэню* не по вкусу, но уже ее не перемѣняютъ.

Хозяинъ беретъ лучшую часть конины, *уча*, подноситъ въ даръ каму. Онъ, принявъ, обрѣзываетъ себѣ немного мякоти и передаетъ кусокъ кому-либо изъ почетныхъ лѣтами, или должностію; тотъ, отрѣзавъ себѣ, передаетъ другому, обыкновенно старшему изъ родственниковъ; этотъ, отрѣзавъ себѣ, отдаетъ остальное всѣмъ находящимся, и тутъ уже окончательно очищаютъ кости *уча*, не повреждая ни одной изъ нихъ. Грудину, *тюш*, также цѣлую подноситъ хозяинъ первому почетному человѣку; этотъ, покушавъ, передаетъ другому, а сей третьему и такимъ образомъ почетная передача кончается; остальное мясо на *тюш* очищаетъ тотъ, кому угодно. Съ прочихъ костей срѣзавъ мясо, хозяинъ, положивъ на блюдо, даетъ родственникамъ по кусочку своей рукой прямо въ ротъ; кусочки эти вазываются: *паянын улежй*. Они посылаются и отсутствующимъ, и принимаются также прямо въ ротъ отъ руки посланнаго.

Очищенные кости жертвы, всѣ въ цѣлости, складываются на *ширѣ*, которое поднимается на *таскак*, покрывается хворостомъ и оставляется съ *байдарою* на сгниеніе. Въ Алтайскихъ горахъ и особенно у Калмыковъ, богатыхъ скотомъ, зрѣніе весьма часто оскорбляется этими вывѣсками демонослуженія, обращенными на востокъ и западъ.

Дѣйствіе первое кончено. Начинается второе.—Вечеромъ, по захожденіи солнца, камъ снова собираетъ силу, между прочими хозяинъ бубна *тунюрь ээй*, и хозяинъ огня, потчуетъ ихъ идолжертвенною конишой. Потомъ предлагаемое богамъ мясо, изрѣ-

завь въ куски, раздѣляетъ по народу, который вмѣсто призываемой невидимой силы, съ видимою жадностію съѣдаетъ мясо. Далѣе камъ, окуривъ всю юрту *аржаномъ*, сушитъ бубень для звонкости на огнѣ и постукивая въ него *орбой*, снова сзываетъ силу, какъ прежде. При отзвѣ: *ао, кам, ай*, привскакиваетъ, ударяя сильно снизу въ приподнятый и низверженный бубень;— это пріемъ пришедшаго духа. Чѣмъ болѣе наберетъ въ бубень силы, тѣмъ сильнѣе бубнитъ, покачивая бубномъ, какъ бы отяжелѣвшимъ. Собравъ такимъ образомъ всю нечистую силу, обходитъ одинъ разъ вокругъ *танты*, приближается къ двери, спрашиваетъ что-то у дверника *Ульзенева, Капыр-хана*, скромно и тихо, присѣвъ на колѣно и тихо ударяя въ бубень. Выслушавъ отвѣтъ, встаетъ, держитъ ребромъ бубень у груди, три раза кланяется головой и бубномъ, выходитъ на средину юрты, и здѣсь со всюю смѣлостію и бойкостію движеній начинаетъ бубнить. Отбубнивъ, подходитъ къ хозяину и членамъ семейства, обвиняя ихъ спереди бубномъ, а сзади орбой, очищаетъ ихъ отъ всякаго вреда Эрмакова, снимая съ нихъ на бубень все худое. Потомъ приподнявъ надъ ухомъ хозяина бубень, сильно ударяетъ; это значитъ впускаетъ къ нему въ ухо бѣса *Тюли*. Сдѣлавъ эту предосторожность, чтобъ хозяину не проронить ни одного слова, камъ обходитъ вокругъ огня и *танты* три раза; въ каждый разъ, когда бываетъ впереди, близъ пальцевъ, приклоняясь проворно, какъ бы подхватываетъ что нибудь изъ подъ нихъ съ земли и въ промежуткѣ стиховъ вскрикиваетъ: *о—гол!* Обойдя въ третій разъ, обхватываетъ пальцевъ бубномъ и орбой, живо становится одною ногою на нижней ступени *танты*, и поднявъ бубень вверхъ сильно ударяетъ орбой и кричитъ: *чо—к?* Это значитъ все и всѣхъ приподнявъ съ земли, предпосылаетъ на небо. Вскричавъ *чо—к* и прыгнувъ съ ступени, присѣдаетъ къ землѣ, ударяя по ней ребромъ бубна, къ которому прижимая орбу, поднимаетъ его, ударяетъ три раза безъ словъ и, вкочивъ на ноги, быстро обѣгаетъ одинъ разъ вокругъ огня и *танты*, сильно бубня, какъ бы радуясь воешествію на первое небо, и представляя громы и молнію, кричитъ изъ всей силы. Побывавъ на небѣ, камъ дѣлается точно бѣшеный; неосторожныхъ стаптываетъ ногами. Потомъ садится на приготовленный потыкъ, представляющій демона *Буру*, и побубнивъ на немъ, ставитъ ногу на 2-ю зарубку *танты*, и по прежнему присѣвъ и ударяя бубномъ о землю, будто проби-

васть 2-е небо, кричитъ и обѣгаетъ два раза вокругъ *тапты*. На 3-е небо влѣзаетъ также и ѣздитъ тамъ на *Бурь*, который выбивается изъ силъ и замѣняется *Касель* (гусь), чтобъ на немъ догнать душу жертвеннаго *байтала*. *Кась* мчится во весь скакъ за *Баш-тутханомъ*, котораго роль разыгрывается къѣмъ либо изъ зрителей, настигаетъ его, и какъ выполнившій свое дѣло отпускается камомъ на подножный кормъ. Камъ, покачиваясь на обѣ стороны, держитъ у груди бубень и вступаетъ съ *Баш-тутханомъ* въ разговоръ съ замѣтнымъ чувствомъ любопытства, какъ бы желая скорѣе знать все ли благополучно. *Баш-тутханъ* отвѣчаетъ что-то плачевнымъ голосомъ. Разговоръ ихъ перебиваетъ бѣсъ *Кара-кеш*, прося табаку у *Баш-тутхана*. Этотъ подаетъ ему трубку; а камъ съ боку на бокъ заглядываетъ на трубку, какъ бы боясь чего-то, и заводя глаза подъ лобъ, обнюхиваетъ ее издали съ обѣихъ сторонъ, и потомъ вмѣсто *Кара-коша* покуривши кричитъ: *ау, ау, ау*, и бросивъ трубку, влѣзаетъ на 4-ю зарубку, вскакиваетъ, пробиваетъ по обыкновенію 4-е небо и слышитъ тамъ голосъ кукушки: *кук-кудук, кук-кудук, кук-кудук*. Камъ, представляя и птицу и *Кара-коша*, бросается вверхъ, внизъ и во все стороны, прицѣливаясь бубномъ, какъ ружьемъ, и, не видя птицы, стрѣляетъ на удачу. Потомъ пробивъ 5-е небо, гдѣ живетъ знаменитый дьяволъ *Яючй*, подступаетъ къ нему тихо, съ подобострастіемъ, какъ къ начальнику. Но *Яючи* кричитъ на него изъ всѣхъ силъ *а-а-й!* Камъ отскакиваетъ и пятится, снова полегоньку приближается и кланяется долго, но получаетъ въ отвѣтъ то же грозное: *а-а-й!* Это приближеніе кама и отверженіе *Яючй* повторяются нѣсколько разъ; пока послѣдній кончитъ свое занятіе—*твореніе младенцевъ* и умиливается. Войдя въ милость къ такому вельможному духу, каковъ *Яючй*, камъ начинаетъ пророчествовать: предсказанія сыплются во множествѣ. Послѣ каждаго предсказанія, если оно хорошо, зрители хватаются за шапки, желая поймать упавшее съ 5-го неба пророчество. Если же предсказанія плохи, шапки снимаютъ съ головъ и отряхиваютъ. Кончивъ предсказанія, камъ откланивается *Яючй*, и слышитъ ржанье *Бурь*, носившаго его по 1 и 2 небу, который, выстоявшись проситъ пить. *Баш-тутханъ* подаетъ чашку съ водой и насвистываетъ, какъ это обыкновенно бываетъ при поеніи коней. Камъ, хряпая, пьетъ. Напившись, схватываетъ зубами и бубномъ чашку и взбрасываетъ ее кверху. *Баш-тутханъ* поднимаетъ чашку и

окуриваетъ *аржаномъ*. Далѣе, съ прежними церемоніями слѣдуетъ восходъ на 6-е небо, гдѣ живетъ мѣсяць, и на 7-е—жилище солнца. На 7-мъ небѣ камъ, прижавъ къ лицу бубенъ, внутрь его крикнетъ: *ку-кук!* Чортъ *Кочуганъ* отвѣчаетъ: *к-хы!* Крикъ кукушки и отвѣтъ *Кочугана* повторяются. Если камъ—*Кочуганъ*, тогда онъ стоитъ на землѣ; а если онъ не *Кочуганъ*, но кукушка, тогда стоитъ на 7-й зарубкѣ *танты*. Потомъ слѣдуетъ восходъ на 8, 9, 10, 11, и наконецъ 12 небо—жилище *Ульэня*. Чѣмъ выше взбирается онъ на небесные круги, тѣмъ сильнѣе производитъ бубномъ и крикомъ громъ и молнію. Бывши на небесахъ, предсказываетъ измѣненіе погоды или сказываетъ о встрѣчѣ съ своимъ собратомъ-камомъ, камлающимъ также *Ульэню*.

Поговоривъ съ *Ульэнемъ*, камъ соскакиваетъ съ 12-го неба. *Баш-тутханъ* снимаетъ съ его рукъ *орбу* и *бубенъ*, въ который камъ въ послѣдній разъ дѣлаетъ три щелчка пальцемъ и бормочетъ: *а-а-а-а, ы-ы-ы-ы*, какъ бы не въ силахъ удержать себя; протираетъ глаза, гладитъ волосы и здоровается съ зрителями; *эзень, эзень-ба?*, какъ бы возвратясь изъ дальняго путешествія.

Окончивъ утреннее и вечернее камланье, пьютъ кумысъ, *айранъ*. Полъ юрты устилаютъ коврами, вокругъ огня ставятъ, по числу зарубокъ, *танты*, китайскія чашечки, *ачилдак*, окуриваютъ *аржаномъ*, наливаютъ *айраномъ* и встаютъ передъ чашками въ такомъ порядкѣ: впереди, слѣва отъ двери, камъ, возлѣ него *Баш-тутханъ-кыжи*, далѣе хозяинъ юрты и прочіе, у коихъ въ томъ году не было въ семьѣ покойника старѣе 1 года. Принесенными съ мѣста закланія жертвы особенными ложками, изъ бересты, *кыйлати*, брызжутъ всѣ въ разъ *айраномъ* вверхъ на *танту*. Камъ произноситъ стихи, а каждый брызжущій вскрикиваетъ: *чо-к!* Это брызганье повторяется до трехъ разъ; въ послѣдній разъ ложки бросаютъ вверхъ, и если чья, упавши, легла вверхъ дномъ, тому счастья въ этомъ году не будетъ, а у кого внизъ дномъ—тому *яши*. Остальнымъ *айраномъ* снова наливаютъ чашки и вышиваютъ сами всѣ вдругъ. Камъ, выпивъ, бросаетъ свою *ачил-анк* за дверь, и если чашка падаетъ вверхъ дномъ, хозяину будетъ худо.

Кромѣ трехъ разъ въ жизни, часто по случаю болѣзней и другихъ несчастій весь свой скотъ теряютъ посредствомъ камланья. Приносятъ жертвы также и въ торжественные случаи, напр. во время сватъбы. Алтайскіе породы имѣютъ до двухъ женъ, рѣдко трехъ, чередующихся между собою въ отправленіи супружескихъ

обязанностей. Обыкновенно отцы женьха и невѣсты сосватываютъ ихъ въ дѣтскомъ возрастѣ. За невѣсту вносятся *калымы*, который бываетъ менѣе или болѣе 100 головъ всякаго скота, даже нѣкоторыя вещи идутъ въ число калыма. Мальчикъ съ дѣвочкой растутъ, и калымъ понемногу выполняется. Наконецъ, условный калымъ выплаченъ сполна, созрѣли къ тому времени и дѣти условливающихся: ихъ сводятъ для супружеской жизни. Всѣ родственники, происходящіе, по калмыцкому выраженію, отъ одной кости, *сѣок* и посящіе одну фамилію, вступать между собою въ супружество не могутъ. Весьма-рѣдко случается, чтобы ложе вступившихъ въ сожителство, было *нескверно*: инородцы здѣшніе предаются любострастію еще въ юныхъ лѣтахъ; отчего большая часть заражены венерическимъ ядомъ. Случалось намъ находить на высотахъ горъ едва движущихся скелетовъ, изъязвленныхъ остротою болѣзни, которыхъ мы переносили въ ближайшіе станы миссіи на носилкахъ, и вмѣстѣ съ тѣлесными ранами омывали святымъ крещеніемъ и язвы душевныя. Тяжело-больныхъ оставляютъ даже и ближайшіе родственники: Алтайцы безгнлвы.

Новорожденнымъ дѣтямъ нарекаютъ имена старшіе члены семьи. Если дѣти умираютъ скоро послѣ рожденія, для предотвращения этого выдумываютъ имена имъ какъ можно хуже. Напр. *Иткодент* (собачья задница) и т. под. Кумандишцы часто называются именами христіанскими.

Тѣла умершихъ хоронятся различно: или кладутся въ деревянные срубы, утвержденные сверхъ земли на 4-хъ столбикахъ, или закапываются въ горы вмѣстѣ съ любимыми, осѣдлыми конями покойниковъ, или сожигаются, или наконецъ привѣшиваются на сучья деревь. По смерти взрослого человѣка инородцы немедленно скочевываютъ на другое мѣсто, предавая прежнюю юрту огню. Изъ убійствъ чаще случается *само-удавленіе*. О загробной жизни язычники здѣшніе никакого понятія не имѣютъ; только нѣкоторые думаютъ, что камы по смерти превращаются въ дьяволовъ.

Алтайцы очень общительны и гостепріимны. У нихъ ничего нѣтъ завѣтнаго. Калмыкъ и Татаринъ о завтрашнемъ днѣ не думаютъ: дѣлятся съ ближнимъ безъ всякаго лицепріятія даже послѣдней горстью *арбы* (ячмень). Бѣдные живутъ близъ богатыхъ и пользуются молокомъ нѣсколькихъ коровъ, которыхъ хозяева и не трудятся доить для себя.

Пріѣхавши въ юрту другаго, Алтаецъ, не снимая шапки,

даже и предъ зайсаномъ, присѣдаетъ къ огню, принимаетъ изъ-за сапога востроносый кисетъ, набиваетъ трубку, а хозяинъ уже ему закурилъ свою; гость (а всякій, кто бы ни прѣхалъ въ *аилъ*, есть гость, *аилчи*), покуривъ изъ хозяйской трубки, закуриваетъ свою и всѣхъ сю подчуетъ, равнымъ образомъ и самъ угощается изъ всѣхъ трубокъ, предлагаемыхъ ему то тѣмъ, то другимъ. Потомъ угощаютъ гостя всѣмъ, что только есть изъ области яденія или питія. Гостю такъ обыкновенно это радушіе, что онъ никогда и ни за что не благодаритъ хозяина. Замѣчательно, что на языкѣ здѣшнихъ инородцевъ даже нѣтъ слова «благодарю». Далѣе начинаются рассказы о новостяхъ: Алтайцы очень любятъ новости, какъ и всѣ смертные. Замѣчательное происшествіе обыкновенно разносится въ продолженіе 3-хъ дней по всѣмъ угламъ Алтая, не смотря на трудность сообщеній. Если гость человекъ почтенный, къ числу которыхъ принадлежимъ и мы, смиренныя *абызы*, какъ люди грамотные и слѣдовательно, по ихъ понятію, всесвѣдущіе; то хозяинъ встрѣчаетъ его у юрты, снимаетъ съ сѣдла, коня привязываетъ къ столбу, въ юртѣ опредѣляетъ для него переднее мѣсто, разстилая тутъ потникъ. Проходитъ между почтеннымъ гостемъ и огнемъ считается неприличнымъ; молодья женщины въ знакъ уваженія сидятъ поджавши только лѣвую ногу, а правую держатъ такъ, какъ бы онѣ стояли на одномъ колѣнѣ. Хозяинъ подсаживаетъ гостя въ сѣдло самъ со словами: *тимжак ат, яхши*. *Тимжак* собственно значить тряскій, качкій; на такомъ конѣ сидишь, какъ въ люлькѣ, а это въ большихъ переѣздахъ весьма-многое значить. Къ числу вѣжливостей относится и то, что главу семейства, равно и зайсана, не называютъ собственнымъ его именемъ, какъ бы считая себя недостойными такой чести, а даютъ ему другое, общепринятое. Чубъ зайсана такъ неприкосновенъ, что и тотъ не можетъ придержать его, кто подстригаетъ зайсанову голову. Исключеніе остается только за нами, миссіонерами; мы, предъ крещеніемъ, своеручно обрѣзываемъ чубы, кому бы они ни принадлежали.

Алтайцы очень услужливы, пока не стѣсняется ихъ свобода. Но быть слугами по найму, они, хоть и бѣднѣйшіе, ни въ какомъ случаѣ не согласятся. Каждый скорѣе умретъ съ голоду, чего конечно, при ихъ общительности, быть не можетъ, чѣмъ лишится свободы. Одно имя слуга уже позорно въ ихъ глазахъ,

и употребляется вмѣсто брани. Еслижь обстоятельства какъ-нибудь вовлекутъ въ услуженіе не имѣющаго ни родства, ни племени: то прислуживаютъ всегда неохотно и мстятъ за потерю свободы воровствомъ.

Алтайцы не лишены и музыки. Мнѣ случалось видѣть у Калмыковъ родъ скрипки, которая есть ни что иное, какъ поваренка или уполовникъ длинный, коего внутренность закрыта бараньей кожей, имѣющей на срединѣ кружокъ и 6-ть малыхъ отверстій, между которыми — подставочка подъ струны. Струнъ только двѣ: тонкая изъ трехъ конскихъ волосъ и басъ изъ 6-ти. Смычокъ также изъ волосъ. Подъ скрипку обыкновенно сказываютъ сказки, дребезжащей октавой, растягивая каждое слово. Пѣсни же поются безъ музыки. Напѣвъ ихъ монотоненъ и унывенъ. Стихъ начинается скороговоркой, далѣе продолжительное повышеніе на одной нотѣ, потомъ еще повышеніе и кончается стихъ крутымъ обрывомъ. Пѣсни часто поются экспромптомъ, такъ что проводники, подъѣзжая къ аялу, поютъ иногда: *ат керек, каншагай!* (Лошадей надобно, скорѣй) и тому под.

Долго Алтай коснѣлъ въ язычествѣ; долго бы и еще блуждалъ въ тмѣ, если бы не явился человекъ, съ самоотверженіемъ, отецъ Макарій. Движимый апостольскою ревностію, прибылъ онъ въ августѣ 1830 г. съ походной церковію въ языческій Алтай и сталъ пріобрѣтать чадъ Церкви Божіей изъ Татаръ и Калмыкъ. Сверхъ миссіонерскаго служенія, которое проходилъ отецъ Макарій съ необыкновенною ревностію, онъ совершилъ огромный трудъ, перевелъ всю Библию на русскій языкъ съ своими глубокими замѣчаніями и объясненіями, много писалъ и другихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Записки его были помѣщаемы въ журналъ Христіанскаго Чтенія; также вышли въ свѣтъ его письма къ разнымъ лицамъ, благотворившимъ миссіи, слова, лепта или священныя гимны, положенныя имъ на голоса, которые (и только они одни) до сихъ поръ поются рѣшительно всѣми новокрещенными инородцами, обучившимися русскому языку, и много переводовъ съ греческаго, латинскаго и повѣйшихъ языковъ. Послѣ 13 ти-лѣтнихъ истинно апостольскихъ трудовъ своихъ, онъ скончался въ Троицкомъ Оптиномъ монастырѣ, орловской епархіи, кончиною праведника, въ маѣ 1847 г.

Его стараніями и трудами образовались изъ новокрещенныхъ инородцевъ осѣдлые аялы: Улала (улу, великій), во 100 в. отъ

Бійска; Майма (май, сало) и Мьнота (мый, кошка); съ теченіемъ времени—Сайдын (сай, дресва), Чемаль (вѣтви пихты) и Черно-Ануйское. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, исключая Маймы, сдѣлавшейся приходскимъ селомъ, находится нынѣ по стану миссіи, съ походными церквами, въ которыхъ заселено около 1500 новокрещенныхъ инородцевъ; изъ нихъ многіе знаютъ хорошо русскій языкъ и обучились при миссіи грамотѣ. При заведеніи осѣдлыхъ аяловъ изъ кочевьевъ, встрѣтилась крайняя необходимость въ крестьянахъ, уже обрусѣвшихъ, для обученія инородцевъ, — сихъ младенцевъ, домоводству, земледѣлію, русскому языку, христіанскимъ обычаямъ въ семейномъ быту, порядку въ быту общественномъ, благочинію въ исполненіи обрядовъ церковныхъ и т. п. Поэтому, миссія склонила нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Алтайскими горами крестьянъ переселиться въ горы, въ основаніе каждому аялу новокрещенныхъ инородцевъ. Крестьяне, провѣдавъ, что въ Алтаѣ жить весьма-удобно: хлѣбъ родится хорошо, скоту и пчеламъ — раздолье, *бурановъ* нѣтъ, стали заводиться и отдѣльными отъ миссіи деревеньками. Такимъ образомъ изъ коренныхъ жителей Алтайскихъ горъ образовался новый народъ: *новокрещенные инородцы*, а къ нимъ присоединились и *сибирскіе крестьяне*.

Проѣзжая чрезъ крестьянскія деревни въ Алтаѣ, можно слышать :

Трѣкаться, въ трѣку идти — вмѣсто отказаться отъ своихъ словъ.

Чо, что.

Баско, хорошо.

Басинькой, хорошій.

Урысить, упрямиться.

Ланись, сокрац. лани, въ прошедшій разъ. Ланской, прошлогодній. Ланшакъ годовалый жеребенокъ.

Рясный, обильный, увѣшанный плодами.

Ширкунецъ, бубенчикъ.

Туэсъ, тресокъ, буракъ.

Рукотерникъ, полотенце.

Забыль, правда. Изъбыль, истинно.

Варнакъ, воръ, разбойникъ.

Покасть; воровство. Пакоститъ, воровать. Пакосникъ, воръ.

Щерба, уха.

- Пропасть, умереть.  
 Пошто, для чего? зачѣмъ?  
 Тошно, жалко.  
 Множество, множество.  
 Выѣхать, пріѣхать.  
 Шибко, весьма, очень. Напр. шибко хорошо, весьма-хорошо.  
 Простокиша, простокваша.  
 Пристать, устать.  
 Ямань, козелъ. Яманка, коза.  
 Обутки, обувь.  
 Бродни, сапоги.  
 Сѣлинка, лотокъ.  
 Хрускій, хрушкой, крупный.  
 Дивно, давно, много, далеко.  
 Робить, работать.  
 Дакъ, такъ.  
 Доспѣть, сдѣлать.  
 Понуждаться, торопиться.  
 На сгалъ, на смѣхъ.  
 Мольчать, желтъѣть.  
 Лопать, лопотина, одежда.  
 Настовать, чѣмъ-либо заниматься по хозяйству; напр. ходить  
 за скотомъ, поливать овощи, поправлять что-нибудь.  
 Завычка, привычка.  
 Прикалтаться, привыкнуть.  
 Сусее, меньшее, большее.  
 Хотить, хочетъ, хочуть, хотять.  
 Запасъ, хлѣбъ, хотя бы и за столомъ подаваемый.  
 Галиться, надсмѣхаться.  
 Клюка, кочерга.  
 Ятно, ясно.  
 Четвѣры, четверы.  
 Не славный, плохой, не хорошій.  
 Годить, ухаживать. Годить огурцы и проч.  
 Кислица, красная смородина.  
 Слика, на обумъ.  
 Видкій-ко, видный-но.  
 Давношній, давнишній.  
 Осенясь, осепью.

Кить, снѣжная погода.

Токмя, не токмя, только, не только.

Упячь, дуколь утколь, опять, доколь, отколь.

Положить, положить.

Польга, польза.

Славнецкій, хорошій.

Смирёный, смиренный.

Матёрый, матерящій, большой.

Поді, я думаю. Ты, *поди*, еще не старь.

Здыматься, подниматься. Напр. здыматься на гору. Вода здымается.

Малёснько, мало.

Изурочить, сглазить.

Съ краю, сначала. *Скраю* я жилъ тамъ, а потомъ переѣхалъ сюда.

Гривенникъ, 10 к. асс. Четвертакъ 25 коп. асс., безмѣнь 2¼ фунта.

Срѣдний, двоюродный.

Нужный, плохой, тощій. Нужный конь, нужный баранъ.

Пособиться, управиться, справиться.

Тыды, туда.

Въ прочёску, по праздникамъ. Хорошій кафтанъ надѣваю *въ прочёску*.

Ѣсти, есть.

Истошникъ, ходокъ, бывальчій.

Каралька, витушка, крендель.

Сполитичнѣ, лучше.

Лѣхо, дурно, тяжело.

Ревѣть, кричать. Гуси ревутъ.

Мурашь, муравей.

Баранчукъ, дитя мужескаго пола.

Молосный, молочный.

Корыстный, большой.

Стыдище, стыдовище, стыдь.

Ярѣ, берега.

Лягуша, лягушка.

Югаться, знаться, дружиться.

Фамцлія, жена (въ учтивомъ разгов.).

Мѳрговать, брезговать.

*Чтобы те извило* (самая обыкновенная брань).

Имена собственныя, въ уменьшительномъ видѣ, оканчиваются всегда на *ыша*. Саныша, Оленьша, Иваньша и т. п., исключая Петра, который превращается въ Петрована.

Священникъ **ВАСИЛІЙ ВЕРВИЦКІЙ**,

Сотрудникъ Алтайской церковной миссіи.

Аидъ Улала.



## ЗАМѢТКИ О ВЯТСКОМЪ КРАѢ.

### I.

Вятская губернія, какъ извѣстно, одна изъ обширныхъ въ Европейской Россіи и разнохарактерна населяющимъ ее народомъ, климатомъ и географическимъ положеніемъ. Ее ближе, кажется, раздѣлить можно на три округа или края, сообразно климату, почвѣ, характеру жителей, географическому положенію, степени народной развитости, образу жизни и частію только промышленности. Въ составъ Вятскаго округа по этому дѣленію должны войти уѣзды: собственно Вятскій, Слободской, Орловскій, Котельническій, частію Глазовскій, Нолинскій (часть уѣзда, лежащая по сю сторону рѣки Вятки) и Яранскій (по географическому положенію и частію по характеру). Второй округъ заключаетъ въ себѣ уѣзды: Уржумскій, частію Яранскій, Малмыжскій и Нолинскій. Въ составъ третьяго—входятъ уѣзды: Сарапульскій, Елабужскій, частію Малмыжскій и Глазовскій. (Последній болѣе подходитъ по хлѣбопашеству и по нѣкоторымъ отношеніямъ заводскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ Сарапульскому). Строго же говоря такое дѣленіе невозможно: каждый, почти, уѣздъ имѣетъ свою характеристическую черту. Такъ Вятскій округъ, о которомъ намѣренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ, имѣетъ различіе между жителями въ характерѣ и промыслахъ, не смотря на то, что климатъ, почва и мѣстность одинаковы,

почти, во всѣхъ уѣздахъ этого округа. Въ Слободскомъ уѣздѣ, наиримѣръ, жители занимаются извозомъ хлѣба на Ношульскую и Кайгородскую пристани для сплава хлѣба къ Архангельскому порту, извозомъ спирта и товаровъ во внутреннія губерніи и въ Сибирь. Кромѣ того работаютъ на Холуницкихъ заводахъ въ рудникахъ, доставляютъ туда дрова, уголь и хлѣбъ, а вывозятъ желѣзо. Въ Кайскомъ краѣ преимущественно занимаются звѣроловствомъ — бьютъ бѣлку въ значительномъ количествѣ. У слобожанъ, наиболѣе развитыя ремесла: кузнечное, которымъ занимаются, иногда, цѣлыя селенія (отъ близости желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ), слесарное, экипажное, скорняжное, портное (шитье овчинныхъ шубъ и тулуповъ) и кожевенное. Есть мебельное ремесло, но грубое; имъ занимаются въ селеніяхъ, прилежащихъ къ Вятскому уѣзду, гдѣ это ремесло вмѣстѣ съ древодѣланіемъ исключительно развито. Вообще народъ Слободскаго уѣзда трудолюбивъ, предприимчивъ и перенемчивъ. При внимательномъ взглядѣ на него видно, что это не Вятчане — ихъ сосѣди, потому что относительно разнообразная и дѣятельная ихъ промышленность съ нѣкоторою добросовѣстностію ясно говоритъ, что Слобожане не родня Вятчанамъ, что видно и изъ исторіи: Устюжане, искавшіе независимости отъ князей удѣльныхъ, поселились именно въ этихъ мѣстахъ. Вятчане же, какъ извѣстно, потомки Новгородцевъ, которые пришли сюда (въ Вятку) отъ раздоровъ и несогласій въ своей отчизнѣ. Вслѣдствіе развитія ремеселъ, хотя и по предковскимъ способамъ (\*), между Слобожанами менѣе пьянства и преступленій; да и народъ этотъ богаче, нежели Вятчане, которые наравятъ, если не пропить послѣднюю копейку, то проиграть въ карты. По крайней мѣрѣ этотъ послѣдній порокъ развитъ между подгородными жителями и молодежью, которая, живя въ услуженіи въ городѣ, или занимаясь извозничествомъ на городской биржѣ,—занесла карты по деревнямъ. Слобожане, народъ болѣе откровенный, разумно довѣрчивый, народъ серьезный и положительный, и только съ удаленіемъ отъ города, да на большихъ дорогахъ, какъ характеръ, такъ и нравственность ихъ измѣняется въ болѣе дурную сторону. Вятчане же наоборотъ,—чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ плу-

---

(\*) Разумѣется относительно Вятчанъ и Вятскаго края. Собственно же говоря, промыслы плутожны.

товатѣ, скрытнѣ, недобѣрчивѣ и подозрительнѣ. Примѣровъ плутовства и обмана слишкомъ много, стоитъ только въ воскресный день выйти на базаръ, присмотрѣться и прицѣпиться къ привезеннымъ Вятчанами продуктамъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости сказанныхъ ихъ недостатковъ. Положимъ, вы намѣрены купить возъ дровъ, поэтому, естественно, высматриваете тотъ, который на видъ болѣе изъ многихъ и подходитъ къ нему (а мужичекъ — хозяинъ воза давно васъ слѣдитъ и думаетъ знатокъ вы дѣла или нѣтъ и можно-ли взять съ васъ предполагаемую имъ цѣну). Узнавши, что стоитъ возъ дровъ и видя, что онъ такого же достоинства, какъ и у другихъ, вы торгуетесь и наконецъ соглашаетесь въ условной цѣнѣ и дрова вамъ привозятъ. Здѣсь слуга вамъ докладываетъ, что мужикъ васъ обманулъ, что у него на дѣи вмѣсто дровъ сѣно, да и не всѣ словые, а полѣнъ пятьдесятъ сосновыхъ и столько же между ними сырыхъ. Мужикъ начинаетъ предъ вами оправдываться, говорить, что на дорогѣ его возъ столкнулся на косогорѣ съ возомъ товарища, ѣхавшаго также съ дровами, которые разсыпались у того и у другаго, а при складкѣ на возы перемѣшались. Сѣно же онъ потому положилъ на низъ, что веревка понадобилась на увязку дровъ. Не вѣрьте, это обманъ. Точно также не вѣрьте и его клятвѣ, что въ слѣдующій базаръ онъ привезетъ вамъ въ замѣнъ бракованныхъ дровъ хорошіе, — онъ непременно обманетъ.

Ступайте теперь въ молочный рядъ, тамъ васъ обманетъ баба, — продастъ вамъ снятое молоко за цѣльное и притомъ парное, а цѣльное, подбитое нерѣдко мукой — за хорошія сливки, за что возьметъ соотвѣтственную цѣну мнимому достоинству того и другаго. Притомъ, продавая, будетъ васъ увѣрять, что молоко цѣльное и парное, а сливки свѣжія, только снятыя передъ поѣздкой на базаръ. Мало этого, баба будетъ вамъ божиться: «лопни мои глаза, чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти, что для праздника Христова она такого грѣха на душу не возьметъ, чтобъ обмануть». А между тѣмъ, продастъ въ то же время кусокъ сбойни коноплянной, обложенный сверху, или лучше, снаружи, сливочнымъ масломъ и продастъ его за фунтъ масла и также божится и клянется, что оно свѣжее. Съ мукою и овсомъ тоже не безъ грѣха: на верхъ насыпаютъ для вида, чтобъ товаръ лицомъ продать, муки и овса хорошаго достоинства, а тамъ по ниже и дрянъ. Кромѣ того, въ овесъ для тяжести под-

бавляютъ землицы или песочку, — вѣтромъ, дескать, нанесло, когда молотили. Мѣбельщики, колесники и телѣжники имѣютъ каждый свои пріемы и тонкости на плутни и обмаги (\*). Напротивъ того, жители Орловскаго уѣзда далеко честнѣе, добродушнѣе и, кажется, откровеннѣе Вятчанъ, что, быть можетъ, происходитъ отъ сношеній ихъ съ Зырянами, народомъ честнымъ и добродушнымъ. Орловцы, за недостаткомъ земель и притомъ хорошихъ, преимущественно въ сѣверной и восточной части уѣзда, занимаются извозомъ хлѣба на Пошувскую и Быковскую пристани и перевозкою товаровъ съ Нижегородской ярмарки и изъ Москвы въ Вятскій край. Честность ихъ замѣчательна: промышленники и купечество съ ними не контрактуются и сдаютъ товаръ имъ безъ счета и только на мѣстѣ принимается онъ вѣсомъ, за что сообразно привезенной тяжести, получаютъ извозчики деньги. Бѣдность народа въ этомъ уѣздѣ ощутительна; нѣтъ почти никакихъ промысловъ, исключая незначительныхъ ремеселъ—валяльнаго, частію мѣбельнаго, кузнечнаго и сапожнаго. Въ сѣверной части уѣзда занимаются, частію звѣроловствомъ, а въ южной и западной бурлачествомъ и отъ того тамъ народная нравственность хуже сѣверной части. Этимъ же послѣднимъ промысломъ занимаются и жители Котельничскаго уѣзда, гдѣ также нѣтъ никакихъ промысловъ.

Жители Нолннскаго уѣзда, а именно части его, прилегающей къ Вятскому, бѣдны землею, промыслами и ремеслами. Единственные почти у нихъ промыслы бурлачество и извозъ; оттого народъ этой части уѣзда бѣденъ. Не смотря на это, по замѣчанію одного изъ здѣшнихъ медиковъ, онъ имѣетъ физіологическое отличіе отъ всего народа Вятскаго округа; онъ живъ, веселъ и предприимчивъ, и только ограниченность средствъ поставила его въ настоящее положеніе, да еще бѣдность знаній сравнительно съ жителями другихъ губерній.

Жители Яранскаго уѣзда имѣютъ то же отличіе въ характерѣ, какъ и нолннскіе, т. е. живы и веселы, чего нѣтъ въ прочихъ уѣздахъ Вятскаго края, гдѣ замѣтна какая-то усталость, приправленная лѣнью и бездѣйствіемъ. Яранцы пользуются хо-

---

(\*) Собирая часто базарныя свѣдѣнія для С. П. В., мнѣ не разъ доводилось видѣть эти продѣлки; но не могу сказать, чтобъ онѣ были общимъ достояніемъ здѣшняго народа, а встрѣчаются довольно часто.

рошими землями, имѣютъ нѣкоторые промыслы и занимаются отчасти торговлею, да и народъ дѣятельнѣе; въ рѣчи ихъ замѣтны добродушіе и разговорчивость, вмѣстѣ съ довѣріемъ. Въ домашнемъ быту жителей Яранскаго уѣзда видна чистота и опрятность, а въ одеждѣ нѣкоторая щеголеватость. Такая разница въ характерѣ и образѣ жизни Яранцевъ зависитъ, вѣроятно, оттого, что уѣздъ этотъ сопредѣленъ тремя губерніямъ: Казанской, Нижегородской и Костромской, съ прилежащими частями которыхъ, крестьяне этого уѣзда, безъ сомнѣнія, имѣютъ сношенія. Кромѣ того, въ немъ есть имѣнія помѣщичьи, а главное удѣльное имѣніе — Кукарка, гдѣ народъ торговый, ремесленный и промышленный (\*). Вліяніе промышленныхъ удѣльныхъ крестьянъ, ихъ ремесленной школы и занятія помѣщичьихъ крестьянъ не могли не отразиться на прочихъ жителяхъ Яранскаго уѣзда. По климату и почвѣ Яранскій уѣздъ можно отнести къ плодороднымъ уѣздамъ Уржумскому, Малмыжскому и др. Если-бы онъ имѣлъ хорошія сообщенія съ Казанью и Нижнимъ Новгородомъ, то по богатству, онъ не уступилъ-бы Сарапульскому и Елабужскому уѣздамъ.

О Глазовскомъ уѣздѣ сказать особаго характеристическаго ничего не могу; онъ населенъ, большею частію, Вотяками. Вотяки преимущественно занимаются хлѣбопашествомъ, поэтому уѣздъ этотъ снабжаетъ хлѣбомъ всѣ близлежащіе заводы. Кромѣ того, много хлѣба отсюда скупается промышленниками для сплава къ Архангельскому порту. Здѣсь также много выдѣлывается лѣсныхъ издѣлій, куля и рогожи. Вотяки занимаются еще звѣриною ловлею, бьютъ много дичи, преимущественно рябчиковъ, которыхъ промышленники скупаютъ и отправляютъ зимой въ Москву и С. Петербургъ.

## II.

Вообще Вятскій край или округъ отличенъ отъ всѣхъ частей и губерній прочей Великороссіи. Въ немъ географическое положеніе, обуславливающее климатъ, мѣстность и весь внѣшній и внутренній бытъ населенія — имѣютъ свои особенности. Все это не-

---

(\*) Еще и теперь въ Казанской губерніи, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Вятской, яранскіе плотники извѣстны подъ именемъ кукаръ, которые ходятъ туда на работы по окончаніи полевыхъ работъ.

вольно обращаетъ вниманіе всякаго, вновь прибывшаго въ Вятскій край.

Едва вы только вѣхали въ Вятскую губернію (\*), какъ уже замѣчаете нѣкоторую разницу, сперва въ числѣ и архитектурѣ строеній, а потомъ, по мѣрѣ углубленія во внутренность ея—въ Вятскій край, въ одеждѣ, рѣчи и образѣ жизни. И чѣмъ ближе приближаетесь къ городу Вяткѣ, тѣмъ эта разница для васъ становится ощутительнѣе.

Мужички Вятскаго края не любятъ жить людными, большими селеніями, иначе имъ было-бы далеко отъ своихъ полей, которыя у нихъ иногда въ избыткѣ и требуютъ много удобренія, удабривать же нечѣмъ—нѣтъ также и скотоводства за недостаткомъ луговъ и обиліемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотъ. (Правда, болота можно бы осушить, да говорятъ, рукъ мало). Поэтому такъ и живутъ: домовъ пять-шесть—это деревни, отъѣхали двѣ-три версты—починокъ въ два-три дома; еще отъѣхали вы столько же—выселокъ, и т. д. Такое удобство близости полей, лѣсовъ и луговъ (если послѣдніе есть) рождаетъ другой недостатокъ—между народомъ нѣтъ общительности, что составляетъ немаловажное препятствіе для развитія промысловъ.

Постройка домовъ жителей Вятской губерніи, а тѣмъ болѣе Вятскаго края, отлична отъ построекъ другихъ великороссійскихъ губерній. Дома крестьянскіе большею частію одноэтажные съ пологими двускатными крышами, на которыхъ преимущественно встрѣчаются деревянныя трубы—это признакъ черныхъ курныхъ избъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признакъ того, что народъ здѣшній не далеко ушелъ впередъ. Говорятъ, будто-бы такія избы теплѣе; но это невѣроятно, да если бы и такъ, то неужели опрятность и чистота не должна предпочитаться избытку тепла, до котораго большой охотникъ русскій мужичекъ? Неужели тяжело принести лишнюю вязанку дровъ, тѣмъ болѣе, что лѣсъ у него подъ бокомъ? Вѣдь здѣшній мужичекъ рубить же его нещадно и верѣдко на пустяки (\*\*). Вообще въ Вятскомъ краѣ лѣсное хозяй-

(\*) Отъ Козьмодемьянска, когда еще тутъ существовали мосты и дорога.

(\*\*) Вмѣсто того, чтобъ употребить на подпорку крыши на дворѣ жердь, онъ испортитъ цѣлое дерево и притомъ хорошее: вырубить 3 аршин. кряжъ, а комель 2 аршинный и 3 саженьную вершину, въ 5-6 верш. толщиною, бросить, пожалуй даже на дорогѣ.

ство, равно какъ и сельское, недалеко подвинулись впередъ и, кажется, находятся въ первобытномъ состоянїи. Двухъ-этажные дома здѣсь встрѣчаются рѣдко и крыши ихъ всегда четырехскатныя и пологія и притомъ съ желобами на деревянныхъ клюкахъ, какъ и у двускатныхъ крышъ (отчего крыши портятся скорѣе, потому что сырость остается въ желобахъ и концы тѣса крыши загниваютъ скорѣе. Крестьянскіе дворы въ Вятскомъ краѣ всегда почти крытые, начиная отъ воротъ дома, что дѣлается въ защиту отъ зимнихъ непогодъ. Говорятъ, что это общая черта построекъ сѣверовосточнаго края; въ какой степени это справедливо, утверждать не могу, только мнѣ извѣстно, что въ Вятскомъ краѣ это такъ. Нельзя сказать, чтобъ эти крытые дворы отличались чистотою и опрятностію, встрѣчаемыми только у избранныхъ жителей, именно тѣхъ, которые любятъ чистоту, словомъ мужичковъ-хозяевъ, а это, къ сожалѣнію, здѣсь рѣдкость, исключая Яранскаго уѣзда.

Вообще постройка деревенскихъ строеній здѣшней губерніи такъ же незатѣйлива и неприхотлива, какъ и самая жизнь Вятскаго народа. Здѣсь вы не встрѣтите ни свѣтелки съ балкономъ подъ крышею, выкрашенною всѣми возможными красками, ни рѣзныхъ карнизовъ и красивыхъ наличниковъ и крышъ, ни воротъ съ рѣзбой, подъ крышею которыхъ можетъ помѣститься отъ дождя добрый возъ съ лошадыю или запоздавшее стадо овецъ. Здѣсь вы не увидите затѣйливыхъ украшеній досужей русской фантазіи—на наружномъ концѣ конька крыши четырехъ подобій лошадиныхъ фигуръ, напримѣръ, безногихъ и хвостами вмѣстѣ, изъ точки соединенія которыхъ выходитъ точеный шпичъ въ полъ-аршина. Словомъ, постройка домовъ въ Вятской губерніи не носитъ на себѣ отпечатка построекъ центральныхъ великороссійскихъ губерній, которыя удержали за собою характеръ древней русской архитектуры боярскихъ теремовъ.

Проѣзжая здѣшнія селенія на большихъ дорогахъ, вы не увидите ни клона сѣна на палкѣ, говорящаго проѣзжающему обозу, что тутъ постоялый дворъ; ни пучка ковыля на воротахъ, — этой эмблемы всѣхъ занимающихся извозомъ; ни деревяннаго калача надъ среднимъ окномъ дома, возвѣщающаго путнику, что здѣсь удовлетворяютъ потребности желудка; ни маленькаго оснащенного суденышка съ флюгеромъ, укрѣпленнаго на срединѣ конька крутой двускатной крыши, этой оригинальной, но замыс-

ловатой вывѣски ремесла хозяина. Впрочемъ послѣднее изображеніе встрѣчается у прибрежныхъ жителей судоходныхъ рѣкъ.

Въ избѣ мужичка Вятской губерніи, если хотите (относительно только), чисто и опратно, исключая *кута* (\*), который вѣчно у него заваленъ какимъ-то хламомъ, испускающимъ неприятный запахъ. Въ семейномъ быту здѣшняго мужичка, какъ будто, чего-то недостаетъ: жизнь его какъ-то не полна; оттого-ли, что-онъ въ самомъ дѣлѣ небогатъ, или бережетъ денежку про черный день, или же, наконецъ, оттого, что не умѣетъ и не хочетъ устроиться удобно и хорошо — рѣшить трудно. Изъ домашняго его быта не всегда видѣнь его промыселъ или ремесло. Не такъ живутъ мужички въ центральныхъ великороссійскихъ губерніяхъ: тамъ у мужичка изба высокая, чистая и свѣтлая; стѣны, лавки и полъ выскоблены; русская печь отдѣлена перегородкой, украшенной картинами суздальской живописи, въ срединѣ которыхъ зеркало. Правда, что лицо справляющагося въ немъ, рискуетъ увидѣть себя надломленнымъ или вытянутымъ по одному изъ направлений, напримѣръ отъ правой скуны до лѣваго глаза включительно; но тѣмъ не менѣе это уже показываетъ, что мужичекъ желаетъ быть опрятнымъ. Картины-же: погребеніе мышами кота, шемакинъ судъ, географическая карта Москвы на островѣ небывалаго моря и Кіева около Іерусалима, и прочія подобныя географическія данныя служатъ признакомъ претензіи на убранство своего жилища, а вмѣстѣ съ этимъ выказываютъ въ немъ нѣкоторую степень благородныхъ побужденій. Мужичекъ тамъ сидеть обѣдать—столъ его покрытъ чистою скатертью, яства его сытныя и вкусныя, самъ онъ одѣтъ щеголевато; подъ навѣсомъ его большаго двора стоятъ лошади рослыя и кормныя, какъ самъ онъ. У мужичка же Вятскаго края, лошади маленькія, не всегда сытыя, не смотря на то, что кормъ стоитъ ему дешевле; самъ онъ одѣтъ какъ-то незатѣйливо и даже небрежно; сѣрый кафтанъ его, какъ-будто сшитъ съ походомъ, въ надеждѣ, что онъ подростетъ и пополнѣетъ; рубашка его, почти, всегда синяя пестрядинная, красная же рѣдко у кого, да и то въ годовой праздникъ. Прежде бывало здѣшній народъ отличался гостепріимствомъ: ямщикъ-хозяинъ, къ которому вы пріѣхали, если онъ не почтовый, почтетъ за обиду для себя взять съ васъ деньги за самоваръ, если онъ у него есть,

(\*) Часть избы отъ двери до угла противъ печи, вдоль задней стѣны.

и за сливки, а теперь уже требуетъ платы и притомъ чрезмѣрной.

Наружность жителей Вятской губерніи не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго; лицо небольшое, скорѣе круглое, нежели продолговатое, и больше плоское, чѣмъ рельефное, ротъ и носъ небольшіе, глаза, если не голубые, то подходящіе къ нимъ по цвѣту; волосы русые и свѣтло-русые; здѣсь почти нѣтъ мужичковъ-брюнетовъ. Вообще въ наружности здѣшняго народа нѣтъ выраженія того свѣтлаго и положительнаго ума и той жизни въ глазахъ, какая встрѣчается у жителей другихъ великороссійскихъ губерній; въ здѣшнихъ лицахъ скорѣе можно замѣтить апатію, а во взглядѣ недовѣрчивость и скрытность. Ростъ вятскаго народа преимущественно средній и мужичегъ, видно, что крѣпокъ, чему не мало помогаетъ суровость климата; но сложенъ онъ какъ-то некрасиво, нескладно или, какъ говорятъ на Руси: «дурно скроенъ, да крѣпко сшить.» Впрочемъ народъ Орловскаго уѣзда составляетъ исключеніе: тамъ мужички большею частію рослые и статные, чѣмъ отличаются отъ всего народонаселенія Вятской губерніи. Это обстоятельство неволью приводитъ къ заключенію, что Орловцы не съ родни Вятчанамъ, что видно и изъ характера ихъ, какъ замѣчено выше.

Но что всего рѣзче замѣтно въ жителяхъ Вятскаго края, это нарѣчіе. «Читая Новгородскую лѣтопись, слышишь говорящаго Вятчанина,» сказалъ кто то, не помню. Удержаніе до настоящаго времени древней рѣчи, ясно показываетъ, что народъ здѣшній не имѣетъ никакихъ отношеній къ другимъ губерніямъ и сосредоточенъ какъ бы самъ въ себѣ. По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность Вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе италіанской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо. вмѣстѣ съ этимъ слышится замѣна нѣкоторыхъ буквъ въ словахъ другими, такъ напримѣръ: буква *ч* передъ *т* произносится за *ш*, конечное *о*—переходитъ въ *ё*; такъ говорятъ *штё* вмѣсто что; слогъ *че* измѣняется въ *це* и обратно *це* въ *че* и *чо*, напр. вмѣсто чего говорятъ *цево*, вмѣсто человекъ—*целовькз*, *десятоцекз* вмѣсто десяточекъ, *дончо* вмѣсто донце, *солмчо* вмѣсто солнце и проч. Даже какъ бы замѣтно желаніе предѣлать и другія слова на свой ладъ, для того только чтобъ придать имъ свое туземное окончаніе, напр. *кольцо* или

иначе *колоколечъ*—колоколъ, долото—*долотцо* и проч. Кромѣ столь замѣтнаго пристрастія къ буквѣ *ч*, въ словарѣ здѣшняго края какъ то странно звучатъ и другія общеупотребительныя слова; такъ, вмѣсто легче говорятъ *ляиче*, вмѣсто тяжелый—*чезжолый*, *кресло* вмѣсто кресло; вмѣсто къ воротамъ, за воротами, здѣсь говорятъ: въ *воротяхъ*, къ *воротямъ*, за *воротями*. Въ здѣшнемъ нарѣчій сохранилась въ многихъ прилагательныхъ древне-русская форма сравнительной степени; такъ, говорятъ: *бѣлье*, *теплѣе*, *холоднѣе* и проч. вмѣсто бѣльѣе, теплѣе, холоднѣе и проч. (\*) Вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что вполне заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ.

Такая разница быта жителей Вятскаго края, во всѣхъ сказанныхъ чертахъ, отъ прочей Великороссіи зависитъ отъ многихъ причинъ. Край Вятскій не проѣзжій и далеко отъ всего, что имѣетъ како либо движеніе. Поэтому, не имѣя никакого сношенія съ другими губерніями, естественно, Вятчане и Вятскій край должны были развиваться сами собой. Привыкли удовлетворять только необходимымъ потребностямъ, жители потому и знакомы только съ тѣми промыслами, какіе знали ихъ предки; и только какіе нибудь новые обстоятельства и случаи вызвали жителей здѣшняго края на новые промыслы или ремесла. Занимаясь однимъ, почти, хлѣбопашествомъ и имѣя восемь мѣсяцевъ зимы, стало быть свободнаго времени, они не привыкли употреблять его производительно, отчего безпечность вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ сдѣлали здѣшній народъ неповоротливымъ и неразговорчивымъ. Не побуждаемый такимъ образомъ извнѣ, ни обстоятельствами, ни силою, а тѣмъ менѣе собственнымъ сознаніемъ, онъ не могъ двинуться впередъ. Поэтому то Вятскій край, какъ замѣчаютъ нѣкоторые изъ пріѣзжихъ въ него и живетъ въ XIX вѣкѣ жизнью XV столѣтія.

---

(\*) Кромѣ того есть особенность въ фамиліи или прозваніи нѣкоторыхъ семействъ, что встрѣчается преимущественно въ Орловскомъ уѣздѣ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что фамиліи употребляется въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, наприм. Сухихъ, Широкихъ, Чудиновскихъ, Комаровскихъ и проч. Такая особенность, нигдѣ не встрѣчаемая, произошла оттого, что спрашивали (да и теперь спрашиваютъ въ среднемъ и визнемъ сословіи) не прозваніе, а вопросомъ — чьихъ? (то есть изъ какаго семейства), поэтому отвѣчаютъ: Широкихъ, Фоминыхъ, Чудиновскихъ, Комаровскихъ и проч. При запискѣ фамилій малограмотными, онѣ такимъ образомъ удержали подобныя окончанія.

## III.

Главный промыселъ Вятскаго края составляетъ хлѣбонаше-ство, поэтому большая часть населенія его, какъ немѣющаго промысловъ и ремеселъ, проводитъ зимніе долгіе вечера частію за исправленіемъ семейныхъ нуждъ, напр. за плетеніемъ лаптей, починой сбри и проч.; лѣнныя проводятъ время на полатахъ, или на печи. Молодежь—же собирается на вечеринки и проводитъ время по Вятскому уѣзду частію за картами, а также за пѣснями, сказками и загадками, какъ и въ другихъ уѣздахъ. Бабы же и дѣвки (изъ которыхъ первыя здѣсь работаютъ не менѣе мужика) занимаются пряжею или ткашемъ холста, а также мнутъ, треплютъ и ченутъ ленъ какъ для себя, такъ и на продажу. Народныя пѣсни въ Вятскомъ краѣ большею частію общерусскія, каковы: «Калинушка съ малинушкой, Выйду—ль я на рѣченку, Я поѣю—ль молоденька цвѣтиковъ маленько» и проч. Замѣчательно, что въ этихъ пѣсняхъ, равно какъ и въ другихъ, въ голосѣ нѣтъ выраженія, а слышится какая то монотонность; и жители прочихъ губерній не узнаютъ этихъ пѣсней. Даже веселыя пѣсни, напр. «Ахъ вы сѣни, мои сѣни» и другія ей подобныя не выражаютъ веселости. Есть, кажется, и свои туземныя пѣсни, но онѣ отличаются безсмысліемъ, грубымъ развратомъ, или цинизмомъ. Вотъ на выдержку лучшія изъ нихъ и пусть читатель судитъ въ какой степени справедливы сказанный отзывъ:

Во полѣ-то дѣвушка гуляла,  
 Много горюшка она видала.  
 «Магушка моя, мати!  
 «Научи, мнѣ куда горе дѣвати?  
 — «Ты поди, говоритъ (\*) (?) ко солдагушкамъ,  
 «Поклоися имъ, нашимъ батюшкамъ:  
 «И отдай ты имъ горе лютое,  
 «Какъ отъ нихъ пришлось горючее»...  
 Стоять дѣвка передъ ней плачучи,  
 Бѣты ручевки ломаючи:  
 «Оторвись, говоритъ, «колыбелочка»,  
 «Ушибись, разшибись, мой ребеночекъ!»

Или:

Шелъ Ванюха изъ гостей,  
 Да съ великихъ радостей.  
 Увидалъ нарень дѣвоньку —  
 Съ ноги на ногу скакаль...

(\*) Вѣроятно мать.

Изъ ума дѣвку пыталъ:  
 Ты скажи, скажи, дѣвонька,  
 Суңу правду про себя.  
 «Я сказать тебѣ, скажу —  
 •Семерыхъ парней люблю,  
 •Осьмаго погайнаго,  
 Девятаго русаго, баскаго (\*).

Или :

Ты гуляшь-ли, гулявще мое!  
 Доведешь-же ты, гулявше, молодца,  
 Отдадутъ тебя въ солдаты удалца.  
 Во солдадушкахъ житье-то хорошо;  
 По три денежки на сѹточки даютъ,  
 Но полтинушкѣ на мѣсяць выдають,  
 Незнать молодцу прогулять-пропить,  
 Незнать милецкой бѣлихъ, румявъ купить?  
 Вы бѣлильца, вы румянушки мои,  
 Сокатитесь съ бѣла личика долой,  
 Инда ѣдетъ старый мужъ домой;  
 Онъ везетъ-несетъ подарокъ дорогой,  
 Что подъ правой полой—плеточку.  
 Онъ ту плеточку подъ лавочку кладеть,  
 Молоду жену за рученьку береть.  
 Сталъ жену потомъ спрашивать:  
 «Гдѣ была ты и что дѣлала?»  
 Отвѣчаетъ ему такъ жена:  
 «Ишно (\*\*) та моя и пеня и вина, —  
 •У сосѣдушки бесѣдушка была,  
 •Двою-трою я по горенкѣ прошла,  
 •Да гостей тамъ я всѣхъ пивомъ обнесла,  
 •Всѣмъ женатымъ зелена вина, —  
 •Холостому парню сладкой водочки.  
 •Холостой-то парень мою рученьку пожаля.

Сказки Вятскаго края имѣють, большею частію, содержаніемъ бѣдное состояніе мужичка-селянина, исходомъ котораго бывасть фантастическая находка утки, несущей золотыя яйца; или же, поѣздка мужичка на базаръ, на дорогѣ къ которому онъ находитъ золотое кольцо, дающее возможность послѣ трехъ оборотовъ исполнять мужичку всѣ незатѣйливыя его желанія. Прочія же сказки, общія всей Россіи—о Бовѣ королевичѣ, Іерусланѣ Лазаревичѣ, бабѣ-ягѣ, жаръ-птицѣ и проч. Собранныя мною

(\*) Красиваго.

(\*\*) Развѣ, не что.

до сихъ поръ загадки здѣшняго края особеннаго ничего не имѣютъ и сказать о нихъ нечего.

Между крестьянами Вятскаго уѣзда есть особыя собранія, какихъ, кажется, не существуетъ не только въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, но и по Вятской губерніи. Эти собранія называются ссыпки. Начинаются они съ осени и продолжаются всю зиму поочередно до Святой недѣли и даже до Троицына дня. Ссыпки состоятъ въ слѣдующемъ: крестьяне одной деревни, а иногда и сосѣднихъ, сносятъ въ одинъ или въ нѣсколько домовъ, по условленной мѣркѣ, солоду, муки и хмѣлю, изъ чего, по количеству доставленнаго, варятъ пиво. Кромѣ этого, приносится вино и другіе съѣстные припасы. Все это участвующими въ складчинѣ уничтожается въ одинъ или два дня. Старики и солидные люди на этихъ ссыпкахъ ведутъ рѣчь о старинѣ, о своихъ житейскихъ дѣлахъ, а молодежь проводитъ время за сказками, пѣснями и, частію, за картами. Нельзя сказать, чтобъ здѣшнія народныя удовольствія были полны веселости, жизни и одушевленія; въ нихъ этого не видно: удовольствія или, лучше сказать, развлеченія здѣшнія скучны и однообразны, и, видѣвши ихъ разъ, можно съ увѣренностію сказать, что всѣ они однообразны. Происходитъ-ли такое однообразіе отъ самой природы, какъ отпечатокъ ея, или отъ неразвитости народной, сказать навѣрно не могу, но полагать можно, что отъ соединенія того и другаго вмѣстѣ. Въ женщинахъ Вятскаго края замѣтно больше жизни; онѣ веселѣе и живѣе мужичковъ; онѣ и одѣты лучше, а по праздникамъ даже нарядно. Рѣдкая изъ нихъ, со средствами, не имѣетъ синей суконой шубы, отороченной крымской мерлушкой, и только, быть можетъ, бѣдная не имѣетъ китайскаго сарафана. Платьевъ въ простонародіи почти не носятъ. Здѣсь еще до сихъ поръ уцѣлѣло старинное русское украшеніе—парчевая фата, которая надѣвается дѣвушкой подъ вѣнецъ въ первый разъ и употребляется женщинами только въ самые важные годовые праздники—въ Свѣтлое Христово воскресеніе, Рождество и въ храмовый праздникъ.

Кромѣ ссыпокъ у крестьянъ Вятскаго края есть еще праздники, между которыми наиболѣе почитается Масляница и Святая недѣля. Для каждаго изъ этихъ праздниковъ, рѣдкій мужикъ не купитъ ведра или, покрайней мѣрѣ, четверти вина, не сваритъ десятка ведеръ пива, да купитъ еще два пуда или 10 фун-

товъ рыбы. Приобрѣтя увеселительные и питательные продукты, каждый по силамъ зоветъ гостей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ всегда родные. На масляницѣ, безъ сомнѣнія, въ угощеніи первую роль въ явствахъ играютъ блины, какъ любимое блюдо (\*). Блины, зелено вино и хмѣльное пиво составляютъ праздникъ, продолжающійся цѣлую недѣлю. Точно такъ же проводится Святая недѣля, только безъ блиновъ и рыбы. Молодежь во время масляницы, а иногда и солидные люди, подъ хмѣлькомъ, катаются по селенію на лошадяхъ съ пѣснями; но первая предпочитаетъ катанье на салазкахъ съ горъ и на шестахъ, которые кладутся для этой цѣли въ наклонномъ положеніи по два и по три въ рядъ. На Пасхѣ развлеченіе молодежи доставляютъ качели, преимущественно простыя—козловыя; пожилые же люди отдаютъ предпочтеніе Бахусу, который почетомъ пользуется здѣсь, можно сказать, во всякое время.

Исключая общіе православные праздники, при каждомъ селеніи есть три-четыре храмовые праздника, на которые собираются гости изъ сосѣднихъ селеній и гостятъ по ночи и по двѣ, а совѣсть не зазритъ, то гуляютъ и трое сутокъ. Вино съ пивомъ непремѣнныя условія для всѣхъ праздниковъ, и пока все купленное и изготовленное не порѣшено, до тѣхъ поръ нѣтъ и конца празднику. Впрочемъ бываетъ и такъ, что вина прихватываютъ по ведру и болѣе; словомъ, какъ припадетъ охота праздновать престольный праздникъ.

Свадьбы въ здѣшнемъ краѣ не имѣютъ въ себѣ ничего отличительнаго отъ другихъ губерній. Едва молодой парень почувствовалъ сердечную зазнобу (\*\*), какъ онъ или его родители посылаютъ свата, а чаще сваху въ домъ невесты гдѣ сватъ или сваха предлагаетъ родителямъ ея большею частію такъ: «у васъ есть товаръ, а у меня на него купецъ» и достаточно *покалякавъ* на эту тему о достоинствахъ жениха, спрашиваютъ (иногда) согла-

(\*) Блины въ Вятскомъ краѣ пекутся каждую субботу изъ гречневой муки пополамъ съ яровой, отчего они мягки; но случается, что блины дѣлаютъ изъ одной яровой муки и тогда они ложатся на желудокъ камнемъ. Здѣсь еще есть особый хлѣбъ *ярушники*, приготовляемые только изъ яровой муки.

(\*\*) А иногда бываетъ и такъ: въ семьѣ нужна лишняя работница, а сынъ совершеннолѣтній, то родители ему объявляютъ, что онъ долженъ жениться и предлагаютъ ему извѣстную имъ невесту, и тотъ, волею или неволею, долженъ исполнить ихъ желаніе—жениться. Отсюда-то происходитъ источникъ многихъ золъ, какъ въ семейной жизни, такъ и въ нравственномъ отношеніи дѣтей.

сія невѣсты. Если это послѣднее изъявлено, то слѣдуетъ рядъ условій: съ зажиточнаго жениха или его родителей требуется отъ 10 до 15 руб., а иногда и болѣе, судя по средствамъ; на рукобиты выставить ведро или полведра вина, да на свадьбу два, три и иногда четыре; кромѣ того, невѣстѣ фунтъ, два или три мыла и башмаки съ чулками. Въ случаѣ бѣдности отца невѣсты, женихъ обязанъ доставить ему пудъ, два или три солоду. Все это вручается въ день свадьбы старшему въ семьѣ. Въ день свадьбы собирается поѣздъ, состоящій изъ *тысяцкаго, большихъ бояръ, дружки, полдрузья, свахи и повозниковъ*; число поѣзжанъ зависитъ отъ степени богатства жениха съ невѣстою и ихъ родственниковъ. По совершеніи брака въ церкви, возвращаются всѣ въ домъ жениха, гдѣ встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ и солью, и посыпаютъ иногда жениха съ невѣстою хмѣлемъ, въ знакъ желанія жить имъ въ довольствѣ. Благословивъ обвѣнчанныхъ, садятъ ихъ за столъ. Гостей тутъ уже собралось чуть не вся деревня или селеніе. Поднося чарку вина поѣзжапамъ и родственникамъ, невѣста подноситъ имъ на томъ же подносѣ и по подарку, каждому по полотенцу или по платку, за что ее отдариваютъ — кладутъ на то же блюдо, каждый по силамъ, отъ 10 до 50 коп. Пиръ продолжается двое и трое сутокъ. На третій день послѣ свадьбы, молодые ѣдутъ къ родителямъ или близкимъ родственникамъ молодой, гдѣ прогостивъ день возвращаются домой, и съ слѣдующаго дня принимаются за работу по своему хозяйству.

#### IV.

Немногимъ, вѣроятно, извѣстна исторія чудотворнаго Образа Святителя Христова Николая, находящагося въ Вятскомъ Каѳедральномъ соборѣ, въ томъ видѣ, какъ говоритъ единственный и добросовѣстный историкъ вятскій Вештомовъ, изъ котораго заимствуются здѣсь факты. Позволяю себѣ думать, что не лишнимъ будетъ сообщить любознательному читателю исторію этого Образа, столь чтимаго и уважаемаго во всемъ Вятскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что Образъ этотъ имѣлъ и имѣетъ значительное вліяніе на судьбу Вятчанъ въ религіозномъ, нравственномъ и промышленномъ отношеніи. Дѣйствительно, Вятскій край, по географическому своему положенію, отдаленъ отъ коренныхъ и промышленныхъ пунктовъ Россіи и лишенъ удобныхъ путей сообщеній съ ними. Первона-

начально же Вятчане находились, среди враждебныхъ, а по характеру и образу жизни болѣе дикихъ, Черемисъ и Волжковъ. Слѣдовательно Вятчане, какъ пришельцы завладѣвшіе ихъ землями, принесли только свои промыслы и ничего не могли пріобрѣсть для себя отъ сосѣдей. Частныхъ же сношеній съ своими соплеменниками, Новгородцами, Костромичами и двинскими жителями (\*), Вятчане не могли имѣть, по причинѣ дальности разстояній и непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и топей. Поэтому, трудно предположить, чтобы настоящее, хотя и незавидное развитіе Вятчанъ, могло произойти само собою или безъ какого нибудь двигателя. Этотъ двигатель, это пробужденіе вступить имъ въ близкія сношенія съ окрестными жителями, открылось для нихъ въ Образѣ угодника Божія Св. Николая. Ему обязанъ Вятскій край двумя ярмарками, существующими въ Вяткѣ—Великорѣцкой и Семеновской. Крестьяне ходы съ Образомъ угодника Божія Св. Николая, а также и съ Образомъ Спасителя изъ Вятскаго Спасскаго собора въ разное время года по губерніи, преимущественно же лѣтомъ, привлекали и привлекаютъ массы народа, нерѣдко изъ отдаленныхъ мѣстъ. Этѣ массы народа спосытъ въ городъ Вятку, какъ въ центральный пунктъ, естественныя и сельскія произведенія, а равно и въ тѣ мѣста, куда святыя этѣ Иконы имѣютъ цѣль шествія. Вотъ причины, породившія между жителями Вятскаго края промышленность и обмѣнъ разнородныхъ произведеній и ремеслъ, произшедшихъ отъ богатства въ одномъ мѣстѣ и бѣдности въ другомъ того или другаго изъ нихъ.

Образъ угодника Божія Св. Николая, какъ говоритъ Вештомовъ(\*\*), принесенъ въ Вятскій край поселившимися здѣсь Новгородцами, которые шли къ настоящему ихъ мѣсту жительства двумя партіями; одна сѣверной стороной (чрезъ вышнюю Вологодскую губернію), другая спускалась по Волгѣ и раздѣлилась на двѣ части, изъ которыхъ одна поселилась въ нынѣшнемъ Котельничѣ. Эта-то послѣдняя партія и имѣла чудотворный Образъ Св. Николая. Но какъ извѣстно, что въ этихъ мѣстахъ обитали Черемисы, которые частыми набѣгами дѣлали значительныя опустошенія и убійства, то переселенцы должны были выйти изъ чужой земли, тѣмъ-болѣе, что ихъ было немного въ сравненіи съ туземцами. Не имѣя никого

(\*) Съ Сѣверной Двины, Печоры и съ Юга также были переселенцы въ Вятскій край, изъ которыхъ нѣкоторыя семейства есть и теперь въ Полюскомъ уѣздѣ.

(\*\*) Казанскій Вѣстникъ 1823 г. Томъ 13, стр. 163.

близкихъ, кромѣ Хлыновцевъ (\*), (Вятчанъ), они поплы къ нимъ, но тѣ ихъ не приняли и потому они ушли отъ нихъ на берега рѣчки, въ послѣдствіи *Великой*, что отъ города Вятки въ 65 верстахъ. Отсюда они должны были снова переселиться (но куда, неизвѣстно), потому что ихъ постоянно тревожили Вотяки своими набѣгами. При этомъ переселеніи, переселенцы забыли взять съ собою Образъ угодника Божія Св. Николая. «Здѣсь-то», говоритъ преданіе и Венитомовъ, «въ 1383 г. въ царствованіе Дмитрія Иоанновича Донскаго, Богъ благословилъ и прославилъ Вятку Образомъ угодника своего Святителя Николая, чудеснымъ его явленіемъ и потомъ бывшими отъ него чудесами». Явленіе этого Образа произошло слѣдующимъ образомъ, говоритъ преданіе: одному деревенскому жителю довелось быть въ лѣсу, гдѣ онъ увидѣлъ Икону Св. Николая, озаренную свѣтомъ. Пораженный такимъ явленіемъ, онъ оставался довольно долгое время неподвижнымъ; но потомъ, пришедши въ себя, онъ уже не видѣлъ свѣта, а только одинъ Образъ, который взявъ съ собою, принесъ его въ свой домъ, не сказавъ о томъ никому. Въ непродолжительномъ времени въ томъ же селеніи явился образъ Св. Николая во снѣ одному больному, лежавшему около 20 лѣтъ въ постели; угодникъ Божій повелѣлъ больному прійти въ домъ того крестьянина, у котораго святой ликъ его находится, и что тамъ онъ получитъ изцѣленіе отъ недуга. Сновидѣніемъ этимъ больной сначала пренебрегъ, но затѣмъ онъ видитъ повтореніе его, о чемъ уже онъ сообщилъ своимъ домашнимъ, которые его и принесли въ домъ крестьянина, обладавшаго святыней. Здѣсь больной, узрѣвъ св. Образъ, долго молился со слезами о своемъ исцѣленіи, которое и получилъ. Это чудо быстро разнеслось сперва по деревнѣ, а потомъ дошло и до Хлынова (Вятки), откуда послали избраннаго къ московскому митрополиту Пимену для испрошенія разрѣшенія на построеніе храма (\*\*), который и былъ потомъ построенъ на болотѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ былъ найденъ Образъ Св. Николая, что при рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Вятку,

(\*) Хлыновцами называлась та часть Новгородцевъ, которая спустилась по Волгѣ и соединилась съ партией, шедшей черезъ нынѣшнюю Вологодскую губернію, и поселилась какъ въ нынѣшнемъ городѣ Вяткѣ, гдѣ есть Хлыновская слобода, такъ и около него.

(\*\*) По дѣламъ духовнаго вѣдомства Хлыновцы находились въ зависимости, или лучше, считали себя въ зависимости отъ московскаго митрополита, потому что не было ближе епархіи.

которая отъ великихъ чудесъ св. Образа, и получила названіе Великой. Самая же церковь послужила основаніемъ селенія Великорѣцкаго. Но недолго здѣсь продолжалось пребываніе Образа Св. Николая: Вотяки своими набѣгами неразъ покушались раззорить какъ самое селеніе, такъ и храмъ. Поэтому Хлыновцы положили перенести святыню въ мѣсто болѣе безопасное — въ Хлыновъ. Но здѣсь совершилось, говоритъ лѣтопись, хранящаяся въ вятскомъ кафедральномъ соборѣ, — чудо; святаго Образа не могли не только поднять, но даже сдвинуть съ мѣста. Хлыновцы послали отъ себя духовенство, которое, послѣ многихъ молебствій, испытало ту же участь; тогда Хлыновцы положили совѣтомъ — носить ежегодно чудотворный Образъ Св. Николая на Великую рѣку, въ сопровожденія народа и тамъ праздновать Угоднику Божию въ первый воскресный день, послѣ 9 числа мая, въ которое воспоминалось перенесеніе честныхъ мощей Св. Николая изъ Муръликійскихъ въ Баръ. На обратномъ же пути встрѣчать его жителямъ Хлынова за семь верстъ отъ города (что нынѣ селеніе Филейка), какъ это дѣлается и теперь. Отъ этого стеченія народа какъ при проходахъ, такъ и при встрѣчѣ святаго Образа, произошла Великорѣцкая ярмарка, начинающаяся съ 21 и продолжающаяся по 29 мая, почти по день встрѣчи.

До 1551 года вятскій историкъ ничего не говоритъ въ своей исторіи о чудотворномъ Образѣ Св. Николая, вѣроятно, потому что историческія записки сгорѣли вмѣстѣ съ храмомъ, въ которомъ онѣ хранились, какъ увидимъ ниже. Въ этомъ же году, пишетъ Вештомовъ, Хлыновцы отложили по какой-то причинѣ, носить Образъ Св. Николая на Великую рѣку, какъ это дѣлалось до сего времени. Поэтому, случившійся въ іюнь мѣсяцѣ холодъ — «жестокая стужа» — по выраженію автора, — принята была какъ наказаніе Божіе, за нарушеніе обѣщанія. Послѣ этого Хлыновцы дали между собою священныи обѣтъ — носить Образъ Св. Николая на Великую рѣку ежегодно въ концѣ мая мѣсяца. Вскорѣ послѣ этого событія въ городѣ Хлыновѣ въ слѣдствіе несчастія совершилось чудо: сгорѣлъ соборный деревянный храмъ, гдѣ находился чудотворный Образъ Св. Николая, со всеѣмъ его богатствомъ, но самый Образъ остался невредимъ (\*). Чудо это глубоко поразило всѣхъ Хлыновцевъ и поселило въ нихъ искреннюю вѣру,

(\*) Казанскій Вѣстникъ 1825 г. Кн. XIV. стр. 81.

полную усердія на сооруженіе новаго храма во имя Святителя Христова Николая. Съ этою цѣлію Хлыновцы отправили въ Москву почетныхъ лицъ къ тогдашнему митрополиту, чтобы засвидѣтельствовать о чудесахъ явленнаго Образа Св. Николая, а вмѣстѣ съ этимъ и испросить его благословеніе на построеніе новаго храма; на что получивъ разрѣшеніе, Хлыновцы въ то же лѣто соорудили желанный храмъ.

Между тѣмъ слава о чудесахъ хлыновскаго чудотворнаго Образа дошла чрезъ митрополита до Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Онъ пожелалъ поклониться сему Образу, для чего и былъ посланъ въ 1552 году именной указъ, повелѣвавшій привести изъ Хлынова Образъ Св. Николая въ Москву, откуда онъ былъ отправленъ того-же года 23 февраля. Здѣсь вятская святыня пробыла до 1556 года 25 августа. Въ продолженіи этого времени былъ снятъ списокъ, а подлинникъ — чудотворный Образъ обложенъ, на собственное иждивеніе Государя, серебрянымъ чеканнымъ окладомъ и чистаго золота ризою, украшенною драгоценными камнями. Всѣ эти украшенія и теперь находятся на чудотворномъ Образѣ Св. Николая. Духовенство же Хлыновскаго Никольскаго собора было пожаловано грамотою въ 29 день 1556 г., которою оно освобождалось отъ всѣхъ повинностей того времени: постоевъ, разгоновъ и гражданскаго суда (\*).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перваго пребыванія Образа Св. Николая въ Москвѣ, его послали туда въ второй разъ, гдѣ онъ былъ поновленъ, и одна изъ строившихся тогда церковей освящена была во имя Св. Николая, которая и теперь слыветъ подъ именемъ Николы Хлыновскаго, что на Никитской. Въ этомъ храмѣ есть списокъ съ чудотворнаго Образа угодника Св. Николая, находящагося въ Вятскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ 1607 году, при Царѣ Василю Іоанновичу Шуйскомъ въ нынѣшней Вятской губерніи было моровое повѣтріе (вѣроятно сибирская язва): но въ самомъ городѣ его не было. Жители окрестныхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовала болѣзнь, прибѣгли съ молитвою къ Образу угодника Божія Св. Николая, который носили въ эти мѣста для укрощенія эпидеміи; причемъ былъ данъ обѣтъ—приносить туда его ежегодно, что дѣлается и въ настоящее время около первыхъ чиселъ сентября—(числа третьяго), какъ-бы въ па-

(\*) Грамата эта напечатана въ той-же книжкѣ Казанскаго Вѣстника, подлинная же хранится въ Вятскомъ кафедральномъ соборѣ.

мать избавленія отъ заразы, при стеченіи народа, которое положило основаніе второй ярмаркѣ—*Семеновской*, начинающейся въ настоящее время съ 29 августа и продолжающейся по 9 сентября.

## V.

Сообщивъ объ историческомъ происхожденіи двухъ вятскихъ ярмарокъ — Великорѣцкой и Семеновской, долгомъ считаю дать нѣкоторое понятіе любознательному читателю о цыфрѣ ихъ оборота. Безъ сомнѣнія, объ эти ярмарки не походятъ на главныя наши, каковы: Нижегородская, Ирбитская, Харьковская и др., куда стекаются купечество и промышленники, почти со всей Россіи; нѣтъ, вятскія ярмарки никогда не могутъ на это и рассчитывать. Ихъ скорѣе можно назвать большими базарами или торонками, куда сваживаются крестьянами и мелкими промышленниками произведенія сельскаго хозяйства и туземныя же заводскія произведенія, какъ въ ближайшій пунктъ складки или сбыта. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ ярмарочные сроки увеличились а это не болѣе 5—6 лѣтъ), то объ вятскія ярмарки стали посѣщать промышленники и изъ другихъ городовъ: такъ изъ Казани пріѣзжаютъ лавки книжная и полотняная иногда, да еще казанскіе Татары съ шалями, халатами, съ бумажными и шелковыми матеріями и мыломъ. Года два назадъ пріѣзжали на эти ярмарки съ глиняной и фарфоровой посудой и съ шелковыми товарами, но мѣстное купечество спустило значительно цѣны и теперь пріѣзжихъ съ этими товарами въ Вятку не бываетъ болѣе.

Для примѣра промышленной цыфры на вятскихъ ярмаркахъ, считаю за лучшее взять обороты или привозъ товаровъ Семеновской ярмарки, какъ болѣе значительной. Она имѣетъ значеніе преимущественно конной ярмарки, на томъ основаніи, кажется, что явленный Образъ св. Николая носятъ въ память избавленія отъ эпидеміи, какъ замѣчено выше, въ мѣста прилежащія къ Обвѣ, гдѣ распространена была, когда-то, извѣстная обвенская порода лошадей. Богомольцы, провожавшіе обратно въ Вятку Образъ св. Николая, а равно и приходившіе за нимъ, вѣроятно, приводили съ собою и лошадей для продажи, въ которыхъ нуждались жители Вятскаго края. Это очень естественно: значительныя отъ всюду разстоянія, бѣдность дорогъ и хорошихъ сообщеній заставляли имѣть хорошихъ лошадей, сильныхъ и крѣпкихъ;

а ихъ можно было имѣть только отъ обвинскаго разсадника, гдѣ мощный геній Петра I развелъ эту исчезнувшую породу лошадей.

Приводъ лошадей на Семеновскую ярмарку бываетъ различный, что зависитъ отъ погоды, которая бываетъ въ это время большею частію дождливая (\*). Такъ въ 1855 г. приводъ лошадей былъ изъ примежащихъ уѣздовъ и изъ Обвы до 2,000 головъ, на сумму до 85,000 руб., цѣною отъ 5 до 80 руб. за лошадь, — цѣны были дешевыя. Въ прошедшемъ же году (1857 г.) привезено было 1,500 головъ, цѣною отъ 15 до 30 и до 100 руб. за лошадь; дешевыя лошади продавались хорошо, а дорогія шли тихо; всего же привезено было на сумму до 62,500 руб. (\*\*)

Изъ сельскихъ произведеній первое мѣсто занимаютъ холсты; ихъ скупаются на этой ярмаркѣ промышленниками отъ 100 до 180,000 аршинъ (\*\*\*) . Нынѣшнюю же ярмарку скуплено только до 25,000 арш., за малостію привоза. Близкое къ холсту произведеніе ленъ, цѣною отъ 2 до 4 руб. за пудъ, привозится для продажи крестьянамъ и промышленникамъ до 500 пудъ. Впрочемъ промышленники скупаютъ ленъ по деревнямъ и на базарахъ въ зимнюю пору.

За тѣмъ слѣдуетъ привозъ хлѣба; его въ разныхъ видахъ бываетъ до 2,000 пудъ. Цѣнность его бываетъ различна, что зависитъ отъ степени урожая и закуновъ для сплава къ Архангельскому порту.

Изъ крестьянскихъ ремесленныхъ произведеній преимущественно Вятскаго края, или, лучше, Вятскаго уѣзда двухъ-трехъ волостей, первое мѣсто занимаютъ по цѣнности экипажи разнаго вида: тарантасы дорожные, повозки, городскія долгушки, существующія только въ Вяткѣ — на ресорахъ и безъ нихъ, шарабаны крытые и некрытые и проч. Ихъ привозится до 100 штукъ, на сумму, примѣрно, до 6,000 руб. Произведенія эти преимущественно Троицкой волости, гдѣ насчитываютъ работниковъ

(\*) Вообще Семеновская ярмарка зависитъ отъ сѣзла крестьянъ, равно какъ и Великорѣцкая; а первая еще и отъ погоды: если крестьяне не успѣютъ убрать хлѣбъ съ полей до ярмарки, какъ это было въ прошедшемъ (1857 г.), то ярмарка бываетъ мала.

(\*\*) Цыфра привода лошадей, а равно и другихъ предметовъ, получена частію оффиціально, частію отъ промышленниковъ, которая была повѣрена на мѣстѣ. Поэтому можетъ считаться довольно точною.

(\*\*\*) Цѣною отъ  $3\frac{1}{2}$  до  $4\frac{1}{4}$  коп. за аршинъ, на сумму почти 6,800 руб. Средній же выводъ — за двѣ ярмарки Семеновскихъ холста было на 3,113 руб.

до 10 человѣкъ. Значительный привозъ бываетъ также колесъ дубовыхъ и осиновыхъ, изъ которыхъ первые продаются отъ 5 до 20 руб., а послѣдніе отъ 2 р. 60 коп. до 3 р. 50 коп. за станокъ; тѣхъ и другихъ вмѣстѣ привозится отъ 230 до 300 станковъ; всего на сумму до 4,000 руб. Такъ какъ дубу въ Вятскомъ краѣ нѣтъ, то его привозятъ съ береговъ Волги, преимущественно на ярмарку или торгъ въ селеніи Изстабяны Орловскаго уѣзда и мастера-колесники дубу покупаютъ до 200 станковъ, платя по 1 р. 50 коп. за станокъ. Колеса же расходятся въ Слободскомъ, Орловскомъ и Вятскомъ уѣздахъ. Нераздѣльное ремесло съ экипажнымъ и колеснымъ — кузнечное; имъ занимаются до 300 человѣкъ въ Вятскомъ уѣздѣ, если не болѣе, и каждый изъ нихъ можетъ выдѣлать въ годъ желѣза отъ 250 до 400 пудъ съ пользою для себя по рублю съ пуда. Желѣза бываетъ на 500 руб. въ ярмаркѣ Семеновской.

Къ экипажному же промыслу должно отнести производство телѣгъ и саней Кстининской волости. Первыхъ привозится на Семеновскую ярмарку до 300, на сумму до 300 руб., и онѣ расходятся тамъ же, гдѣ и колеса. Крестьянъ, занимающихся этимъ ремесломъ, насчитываютъ до 150 человѣкъ и каждый можетъ въ недѣлю сдѣлать три *ерандака* или телѣги. Всего же телѣгъ и саней выдѣлывается въ Вятскомъ уѣздѣ, въ Кстининской волости, примѣрно, на сумму до 4,800 руб.

Значительное количество привоза бываетъ на Семеновскую ярмарку деревянныхъ издѣлій, какъ-то: ложекъ, жбановъ, чашекъ, лопатъ, корытъ, кадокъ, бочекъ и проч. горянщины (\*). Всей горянщины привозится на сумму до 200 руб. (170 руб.). Кромѣ того, мебели разнаго рода — столовъ, стульевъ, дивановъ, шкафовъ, кроватей и проч. на сумму около 400—500 руб. Надо замѣтить, что привозъ деревянныхъ издѣлій на Семеновскую ярмарку бываетъ не великъ еще, потому что дроводѣланіемъ Вятчане занимаются зимой, а не лѣтомъ — во время полевыхъ работъ. Поэтому и привозъ горянщины въ зимніе базары далеко значительнѣе. Въ особенности же постомъ, въ пер-

(\*) Ложекъ, цѣною отъ 30 до 43 коп. за 100, привозится отъ 5 до 10,000 — на 54 р., жбановъ, цѣною по 2 р. за 100, отъ 200 до 500 — на 7 руб., чашекъ — отъ 2,000 до 3,000 цѣною по 1½ р. до 2 р. на 43 р.; трубокъ до 4,000 по 71½ к. и по рублю тоже за 100, почти на 23 руб.; посуды и проч. на 30—30 руб.

вое воскресенье послѣ масляницы, когда бываетъ въ Вяткѣ торгъ и воскресенье это извѣстно здѣсь подъ именемъ *сборнаго*.

Кромѣ сельскихъ и деревянныхъ произведеній привозятся на Семеновскую ярмарку мѣха туземныхъ пушныхъ звѣрей: бѣлки, заяцъ, волка и др., наиболѣе изъ Слободскаго, гдѣ этотъ промыселъ развитъ, на сумму отъ 8,000 до 10,000 руб. Также овчинныхъ мѣховъ привозъ бываетъ значительный на сумму около 6,000 руб. Мѣха овчинные раскупаются преимущественно простымъ народомъ. Изъ Слободскаго же уѣзда везется на Семеновскую ярмарку много кожевеннаго товара; привозъ его бываетъ различенъ: въ 1855 году (\*) привезено было на 10,000 руб. (\*\*), а въ минувшую ярмарку на 17,000 руб., а продано на 12,000 руб. Кожевенная торговля потому была хороша въ послѣднюю ярмарку, что цѣны поднялись на кожу — въ бѣлой юфти 1 р. 15 коп. въ пудѣ, а въ черной — двадцать копѣекъ въ рублѣ, выражаясь промышленнымъ слогомъ. Причина повышения цѣвъ зависѣла отъ значительнаго закупа за границу, и на Кавказъ.

Всего товара на Семеновскую ярмарку привозится болѣе, нежели на 125,000 руб., если взять въ расчетъ прїѣзжихъ промышленниковъ изъ Казани и Орлова.

## VI.

Изъ цифры привоза деревянныхъ издѣлій на Семеновскую ярмарку видно, что промыселъ древодѣланія развитъ въ волостяхъ, прилежащихъ преимущественно къ городу Вяткѣ. Но показанная цифра привоза издѣлій этого рода не такъ еще значительна на Семеновской ярмаркѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что бываетъ привозимо ихъ во время зимнихъ базаровъ, какъ замѣчено выше. Такое обширное развитіе промысла древодѣланія, въ трехъ волостяхъ Вятскаго уѣзда: Катинской, Троицкой и Посеговской, не могло быть случайно и не могло также зависѣть, какъ думаютъ нѣкоторые, отъ естественныхъ причинъ — богатства лѣса и русской сметливости. Доказательствомъ нагляднымъ тому можетъ служить богатство лѣса въ Елабужскомъ, Сарапульскомъ, Малмыжскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, гдѣ растутъ: липа, кленъ, илимъ и дубъ, а не тоній березнякъ и малогодныя на подѣлки

(\*) Санктпетербургскія Вѣдомости 1833 г., № 243.

(\*\*) Продано же на 8,000 руб.

сосна съ пихтой и елью, изъ которыхъ здѣсь дѣлаются все сказанные предметы. Если бы богатство лѣса и сметливость русскаго человѣка были поводомъ къ развитію древодѣланія здѣсь, то всего бы выгоднѣе этому производству развиться въ южныхъ уѣздахъ. Тамъ, какъ сейчасъ сказано, богатство лѣса и притомъ же и сбытъ удобнѣе въ низовыя губерніи — по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ. А между тѣмъ вятскія деревянныя издѣлія сбываются въ значительномъ количествѣ въ эти уѣзды. Случается даже такъ, что деревянныя издѣлія, отправляемыя изъ Вятки водою въ низовыя губерніи, расходятся по Вятской губерніи въ южныхъ уѣздахъ и потому не всегда достигаютъ поволжья. Изъ этого всего слѣдуетъ заключить, что промыселъ древодѣланія въ Вятскомъ краѣ, считая Вятскій уѣздъ, часть Слободскаго и Яранскаго (послѣдній можно даже считать весь) исключительно принадлежитъ ему. Развилось же оно потому здѣсь, что занесено было предками Вятчанъ — новгородскими выходцами, какъ говоритъ Вештомовъ. Да это и замѣтно потому, что гдѣ поселились пришлецы, какъ сказано выше, около вышшняго города Вятки и въ самомъ городѣ, да еще въ Котельническомъ уѣздѣ, который тогда включалъ въ себѣ и Яранскій уѣздъ — тамъ и развито древодѣланіе. А что Новгородцы были древодѣлы, то въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго: изъ похода Ярослава 1-го Владиміровича, сперва новгородскаго, а потомъ великаго князя кіевскаго, въ 1016 г., противъ кіевскаго великаго князя Ярополка 1-го. Войско Ярослава состояло преимущественно изъ Новгородцевъ и воины Ярополка изъ стана своего кричали имъ черезъ Днѣпръ: «что прїдете съ хромцемъ симъ (Ярославомъ) «и вы плотницы сущи, да приставимъ васъ хоромовъ рубити нашихъ (\*).» И такъ, слѣдовательно Вятчане древодѣлы по наследству — отъ предковъ, которые были, если не изъ самаго Новгорода и не изъ того конца, который называется, по жившимъ тамъ плотникамъ — *Плотничимъ*, то изъ близъ лежащихъ къ нему селеній.

Древодѣланіе въ Вятскомъ краѣ не есть повсемѣстно однородное, что, отчасти, наводитъ на мысль, что родоначальники Вятчанъ принесли его сюда въ разныхъ видахъ, потому что селенія, занимающіяся тѣмъ или другимъ видомъ древодѣланія, имѣютъ свой

(\*) Казанскій Вѣстникъ 1823 г. кн. XIII стр. 41. Или Новгородская Лѣтопись стр. 1. Собраніе русскихъ лѣтописей.

промыселъ съ давнихъ поръ. Такъ, за рѣкой Вяткой, въ селеніи Субботинѣ, домовъ до 30-ти, почти все занимаютъ производствомъ ложекъ и каждый крестьянинъ можетъ сдѣлать въ годъ до 14.000 ложекъ. Посудники, изготовляющіе чашки, жбаны, кадки и проч., въ Кстининской волости, гдѣ ихъ насчитываютъ до 200 человѣкъ и каждый изъ нихъ можетъ выручить до 150 руб. въ годъ. Колесники преимущественно въ Троицкой волости; ихъ считается тоже до 200 человѣкъ, каждый можетъ сдѣлать отъ 50 до 100 станковъ, среднимъ числомъ каждый выработаетъ 250 руб. Экипажные мастера тамъ же — въ Троицкой волости, ихъ до 10 человѣкъ; изъ нихъ каждый можетъ сдѣлать отъ 10 до 25 экипажей, считая съ семьей, и выработаетъ до 400 руб., считая экипажъ цѣною отъ 50 — 100 руб. Телѣжные мастера и санники принадлежатъ Кстининской волости — ихъ считаютъ до 105 человѣкъ, каждый можетъ сдѣлать въ недѣлю три телѣги и четверы сани, а слѣдовательно можетъ заработать до 150 руб. въ годъ. Все деревянныя издѣлія, т. е. горянщина, какъ-то ведра, чашки, ложки и проч. скупаются у крестьянъ-производителей промышленниками и отправляются или водой во время половодья въ низовья губерніи до Саратова и даже до Астрахани; или же сухимъ путемъ — въ Сибирь, на Ирбитскую ярмарку, въ Котельничъ на Алексѣевскую, откуда расходятся частію по Нижегородской, Костромской и по другимъ губерніямъ. Отправляютъ, иногда, горянщину и на Нижегородскую ярмарку.

Къ древодѣланію, слѣдуетъ отнести и мебельное производство, которое въ Вятскомъ уѣздѣ, или правильнѣе въ волостяхъ, прилежащихъ къ городу Вяткѣ, значительно развито: преимущественно въ Троицкой волости, гдѣ мастеровъ насчитываютъ до 400 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и плохихъ; хорошій столяръ можетъ въ годъ получить за трудъ до 400 руб., средней руки до 100 руб., а средственный — до 50 руб. Мебельнымъ же ремесломъ занимаются въ селеніяхъ, прилежащихъ къ рѣкѣ Вяткѣ, откуда въ весеннее половодье удобнѣе сплавлять мебель промышленникамъ въ низовья губерніи. Впрочемъ случается нерѣдко, что мебель и горянщина, отправляемая туда, не достигаютъ предположенныхъ мѣстъ, а расходятся по южнымъ уѣздамъ Вятской и прилежащихъ Казанской губерніи. Изъ этого видно, что промыселъ древодѣланія въ Вятскомъ уѣздѣ, хотя и развитъ значительно, но еще недостаточно, и не имѣетъ характера правиль-

ной промышленности. Такъ одинъ промышленникъ везетъ мебель и горящину въ одну навигацію, положимъ, въ Оренбургскую губернію, а продаетъ въ Уржумѣ и Малмыжѣ; на слѣдующій годъ онъ уже торгуетъ другимъ товаромъ. За то въ этотъ слѣдующій годъ прибыло двое другихъ торговцевъ мебелью и горящиной, которые везутъ этотъ товаръ уже въ новыя мѣста.

Водой мебели отправляется изъ Вятскаго уѣзда не много, развѣ половина, другая же сухимъ путемъ, точно также и горящана, потому что послѣдній способъ находить болѣе выгоднымъ, за немѣнѣемъ судовъ, какъ всѣ мелкіе промысле ики. Такъ въ 1856 году отправлено однимъ изъ нихъ на 200 руб. мебели на Ирбитскую ярмарку, а въ 1855 году на Мензелинскую ярмарку и по дорогѣ къ ней—другимъ промышленникомъ туда же и на ту же сумму 2,000 руб., да третьимъ на Нижегородскую на 2,500 руб. и, наконецъ, четвертымъ — сплавлено на 10,000 руб. Всего же въ годъ отправляется мебели съ горящиной на сумму, примѣрно, не болѣе какъ на 15,000 или много на 18,000 руб., считая въ томъ числѣ, много, на 2,000 руб. мебели, которая разоидется на мѣстѣ. Не спорно, что эта цифра (18,000 руб.) производства мебели и горящины въ Вятскомъ краѣ могла бы быть значительно выше, если-бы промышленность, и самое производство имѣли болѣе правильнѣй характеръ; въ особенности же, если бы производители деревянныхъ издѣлій занимались исключительно этимъ промысломъ и слѣдовательно имѣли бы свои большія мастерскія. А то они занимаютъ имъ въ свободное время отъ полевыхъ работъ и преимущественно въ долгіе осеніе и зимніе вечера и притомъ не имѣютъ обширныхъ мастерскихъ, а работаютъ въ простой крестьянской избѣ, гдѣ у крестьянина помѣщается и его семейство. Исключенія составляютъ много пять—десять человекъ во всемъ Вятскомъ уѣздѣ, о столярныхъ произведеніяхъ которыхъ г. профессоръ казанскаго университета М. Я. Китары, въ бытность свою на выставкѣ сельскихъ произведеній — въ Вяткѣ, въ 1854 году, сказалъ слѣдующее въ журналѣ Казанскаго Экономическаго общества (\*): «въ искусствѣ работы, изящности формы, въ цѣнности оклейкою дерева—Троицкая волость превзошла другія мѣста губерніи; большинство населенія Вятскаго уѣзда по преимуществу столяры и между ними есть такіе,

(\*) Кн. 8 мѣсяцъ августъ 1853 г. стр. 160.

«произведенія которыхъ съ честію выдержали бы строгій судъ «столярнаго вкуса». Надо замѣтить, что произведенія этихъ немногихъ столяровъ Троицкой волости нисколько не дешевле мебели московскихъ и казанскихъ мастеровъ; причиною тому дороговизна оклейнаго дерева, а равно и работы. Не смотря на это есть заказы имъ изъ сосѣднихъ губерній.

Мебельное производство обязано своимъ развитіемъ въ Вятскомъ уѣздѣ, случаю и склонности Вятчанъ къ древодѣланію, въ столь непродолжительное время, каковы лѣтъ 40 или 45, именно: одному изъ вятскихъ старожиловъ, г. Титову кажется, хорошо не помню, построившему себѣ новый домъ, пожелалось и окрасить его сообразно вкусу того времени. Съ этою цѣлю онъ поѣхалъ въ Казань, заказать одному изъ тамошнихъ мастеровъ мебель, а если возможно, то и пригласить оттуда въ Вятку мастера этого ремесла, съ обѣщаніемъ ему заказовъ, потому что въ Вяткѣ мастеровъ мебельныхъ до того времени не существовало. Одинъ нѣмецъ—мастеръ, какъ болѣе предприимчивый, пріѣхалъ въ Вятку и, получивъ обѣщанные заказы, взявъ рабочихъ изъ вятскихъ древодѣловъ, которые при склонности къ сродному имъ занятію и при сметливости, въ очень непродолжительное время такъ усвоили себѣ все необходимое (къ сожалѣнію, кромѣ аккуратности нѣмецкой) по части мебельнаго ремесла, что не только открыли въ самомъ городѣ мастерскія, и тѣмъ лишили мастера-нѣмца работы, но перенесли это ремесло и на деревни. При этомъ, безъ сомнѣнія, значительно понизились цѣны на мебель того же достоинства, что принудило нѣмца-мастера мебельнаго уѣхать изъ Вятки.

Мебельное производство въ Вятскомъ уѣздѣ дѣлится, какъ и вообще древодѣланіе, на части или разряды: такъ одни мужички занимаются дѣланіемъ столовъ, другіе стульевъ, третьи кроватей, четвертые шкафовъ и т. д., такого свойства, что они удовлетворяютъ только первой потребности—необходимости. Этѣ издѣлія красятся, по большей части, масляною краскою, а иногда, какъ будто бы, подъ орѣхъ и кроются маслянымъ же лакомъ. Мебель этого вида привозится въ значительномъ количествѣ на вятскіе базары и раскупается охотно простымъ народомъ по чрезвычайно низкимъ цѣнамъ; напримѣръ дюжина стульевъ такихъ стоитъ недороже рубля. Поэтому во всякой, почти, крестьянской избѣ Вятскаго края можно встрѣтить подобную мебель, чего въ другихъ

великороссійскихъ губерніяхъ нѣтъ, какъ за недостаткомъ склонности къ этого рода занятіямъ, такъ и за недостаткомъ лѣса, а ровно и времени, которое у нихъ идетъ на сподручныя имъ промыслы.

Второй разрядъ мебелныхъ издѣлій отличается нѣкоторою претензіей на вкусъ: замѣтно, напримѣръ, желаніе мастера-мужичка дать благовидный рисунокъ своимъ произведеніямъ; онъ отдѣлываетъ ихъ или подъ орѣхъ, или подъ красное дерево, иногда довольно удачно, и кроетъ ихъ довольно чисто спиртовымъ лакомъ, который, за дороговизною, нѣкоторые изъ столяровъ дѣлаютъ сами изъ спирта, шелла или гуммилака, съ примѣсью скипидара. Преимущественно же мебель этого отдѣла оклеивается березой, иногда карельской, но чаще кокосомъ, въ ящикахъ изъ котораго привозятъ сюда кубовую краску. Мужички-мастера скупаютъ эти ящики, доски ихъ пилятъ, подобно орѣху или красному дереву, и оклеиваютъ мебель. Эта оклейка чрезвычайно красива, въ особенности если хорошо отождена и удачна покрыта лакомъ. Такая мебель преимущественно здѣсь готовится и, почти, вся одного рисунка и продается дешево: за дюжину стульевъ можно заплатить недороже 4 руб., а за пару ломберныхъ столовъ — 2 руб. Она-то и развизится изъ Вятскаго уѣзда въ низовыя губерніи, въ Сибирь и на Нижегородскую ярмарку. Замѣчательно, что мужички-столяры этого вида мебель дѣлаютъ все по одному фасону. Попробуйте имъ заказать такую-же мебель, напримѣръ дюжину стульевъ, но только сдѣлайте хотя небольшое измѣненіе въ рисунокѣ его, тогда цѣна возрастаетъ далеко не пропорціонально измѣненію рисунка, пусть это будетъ даже упрощенный въ сравненіи съ его рисункомъ — онъ запроситъ 6, 7 и даже 8 рублей за дюжину. Вы скажете ему:—за что же такъ дорого, вѣдь тутъ работы не болѣе и даже менѣе? Вамъ отвѣчаютъ:—«да нещю, оно конечно, столько-же, да дѣлю-то незнакомое. А пожалуй тебѣ, «какъ сдѣлаешь, да непогленется, такъ и продавай какъ знаешь; «а нашему брату тереть (терять) време-то не коли (некогда)!» Подобныя резоны показываютъ не болѣе какъ неувѣренность въ своемъ промыслѣ, а стало-быть недостаточную развитость въ немъ.

Третій отдѣлъ мебели Вятчанъ составляетъ вѣнецъ искусства ихъ и есть достоиніе, какъ сказано выше, немногихъ крестьянскихъ семействъ — пяти-шести, въ Троицкой волости въ особенности,

Пальма же первенства между ними принадлежитъ братьямъ Кугловымъ, между которыми есть одинъ, дѣлающій чортесіано и даже рояли. Мѣбель этого вида обратила на себя вниманіе г. профессора М. Я. Киттары, какъ замѣчено выше; она выписывается отсюда чрезъ знакомыхъ, по общему рисунку, въ сосѣдственныя губерніи — Казанскую и Костромскую.

## VII.

Между немногими промыслами, существующими у крестьянъ Вятскаго края, ганимають первое мѣсто, послѣ хлѣбопашества, промыслы льняной и холщевой. Извѣстно, что Вятская губернія славится, если не достоинствомъ, то количествомъ собираемаго льна. Хорошимъ качествомъ здѣшній ленъ похвалиться не можетъ, потому что крестьяне Вятской губерніи употребляютъ для посѣва не выписныя, а свои сѣмена, которыя, какъ извѣстно, выражаются, а тѣмъ болѣе на почвѣ песчанOVERESCOVой, мѣстами даже глинистой и суглинистой; къ тому-же земля обрабатывается подь посѣвъ льна несовсѣмъ тщательно, надѣясь на русское — «авось». Чтоже касается до обработки льна, то крестьяне Вятскаго края и въ этомъ случаѣ выдерживаютъ свою небрежность: стоитъ только, въ базарные дни, взглянуть на продаваемый ими ленъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ, и фактъ будетъ на лицо: волокна не ровны, да и ческа льна не одинакова. Мало этого, внутри связки нерѣдко попадаются обрывки волоконъ пучками, что ясно говоритъ о недобросовѣстности продавцевъ-производителей и это то, вѣроятно, заставило орловскихъ купцовъ-льнопромышленниковъ Изергина и Бульчева устроить свои льнотрепальни и чесальни. А пора бы крестьянамъ Вятскаго края заняться должнымъ образомъ обработкою полей подь посѣвъ льна, выпискою сѣмянъ его и самымъ способомъ его обработки. И это тѣмъ болѣе необходимо, что потребность на ленъ ежегодно увеличивается не только въ вывозѣ за границу, но и для внутренняго производства на наши льнопрядильныя фабрики, которыя, молвить въ добрый часъ, пошли хорошо и добросовѣстно, какъ идутъ не многія. Фабрики эти требуютъ много льна, а производство его остается въ прежнемъ количествѣ и видѣ, по крайней мѣрѣ въ Вятскомъ краѣ. За неимѣніемъ точныхъ данныхъ за нѣсколько лѣтъ, представляю цифру за 1856 годъ, волученную изъ официальныхъ свѣдѣній:

Уѣзды.	Посѣяно.	Собрано.	Льну собрано.	Остав. на сѣмена.
Вятскій . .	8,904 пуд.	21,807 пуд.	10,807 пуд.	7,800 пуд.
Орловскій.	4,500 —	16,700 —	27,500 —	4,850 —
Котельнич.	14,500 —	26,700 —	47,500 —	6,850 —
Нолнскій.	14,290 —	35,384 —	28,045 —	15,095 —
Глазовскій.	38,596 —	61,577 —	56,525 —	38,514 —
Слободской.	5,615 —	23,074 —	34,245 —	5,676 —
Всего.	86,405 пуд.	185,242 пуд.	204,622 пуд.	78,785 пуд.

Изъ собраннаго количества льнянаго сѣмени вывезено за предѣлы губернии въ томъ же 1856 году 48,580 пуд., а льна 54,015 пуд.

По частнымъ же свѣдѣніямъ отправлено въ этотъ годъ къ Архангельскому порту болѣе, нежели до 60,000 пуд. льна, примѣрно на 210,000 руб., считая по существующимъ въ Вяткѣ цѣнамъ на ленъ отъ 3 руб. 20 коп. до 4 руб. за пудъ. Льнянаго же сѣмени тудаже отправлено до 12,000 четвертей, цѣною отъ 2 руб. 80 коп. до 4 руб. 30 коп., на сумму до 73,800 руб. и льняной пакли до 100,000 пудовъ, по 2 руб. 80 коп. за пудъ на 280,000 рублей.

Холщевый промыселъ въ Вятскомъ краѣ исключительно въ рукахъ женщинъ, которыя прядутъ ленъ и ткнутъ холсты въ долгіе осенніе и зимніе вечера, а также и весной до пашни. Вытканные и выбѣленные холсты крестьянки привозятъ на базары, торжки и ярмарки, которые бывають въ городахъ, селахъ и деревняхъ, по разнымъ случаямъ, преимущественно по религіознымъ. Здѣсь промышленники скупають его непосредственно или чрезъ прикащиковъ. Замѣчательна ихъ наметанность въ этомъ дѣлѣ: они узнають по вѣсу и по первому взгляду достоинство холста, потому что ширина его, почти, одинакова — отъ 8 до 10 вершковъ, и чѣмъ холстъ шире, тѣмъ онъ тонѣе и добротнѣе и притомъ количество аршинъ въ каждой навинѣ, почти, одинаково — отъ 23 до 25 арш. Но до сихъ поръ не знаютъ средства узнавать холстъ бѣлень ли онъ на настахъ, золой или известью. Послѣдніе два способа бѣленія встрѣчаются здѣсь чаще всего и нерѣдко переѣдаютъ холстъ и оттого многіе промышленники ошибаються, несмотря на многолѣтнюю опытность, что происходитъ отъ незнакомства ихъ съ реактивами, помощію которыхъ можно узнать присутствіе той или другой щелочи въ покупаемыхъ ими холстахъ.

Закупомъ холста въ Вятскомъ краѣ занимаються не болѣе, какъ десяты купеческихъ домовъ, большею же частію занимаються этой промышленностію крестьяне Нолнскаго уѣзда, а равно и купечество тамошнее. Производство и закупка холста существуетъ въ уѣздахъ: Нолнскомъ, гдѣ рождаются лучшіе льны, въ Вятскомъ, Яранскомъ, Орловскомъ, Глазовскомъ, Уржумскомъ, Котельническомъ, Слободскомъ и частію въ Елабужскомъ. Въ этихъ уѣздахъ

скупается холста въ продолженіи года отъ 20 до 34,000,000 аршинъ подъ слѣдующими названіями:

Отборнаго . . . . .	до	5,000,000	арш.
Рубашечнаго . . . . .	отъ	2,500,000	— 4,000,000 —
Подкладочнаго . . . . .	—	15,000,000	— 20,000,000 —
Хрящеваго . . . . .	—	2,000,000	— 4,000,000 —
Макрицнаго . . . . .	—	500,000	— 1,000,000 —
Пробойнаго для судовъ . . . . .	—	5,000	— 10,000 —

Скупается же холстъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Отборный	отъ 8 до 10 коп. за арш., на сумму около	45,000 руб.
Рубашечный	— 5 6 — — — —	— 176,700 —
Подкладочный	— 3 4 — — — —	— 412,500 —
Хрящевой	— 2¼ 3 — — — —	— 103,125 —
Макрицный	— 1¼ 2 — — — —	— 36,250 —
Пробойный для судовъ	1 — — — — —	— 75 —

Всего на 773. 625 руб.

Половина всего скупнаго холста распродается на мѣстѣ, какъ для потребленія, такъ и для вывоза перекупщиками промышленниками, которые скупаютъ его для русской арміи отъ 2-хъ до 3 милліоновъ аршинъ; пятая часть всего количества скупнаго холста вятскими промышленниками отправляется въ Сибирь въ Тобольскъ, Екатеринбургъ и Ирбитъ. Плата за провозъ до Тобольска отъ 50 до 60 копѣекъ съ пуда, считая среднимъ числомъ на пудъ отборнаго холста до 190½ арш. и отъ 150 до 100 аршинъ прочихъ сортовъ (\*). За провозъ же до Екатеринбургъ и Ирбита платятъ холще-промышленники отъ 25 до 40 коп. съ пуда. Въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ идетъ холстъ наиболѣе рубашечный для войска и рабочихъ на приискахъ въ екатеринбургскихъ рудникахъ и заводахъ, равно какъ и въ Ирбитѣ для той же цѣли. Пробойный-же, за малоцѣнностію и малымъ количествомъ выработки его, почти, никуда не вывозится и потребляется на мѣстѣ. Мѣщечный идетъ наиболѣе въ Казань и въ Саратовъ на мѣшки подъ кручатку. Остальной холстъ, въ особенности подкладочный, идетъ на Нижегородскую ярмарку. Цѣны на него тамъ, а равно и въ Сибири, за вычетомъ провоза, повышаются промышленниками отъ 5 до 15%. Такъ въ Нижегородской ярмаркѣ бываютъ слѣдующія цѣны, считая за 1000 аршинъ:

Отборный	отъ 50 до 51 руб.
Рубашечный	— 42 — 46 —
Подкладочный	— 30 — 35 —
Хрящевой	— 22 — 27 —

ИВ. САВИНОВЪ.

(\*) Въ торговомъ быту цѣнаго считатъ отборнаго холста отъ 3 до 3½ пуд. на 1,000 арш., а прочихъ сортовъ отъ 7 до 7½ пуд. тоже на 1,000 аршинъ.

## НАБЛЮДЕНІЯ

**нѣкоторыхъ періодическихкихъ явленій органической природы въ Квинсевѣ, въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, съ 1845 по 1855 годъ включительно.**

---

Въ теченіи многихъ лѣтъ моего пребыванія въ Квинсевѣ, я обращалъ, между прочими наблюденіями періодическихкихъ явленій, случающихся въ органической природѣ, особое вниманіе на начало цвѣтенія какъ дикорастущихъ, такъ и экзотическихкихъ растений, воздѣлываемыхъ въ окрестностяхъ города на открытомъ воздухѣ, въ хозяйственномъ или эстетическомъ отношеніи. Представляя результаты этихъ наблюденій въ нижеслѣдующей таблицѣ, нахожу не лишнимъ присовокупить къ ней наблюденія нѣкоторыхъ періодическихкихъ явленій царства животнаго и мѣсячный обзоръ средней температуры тѣхъ же лѣтъ изъ моихъ метеорологическихкихъ наблюденій. Для удобства сравненія съ другими мѣстами подобныхъ наблюденій, всѣ выгоды слѣлавы по счету мѣсяцевъ на новыи стиль. Температура воздуха и земли наблюдалась по 80-ти-долному термометру. Растенія не обозначенныя \* суть дикорастущія.

---

№	НАЗВАНІЯ РАСТЕНІЙ	И		А Л О Ц В Ъ Т Е Н І Я .																			
		1845		1846		1847		1848		1849		1850		1851		1852		1853		1854		1855	
		Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.
1	<i>Acer campestre</i> L. чернокленъ, кленъ полевой. . . . .	«	»	1	IV <sub>9</sub>	IV	»	»	»	»	»	»	»	18	IV	»	»	4	V	30	IV	15	IV
2	<i>Achillea Millefolium</i> L. деревій, тысячелистникъ обыкновенный. . . . .	«	»	5	V <sub>3</sub>	V	31	V	17	VI	12	VI	22	V	28	V	7	VI	9	VI	25	VI	
3	<i>Agrostemma Githago</i> L. куколь . . . . .	«	»	6	V <sub>4</sub>	VI	1	VI	3	VI	6	VI	4	VI	15	VI	20	V	24	V	13	V	
4	<i>Ailanthus glandulosa</i> Desf. китайская ясень . . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	27	VI	24	VI	22	VI	9	VI	
5	<i>Ajuga Chamaepitys</i> Schreb. живучка вересковидная . . . . .	«	»	22	V <sub>2</sub>	IV	29	IV	»	»	»	»	»	»	14	V	2	V	25	V	14	V	
6	<i>Ajuga reptans</i> L. живучка ползучая . . . . .	«	»	22	V <sub>3</sub>	V	30	IV	2	V	23	V	28	IV	18	V	24	IV	8	V	7	V	
7	<i>Amorpha fruticosa</i> L. крутикъ кустарный . . . . .	«	»	»	»	VI	8	VI	8	VI	16	VI	21	V	20	VI	4	VI	29	V	29	V	
8	<i>Amygdalus nana</i> L. бобовникъ низкій, миндаля стеной. . . . .	«	»	»	»	IV	19	IV	29	IV	»	»	»	»	»	»	»	»	8	V	21	IV	
9	<i>Anchisa italica</i> Retz. воловикъ итальянскій или голубой. . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	2	VI	17	VI	10	VI	5	VI	9	VI	
10	<i>Anchusa ochroleuca</i> M. a Bieb. воловикъ желтый. . . . .	21	V	15	V <sub>2</sub>	V	11	V	20	V	27	V	13	V	27	V	12	V	19	V	12	V	
11	<i>Anemone Pulsatilla</i> L. сонъ трава . . . . .	13	IV	24	III <sub>7</sub>	IV	11	IV	15	IV	21	IV	25	III	9	IV	6	IV	»	»	»	»	
12	<i>Aristolochia Clematites</i> L. змѣиный корень, карказонъ обыкновенный. . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	31	V	14	V	10	V	
13	<i>Armeniaca vulgaris</i> Decand. абрикось обыкновенный . . . . .	25	IV	30	III <sub>7</sub>	IV	9	IV	21	IV	8	V	12	IV	4	V	10	IV	26	IV	8	IV	
14	<i>Astragalus dasyanthus</i> Pall. матерникъ, живокость. . . . .	«	»	»	»	VI	28	VI	5	VI	22	VI	18	V	14	VI	21	V	29	V	1	VI	
15	<i>Barkhasia foetida</i> Decand. бузильникъ вонючій . . . . .	«	»	26	VI <sub>4</sub>	VI	21	VI	16	VI	29	VI	12	VI	1	VII	24	VI	7	VII	16	VI	
16	<i>Berberis vulgaris</i> L. барбарисъ обыкновенный. . . . .	«	»	»	»	V	15	V	11	V	27	V	2	V	24	V	9	V	13	V	11	V	
17	<i>Capsella Bursa pastoris</i> Moench. пастушня сумка. . . . .	«	»	25	IV <sub>5</sub>	V	13	V	4	V	6	V	1	IV	2	V	7	V	12	V	27	IV	
18	<i>Caragana arborescens</i> Lam. гороховникъ древесный, сибирск. горохъ. . . . .	19	V	6	V <sub>0</sub>	IV	22	IV	6	V	22	V	25	IV	21	V	2	V	8	V	26	IV	
19	<i>Caragana frutescens</i> Decand. гороховникъ кустарный . . . . .	«	»	2	V <sub>9</sub>	IV	19	IV	3	V	17	V	20	IV	19	V	30	IV	5	V	20	IV	
20	<i>Celtis australis</i> L. каркасъ южный . . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	22	V	20	V	12	V	17	V	
21	<i>Centaurea Cyanus</i> L. василекъ сивій . . . . .	«	»	31	V <sub>5</sub>	VI	7	VI	31	V	10	VI	9	VI	13	VI	10	VI	15	VI	7	VI	
22	<i>Centaurea solstitialis</i> L. бѣлолиственникъ солнцеповоротный. . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	5	VII	23	VI	17	VII	28	VI	20	VII	24	VI		
23	<i>Cerasus Mahaleb</i> Mill. вишня душистая . . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	21	V	28	IV	20	V	28	IV	
24	<i>Cercis siliquastrum</i> L. Іудино дерево, багряникъ стручковатый . . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	22	V	8	V	13	V	15	V	
25	<i>Cichorium Intybus</i> L. цикорій дикій . . . . .	18	VI	14	VI <sub>4</sub>	VI	18	VI	23	VI	25	VI	27	VI	2	VII	23	VI	29	VI	21	VI	
26	<i>Colutea arborescens</i> L. пузырникъ древесный . . . . .	«	»	13	V <sub>1</sub>	V	22	V	3	VI	5	VI	7	V	2	VI	27	V	24	V	18	V	
27	<i>Colutea cruenta</i> Ait. пузырникъ кровокрасный . . . . .	«	»	14	V <sub>1</sub>	V	20	V	30	V	6	VI	3	V	1	VI	25	V	23	V	20	V	
28	<i>Convolvulus arvensis</i> L. вьюнокъ полевой . . . . .	«	»	30	V	»	»	»	»	»	12	VI	23	V	26	VI	1	VI	29	V	25	V	
29	<i>Cornus mascula</i> L. кизиль обыкновенный . . . . .	«	»	»	»	»	»	»	18	IV	22	IV	29	III	10	IV	28	II	20	IV	21	III	
30	<i>Cornus sanguinea</i> L. кумослѣнникъ кровокрасный. . . . .	«	»	22	V <sub>4</sub>	V	21	V	6	V	1	IV	29	V	20	V	23	V	25	V	22	V	
31	<i>Crataegus Oxyacantha</i> L. боярышникъ обыкновенный. . . . .	«	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	19	IV	19	V	4	V	
32	<i>Crocus reticulatus</i> M. a Bieb. шафранъ сѣтчатый. . . . .	23	III	15	III <sub>2</sub>	III	17	III	28	III	13	IV	21	III	24	III	12	II	1	IV	23	III	

№	НАЗВАНІЯ РАСТЕНІЙ	Ц В Ъ Т Е Н І Я .																					
		1845		1846		1847		1848		1849		1850		1851		1852		1853		1854		1855	
		Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.
33	*Cytisus Labernum L. ракитникъ обыкновенный . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	27	V	20	V	18	V	11	V	
34	Cytisus sessilifolius L. ракитникъ спячелюстный . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	26	V	15	V	27	V	13	V	
35	Datura Stramonium L. дурманъ вонючій . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	23	VI	20	VI	»	»	8	VI	
36	Daucus bessarabicus Decand. морковь бессарабская . . . . .	»	»	14	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	
37	Delphinium Consolida L. шпорникъ полевой . . . . .	»	»	21	VI	17	VI	20	VI	22	VI	8	VI	29	VI	7	VII	20	VI	21	VI		
38	Echinopspermum Lappula Lehm. незабудка щетинистая . . . . .	21	V	13	20	V	16	V	24	V	30	V	17	V	3	VI	20	V	10	VI	21	V	
39	Echium vulgare L. сныть обыкновенный . . . . .	5	VI	2	12	VI	11	VI	14	VI	17	VI	1	VI	20	VI	9	VI	20	VI	6	VI	
40	Echium rubrum Jacq. румянка красная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	30	V	18	VI	8	VI	16	VI	
41	*Elaeagnus hortensis M. a Bieb. джигда, лохъ, маслина-богемская . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	
42	Evonymus europaeus L. верескледъ европейскій . . . . .	11	V	30	9	V	6	V	14	V	25	V	30	IV	21	V	11	V	14	V	11	V	
43	Evonymus verrucosus Scop. верескледъ бородавчатый . . . . .	»	»	»	9	V	»	»	»	»	26	V	30	IV	23	V	14	V	17	V	12	V	
44	Fumaria officinalis L. дымянка лекарственная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	27	V	19	V	28	V	13	V	
45	Gagea lutea Schuld. птицемлечникъ желтый . . . . .	»	»	20	4	IV	4	IV	29	III	14	IV	27	III	29	III	20	III	9	IV	29	III	
46	Glaucium corniculatum Curt. рожевикъ красный . . . . .	»	»	19	29	V	27	V	15	V	5	VI	13	V	6	VI	13	V	26	V	23	V	
47	*Gleditschia triacanthos L. гледичія обыкновенная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	16	V	1	V	2	V	21	IV	
48	*Helianthus tuberosus L. груша земляная, подсолнечникъ клубнегый . . . . .	»	»	29	1	X	»	»	»	»	17	X	9	X	»	»	»	»	4	X	13	X	
49	Holcus lanatus L. бухарникъ пушистый . . . . .	»	»	6	21	IV	10	IV	18	IV	26	IV	11	IV	13	IV	9	IV	2	V	10	IV	
50	Hyoscyamus niger L. бѣлена черная . . . . .	19	V	8	14	V	10	V	21	V	25	V	3	V	28	V	10	V	30	V	16	V	
51	Hypericum perforatum L. зѣвробой обыкновенный . . . . .	30	V	11	14	VI	2	VI	14	VI	14	VI	25	V	24	VI	9	VI	3	VI	2	VI	
52	*Hyssopus officinalis L. исопъ аптечный . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	17	VI	12	VII	26	VI	29	VI	17	VI	
53	Iris germanica L. касатикъ, ирь германскій . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	25	V	30	V	12	V	13	V	11	V	
54	Iris güldenstädtiana Lerech. касатикъ гильденштедта . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	8	VI	24	V	27	VI	13	VI	
55	Iris pumila L. касатикъ низкій . . . . .	»	»	20	»	»	28	V	29	V	1	VI	»	»	»	»	10	V	8	V	9	V	
56	Isatis tinctoria L. вайда красильная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	8	V	29	V	2	V	21	V	5	V	15	V	7	V	
57	*Juglans regia L. орѣшина грецкая или царская . . . . .	»	»	»	28	IV	»	»	»	»	»	»	»	»	25	V	»	»	18	V	9	V	
58	*Koelreuteria paniculata Lam. мыльное дерево, кельрен-терія вѣточная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	13	VII	7	VII	1	VII	30	VI	3	VII	
59	Lactuca Scariola L. салатъ дикій . . . . .	»	»	17	13	VII	25	VII	»	»	10	VII	12	VII	21	VII	17	VII	9	VII	10	VII	
60	Lamium amplexicaule L. яснотка стеблеобъемлющая . . . . .	»	»	24	11	IV	14	IV	5	IV	18	IV	17	IV	24	IV	7	IV	29	IV	23	IV	
61	Lavandula spica L. лаванда настоящая . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	24	VI	3	VII	29	VI	29	VI	14	VI	
62	Lavatera thuringiaca L. хатьма розовая . . . . .	»	»	»	»	»	14	VI	»	»	»	»	»	»	25	VI	18	VI	19	VI	7	VI	
63	Lepidium Draba L. перечникъ бильниковый . . . . .	»	»	27	4	V	28	IV	13	V	24	V	27	V	22	V	9	V	15	V	9	V	
64	Ligustrum vulgare L. бигючина обыкновенная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	15	VI	8	VI	6	VI	30	V	
65	Linum perenne L. ленъ многолѣтній . . . . .	»	»	27	31	V	23	V	14	V	»	»	»	»	»	»	»	»	2	VI	9	V	
66	Lithospermum officinale L. воробейникъ лекарственный . . . . .	»	»	6	29	IV	2	V	28	IV	5	V	15	IV	»	»	»	»	9	V	27	IV	

№	НАЗВАНІЯ РАСТЕНІЙ	Н Ч А Л О Ц В Ъ Т Е Н І Я .																							
		1845		1846		1847		1848		1849		1850		1851		1852		1853		1854		1855			
		Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.		
67	*Lonicera tatarica L. жимолость татарская, вишня татарская. . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	13	V	21	V	»	»	»	»	12	V	12	V	8	V		
68	*Lycium barbarum L. незамайникъ варварійскій . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	13	V	»	»	»	»	»	»	19	V	15	V	7	V		
69	Medicago falcata L. медунка серповидная . . . . .	»	»	13	VI	»	»	»	»	22	V	11	VI	»	»	23	VI	30	V	15	VI	»	»		
70	Medicago sativa L. люцерна настоящая . . . . .	»	»	»	»	31	V	29	V	»	»	8	V	19	IV	»	»	30	V	23	VI	»	»		
71	Morus alba L. шелковица бѣлая . . . . .	14	V	11	8	V	9	V	19	V	28	V	4	V	30	V	9	V	11	V	15	V	15	V	
72	Muscari botryoides Mill. гіяцинтъ гроздовидный . . . . .	20	IV	27	13	IV	13	IV	16	IV	24	IV	17	IV	5	IV	29	III	25	IV	8	IV	8	IV	
73	Muscari comosum Mull. гіяцинтъ косматый. . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	9	VI	20	V	29	V	3	VI	
74	Muscari pallens Fisch. гіяцинтъ блѣдный . . . . .	»	»	29	15	IV	»	»	»	»	»	»	»	18	IV	7	IV	1	IV	26	IV	10	IV		
75	Nigella arvensis L. чернушка полевая . . . . .	»	»	13	13	VI	12	VI	14	VI	26	VI	3	VI	28	VI	19	VI	19	VI	19	VI	20	VI	
76	Nonnea pulla Decand. воловикъ темноцвѣтный . . . . .	20	IV	21	14	IV	12	IV	22	IV	27	IV	12	IV	1	V	12	IV	30	IV	17	IV	17	IV	
77	Origanum vulgare L. душица обыкновенная . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	8	VII	20	VI	15	VI	13	VI		
78	Ornithogalum umbellatum L. птицемлечникъ зонтичный. . . . .	6	V	23	5	V	27	IV	8	V	21	V	25	IV	18	V	22	IV	13	V	3	V	3	V	
79	Papaver dubium L. макъ сомнительный . . . . .	»	»	»	17	V	30	IV	19	V	25	V	9	V	27	V	10	V	15	V	1	V	1	V	
80	*Persica vulgaris Mill. персикъ обыкновенный. . . . .	25	IV	7	1	V	13	IV	1	V	10	V	21	IV	14	V	23	IV	5	V	16	IV	16	IV	
81	Phlomis pungens Willd. жабья трава колючая. . . . .	»	»	23	20	VI	17	VI	15	VI	27	VI	5	VI	28	VI	15	VI	3	VI	2	VI	2	VI	
82	Plantago medium L. подорожникъ средний. . . . .	»	»	21	19	V	25	V	3	VI	3	VI	15	V	13	VI	27	V	12	V	30	V	30	V	
83	Polygonum Convolvulus L. гречиха вьюнковидная. . . . .	»	»	6	27	VI	»	»	»	»	»	»	»	7	IV	15	VI	»	»	»	»	4	VI		
84	Populus alba L. тополь бѣлый. . . . .	»	»	25	9	IV	9	IV	10	IV	»	»	»	»	7	IV	»	»	30	IV	17	III	17	III	
85	*Populus italica Mönch. тополь итальянской, тополь пирамидальный . . . . .	»	»	1	15	IV	10	IV	20	IV	»	»	»	»	3	V	7	IV	29	IV	»	»	»	»	
86	Prunus Avium L. черешня . . . . .	28	IV	11	30	IV	13	IV	30	IV	11	V	20	IV	12	V	24	IV	3	V	18	IV	18	IV	
87	*Prunus Cerasus L. вишня . . . . .	22	IV	4	24	IV	16	IV	27	IV	11	V	20	IV	14	V	29	IV	4	V	22	IV	22	IV	
88	*Prunus domestica L. черносливъ . . . . .	25	IV	9	27	IV	18	IV	29	IV	13	V	21	IV	14	V	26	IV	5	V	19	IV	19	IV	
89	Prunus Padus L. черемуха душистая . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	23	V	1	V	11	V	3	V	3	V	
90	Prunus spinosa L. тернъ обыкновенный. . . . .	»	»	»	25	IV	19	IV	26	IV	10	V	18	IV	12	V	20	IV	30	IV	16	IV	16	IV	
91	*Ptelea trifoliata D. коженникъ трилистный. . . . .	»	»	»	27	IV	17	IV	4	V	11	VI	23	V	11	VI	6	VI	30	V	27	V	27	V	
92	Pyrus communis L. груша дикая . . . . .	7	V	16	29	IV	18	IV	6	V	13	V	24	IV	17	V	28	IV	4	V	21	IV	21	IV	
93	Pyrus Malus L. яблонь дикая . . . . .	7	V	18	30	IV	20	IV	7	V	15	V	26	IV	20	V	30	IV	7	V	22	IV	22	IV	
94	Reseda lutea L. резеда желтая . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	13	V	11	VI	19	V	21	V	7	V	7	V
95	Rhus Cotinus L. желтинникъ. . . . .	21	V	12	19	V	20	V	22	V	1	VI	10	V	2	VI	13	V	22	V	19	V	19	V	
96	*Rhus typhina L. сумакъ розоговидный . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	25	VI	18	VI	25	VI	»	»	11	VI	7	VI	7	VI	7	VI
97	*Ribes grossularia L. крыжовникъ . . . . .	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	15	IV	13	V	30	IV	30	IV	9	IV	9	IV	
98	*Robinia hispida L. акація щетинистая, акація розовая . . . . .	»	»	19	19	V	17	V	30	V	7	VI	13	V	4	VI	20	V	22	V	19	V	19	V	
99	*Robinia pseudoacacia L. лжеакація, акація бѣлая. . . . .	25	V	20	14	V	13	V	29	V	4	VI	11	V	31	V	26	V	23	V	20	V	20	V	
100	Rosa canina L. шиповникъ. . . . .	»	»	23	22	V	2	VI	»	»	7	VI	16	V	2	VI	29	V	28	V	22	V	22	V	



№	НАБЛЮДЕНІЯ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА.	1845		1846		1847		1848		1849		1850		1851		1852		1853		1854		1855	
		Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.	Ч.	М.
1	<i>Talpa europaea</i> , кротъ начинаетъ рыть землю . . . . .	1	IV	19	IV	3	IV	12	III	1	IV	9	III	25	III	1	IV	13	II	28	III	8	III
2	<i>Alauda arvensis</i> , жаворонокъ полевой начинаетъ пѣть . . . . .	19	III	9	II	26	III	28	III	30	III	13	III	19	III	7	III	25	II	23	III	3	III
3	<i>Ciconia alba</i> , антъ бѣлый прилетаетъ . . . . .	2	IV	19	III	28	III	6	IV	2	IV	4	IV	24	III	31	III	22	III	30	III	23	III
—	— — — — — улетаетъ . . . . .	10	IX	4	IV	7	IX	1	IX	26	VIII	20	VIII	24	VIII	28	VIII	26	VIII	22	VIII	18	VIII
4	<i>Coturnix dactylisonans</i> , перепелка прилетаетъ . . . . .	22	IV	17	IV	15	IV	1	V	25	IV	30	IV	22	IV	3	V	23	IV	24	IV	1	V
5	<i>Cuculus Canorus</i> , кукушка начинаетъ куковать . . . . .	1	V	28	IV	19	IV	7	V	24	IV	1	V	26	IV	27	IV	1	V	28	IV	23	IV
6	<i>Grus cinerea</i> , журавль прилетаетъ . . . . .	5	IV	25	IV	6	IV	26	III	1	IV	8	IV	28	III	3	IV	18	III	3	IV	14	III
—	— — — — — улетаетъ . . . . .	19	IX	6	IV	7	IX	24	IX	5	IX	17	IX	27	VIII	24	VIII	31	VIII	26	VIII	6	IX
7	<i>Hirundo rustica</i> , ласточка касатка прилетаетъ . . . . .	11	IV	16	IV	20	IV	21	IV	11	IV	16	IV	10	IV	5	IV	26	IV	1	V	7	IV
—	— — — — — улетаетъ . . . . .	23	IX	18	IV	25	IX	30	IX	29	IX	21	IX	15	IX	13	IX	14	IX	19	IX	10	IX
8	<i>Sylvia luscinia</i> , соловей начинаетъ пѣть . . . . .	27	IV	19	IV	25	IV	7	IV	13	IV	2	V	24	IV	10	V	7	V	11	V	1	V
9	<i>Bufo vulgaris</i> , жаба появляется . . . . .	18	IV	19	III	17	IV	21	III	14	IV	5	IV	22	III	2	IV	17	III	19	IV	24	III
10	<i>Lacerta agilis</i> , ящерица появляется . . . . .	17	IV	20	III	18	IV	24	III	14	IV	19	IV	28	III	29	IV	18	III	22	IV	24	III
11	<i>Rana viridis aquatica</i> , лягушка водяная начин. квакать . . . . .	14	IV	2	IV	16	IV	3	IV	15	IV	20	IV	16	IV	6	IV	11	IV	21	IV	29	III
12	<i>Cetonia hirta</i> , златка мохвотая появляется . . . . .	21	IV	15	IV	23	IV	10	IV	21	IV	11	V	19	IV	10	IV	27	IV	13	V	25	IV
13	<i>Gryllus migratorius</i> , саранча появляется . . . . .	17	VII	31	V	13	V	26	VII	18	VIII	2	VII	не было	не было	19	VII	не было	не было	11	VIII	11	VIII
14	<i>Lethrus cephalotes</i> , почкорѣзь толстоголовый появляется . . . . .	8	IV	21	III	2	IV	1	IV	12	IV	10	IV	27	III	31	III	17	III	7	IV	24	III
15	<i>Lytta visicatoria</i> , шпанская муха появляется . . . . .	21	IV	16	V	18	V	14	V	6	V	1	VI	9	V	не было	не было	1	VI	14	VI	24	V
16	<i>Melolontha vulgaris</i> , хрущ майскій появляется . . . . .	19	IV	24	IV	23	IV	31	III	не было	не было	3	V	23	IV	28	V	3	V	23	IV	3	V

## МѢСЯЧНЫЙ ОБЗОРЪ ТЕРМИМЕТРИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ВОЗДУХА ВЪ ТѢНИ НА 2¼ АРШИНА  
(5¼ РУССКАГО ФУТА) ОТЪ ЗЕМЛИ.СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ЗЕМЛИ НА 1 АРШИНЪ  
(2¼ РУС. ФУТА) НИЖЕ ПОВЕРХНОСТИ.

	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	Средн. въ 11 лѣтъ тѣней сложностей		1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	Средн. въ 9 лѣтъ тѣней сложностей
Январь . . .	-0,93	-1,13	-6,49	-7,73	-3,39	-6,77	-2,69	0,25	0,67	-2,06	-3,50	-3,07	Январь . . .	»	»	3,24	2,10	2,56	2,94	2,32	2,39	2,41	2,23	2,22	2,49
Февраль . . .	-4,69	-1,01	-0,21	0,21	0,06	-0,80	-1,04	-1,07	1,60	-1,54	-1,83	-0,94	Февраль . . .	»	»	2,31	1,81	1,68	2,27	1,84	1,00	2,19	1,42	1,59	1,79
Мартъ . . . .	-0,24	4,20	0,75	3,59	1,53	0,14	2,87	1,39	3,73	0,40	4,26	2,05	Мартъ . . . .	»	»	2,75	1,76	2,04	2,09	1,68	2,37	4,14	4,27	1,98	2,29
Апрѣль . . . .	7,82	9,44	9,89	11,60	7,44	6,49	9,02	3,92	6,30	6,28	7,56	7,79	Апрѣль . . . .	»	»	4,27	3,91	3,13	4,34	5,57	5,26	6,62	1,81	6,31	4,51
Май . . . . .	12,13	12,52	14,21	12,68	13,59	11,81	16,00	12,09	13,31	14,43	15,12	13,42	Май . . . . .	»	»	8,61	9,34	7,90	9,04	11,07	8,52	9,52	6,52	19,07	9,12
Июнь . . . . .	16,26	14,69	16,86	19,99	18,12	17,20	16,73	15,06	16,49	15,39	19,12	16,98	Июнь . . . . .	»	»	11,02	14,06	13,22	13,56	13,34	14,96	13,44	12,83	15,53	13,52
Июль . . . . .	19,63	16,65	18,42	19,91	19,31	13,27	19,44	16,21	18,92	18,82	18,71	18,57	Июль . . . . .	»	»	13,90	15,75	15,84	14,96	15,11	16,53	15,97	15,73	16,23	15,54
Августъ . . .	15,32	19,44	18,85	19,49	18,31	19,62	18,95	16,22	13,03	16,50	16,96	17,97	Августъ . . .	»	»	14,39	16,32	14,88	15,68	15,93	16,34	16,22	15,79	16,06	15,73
Сентябрь . . .	11,06	14,03	14,04	12,73	12,74	12,09	17,93	11,81	12,26	10,89	10,74	12,76	Сентябрь . . .	»	»	14,55	15,11	13,70	14,70	13,31	13,59	14,51	13,05	13,65	14,02
Октябрь . . .	8,33	10,06	8,04	10,69	10,03	9,83	10,41	9,27	10,45	8,92	10,12	9,65	Октябрь . . .	»	»	10,38	12,56	12,27	10,55	11,69	10,98	11,99	11,00	11,27	11,34
Ноябрь . . . .	4,04	0,17	2,17	3,79	5,76	3,50	8,96	3,99	1,42	3,14	1,08	3,45	Ноябрь . . . .	»	»	7,86	9,49	9,07	6,99	8,95	6,29	7,63	7,75	8,18	8,02
Декабрь . . .	1,11	0,87	-2,79	0,36	-3,60	1,81	0,59	1,18	-1,64	1,44	-3,26	-0,54	Декабрь . . .	»	»	4,67	5,45	4,93	3,43	5,03	4,59	3,32	4,11	2,95	4,27
Ср. годовая температура . .	7,48	8,33	7,82	8,78	8,33	7,76	9,77	7,61	8,46	7,69	7,76	8,17	Ср. годовая температура . .	»	»	8,16	8,97	8,44	8,55	8,82	8,57	8,94	7,80	8,91	8,55

Кишиневъ, областный городъ Бессарабіи, лежитъ подъ 47° сѣверной широты и 46° 23' восточной долготы отъ перваго меридіана и возвышается надъ уровнемъ океана на 280' русск. Окрестности его холмисты, маловодны и почти безлѣсны. Почва большею частью плодородна и состоитъ изъ чернозема; встрѣчаются также небольшія пространства, покрытыя, то глинистымъ пескомъ, то мергелемъ, то третичнымъ известнякомъ. По сложности 11-ти лѣтъ, средняя температура года равняется 8,17°, весны 7,75°, лѣта 17,84°, осени 8,62°, зимы—1,52°.

Сравнивая здѣшній климатъ съ климатомъ странъ Европы, подъ тою же изотермическою линіею болѣе на западъ лежащихъ, выходитъ, что тамъ лѣта менѣе знойны, а зимы менѣе холодны. На западѣ Европы времена года вообще имѣютъ болѣе опредѣленный характеръ, температура болѣе постоянна, нѣтъ такихъ внезапныхъ переходовъ отъ чрезмѣрной теплоты къ весьма чувствительному холоду и наоборотъ, какъ это у насъ не рѣдко случается.

Здѣшняя зима является самою измѣнчивою: то она сурова и стужа доходитъ до—22°, то тепла и въ январѣ можно ходить по лѣтнему; то снѣжна, какъ на сѣверѣ Россіи, то безснѣжна и суха. Рѣзкіе морозы часто смѣняются оттепелью и дождемъ, что остается не безъ вліянія какъ на растенія, такъ и на чловѣка и животныхъ. Скоропроходящая весна сопровождается сильными вѣтрами и не рѣдко поздними морозами. Продолжительное лѣто обыкновенно сухо и жарко, температура въ тѣни возвышается до 30 и 32°, а на солнцѣ доходитъ иногда до 40°. Осенью господствуетъ наиболѣе пріятная погода, иногда до поздняго декабря.

Буря свирѣпствуютъ въ особенности лѣтомъ. Въ продолженіи весны и лѣта случается весьма сильный, но непродолжительный громъ. Роса выпадаетъ весною и осенью, весьма рѣдко лѣтомъ. Ливни и сильный градъ, причиняющіе значительный уронъ земледѣльцу, случаются къ счастью рѣдко. Зимою и весною гололеда бываетъ весьма часто. Сѣверозападный вѣтеръ можно считать принадлежностью здѣшняго края. Къ наименѣе случающимся вѣтрамъ принадлежитъ восточный и никогда не бываетъ силенъ. Безвѣтріе почти не случается и, если бываетъ, то часто предшествуетъ бурѣ. Если нѣсколько дней сряду дуетъ югозападный вѣтеръ, то непременно въ скоромъ времени идетъ дождь. Отношенія выпадающей влаги представляются, по сложности послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, въ слѣдующемъ: январь 0,52", февраль 1,14", мартъ 0,92", апрѣль 1,08", май 2,25", іюнь 3,82", іюль 2,21", августъ 2,69", сентябрь 0,90", октябрь 0,57", ноябрь 1,87", декабрь 2,10", въ продолженіи года всего 20,07".

Температура земли на одинъ аршинъ (2 $\frac{1}{3}$  русск. фута) ниже поверхности наблюдалась ежедневно въ теченіи 9-ти лѣтъ, термо-

метръ отмѣчался разъ въ день, въ 2 часа по полудни. Для геотермометрическихъ наблюдений я призналъ показанную глубину достаточною, ибо растенія получаютъ главную пищу преимущественно изъ этого слоя земной поверхности. Мѣстность наблюдений представляетъ равнину, открытую полному вліянію солнца и безъ защиты отъ дѣйствія вѣтровъ. Почва этого мѣста плодородна, состоитъ изъ песчаноглинистаго чернозема и покрыта естественнымъ дерномъ; черноземъ простирается на 2 фута глубины. Подпочва глинистая.

Температура земли наблюдается слѣдующимъ образомъ: на открытой со всѣхъ сторонъ равнинѣ выкопана яма въ 1 аршинъ глубиною и  $\frac{1}{4}$  аршина въ діаметрѣ; въ сторонѣ, лежащей на югъ, вырыта норка для помѣщенія термометра въ перпендикулярномъ положеніи, такъ что шарикъ его находится отъ поверхности земли ровно на 1 аршинъ; кромѣ небольшого отверстія для наблюдений показаній термометра, все прочее пространство ямы набито плотно мелкою соломою и прикрито землею; отверстіе ямы раскрывается только во время наблюдений, въ прочее же время оно плотно заткнуто соломенною втулкою.

Въ сельскохозяйственномъ отношеніи постоянныя наблюденія надъ температурою почвы также важны, какъ наблюденія надъ температурою атмосферы. Весьма желательно, чтобы подобныя наблюденія были предприняты во многихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества: онѣ бы, безъ сомнѣнія, обогатили науку весьма интересными результатами; но при этомъ, чтобъ встрѣтиться другъ съ другомъ, необходимо единство въ наблюденіяхъ, а потому должно бы принять за главныя условія:

- 1) мѣстность наблюдений должна быть равнина, открытая солнечному и атмосферному вліянію;
- 2) глубина должна быть вездѣ однообразна—аршинную глубину ( $2\frac{1}{2}$  русск. фута) я предпочитаю вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ;

3) наблюденія должно производить постоянно и отмѣчать показанія термометра одинъ разъ въ сутки, что весьма достаточно; всего лучше въ 2 часа по полудни;

4) геотермометрическія наблюденія должно производить въ связи съ атмосферическими;

5) для удобства сравненія одного мѣста съ другимъ, необходимо нужно объяснять качество и составъ почвы наблюдаемой мѣстности, именно: плодородна ли она, или нѣтъ и въ какой степени, употребляется ли удобрение или нѣтъ, сырая ли она или сухая; какія главныя составныя части ея, какъ то: черноземъ, глина, песокъ и т. п.

и 6) всѣ наблюденія и выводы должно производить по повому стилю, принятому для метеорологическихъ наблюдений повсюду.

Изъ многолѣтнихъ геотермометрическихъ наблюдений получены

мною слѣдующіе результаты: 1) Температура земли не понижалась ниже  $+1^{\circ}$  и не превосходила  $+16\frac{3}{4}^{\circ}$ . 2) Наименьшая температура случается въ февралѣ или мартѣ, а наибольшая въ іюлѣ или августѣ. 3) Въ землѣ нѣтъ внезапныхъ переходовъ, какъ это случается въ атмосферѣ. Теплота земли съ февраля или марта начинаетъ постепенно возвышаться, и достигши въ іюлѣ или въ Августѣ самой высокой степени  $16\frac{5}{4}^{\circ}$ , опять постепенно понижается. 4) Весною почвенная температура ниже, а осенью выше атмосферной температуры. 5) Наибольшая разность въ средней температурѣ атмосферы и земли бываетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. 6) Въ 9-ти лѣтней сложности средняя температура земли равняется  $+8,55^{\circ}$ , а средняя температура воздуха тѣхъ же 9 лѣтъ  $+8,22^{\circ}$ , и такъ какъ разнища состоитъ только въ  $0,33^{\circ}$ , то среднюю годовую температуру земли, на 1 аршинѣ ниже поверхности, и температуру атмосферы въ тѣни можно принять за равную.

7) Зимой минимум почвенной температуры земли, на 1 аршинѣ ниже поверхности, превышаетъ минимумъ воздушной температуры не рѣдко въ  $20^{\circ}$  и даже въ  $23^{\circ}$ ; слѣдовательно земля, далеко не столько охлаждаемая какъ воздухъ, противудѣйствуетъ совершенному замерзанію растений, менѣе свойственныхъ краю. 8) Чѣмъ выше почвенная теплота весною, тѣмъ раньше и быстрѣе развиваются растенія, хотя бы воздухъ и былъ прохладенъ; если же температура земли низка, то и при тепломъ воздухѣ растенія распускаются медленно; изъ чего должно заключить, что теплота земли болѣе содѣйствуетъ раннему развитію растеній, нежели теплота атмосферы. 9) Почвенная влага усиливаетъ лѣтомъ теплоту земли, а сухость ея противудѣйствуетъ воспріятію теплоты, при одномъ и томъ же состояніи атмосферной температуры. 10) Весною, когда растительность въ сильномъ движеніи, земная температура быстро возвышается. 11) Лѣтомъ, когда растительность на время пріостанавливается, измѣненія земной теплоты весьма медленны. 12) На 1 аршинѣ ниже поверхности колебанія атмосферной температуры не передаются почвѣ и температура послѣдней слѣдуетъ правильному возрастанію или убыванію въ теченіи цѣлаго года.

### АЛЕКСАНДРЪ ДЕНГИНКЪ,

ученый садовникъ бессарабскаго училища садоводства.



## V.

### КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ.

---

**ЧАСТНОЕ ЛУНОЕ ЗАТМѢНІЕ ВЪ Г. СЕМПАЛАТНЕСКѢ, 12 (24) августа 1858** года. Изъ мѣсяцослова, изданнаго Императорскою Санктпетербургскою Академіею Наукъ на 1858 годъ, видно, что 12 августа произойдетъ на землѣ частное лунное затмѣніе. Оно не будетъ видимо, ни въ С.-Петербургѣ, ни въ Москвѣ, потому что послѣдованіе его тамъ должно быть днѣмъ, когда солнце на горизонтѣ и при свѣтѣ его луна невидима. Если бы видимо было это явленіе въ С.-Петербургѣ, то начало его тамъ въ 3 ч. 5 м., середина 4 ч. 22 м. конецъ 5 ч. 38 м.; въ Москвѣ начало 3 ч. 34 м., середина 4 ч. 51 м. конецъ 6 ч. 7 мин. Но это явленіе будетъ видимо въ Австраліи, въ Южной Азійи и отчасти въ Юго-западной части Сѣверной Америки и въ Восточной Африкѣ. Весь періодъ сего затмѣнія два часа тридцать три минуты.

Зная предварительно часъ какого нибудь небеснаго явленія въ одномъ мѣстѣ земной поверхности, по правиламъ астрономіи и математики можно опредѣлить послѣдованіе того же явленія въ другомъ мѣстѣ, при опредѣленной широтѣ и долготѣ его. Если

свѣтила обращаются равномерно и въ 24 часа проходить  $360^\circ$ , то найдши, что въ одномъ мѣстѣ какое нибудь явленіе происходитъ часомъ прежде или послѣ, нежели въ другомъ, должно заключить, что первое мѣсто восточнѣе или западнѣе, противъ втораго 15 градусами или 24 частію отъ  $360^\circ$ .

На этомъ основаніи и соображеніи, сдѣлавъ предварительно вычисленія, я получилъ результатъ, что лунное затмѣніе должно произойти и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Средней Азіи, гдѣ находится и городъ Семипалатинскъ; но періодъ времени самаго видимаго явленія здѣсь короче, чѣмъ въ Южной Азіи и въ другихъ вышеозначенныхъ частяхъ свѣта. Періодъ этотъ зависитъ отъ того, въ какое время, гдѣ зашло солнце.

Для опредѣленія времени появленія сего затмѣнія въ Семипалатинскѣ, продолженія и окончанія его, и соображенія съ другими мѣстами необходимо указать математическія границы нашего города. Семипалатинскъ лежитъ подъ  $50^\circ 24'$  с. ш. и  $97^\circ 56'$  в. д., и разность его положенія отъ С. Петербурга по широтѣ къ югу на  $9^\circ 33'$ ; по долготѣ къ востоку  $49^\circ 58'$ ; отъ Москвы къ югу  $4^\circ 50'$ , къ востоку  $42^\circ 42'$ .

Въ Семипалатинскѣ 12 августа солнце скрылось подъ горизонтъ въ 7 часовъ и 3 минуты; послѣ того чрезъ три минуты на противоположной отъ зашедшаго солнца сторонѣ, на безоблачной части неба явилась идущая съ востока на югъ въ сизигіи полнолунія (Luna plena или pleno orbe) луна. Дискъ ея сверху нѣсколько болѣе четвертой части, погруженный въ темносерую тѣнь земли, совершенно закрытъ (\*). Начало такового явленія здѣсь пришло въ 7 часовъ 6 минутъ; тѣнь достигла самой половины или середины диска въ 7 часовъ 40 минутъ, то есть чрезъ 36 минутъ, послѣ появленія на небѣ луны, и затѣмъ тѣнь постепенно къ верху начала уменьшаться; конецъ затмѣнія въ 8 часовъ 56 минутъ. Слѣдовательно видимое явленіе затмѣнія въ Семипалатинскѣ продолжалось одинъ часъ и пятьдесятъ минутъ. Цѣлое же затмѣніе должно бы было начаться здѣсь въ 6 часовъ 25 минутъ и такимъ образомъ до конца своего въ 8 часовъ и 56 минутъ періодъ его вышелъ бы общій на землѣ 2 часа 33 минуты.

**И. АБРАМОВЪ,**

Чл. Собр.

12 августа 1858 г.

Г. Семипалатинскъ.

(\*) При таковыхъ лунныхъ затмѣніяхъ случается, что та часть луны, которая при затмѣніи помрачается, имѣетъ цвѣтъ нѣсколько темнокрасноватый или пепель-

**ГОРОДЪ СЕМЕНОВЪ, НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.** При Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, по бывшему возмущенію раскольниковъ, укрывшихся въ Соловецкомъ монастырѣ, и по принятіи мѣръ отъ начальства укротить ихъ даже вооруженною рукою, многіе бѣжали въ отдаленныя мѣста. Лѣвая сторона Волги, богатая непроходимыми дремучими лѣсами, между прочимъ и въ Нижегородской губерніи, дала пріютъ этимъ бѣглецамъ. Къ нимъ присоединились бѣжавшіе отъ разныхъ помѣщиковъ и, мало по малу, будучи соединяемы нуждами общежитія, начинали осѣдлость и заводили деревни. При Императорѣ Петрѣ I многіе изъ стрѣлцкихъ бунтовщиковъ, также бѣжавшіе, находили уже пріютъ въ сихъ деревняхъ. Такимъ образомъ образовалась деревня Семеново, названная такъ по имени перваго, поселившагося здѣсь, раскольника Семена. Изъ деревни Семеново сдѣлалось селомъ, когда ревнитель православія Птитиримъ, будучи *еще* архимандритомъ, основалъ и устроилъ въ ней первую церковь Срѣтенскую 12 декабря 1717 года, по благословенію митрополита Семена Яворскаго. При Императрицѣ Екатеринѣ II, во время раздѣленія Россіи на губерніи и уѣзды, изъ села Семенова учрежденъ городъ Семеновъ, и данъ ему планъ весьма правильный. Учрежденіе города въ здѣшнемъ краю тѣмъ болѣе было необходимо, что здѣсь происходили большіе разбои, особенно во время существованія Макарьевской ярмарки, имѣвшіе пріютъ свои въ здѣшнихъ непроходимыхъ (прежде бывшихъ) лѣсахъ и въ особенности по теченію рѣки Керженца, впадающаго въ Волгу. Главнымъ разбойничьимъ притономъ было, какъ говорятъ, устье рѣки Керженца.

Городъ Семеновъ, имѣющій въ себѣ 1825 жителей, изъ коихъ мужеска пола 843, женска 980, населенъ нынѣ служащими дворянами, духовными и военными, живущими постоянно купцами, мѣщанами и частію крестьянами.

Семеновъ стоитъ отъ Нижняго-Новгорода прямо къ сѣверу въ 70 верстахъ подъ  $56^{\circ} 30'$  сѣверной широты, на отлогой небольшой высотѣ, у подошвы коей протекаетъ рѣчка Саухта.

Прежде была здѣсь церковь деревянная во имя Срѣтенія Господня, основанная составителемъ Пращицы, Птитиримомъ, въ 1717 году, когда онъ подвизался противъ раскольниковъ, но она пере-

---

ный, что происходитъ отъ различнаго преломленія лучей въ атмосферѣ земли. Но въ душномъ затмѣніи, описываемомъ мною, половина луны была совершенно закрыта и не было ни малѣйшаго признака прелѣловъ и всего объема закрытаго полукруга диска луны.

несена на кладбище, гдѣ съ небольшимъ измѣненіемъ стоитъ и нынѣ; а около 1828 года построена въ городѣ каменная соборная церковь во имя Вознесенія Господня въ италянскомъ вкусѣ; въ настоящее же время сей соборъ преобразуется въ греческомъ вкусѣ по образцу византійской архитектуры.

Преданіе говоритъ, что въ Семеновскомъ соборѣ деревянный большой крестъ, около сажени мѣры, и икона Казанской Божіей Матери принесены изъ часовни Арсенія раскольника, погребеннаго въ этомъ мѣстѣ и будто бы спасавшагося здѣсь съ Софоніемъ, такъ же замѣчательнымъ раскольникомъ.

Вообще въ Семеновѣ замѣтна склонность къ расколу, такъ называемому старообрядчеству; такъ что изъ самыхъ правовѣрныхъ прихожанъ Церкви, троеперстно знаменующихся, не только мало, но они считаются рѣдкостію.

Вообще замѣтно, что по невѣдѣнію и по вліянію духа раскола обрядность превозмогаетъ надъ духомъ истины. Напримѣръ: 1) случается видѣть, что молодой человекъ поведѣльничаетъ: это значитъ, что онъ въ понедѣльникъ отказался обѣтомъ не принимать скоромной пищи; а между тѣмъ ведетъ себя свободно и не цѣломудренно. 2) Благочестивое уваженіе къ именуемымъ скитамъ, а вмѣстѣ и къ православному духовенству также заслуживаетъ вниманія; ибо граждане города и прихожане, почитая скитожителей, почитаютъ вмѣстѣ и православное духовенство.

Вообще принято по какому-то странному предубѣжденію, что крещенный и вѣнчанный по солнцу счастливъ, и, еще что научиться благочестію можно только въ скитахъ (последнее мнѣніе впрочемъ не всеобщее).

Въ 1846 году въ г. Семеновѣ открыта Казанская и Никольская ярмарки; первая бываетъ въ іюлѣ, вторая въ декабрѣ; каждая по 10 дней; но эти ярмарки столь ничтожны, что не только цѣтъ прїѣзжающихъ, но и самыя торгующіе лавокъ своихъ не открываютъ, кромѣ четвертка, въ который обыкновенно бываетъ недѣльный торгъ.

Хотя не болѣе 70 верстъ къ сѣверу отъ Нижняго стоитъ Семеновъ, но климатъ здѣсь довольно отличается отъ нижегородскаго. По причинѣ болотъ и лѣсовъ воздухъ большею частію сыръ, почва холодная, и жители страдаютъ большею частію простудными болѣзнями. Отъ чего различнаго рода лихорадки и другія простудныя болѣзни здѣсь очень обыкновенны.

Въ уѣздѣ Семеновскомъ находится множество мужескихъ и женскихъ селтовъ. Они состоятъ изъ мнимыхъ старообрядческихъ ино-

ковъ и инокинь, которые по паспортамъ имѣють обыкновенное названіе, но по постриженіи отъ тайныхъ своихъ монашествующихъ, называются новыми именами. Одежду носятъ по подобію иноковъ и даже осмѣливаются иногда являться въ ней въ обществѣ или въ присутственномъ мѣстѣ. Характеръ скитовъ состоитъ въ томъ, что они держатся съ величайшею точностію обрядности, не обращая вниманія на духъ закона.

Благомыслящіе жители скитовъ, чувствуя нелѣпность своего заблужденія, по убѣжденію души, тайно бывають у исповѣди и приобщаются Св. Таинъ у приходскихъ ближнихъ священниковъ, или крестятъ у нихъ своихъ незаконнорожденныхъ младенцевъ, съ условіемъ неоглашенія своимъ единовѣрцамъ. Говорятъ, будто скиты поддерживаются избыточною милостынею, для коей они обыкновенно по первому зимнему пути отправляются въ далекія мѣста и даже въ столицы; престарѣлые же и не могущіе путешествовать, занимаются въ своихъ обителяхъ ученіемъ дѣтей грамотѣ. Скиты не малый вѣсъ имѣють на духъ мѣстныхъ жителей. Не говоря о раскольникахъ, даже нѣкоторая часть православныхъ имѣють какое-то особенное довѣріе къ нимъ. Это можно видѣть изъ того, что многіе православные, живущіе близъ какого либо скита, вмѣсто православной Церкви, ходятъ въ скитскія часовни для слушанія ихъ богослуженія. Или, не только живущіе въ здѣшнемъ краю, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ, нѣкоторые родители приводятъ въ здѣшніе скиты своихъ дѣтей для обученія ихъ такъ называемой грамотѣ. Большая часть этихъ воспитанниковъ, напитавшись ихъ духомъ понятій, касательно вѣроученія, въ послѣдствіи хотя и не оставляють православія, но придерживаются ихъ обрядовъ, уважають и слѣдно вѣрятъ имъ; а такимъ образомъ поддерживають общее довѣріе къ нимъ скитамъ.

Въ царствованіе Императора Петра I, по собственному его порученію, преосвященнѣйшій Пинтиримъ, вначалѣ самъ бывшій раскольникомъ, но, пораженный нелѣпностію раскола, обратившійся къ православію, былъ въ селахъ Пафнатовѣ, Семеновѣ и Быдреевкѣ; увѣщевалъ туземныхъ раскольниковъ къ принятію православія и много споспѣшествовалъ православію, хотя не безъ перенесенія неприятностей отъ упрямства и невѣрія. Изъ замѣчательныхъ личностей, жившихъ въ г. Семеновѣ, заслуживають вниманія слѣдующія:

1. Протоірей Симеонъ отличался своею релігіозностію, настойчивостію характера и образованіемъ, особенно по части физики и исключительно оптики и механики, такъ что самъ дѣлалъ многіе оптическіе снаряды, и послѣ былъ близкій знакомецъ Кули-

бину, когда сдѣлался протоіереемъ нижегородской кладбищенской Всесвятской церкви. Несмотря на сіи достоинства, онъ при любви къ правдѣ, какъ говоритъ преданіе, не могъ понравиться удѣльному обществу. Вотъ анекдотъ о немъ: Однажды довольно разговорились въ соборѣ; онъ во время священнослуженія вышелъ на клиросъ и, обратившись къ читающему причетнику, сказалъ: остановись, дай поговорить бѣрынямъ, и какъ перестануть, продолжай. Дамы поняли выговоръ, прекратили разговоръ, отзываясь объ немъ самомъ съ невыгодной стороны.

2. Илья Дмитріевъ удѣльный крестьянинъ, бывшій главою раскольниковъ. Ревностный защитникъ своего общества, совратитель множества православныхъ въ расколъ, онъ пользовался довѣріемъ своихъ единовѣрцевъ до такой степени, что живя въ селѣ Медвѣдевѣ (тогда еще бывшей приходской деревнею къ городу Семенову), имѣлъ у себя часовню и исправлялъ, какъ наставникъ, богослуженіе, кромѣ литургіи. Впрочемъ его непрестанно колебала совесть, что онъ это дѣлалъ по самоуправству или, выражаясь его собственными словами: не данность права на учительство, какъ тернъ, колола сердце его. Испытавши самъ переходъ во всѣхъ мѣстныхъ расколыническихъ сектахъ, и тѣмъ познавъ нелѣпость основанія ихъ, онъ рѣшился наконецъ раскрыть свои чувства преосвященнѣйшему Мовсею. Изъявивъ искреннѣйшее раскаяніе въ заблужденіи, онъ выразилъ желаніе искать успокоенія совѣсти единственно въ нѣдрахъ православія. Обращеніе его было столь искренне, что архипастырь предлагалъ ему священнической санъ по старообрядчеству для обращенія другихъ заблуждающихъ. Онъ изъ смиренія отказался, но и безъ пастырства всю послѣдующую жизнь посвятилъ на обращеніе заблудшихъ къ Православной Церкви съ значительнымъ успѣхомъ. Его обращеніе имѣло сильное вліяніе на старообрядцевъ и обратило вниманіе даже самыхъ архипастырей, такъ что многіе изъ нихъ, посѣщая г. Семеновъ, навѣщали и его хижину. Онъ умеръ около 80 лѣтъ, и имя его памятно гражданамъ Семенова.

3. Въ девяти верстахъ отъ Семенова есть достопримѣчательное мѣсто, гдѣ по преданію погребенъ Софонтій, расколынической инокъ, бѣжавшій изъ Соловецкаго монастыря вмѣстѣ съ Арсеніемъ. Надъ прахомъ Софонтія, почитаемого расколыниками святымъ, построена часовня, куда ежегодно въ день Св. Духа собирается довольно большое количество народа изъ раскольниковъ и нѣкоторыхъ православныхъ: одни изъ суевѣрнаго уваженія къ памяти Софонтія, другіе изъ любопытства; но общая цѣль быть на (такъ называемомъ) гуляньѣ,

вию коего въ полномъ сельскомъ разгарѣ представляетъ это собрание.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить того, что въ Семеновѣ духъ раскола постепенно слабѣетъ и православіе торжествуетъ къ утѣшенію Церкви.

### АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ.

Чл. С. Общ.

**ЭКСПЕДИЦІЯ Г. ОТТОНА ЭШЕ НА АМУРЪ.** (Изъ Mittheilungen von Pettermann). Гамбургскій купецъ г. Оттонъ Эше уже нѣсколько лѣтъ занимался проектомъ заключенія торговыхъ сношеній съ русскими поселеніями на Амурѣ. Въ прошломъ году онъ снарядилъ судно «Оскаръ» и отправился на немъ чрезъ проливъ Лаперуза въ заливъ де Кастри. Въ подробномъ отчетѣ этой экспедиціи (въ «California Democrat» отъ 5 декабря 1857 г.) заключается довольно много интереснаго и новаго, что мы и намѣрены изложить здѣсь вкратцѣ.

Оскаръ прошелъ въ Охотское море проливомъ Буссоль между Курильскими островами Симусиромъ и Урупомъ. На Симусирѣ сильное вулканическое изверженіе опустошило лѣтъ восемь тому назадъ весь островъ. Всѣ источники высохли, такъ что въ послѣдствіи островъ, по причинѣ недостатка воды, былъ покинутъ и остается съ тѣхъ поръ необитаемымъ. Въ самомъ проливѣ находятся два острова, сѣверный и южный Чирши. На первомъ изъ нихъ существуетъ дѣйствующій вулканъ, котораго огонь и столбы дыма виднѣются далеко въ морѣ. Всѣ эти группы обнаруживаютъ слѣды новѣйшей вулканической дѣятельности; огромныя базальтовыя массы доходятъ до берега и образуютъ крутые утѣсы.

14 іюля «Оскаръ» бросилъ якорь въ заливѣ де Кастри. Этотъ заливъ не представляетъ особенно пріятнаго вида; входъ въ него удобенъ, но берега выказываютъ только низкіе и пустынные холмы съ невысокою лѣсною растительностью; вездѣ преобладаетъ формація песчаника. Въ заливѣ де Кастри люцманская лодка отдѣлила 20 человекъ изъ своей команды для буксированія «Оскара» къ Амуру чрезъ узкій и съ трудомъ отыскиваемый проходъ близъ мыса Лазарева, между тѣмъ какъ г. Эше самъ избралъ себѣ болѣе пріятный путь чрезъ Кизи въ Николаевскъ. Онъ пришелъ нѣшкомъ въ нѣсколько часовъ къ берегу озера Кизи, отстоящаго только на четыре мили отъ залива де Кастри. Тамъ нанялъ онъ лодку, управляемую Гиляками, на которой быстро проплылъ по озеру,

сначала пустынному, а потомъ окаймленному мелкимъ лѣсомъ. Изъ Кизи продолжалось плаваніе внизъ по Амуру до Николаевска, куда г. Эше прибылъ 8 августа. Николаевскъ расположенъ на сравнительно низменномъ склонѣ лѣваго берега Амура, занимающемъ столько пространства, сколько занимаетъ Санъ-Франциско и по направленію къ рѣкѣ. Городъ имѣетъ пріятный видъ и окруженъ тощимъ лѣсомъ; только на 500 акровъ прорублены вокругъ него просѣки. Рынокъ такъ великъ какъ Вашингтоновъ скверъ въ Санъ-Франциско; съ одной стороны онъ открывается передъ рѣкою и посреди его возвышается недавно построенная красивая церковь съ одною большою и четырьмя малыми колокольнями. Отъ рынка идутъ широкія улицы, изъ коихъ одна параллельна рѣкѣ; она прорублена чрезъ сосѣдній лѣсъ и продолжается до дачи губернатора. Городъ имѣетъ вообще довольно значительное число улицъ и при постройкѣ обращено вниманіе на его будущее значеніе. Гостишницы тамъ неизвѣстны. Жизнь въ Николаевскѣ чрезвычайно пріятна. Здѣшняя библіотека заключаетъ въ себѣ болѣе 4,000 томовъ изъ всѣхъ отраслей знанія, при чемъ исключительно богата наука мореплаванія; помѣщена она въ зданіи клуба, гдѣ находятся также столовая, танцевальный залъ и большое количество газетъ, какъ *Augsburger Allgemeine Zeitung*, другіе нѣмецкіе журналы, *Indépendance Belge*, Петербургскіе и Московскіе листки. Отношенія совершенно военныя, такъ какъ тамъ нѣтъ почти ни одного образованнаго человѣка, который не находился бы въ соприкосновеніи съ военными. Городъ въ самомъ дѣлѣ ни что иное какъ фортъ, содержащій въ себѣ отъ 1,200 до 1,500 человѣкъ гарнизона съ 100 или 200 офицеровъ. Въ настоящее время насыщается искусственно на рѣкѣ островъ и на немъ строится батарея; три другія батареи помогаютъ оборонѣ мѣста и дажѣ внизу на рѣкѣ находятся также укрѣпленія. Николаевскъ имѣетъ красивыя казармы, соответствующія климатическимъ требованіямъ и выстроенныя изъ хорошо отесанныхъ бревенъ, съ прочными дверями и окнами. Внутренне устройство не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ Николаевскѣ двѣ военныя школы. Особенно пріятно бываетъ пораженъ Нѣмецъ преобладающею здѣсь нѣкоторымъ образомъ нѣмецкою жизнью; тутъ много Нѣмцевъ, Курляндцевъ и прочихъ по нѣмецки говорящихъ изъ остзейскихъ провинцій. По случаю освященія церкви даже было однажды совершенно нѣмецкое богослуженіе, для котораго пріѣхалъ изъ Ситхи нѣмецкій проповѣдникъ. Г. Эше встрѣтилъ двухъ нѣмецкихъ докторовъ, одного нѣмецкаго аптекаря и много офицеровъ, также нѣмцевъ. Было даже намѣреніе основать

нѣмецкое общество. Виртембергецъ управляетъ принадлежащими правительству мастерскими для постройки машинъ. Близъ Николаевска находится много деревень, обитаемыхъ переселившимися изъ Сибири крестьянами. Они сѣютъ рожь, овесъ, картофель, рѣпу, бобы и нѣкоторые другіе продукты и совершенно довольны своимъ существованіемъ. Впрочемъ здѣсь столько разводятъ, сколько собственно потребно. Тѣмъ важнѣе тѣ продукты, которые привозятся на плоскодонныхъ баржахъ внизъ по рѣкѣ Амуру, какъ напримѣръ солонина, ветчина, горохъ, пенька, ржаная мука, кожа, желѣзные товары, деревянная посуда, мебель и т. д. Сибирская пенька соперничаетъ съ лучшею русскою пенькою; въ 700 или 800 англійскихъ миляхъ отъ озера Кизи, на южномъ сгибѣ Амура, растетъ отличный табакъ. Бобы въ Николаевскѣ дешевле чѣмъ въ Санъ-Франциско, за то продавалось хорошо калифорніиское масло по негодности сибирскаго. Г. Эше ожидаетъ къ будущему лѣту большихъ сплавовъ дубоваго, буковаго, кленоваго, орѣховаго и другихъ твердыхъ лѣсовъ. Заказы на Амурѣ не представляютъ затрудненій, такъ какъ русское правительство имѣетъ на этой рѣкѣ четыре парохода.

Амуръ при своемъ устьѣ имѣетъ разительное сходство съ Эльбою. Рѣка болѣе и болѣе расширяется, такъ что въ нижнемъ ея теченіи едва виднѣнъ берегъ съ обѣихъ сторонъ. Въ этомъ видѣ достигаетъ она до мыса Пронге (Pronge), около 40 миль ниже Николаевска. Здѣсь видъ поражаетъ еще болѣе своимъ сходствомъ, напоминая совершенно входъ отъ Бланкенезе до Гамбурга. Только съ трудомъ можно подвигаться впередъ, потому что Амуръ безпрестанно изгибается въ своемъ теченіи и фарватеръ требуетъ всей опытности лоцмана, коротко знакомаго съ этою рѣкою. Фарватеръ по большей части глубокъ, однако подлѣ мѣстъ въ 20 сажень глубины, встрѣчаются отмели, едва покрытыя на нѣсколько футовъ водою. Близъ мыса Пронге берега не много сближаются, но несмотря на то рѣка все еще шире здѣсь, чѣмъ Миссиссиппи близъ Новаго Орлеана. Правый берегъ подходитъ къ рѣкѣ совершенно отлого; но по мѣрѣ углубленія его во внутрь страны появляются невысокіе ряды холмовъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Мѣстами по низменному пространству встрѣчаются гиліекія деревни. Николаевскъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки, которая лишь на правой сторонѣ достаточно глубока для плаванія судовъ, имѣющихъ извѣстное углубленіе; поэтому суда должны разгружаться съ помощію лодокъ.

Русское правительство имѣетъ въ виду сдѣлать Николаевскъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ китолововъ и побуждаетъ русскіе

корабли всѣми мѣрами къ этому предпріятію. Кто видѣлъ чудныя лѣсенныя мѣста на Амурѣ, пойметъ легко, что Николаевскъ можетъ сдѣлаться отличною станціею для судовъ. Къ тому же, кромѣ богатыхъ каменноугольныхъ копей на Амурѣ, находится хорошей каменный уголь непосредственно на морскомъ берегу близъ мыса Дуи въ Жонкиерской бухтѣ (Jonquier-Bay) на островѣ Сахалинѣ. Тамошніе рудники разрабатывается Русскими на довольно обширномъ пространствѣ и добываемый изъ нихъ каменный уголь можетъ стать на ряду съ лучшимъ англійскимъ. Иностраннаго купца принимаютъ въ Николаевскѣ съ величайшею предупредительностью и мѣстныя начальства оказываютъ ему всевозможное пособіе для облегченія его оборотовъ. Но торговля ограничивается покуда только продовольственными предметами, винами, вареньями, матеріалами для платья, желѣзными товарами и тому подобнымъ. Торговля слѣдовательно должна еще получить развитіе, прежде чѣмъ колонисты могутъ обратиться къ этой плодородной странѣ. Въ такомъ случаѣ благопріятныя условія, предлагаемыя колонистамъ русскимъ правительствомъ, привлекутъ туда переселенцевъ. Русское правительство желаетъ иностранцевъ и поощряетъ ихъ при каждомъ случаѣ.

Духъ предпріимчивости русскаго правительства оживилъ также долины Шилки и Аргуни, и притоковъ Амура, такимъ развитіемъ, о которомъ едва ли имѣютъ понятіе въ Европѣ. Въ желѣзныхъ заводахъ и казенныхъ мастерскихъ для машинъ въ Петровскѣ построены машины для другихъ небольшихъ пароходовъ и отправлены сухимъ путемъ въ Читу, лежащую не въ далекомъ разстояніи на берегу рѣки Ингоды, внизъ по теченію которой спущены разобранныя отдѣльныя части до Шилки при сліяніи Аргуни съ Шилкою. Тамъ составили опять разобранныя части и построенныя такимъ образомъ въ Восточной Сибири два парохода совершаютъ рейсы по Амуру. Кромѣ того тамошнія горы изобилуютъ такимъ богатствомъ минераловъ, какое въ состояніи соперничать со всякою въ мірѣ странюю. Серебряныя рудники въ Нерчинскѣ, можетъ быть, самыя богатые въ цѣломъ мірѣ. Въ этихъ горахъ находятъ также мѣдь, свинецъ, цинкъ, тонкозернистый гранитъ, служащій къ изготовленію жерновыхъ камней, и мраморъ (\*).

---

(\* Триестская газета отъ 27 ноября 1837 г. сообщаетъ слѣдующее: «изъ Николаевска при устьѣ Амура увѣдомляютъ, что съ открытіемъ навигаціи въ прош-

**ЭКСПЕДИЦІЯ ПО НИГРУ ЛѢТОМЪ 1857 ГОДА.** Слѣдующія замѣтки объ экспедиціи по Нигру подъ начальствомъ Доктора Байки, заимствованы изъ февральской тетради Church Missionary Intelligencer. Онѣ проникнуты твердымъ убѣжденіемъ въ счастливомъ успѣхѣ, хотя и показываютъ, что плаваніе по Коварѣ сопряжено съ значительною опасностью.

Пароходъ *Dayspring*, оставивъ 29 іюня 1857 Фернандо По съ миссіонерами І. Крауферомъ и К. Тайлоромъ, прибылъ 3 іюня къ устью Нигра. Подчаливая за собою шкуну *George*, которая тяжело была нагружена разными товарами для обмѣна съ селеніями при стеченіи Бинуэ и Коварѣ, *Dayspring* лишь медленно подвигался впередъ. Въ Або, около 5° 30' с. ш. онъ остался два дня. Въ ожиданіи, что дѣятельность миссіи въ этомъ мѣстѣ могла открыться еще до истеченія года, сдѣланы были приготовленія къ постройкѣ дома для нея,

ломъ году прибыли туда шесть американскихъ кораблей съ товарами цѣною въ 500,000 рублей серебромъ. Николаевскъ снабдился жизненными припасами и комфортомъ. Тамашніе магазины представляютъ лучший выборъ японской и китайской мебели, дорогія манильскія и гаванскія сигары, сахаръ, варенныя въ сахарѣ лакомства, пастеты, фрукты, устрицы, морскіе раки, ананасы, виноградъ, ромъ, портеръ и тысячу другихъ предметовъ, доставленныхъ моремъ и по дешевымъ цѣнамъ продаваемыхъ, такъ что Американцы отняли совершенно у Русскихъ заграничный привозъ товаровъ. При появленіи торговаго судна на устьѣ Амура отправляется пароходъ для буксированія этого судна черезъ лиманъ въ Николаевскъ. Огражаютъ людей для выгрузки и закупленные товары отправляются бесплатно на пароходахъ правительства до Усть-Стрѣлки. За исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ привозъ и вывозъ всѣхъ товаровъ дозволенъ безпошлинно. Николаевскъ есть свободный портъ въ полномъ смыслѣ слова. Число торгующихъ людей на Амурѣ увеличивается съ каждымъ днемъ. Особенно торговые дома купцевъ первой гильдіи Серебрянникова и Зимина содѣйствуютъ къ оживленію сношеній Сибири съ Европою и Америкою чрезъ Амуръ и положили начало къ основанію торговаго пароходства по Амуру и мореплаванія вокругъ свѣта, отчасти на собственныхъ, отчасти на фрактованыхъ въ Финляндіи, Гамбургѣ или Лондонѣ судахъ. Американцы имѣютъ въ виду устроить буксирное пароходство на Амурѣ до Шилки и даже до Читы. Такъ какъ до сихъ поръ не опасались соперничества, то торговля по Амуру не представляла затрудненій и не подвергалась страху, потому что каждый товаръ, какъ бы онъ ни назывался, находилъ сбытъ. Въ Хонконгѣ уже образовалось общество для торговли по Амуру. Прибывшіе американскіе купцы доставили извѣстіе, что Англичане намѣреваются завладѣть сѣвернымъ берегомъ Матсмая и гаванью на Татарскомъ берегу, которую они открыли между Императорскою гаванью и заливомъ Посьета. Уполномоченный нынѣ адмиралъ для переговоровъ между російскимъ правительствомъ и императорскимъ дворомъ въ Пекинѣ пробѣ-

при чемъ одинъ изъ начальниковъ, Оризе, оказывалъ самую существенную помощь. И въ Оссомарѣ (5° 43' с. ш.) жители ласково встрѣтили миссіонеровъ и отвели имъ удобныя для постройки мѣста. Важнѣйшею точкою при нижней Коварѣ оказалась Онича (6° 12' с. ш.), гдѣ въ ярмарочные дни изъ разныхъ въ окрестности живущихъ народцевъ стекается значительное число людей. Такъ какъ это обстоятельство одно изъ самыхъ важныхъ условий для миссіонерной и торговой дѣятельности, то экспедиція рѣшилась основать на самомъ берегу рѣки факторію, а въ предмѣстьяхъ, въ 1½ миль отъ берега, мѣстопробываніе для миссіи и при ней оставить г. Тайлора. Король и начальники благопріятствовали этому предпріятію. Въ Идѣ, главномъ городѣ Игары (7° 9' с. ш.) нашли положеніе дѣль несравненно выгоднѣе, чѣмъ оно было при прежнихъ экспедиціяхъ. Старикъ Атта, къ которому въ 1841 и 54 годахъ миссіонеры имѣли доступъ только съ большимъ трудомъ, и котораго вниманіе исключительно было занято ожидаемыми отъ нихъ подарками, умеръ послѣ весьма отяготительнаго для всѣхъ царствованія. Сынъ его и наслѣдникъ съ благосклонностью встрѣтилъ г. Краутфера. Помня обѣщанія, данныя его отцомъ европейцамъ, принять христіанскихъ миссіонеровъ и отвести имъ землю, онъ немедленно отрядилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ Краутеромъ избрать близъ города удобную мѣстность для миссіи. Слѣдо-

---

валъ это пространство не болѣе какъ въ 70 дней. Этимъ доказывается, что Россія, въ отношеніи къ своимъ сибирскимъ владѣніямъ, держитъ теперь въ рукахъ кратчайшую нить соединенія между Европою и Китаемъ. Между тѣмъ вашингтонскій кабинетъ рассчитывалъ еще на совершенно другіе результаты. Вообще всякая приморская страна находитъ въ противоположащемъ прибрежѣ выраженіе своего коммерческаго положенія. Если западная Америка, несмотря на заблаговременно прибывшихъ туда переселенцевъ, не могла идти впередъ на пути развитія, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, то это происходило отъ недостатка противуполежащихъ прибрежныхъ странъ, съ которыми она могла бы вступить въ сношенія. Китай и Японія оградили себя отъ всякаго сближенія, а Восточно-Азіатское Русское владѣніе едва имѣло для своей торговли гдѣ либо другое значеніе, какъ только на берегахъ Ледовитаго моря. Политика Соединенныхъ Штатовъ заранѣе стремилась къ достиженію трехъ цѣлей въ сихъ странахъ: открыть Китай, заключить торговые договоры съ Японіею и доставить болѣе быстрый и широкій входъ развитію въ предѣлахъ Русской Восточной Азіи. Съ этой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы проекты, подобные устройству желѣзной дороги отъ Амура и именно съ того пункта этой рѣки, куда могутъ еще доходить пароходы, до Иркутска.

вательно и здѣсь тоже для преусцѣянiя христіанства оказалась плодородная почва.

Около середины августа экспедиція достигла Игбебе, при слиянiи Бинуэ и Ковары, и нашла тамъ не менѣе ласковый пріемъ. Слухъ, что здѣсь будетъ основано постоянное мѣстопробываніе миссіи, возбудилъ между туземцами живую радость. На югъ отъ города выбрали на берегу рѣки мѣсто для пребыванiя миссіи. Докторъ Байки и поручикъ Гловеръ назначили сумму для сооружеиія церкви и сдѣлали распоряженіе насчетъ привоза матеріаловъ для постройки временныхъ помѣщенiй для людей. Краутеръ немедленно началъ свою миссіонерную дѣятельность тѣмъ, что предлагалъ одному селенію евангелiя Матѳея и Іоанна, переведенныя Шеномъ на Гаусекiй языкъ, и сравнивалъ избранныя для толкованiя тексты съ арабiйскимъ переводомъ Св. Писанiя. Докт. Байки основалъ воскресную и буденную школы; послѣдняя была подчинена главному надзору г. Предди, христіанскаго купца изъ Сiерра-Леона. По настроенности умовъ жителей и по своему положенію, при слиянiи двухъ большихъ рѣкъ, Игбебе обѣщаетъ миссіонерной и торговой дѣятельности значительное развитіе. Городъ конечно не столь многолюденъ и климатъ его не такъ здоровъ, какъ въ Иддѣ, которая расположена на сухомъ мѣстѣ, на 2—300 футовъ надъ уровнемъ рѣки, между тѣмъ, какъ Игбебе при полноводiи обращается въ островъ, и даже во всякое время сообщеніе его съ сосѣдними городами производится посредствомъ лодокъ. Но Европейцы, которые здѣсь намѣрены поселиться, могли бы выбрать одну изъ сосѣднихъ мѣстностей на подошвѣ сухихъ холмовъ, сопровождающихъ рѣчной берегъ вверхъ по теченію, начиная съ Mount Pygmy до Mount Stogie, и открытыхъ морскимъ вѣтрамъ съ юга и съ запада. Идда напротивъ имѣетъ для миссіи потому важное значеніе, что она отсюда легко можетъ распространять свою дѣятельность въ Акпоко, на берегу Миги и въ большое государство Коророфу на Чаддѣ, страны, съ которыми жители Игары находятся въ торговыхъ сношенiяхъ.

Отъ Идда, вверхъ по теченію, берега становятся весьма живописными. Горы и холмы стѣняются; вмѣсто однообразныхъ болотистыхъ лѣсовъ по берегу моря и на рѣчной дельтѣ здѣсь выдаются въ разнообразнѣйшихъ видахъ живописныя конусы вулканической горной формаціи, украшенныя роскошною растительностію. Все напоминаетъ береговья панорамы Рейна или Клейда, и только отъ 10 до 20 футовъ длиною крокодилы и многочисленныя гиппопотамы уничтожаютъ заблужденіе.

При плаваніи вверхъ по Коварѣ, отъ Игбебе до Эггы, открыли нѣсколько притоковъ, въ карты еще не внесенныхъ, изъ которыхъ самыя значительныя Ромфи и Лафунъ. Первый течетъ съ в. ю. в.; второй при устьѣ широкъ какъ Темза при Лондонѣ Бриджъ и имѣетъ быстрое теченіе. По всему вѣроятію система Ковары образуетъ пространную рѣчную сѣть, способную содѣйствовать распространенію культуры; необходимо только подробнѣе ее изслѣдовать.

И въ Эггѣ тоже, въ самомъ крайнемъ предѣлѣ, до котораго доходила экспедиція 1841 года, съ той поры произошелъ переворотъ къ лучшему. Еще тогда городъ имѣлъ отъ 7—8,000 жителей и значительную промышленность; не было недостатка въ гончарахъ, кузнецахъ, мельникахъ; болѣе 200 ткацкихъ станковъ въ ходу производили ткани, которыя красились на мѣстѣ, и болѣею частію краскою индиго, которая добывалась тамъ же. Но политическое положеніе тогда было весьма шатко; вездѣ господствовалъ страхъ отъ непріязненныхъ дѣйствій Феллатовъ, которые подъ предводительствомъ Сумо Цаки, короля Раббы, угрожали всѣмъ соседнимъ народамъ, такъ что Рогангъ, начальникъ Эгги, страхался за обращеніе съ бѣлыми подвергнуться огласкѣ, не смѣлъ содѣйствовать видамъ миссіонеровъ.

Съ того времени между Феллатами вспыхнула междоусобная война, вслѣдствіе чего могущество ихъ ослабѣло, и опасность для Эгги прекратилась; даже городское населеніе до того возрасло отъ многочисленныхъ бѣглецовъ, спасавшихся сюда во время внутреннихъ распрей, а именно послѣ разрушенія феллатскихъ городовъ Раббы и Ладе, что число его теперь простирается до 12,000.

Дома какъ въ Илдѣ конусообразны, но двери выше, они выстроены изъ глины перемѣшанной съ соломой и безъ оконъ. Эгга есть центральный городъ народа Нуфи, селенія котораго простираются отъ соединенія Бинуэ съ Коварою на лѣвомъ берегу послѣдней рѣки за Раббою, и представляетъ для миссіи тѣмъ важнѣйшее поприще для дѣятельности, что исламизмъ здѣсь только что начинаетъ распространяться. Конечно, магометанская вѣра не могла еще пустить глубокихъ корней; въ городахъ съ 3,000 жителей, такихъ какъ Эдере и Муיע, расположенныхъ между слитіемъ рѣкъ и Эггою, нѣтъ ни одного или очень мало магометанцевъ; но въ самой Эггѣ число ихъ весьма значительно, вслѣдствіе переселеній изъ феллатскихъ странъ, и если имъ удастся, еще болѣе распространять исламизмъ, то съ нимъ неизбѣжно будетъ введено гнусное рабство и самая дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ будетъ значительно затруднена.

Когда экспедиція приблизилась къ городу Раббѣ, междоусобная война между Феллатами была уже окончательно прекращена. Черезъ посредство султана сокотскаго между Сумо Цаки, начальникомъ Рабби, и его противникомъ Дазаба, начальникомъ Ладе, дѣло дошло до мирныхъ переговоровъ, въ которыхъ первый былъ признанъ королемъ, послѣдній (его младшій братъ) первымъ сановникомъ въ государствѣ; опредѣлено было, по окончаніи дождеваго времени года возстановить разрушенную въ теченіе войны Раббу и сдѣлать ее резиденціею обоихъ братьевъ; королю Нуфи, Изѣ, была отведена страна въ независимое владѣніе, и резиденціею его была назначена Гбара, на правомъ берегу Лафуна, на 5—6 миль отъ его втеченія въ Ковару. Въ то время оба брата еще стояли лагеремъ внутри государства при Бидѣ, мѣстечкѣ, расположенномъ по той сторонѣ Адмиралтейскихъ горъ, къ которому можно приблизиться по Лафуну, выше упомянутому притоку Ковары. Велѣдствіе сего миссіонеры отправились вверхъ по Лафуну, который при устьѣ имѣетъ ширину до 600 футовъ и глубину отъ 3 до 5 сажень, и проѣхавъ 11 миль, они достигли мѣста перевоза, по названію Вуйаги. Рѣка судоходна еще выше этого мѣста, но миссіонеры, оставивъ ее въ сторонѣ, отправились въ Биду, въ 13 миляхъ разстоянія отъ рѣки, и нашли тутъ у начальниковъ радушный пріемъ. Они объявили себя не только готовыми открыть иностранцамъ всѣ рѣки для торговли, но позволили имъ тоже проповѣдывать и общали имъ отвести въ Раббѣ мѣсто для помѣщенія миссіи. Рабба, тогда еще въ развалинахъ, лежитъ на высокомъ берегу рѣки, на 96 футовъ надъ уровнемъ ея, на большомъ пути изъ Кано въ Иллорипъ; эти мѣста производятъ между собою значительную торговлю лошадьми, ослиами, слоновою костью, рабами и т. д. Если все это число народа, собравшагося при Бидѣ и простиравшагося до 60,000 человѣкъ, только отчасти поселилось бы въ Раббѣ, то это мѣсто, при своемъ выгодномъ положеніи, могло бы пріобрѣсти важное значеніе. Съ высокаго берега явственно виднѣются горы Юрубскаго государства.

Принимая во вниманіе полноводіе передъ концомъ дождеваго времени года, затрудняющее сухопутное путешествіе и благоприятствующее плаванію по рѣкѣ, г. Краутеръ отказался отъ первоначальнаго намѣренія: отправиться сухимъ путемъ въ Сокото, и экспедиція положила, продолжать плаваніе по рѣкѣ. Отъ Раббы она послала письма въ Англію, которыя отправлены были сухимъ путемъ черезъ государство Юрубу и получены были въ Лондонѣ ровно черезъ 3 мѣсяца. Къ несчастію пароходъ разбился 7 октября нела-

леко отъ Раббы объ рѣчныя подводныя скалы. Экипажъ спасся на берегъ; но чрезъ это несчастное происшествіе намѣреніе дальнѣйшаго путешествія на время было отложено. О самой катастрофѣ и продолженіи предпріятія Church Missionary Intelligencer обѣщаетъ подробныя извѣстія.

**О ТОРГОВЛѢ СЪ КИТАЙЦАМИ.** Цѣна на благородныя металлы возвышалась съ 1835 г. до 1851 г., когда ежегодно большое количество ихъ, а именно нѣсколько менѣе или нѣсколько болѣе чѣмъ на два милліона фунтовъ стерлинговъ начали вывозить въ Индію. Китай также втягивалъ въ себя кое что изъ этого серебряннаго потока, но не въ значительномъ количествѣ. Но съ 1852 г. теченіе серебра на востокъ принимаетъ угрожающіе размѣры. Вывозъ поднялся въ 1853 году до 3, 1855 г. до 6, 1856 г. до 14 и въ 1857 г. до 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Если бы онъ продолжался до сихъ поръ въ этихъ же размѣрахъ, то можно было бы думать, что количество вывозимой монеты дойдетъ въ настоящемъ году до 25 милліоновъ, но теченіе вдругъ измѣнилось; вывозъ серебра въ нынѣшнемъ году сдѣлался необыкновенно малымъ и этотъ меркантильный феноменъ принялъ, кажется, обратное движеніе. Сюда относится множество различныхъ причинъ. Во первыхъ остались большіе запасы отъ прежняго урожая и есть надежды на хорошій новый, а впоследствии мы докажемъ, что китайскій шелкъ главнѣйшимъ образомъ установилъ этотъ потокъ серебра изъ Европы на востокъ, этотъ потокъ, который можно назвать золотымъ дождемъ пастровъ. Далѣе существовавшій повсемѣстно торговый кризисъ значительно ослабилъ потребленіе на западѣ и оттого запросъ на восточныя привозныя товары сдѣлался менѣе. Сверхъ того главный вывозъ серебра шелъ на платежи за желѣзныя дороги въ Индію, постройка которыхъ совершенно прекратилась мѣстами, по случаю возстанія въ Индіи. Равнымъ образомъ уменьшилась торговля съ Кантономъ по случаю китайскихъ затрудненій. Большая часть этихъ благотельно противудѣйствующихъ причинъ суть конечно преходящаго свойства, за исключеніемъ, быть можетъ, вопроса о шелкѣ. Торговый балансъ Китая и Англій въ 1854 году представляется, по показаніямъ корреспондента газеты Times, который имѣетъ эти свѣдѣнія отъ шангайскихъ торговыхъ домовъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Ввозъ произведеній британской Индіи въ Китай:

65—70,000 ящиковъ опиума, цѣною на 24 мил. дол.

200,000 кипъ хлопчатой бумаги — — 4 — —

мануфактурныхъ издѣлій	цѣною на	4 мил. дол.
разныхъ индѣйскихъ произвед.	— — —	1 $\frac{3}{4}$ — —
		35,600,000 дол.

Напротивъ того Англія и британскія колоніи вывозили изъ Китая:

84 мил. футовъ чаю на	15 мил. дол.
Шелку на — — —	9,200,000 дол.
Разныхъ произведеній на	1,500,000 —
	25,700,000 дол.

Такимъ образомъ торговый балансъ оказывается благопріятнымъ для Англіи почти на 8 мил. долларовъ. Слѣдовательно должно бы ожидать, чтобы серебро перешло не изъ Англіи въ Китай, а изъ Китая въ Англію. Однако случилось, что Англія должна была вывезти на Востокъ и частію въ Китай болѣе 3 мил. фун. стер., слѣд 15 мил. долларовъ. Если же торговый балансъ оказывается выгоднымъ (activ) для Англіи въ торговлѣ съ Китаемъ, то она обязана этому единственно ввозу опиума на 24 мил. долларовъ. Этотъ продуктъ британской Индіи не могутъ доставлять Китаю ни французы, ни нѣмцы, а всё вмѣстѣ платили за слѣдующія имъ китайскія произведенія англійскими векселями, такъ что Англія была принуждена высылать въ Китай звонкую монету и за другія европейскія націи. Въ 1856 году однако вывозъ чая поднялся уже болѣе нежели до 131 мил. фунтовъ, изъ коихъ 91 миллионъ отправленъ въ Европу, а 40 мил. въ Америку. Въ 1845 г. было вывезено изъ Китая только 10,727 тюковъ шелка, черезъ десять же лѣтъ 50,488 тюковъ на 3 $\frac{3}{4}$  мил. ф. ст. или отъ 18—19 мил. дол. Замѣчательно также въ китайской торговлѣ, что вывозъ оттуда увеличивается ежегодно; а привозъ европейскихъ слитковъ (исключительно серебра), не идетъ съ нимъ наравнѣ. Ими едва покрывается шелкъ и нѣкоторыя другія незначительныя статьи вывоза; за чай же платится однимъ опиумомъ. О безнравственности этой отрасли торговли говорено уже много. Американскіе миссіонеры краснорѣчиво возстаютъ противъ своихъ британскихъ соперниковъ въ дѣлѣ обращенія Китайцевъ, говоря, что тѣ отравляютъ дѣтей Небесной имперіи, но политически умалчиваютъ, что они сами отправляютъ на тотъ свѣтъ столько же американскихъ семействъ, вывозя контрабандно опиумъ. Какъ пагубно жеваніе опиума, такъ въ сравненіи съ нимъ невинно—куреніе опиума, а Китайцы вовсе не жуютъ опіи, а только его курятъ. Куритель опиума вредитъ своему здоровью гораздо менѣе того, кто употребляетъ спиртные на-

Т. XXIV. — Отд. V.

питки, а ихъ никогда не подносить къ своимъ губамъ Китаецъ. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать того, что торгъ опиума есть благодѣяніе для Китайцевъ. Поденщикъ, пристрастившись къ опиуму, расточаетъ  $\frac{1}{10}$  своего заработка на покупку наркотической пищи, допускаетъ до нужды свое семейство и доходитъ самъ до голодной смерти. Никогда, говоритъ помянутый корреспондентъ Times изъ Шангай, не случалось мнѣ замѣтить на лицахъ Китайцевъ хотя бы малѣйшее оживленіе по какому либо случаю и развѣ слышалъ ихъ грубый хохотъ, при представленіи какого либо непристойнаго фарса. Но когда въ одно утро, купецъ, привезшій опиумъ, раскрылъ нѣсколько ящичковъ, то по стоявшимъ вокругъ носильщикамъ, я увѣрился, что лица Китайцевъ могутъ показывать глубокое волненіе. Ихъ маленькіе глазки заморгали, они тѣснились впередъ, пальцы невольно протягивались къ раскрытымъ сокровищамъ, и сухія лица приняли необыкновенное оживленіе. «Комната, въ которой я жилъ въ Гонгконгѣ, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, примыкала къ квартирѣ одного китайскаго чиновника. Потребности Востока, тѣснота улицъ и постоянно растворенныя окна не допускали устроить какой либо отгородки. Когда ночью меня преслѣдовала сильная духота, вѣтеръ, крикъ дѣтей или жало москитовъ, я имѣлъ передъ глазами постоянно одну и ту же картину. На окнѣ противъ меня съ важностью курила изъ бамбуковой трубки женщина въ ночномъ костюмѣ. Она была ко мнѣ такъ близко, что я могъ бы закурить у нея сигару, но въ запахѣ ея табака, которымъ несло на меня, не было ничего привлекательнаго. При этой страсти Китайцевъ къ наслажденію опиумомъ, нельзя и думать, чтобы когданибудь законы и полиція могли истребить столь вкоренившуюся привычку. Газета North-China-Herald, отъ 27 іюня 1857 г., содержитъ въ себѣ указъ Фучускаго правительства, которымъ ввозъ «чужеземнаго лекарства» дозволяется лишь съ платою пошлины по 1 доллару за шарикъ опиума-патвы и 10 долларовъ за 10 фунтовъ опиума-мальвы. Въ Нингпо платять за цѣлый ящикъ 12 долл. пошлины. Если китайское правительство увидало, что оно не въ силахъ противиться ввозу опиуму, то оно хорошо дѣлаетъ, спасая государственную казну, иначе пошлина перешла бы въ карманы поселяющихъ порчу въ его народѣ контрабандистовъ. Но если, какъ многіе о томъ говорятъ, богдыханъ предоставитъ себѣ самому монополію опиума въ видѣ царской привилегіи, если въ Китаѣ будутъ воздѣлывать и обрабатывать макъ, чужеземный опій не будетъ ли вовсе исключенъ изъ статей привоза въ Китай. Такая возможность очень непріятна. Мы бы имѣли тогда 25 милліонами долларовъ менѣе китайскихъ слит-

ковъ, мы не могли бы получать вовсе шелка и получали бы чаю меньше на 30 и до 70 милл. фунтовъ, или должны бы были вывезти ежегодно въ Китай около 60 милл. гульденовъ больше серебра. Доходы Остъ-Индской Компаніи уменьшились бы на сумму чистой прибыли отъ монополіи опиумомъ, слѣд. на 3 милл. ф. ст., и ежегодный дефицитъ компаніи долженъ бы возрасти отъ 4 до 5 мил. къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что Китайцы дѣлаютъ сбытъ своихъ произведеній на такъ называемые столбовые пиастры (испанскіе). Серебро въ этой монетѣ содержится въ весьма незначительной разницѣ съ американскимъ долларомъ или 5 франковикомъ, но она стоитъ въ Китаѣ 60 процентами болѣе послѣднихъ. До тѣхъ поръ, пока торговый балансъ Европы и Китая оставался нейтральнымъ, то въ Шангаѣ можно было вымѣнять долларъ за 4 ш. 2 п., теперь онъ стоитъ 7 ш. въ серебряномъ слиткѣ (Silver bullion). Прежде за одинъ долларъ давали двѣ тысячи штукъ мѣдныхъ китайскихъ монетъ (тсинъ, кашъ, сапекенъ), теперь 1200 штукъ. Такимъ образомъ товаръ, который стоилъ прежде 2 тыс. кашъ, получался только съ платежемъ серебромъ столько, сколько содержится его въ  $4\frac{1}{6}$  ш. (2 флор. 30 крейц.), а нынѣ за него должно заплатить по тройному вѣсу серебра. Это неблагопріятное развитіе торговли снова покровительствовало чужеземному ввозу, потому что купецъ съ привознымъ товаромъ, могъ отдавать его по рыночной цѣнѣ въ 7 ш. безъ убытка, за 1200 кашъ, между тѣмъ какъ въ замѣнъ (Rimesse) за 1200 кашъ онъ могъ вывести чай, за который онъ долженъ былъ иначе заплатить 7 ш. серебромъ. Теперь нечего уже ожидать, что въ самомъ Китаѣ будутъ воздѣлывать опиумъ, это уже происходитъ въ многихъ мѣстахъ. Еще въ 1836 г. мандарины жаловались на то, что макъ весьма прилежно засѣивается въ Юннанѣ, но съ тѣхъ поръ воздѣлываніе его распространилось по другимъ областямъ и тотъ, кто посѣтитъ теперь великолѣпную равнину около Нингпо, окруженную амфитеатромъ горъ, тотъ найдетъ, что лучшая почва ея, холмы и долины засѣяны опиумомъ. Короче Китай производитъ уже около 60 тыс. ящиковъ опиума ежегодно. Этотъ фактъ былъ бы очень неутѣшительнъ, особенно потому, что китайскій опиумъ сильнѣе и чище, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гораздо болѣе ѣдокъ, чѣмъ индійскій, что и допускаетъ конкурировать послѣднему, не смотря на его огромную цѣнность. Но какъ легко можетъ случиться, что китайскій опиумъ улучшится отъ фабрикаціи и тогда мы должны будемъ платить за чай и шелкъ 25 милл. долларовъ чистыми деньгами.

Вотъ отчего Англичане такъ неугомонно стучатся въ китайскія

воротъ. Они хлопчуть о томъ, чтобы ихъ допустили во внутренность обширной имперіи, чтобы имъ было открыто свободное плаваніе вверхъ по рѣкѣ Янтсе-кіангу и дозволено учрежденіе консульствъ въ городахъ близъ этой рѣки. Только тогда можно будетъ сказать, что они ведутъ торговыя сношенія съ Китаемъ, потому что всѣ пять гаваней, открытыхъ до сихъ поръ, за исключеніемъ Кантона, находятся на морскомъ берегу и отдѣлены отъ внутренности страны горами, черезъ которыя пути сообщенія дурны и недостаточны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Китайцы могутъ употреблять и покупать большую часть нашихъ фабричныхъ произведеній; надобно только, чтобы купцы, ведущіе съ Китаемъ торговлю, внимательнѣе изучили вкусъ и потребности этой азіятской націи и не допускали бы такихъ невѣроятныхъ случаевъ, какъ напр. одинъ шеффилдскій домъ послалъ въ Китай цѣлый грузъ ножей и вилокъ, тогда какъ Китайцы ѣдятъ свои кушанья не иначе какъ палочками, или вдругъ приходятъ въ Китай сто фортепянь, какъ будто бы въ Небесной имперіи явилась сильная страсть къ сонатамъ Бетховена. Англійскіе ситцы несравненно лучшей набойки и гораздо дешевле, чѣмъ китайскіе. Китайцы признаютъ это сами, но англійскія выбойки не имѣютъ тамъ вовсе сбыта, единственно потому, что хлопчато-бумажная ткань ихъ слишкомъ тонка. Китаецъ имѣетъ обыкновеніе колотить бѣлье между двумя камнями, и весьма естественно, что англійскій ситецъ превращается при этомъ способѣ въ лоскутки и вѣтошку. Часто думаютъ, что Китаецъ упорно держится своего національнаго вкуса, однако, совершенно напротивъ, онъ показываетъ еще большее пристрастіе къ европейскимъ модамъ. Въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Нгнито, вы увидите лишь мебель, сдѣланную по европейскому образцу и нигдѣ не встрѣтите стереотипнаго дракона. Нѣкоторыя мебели исполнены по рисункамъ англійскаго журнала Illustrated News, къ листкамъ котораго Китайцы жадны до того, что они оправляютъ въ рамки каждый экземпляръ, который имъ попадетъ въ руки. Ничто не соблазняетъ такъ Китайца, какъ желаніе имѣть у себя европейскіе карманные часы, хотя они и не знаютъ нашего циферблата. Знатные Китайцы вошли уже во вкусъ шампанскаго и ликеровъ, тогда какъ кантонскіе франты носятъ уже на своемъ платьѣ металлическія пуговицы изъ Бирмингама. Иголки приготовляются самымъ грубымъ образомъ въ Китаѣ, такъ какъ у насъ дѣлались онѣ 150 лѣтъ назадъ. Англійскія швейныя иголки конечно гораздо лучше и дешевле, но Китайцы утверждаютъ, что онѣ очень скоро ржавѣютъ въ ихъ влажныхъ рукахъ—горе, которому очень легко пособить. Эти

примѣры могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что европейскія фабричныя произведенія найдутъ хорошій сбытъ въ Китаѣ; сами Англичане сознаются, что американскіе и нѣмецкіе торговые дома, въ которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, самый незначительный комиссіонеръ получаетъ до 125 флориновъ жалованья въ мѣсяцъ, ведутъ блистательную привозную торговлю въ Шангаѣ, равно какъ и Русскіе, своими хлопчато-бумажными тканями. Ряднымъ образомъ таможенные пошлины нисколько не мѣшаютъ торговлѣ съ Китаемъ, потому что онѣ вообще весьма умѣренны и торгующіи привозными товарами получаютъ сверхъ того высшую привозную премію въ вексельномъ курсѣ. Препятствія же торговли съ Китаемъ состоятъ единственно въ необщительности Китайцевъ, недостаткѣ путей сообщеній, и дороговизнѣ провоза товаровъ изъ гавани во внутренность страны. Все это препятствуетъ развитію большихъ торговыхъ сношеній. Вотъ почему Англичане, Американцы, Французы и Русскіе, рука въ руку, пробивались въ Небесную имперію. Они желали достигнуть внутреннихъ областей, проникнуть на пароходахъ по большимъ рѣкамъ въ самое сердце огромнаго государства; они хотѣли вести торговлю съ Китаемъ, а не съ однимъ морскимъ прибрежіемъ. Конечно задача ихъ была нелегка при упрямствѣ Китайцевъ, но за то выгоды ея неисчислимы.

**СЦЕНЫ ВЪ ДИКИХЪ ПУСТЫНЯХЪ ТЕРРА И НА ГИМАЛАѢ.** Капитанъ Мейнъ Рейдъ, отличающійся своими разнообразными свѣдѣніями о чужихъ странахъ и большимъ даромъ разсказа, явился въ нынѣшнемъ году съ трудомъ, хорошо рассчитаннымъ на вкусъ британскихъ читателей. Англичанинъ страстный охотникъ до всего, касающагося «спорта». Берега Норвегій, заливы и озера нѣмецкихъ Альпъ ежегодно населяются Англичанами; англійскіе любители охоты проникаютъ во внутренность Африки или дѣлаютъ поѣздки на нѣскольکو лѣтъ, на о-въ Цейлонъ. Англійскій джентльменъ съ трудомъ разстается съ Индіей, если ему не удалось участвовать на охотѣ за тиграми. Капитанъ Мейнъ Рейдъ изображаетъ въ своей послѣдней книгѣ, подъ названіемъ «Охотники за растеніями» (\*), удовольствіе охоты въ Сѣверной Индіи. Чтобы придать связь цѣлому, онъ разсказываетъ отъ лица одного политическаго эмигранта изъ горъ (?) Баваріи, который послѣ реакціи 1849 года бѣжалъ въ Лондонъ

(\*) The Plant-hunters or Adventures among the Himalaya Mountains. London. 1858.

и тамъ, за свои свѣдѣнія въ ботаникѣ, нашелъ себѣ кусокъ хлѣба и занятія у одного ученаго садовника. Такъ какъ Англичане вообще большіе любители садоводства и особенно комнатнаго цвѣтоводства, то существуетъ постоянный запросъ на тропическія растенія. За рѣдкости этого рода платятъ чистымъ золотомъ и торговцамъ растеній очень выгодно посылать своихъ агентовъ къ самому экватору, за сѣменами или отростками новыхъ растеній. Въ такую то поѣздку отправился на Гималаи, нашъ несчастный выходецъ Баваріи, въ сопровожденіи своего брата. Его хозяинъ отправилъ уже охотниковъ за растеніями въ Австралію, Африку, въ Сѣверную и Южную Америку, какъ вдругъ гималайская флора вошла въ моду посредствомъ составившей эпоху въ цвѣтодствѣ, книги Гукера, и возбудила большое требованіе на чудесныя растенія индійскихъ Альповъ.

И такъ, мы встрѣчаемъ баварскихъ братьевъ на дорогѣ отъ Ганга къ Гималаю. Ихъ провожаетъ наемный Шикарри, Индусъ изъ касты охотниковъ. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній ихъ въ Индіи, къ которому они потомъ уже привыкли, было множество красныхъ пятенъ на землѣ, въ обитаемыхъ мѣстахъ. Сначала они думали, что это кровавыя отдѣленія чахоточныхъ, но вскорѣ узнали, что происхожденіе ихъ болѣе невинно; а именно отъ жеванія бетеля. По этому поводу, путешественники рассказываютъ слѣдующій анекдотъ, случившійся въ Калькутѣ. Одинъ неопытный англійскій врачъ, вскорѣ по своемъ прибытіи въ англійскую резиденцію, встрѣтилъ на дорогѣ молодую дѣвушку, туземнаго происхожденія, и увидалъ, что на каждомъ шагу изъ нея лила кровь. Англичанинъ обезпокоился этимъ до того, что проводилъ ее до самаго дома и тутъ увѣрилъ родныхъ, что по замѣченными имъ признакамъ, должно приготовиться къ смерти дѣвушки. На Востокѣ слова европейскаго врача тоже, что приговоръ оракула, и потому немудрено, что родные дѣвушки и она сама, впали въ жестокое уныніе. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько часовъ дѣвушка, отъ сильнаго испуга и боязни смерти, умерла. Родные ея остались въ неизвѣстности какимъ образомъ великій врачъ предугадалъ смерть, а самъ ученый мужъ долго думалъ, что она произошла отъ кровонетеченія. Слава объ немъ разошлась въ минуту, и отъ пациентовъ не было отбою. Но чрезъ нѣсколько времени онъ долженъ былъ узнать свою ошибку, и такъ какъ онъ къ тому же былъ болтунъ, то и рассказывалъ самъ эту исторію, въ видѣ шутки, въ одномъ веселомъ обществѣ. Эта новость разнеслась теперь по городу такъ же быстро, какъ незадолго передъ тѣмъ вѣсть о чудесномъ предсказаніи; мно-

гочисленные пациенты отстали, и врачъ, лишенный всякой практики, нашелъ благоразумнымъ поспѣшить вонъ изъ Калькутты и искать новаго мѣста для своихъ подвиговъ.

Наши странствователи за растеніями, сопровождаемые шикарри, направили свой путь вблизи рѣки Брамапутры, вверхъ по странѣ Ботанъ. На одномъ изъ озеръ этой страны они увидали въ первый разъ, особенный способъ рыбной ловли туземцевъ. Этотъ способъ одинаковъ съ тѣмъ, который употребляютъ Китайцы ловящіе рыбу посредствомъ обученныхъ для того водяныхъ птицъ, но только въ Ботонѣ употребляются другія птицы, впрочемъ похожія на китайскихъ водяныхъ вороновъ (*phalacrocorax chinensis*). По величинѣ и объему онѣ походятъ на гуся, перья у нихъ на груди и шеѣ бѣлыя, а на спинѣ и крыльяхъ черныя, шея длинная и закрученная, клювъ большой, желтый, и широкій округленный хвостъ. Рыбакъ обыкновенно помѣщается въ лодкѣ и управляетъ ею съ помощью длинной жерди, а на краю лодки сидятъ, рядомъ, съ десятокъ птицъ-рыболововъ. У молодыхъ, еще несовершенно выученныхъ птицъ, надѣто на шею металлическое кольцо, для того, чтобы онѣ не могли проглотить рыбы; у птицъ же постарше эта предосторожность не соблюдается. Птицы обучены превосходно и начинаютъ свою работу лишь по приказу хозяина. Какъ только тотъ скамандуетъ, онѣ слетаютъ разомъ, отдѣляются другъ отъ друга и летавъ немного, бросаются въ чистую, какъ кристалль воду, и погружаются въ нее по мѣрѣ того, какъ острый взглядъ ихъ открываетъ добычу. Для рыбной ловли такая птица очень способна, потому что подъ водою она гоняется за добычею съ такою же быстротою, какъ и на поверхности воды. Инстинктъ ихъ такъ великъ, что если одной удастся схватить большую рыбу, какую она не въ силахъ вытащить, то другія тотчасъ спѣшатъ ей на помощь. Каждая пойманная рыба приносится въ лодку и тотчасъ по окончаніи работы, хозяинъ снимаетъ кольцо съ молодыхъ и кормить ихъ частію приобретенной добычи. Какъ удается обучить этихъ птицъ для ловли, еще неизвѣстно, но рыбакъ употребляетъ и удары, если только птица лѣниво садится на воду и не хочетъ продолжать работы.

Первыя опасности и трудности по исполненію своей задачи, странствователи за растеніями встрѣтили въ Тераѣ или Индійскомъ Шемонтѣ, если взять европейское названіе въ томъ значеніи, какое соединяется съ названіемъ Терай. Терай простирается отъ Ассама до Сетледжа и образуетъ полосу земли, отъ 10 до 30 англ. миль ширины, примыкающую къ подошвѣ горъ Индѣйскихъ Альповъ, и мастерски описанную въ геологическомъ и ботаническомъ

отношеніяхъ рукою Гукера (\*). Терайскія ущелія (Dschungeln) наполнены убійственно-лихорадочнымъ воздухомъ и заселены очень рѣдко полудикими Метчами. Гораздо чаще чѣмъ люди, встрѣчаются здѣсь дикіе звѣри кошачьей породы, черепокожія, ядовитыя змѣи, отвратительныя ящерицы, или великолѣпныя птицы и бабочки. Къ особенностямъ этой тропической полосы принадлежитъ то странное явленіе растительности, что иногда верхушка царской Пальмиры-пальмы (*Borassus flabelliformis*) подымается надъ листьями банановаго дерева, такъ точно, какъ будто бы пальма была привита къ стволу этой индѣйской смоковницы. Можно бы подумать, что человѣческія руки устроили эту игру природы, если бы она не попадалась такъ часто. Но скорѣе, должно полагать, что бананъ вырастаетъ изъ Пальмиры-пальмы. Его плоды не болѣе вишни и очень легко могло случиться, что какая нибудь птица заносила банановый плодъ въ верхушку пальмиры. Когда зерно пуститъ въ ней ростки, то оно спускаетъ свои корни внизъ черезъ стволъ пальмы, до тѣхъ поръ пока они достигнутъ земли. Такъ постепенно банановые ростки покрываютъ родной стволъ и когда бананъ раскинетъ свои побочныя вѣтки, то кажется, что будто бы пальмира-пальма выросла изъ его ствола. Индусы очень уважаютъ такой союзъ пальмиры съ бананомъ, какъ бы бракъ, соединенный небомъ. Для жителей же лѣсовъ онъ доставляетъ ту выгоду, что по гладкому стволу Пальмиры весьма трудно взбираться на верхъ, а по побочнымъ корнямъ фиговаго дерева они легко достаютъ плоды съ вершины пальмы. Эти плоды треугольныя орѣхи, величиною съ дѣтскую голову, въ толстой сочной желтоватой корѣ, заключающей въ себѣ три ядра, величиною съ гусиное яйцо; ихъ ѣдятъ еще незрѣлыми, а послѣ они становятся темносіяго цвѣта и невкусными. Но чаще пальмовому плоду не даютъ развиваться въ сѣмя, а когда замѣтятъ, что цвѣтокъ находится еще въ чашечкѣ, то взбираются на пальму, снимаютъ чашечку и разрѣзываютъ пополамъ цвѣточную голову; вставляютъ въ прорѣзъ пустую бамбуковую тростинку и нагибаютъ внизъ цвѣтокъ. Этимъ способомъ въ часъ времени получается большіе кварталы чистаго и прохладнаго сока, который пѣнится подобно шампанскому, а сваренный вмѣстѣ съ известью, для того, чтобы уничтожить броженіе, кристаллизуется какъ сахаръ. Неожиданное явленіе въ поясѣ пальмъ составляетъ дубъ. Этого дерева нѣтъ ни въ южной Америкѣ и Африкѣ, въ Деканѣ и

---

(\*) Hooker, Himalayan journals. London 1855, Tom 1, p. 91.

на о-въ Цейлонѣ, но оно встрѣчается въ восточной Бенгаліи и архипелагѣ по ту сторону Индіи, притомъ не только на большихъ возвышенностяхъ, но иногда и въ приморскихъ равнинахъ. По близости горъ дубовыя деревья принимаютъ совершенно европейскій видъ и многіе горныя ландшафты Гималайскаго хребта, описанные Гукеромъ, не только напоминаютъ картины Тироля, или Швейцаріи, но и совершенно сходны съ ними.

Терай служитъ любимымъ мѣстопребываніемъ сильнѣйшему и кровожаднѣйшему животному въ мірѣ, королевскому тигру, но туземцы знаютъ способъ ловить ихъ, который не только совершенно безопасенъ, но даже составляетъ забаву. Для этого долженъ только представиться такой благопріятный случай, какой представился нашимъ странствующимъ за тропическими растеніями. Однажды имъ посчастливилось убить одного индійскаго оленя или камбра (*cervus hippelaphus*, часть котораго они съѣли за ужиномъ, а остальное повѣсили на одно огромное дерево, въ сторонѣ отъ мѣста, гдѣ они расположились своимъ маленькимъ лагеремъ. На другой день оказалось, что недостаетъ части мяса, висѣвшаго на деревѣ, и шикарри, къ немалому своему ужасу, открылъ по близости слѣды тигра, который въ одинъ прыжокъ схватилъ четверть оленя и не унесъ остальнаго только потому, что его нельзя было достать. Если тигръ, какъ должно было ожидать, возвратится ночью къ дереву, чтобы унести остальнаго оленя, то по указанію проводника представлялся отличный случай поймать его съ помощью птичьяго клея. По совѣту шикарри путешественники разрѣзали бамбуковыя палки и раздѣлили ихъ по колѣнамъ такъ, что каждый кусокъ пустого тростника, могъ служить бокаломъ. Потомъ они надрѣзали кору молодыхъ и сочныхъ банановъ и укрѣпили въ надрѣзахъ свои бамбуковые сосуды такъ искусно, что бамбуковый молочный сокъ лился въ нихъ. Собравъ такимъ способомъ достаточное количество сока, они поставили его въ горшкѣ на легкій огонь и согрѣвали до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался тягучимъ, какъ птичій клей, который у индійскихъ птицелововъ главнымъ образомъ добывается изъ смоковницы и считается наилучшимъ для охоты. Между тѣмъ былъ приготовленъ большой запасъ молодыхъ фиговыхъ листьевъ, величиною каждый больше тарелки, мягкихъ и пушистыхъ, тогда какъ старше они становятся жесткими и гладкими. Эти листья были съ обѣихъ сторонъ намазаны клеемъ. Послѣ того повѣсили остальную половину оленя одной или двумя вѣтками выше, чтобы тигръ могъ сдѣлать больше прыжковъ прежде, чѣмъ завладѣетъ добычей. Она то служила приманкой и ос-

галась въ центрѣ особаго рода ковра, образовавшагося изъ намазанныхъ клеємъ листьевъ, которые были тщательно разложены по травѣ на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, такъ что ни какое четвероногое не могло приблизиться къ приманкѣ, не прикасаясь къ листьямъ. Этотъ способъ ловить тигровъ во всякомъ случаѣ безопасенъ или покрайней мѣрѣ столь же мало соединенъ съ опасностью, какъ ловля капканомъ или посредствомъ самострѣловъ. И этотъ послѣдній способъ въ употребленіи, причемъ весьма странно, что къ тому еще служатъ лукъ и стрѣлы, намазанныя ядомъ; звѣря вынуждаютъ приближаться къ приманкѣ, приставленной къ луку и онъ самъ убиваетъ себя черезъ прикосновеніе къ приманкѣ. Боязливые Индусы подходятъ обыкновенно къ тигру издали и охотнѣе вовсе не подходятъ къ нему; его защищаетъ еще то суевѣрное понятіе, что души, въ своихъ переселеніяхъ, по преимуществу любятъ выбирать тѣло тигра, почему называютъ его также «братомъ».

Окончивъ приготовленія, наши странствователи за растеніями урылись въ вершинѣ банановаго дерева. Хотя тигръ могъ бы легко взобраться и туда, но они, оставаясь спокойно, не должны были объ этомъ беспокоиться, но сверхъ того у нихъ еще были ружья. Какъ только закатилось солнце, они услышали въ промежуткахъ, то отдаленные, то ближе къ нимъ, звуки подобные свисту издали молотильной машины. Это было ворчаніе тигра. Такъ рано его никто не ожидалъ, но очевидно, что тигръ, чрезъ 24 часа послѣ ѣды первой части оленя, снова почувствовалъ голодь. Онъ рыскалъ вокругъ, чтобы высмотрѣть мѣсто, гдѣ была добыча, но въ то время какъ слышали его ворчанье, прыжки его становились все уже и уже. Наконецъ путешественники увидали ясно, при мѣсячномъ освѣщеніи, какъ онъ показался въ кустарникѣ. Движенія его совершенно были похожи на тѣ уловки домашней кошки, когда она крадется животомъ по землѣ къ клѣткѣ съ птичкой. Онъ всталъ тихо и неподвижно, потомъ вдругъ, однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ кустъ и затѣмъ тотчасъ вспрыгнулъ подъ вѣтку, на которой, на вышинѣ около 12 футовъ отъ земли, были повѣшены остатки оленьи. Какъ велики были прыжки тигра, которые онъ дѣлалъ въ горизонтальномъ направленіи, такъ дурно прыгалъ онъ теперь перпендикулярно. Первая попытка его въ этомъ направленіи приблизила его немного къ съѣстному. Эта неудача раздосадовала его, онъ запыхтѣлъ отъ гнѣва; присѣлъ плашмя на землѣ и потомъ прыгнулъ въ другой разъ. Но такъ какъ и это усиліе не удалось ему и въ слѣдующій разъ, то онъ гнѣвно зарычалъ и въ мгновеніе кинулся снова. На этотъ разъ

онъ досталъ своей лапой оленину, но вмѣсто того, чтобы быть сорванной съ сула его когтями, она лишь закачалась на цѣмь отъ удара, какъ маятникъ. Тогда только замѣтилъ тигръ что-то постороннее на своей лапѣ. Фиговые листья дѣйствительно опутали страшное орудіе звѣря. Въ это время начался забавный маневръ. Тигръ старался сначала стряхнуть съ своей лапы листья, но какъ это никакъ ему не удавалось, то онъ началъ тереть свою лапу объ рыло и щеки, поднимая ее къ уху и соскребывая листья пастью. Этимъ способомъ онъ очистилъ лапу, но такъ какъ листья были обмазаны съ обѣихъ сторонъ, то они повисли на головѣ. Это раздосадовало его еще больше и чтобы соскребть ихъ съ головы, онъ снова поднялъ лапу, но безпрестанно перемѣняя мѣсто, отъ нетерпѣнія и гнѣва, онъ все уносилъ новые листья, лежащіе на землѣ. Тогда онъ попробовалъ было работать другой лапой, но и эта оказалась въ путахъ. Бѣшенство его возрастало съ каждой минутой и особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько листьевъ задѣло ему глаза. Чтобы очистить отъ нихъ свою голову, онъ бросался на оба свои бока и терся рыломъ объ землю, скребя голову задней лапой. Сначала онъ ложился на лѣвый, потомъ на правый бокъ, и, конечно, съ однимъ результатомъ, все болѣе и болѣе запутываясь въ листьяхъ. Вскорѣ, сдѣлавшись совсѣмъ слѣпымъ, онъ потерялъ всякое терпѣніе; безпрестанно теръ лапами голову, кидался на землю, вспрыгивалъ, трясъ головою, опять кидался внизъ или ползъ на деревья; все сильнѣе и гнѣвнѣе становилось его ржанье и ревъ. Когда шикарри замѣтилъ, что дѣло сдѣлано, то онъ сползъ съ своими спутниками на землю и здѣсь пуля положила тигра мертвымъ. Онъ былъ совершенно обезоруженъ, потому что не считая даже слѣпоты, лапы его были въ клейкихъ перчаткахъ, которыя мѣшали ему считать съ головы листья. Капитанъ Мейнъ Рейдъ разсказываетъ при этомъ, что индѣйскіе охотники вырѣзываютъ мясо изъ жирныхъ ребръ тигра и ѣдятъ его какъ лакомое блюдо, и говоритъ еще, что у очень многихъ хищныхъ животныхъ мясо бываетъ иѣжно, какъ напр. у коршуна, который составляетъ любимую дичь и лакомое блюдо негровъ на американскихъ плантаціяхъ. Но во всякомъ случаѣ тигровъ стрѣляютъ въ Индіи не для одного жаркаго, но или изъ удовольствія, или изъ за шкуры и награды изъ 10 рупій, которую платитъ Остъ-Индская Компанія за каждаго убитаго тигра. Хотя эта награда и назначается только за тѣхъ тигровъ, которые будутъ убиты въ британскихъ владѣніяхъ, но кто же признаетъ тигра по мордѣ, подданный ли онъ, или вассалъ Остъ-Индской Компаніи? Такъ какъ Компанія платитъ, не тре-

буя никакихъ свидѣтельствъ о томъ, откуда родомъ тигръ, то ей, и не безчестно, можетъ быть представлена каждая шкура.

Самое высокое исполинское растеніе изъ всѣхъ злаковъ (Gräsern) есть, какъ извѣстно, бамбукъ. За нимъ слѣдуетъ *canipum arborescens*, достигающій высоты 50 футовъ, хотя стволъ его не толще гусиного пера. Это растеніе есть ползучее; оно встрѣчается въ лѣсахъ, гдѣ, опираясь на сучья, часто достигаетъ верхушекъ самыхъ высокихъ деревъ. Обыкновенные злаки достигаютъ въ джунгляхъ 14 футовъ вышины и стебель ихъ возлѣ корня съ палецъ толщиною. Изъ такой травы можно бы видѣть развѣ жирафа, еслибы это животное водилось гдѣ нибудь, кромѣ тропической Африки. Дикіе же слоны двигаются по этимъ лугамъ, какъ полевья мыши по травѣ. Весьма естественно, что путешествующій по такой травѣ долженъ каждую минуту быть на сторожѣ отъ нападенія дикихъ звѣрей. Охота на тигра въ такой высокой чащѣ зелени далеко не легкая задача. Для бѣдныхъ же и трусливыхъ терайскихъ Метчей, у которыхъ вовсе нѣтъ огнестрѣльнаго оружія, такая охота во всякомъ случаѣ затруднительна. Если королевскій тигръ приблизится къ одному изъ ихъ жилищъ, то наступаетъ настоящее осадное положеніе. Туземцы не смѣютъ выгнать своего скота за ограду и со страхомъ запираются на ночь въ своихъ шалашахъ. Тигръ остается тутъ часто цѣлую недѣлю, истребляетъ скоть, врываясь въ хлѣвы и разстерзываетъ тѣхъ, которые необдуманно осмѣливаются приближаться къ нему. Иногда доходитъ до того, что упавшіе духомъ жители бросаютъ свои жилища, чтобы избавиться отъ хищника. Приходъ европейцевъ, въ такомъ случаѣ, благодать Божія для туземцевъ, потому что они или убиваютъ звѣря своимъ оружіемъ, или покрайней мѣрѣ прогоняютъ его выстрѣлами. Есть однако еще средство побѣдить тигра, которое хотя также не соединено съ опасностью, но требуетъ не мало мужества. Если найдется между жителями именно такой смѣльчакъ, который захочетъ отважиться на подвигъ, то они строятъ тогда родъ клѣтки изъ толстыхъ бамбуковыхъ палокъ. Отъ прочности постройки зависитъ жизнь охотника, потому что бамбуковая рѣшетка должна въ каждомъ случаѣ устоять противъ лапъ звѣря. Прежде чѣмъ клѣтка, которую ставятъ вблизи деревни, осажженной тигромъ, совершенно забрана городьбой, въ нее входитъ охотникъ. Онъ завертывается съ головы до ногъ въ буйволовою шкуру и вообще старается увѣрить тигра, что тотъ имѣетъ дѣло съ рогатой скотиной. Сверхъ того вмѣстѣ съ нимъ запираютъ въ клѣтку козу и притомъ такую, которую еще сосутъ дѣти. Когда клѣтка крѣпко забрана вокругъ, то туземцы возвра-

щуются въ деревню. Ночью, когда тигръ начнетъ рыскать вокругъ деревни и подойдетъ къ клѣткѣ, жалобное блеяніе козы по своимъ дѣтямъ и отвѣтные крики ихъ изъ деревни къ матери, всегда оставливаютъ звѣря и возбуждаютъ въ немъ охоту полакомиться козою. Тигръ сперва осторожно прокрадывается ползкомъ вокругъ клѣтки, и не отваживается сдѣлать прямо на нее нападеніе. Тогда коза со страхомъ кидается въ противоположную сторону, а лжебуivolъ стоитъ не шевелясь въ срединѣ клѣтки и высматриваетъ удобный случай, когда онъ можетъ сквозь рѣшетку проколоть тигра насквозь своимъ копьемъ. Это становится ему тѣмъ удобнѣе, что тигръ съ возрастаніемъ алчности выпрямляется и начинаетъ рваться въ клѣтку. Какъ только онъ почувствуетъ себя хотя слегка раненымъ, то позабываетъ всякую предосторожность и вспрыгиваетъ на крышу клѣтки, гдѣ охотникъ можетъ съ большою вѣрностію ударить его ножомъ сквозь палки и поразить въ пахи. Если его оружіе намазано ядомъ, то борьба кончается скоро; охотникъ подаетъ знакъ и жители сбѣгаются изъ деревни, чтобы унести домой добычу и освободить изъ заключенія своего отважнаго избавителя.

Поднявшись на передовую цѣпь Гималайскаго хребта и перейдя ее, путешественники достигли высоты 5,000 футовъ надъ уровнемъ Ганга. Здѣсь, на всемъ пространствѣ почвы, растутъ самыя огромныя и красивѣйшія магноліи. Бѣлоцвѣтныя покрываютъ Гималай на высотѣ отъ 4 до 8 тысячъ футовъ и потомъ смѣняются кампелліей, царицей магнолій, потому что ея великолѣпныя и благоуханныя цвѣты часто одѣваютъ цѣлыя уступы горъ багряною мантией. Здѣсь встрѣчаются рѣзко-тропическія и рѣзко-сѣверныя растенія. Березы, ивы, орѣшникъ,—густо стоятъ между пальмъ, дикихъ платановъ и исполинскихъ бамбуковъ. Огромный *cedrela toopa*, различныя породы смоковницъ, *melostomas*, бальзамическія деревья, растеніе *pothos*, перечныя стручковыя деревья, орхидеи и исполинскія ползучія растенія перемеживаются съ простой ежевикой, незабудками, крапивой и встрѣчающейся возлѣ большихъ какъ дерево, папоротниковъ, земляникой, которая хотя и непріятна на вкусъ, но замѣняется здѣсь отмѣнно пріятнымъ и ароматическимъ плодомъ,—желтою малиной. Но чтобы люди немогли блаженствовать въ этой роскошной оранжереѣ, природа высылаетъ противъ нихъ цѣлыя арміи мучителей. День и ночь воздухъ наполненъ роями насѣкомыхъ, большихъ и миниатюрныхъ бабочекъ, жуковъ, крылатыхъ муравьевъ, майскихъ мухъ, летающихъ червей (*Ohlwürmern*), майскихъ жуковъ, москитовъ, между тѣмъ какъ грунтъ земли обильно покрытъ клещами, которые незамѣтно впиваются въ кожу странника и должны быть вынуты изъ нея

во-время, иначе тѣло начинаетъ горѣть и гнить. Но есть еще особенныя гадины въ Тераѣ, которыя опаснѣе всѣхъ исчисленныхъ вмѣстѣ. А именно, если кто нибудь соблазнится во время сильнаго жара отдохнуть полуодѣтымъ нѣсколько часовъ въ тѣни, то пробудившись, онъ увидитъ, что тѣло его покрыто черными и красными пятнами. Красныя пятна — это его собственная кровь, черныя, которыя растягиваются и стягиваются на его тѣлѣ, это мѣстныя пиявки. Изъ всѣхъ мукъ востока эти черви самая гнусная мука, потому что они даютъ сильную боль и отвращеніе. Гималай раздѣляетъ эту язву вмѣстѣ съ Цейланомъ, Суматрою и другими индѣйскими обитателями. Такихъ червей множество родовъ. Маленькія черныя пиявки находятся въ сырыхъ мѣсахъ на высотѣ до 3,000 футовъ, при меньшей же возвышенности встрѣчается порода червей больше величиною и желтаго цвѣта. Часто такая пиявка заползаетъ въ носъ, уши людей, попадаетъ въ животъ и причиняетъ ужасную боль, а иногда и смерть. Скотъ терпитъ отъ этихъ червей еще болѣе и часто они производятъ опустошеніе въ стадахъ. Если пѣшеходъ приедетъ хоть на одну минуту, они уже успѣютъ вползти ему на тѣло, потому что они двигаются съ большою быстротою, такъ что даже утверждаютъ, что они прыгаютъ. Растянувшись во всю длину, такой червь тонокъ какъ нитка и въ ту же минуту онъ можетъ стянуться въ форму боба. Отъ этой способности стягиваться и растягиваться зависяетъ ихъ быстрое движеніе и возможность промѣзгать въ самыя узкія отверстія. Наконецъ они обладаютъ по мнѣнію многихъ, весьма острымъ чутьемъ для отыскиванья своихъ жертвъ. Часто пѣшеходъ, ходившій ввечеру или ночью, неожиданно находитъ на сапогѣ эти гнусныя созданія. Раны, которыя они протачиваютъ, не причиняютъ сначала никакой боли, но оставляютъ по себѣ нарывы, которыя излечиваются иногда черезъ мѣсяцы и на цѣлые годы остается замѣтенъ шрамъ.

Наши странствователи вступили наконецъ въ арктической поясъ Гималая, въ полоусу хвойныхъ деревьевъ и рододендроновъ. Здѣсь на высотѣ отъ 8 тысячъ футовъ встрѣчаются мускусовыя животныя (выхухолы или кабарги). Они величиною съ лань съ сѣрыми и коричневыми крапинами на шкурѣ, длинными ушами, но безъ роговъ (\*). Самцы отличаются двумя зубами длиною въ 3 дюйма,

---

(\*) Такъ утверждаетъ Мейнъ Рейль. Гукеръ же разсказываетъ, что у этого животнаго небольшіе рога.

выдающимися из передней челюсти. Только самцы посять на пупъ мѣшочикъ, содержащій драгоценное мускусное вещество, и Гукеръ увѣряетъ, что это животное распространяетъ свой ароматическій запахъ на сто шаговъ вокругъ. Онъ сомнѣвается, впрочемъ, что кабарги обязаны этимъ запахомъ тому, что они ѣдятъ душистыя травы, потому что единственное мускусное растеніе (*Delphinium glaciale*) растетъ на высотѣ 17,000 футовъ, до которой эти животныя не проникаютъ. Капитанъ Рейдъ не упоминаетъ одного замѣчательнаго явленія въ индѣйскихъ Альпахъ, именно, что обезьяны встрѣчаются здѣсь на высотѣ хвойныхъ лѣсовъ. Гукеръ видѣлъ ихъ тамъ и не могъ себя объяснить, какъ это тропическое животное могло забраться въ такую суровую природу. О волкахъ не говорятъ ничего оба, но Рейдъ упоминаетъ объ одной породѣ дикихъ собакъ, которыя съобща, шайками отправляются на ловлю другихъ звѣрей. У нихъ есть одинъ особенный инстинктъ. Если напр. они преслѣдуютъ лань, то обыкновенно стараются не схватить ее, а гвать по направленію къ мѣсту своихъ жилищъ, и только когда его достигнуть, нападаютъ на добычу и растерзываютъ ее, — для того, чтобы избавиться отъ труда тащить трупъ до своихъ гнѣздъ.

На Гималаѣ попадается растеніе, доставляющее Индусамъ, самый страшный ядъ, *бикъ*. Это — *aconitum ferox* (аконитъ сильный), совершенно-сходный по наружному виду съ европейскимъ клубукомъ (*aconitum napellus*). Одно обоняніе цвѣтка подвергаетъ большимъ или меньшимъ обморокамъ. Листья, цвѣты и стебли его ядовиты, но настоящую эссенцію доставляетъ корень, который не менѣе маленькой рѣпы. Рядомъ съ нимъ растетъ благодѣтельное растеніе, родъ такъ называемыхъ «сѣстныхъ сосенъ» — *pinus gerardiana*, съ большими шишками и въ нихъ сѣменными зернами, величиною съ фи-сташку, составляющими очень вкусную пищу. Украшеніе Гималая составляетъ красивѣйшее изъ травобразныхъ растений — рабарберъ, котораго широкіе листья съ красными зубцами чрезвычайно красиво отдѣляются отъ желтыхъ брактеевъ (побочныхъ листьевъ). Большіе стебли этого растенія наполнены чистѣйшей водой и ѣдятся сырыми или вареными, а листья курятся туземцами за недостаткомъ табаку.

Этимъ мы оканчиваемъ наши замѣчанія о книгѣ Рейда, отсылая нашихъ читателей къ самой книгѣ, рассказы которой состоятъ изъ цѣлаго ряда страшныхъ опасностей до смерти, отъ которой впрочемъ авторъ спасаетъ путешественниковъ своей сильной рукою. Впрочемъ ихъ приключенія весьма невѣроятны, такъ одинъ

разъ они заблудились на охотѣ въ глетчерѣ (ледникѣ) и возвратившись видятъ, что ледяная масса скатилась внизъ и оставила послѣ себя страшную разсѣлину. Имъ не остается ничего болѣе сдѣлать, какъ перейти на ту сторону ея въ прелестную долину, въ родъ «сада цвѣтущаго на глетчерахъ», гдѣ они найдутъ для себя обильную охоту. Они благополучно переправляются черезъ эту разсѣлину, но за нею разинула свой зѣвъ другая, такъ что они должны вернуться назадъ въ долину, которая образовалась въ видѣ мѣшка съ однимъ выходомъ въ глетчерѣ. Приключенія на охотѣ за яками или дикими гималайскими быками, или за медвѣдями въ страшныхъ пещерахъ, въ которыхъ у нашихъ странствователей гаснутъ факелы, наполняютъ остальную часть этой книги волнуя лишь воображеніе, но не представляя ничего особенно поучительнаго или достойнаго для изображенія. Авторъ подъ конецъ самъ устаетъ и оставляетъ нашихъ странниковъ на Гималаѣ, въ горныхъ ледникахъ, чѣмъ даетъ поводъ предполагать, что скоро явится для ихъ освобожденія вторая часть разсказовъ.



**В Ъ С Т Н И К Ъ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

# **ВѢСТНИКЪ**

**ИМПЕРАТОРСКАГО**

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**

---

1858.

---

**ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**



**САИКТПЕТЕРБУРГЪ.**

**ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.**

**1859.**

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 8 января 1839 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

## II.

### ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

---

#### ВЛАДИМИРЪ АТЛАСОВЪ,

#### ПОКОРИТЕЛЬ КАМЧАТКИ.

---

(эпизодъ изъ исторіи камчатки.)

---

Послѣ покоренія Ермакомъ и его дружиною, въ продолженіе не болѣе четырехъ лѣтъ (1581—1584), западной части Сибири: отъ Тагила до Туи, близъ нынѣшняго г. Тары, и отъ Вагая до Сосвы, гдѣ нынѣ г. Березовъ, дальнѣйшее завоеваніе подвигалось уже медленнѣе, такъ сказать шагъ за шагомъ. Несмотря на то, что первые завоеватели должны были имѣть борьбу преимущественно съ мухаммеданскимъ населеніемъ, нѣсколько образованнымъ, а еще болѣе жестокимъ и лукавымъ; преемники же ихъ встрѣчались наиболѣе съ народами, находившимися почти въ дикомъ состояніи, безъ нравовъ, законовъ и безъ всякаго понятія о жизни общественной. Они скитались въ дремучихъ лѣ-

сахъ и по берегамъ рѣкъ, для снисканія себѣ только пищи и крова, коснѣя въ шаманствѣ и грубѣйшемъ идолопоклонствѣ.

Быть можетъ, что медленность въ дальнѣйшемъ распространѣннн русскаго владычества надъ сибирскими народами, была слѣдствіемъ и того, что между воеводами не стало уже столь отважнаго и предпріимчиваго вождя, какимъ былъ Ермакъ; что правительство наше предпочло мѣры кротости прежнему насилію и кровопролитію буйныхъ храбрецовъ, стараясь вмѣстѣ съ завоеваніями насаждать повсюду и православіе, строить остроги и города, вводить возможную цивилизацію и гражданскій порядокъ какъ между побѣдителями, такъ и побѣжденными; или на послѣдокъ самое соперничество воеводъ между собою и вмѣшательство одного въ дѣйствія другаго, тяготѣли надъ успѣхами покоренія.

Какъ бы то ни было, но завоеванія наши не прежде столѣтій сблизилась съ предѣлами сѣверо-восточной Сибири, ограничиваемыми рѣкою Леною, и только въ 1632 году Енисейцы построили на ея берегу Якутскій острогъ, имѣвшій сильное вліяніе на судьбу всего тамошняго края. Съ этой лишь поры начинается пріобрѣтеніе огромнаго пространства отъ Лены до Охотскаго моря и отъ р. Уди до Ледовитаго моря. Казаки и промышленники разныхъ сословій, называемые въ то время также *гулщими людьми*, а вообще служивыми, пускались на отважнѣйшія предпріятія въ самомъ маломъ числѣ, безъ необходимыхъ познаній о мѣстностяхъ и еще болѣе безъ средствъ, ведомые указаніями столь же несвѣдущихъ воеводъ и собственною удачею, а иногда и корыстными видами. По слѣдамъ ихъ шла и здѣсь колонизація страны, выросли остроги, поселенія и зимовья.

При всей дѣятельности завоевателей, мѣста далѣе на востокъ— мѣста оканчивающія материкъ полушарія и освѣщаемыя, можно сказать, первыми лучами солнца, оставались долго не занятыми и необслѣдованными. Достигнувъ Анадыря, завоеватели тутъ остановились, какъ бы въ раздумьѣ идти-ли далѣе? Эта рѣка большею частію течетъ по болотистой и тундряной почвѣ, поросшей бѣлымъ и краснымъ мхомъ, пищею оленьихъ стадъ, во множествѣ водимыхъ обитателями этой негостепріимной страны— Чукчами и Коряками. Анадырь отдѣляетъ Чукотію отъ Камчатки и вливается не въ Ледовитое уже или Охотское море,

какъ пройденныя имъ прежде рѣки, а прямо въ Восточный океанъ. Здѣсь то якутскій казакъ Семенъ Дежневъ (1) построилъ на одномъ необитаемомъ островѣ, въ 480 верстахъ отъ Анадыри, первый русскій острогъ на камчатской почвѣ, долго считавшійся несокрушимымъ оплотомъ противъ нападений Чукчей (и доселѣ еще не совсѣмъ покоренныхъ) на вѣрноподанныхъ Коряковъ, который однакоже съ заведенія крѣпостей по берегамъ Охотскаго моря потерялъ прежнее значеніе.

Въ этомъ Анадырскомъ острогѣ является на сцену военныхъ дѣйствій и описываемый нами Владиміръ Атласовъ. Въ 1695 году посланъ онъ былъ туда изъ Якутска прикащикомъ, въ званіи казачьяго пятидесятника, при обычномъ наказѣ отъ воеводы: «стараться собирать ясакъ съ платящихъ уже его, развѣдывать о живущихъ далѣе народахъ и приводить ихъ въ подданство». Выборъ Атласова на этотъ важный постъ якутскимъ воеводою стольникомъ Михайломъ Аѳанасьевичемъ Арсеньевымъ, какъ нельзя болѣе былъ удаченъ, и Атласовъ вполне его оправдалъ. Въ одномъ, принадлежащемъ мнѣ, и вѣроятно, современномъ Атласову «Сборникѣ» (2) вотъ что сказано объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ:

(1) Этотъ Дежневъ съ нѣсколькими другими товарищами, выброшенный въ 1649 году на Олоторскій берегъ, послѣ крушенія судовъ (кочей), при обходѣ вмѣстѣ съ Холмогорцемъ Федотомъ Алексѣевымъ изъ р. Колымы Чукотскаго носа, не думая и негадаю о томъ, какъ случается и часто въ подобныхъ открытіяхъ, сдѣлалъ первый шагъ къ рѣшенію важнѣйшаго географическаго вопроса, что Сибирь отдѣляется отъ Америки проливомъ, соединяющимъ Ледовитое море съ Восточнымъ океаномъ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса относятъ Датчанину Витусу Берингу, спустя около 80 лѣтъ послѣ Дежнева плававшему по порученію русскаго правительства, въ тѣхъ же моряхъ, въ честь котораго и самый проливъ названъ былъ знаменитымъ англійскимъ мореходцемъ Куномъ, *Беринговымъ* (Behring-strait), которое имя остается за нимъ и донынѣ, вмѣсто прежняго *Дежневскаго пролива*, хотя за 50 лѣтъ до Беринговыхъ морскихъ экспедицій, этотъ проливъ хорошо извѣстенъ уже былъ въ Сибири, чрезъ казаковъ, достигавшихъ до его береговъ за сборомъ ясака (см. *Relatio de Sibiria*, изд. мною съ рукописи въ подлинникѣ и переводѣ, 1822 года стр. 41).

(2) Слѣдующіе отрывки изъ этого сборника были уже напечатаны: 1) Списокъ съ чертежа Сибирской земли, въ Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Истор. и Др. Рос. 1849, кн. 3, II стр. 36—99; 2) Сказаніе о рѣкѣ Амурѣ, въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1853, II стр. 15—42. Тамъ же помѣщено нѣсколько подробностей о самомъ «Сборникѣ»

«Володимерь Васильевъ сынъ Отласовъ (по сибирскому произношенію вмѣсто Атласовъ), родомъ Устюжанинъ крестьянскій сынъ, отъ скудости прибравъ въ Сибирь съ родственниками своими; въ малыхъ лѣтахъ, и по возрастѣ гулялъ по низовымъ городамъ (Ленскимъ); изъ Якутска съ охотниками ходили на Камчатку, по разнымъ рѣкамъ пребыли нѣсколько время и собрали ясакъ, и съ тѣмъ выѣхали къ Москвѣ. Тамъ пожалованъ онъ въ пятидесятники (по другимъ свѣдѣніямъ изъ пятидесятниковъ казачьимъ головою), и посланъ на службу на Камчатку въ другой рядъ, а съ нимъ послано нѣсколько казачьихъ дѣтей, для разширенія оной камчатской земли (распространенія въ ней завоеваній). И изъ Енисейска (не ясно), идучи дорогою отъ Илимска, по рѣкѣ Ленѣ (по всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ—по Тунгускѣ) разбили гостя Добрынина прикащиковъ и собрали богатства немалое число. Вдолгъ (не ясно) на Камчаткужь (выѣхалъ), по рѣкамъ, и тамо скончался (а не убитъ, какъ свидѣтельствуотъ Крашенинниковъ и другіе)».

Въ томъ же «Сборникѣ» помѣщенъ любопытный разсказъ Атласова о Камчаткѣ и сопредѣльныхъ съ нею странахъ, изъ котораго заимствуемъ только собственно о путешествіи его изъ Якутска до Анадырскаго острога, безъ всякаго измѣненія подлинника, въ надеждѣ, что любители старины этой выпискою не поскучаютъ, а другіе, болѣе требовательные, уважатъ ее потому, что пути сообщенія съ Камчаткою въ тѣ времена избираемы были путешествующими не столько по удобству, сколько по требованію мѣстныхъ обстоятельствъ и возлагаемыхъ на нихъ порученій, слѣдовательно описываемый здѣсь путь имѣетъ нѣкоторое притязаніе на новизну и особую занимательность; наконецъ, что тотъ же самый путь, заимствованный, по видимому, изъ того же источника, переданъ былъ еще Страленбергомъ (3), но не совсѣмъ вѣрно и со многими пропусками. Это замѣчено было уже Миллеромъ (4), хотя также не избѣжавшимъ въ своей статьѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей. Вотъ наша выписка:

---

равно какъ и о содержащихся въ немъ сибирскихъ лѣтописяхъ и другихъ разныхъ матеріалахъ, еще неизданныхъ.

(3) Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia etc Stockholm, 1730 p. 431.

(4) Ежемѣсяч. сочин. и перевод. изд. Спб. Академіи наукъ 1758 г. I, стр. 301 и 302.

«Въ 1701 году Володимеръ Отласовъ, на Москвѣ въ Сибирскомъ приказѣ объявилъ Камчатскаго ясаку немалое число и «сказалъ (а выше написалъ): изъ Якуцка де онъ пришелъ въ «1695 году мѣсяца Августа въ послѣднихъ числахъ въ Анадырское зимовье для сбора ясаку, а съ нимъ служилыхъ людей Якуцкихъ 13 человекъ. Въ началѣ отъ Якуцка переплыли чрезъ рѣку Лену въ лодкахъ, и взявъ конныя подъ всѣхъ («подводы), шли яланными (возвышенными) и луговыми мѣстами до Алдана рѣки, дня съ три переходя верстъ по 30 на день, «и переправились чрезъ Алданъ рѣку повыше устья, за день «противъ рѣки Токулана, а рѣка Алданъ будетъ противъ Москвы рѣки. Подлѣ той рѣки Токулана, по правой сторонѣ вверхъ «шли по каменистымъ мѣстамъ и по грязнымъ поймамъ (не «ясно, у Страленберга по болотамъ) до самой вершины 11 дней, «и тутъ ихъ захватила зима, а Токуланъ рѣка меньше Москвы рѣки (этого бѣтъ вовсе у Страленберга); съ Токулана рѣки «переправлялись на вершину Яны рѣки чрезъ камень одинъ «день, и шли по той рѣкѣ коньмижъ двѣ недѣли до Верхоянскова зимовья. Оттуда на низъ по Янѣ рѣкѣ перешли на Таштакъ рѣку (она же и Догдо). А Яна рѣка шире Москвы рѣки, «Таштакъ же рѣка меньше Москвы рѣки и мелка (этого также «нѣтъ у Страленберга); съ Таштаку перешли на Голядину, а «та Голядина рѣчка пала въ Индигирку рѣку подъ Индигирскимъ острогомъ, и шли до того острога на конѣхъ. А всего отъ «Якуцка до того мѣста холу и съ простоемъ недѣль съ семь; «изъ тогожъ Индигирскаго острога нанизъ шли по Индигиркѣ рѣкѣ на оленяхъ шесть дней, до Уяндинскаго зимовья. А Уяндина рѣка пала въ Индигирку рѣку съ лѣвой стороны. А отъ «Уяндина шли небольшое мѣсто по Индигиркѣ, и перешли «чрезъ хребетъ (Яблонный) до Алазейскаго зимовья въ десятый «день. А изъ того Алазейскаго зимовья на оленяхъ же шли «чрезъ хребетъ до Колымы рѣки, до урочища Ярманги, два дни; «а съ Ярманги шли нанизъ по Колымѣ рѣкѣ десять дней на «нртахъ до Нижнеколымскаго зимовья, а то зимовье близъ самаго устья (рѣки). Отъ Колымскаго зимовья шли вверхъ по «Ануру рѣкѣ и чрезъ хребетъ, до Яблонной рѣки, а по Яблонѣ «внизъ до Анадыри рѣки и по Анадыри внизъ до Анадырскаго «острога четыре недѣли. Въ подводы лошадей и оленей «нали (т. е. нанимали или просто брали) у ясачныхъ иноземцевъ».

Такимъ труднымъ путемъ Атласовъ съ товарищами достигъ Анадырска; но какъ и для чего онъ прежде «по возрастѣ своему гуляя по низовымъ городамъ» остается въ неизвѣстности. О пребываніи же его въ Анадырскѣ и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нѣтъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Достовернѣйшія изъ нихъ сообщены Стеллеромъ, Страленбергомъ и Крашенинниковымъ, посѣтившимъ Камчатку спустя только 22 года по смерти Атласова. Этими послѣдними свѣдѣніями пользовались и издатели XXV тома *Histoire générale des Voyages*, въ *Histoire du Kamtschatka*, которыхъ и мы отчасти будемъ держаться, не теряя впрочемъ изъ вида и другихъ позднѣйшихъ источниковъ, равно какъ и собственныхъ нашихъ соображеній.

Хотя и до прибытія Атласова въ Анадырскъ; во всемъ Западномъ краю носились уже слухи о Камчаткѣ; но онъ первый точнѣе узналъ о существованіи этого полуострова и его жителей, частію отъ сосѣдственныхъ съ Анадырскомъ Коряковъ, а болѣе всего отъ посланнаго имъ нарочно за сборомъ ясака въ 1696 году казака Луки Морозки, съ 15 другихъ казаковъ, прямо на рѣку Опуку, впадающую южнѣ Анадыри въ Восточный океанъ, можно сказать при самой головѣ Камчатки. Отправленіе въ такую даль столь малаго числа людей, тогда какъ многіе изъ ближайшихъ Коряковъ не платили еще никакой дани, вельзя ничѣмъ болѣе объяснить, кромѣ намѣренія Атласова, подъ видомъ сбора ясака разузнать о Камчаткѣ. Доказательствомъ такому предположенію можетъ служить то, что и самъ Атласовъ, по возвращеніи Морозки, лишь успѣлъ окончить пріемъ ясака отъ ближайшихъ Коряковъ, какъ отправился 1697 года вмѣстѣ съ нимъ и уже съ большимъ числомъ людей, именно съ 60 казаками и промышленными и столькими же Юкагирами, прямо на рѣку Камчатку. Въ этомъ походѣ три коряцкіе острожка: Акаинской, Усть-Таловской и Каменной, склонилъ онъ къ платежу ясака одною ласкою и убѣжденіемъ, а четвертый, не поименованный никѣмъ изъ описателей, взялъ силою съ бою. Должно полагать, что этотъ послѣдній острожекъ (5) былъ камчадалскій, и не

---

(5) Острожками назывались, въ то время, вообще жилища ивородцевъ, оттого что по приходѣ Русскихъ въ Камчатку, нѣкоторые укрѣплены были землянымъ валомъ или палисадомъ. Такіе острожки засталъ еще Крашенинниковъ у Коряковъ въ сѣверной части Камчатки (См. Описаніе земли Камчатки. Спб. 1753 Т. II Ч. III, стр. 25).

иной какъ существовавшій при р. Канучъ, которая съ лѣвой стороны впадаетъ въ рѣку Камчатку, потому что при устьѣ этой рѣчки Атласовъ, по примѣру другихъ завоевателей новыхъ земель и острововъ, поставилъ и крестъ съ слѣдующею надписью: «ѣ́ году Іюля 18 дня (т. е. 7205—1697 отъ Р. Х.) поставилъ «сей крестъ пятидесятникъ Володимеръ Атласовъ съ товарищами «нѣ́ человекъ». Самая эта рѣчка на картѣ Крашенинникова названа Крестовою; но въ Атласѣ къ «Собранію путешествій по Россіи» не означено ей никакого имени. Поставленный Атласовымъ крестъ (конечно деревянный) въ бытность въ Камчаткѣ Крашенинникова еще существовалъ (6), нынѣ же осталось развѣ только воспоминаніе о немъ въ имени рѣчки и въ построенномъ тутъ острогѣ (7). Изъ числа товарищей Атласова, показанныхъ въ надписи, недостающихъ пятерыхъ, не въ этомъ ли бою онъ лишился, не имѣя прежде того ни одного сраженія, и не онъ ли послужилъ ему поводомъ къ раздѣленію своей партіи для успѣшнѣйшаго въ томъ дѣйствія, на двѣ части?

Если о такомъ раздѣленіи партіи Атласовъ не упомянулъ въ своемъ донесеніи 1698 года въ Якутскѣ, да и позднѣе въ Сибирскомъ приказѣ уклонился оттого слѣдующими словами: «и въ Анадырскомъ зимовьѣ собралъ онъ Володимеръ служивыхъ и промышленныхъ людей 60 человекъ (но объ Юкагирахъ нѣтъ и помину) и что де онъ Володимеръ съ тѣми людьми учинилъ и куда ходилъ, то-де писано въ Якуцку въ его володимеровой челобитной и въ допросѣ его, который присланъ изъ Якуцка подпискою (въ списокѣ) къ Москвѣ, то можно заключить, что не скрывалъ ли онъ о своемъ распоряженіи изъ опасенія, вмѣсто

(6) Описаніе земли Камчатки Т. I. Ч. II, стр. 17.

(7) Возобновленіе этого креста, для большей прочности отлитаго изъ чугуна, было бы съ одной стороны свидѣтельствомъ признательности къ доблестнымъ заслугамъ Атласова и его дружины въ покореніи Камчатки; съ другой, могло бы послужить къ ознаменованію послѣдующихъ успѣховъ въропроповѣдниковъ въ распространеніи и утверженіи православія между тамошними язычниками, коиѣвшими въ невѣжествѣ и идолопоклонствѣ. Счастливымъ себя почту, если и нынѣ голосъ мой будетъ услышанъ, какъ былъ услышанъ въ 1827 году тогдашнимъ моимъ начальствомъ по Кабинету Его Императорскаго Величества, о сооруженіи памятника Ермаку покорителю Сибири. Обелискъ воздвигнутый 1838 г. въ Тобольскѣ, съ соизволенія въ Божѣ почившаго Государя Николая Павловича, служить тому живымъ свидѣтельствомъ.

ожидаемой награды за свои подвиги, какой либо отвѣтственности за самоуправство и за потерю людей.

И такъ одну половину партіи отрядилъ онъ подъ начальствомъ Морозки къ Восточному океану, съ другою отправился самъ по берегу Охотскаго моря; гдѣ на рѣкѣ Палланѣ, сопровождавшіе партію Юкагиры сдѣлали измѣнническое на нее нападеніе, и изъ числа служившихъ 3 убили, а 15, какъ и самаго Атласова, ранили. Эта измѣна не остановила однакожь задуманнаго Атласовымъ предпріятія: управясь съ Юкагирами и не ожидая отъ нихъ уже болѣе ни помощи, ни нападенія, онъ продолжалъ свой путь къ югу. На рѣкѣ Тагилѣ соединился онъ опять съ партіею Морозки, объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ котораго нѣтъ никакого свѣдѣнія; но можно полагать, что во время этой разлуки, не удалось ли ему побывать и въ Олюторской землѣ; хотя Атласовъ въ своемъ донесеніи приписываетъ то самому себѣ, даже означаетъ время, въ февралѣ 1697 года, по той же, можетъ быть, причинѣ, по какой умалчиваетъ о раздѣленіи своей партіи, что извинительнѣе, если бы онъ принялъ это на себя изъ какого либо хвастовства. Отсюда, соединенная партія продолжала путь, держась неизмѣнно Охотскаго моря, и не встрѣчая уже никакого препятствія ни въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ, ни въ сборѣ ясака. Такъ достигла партія до р. Озерной, крайней изъ текущихъ въ Охотское море съ камчатскаго материка.

По возвратѣ на р. Гольгину, переименованную такъ изъ Ингачи, по безвѣстно потерявшемся на ней казаку Гольгину, рѣшился Атласовъ съ товарищами идти обратно прежнею дорогою въ Якутскъ. Между прочимъ, на р. Ичѣ встрѣтили они у Камчадаловъ въ ясыряхъ (плѣнныхъ) одного Японца, выброшеннаго года за два бурей и съ судномъ, на которомъ онъ плылъ, на берегъ при устьѣ р. Опалы. Атласовъ взялъ его съ собою въ Якутскъ; найденныя же при немъ бумаги доставлены были ему еще прежде отъ Морозки. По переходѣ при р. Ичѣ чрезъ горный хребетъ, простирающійся вдоль всей Камчатки, достигли они р. Камчатки и тамъ, построивъ острогъ, названный Верхнекамчатскимъ, слѣдовали далѣе. Въ этомъ острогѣ оставилъ Атласовъ, въ родѣ гарнизона, 15 изъ своихъ служивыхъ, подъ начальствомъ одного изъ нихъ же избраннаго, гдѣ по словамъ

Черепановской лѣтописи (8): «Прожили они три года безъ всякаго притѣсненія отъ Камчадаловъ, потому что начальникъ отряда выдавалъ себя за купца, и только торговалъ съ ними, не отваживаясь, по малолѣтству своему, на сборъ ясака. Наконецъ, въ 1699 году, не видя себѣ никакой помощи, отправились они въ Анадырскъ, но на пути всѣ побиты Коряками».

Послѣ почти четырехлѣтняго странствованія по Камчаткѣ, Атласовъ возвратился въ Якутскъ чрезъ Анадырскъ, оставя въ послѣднемъ 28 человекъ изъ своихъ товарищей, и вскорѣ отправленъ былъ якутскимъ воеводою Дорофѣемъ Трауернихтомъ въ Москву, съ радостнымъ извѣстіемъ о покореніи Россіи новой Камчатской области, и съ вывезеннымъ оттуда ясакомъ, состоявшимъ изъ 80 черныхъ соболей и одной соболей парки (родъ верхней одежды, носимой Камчадалами), 7 бобровыхъ лоскутьевъ, 4 выдръ, 10 лисицъ сиводущатыхъ и 191 красныхъ, не причисляя къ тому собственныхъ его 10 сороковъ соболей, вымѣненныхъ имъ на товары. Въ Москвѣ пожалованъ Атласовъ за усердную его службу якутскимъ казачьимъ головою, а при отправленіи обратно, по особому указу, назначены подъ его начальство въ Тобольскѣ 30 человекъ изъ казачьихъ дѣтей съ барабанщикомъ и сиповникомъ; сверхъ того въ Москвѣ и частію въ Тобольскѣ велѣно снабдить его небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ. До Иркутска слѣдовалъ онъ обыкновеннымъ тогда воднымъ путемъ: порѣкамъ Иртышу, Оби, Енисею и другимъ. Во время проплытія рѣкою Верхнею Тунгуской случилось слѣдующее происшествіе, рассказываемое Крашенинниковымъ, но кратко, безъ всякихъ подробностей, а потому заимствуе-

---

(8) Черепановская лѣтопись, названная «лѣтописью» составителемъ ея ямщикомъ Ильею Черепановымъ и доведенная имъ отъ начала покоренія Сибири до 1760 года, находится въ библіотекѣ Тобольской семинаріи. Въ принадлежащемъ мнѣ спискѣ, нарочито для меня списанномъ въ Тобольскѣ, занимаетъ она 904 страницы въ листъ. Отчасти пользовавшіеся ею: Карамзинъ называетъ ее «Новою Сибирскою лѣтописью», а Словцовъ «Тобольскимъ Сборникомъ». Въ самомъ же дѣлѣ, это не что иное какъ компиляція изъ другихъ сибирскихъ лѣтописей, старинныхъ книгъ и официальныхъ бумагъ, гдѣ между старинною часто проглядываютъ и свѣжія свѣдѣнія, какъ то о пожарахъ, наводненіяхъ, разныхъ происшествіяхъ, учрежденіяхъ, пріѣздахъ и присылкахъ въ Сибирь различныхъ лицъ и т. д., но все это часто требуетъ поправки.

мое нами изъ Черепановской лѣтописи, которая, по обычаю своему, болѣе чѣмъ другіе повѣствователи и объ этомъ разглагольствуетъ: «Атласовъ, сказано въ ней, по духу храбрости своей, оказанной надъ Камчадалами, который не давалъ ему покоя, сдѣлалъ на Тунгускѣ нападеніе на купеческое судно (на досчаникъ съ китайскими товарами, по Крашенинникову) гостя Логина Добрынина и вмѣсто размѣна товаровъ, какъ дѣлывалъ въ Камчаткѣ, взялъ ихъ силою, пощадивъ только людей, ради единоземной съ нимъ русской природы. По жалобѣ въ Якутскѣ, бывшаго на томъ суднѣ купческаго прикащика, Атласовъ съ 10 главными участниками преданъ былъ суду и посаженъ въ тюрьму, находясь подъ слѣдствіемъ лѣтъ съ шесть».

Въ 1706 году, по освобожденіи изъ подъ стражи, Атласовъ отправленъ былъ опять въ Камчатку прикащикомъ, съ назначенными ему Сибирскимъ приказомъ правами, и вмѣсто какого либо взысканія, подтверждено только ему, чтобы вину свою старался загладить усердною службой: чрезъ открытіе новыхъ земель и приведеніе ихъ жителей въ подданство, избѣгая противъ нихъ всякой строгости, когда можно достигнуть того и одною лаской; въ противномъ же случаѣ дозволялась даже ему смертная казнь; а въ отношеніи къ служивымъ, данное ему право ограничивалось только тѣлеснымъ наказаніемъ виновныхъ, по мѣрѣ ихъ проступковъ. «При такомъ полномочіи, пишетъ Крашенинниковъ, Атласовъ снабженъ былъ не малымъ числомъ служивыхъ, также военными припасами, между которыми находились и двѣ небольшія мѣдныя пушки». Но Черепановская лѣтопись все эти пособія ему возводитъ до очень крупныхъ цифръ. Тамъ сказано: «по изслѣдованіи продерзкаго дѣла Атласова надъ купцами, дозволено ему по государевой граматѣ и особому наказу, набрать въ Якутскѣ 100 человекъ охотниковъ, а буде годныхъ въ военную службу охотниковъ не явится, брать изъ неволн изъ разныхъ чиновъ, да къ тѣмъ въ добавокъ набрать въ городахъ изъ казачьихъ дѣтей: въ Тобольскѣ 30, Енисейскѣ 20, изъ братскихъ (Бурятъ) 10 и изъ Илимскаго 10 человекъ. Съ тою командою велѣно Атласову ѣхать въ камчатскіе остроги и тамъ стараться о приводѣ въ подданство непокорныхъ народовъ; а къ подъему похода дать тѣмъ казакамъ жалованья и хлѣбнаго на два года; да имъ же дать изъ казны по одному ружью, четыре пушки полевья, пороху 10 пудъ, свинцу тоже количество. Денежной казны на

раздачу жалованья послано съ Москвы 2000 рублей и изъ Якутска изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ назначено 3000 рублей».

Хотя и нельзя полагать, чтобы Атласовъ, по измѣнившимся собственнымъ его обстоятельствамъ, и по прошествіи немалого уже времени, могъ получить все здѣсь исчисленное вполнѣ; но еслибы досталась на его долю и половина, то и она, вмѣстѣ съ данными ему при этомъ походѣ огромными правами, не могла не вскружить его буйную голову. Такъ и случилось. «Вскорѣ, пишетъ Крашенинниковъ, Атласовъ возвратился на прежнее, и не доѣхавъ еще до Анадырска, безвинными побоями и другими предосудительными поступками, привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что они почти всѣ послали на него въ Якутскъ челобитныя (10)». Но не должно забывать, что и сами эти служивые, на вербованные большею частию волею и неволею изъ разныхъ мѣстъ и сословій, непослушаніемъ и буйствомъ (которыхъ вполнѣ увидимъ многіе примѣры), могли подать ему поводъ воспользоваться даннымъ правомъ наказанія, названнаго ими, не по незнанію военнаго порядка, а умышленно, побоями. Не смотря на эту встрѣтившуюся непріятность, Атласовъ въ іюль 1707 г. благополучно прибылъ въ Камчатку, и тогда же принялъ отъ прежнихъ прикащиковъ въ свое управленіе Верхній и Нижній Камчатскіе остроги.

Но въ Камчаткѣ ожидали его новыя бѣды: съ одной стороны возстаніе Камчадаловъ и Коряковъ противъ Русскихъ; съ другой, еще болѣе усилившіяся буйство и непокорность служивыхъ, какъ прибывшихъ съ Атласовымъ, такъ и остававшихся тамъ. Прежде всего онъ озаботился первыми, отправя въ слѣдующемъ же августѣ партію казаковъ на Бобровое море (11) (по Черепановской лѣтописи подъ своимъ начальствомъ, но это сомнительно), для усмиренія взбунтовавшихся *иноземцевъ*, которые убили 70 служивыхъ, бывшихъ у нихъ за сборомъ ясака. Но одолѣть ихъ было нелегко, потому что иноземцевъ собралось до

(9) Тамъ же Т. II. Ч. IV, стр. 198.

(10) Тамъ же стр. 198 и 199.

(11) Бобровымъ моремъ называли въ то время заливъ Восточнаго океана между Криницкимъ и Шипунскимъ носомъ, на сѣверъ отъ возникшей послѣ, нынѣ ураздвенной, Петропавловской гавани.

3,000 человекъ и они, зная малочисленность служивыхъ, сговорились не бить ихъ, а перевязать приготовленнымъ каждымъ ремнемъ. Между тѣмъ служивые, при первой встрѣчѣ въ бой съ ними не вступали, а рѣшились на другой день отойти къ Авачинской губѣ, гдѣ стояли лодки и байдары этихъ измѣнниковъ, которые, скрывшись въ лѣсу и сдѣлавъ внезапное нападеніе на служивыхъ, долго съ ними бились, пока часть этихъ измѣнниковъ не была положена на мѣстѣ, а прочіе не разбѣжались. Причемъ убито и служивыхъ 6 человекъ, да нѣсколько ранено. Въ плѣнъ они успѣли взять только трехъ Камчадаловъ, но довольно значительныхъ, за (освобожденіе) которыхъ получили отъ товарищей ихъ 10 соболей, 4 лисицы и 19 бобровъ. Послѣ того послана была Атласовымъ (по свидѣтельству той же лѣтописи Черепановской, изъ которой все это заимствовано) другая партія на Большую рѣку и Бобровую, противъ Камчадаловъ, которые до прибытія еще его успѣли, подъ начальствомъ какого-то князька Канача, убить на Большой-рѣкѣ ясачнаго сборщика съ 19 казаками и раззорить зимовье; но Атласовъ увѣдомленіемъ напередъ о своемъ противъ нихъ походѣ (можетъ-быть съ уговоромъ къ добровольному повиновенію) сдѣлавъ не малую ошибку, и далъ имъ случай благовременно, оставя свои жилища, собраться въ такомъ мѣстѣ, откуда удобнѣе было нападеніе на казаковъ, чѣмъ они и воспользовались: убили трехъ человекъ, а многихъ ранили, заставя ихъ возвратиться, хотя сами въ свою очередь были отбиты и прогнаны.

Независть къ Атласову его товарищей не удовлетворялась посланными отъ нихъ изъ Анадырска въ Якутскъ жалобами; но въ декабрѣ того же года, сверхъ донесенія въ Якутскъ о законопротивныхъ дѣйствіяхъ его и ненасытномъ корыстолюбіи, они сами, лишивъ его начальства надъ собою, посадили подъ стражу (изъ подъ которой впрочемъ онъ бѣжалъ въ Нижнекамчатскъ съ намѣреніемъ опять начальствовать, но въ томъ не успѣлъ и жилъ тамъ праздно), обобравъ (подъ видомъ, что въ казну) всѣ его пожитки, состоявшіе изъ собольихъ и лисьихъ мѣховъ, 1235 соболей, 400 красныхъ лисицъ, 14 сиводушекъ и 75 морскихъ бобровъ. Если обвиненія, взводимыя ими на Атласова, отчасти были и справедливы, хотя, почти современникъ его Крашенинниковъ, большую часть приписываетъ злобѣ ихъ на Атласова, считая между прочимъ невѣроятнымъ, чтобы Атласовъ, какъ писали они, хотѣлъ возбудить иноземцевъ къ бунту, «вѣдая, что

по убійствѣ казаковъ и самому отъ смерти не избавиться(12)». Самоуправство казаковъ и служивыхъ въ отношеніи къ нему не можетъ быть ни чѣмъ оправдано.

Якутская воеводская канцелярія, получивъ первыя жалобы служивыхъ на Атласова, посланныя ими съ дороги, предугадывала уже, что по прибытіи въ Камчатку произойдутъ между ними еще бѣльшія несогласія; но ограничилась только донесеніемъ о томъ въ Москву и отправленіемъ вмѣсто Атласова прикащикомъ въ Камчатку сына боярскаго Петра Чирикова, придавъ ему пятидесятника, десятниковъ 4 и рядовыхъ 50 человекъ, также снабдивъ двумя мѣдными пушками, 100 ядрами, 5 пудами свинцу и 8 пудами пушечнаго пороху. По доносу же изъ Камчатки, предписано Чирикову произвести слѣдствіе, къ которому не успѣлъ еще онъ и приступить, какъ въ 1709 году присланъ на смѣну его изъ Якутска пятидесятникъ Осипъ Мироновъ съ 40 человекъ служивыхъ. Нерѣшительность и полумѣры со стороны воеводской канцелярія, не только не отвратили возникшаго между буйными служивыми мятежа (не должно забывать отдаленности мѣстъ и неудобства сообщеній, препятствовавшихъ болѣе правильнымъ и своевременнымъ дѣйствіямъ); но усилили до того, что они опозорили себя самыми злодѣйскими поступками. Сначала, 23 января 1711 года, зарѣзали они Миронова, слѣдовавшаго вмѣстѣ съ Чириковымъ въ Верхне-Камчатскій острогъ, для разныхъ по службѣ распоряженій, оставя на этотъ разъ жизнь Чирикову, чтобы, по просьбѣ его, дать ему время къ покаянію. Наконецъ, кровавая очередь дошла и до Атласова. Мятежники для исполненія надъ нимъ своего умысла, отправились въ числѣ 31 человекъ въ Нижне-Камчатскій острогъ, гдѣ онъ еще оставался по уходѣ своемъ изъ подъ стражи. Въ полверстѣ отъ острога остановились они въ скрытомъ мѣстѣ, и отрядивъ троихъ своихъ товарищей, съ ложно составленнымъ письмомъ къ Атласову, которое посланные обязаны были подать ему лично, и когда будетъ читать, въ то время убить его; но они, нашедъ Атласова спящимъ, зарѣзали его, не прибѣгая къ этой предѣлкѣ (13). Какъ ни правдоподобно и ни нарядно опи-

(12) Тамъ же стр. 202.

(13) Спустя много лѣтъ, подобная предѣлка употреблена была и противъ Коцебу, убійцею его фанатикомъ Зандомъ.

сана Крашенинниковымъ смерть Атласова; но 1) если дѣйствительно Атласовъ былъ убитъ мятежниками, то почему они не упомянули объ этомъ въ своей повинной, зная, что онъ былъ одною изъ главныхъ жертвъ ихъ безурядицы? 2) Почему о самомъ днѣ смерти Атласова не проронилъ никто ни слова? Наконецъ 3) почему приведенный нами въ началѣ этой статьи «Сборникъ» говоритъ объ Атласовѣ только: «и тамъ (т. е. въ Камчаткѣ) скончася» (14) а не убитъ товарищами, о чемъ не могло быть неизвѣстно, и не было надобности скрывать. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Атласовъ сблизается съ Ермакомъ, о которомъ большинство говоритъ, что утонулъ въ Вагѣ, а меньшинство, что убитъ въ неравномъ бою съ врагами.

По совершеніи всѣхъ описанныхъ злодѣйствъ, мятежники выступили, подъ главнымъ руководствомъ какого-то Данилы Анцыфорова (вскорѣ поплатившагося за то своею жизнію) и Ивана Козыревскаго (польской природы, въ монашествѣ Игнатія, впоследствии подвизавшагося не безъ пользы), всѣ въ Нижне-Камчатскій острогъ. Тамъ занялись они дѣлежомъ имущества убитыхъ прикащиковъ; заводили, такъ называемые, казачьи круги; подняли знамя, стараясь завлечь въ свою партію и неучаствовавшихъ еще въ ней, такъ-что всѣхъ ихъ возрасло до 75 человекъ; Анцыфорова наименовали казачьимъ атаманомъ, а Козыревскаго ясауломъ, другихъ назвали ясаулами же или десятниками (не пятидесятниками ли?); напоследокъ, ограбили остальные пожитки Атласова, съѣстные припасы, принадлежавшіе разнымъ служивымъ, равно паруса и снасти, заготовленные Мироновымъ, для отправленія Пенженскимъ моремъ въ Якутскъ. Однимъ словомъ производили всякія наглости и неистовства, какія только можетъ породить необузданная волюность и безначаліе. Оттуда мятежники, пресыщенные, такъ сказать, своими злодѣянiami, перебрались въ Верхне-Камчатскій острогъ, лежащій въ 400 верстахъ, гдѣ первымъ дѣломъ было покончить съ пощаженнымъ прежде прикащикомъ Чириковымъ. Они, 20 марта 1711 года, заковавъ его въ желѣза, бросили въ воду. Это была послѣдняя, какъ бы очистительная, жертва.

Послѣ того мятежники рѣшились принести повинную въ своихъ преступленіяхъ, посланную ими въ Якутскъ 17 апрѣля, въ

(14) Тамъ же стр. 206.

которой, не упоминая вовсе объ Атласовѣ, оправдывались только въ убійствѣ Миронова и Чирикова, главнѣйше тѣмъ, что эти прикащики были лихонмцы, обсчитывавшіе служивыхъ въ слѣдовавшихъ имъ выдачахъ, и они не надѣялись, чтобы жалобы на нихъ могли, за дальнимъ разстояніемъ, доходить въ Якутскъ, а довѣренныя отъ нихъ пропускаемы были туда прикащиками. Но все это не что иное, какъ чистая ложь! Во первыхъ, и они не были чужды ни лихонмства, ни грабительства, какъ многократно на самомъ дѣлѣ доказали; во вторыхъ, если прежнія ихъ жалобы на Атласова свободно достигли въ Якутскъ, то почему не дойти было и нынѣшнимъ? Въ третьихъ, можно ли повѣрить, чтобы казакъ или кто другой изъ ихъ партіи, свыкшійся съ камчатскими дѣбрями, не могъ пройти куда ему надобно, ни кѣмъ незамѣченный? Что же могло побудить мятежниковъ къ столь наглымъ и безумнымъ ихъ поступкамъ? Прежде всего отдаленность и неприступность въ тѣ времена Камчатки; потомъ буйство и самонадѣянность ихъ, какъ состоявшихъ, кромѣ казаковъ, болѣею частию изъ отчаянныхъ искателей приключеній, даже, можетъ-быть, изъ преступниковъ, укрывавшихся отъ заслуженнаго наказанія; ненависть къ прикащикамъ, безъ сомнѣнія, старавшимся, по обязанности своей, удерживать это отребіе сего міра (15) въ предѣлахъ повиновенія и порядка; наконецъ надежда, что по примѣру Атласова не дозволятъ ли имъ загладить своей вины услугами, въ возвращеніи отпавшихъ иноземцевъ къ ихъ долгу и пріобрѣтеніемъ новыхъ плательщиковъ ясака.

Съ этимъ-то, вѣроятно, намѣреніемъ служивые, при угасшемъ уже въ нихъ бѣшенствѣ, выступили тою же весной на Большую рѣку, для усмиренія возмущившихся Камчадаловъ. Разумная и болѣе скромная ихъ цѣль оказывается уже изъ того, что они пригласили съ собою въ этотъ походъ и престарѣлаго архимандрита Мартіана, присланнаго еще въ 1705 году изъ Тобольска въ Камчатку ревнителемъ православія митрополитомъ Филоеемъ, для проповѣди слова Божія тамошнимъ язычникамъ. По прибытіи на мѣсто и занятіи одного камчадалскаго острожка, Мартіанъ напутствовалъ служивыхъ молебнымъ пѣніемъ къ бою, съ осадившими острожекъ Камчадалами и приплывшими вмѣстѣ съ ними по Большой рѣкѣ Курильцами; тѣхъ и другихъ скопи-

(15) Якоже отребіи міра быхомъ. 1 Коринѣ. 4. 13.

лось такое множество, что они угрожали засѣвшихъ въ острожкѣ Русскихъ, закидать своими шапками, не прибѣгая ни къ какому оружію. Несмотря на множество непріятелей и ихъ хвастовство, служивые вышли противъ нихъ изъ острожка только въ половинномъ числѣ и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ, удачно рѣшили бой копьями. Сраженіе продолжалось до самаго вечера, и сколько убито было непріятелей, не меньше того потонуло въ Большой рѣкѣ, такъ-что трупами ихъ рѣка была запружена, а изъ Русскихъ убито только три человѣка да нѣсколько ранено (16). Но въ этомъ извѣстїи, по всей вѣроятности зашедшемъ изъ народной молвы, не обошлось въ первомъ случаѣ безъ преувеличенія, а въ другомъ безъ уменьшенія числа убитыхъ (17), потому-что Большая рѣка, какъ доказываетъ и самое ея имя, такова, что едва ли бы можно было ее запрудить и всѣми трупами Персовъ, потраченныхъ Даріемъ въ безуспѣшномъ походѣ на Скивовъ—изъ осьми сотъ тысячъ воиновъ его арміи, и что если бы потеря въ людяхъ была столько маловажна, какъ мятежники показали, то не отступились бы они отъ принятаго ими намѣренія и, можетъ быть, достигли бы своей цѣли. Впрочемъ и то, что они успѣли теперь сдѣлать, было не безъ пользы. Вслѣдствіе одержанной ими послѣдней побѣды, покорились добровольно и всѣ прочіе болшерѣцкіе острожки и открытъ свободный путь на Курильскіе острова, изъ которыхъ первый даже успѣли они склонить къ платежу ясака, хотя все это и не послужило къ забвенію ихъ тяжкихъ преступленій. По указу, посланному изъ Якутска въ 1711 году (вѣроятно прежде полученія извѣстїя объ этихъ событіяхъ) и полученному въ Нижнекамчатскѣ 10 сентября 1712 году, двое изъ убійцъ прикащиковъ были казнены, а изъ прочихъ участниковъ въ мятежѣ, нѣкоторымъ поставлены клейма, большая же часть оштрафованы, по мѣрѣ ихъ виновности.

#### Г. СПАСЕВІЙ.

(16) Крашенинниковъ, тамъ же стр. 208.

(17) Это мнѣніе разделяетъ и французскій описатель Камчатки, восклицая: «C'est le style de ces vainqueurs barbares» (Hist. de Camtschatka, p. 74). Конечно онъ не могъ еще читать бюлетеней знаменитѣйшаго изъ полководцевъ нашего времени, обратившихся даже въ поговорку о ихъ лживости, между самыми его обожателями; но тотъ былъ бы почтенъ варваромъ, кто присвоилъ бы ему эпитетъ *побѣдителя варвара*, какимъ честить авторъ русскихъ казаковъ.

## НѢКОТОРЫЯ УКАЗАНІЯ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КИТАЮ.

---

Совершилось міровое событіе, котораго давно ожидали и которое не преминетъ оказать важныя послѣдствія также для науки землѣвѣдѣнія. Древнѣйшее и многочислѣннѣйшее государство въ свѣтѣ, считающее свое образованіе не вѣками, а тысячелѣтіями, доселѣ открытое только малому числу избранныхъ, благодаря соединеннымъ успіямъ образованнѣйшихъ державъ, нынѣ стѣлалось доступнымъ всѣмъ и каждому. Если уже само по себѣ знакомство съ страной, обитаемою болѣе нежели третью всего населенія земнаго шара, представляетъ не мало занимательности, то интересъ этотъ еще гораздо болѣе возвышается, когда примемъ въ соображеніе, что эта страна по всему своему быту представляетъ какъ бы особый міръ, что она съ самаго начала своего существованія и до сихъ поръ развивалась при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ всѣ прочія страны земли, что она была колыбелью нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ открытій ума человѣческаго и что въ ней нѣкоторыя изъ полезнѣйшихъ ремеселъ и искусствъ,—мы напомнимъ здѣсь одно только земледѣіе,—были доведены до высшей степени разработки: сколько здѣсь на каждомъ шагу должно представиться предметовъ замѣчательныхъ для географа, этнографа, естествовѣдца, политика и для всякаго образованнаго человѣка вообще! Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ просвѣщенные народы на перерывѣ устремятся на это новое поле изслѣдованія, оставившееся имъ столько времени закрытымъ. Но

если одни будутъ изслѣдывать его преимущественно въ видахъ торговли, другіе главнѣйше въ пользахъ науки или искусствъ, или какихъ либо специальныхъ цѣлей, то для Россіи ближайшее знакомство съ этимъ оригинальнымъ міромъ имѣетъ еще гораздо болѣе важности, потому что она состоитъ съ нимъ въ непосредственномъ соприкосновеніи и для нея особенно необходимо слѣдить внимательнымъ окомъ также за тѣми переменами, которыя неизбѣжно должны произойти во всемъ бытѣ Китая отъ тѣснѣйшихъ его сношеній съ Западомъ.

Какъ по этимъ причинамъ путешествія, а можетъ быть и цѣлыя экспедиціи въ Китай, со стороны Россіи, становятся настоятельною потребностью, то для тѣхъ, кто посягнетъ на такое предпріятіе, не излишне будетъ, предварительно ознакомиться съ образомъ путешествія по тамошнему краю и мы, въ пользу такихъ лицъ, помѣщаемъ здѣсь намеки и наставленія, сообщенныя на этотъ счетъ однимъ изъ тѣхъ англійскихъ путешественниковъ, которые немедленно по заключеніи нанкинскаго трактата отважились проникнуть изъ Шанхая во внутрь страны (\*), съ соблюденіемъ всѣхъ осторожностей, неизлшнихъ даже и по нынѣ въ государствѣ, столько непривычномъ видѣтъ въ своей средѣ иностранца. Правда, иные Европейцы предпочитали, и даже прямо совѣтуютъ, идти на перекоръ обычаямъ церемоннаго Небснаго царства и странствовали тамъ или запросто по европейски, какъ напр. Форчунъ, или даже въ нарядѣ, присвоенномъ тамъ собственно только принцамъ крови, какъ то Гюкъ и Габе (\*\*); но такіе примѣры покажутъ останутся одни-

---

(\*) A glance at the interior of China: obtained during a journey through the Silk and green sea districts, taken in 1845. Одаренный большою наблюдательностію, авторъ этой книги, напечатанной въ самомъ Китаѣ, хотя и не назвалъ себя, но какъ видно, миссіонеръ.

(\*\*) Эти два французскіе миссіонера, желая придать себѣ болѣе важности, передъ начатіемъ своего путешествія изъ Та-цзен-лу, заказали себѣ у искуснаго портнаго платье лазуреваго цвѣта по повѣйшей пекинской модѣ, обулись въ сапоги изъ чернаго атласа съ высокими бѣлыми подошвами, опоясались широкимъ краснымъ кушакомъ и покрыли себѣ обритую голову желтою богато-вытканною шапкою, съ верхушки которой опускались длинныя кисточки изъ краснаго шелку. Этотъ нарядъ, а особенно двѣ послѣднія его статьи, красный кушакъ и желтая шапка, присвоенныя только членамъ императорской фамиліи, возбудили всеобщій ропотъ народа и мѣстное начальство требовало, чтобы миссіонеры немедленно измѣнили его и одѣлись сообразно съ обычаями страны, по Гюкъ и Габе, ссы-

ми исключеніями и, отпуюдь не одобряя съ своей стороны путешествія подь чужою личиною, мы все же полагаемъ, что пока путешествующіе не будутъ снабжаемы со стороны китайскаго правительства особымъ видомъ, поставляющимъ ихъ подь особое покровительство мѣстныхъ властей въ Китаѣ, такъ какъ и на всемъ Востокѣ вообще путешественники вѣроятно еще долго будутъ считать для себя болѣе безопаснымъ, слагать съ себя, сколько можно, европейскую оболочку и являться между чуждымъ и отчасти непріязненнымъ имъ населеніемъ въ китайскомъ нарядѣ. Для Русскихъ это всего легче, потому что національная ихъ одежда отчасти, напр. относительно кафтана, сходствуетъ съ китайскою.

Такъ и тотъ источникъ, которымъ мы здѣсь руководствуемся, совѣтуетъ прежде всего тѣмъ, кто намѣренъ посѣтить внутренность Китая, подвергнуться подобному превращенію, а именно облечься въ китайскій костюмъ и, обривъ себѣ переднюю часть головы и виски, носить косу, освоиться съ китайскимъ языкомъ и по возможности сообразоваться съ нравами и обычаями туземцевъ.

Наставленія его касаются слѣдующихъ статей: 1) одежды во время путешествія, 2) пищи Китайцевъ и образа ѣды, 3) китайскихъ гостиниць, 4) образа путешествія, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, и 5) выбора вожагаго.

### 1) Одежда въ путешествіи:

Одежда Китайцевъ очень разнится, смотря по времени года и по обстоятельствамъ недѣлимаго. Въ лѣтніе мѣсяцы она легка и воздушна; но зимою усложняется и подбивается ватою (или мѣхомъ), сколько окажется потребнымъ для противодѣйствія стужѣ. Богатые носятъ болѣе тонкія и изящныя платья, между тѣмъ какъ бѣдные принуждены довольствоваться болѣе грубымъ нарядомъ. Извѣстно, что всѣ статьи китайской одежды просторны и хотя широкіе рукава иногда бывають помѣхою, а длинныя платья, обвиваясь около ногъ, по временамъ препятствуютъ бы-

---

лаясь на то, что они иностранцы, настояли на своемъ и мандарины наконецъ согласились дозволить имъ путешествовать въ этомъ костюмѣ.

строй хольбѣ, однако вообще нарядъ Китайца довольно удобенъ и въ иныхъ отношеніяхъ даже пріятнѣе для носки, чѣмъ европейскій.

Первое, что надѣвается китайскій джентльменъ, это *хан-сань* и *хан-к'ху*, соответствующіе нашей рубашкѣ и исподницѣ. Первая застегивается около шеи пуговицею; отсюда правая пола спускается прямо внизъ (\*), тогда какъ лѣвая заворачивается и застегивается подъ правую пазухою, а оттуда внизъ вдоль праваго бока. Исподница очень просторна и идетъ отъ талии до самыхъ лодыжекъ: она безъ пуговиць, а укрѣпляется около талии кушакомъ, сдѣланнымъ изъ узкой полосы сукна, вдвое сложеннаго и подрубленнаго во всю его длину. Эти двѣ статьи китайской одежды, т. е. сорочка и исподница обыкновенно приготовлены изъ туземной матеріи, по большей части бѣлаго или свѣтло-желтаго цвѣта; у бѣдныхъ же людей темно-синяго или чернаго. Иные съ недавней поры замѣняютъ туземную матерію европейскимъ каленкоромъ, потому что онъ бѣлѣе и нѣжнѣе; но вообще Китайцы предпочитаютъ своего издѣлья ткани по причинѣ большей ихъ прочности. Иностранецъ, принимающій китайскій нарядъ, всего лучше употребитъ на это китайку, хотя и нѣсколько непріятную для носки на самомъ тѣлѣ, однако за то менѣе возбуждающую собою вниманіе.

Непосредственно поверхъ этой исподней одежды Китайцы, въ случаѣ холода, носятъ подбитую ватою душегрѣйку (*меечъ гау*), обыкновенно изъ грубаго шелка, родъ кафтанчика съ длинными рукавами, застегиваемаго вокругъ шеи и вдоль праваго бока, такимъ же образомъ, какъ и сорочка; по эта статья одежды покидается въ теплую погоду. Поверхъ душегрѣйки надѣвается *п'хэй* (*р'хэй*), родъ кафтана или почти халата, застегиваемаго такъ же, какъ и двѣ предыдущія статьи, но простирающагося отъ шеи до лодыжекъ. Эта одежда просторна и очень мѣшала бы во время работы или хольбы, если бы не была подпоясываема около талии газовымъ или шелковымъ кушакомъ, концы котораго спускаются внизъ или запрятываются, смотря по тому, желаетъ ли носящій его щеголять своимъ нарядомъ или нѣтъ. Скромный путешественникъ конечно будетъ избѣгать всякаго лишняго

---

(\*) Верхній уголъ правой голы, застегиваемый на груди, обшиваются чернымъ рисомъ. См. Тимковскій томъ III, стр. 300.

щегольства и авторъ подлежащаго описанія, слѣдуя совѣтамъ своего вожатаго, одного обращеннаго въ христіанство Китайца, заложилъ концы своего кушака за пазуху. Этотъ верхній кафтанъ обыкновенно дѣлается изъ ше-чунскаго шолка, грубой, но крѣпкой, ткани, съ подкладкою изъ бѣлой саржи, а съ наступленіемъ стужи подбивается ватою. Въ знойное время лѣта двойная шелковая одежда замѣняется одною только изъ легкаго крепа или газа, а въ сильные морозы одеждою изъ сукна, подбитаго мѣхомъ. Какой бы матеріи ни была эта одежда, она всегда снабжена петельками и пуговками, такъ что носящій ее можетъ застегивать заднюю ея полу, для предохраненія ея отъ грязи въ дурную погоду. Задняя часть кафтана, такимъ образомъ застегнутая, имѣетъ весьма странный видъ, являясь какъ бы занавѣскою, вздернутою для того, чтобы показать пяты носящаго. Сверхъ этого кафтана слѣдуетъ воротникъ, обыкновенно изъ глубаго шелка или бархата, плотно обхватывающій шею и пришиваемый къ роду галстука съ четырьмя концами, изъ которыхъ два опускаются спереди, а два сзади. Концы застегиваются подъ пазухами, а галстухъ спереди и такимъ образомъ эта статья одежды удерживается на своемъ мѣстѣ; но видъ такого четыреххвостаго галстука или напечника, если верхній кафтанъ снятъ, очень страненъ и смѣшенъ для иностранца. Поверхъ кафтана, галстука и пр. надѣвается еще ма-ква или виѣшній камзолъ. Онъ снабженъ широкими, но короткими, рукавами, достигающими нѣсколько ниже локтя, между тѣмъ какъ самый камзолъ простирается только до талии. Этотъ камзолъ застегивается спереди рядомъ пуговокъ и плотно окружаетъ шею, подъ воротникомъ, но поверхъ галстука, такимъ образомъ, что воротникъ перегибается на него около шеи. Этимъ довершена верхняя часть гардероба китайскаго джентельмена. Виѣшній камзолъ иногда, въ холодную погоду, бываетъ суконный и на мѣху, но лѣтомъ онъ употребляется изъ камлота или шелку. Иногда же онъ замѣняется другимъ, болѣе длиннымъ, но такого же покроя, именуемымъ вае-т'гау или виѣшнимъ платьемъ. Но этотъ камзолъ носятъ только въ полную форму или почетныя лица.

Опускаясь къ нижней части тѣла, мы находимъ китайскія ноги заключенными въ крѣпкіе чулки, дѣлаемые изъ желтой китайки (paukin cloth) и сшиваемые вмѣстѣ по известному образцу съ двойными или тройными складками около подошвы

ноги. Эти складки пролизаны въ разныхъ направлѣнiяхъ для того, чтобы шнiжная часть чулка была крѣпче и прочнѣе. Но кромѣ того весь чулокъ на подкладкѣ, а зимою подбивается ватою, такъ что можетъ стоять прямо и крѣпко, какъ ботфорты. Китайскiе чулки вообще имѣютъ ту особенность, что они вездѣ равнаго объема, а не приваровлены къ формѣ ноги, отчего ноги Китайца являются въ нихъ въ видѣ бревенъ. Надѣвъ чулки, Китайцы стягиваютъ ихъ поверхъ исподницы и завязываютъ пониже колѣна зеленою, желтою или голубою подвязкою. А какъ шаравары очень просторны около колѣна и вдругъ суживаются у верхняго конца чулковъ, то ноги вверху кажутся вчетверо толще, чѣмъ внизу. Иногда, чтобы пособить этой смѣшной наружности, Китайцы носятъ поверхъ чулковъ и портковъ до самой тѣли родъ тѣсныхъ камашей изъ шелку разнаго цвѣта, но безъ зада; однако и это, хотя довольно сносно спереди, но съ другой стороны являетъ видъ, какъ будто задъ шараваровъ оторванъ.

Обувь Китайца—башмаки, дѣлаемые изъ сукна или атласу съ подошвами, состоящими изъ вѣсколькихъ складокъ сукна, подбитыхъ внизу кожей. Все это сшивается вмѣстѣ посредствомъ швовъ, проходящихъ чрезъ всю массу и выступающихъ рядами на низу башмака. Отъ продолжительной ходьбы концы этихъ швовъ изнашиваются и тогда, того и смотри, что вся подошва отвалится; но обыкновенно разные ея слои отъ носки такъ сплочиваются вмѣстѣ, что удерживаютъ свою связь, не смотря на то, что швы изнасились. Это однако представляетъ то неудобство, что если обутый въ такiе башмаки ступить на влажный грунтъ, то сырость, въ слѣдствiе волосянаго притяженiя, пробивается чрезъ подошву, такъ что чулокъ и нога скоро мокнуть и носящiй эту обувь подвергается опасности простудиться. Однажды промокнувъ, такiе суконные башмаки нескоро высыхаютъ и если не имѣется другой ихъ пары въ запасъ, то придется ходить съ мокрыми ногами во все продолженiе сырой погоды. По этой—то причинѣ Китайцы запасаются родомъ кожаныхъ башмаковъ, съ желѣзными гвоздями въ  $\frac{1}{2}$  дюйма длины и въ 1 дюймъ поперечникомъ при основанiи. Эти страшные чеботы производятъ на каменной мостовой большой стукъ и въ дождливый день носящiй ихъ легко можетъ поскользнуться; но на мягкомъ известковомъ грунтѣ, а особенно при восхожденiи на горы, онѣ очень умѣстны

тѣмъ, что дозволяютъ ступать твердою ногою, чего безъ нихъ было бы невозможно. Впрочемъ они не защищаютъ отъ сырости, потому что какъ кожа скважиста, то стоить только ступить въ лужу съ дюймъ глубиною и вода тотчасъ втягивается въ башмаки до самаго ихъ верху, а оттуда проникаетъ и далѣе. Сверхъ того эта обувь очень тверда и неуклюжа, такъ что довольно проходить въ ней одинъ день, чтобы сдѣлаться совсѣмъ хромымъ. Вообще для человѣка непривычнаго всѣ китайскіе башмаки крайне неудобны, потому что не только подошва ихъ очень толста, но они сверхъ того впереди выше и загнуты вверхъ, и можно легко упасть въ нихъ. Это согласно съ общимъ правиломъ Китайцевъ дѣлать все наперекоръ тому, какъ оно водится у другихъ народовъ: у насъ пятка башмака выше, а передъ ниже, у нихъ же наоборотъ. Поэтому для путешественника лучше всего запастись парю башмаковъ съ совершенно равною подошвою и довольно просторныхъ для свободнаго въ нихъ движенія. Если же кто намѣренъ носить туземную обувь, то долженъ напередъ надѣть ее съ китайскими чулками, которые гораздо толще нашихъ и наполняютъ собою башмаки болѣе, нежели ожидаешь.

Китайцы почти всегда ходятъ съ покрытою головою и дома и на улицѣ: вообще безъ головного покрытія они считаютъ себя какъ бы не вполне одѣтыми, такъ же какъ и безъ обуви. Это благоприятно для того, кто временно принимаетъ на себя китайскій нарядъ, потому что онъ можетъ такимъ образомъ скрыть цвѣтъ своихъ волосъ и искусственную придѣлку косы. Шляпы, носимыя Китайцами, различны, смотря по обстоятельствамъ недѣльнаго и по свойству погоды. Почетныя лица обыкновенно носятъ круглую шляпу съ широкими полями, кругомъ приподнятыми вверхъ, но нѣсколько болѣе выдающимися спереди, чѣмъ сзади. Эта шляпа дѣлается или изъ тонкаго сукна, или изъ атласу, сколоченныхъ на папкѣ, и подбивается краснымъ сукномъ; на верху же ея придѣлывается кисть изъ сученаго шелка; правительственныя же и ученые лица носятъ на шляпѣ пуговицу или наставку, изъ мѣди, хрусталя или лазурика, смотря по чину недѣльнаго. Изъ подъ этой пуговицы виситъ пучекъ красныхъ шелковыхъ нитей или крашенныхъ волосъ, которые, распускаясь во всѣ стороны, покрываютъ собою маковку шапки. Лѣтомъ вмѣсто этой шляпы носятъ коническую шапку изъ соломы, снабженную такою же пуговицею и такими же мохрами, какъ было описано

выше. Однако эти шляпы и шапки не очень пригодны для иностранца, потому что не довольно прикрываютъ его лобъ, развѣ если будутъ нарочно сдѣланы попросторнѣе; но въ такомъ случаѣ легко могутъ навлечь на себя вниманіе своею странностью. Гораздо удобнѣе для путешествующихъ въ китайскомъ нарядѣ шляпа изъ войлока, сдѣланная въ родѣ мѣшка около одного фута въ поперечникѣ и двухъ футовъ въ длину. Она носится въ родѣ ночнаго колпака и защищаетъ голову отъ холодныхъ вѣтровъ, дующихъ сквозь щели лодокъ и домовъ, а загнутая кругомъ краями вверхъ, образуетъ собою порядочную шляпу для ежедневной носки, представляя еще ту выгоду, что поля и верхушка могутъ быть распрямлены или сгуживаемы, смотря по тому, желаетъ ли путешествующій скрыть отъ взоровъ проходящихъ свою голову или свои глаза. Съ наступленіемъ знойнаго времени года Китайцы промѣниваютъ эти войлочные шляпы на ермолку и чтобы не навлечь на себя вниманія иностранный путешественникъ въ Китаѣ долженъ также надѣть такую шапочку. Она похожа на чашу и бываетъ или простая, или подбитая ватою, смотря по погодѣ. Хотя эти ермолки легче и меньше шляпъ, однако могутъ быть сдѣланы такъ, что нахлобучиваютъ большую часть головы и уши до начала волосъ спереди и сзади и могутъ быть носимы днемъ и ночью, какъ дома, такъ и со двора.

Если глаза путешественника свѣтлаго цвѣта, то лучше закрывать ихъ очками, крашеными или и простыми, которыя можно достать изъ горнаго хрустала. Они защищаютъ глаза отъ излишняго свѣта и отъ любознѣтства жителей. Самый лучшій родъ очковъ для носки дѣлается изъ *митсита* или чайнаго камня около двухъ дюймовъ въ поперечникѣ съ черными лакированными ободками. Они завязываются посредствомъ шнурковъ за ушами. Въ путешествіяхъ по горной странѣ или по уединеннымъ деревнямъ, впрочемъ, очки изъ простаго хрустала очень достаточны, потому что поселяне не столько привыкли видѣть людей, гуляющихъ въ цвѣтныхъ очкахъ, какъ горожане. Для иностранца въ этомъ случаѣ нужна особенная осторожность, потому что глаза первое дѣло, что обращаютъ на себя вниманіе и скорѣе всего могутъ повести къ его изобличенію. Китайцы полагаютъ, что очки всего пристойнѣе для взрослыхъ людей и по этому путешественнику не дурно также отрастить усы, что туземцы дѣлаютъ лѣтъ около сорока.

Послѣдній метаморфозъ, которому долженъ подвергнуться путешественникъ, для того чтобы не быть замѣчаемымъ въ Китаѣ, это—обрить себѣ голову до самаго верху и привѣсить себѣ длинную косу къ клочку на темени. Всякій китайскій цирульникъ за бездѣлицу исполнить и то и другое сходно съ обычаемъ; однако надобно, чтобы это оставалось втайнѣ, или было бы сдѣлано въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, чтобы если онъ и проговорится на этотъ счетъ, никто не могъ открыть умысла путешественника. Послѣ надлежащихъ приготовленій цирульникъ принимается за работу, сначала устраняетъ всѣ волосы съ нижней части головы, оставляя только тѣ, которые покрываютъ собою заднюю часть темени, затѣмъ беретъ длинную косу отдѣльныхъ волосъ прикрѣпленныхъ тремя косичками къ шелковому шнуру и собравъ въ пучекъ заднія кудри волосъ, привязываетъ къ нимъ какъ можно туже косу, такъ чтобы она казалась какъ бы продолженіемъ собственныхъ волосъ недѣлимаго. Послѣ этого онъ постепенно сплетаетъ три отдѣла прибавочныхъ волосъ въ одну косу, и перевязываетъ концы ея шелковыми нитями, чѣмъ и довершается эта часть туалета. Но путешественникъ не долженъ позволять цирульнику сдѣлать косу слишкомъ толстою, потому что она по тяжести своей и будучи привязана къ маленькому только пучку волосъ, легко можетъ оторваться, какъ то разъ на бѣду случилось съ авторомъ этого описанія (\*).

---

(\*) Это пріключеніе онъ рассказываетъ слѣдующими словами: «Между тѣмъ какъ я жилъ въ домѣ друга моего проводника, случилось обстоятельство, которое сильно встревожило моихъ благопріятелей. Просидѣвъ однажды за столомъ нѣсколько времени въ бесѣдахъ и преніяхъ, я всталъ и удалился въ спальню. Спустя нѣсколько минутъ вошелъ ко мнѣ мой вожатый, держа въ рукѣ мою косу. Она выпала въ то время, какъ я сидѣлъ на стулѣ и осталась на полу. Мой вожатый былъ крайне испуганъ этимъ случаемъ и я не могъ не раздѣлять его чувствъ. Онъ сказалъ, что еслибъ коса выпала во время дороги или въ одной изъ многочисленныхъ гостиницъ, гдѣ мы останавливались, то необходимо обнаружилась наша тайна и это было бы пагубице для него, чѣмъ для меня, потому что онъ былъ бы тѣмъ изобличенъ въ преступленіи, что привелъ въ страну иностранца. Послѣдствіемъ этого было бы его заключеніе въ темницу и преданіе казни. Онъ однако радовался, что это случилось въ домѣ пріятеля и поспѣшилъ, какъ можно скорѣе, исправить бѣду. Это онъ сдѣлалъ, распустивъ кудри косы и привязавъ ихъ къ кудрямъ собственн. хъ моихъ волосъ на затылкѣ. Но опасаясь возобновленія прежней невзгоды, онъ такъ туго связалъ узлы, что коса стала меня очень беспокоить. Но я охотно переносилъ это неудобство и, какъ само собою разумѣется,

По прикрѣпленіи такимъ образомъ косы путешественникъ долженъ беречься, чтобы уже не снимать болѣе никогда своей шляпы или ермолки. Другое, что также легко можетъ обнаружитъ происхожденіе путешественника, если его волосы свѣтлы, это высовыванье нѣсколькихъ кудрей изъ подъ его головной нахлобучки: поэтому то онъ долженъ по временамъ, незамѣтнымъ образомъ поправлять ихъ и не давать своимъ волосамъ слишкомъ распускаться. Коса обыкновенно бываетъ въ тягость тому кто не привыкъ носить ея, а особенно если нужно наклоняться во время работы, потому что, болтаясь туда и сюда, она только мѣшаетъ дѣлу; часто она также задѣваетъ за разные встрѣчные предметы и внезапно останавливаетъ на ходу путешественника или даже обрывается, если онъ употребитъ усиліе, чтобы отцѣпить ее. Также ночью она очень беспокоитъ васъ, потому что всякій разъ когда вы повернетесь въ постелѣ, она напоминаетъ вамъ, что вы носите необыкновенную прицѣпку, и вы рискуете, что она сдвинется съ своего мѣста. Вѣрнѣйшее средство пособить этому, обвязать ее себѣ вокругъ головы или обернуть около шеи; но этого никакъ не должно дѣлать въ компаніи или въ присутствіи какого либо почетнаго лица, потому что носить косу иначе, чѣмъ граціозно висящую за спиною, считается знакомъ неуваженія. Но что ни дѣлай, прибавочные волосы какъ разъ откроются, коль скоро потребуется брить голову, а посему для иностраннаго путешественника всего лучше, не вѣряться въ руки цирюльника во все время путешествія. Авторъ подлежащаго описанія однажды сдѣлавъ это далеко во внутренности страны; но сельскій цирюльникъ, слишкомъ глупый для дѣланія наблюденій и даже вовсе не подозревавшій существованія иностранцевъ, пропустилъ странный видъ головы, ему представившейся, безъ всякаго вниманія. Но онъ не ускользнулъ отъ прозорливыхъ взоровъ хозяйки дома и она спросила своего мужа, отчего у брѣющейся особы волосы такъ коротки, что требуютъ прибавочной косы? Можетъ быть, отвѣчалъ ей мужъ, жена его сбрила ему волосы и отъ того голова его имѣетъ такой захлавленной видъ. Во избѣжаніе впредь непріятностей, могшихъ произойти отъ подобныхъ распросовъ, авторъ съ тѣхъ поръ всегда

---

очень остерегался впередъ не уронить своей косы въ болѣе публичномъ мѣстѣ, гдѣ этотъ промахъ былъ бы неисправимъ.

самъ брилъ себѣ голову и бороду, и это долженъ былъ всегда совершать въ темнотѣ, безъ зеркала, безъ мыла и безъ всякой кисточки, помачивая только полотенце въ холодной водѣ для смягченія кожи и при помощи простой китайской бритвы. При первой попыткѣ этого рода бритва, имъ употребленная, была тупа и вся исполнена зазубринъ, потому что прежде служила для обчищенія карапаша. Такимъ образомъ бритье бороды, нетронутой цѣлыхъ десятокъ дней, продолжалось съ полчаса и было нѣкотораго рода пыткой, отъ которой слезы навернулись на глазахъ его. Съ хорошею же бритвою дѣлю шло очень скоро и авторъ былъ очень радъ, что избавился зависимости отъ китайскихъ бралобрѣвѣвъ. Но еслибы всѣ жители Китая послѣдовали его примѣру, то это лишило бы средствъ къ пропитанію цѣлый милліонъ рабочаго народа.

Принявъ одежду и косу Китайцевъ, не должно впрочемъ думать, что иностранецъ сдѣлалъ уже все для скрытія себя отъ любопытства туземцевъ: онъ долженъ также выдерживать характеръ Китайца, а этого онъ не можетъ достигнуть, не надѣвая и не нося всѣхъ вышенчисленныхъ статей точно такъ, какъ это дѣлаютъ туземцы. Въ Китаѣ все стереотипно и существуетъ также извѣстный порядокъ надѣвать одежду, отъ котораго никакъ нельзя уклоняться. Однѣ статьи должны быть надѣваемы прежде, а другія послѣ; онѣ должны быть завязываемы и застегиваемы одинаковымъ образомъ, и однѣ по верхъ другихъ по однажды установленной формѣ; а не то вы покажетесь странными и малѣйшее отступленіе отъ общепринятаго обычая навлечетъ на васъ вниманіе и поведетъ къ вашему изобличенію. Способъ сидѣнія, стоянія и ходьбы, держанія своихъ рукъ и передвижанія ногъ, все должно быть строго наблюдаемо, а иначе иностранецъ рискуетъ быть открытымъ. Въ особенности слѣдуетъ избѣгать скорой ходьбы и дѣланія большихъ шаговъ, или перегонки другихъ на улицѣ, а должно двигаться спокойно и мирно, какъ бы не замѣчая того, что происходитъ вокругъ васъ. На все свое время, это, по видимому, принятое правило въ Китаѣ, и тотъ, кто торопится, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не истый сынъ хана.

## 2) О пищѣ Китайцевъ и обычаяхъ за столомъ.

Такъ же относительно ѣды должно придерживаться общепринятыхъ обычаевъ, и не только ѣсть съ помощью палочекъ,

по также вращать ихъ въ рукѣ такимъ образомъ, чтобы всякій видѣлъ вашу опытность въ этомъ дѣлѣ. Если въ нихъ нѣтъ болѣе надобности, то ихъ слѣдуетъ класть на столъ, одну подлѣ другой, кончиками прямо отъ того недѣлимаго, которое употребило ихъ. Если же принимаются за палочки, то нужно положить пальцы правой руки поперегъ ихъ и придвигать ихъ къ себѣ, пока онѣ не выдаются нѣсколько изъ за края стола, и тогда, подвернувъ подъ нихъ большой палецъ правой руки, удобно взять ихъ. Ровняютъ концы ихъ, ставя ихъ вертикально на столъ, а въ то же время ловкимъ поворотомъ руки одну изъ палочекъ устанавливаютъ неподвижно, прижавъ ее къ корню указательнаго перста и къ верху средняго пальца и слегка нажимая большимъ перстомъ. Другую же палочку держатъ кончиками большаго перста и двухъ переднихъ пальцевъ и, сгибая или выпрямляя суставы ихъ, передвигаютъ ее назадъ и впередъ и то приближаютъ къ первой палочкѣ, то удаляютъ отъ нея. Такъ онѣ образуютъ собою родъ клещей, открывающихся и закрывающихся по волѣ держащаго ихъ и приспособленныхъ къ подбиранию или оставленію наималѣйшихъ статей кушанья. Когда такимъ образомъ этотъ замѣнь вилокъ взять въ руки, гости за столомъ приступаютъ къ угощенію себя однимъ кускомъ мяса (или другой яствы), за другимъ, изъ одного или болѣе блюдъ, поставленныхъ въ серединѣ стола. Иностранецъ долженъ стараться крѣпко держать тотъ кусокъ, который онъ желаетъ взять для себя и безопасно поднести его ко рту, не роняя его на столъ, или на полъ, что весьма рѣдко случается съ самими Китайцами и что немедленно изобличило бы его какъ новичка въ употребленіи этого орудія. Далѣе иностранецъ не долженъ брезгать на счетъ ѣденія съ одного и того же блюда со своими китайскими пріятелями, потому что у нихъ водится, особенно если они питаютъ къ своимъ гостямъ почтеніе или привязанность, собственными своими палочками выбирать лучшей кусокъ мяса или рыбы и класть его на тарелку гостя; если же онъ пожалуется, что палочки не довольно чисты, то хозяинъ сперва тщательно оботрегъ ихъ своими губами и оближетъ ихъ, а потомъ уже приступаетъ къ вышесказанной операціи. Понятія объ учтивости разнятся у всякаго народа и смѣшленный путешественникъ, принимая добрую волю за самое дѣло, приметъ комплиментъ въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ онъ былъ ему оказанъ.

При началѣ китайскаго обѣда среднія блюда, мясныя или овощныя, разставлены на столѣ и гости берутъ себѣ изъ нихъ, всякой по своему желанію. Передъ каждою особою поставлена небольшая чашечка, въ которую хозяйинъ отъ времени до времени вливаетъ изъ оловянной кружки нѣсколько горячаго вина; гости запиваютъ этимъ напиткомъ свои кушанья, пока не пожелаютъ приступать къ рисовымъ блюдамъ, и тогда подносится имъ рисъ, а чашечки съ виномъ устраниются. Послѣ этого обыкновенно уже не пьютъ болѣе вина. Когда чаша съ рисомъ поставлена передъ гостями, ее берутъ лѣвою рукою, приподдерживая ее большимъ пальцемъ черезъ край блюда, указательнымъ пальцемъ съ одной стороны, мизинцемъ съ другой, а двумя средними пальцами съ низу. Нерѣдко однако Китайцы оставляютъ блюдо съ рисомъ на столѣ и прикладываютъ къ нему свои рты, подбирая рисъ весьма проворно своими палочками. Это довольно трудно для иностранца; чтобы какъ можно ближе поддѣлаться подъ Китайца надобно подвести ротъ къ краю блюда, не передвигая его, смотря потому гдѣ находится рисъ, а поднося рисъ ко рту посредствомъ палочекъ. Чѣмъ болѣе при этомъ дѣлается стукотши, и чѣмъ болѣе кто можетъ за одинъ разъ набить въ ротъ рису, даже съ опасностью обжечься, тѣмъ оно лучше въ глазахъ Китайцевъ. Но только надобно беречься не уронить ничего на столъ или на полъ и не оставить ничего въ блюдѣ. Это считается за расточеніе, котораго всякій Китаецъ гнушается и доказало бы, что гость воспитанъ въ какой-нибудь безпутной заморской школѣ.

Когда одна тарелка очищена и гость желаетъ другой, то онъ долженъ спрашивать полной или половинны тарелки, смотря по своему аппетиту, если же для него слишкомъ много, то онъ сгребаетъ часть своей порціи на тарелку своего сосѣда, что принимается благосклонно; но онъ не долженъ оставлять ничего. Что касается до собакъ, то они должны довольствоваться одними костями, бросаемыми на полъ, или грубою пищею, нарочно приготовляемою для нихъ и для свиней.

Всякому, сколько-нибудь знакомому съ Китаемъ, извѣстно, что Китайцы не употребляютъ столоваго бѣлья; но если обѣдъ кончился, то приносятъ грязную суконку, которою вытирается столъ, за тѣмъ подносятъ каждому изъ гостей по чашкѣ чаю и указываютъ на сосудъ съ горячею водою, подлѣ котораго ви-

ситъ тряпка, для вытирація рукъ или лица, а потомъ подають трубку, чѣмъ и оканчивается угощенье. Замѣчательно видѣть какъ ловко и проворно Китайцы управляютъ своими палочками, помощью которыхъ они могутъ ѣсть горохъ, отдѣлять отъ костей мясо, облуплять круто сваренное яйцо, не употребляя ничего другаго, кромѣ этого орудія. Онѣ обыкновенно дѣлаются изъ чернаго дерева, а у богатыхъ изъ слоновой кости; но простолюдины употребляютъ бамбуковыя палочки. Иногда можно ихъ видѣть болѣе милліона въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются ихъ выдѣлкою или продажею и въ каждой гостинницѣ или харчевнѣ во всей странѣ ихъ можно видѣть обильный запасъ. Онѣ хранятся въ выдолбленномъ бамбукѣ, поставленномъ на столѣ или повѣшенномъ близъ дверей, откуда всякій беретъ себѣ свою пару, по произволу, не спрашиваясь кто пользовался ими передъ тѣмъ, или въ какомъ они находятся состояніи относительно чистоты или запаха.

Иствы, встрѣчаемыя въ путешествіи по внутренности Китая, а особенно въ гористыхъ и мало посѣщаемыхъ его частяхъ, не отличнаго свойства, такъ что человѣкъ сколько-нибудь взыскательный на счетъ пищи лучше вовсе не приметя за нихъ (\*). Съ говяжьимъ мясомъ и пивомъ онъ долженъ проститься, лишь только оставитъ ближайшее сосѣдство Европы; но свинины и samshoo онъ найдетъ въ большомъ изобиліи, если у него есть деньги заплатить за нихъ. Главнѣйшая статья за китайскимъ столомъ — рисъ, иногда бѣлый, а иногда красный, но всегда въ достаточномъ количествѣ для утоленія голода. Китайцы употребляютъ его съ разными приправами, изъ коихъ самая обыкновенная есть гороховый кисель, къ которому они для приданія большей бѣлизны и крѣпости примѣшиваютъ нѣсколько гипсу! Приготовленный такимъ образомъ гороховый кисель очень тяжелъ и окунутый въ воду осаждается ко дну; и такъ можно себѣ представить, что онъ долженъ порядочно тяготить собою желудокъ; но покамѣстъ онъ теплъ, онъ безъ труда проглатывается вмѣстѣ съ рисомъ. Другая приправа къ рису — турецкіе бобы, что довольно вкусно, и горчичный салатъ, отчасти соленый и сушеный,

(\*) Такъ говорить и Тимковскій: «не довѣряя чистотѣ здѣшнихъ поваровъ, я во все время моего путешествія и пребыванія въ Китаѣ, всегда почти имѣлъ свой походный столъ, казаками приготовленный, покупая одни припасы, кои можно находить во всякомъ почти городѣ».

отчасти разложившіяся и сгнившій. Вкусъ горчичнаго растенія въ этомъ видѣ очень отвратителенъ и запахъ несносенъ, но у Китайцевъ этотъ салатъ составляетъ любимое блюдо и они часто снимаютъ горчичный корень съ заборовъ, на которыхъ онъ развѣшенъ для просушки и ѣдятъ его дорогою съ особеннымъ наслажденіемъ. Свѣжій горчичный корень иногда употребляется и вареный, но въ этомъ видѣ онъ очень приторенъ. Наконецъ приправою къ рису служатъ фасоль и молодые бамбуковые отпрыски. Послѣдніе подаются также съ холоднымъ поросенкомъ и очень пріятны на вкусъ. Но и это блюдо должно быть особо заказываемо или покупаемо путешественникомъ, а иначе не является на столъ.

Если гость желаетъ, то можетъ получить родъ вермишелей, приготовленныхъ изъ пшеничнаго тѣста. Они употребляются вареныя и подаются на столъ совсѣмъ горячія. Туземцы берутъ ихъ своими палочками и, положивъ однимъ концемъ въ ротъ, втягиваютъ въ себя, пока не подавятся или не обожгутся ими, и тогда на минутку останавливаются, чтобы перевести дыханіе и возобновить попытку. Употребляемые умѣренно съ ветчиною, они очень пріятны и служатъ такъ же какъ и рисъ къ утоленію аппетита. Свинину можно достать только въ городахъ или людныхъ деревняхъ, и тотъ кто желаетъ имѣть мясо за каждымъ обѣдомъ долженъ или возить его съ собою или покупать во время проѣзда чрезъ города уже готовымъ для употребленія на ближайшемъ ночлегѣ. Вожатый, съ которымъ путешествовалъ авторъ этого описанія, хорошо зная всѣ мѣстныя обстоятельства, обыкновенно напередъ покупалъ извѣстное количество свѣжей свинины или ветчины и, заготовивъ ее, обертывалъ налитанною масломъ бумагою и такимъ образомъ возилъ ее съ собою. Безъ этой предосторожности партія верѣдко была бы въ большомъ замѣшательствѣ на счетъ своего продовольствія. Въ одномъ отдаленномъ мѣстечкѣ, гдѣ нельзя было добыть ничего другаго, путешественники были угощены родомъ двойныхъ блиновъ, спеченныхъ изъ пшеничной муки съ изряднымъ количествомъ чесноку и другихъ душистыхъ растений, вложенныхъ между слоями тѣста. Это конечно имѣло свой вкусъ, но не очень пріятный, который обнаружился болѣе послѣ, чѣмъ во время ѣды. Но что ни подавали на столъ, вожатый убѣждалъ путешественника не предлагать относительно яствы никакихъ вопросовъ, потому что

одно это уже изблѣчило бы иностранца, и не знать того, что ежедневно подается на столъ, было бы сочтено невѣжествомъ, непросителнымъ даже въ ребенкѣ. Вообще сопутникъ автора упрашивалъ его ни въ какомъ случаѣ не высказывать своего удивленія чему бы то ни было, такъ какъ пренебреженіе этого правила легко могло бы вовлечь ихъ въ большія хлопоты. Поэтому путешествующіе по Китаю должны строго придерживаться правила, даваемого дѣтямъ, а именно слышать и видѣть, но не говорить ничего. Въ слѣдствіе несоблюденія этого правила авторъ нерѣдко подвергался непріятности не получать отвѣта на свои вопросы и наконецъ убѣдился въ томъ, что лучшимъ способомъ получить желаемую справку было показывать себя совершенно равнодушнымъ къ ней и собирать ее, по возможности, изъ отрывочныхъ разговоровъ окружавшихъ его лицъ.

Вино, которое употреблялось за столомъ во время путешествія автора, было обыкновенно перегнанная водка, безцвѣтная, не очень крѣпкая и довольно пріятная на вкусъ. Оно обыкновенно подавалось въ небольшихъ чашечкахъ, вмѣщавшихъ въ себѣ лишь нѣсколько чайныхъ ложечекъ, и два или три такіе приема были обыкновенною мѣрою для каждого гостя. Послѣ этого вмѣстѣ съ подачею на столъ риса вино отлагается въ сторону. Эта водка носитъ названіе кау-леангъ или барбадонскаго проса, потому что добывается изъ этого зерна. Другой напитокъ именуется шау-тсеу, потому что получается изъ округа Шау-хингъ: онъ нѣсколько слабѣе перваго и непріятнаго вкуса. Третій родъ жвуй-тсеу или вода-вино, очень обыкновененъ и по своей пріятности, сладости и по своему букету составляетъ очень хорошій напитокъ. Онъ подается въ большихъ чашечкахъ, чѣмъ два прежніе; но и это питье прекращается послѣ подачи на столъ рису. Вообще надобно замѣтить, что за китайскимъ столомъ обыкновенно господствуетъ большая трезвость. Въ винныхъ погребахъ у нихъ вовсе нѣтъ заведенія садиться и опиваться до пьяна, а всякій выпиваетъ свою чарку стоя, виѣ выручки и потомъ уходитъ. Также не водится за столомъ спрашивать другъ друга пить черезъ мѣру. Въ чайныхъ лавкахъ друзья встрѣчаются и проводятъ вмѣстѣ свои вечера, но напитокъ, который они употребляютъ тамъ, развеселяетъ духъ, отнюдь не охмѣляя ихъ и посѣтители возвращаются домой столько же трезвыми, какъ они пришли. И такъ Китайцевъ можно бы назвать народомъ

трезвымъ, еслибъ они не употребляли опиума: впрочемъ употребленіе этого зелья ограничивается одними только приморскими областями и большими городами; а народъ въ деревняхъ и внутри страны почти вовсе не курить опиума.

По всѣмъ большимъ дорогамъ, гдѣ только происходитъ много сношеній, въ разстояніи отъ  $7\frac{1}{2}$  до 15 верстъ, попадаются постоянные дворы. Ихъ можно какъ разъ узнать по вывѣскѣ, надъ дверями чун-хо песен-фанъ, гласящей, что тамъ можно получить надлежащее удобство и харчъ. Но да не полагаетъ читатель, что онъ тамъ найдетъ что либо подобное тому, что встрѣчается въ самыхъ простыхъ гостиницахъ Европы. Внутри страны эти рисовыя лавки или харчевни вообще только простыя хижины одноэтажныя, съ поломъ изъ битой известики и обшитыя по стѣнамъ досками. Впереди находится самая лавка, а назадъ помѣщенія для проѣзжихъ. Пройдя чрезъ лавку, вы пересѣкаете небольшой дворъ и входите въ открытую комнату, называемую залюю, гдѣ помѣщены столъ и нѣсколько скамеекъ. Съ обѣихъ сторонъ этой залы имѣются спальни, а иногда позади этого ряда комнатъ кухня и еще пара другихъ спаленъ. Если же домъ въ два этажа, то верхніе покои или чердаки предоставляются носильщикамъ товаровъ и паланкиновъ, сопровождающимъ гостей. Иностранцы не должны ожидать, что найдутъ здѣсь постельное и столовое бѣлье: эти статьи, неизвѣстны даже въ почетныхъ домахъ китайскихъ. Столы иногда вытираются при входѣ гости и послѣ закуски; но это производится тряпкою въ нѣсколько дюймовъ длины, которою только устраняется нѣсколько наружной пыли, между тѣмъ какъ столъ остается покрытымъ густою грязью. Очень рѣдко увидишь, чтобы выметали щеткою полъ, который, будучи сдѣланъ изъ битой земли, легко вбираетъ въ себя всѣ проливаемые вещества и скрываетъ ихъ изъ виду. Грязь, вносимая пѣшеходцами, только прибавляетъ къ тому матеріалу, изъ котораго сдѣланъ полъ, а всѣ кости, рисъ и другія съѣстные статьи, кидаемыя на полъ, тщательно подбираются собаками.

Первый вопросъ, дѣлаемый при входѣ въ такую гостиницу, обыкновенно бываетъ, имѣется ли въ ней рисъ и овощи. На это хозяева отвѣчаютъ утвердительно, присовокупляя нѣкоторое извиненіе на счетъ бѣдности ихъ приготовленія, и это не излишне, потому что придача къ рису, снабжасмая при такихъ случаяхъ, обыкновенно самая жалкая. Если гость пожелаетъ еще чего либо

другаго, то свободенъ послать за свивиною, предполагая, что она найдетъ вблизи. Спальни рѣдко снабжены окнами, и единственный проходъ свѣту черезъ двери, которыя, открываясь въ другой покой, допускаютъ только нѣсколько лучей свѣта. И это можетъ быть кстати, потому что еслибъ спальня была лучше освѣщена, то грязь и безобразіе ея кидались бы въ глаза и нѣсколько разборчивый иностранецъ не рѣшился бы войти туда. Иногда спальня снабжена особыми кроватями для каждаго гостя отдѣльно, состоящими изъ рамки около 6 фут. длиною, 3 шириною и 2 вышиною, на которую настилается слой соломы, покрываемый ковромъ; но по большей части одинъ конецъ комнаты занятъ бываетъ бѣлыею рамкою около 6 фут. шириною и 10 длиною, на которой вмѣстѣ спятъ по 3 или по 4 человѣка.

Если постоялецъ не снабженъ одѣяломъ, то заведеніе беретъ доставить ему такое на ватѣ; но какъ куліи, посылщики и всякаго другаго рода неопрятный народъ пользовались этими одѣялами въ теченіе мѣсяцевъ или годовъ, то эти одѣяла отнюдь не отличаются чистотою и развѣ только самый простой постоялецъ рѣшится употребить ихъ. Поэтому всякій путешественникъ лучше сѣлаетъ, если возьметъ съ собою свой тюфякъ, свое одѣяло и свою подушку, но и тутъ при всей осторожности, едва ли избѣгнетъ соприкосновенія съ нечистыми насѣкомыми, изобилующими въ такихъ спальняхъ. Одна изъ самыхъ отвратительныхъ статей въ такихъ дортуарахъ, это ведро или урыльникъ, издающія такой запахъ, который развѣ можетъ быть переносимъ туземными гомеями. Полъ иногда бываетъ насланъ досками; но онъ никогда не моется, а паутины во всехъ углахъ свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи метель съ самаго сооруженія зданія. Однимъ словомъ, вся гостиница соединяетъ въ себѣ качества конюшни и свиного хлѣва, еще уступая въ чистотѣ и опрятности лучшимъ пріютамъ этого рода въ образованныхъ странахъ. Пріятно только то, что въ нихъ всегда имѣется наготовѣ сосудъ съ теплою водою, которая подается каждому путешественнику при входѣ въ гостиницу, для умыванія лица, рукъ или ногъ и что за тѣмъ неизмѣнно слѣдуетъ чашка теплаго чаю.

Дешевизна платы за постой и харчъ нѣкоторымъ образомъ примиряетъ безпомощнаго путешественника съ его судьбою: за ночлегъ съ завтракомъ передъ отбытіемъ на другое утро онъ платитъ не болѣе 80 кашей или 8 к. сер.; если же онъ предпо-

читаетъ платить отдѣльно за каждую статью, онъ можетъ получить чашу рису за 12 кашей, блюдо овощей за столько же и чашку чаю за половину этой цѣны, и этого ему достаточно на ужинъ; завтракъ его на другое утро обойдется ему во столько же и такъ ему еще останется 20 кашей за дрова, прислугу и постой: но валовая система обыкновенно считается лучшею: ибо если постоялецъ довѣряется честности хозяина, то можетъ надѣяться получить въ добавокъ къ своему угощенію порцію свинины, если ее вообще можно добыть на мѣстѣ.

Содержатели этихъ постоянныхъ дворовъ обыкновенно довольно вѣжливы: пришлецъ, входя въ гостиницу, дѣлаетъ слегка поклонъ присутствующимъ въ ней и проходитъ въ пріемную залу въ серединѣ зданія. Сюда за нимъ слѣдуетъ хозяинъ, коего первое дѣло вытереть со стола (что составляетъ операцію вовсе не излишнюю), а потомъ онъ наливаетъ гостю нѣсколько чашекъ чаю. Если онъ учтивъ, то онъ спроситъ объ имени гостей и не желаютъ ли они чего либо въ особенности. Этимъ случаемъ гость можетъ воспользоваться, чтобы сдѣлать распросы на счетъ свойства и разстоянія слѣдующаго за тѣмъ дневнаго перехода; но если онъ иностранецъ, то тѣмъ меньше предлагаетъ вопросовъ, тѣмъ лучше, а то возбудитъ подозрѣніе. Самъ хозяинъ рѣдко тревожитъ гостя своею бесѣдою, послѣ перваго свиданія. При отбытіи люди въ постояломъ дворѣ всегда желаютъ гостю пріятнаго пути, а путешественникъ съ своей стороны также изъявляетъ нѣкоторые комплименты тѣмъ, которые остаются, въ гостиницѣ.

Оставаиваясь въ трактирахъ, иностранцы должны тщательно избѣгать тѣхъ лицъ, которыя случатся съ ними тамъ въ одно и то же время. Китайцамъ свойственна нѣкоторая пытливость и у нихъ водится предлагать чужему пришельцу множество вопросовъ на счетъ его имени, отчества, возраста, обстоятельствъ происхожденія, родины, цѣли и намѣренія путешествія, вопросы, на которые онъ не всегда склоненъ бываетъ отвѣчать. Все это дѣлается не столько съ цѣлью лазутчика или недоброжелателя, стремящагося противоположить ему препятствія къ достиженію его меты, сколько просто по навыку; при чемъ они полагаютъ, что такіе распросы пріятны для тѣхъ, кому они ихъ предлагаютъ. Кромѣ того въ такихъ публичныхъ мѣстахъ бывають такіе недѣлимые, конхъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы докучать путешественникамъ и вводить ихъ въ хлопоты съ намѣреніемъ полу-

чить отъ того какую либо выгоду. Нерѣдко встрѣчаются бродяги, праздношатающіеся въ странѣ, которые подъ предлогомъ розыска на счетъ тайнаго провоза опиіа, требуютъ, чтобы странникъ открылъ передъ ними свою поклажу и, удостовѣривъ въ томъ, что содержатъ ихъ чемоданы, замышляютъ планы для покражи или стараются исторгнуть у путешественника деньги, грозя вести его на расправу къ мандаринамъ. И какъ иностранецъ въ такихъ случаяхъ всегда останется въ накладѣ, входя въ сношеніе съ мѣстною властью, то иные предпочитаютъ лучше заплатить небольшую сумму, чѣмъ быть ведомыми въ судъ, сколько бы они ни были невинны. Само собою разумѣется, что иностранцу должно особенно избѣгать такихъ негодяевъ, которые тѣмъ и промышляютъ, что вводятъ другихъ въ хлопоты. Этакихъ мошенниковъ впрочемъ не трудно узнать по развратному ихъ виду и по лукавымъ ихъ взглядамъ.

Авторъ рассказываетъ одно обстоятельство, случившееся съ нимъ во время его путешествія и близко относящееся къ тому, что было сейчасъ сказано. Партія, съ которою онъ путешествовалъ, встрѣтила одного человѣка, который шелъ тою же дорогою и даже былъ землякъ одному изъ ея числа. Тотъ однако, съ которымъ онъ происходилъ изъ одного и того же села, почти вовсе не обратилъ вниманія на своего сосѣда, между тѣмъ какъ другой изъ компаніи свелъ съ нимъ большую дружбу. Улучивъ время, когда они были наединѣ, первый сталъ укорять другаго слѣдующими словами: «Хотя этотъ человѣкъ со мною изъ одной деревни, однако я боюсь говорить ему все, что знаю. Зачѣмъ же ты съ нимъ такъ открыто и свободно толкуешь обо всемъ?»— Если впрочемъ кто либо чужой желаетъ получить свѣдѣнія или помощь отъ путешественника, попавшагося ему на дорогѣ, то легко можетъ расположить его въ свою пользу, спросивъ его, сколько ему лѣтъ, и поздравляя его потомъ съ его молодавостью, или онъ можетъ спросить, сколько у него братьевъ, живы ли еще его родители и находится ли при нихъ одинъ изъ его братьевъ для ухаживанія за ними на старости ихъ лѣтъ. За тѣмъ стѣдуетъ только поподчивать новаго знакома кускамъ табаку и если онъ приметъ это предложеніе, то немедленно завязывается между ними доброе согласіе.

Кромѣ харчевенъ есть на всѣхъ наиболѣе посѣщаемыхъ дорогахъ, въ разстояніи каждой почти версты или нѣсколько бо-

лѣе также чайные дома. Эти пристанища относительно удобствъ и помѣщенія нѣсколько ниже харчевенъ и все угощеніе въ нихъ ограничивается только чаемъ и пирожнымъ. Каждое изъ этихъ заведеній снабжено нѣкоторымъ числомъ столовъ и скамеекъ, расположенныхъ рядами подъ навѣсомъ, который выдается впереди дома и обыкновенно покрываетъ собою дорогу. Коль скоро тутъ остановится проѣзжіи или прохожіи и займетъ свое мѣсто, ему выносятъ чайникъ и ставятъ передъ нимъ. Кипятокъ почти всегда готовъ и, бросивъ въ сосудъ съ горсть чаю, завариваютъ его кипящею водою. Спустя 2 или 3 минуты тяги напитокъ готовъ для употребленія и гость наливаетъ его себѣ въ чашки, безъ молока и сахара, прямо изъ чайника, остерегаясь не обжечься и не подавиться чайными листьями. Если онъ опорожнитъ около половины чайника, прислужникъ тотчасъ готовъ долить его свѣжимъ кипяткомъ, и такъ далѣе, если потребуется, въ 3-й и 4-й разъ. Между тѣмъ сила положенной горсти чаю вовсе истощилась и гость, заплативъ свои шесть кашей или  $1\frac{1}{4}$  коп. сер., отправляется. Въ этихъ чайныхъ домахъ обыкновенно бываетъ съ полдюжины или болѣе праздношатающихся, любопытства коихъ должно остерегаться иностранцу, и лучше всего, если онъ сядетъ подальше отъ нихъ или гдѣ либо въ тѣни, не принимая никакого участія въ происходящемъ вокругъ него разговорѣ.

### 3) О способахъ сообщенія.

Образъ сообщенія во внутренности Китая очень много зависитъ отъ того края, чрезъ который путешествуешь. Вблизи морскаго берега или большихъ рѣкъ обыкновенно сообщеніе производится водою, и этотъ способъ во столько превосходитъ сообщенія сухимъ путемъ, что Китайцы съ давнихъ временъ соединили между собою большія свои рѣки и озера посредствомъ каналовъ, которые вырыты во всѣхъ направленіяхъ, распространяясь подобно жиламъ и артеріямъ по всей почти имперіи. Авторъ нашель изъ опыта и взгляды на карту служить тому подтвержденіемъ, что у Китайцевъ нѣтъ окруженныхъ стѣнами или большихъ городовъ, исключая только въ мѣстностяхъ, доступнымъ водою. Въ гористыхъ странахъ, гдѣ нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, нѣтъ и большихъ городовъ; но лишь только вы приближи къ рѣкѣ, довольно широкой для плавленія плотовъ, вы можете быть увѣрены въ томъ, что

скоро встрѣтите многолюдный рынокъ. Въ плоской странѣ, если рѣка или озеро не довольно близко къ населеннымъ мѣстамъ, трудолюбіе Китайца не прежде успокоится, пока не выроетъ канала для соединенія его жмья съ большими пугами сообщенія народовъ. Большая часть каналовъ, которые видѣлъ авторъ, были прямы и около 50 футовъ шириною и десяти глубиною. Иногда они простираются только на самое короткое разстояніе поперекъ полосы земли, оживляющей одно озеро отъ другаго, иногда же верстъ на 75 или 150, облегчая сношеніе между отдаленными другъ отъ друга городами. Въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ на нихъ встрѣчаются мосты въ одну арку, которая на путяхъ хлѣбныхъ барокъ или джонокъ должна быть по крайней мѣрѣ въ 30 футовъ вышины, для пропусканія этихъ огромныхъ судовъ, даже въ случаѣ спуска мачтъ. Гдѣ только устроены черезъ каналъ мосты, путешественникъ навѣрное пойдетъ по обѣ стороны воды нѣкоторое число домовъ и лавокъ, если вблизи не имѣется значительной деревни или дороги, ведущей къ ней. Эти мосты по большей части каменные, но встрѣчается также много и деревянныхъ. По каналамъ и небольшимъ рѣкамъ обыкновенно путешествуютъ въ крытыхъ лодкахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣловъ, съ окнами и дверями для удобства пассажировъ. Лодки обыкновенно употребляютъ около 25 футовъ длиною и 6 шириною и все это пространство (за исключеніемъ 6 или 7 ф. на кормѣ, оставляемыхъ открытымъ для дѣйствія гребцовъ) распределено слѣдующимъ образомъ. Во первыхъ вышняя каюта около 6 фут. въ квадратъ со входомъ впереди и дверью назадъ, ведущею въ среднюю каюту, по окну съ каждой стороны для пропуска воздуха и свѣта, а внутри нѣсколько стульевъ кругомъ стѣнъ содѣлываютъ эту каюту очень хорошенькою комнатою для пріятія пассажировъ. Средняя каюта длиннѣе, выше и просторнѣе первой, со многими окнами по каждую сторону, съ спальнею на одномъ своемъ концѣ, съ мѣстами для сидѣнія вокругъ и съ столомъ по серединѣ. Здѣсь пассажиры могутъ ѣсть, пить, спать и работать покойно и съ большимъ удобствомъ, пока лодка совершаетъ свое плаваніе. Между среднею каютою и кормою находится небольшой отдѣлъ поперекъ судна, въ нѣсколько футовъ шириною, гдѣ спятъ лодочники, а еще ближе къ кормѣ открытое мѣсто, прикрываемое рогожею, гдѣ стоятъ рулевые. Рули ихъ или кормовыя весла огромной величины и утвержден-

ные въ кормѣ лодки, обращаются около оси. Такъ какъ они слегка изогнуты, то лодочники могутъ давать рулю въ воѣ кривое или спиральное движеніе, посредствомъ котораго лодка подается впередъ. Отъ конца руля на палубу проведена веревка. дѣйствіемъ которой лодка поворачивается, между тѣмъ какъ одинъ или двое другихъ людей двигаютъ ее взадъ или впередъ или управляютъ ее движеніями. Большія лодки снабжены двумя рулевыми веслами, а вообще бѣльшія сверхъ того еще парюу прибавочныхъ рулей впереди. Эти рули, кажется, лучше приспособлены къ лодкамъ, плывущимъ по каналамъ, чѣмъ весла, потому что эти суда должны двигаться по узкому пути, а иногда проходить подъ мостами или между стѣнъ такъ близкихъ одна къ другой, что только съ трудомъ можетъ пройти сама лодка; по руль движетъ ихъ впередъ тамъ, гдѣ не было бы простора для дѣйствія веселъ. Лодки эти снабжены особаго рода мачтою, она прикрѣплена къ деревянной перекладинѣ, идущей поверхъ главной каюты, посредствомъ двухъ крюковъ, помощью которыхъ можно легко спускать мачту, когда лодка должна проходить подъ мостами. Самая мачта двойная и обѣ ея части, поднимаясь по обѣимъ концамъ вышеупомянутой перекладины, встрѣчаются иѣсколько выше, образуя видъ, похожіи на греческую букву F; этимъ самымъ мачта, покоясь на широкомъ основаніи, удерживается отъ наклопенія въ сторону, а продольно сдерживается посредствомъ веревки, идущей отъ обѣихъ оконечностей лодки къ вершинѣ мачты. Такимъ образомъ она легко опускается и подымается. Другая меньшая мачта такого же рода содѣйствуетъ первой большей и поднимается только тогда, когда нужно завозить судно. Такого устройства мачты очень пригодны на небольшихъ каналахъ, покрытыхъ множествомъ мостовъ, гдѣ почти каждыя полчаса приходится спускать мачту и парусъ; но по причинѣ ихъ слабости онѣ не годятся для плаванія по большимъ рѣкамъ. Суда, плавающія по Ян-це-кяну и другими большимъ рѣкамъ иначе устроены и способнѣе сопротивляться силѣ и свѣрѣности вѣтра.

Дороги въ среднемъ Китаѣ лучше, нежели могъ бы ожидать отъ нихъ иностранецъ, и принимая въ соображеніе то, что онѣ устроены не для проѣзда по нимъ двухколесныхъ повозокъ, а только для пѣшеходовъ или развѣ таратаекъ съ парюу животныхъ, нельзя не признать ихъ даже вообще отнѣсно хорошими. Мѣстами онѣ около 15 футовъ шириною вымощены въ среднѣ

камнемъ, а по бокамъ хорошо уложеннымъ гольщемъ. На протяжении сотенъ верстъ путешественникъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ хорошія дороги, по меньшей мѣрѣ въ 3 фута ширины, вымощенныя гранитомъ, сланцомъ, песчаникомъ или лѣсомъ, смотря по свойству ближнихъ горъ и по подвозу камней изъ соседства. Черезъ горныя тѣнины, вышиною отъ 1000 до 2000 футовъ, дороги изсѣчены ступенями отъ 6 до 8 футовъ шириною и проложены съ большимъ тщаніемъ и съ большою точностью для удобства путешественника. Такимъ образомъ весьма облегчается восхожденіе на горы и путешествіе по равнинамъ. Въ разстояніи около  $1\frac{1}{2}$  версты одинъ отъ другаго устроены навѣсы, раскидывающіеся черезъ дорогу съ сѣдалищами для отдохновенія усталого странника. И всѣ эти дороги и навѣсы, а равно каналы и мосты, сооружены добровольными усиліями жителей. Нерѣдко Китаецъ дѣлаетъ обѣтъ починить извѣстное количество дороги или горнаго прохода или построить мостъ, а иногда открывается подписка, въ главѣ которой становится какое нибудь богатое или знатное лице, для приведенія въ дѣйствіе какой нибудь общепользной мѣры; потребная на то сумма охотно жертвуется и добросовѣстно употребляется для предполагаемой цѣли и въ главѣ дороги или моста воздвигается камень съ надписью, глаголющею о времени и обстоятельствахъ сооруженія или починки и о количествѣ пожертвованія каждаго лица порознь; а тамъ, гдѣ требовалось много послѣдовательныхъ починокъ, можно видѣть и цѣлый рядъ такихъ скрижалей, увѣковѣчивающихъ доброе дѣло жертвователей, снискавшихъ себѣ своими усиліями неуважимую славу.

Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь, какъ о благопріятномъ для путешественника обстоятельствѣ, что авторъ нигдѣ не встрѣталъ, на всемъ пути своемъ, ни одной заставы, ни одной мытницы, ни одного моста, гдѣ собиралась бы пошлина съ прохожихъ или проѣзжающихъ: все свободно, какъ свѣтъ небесный или какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Мѣстами встрѣчаются перевозки, на которыхъ даромъ переправляютъ путешественника, потому что лодки, паромы и люди, къ нимъ приставленные, содержатся общою подпискою. Но это еще не довольно: есть внутри Кятая общества, снабжающія усталаго странника чаемъ и похлебкою, и самъ авторъ сознается, что онъ нерѣдко, истомленный трудностями дороги, былъ обязанъ какому либо неизвѣстному бла-

готовителю за пріятный и освѣжительный напитокъ. Иногда чай безъ всякой платы подается страннику подъ однимъ изъ тѣхъ навѣсовъ, о которыхъ было упомянуто выше, и гдѣ во всякое время приставлена какая либо старушка съ тѣмъ, чтобы цѣлый день держать въ готовности кипятокъ и снабжать путешествующихъ свѣжимъ чаемъ; иногда же чай готовится въ какомъ нибудь капицѣ, коего жрецъ исправляетъ это дѣло благотворительности, какъ бы часть своего долга. Издержка содержанія такой чайной лавки можетъ быть составляетъ около полутора рублей серебромъ въ сутки и въ области зеленаго чаю ихъ ходятъ сотни.

Другая черта предусмотрительности Китайцевъ въ пользу путешественниковъ, это освѣщеніе большихъ дорогъ и опасныхъ мостовъ. Оно производится посредствомъ особыхъ лампъ, или фонарей, и хотя свѣтъ, ими доставляемый, не слишкомъ яркъ, однако достаточенъ для того, чтобы указать, гдѣ находится мостъ или дорога и все же эта мѣра изобличаетъ благое намѣреніе со стороны мѣстныхъ жителей. Ни за мостовую, ни за освѣщеніе не взимается никакой платы.

#### 4) ОВЪ ОБРАЗѢ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КИТАЮ.

По дорогамъ средняго Китая путешествія совершаются или пѣшкомъ или въ носилкахъ, или же въ одноколкахъ, запряженныхъ ослами. Вездѣ легко можно найти носильщиковъ или кулиевъ для переноски пожитковъ и по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Паланкины во внутренности страны самаго простаго устройства: они состоятъ изъ четырехъ бамбуковыхъ столбиковъ, около 5 ф. вышиною и около 1 дюйма въ поперечникѣ. Эти вмѣстѣ съ поперечными и горизонтальными перекладинами изъ тогоже вещества, вверху, внизу и по бокамъ скрѣплены тонкимъ камышемъ; и сдѣланы изъ досокъ, вершина изъ вѣтвей ивы и все это обшито сукномъ, такъ что весь паланкинъ вѣситъ не болѣе фунтовъ съ десять. Жердя для носки его сдѣланы изъ весьма эластическаго дерева около 16 футовъ въ длину и около 3 дюймовъ въ поперечникѣ и служиваясь къ концамъ, въ слѣдствіе чего они очень эластичны и пріятны для сѣдока. Если паланкинъ не занятъ, то носильщики вынимаютъ жердя и поворачиваютъ паланкинъ вверхъ дномъ: одинъ человекъ, взваливъ себѣ

паланкинъ на плеча, унести его съ собою, а прочіе слѣдуютъ за нимъ съ жердями. Если же носильщики несутъ пассажира, то дѣлаютъ большіе шаги и, при вхождѣ на гору, широко разставляя свои ноги, медленно выступаютъ впередъ, отчего паланкинъ приводится въ нѣкоторое качательное движеніе, подобное качкѣ судна на взволненномъ морѣ. Если это дѣлается осторожно, то оно довольно пріятно, но съ иными дрягелями оно производитъ ощущеніе подобное морской болѣзни. Носильщики ходятъ отъ 30 до 38 верстъ въ день и получаютъ отъ 1½ до 2 руб. сер. платы. Обыкновенно ихъ нанимаютъ за первую изъ этихъ суммъ, но вмѣстѣ съ чаемъ, пирогами, рисомъ и овощами, потребляемыми ими на пути, плата доходитъ до 2 р. сер. Они вообще люди безпокойные и шумные, много обѣщающіе передъ своимъ отправленіемъ и всегда уклоняющіеся отъ исполненія обѣщаннаго на серединѣ пути. Почти все они охотники до опиума, который и производитъ временное ихъ оживленіе, между тѣмъ какъ недостатокъ его отзывается упадкомъ ихъ духа. Сверхъ того они предаются игрѣ, пьянству и разнымъ другимъ слабостямъ.

Куліи, занимающіеся переноскою кладн, одинакаго нрава какъ и носильщики паланкиновъ: подобно имъ они съ большимъ трудомъ выручаютъ себѣ деньги и расточаютъ ихъ такъ же скоро. Каждый такой дрягиль снабженъ жердью, около 6 ф. длиною и 2 дюймовъ толщиною, изъ эластическаго дерева, иногда нѣсколько изогнутою, на подобіе коромысла. Вваливъ себѣ ее на плечи, они привѣшиваютъ къ обоимъ ея концамъ поклажу. Если они устанутъ, то или опускаютъ кладъ на землю, или перекидываютъ на другое плечо, смотря по удобству. Для облегченія этого кулій снабженъ длиннымъ посохомъ, достигающимъ ему почти до плеча и обитымъ съ одного конца желѣзомъ, а съ другаго выдолбленнымъ. Этотъ посохъ подставляется желѣзнымъ своимъ концемъ внизъ подъ жердь, къ которой прикрѣплена ноша, и послѣдняя съ одного конца покоится на землѣ, между тѣмъ какъ кулій, смотря по удобству, или высвобождаетъ одно плечо или приспособляетъ другое къ ношѣ. Поднявъ снова свою тяжесть, носильщикъ употребляетъ посохъ въ родѣ рычага, поддерживая короткимъ, нѣсколько сплюснутымъ его концемъ жердь съ ношею для облегченія тяжести и держа другой длинный желѣзный его конецъ въ рукѣ. По прибытіи къ мѣсту отдохновенія дрягиль снова подставляетъ свой посохъ подъ жердь

и, спустивъ одну сторону ноши на землю, прислоняетъ другую къ стѣнѣ или къ дереву, гдѣ она остается, пока носильщикъ не пустится въ дальнѣйшій путь. Выгода при этомъ состоитъ въ томъ, что всѣ веревки остаются вытянутыми и поклажа на своемъ мѣстѣ, вся же ноша въ такомъ положеніи, что можетъ безъ всякаго усилія со стороны работника быть снова поднимасма.

По этой то самой причинѣ носильщики паланкиновъ предпочитаютъ поднимать паланкинъ, пока онъ еще порожній, предоставляя пассажирамъ войти въ него, какъ могутъ, между тѣмъ какъ онъ уже покоится у нихъ на плечахъ; а именно для того, чтобы избавить себя отъ усилія поднимать ношу, пока ихъ тѣло и колѣна находятся въ согбенномъ положеніи. Но на то, чтобы войти въ паланкинъ, когда онъ уже поднятъ на плеча носильщиковъ, требуется особая сноровка, которая неизвѣстна новичку; и носильщики по способу, какъ кто садится въ паланкинъ, какъ разъ узнаютъ, привыкъ ли онъ къ этому способу путешествія или нѣтъ. Къ этому—то нужно привыкнуть иностранцу, а не то онъ рискуетъ быть открытымъ. Между тѣмъ какъ носильщики стоятъ, готовые отправиться съ паланкиномъ, онъ долженъ просунуть свою голову промежду жердей, лицомъ не къ паланкину, какъ обыкновенно дѣлаютъ Европейцы, а въ ту сторону, куда идетъ шествіе, а потомъ ухватясь обѣими руками за жерди и поднявъ одну пятку до той доски, на которой покоятся ноги, постепенно подниматься до надлежащаго положенія и медленно усѣсться на стулѣ. Но на коимъ образомъ не вскочить быстро въ паланкинъ, потому что это не только заставило бы носильщиковъ пожаловаться на его тяжесть, но и повело бы къ заключенію, что онъ никогда прежде не путешествовалъ въ китайскомъ паланкинѣ.

Еще авторъ упоминаетъ объ одномъ изобрѣтеніи, которое онъ видѣлъ у кулиевъ и которое они называютъ третьей рукою. Это небольшая бамбуковая трубочка, которая вставляется въ середину жерди на тотъ конецъ, чтобы держать зонтикъ. Такимъ образомъ въ дождливую погоду они могутъ продолжать свой путь, не промокаясь и избавленные отъ хлопотъ держать зонтикъ поверхъ своей головы. Кромѣ того кули и носильщики паланкиновъ всегда снабжены запасомъ пропитанной масломъ бумаги, которою они покрываютъ свою поклажу, предохраняя ее тѣмъ отъ сырости въ ненастную погоду.

Вѣсь, обыкновенно носимый куліемъ, составляетъ около 110 катти или 146 фунтовъ и съ такою пошею они безъ труда проходятъ версть до 20 въ день, перебираясь черезъ горы. Если же понадобится, чтобы носильщики шли скорѣе, то должно сложить съ нихъ половину вышесказаннаго груза и тогда они могутъ совершать вдвое большее разстояніе; но тогда конечно надобно и нанять вдвое болѣе людей.

Наилучшій способъ путешествія въ Китаѣ состоитъ въ томъ, чтобы нанять паланкинъ и сложивъ свои пожитки въ небольшіе пакеты отъ 30 до 40 фунтовъ каждый, заставлять дягилей носить ихъ по слѣдамъ путешественника съ тою же самою скоростію, какъ ходятъ носильщики паланкиновъ, т. е. около 38 или 40 верствъ въ день. Если грузы тяжелѣе, то куліи будутъ навѣрно отставать и путешественнику придется дожидаться ихъ. Но одинокой странникъ не нуждается во многихъ пожиткахъ: тюфякъ, одѣяло и подушка да двѣ или три перемѣны бѣлья, достаточны: все другое, въ чемъ онъ еще нуждается, онъ можетъ купить въ каждомъ городѣ и покинуть съ мановіемъ надобности. Хорошій пѣшеходецъ удобно можетъ пройти по всему Китаю съ однимъ только вѣрнымъ слугою, который носилъ бы его пожитки и служилъ бы ему вожатымъ. Чѣмъ меньше иностранецъ имѣетъ около себя людей, тѣмъ меньше онъ будетъ приходить въ соприкосновеніе съ посторонними лицами и тѣмъ меньше для него хлопотъ и опасности быть открытымъ. Гдѣ имѣется водяное сообщеніе, тамъ лучше всего нанимать лодку; потому что въ ней иностранецъ можетъ укрываться отъ всякаго наблюденія, когда онъ приближается къ многочисленнымъ и подозрительнымъ мѣстностямъ; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мало народа, который могъ бы наблюдать за нимъ или тревожить его, онъ воленъ выходить изъ лодки. Въ иныхъ частяхъ Китая народъ, повидимому, вовсе и не подозрѣваетъ существованія иностранцевъ и скорѣе полагаетъ встрѣтить какое либо привидѣніе, чѣмъ варвара.

Иногда встрѣчаются лица путешествующія верхомъ или на ослахъ и мулахъ; но этого способа путешествія нельзя совѣтовать иноземцу, потому что онъ, сидя на лошади или на лошацѣ, болѣе подверженъ взору любопытныхъ, а слѣдовательно и открытію, и какъ по дорогѣ нѣтъ станцій, то онъ не могъ бы въ случаѣ усталости перемѣнять лошадей. Путешествіе въ одиночку до-

вольно рѣдко въ Китаѣ, и какъ есть много такихъ частей дороги, гдѣ въ такой повозкѣ едва ли можно проѣзжать, то и этого способа нельзя рекомендовать тому, кто отправляется въ дальній путь.

Тотъ, кто желаетъ путешествовать по Китаю, долженъ быть хорошо знакомъ съ языкомъ страны; но это представляетъ не малое затрудненіе, потому что нарѣчія въ разныхъ частяхъ государства весьма различны. Различіе это доходитъ до того, что жители одной области не понимаютъ обитателя другой, и даже въ разныхъ частяхъ одной и той же области, или одного и того же округа, нарѣчія разнятся между собою. По этой-то причинѣ путешествовать по Китаю было бы почти невозможно, если бы къ счастію не существовало въ Китаѣ одного общенациональнаго языка, т. е. нарѣчія мандариновъ. Содержатели гостиницъ и почти всѣ, съ которыми путешественникъ вѣроятно войдетъ въ сношеніе, знакомы съ этимъ придворнымъ языкомъ; а потому кто освоился съ нимъ, можетъ проложить себѣ путь чрезъ всѣ 18 областей; но онъ долженъ знать его хорошо и быть въ состояніи разговаривать на немъ безошибочно, а это не совсѣмъ легко. Иной, можетъ быть, изучалъ мандаринскій языкъ цѣлыя годы и прочелъ на немъ всѣ книги Конфуція, а равно многихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и даже способенъ сочинять на немъ статьи и писать даже книги, а за всѣмъ тѣмъ чуждаться обыкновенныхъ словъ и самыхъ употребительныхъ выраженій. Языкъ, необходимый въ гостиницѣ, весьма разнится отъ того, который нуженъ въ кабинетѣ, и если путешественникъ, тщательно изучившій языкъ книжный, остановясь въ трактирѣ, неспособенъ выразиться насчетъ ѣды, питья и сна и приходитъ въ замѣшательство отвѣчать на самые обыкновенные вопросы, то всѣ окружающіе не преминутъ почтеть его за весьма странное лице, если не за варвара. Самъ авторъ сознается, что онъ, не смотря на многолѣтнее тщательное изученіе языка, нерѣдко приходилъ въ затрудненіе выразиться тамъ, гдѣ и самый простой куліи легко умѣлъ бы найти. Такія познанія пріобрѣтаются не изъ книгъ, а изъ житейскаго быта и только посредствомъ частыхъ сношеній съ Китайцами, можно снискать такое знаніе разговорнаго языка для ежедневнаго обихода, которое безопасно проведетъ васъ во всѣ концы имперіи.

Другая важная статья для иностранца, желающаго избѣгнуть открытія въ Китаѣ, это цвѣтъ тѣла. Кожа обитателей Китая разнствуєтъ отъ блѣдно-бѣлаго до мѣднаго или оливковаго цвѣта, а иногда нѣсколько подходитъ даже къ черному. Жители сѣвера бѣлѣе обитателей юга и нерѣдко бываютъ съ румянцемъ, котораго недостаетъ у послѣднихъ. Немногіе имѣютъ бѣлизну и свѣжесть лица Европейца. Если такіе путешествуютъ лѣтомъ, то лица ихъ скоро смуглѣютъ отъ солнца, а чего не производить солнце, того можно достигнуть тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ сами Китайцы достаютъ себѣ смуглость, а именно, никогда не употребляя при умываніи себя мыла. Китайцы по нѣскольку разъ въ день моютъ себѣ лице и руки, по безъ мыла. Въ трактирахъ и на лодкахъ гостямъ приносятъ сосудъ съ горячею, почти кипящею водою, въ которую окунута грязная тряпка. Выжавъ эту тряпку, они два раза вытираютъ себѣ ею лице, оставляя причиненную тѣмъ сырость засыхать саму собою. Путешествующій по Китаю иностранецъ долженъ сообразоваться съ этимъ же обычаемъ и малѣйшая съ его стороны брезгливость или рѣшеніе прибѣгнуть къ употребленію мыла навлекло бы на него вниманіе туземцевъ. Но естественно, что этимъ способомъ никогда нельзя себѣ совершенно промыть лице и постоянное его употребленіе должно осмуглить природную бѣлизну лица; между тѣмъ горячая вода придаетъ ему тотъ блѣдный и грязный цвѣтъ, который свойственъ Китайцамъ. Но сверхъ того пребываніе въ тѣсныхъ комнатахъ, вдыханіе въ себя табачнаго дыма и маслянаго духа отъ лампадъ скоро производятъ цвѣтъ лица весьма различный отъ первоначальнаго и немногимъ отличающійся отъ цвѣта туземцевъ.

##### 5) О выборѣ вожатаго.

Одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣшнаго путешествія по Китаю, это надлежащій выборъ вожатаго. Авторъ подлежащаго описанія имѣлъ счастье найти человѣка, который соединялъ въ себѣ въ рѣдкой степени смѣлую предпримчивость вмѣстѣ съ осторожностью, необходимою при посѣщеніи чужихъ странъ. Онъ былъ довольно смѣлъ для того, чтобъ взяться за это дѣло, и довольно предусмотрителенъ, чтобы постигать наималѣйшую опасность и избѣгать ея. Онъ отваживался проникать съ своимъ

довѣрителемъ въ самыя людныя мѣста, но никогда не упустилъ изъ виду наблюденія за фязіономіями окружавшихъ его лицъ. Выполнивъ сознавая опасность, которой онъ подвергается, онъ охотно впадалъ въ нее, для достиженія предположенной имъ цѣли. Но встрѣтить такого человѣка такая находка и авторъ былъ обязанъ этимъ слѣдующему особенному случаю. Узнавъ въ городѣ Хан-чоу о прибытіи въ недавно открытые порты иностранныхъ учителей и прочитавъ нѣкоторыя изъ ихъ религіозныхъ изданій, этотъ Китаецъ рѣшился свести съ ними знакомство, а посему, отправясь въ Шан хай, отыскалъ автора. Скоро между ними возникла тѣсная дружба. Видя поученія христіанства, любознательный Китаецъ полагалъ найти въ нихъ нѣкоторое сходство съ ученіемъ своего духовнаго наставника, къ которому онъ питалъ большое уваженіе. По распросамъ оказалось, что этотъ наставникъ былъ весьма просвѣщенный Китаецъ, который извлекъ изъ Конфуція и изъ другихъ доступныхъ ему системъ свои религіозныя понятія о Верховномъ существѣ и объ очищеніи души. Такимъ образомъ онъ написалъ нѣсколько коммунікацій и составилъ себѣ свою систему, которая далеко превосходила собою все, что до тѣхъ было собрано изъ туземныхъ источниковъ. Новый знакомый автора возымѣлъ мысль, что если бы ему удалось устроить свиданіе его наставника съ проповѣдникомъ новаго ученія, то они могли бы согласиться между собою. Но наставникъ былъ уже очень старъ и не могъ путешествовать. Авторъ предложилъ своему новому знакомому отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ китайскому мудрецу. Это было принято послѣ нѣкотораго колебанія и оба уговорились отправиться въ путь вмѣстѣ, какъ друзья безъ всякой своекорыстной цѣли. Такой вожатый былъ конечно гораздо лучше всякаго наемника; но путешествіе въ такомъ сопровожденіи было сопряжено съ нѣкоторыми несприятностями, потому что авторъ долженъ былъ совершенно поставить себя подъ руководство своего Ментора, довѣряться во всемъ его попеченію и отречься отъ своей собственной воли, коль скоро она перешла волѣ его путеводаителя. Но это была естественная жертва; ибо если кто либо изъ безкорыстныхъ видовъ подвергаетъ себя опасности въ пользу другаго, то наименьшее, что можетъ сдѣлать другой, это заботиться о его безопасности и удобствѣ, отрекаясь съ своей стороны отъ всякихъ частныхъ польвъ, чтобы не ввести своего друга въ бѣду

или въ хлопоты. Это, конечно, было нѣкотораго рода пыткой дозволить другому управлять собою при каждомъ движеніи и быть имъ выговариваемымъ на каждомъ шагѣ, подчиняясь его благоусмотрѣнію даже тамъ, гдѣ не видно было явной необходимости его мѣръ. Но если принять въ разсмотрѣніе, какому риску подвергался вожатый, особенно при ожесточеніи, господствовавшемъ въ Китаѣ противъ рыжихъ варваровъ немедленно послѣ войны, то надобно сознаться, что жертва, припесенная въ этомъ случаѣ иностранцемъ, была ничтожна въ сравненіи съ услугою, которую ему оказалъ Китаецъ и къ счастью отважное по тому времени предпріятіе кончилось безъ дальнѣйшихъ съ обѣихъ сторонъ послѣдствій.

Можетъ быть, впрочемъ, нынѣ, по открытіи доступа во внутренность Китая, всѣ подобныя предосторожности окажутся излишними. Во всякомъ случаѣ полезно было бы, если бы отношенія путешествующихъ по Срединной имперіи были ближе опредѣлены положительными правилами и постановленіями. По мѣрѣ умноженія числа путешественниковъ, въ Китаѣ конечно составится особый классъ вожатыхъ. Для Русскихъ вѣроятно всегда не трудно будетъ найти таковыхъ въ Маймачипѣ и другихъ пограничныхъ мѣстахъ или лучше всего изъ школы, учрежденной въ Пекинѣ и зависящей отъ сената Ныйгэ, гдѣ обучаются русскому языку 24 молодыхъ Манжура изъ лучшихъ фамилій, если только обученіе въ этой школѣ будетъ усовершенствовано и нѣсколько приспособлено къ вышеозначенной цѣли (\*).



(\*) См. Тимковскаго путешествіе въ Китай. Томъ II, стр. 70.

## ЗАМѢТКИ О ГЛАЗОВСКОМЪ УѢздѢ И ГЛАЗОВѢ.

---

Глазовскій уѣздъ занимаетъ сѣверо-восточную часть Вятской губерніи; онъ ограниченъ съ сѣвера и большей части западной стороны Слободскимъ уѣздомъ, съ западной же стороны — прилегаютъ къ нему уѣзды Вятскій и Нолинскій; на югъ онъ сопредѣленъ уѣзду Сарапульскому, а на востокъ — Пермской губерніи. Поверхность этого уѣзда или лучше площадь — занимаетъ 14,000 кв. верстъ; на ней жителей обоего пола считается до 216,000 душъ, изъ нихъ 101,820 душъ муж. пола. Изъ этихъ цифръ можно заключить, что на кв. версту приходится по 15,4 жителя, или на каждую мужскую душу приходится почти 13,4 десятины. Преобладающее населеніе Глазовскаго уѣзда — Вотяки, характеръ, нравы, образъ жизни, обычаи и исторія которыхъ уже описаны многими, почему и считаю здѣсь излишнимъ повтореніе; скажу только, что это племя лучше любитъ жить въ лѣсахъ, нежели въ поляхъ и обладаетъ вкусомъ или умѣньемъ выбирать мѣста для поселенія, въ чемъ поспорить съ ними могутъ только Черемисы.

Почти весь Глазовскій уѣздъ покрытъ лѣсами<sup>(\*)</sup>, за исключеніемъ

---

(\*) По полученнымъ мною официальнымъ свѣдѣніямъ: лѣсовъ въ Глазовскомъ уѣздѣ считается 1,311,350 дес., чего допустить не могу, ибо число лѣсныхъ поверхностей превышаетъ 14,000 кв. верстъ — пространство занимаемое цѣлымъ уѣздомъ.

развѣ только нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ. Сѣверо-и юго-восточная, а такъ же и восточная часть уѣзда — прорѣзаны отрогами Уральскихъ горъ и, покрытыя лѣсами, представляютъ чрезвычайно-дикую природу, сходную съ американскими дебрями, въ которыя еще не ступала нога человѣческая. Непроходимые дѣвственные лѣса Глазовскаго уѣзда представляютъ посѣтителю ихъ величественную картину растительной природы: необычайной величины и толщины деревья, переплетшіяся между собой вѣтвями, между которыми, въ частую, встрѣчаются сломанныя бурями или выдернутыя съ корнемъ деревья и уже отъ времени частію, а иногда и совсѣмъ сгнившія — составляютъ непроходимыя лѣсныя дебри, гдѣ не видно среди дня свѣта, и служатъ убѣжищемъ дикихъ и хищныхъ звѣрей. Быстрота растительности этихъ лѣсовъ чрезвычайно, что доказывается слѣдующимъ случаемъ: въ 1847 г., въ слѣдствіе генеральнаго межеванія, лѣсныя дачи Глазовскаго уѣзда были разбиты просѣками на участки, каждый въ 1,000 десятинъ, изъ которыхъ нѣкоторые давались и даются въ жалованныя по Высочайшему повелѣнію. Одному изъ моихъ знакомыхъ довелось въ 1856 г., обойти 3 т. десятинъ этихъ лѣсовъ и онъ употребилъ на то три сутокъ, не смотря на то, что впереди шло 30 человѣкъ, которые прерубали сдѣланную просѣку. Изъ этого обстоятельства можно судить о быстротѣ растительности глазовскихъ лѣсовъ.

Обиліе лѣсовъ въ Глазовскомъ уѣздѣ развило между жителями его значительную лѣсную промышленность, а въ особенности между Вотяками — лѣсныя издѣлія. Къ сожалѣнію, надо сознаться, что обстоятельно прослѣдить ту и другую промышленность нѣтъ возможности, потому что она полна какой-то таинственности: каждый лѣсопромышленникъ смотритъ съ какимъ-то недоумѣніемъ и подозрительностію на любопытнаго собирателя свѣдѣній, онъ видитъ въ немъ, какъ-бы врага своего, не смотря на всѣ доводы противнаго. Поэтому представляемая ниже цифра лѣсной промышленности, думать надо, значительно ниже настоящей. По рѣкѣ Лутуму (\*) сплавляется ежегодно до

---

(\*) Въ Глазовскомъ уѣздѣ нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, а есть только сплавыя. Въ сѣверо-восточной части уѣзда находится довольно значительная котловина, образовавшаяся отъ уральскихъ возвышенностей, здѣсь проходящихъ; въ ней

40,000 брусевъ и до 80,000 бревенъ; каждый брусъ обходится съ доставкою къ мѣсту сплава, въ 60 и 70 коп. сер., а продается по 90 к. и 1 р. 20 к. за тотъ же брусъ, а за бревно нѣсколько ниже. Кромѣ того, по Чепцѣ сплавляются до 10,000 деревъ разныхъ сортовъ. Дровъ однополѣнныхъ, цѣною отъ 40 до 50 коп. за сажень еловыхъ—до 20,000 саж. и березовыхъ отъ 40—60 коп. за сажень—до 10 т. сажень. Всего лѣсу изъ Глазовскаго уѣзда сплавляется ежегодно болѣе, нежели на 110,000 руб., а дровъ рубится тоже болѣе, нежели на 14,000 рублей.

Въ старинные годы—лѣтъ десять—пятнадцать назадъ, обиліе липы въ глазовскихъ лѣсахъ давало возможность лѣсопромышленнику получать билетъ на 100,000 пудовъ мочала, которое продавалось тогда 20 и 25 коп. за пудъ; а теперь съ быстрымъ уничтоженіемъ липы лѣсныхъ издѣлій стало значительно менѣе и лѣсопромышленникъ едва можетъ получить билетъ на выдирку 10,000 пуд. мочала, которое продается уже по 40 и 45 коп. за пудъ. «Въ старые годы,» говорятъ бывалые промышленники, «въ частую попадались такія липы, что съ одной сдерешь, бывало, полтора пуда мочала; а теперь счастье, если попадется такая, что дастъ полпуда его.» По большой же части попадаютъ мелкія липы, которыя даютъ 10 и 15 фун. мочала—такъ промышленники успѣли истребить липу въ глазовскихъ лѣсахъ! Къ лѣснымъ издѣліямъ должна быть отнесена *ивовая кора*, которой собирается ежегодно до 10,000 пуд. въ сухомъ видѣ и продается по 2¼ и 3 коп. за пудъ, а молотая по 13 и 20 коп. за тотъ же пудъ. Сбытъ ея преимущественно въ Слободской на кожевенные заводы. Куля и рогожи выдѣлывается мѣстными жителями уѣзда на 30,000 руб., считая рогожу въ 10 или 9 коп., а куль въ 10 или 11 коп. Тѣ и другія издѣлія скупаются хлѣбопромышленниками Глазова, Вятки и Слободскаго; они отправляютъ въ нихъ хлѣбъ въ Архангельскъ.

Къ значительнымъ потребителямъ лѣса, какъ строеваго, такъ

---

получаютъ начало три рѣки—Кама, Вятка и Чепца, разстояніе между истоками первыхъ двухъ, считается болѣе 60 верстъ. Кама и Вятка имѣютъ теченіе въ Глазовскомъ уѣздѣ съ юга на сѣверъ и уже въ Слободскомъ уѣздѣ расходятся для того, чтобъ потомъ составить одну цѣлую—Каму. Чепца же течетъ почти по всему Глазовскому уѣзду. Вообще уѣздъ этотъ очень богатъ рѣчками, но бѣденъ судоходными рѣками и путями сообщенія, отчего очень многое гибнетъ непроизводительно.

и горючаго матеріала въ Глазовскомъ уѣздѣ служатъ чугуноплавильные и желѣзо-дѣлательные глазовскіе заводы: *Омутинскій*, выпускающій въ годъ до 154,900 пуд. чугуна и до 63,100 пуд. кричнаго желѣза (изъ двухъ доменныхъ печей); *Пудемскій* — до 29,300 пуд. кричнаго желѣза и *Песковскій* (изъ двухъ доменныхъ печей) до 154,400 пуд. чугуна и до 15,900 пуд. желѣза. На этихъ же заводахъ выковывается до 100 разныхъ сортовъ желѣза, между которыми листоваго до 300,000 листовъ, по 2 р. и 2 р. 80 коп. за пудъ; идетъ оно во всѣхъ видахъ въ Москву, С. Петербургъ, Ростовъ на Дону, въ Казань, Лашевъ и Нижній Новгородъ.

Здѣсь нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о полученіи руды для этихъ заводовъ, а также и о самой рудѣ. Руда въ Глазовскомъ уѣздѣ находится почти по всей площади его, и почти съ 35 процентнымъ содержаніемъ. Такое богатство желѣзной руды и невѣжество штейгеровъ, при отводѣ шахтъ, произвели пренебреженіе къ 15 и 20 процентному содержанію руды, а отъ дурной обработки много гибнетъ ея непроизводительно. Штейгеръ, отводящій мѣсто работникамъ для копанія руды, дѣйствуетъ такъ: назначивъ мѣсто, заставляетъ копать рабочихъ и, нашедши малое, на примѣръ 15 процентное содержаніе руды, бросаетъ и отводитъ для копанія новое мѣсто. Видя и тутъ неудачу — бросаетъ и переводитъ рабочихъ опять на новое мѣсто и такимъ образомъ гоняетъ несчастный народъ по нѣсколькимъ днѣмъ съ одного мѣста на другое. Для штейгера-самозванца выгода та, что онъ ничего не знаетъ и беретъ деньги; для господина заводчика только потеря времени, для рабочихъ потеря всего, ибо онъ работаетъ съ пуда руды. И такъ вотъ причины, почему на заводахъ глазовскихъ такъ мало получается желѣза и чугуна. Понятно также и то, что, если подобнымъ образомъ идетъ желѣзное производство и на другихъ заводахъ, то, естественно, что русское желѣзо будетъ стоить значительно дороже иностраннаго, тѣмъ-болѣе, что заводчику надо получить до 50%, какъ теперь дѣлается въ глуши, если не болѣе. При хорошихъ же управителяхъ заводами, при знающихъ мастерахъ заводскаго дѣла и хорошихъ штейгерахъ было бы значительно выгодиѣ для заводчиковъ: не тратилось бы такъ много времени и силъ при добываніи руды, при выплавкѣ ея не терялось бы отъ небрежности въ шлакахъ и не нужно было бы тратить такое ко-

личество горючаго матеріала, какъ это дѣлается теперь. Пора обратить вниманіе на желѣзное дѣло, гг. заводчики, вѣдь началась вторая половина XIX вѣка. Скоро 1000 лѣтъ Россіи, а по желѣзному дѣлу Глазовскій уѣздъ можно отнести только развѣ къ XIII столѣтію. Недалеко!

На всѣхъ этихъ заводахъ жителей считается до 2,690 душъ муж. и до 2,790 жен. пола. Копаніемъ руды занимаются не только крестьяне мѣстные, но и приходящіе изъ сосѣднихъ уѣздовъ, не смотря на всѣ для нихъ невыгоды, что происходитъ единственно отъ бѣдности промысловъ, ибо за пудъ руды получаютъ только 3 коп. Поселяне Глазовскаго уѣзда, кромѣ Вотьяковъ, Русскіе, Пермьки и Татары — занимаются хлѣбопашествомъ; послѣдніе преимущественно торговлею. Другихъ промысловъ между ними нѣтъ, а тѣмъ болѣе самобытныхъ. Кромѣ выдѣлки русскими жителями льна и холста, изготовляемаго русскими женщинами и продающими его на торжкахъ и базарахъ, примѣрно на 25,000 руб. сер., нѣтъ никакихъ почти занятій въ зимнее время. Единственныя занятія Вотьяковъ, кромѣ хлѣбопашества, охота, лѣсные издѣлія и пчеловодство, а частію скотоводство; но за то уже нѣтъ никакого ремесла болѣе — развѣ только извозъ, подъ который ходитъ до 20,000 лошадей въ Слободской, на Кайгородскую пристань и на заводы. Такъ отъ Глазова на Золотинскій заводъ платятъ отъ 3 до 4 коп. съ пуда, на Песковскій отъ 4 до 6 коп., въ Слободской — 5 коп., на Кайгородскую пристань 9 и 10 к. и въ Казань 20 и 25 коп. Этотъ промыселъ приноситъ крестьянамъ Глазовскаго уѣзда въ годъ до 25,000 руб. Добываніе же руды и доставка ея на ближайшіе заводы приноситъ имъ до 40,000 руб. въ годъ. Отъ лѣсной промышленности получается за вырубку бревенъ и вывозку ихъ изъ лѣса, а такъ же и за лѣсныя издѣлія — рогожу, лубокъ, мочало и куль — отъ 10 до 15,000 руб.

Рыбная ловля, которою занимаются до 800 человекъ, приноситъ не болѣе 4,500 р. въ годъ. Замѣтно рыбная промышленность у крестьянъ все болѣе и болѣе слабѣетъ, ловъ годъ отъ году уменьшается, вѣроятно потому что вылавливается икраяная рыба. Такова промышленность крестьянъ въ Глазовскомъ уѣздѣ, не считая звѣриной и птичпой охоты, которая, какъ сказано выше, принадлежитъ исключительно Вотьякамъ. Птица бьется, преимущественно рябчикъ, и продается промышленникамъ, скупающимъ ее по дерев-

нямъ и базарамъ въ зимнюю пору; сбываютъ птицу въ Казань, Нижній Новгородъ и Москву. Лѣтомъ пара рябчиковъ стоитъ 6 и 10 коп., а зимою 12 и 15 к.; бьется ихъ въ продолженіи года до 20,000 паръ, на 4,300 р.

Звѣриная охота приноситъ гораздо болѣе выгоды. Предметы ловли: бѣлка, горностай, лисица, куница, росомаха, волкъ, медвѣдь и заяць. Бѣлки ловятся до 50,000 штукъ, по 5 и 7 коп. за штуку, на 3,000р., лисицы отъ 1,000 до 2,000 штукъ, по 3 и 5 р. шт., на 6,000 р.; куницы до 5,000 шт. отъ 3 до 4 р. за штуку, на 1,750 р.; медвѣдей до 50 шт., по 5, 10 и 12 р., за шкуру, на 450 р.; зайца до 60,000 шт. по 7 и 8 к. за штуку, на 4,500 р.; горностая до 10,000 шт., по 20 и 30 к., на 2,500 р. полюбившихъ ловятъ сътью (\*) по порошкѣ и замѣчаютъ по слѣду, если четъ, то звѣря въ чашѣ иѣтъ; если же нечетъ, то навѣрное онъ скрывается въ чашѣ лѣса; чашу эту тогда окружаютъ сътью, пугаютъ звѣря, который выбѣгаетъ и попадаетъ прямо въ сѣть.

Стрѣльба же бѣлокъ производится Вотьяками слѣдующимъ образомъ: Вотьякъ чрезвычайно скупъ и расчетливъ; онъ заряжаетъ винтовку (перѣдко безъ замка, вмѣсто котораго служитъ ему фитиль) одной дробинкой и цѣлитъ бѣлкѣ прямо въ глазъ, чтобъ не испортить шкурки, и непременно убьетъ. Вотъ гдѣ истинные охотники! Убивъ бѣлку, Вотьякъ отгискиваетъ дробину въ бѣлкѣ и, вынувъ ее, пускаетъ снова въ дѣло. Такому искусству стрѣлять Вотьяки обязаны, кромѣ скупости, еще и дороговизнѣ пороха, который продается, за немѣніемъ казенной продажи, кантрабандою по 2 р. с. за фунтъ и дороже. Понятно теперь, почему и самыя шкурки звѣриныя дороги. Казалось бы звѣринный промыселъ былъ-бы значительно болѣе развитъ въ Глазовскомъ уѣздѣ, да и во всемъ восточномъ и сѣверовосточномъ краѣ европейской Россіи, если бы существовала казенная продажа пороха.

Такимъ образомъ звѣриная и птичная охота приноситъ Вотьякамъ до 24,000 р. въ годъ. Все-же сказанные промыслы доставляютъ жителямъ уѣзда въ годъ до 133,500 р., что составляетъ болѣе рубля на ревижскую душу—по 1 р. 11 к., не считая трудовыхъ денегъ, получаемыхъ отъ хлѣбопашества. Первое развивается мало у жителей Глазовскаго уѣзда, кромѣ Вотьяковъ; во

(\*) Впрочемъ такъ же ловятъ и рябчиковъ.

первыхъ, потому что почва не вполнѣ вознаграждаетъ—она песчано-вересковая, а во вторыхъ, нѣтъ сбыта и трудъ остается невознагражденнымъ. Притомъ же и довольно суровый климатъ не позволяетъ разнообразить хлѣба—рожь, овесъ и ячмень—вотъ предметы посѣва, да еще ленъ. Вотяки преимущественно въ пищу употребляютъ ячмень въ видѣ крупы и муки, послѣднюю они смѣшиваютъ съ овсяной и готовятъ хлѣбъ, который почитается или лучше пользуется почетомъ. Ячнюю же муку кладутъ и въ ржаные хлѣбы, отъ чего они бѣлѣе и мягче, но вкусъ незавиднъ. Впрочемъ и вообще всѣ вотяцкія блюда не имѣютъ въ себѣ ничего, чтобы щекотило вкусъ и вызывало апетитъ; скорѣе его отбиваетъ при воспоминаніи о нихъ, не только при употребленіи.

Скотоводство въ Глазовскомъ уѣздѣ, относительно прочихъ уѣздовъ Вятской губерніи, значительно развито, но какъ и вездѣ по губерніи—скотъ мелокъ и не пользуется тѣмъ уходомъ и вниманіемъ, какого-бы можно было ожидать при существующемъ богатствѣ и достоинствѣ травъ, въ особенности по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, которыхъ здѣсь обиліе. Къ сожалѣнію здѣсь бывають часто скотскіе падежи, происходящіе отъ провоза кожъ, какъ изъ Сибири, такъ и изъ южныхъ уѣздовъ; такъ въ 1853 году пало до 25,000 головъ рогатаго скота. За всѣмъ тѣмъ нѣкоторые изъ зажиточныхъ поселянъ имѣютъ отъ 20 до 30 и до 50 головъ рогатаго скота, всего, примѣрно, до 120,000 головъ въ уѣздѣ. Лошадей имѣютъ по малу, по двѣ, по три, по пяти рѣдко, но не болѣе, всего до 70,000 шт.; овецъ—до 130,000 головъ, свиней до 40,000 шт. и до 15,000 козь.

Замѣчательно, что изъ молочныхъ скоповъ существуетъ единственный—коровье масло. Это вѣрный признакъ отсутствія всякаго хозяйства. Да и вообще жизнь поселянъ Глазовскаго уѣзда едва-ли много отличается отъ первобытныхъ разумныхъ обитателей земнаго шара.

Пчеловодство же значительно развито въ Глазовскомъ уѣздѣ относительно прочихъ уѣздовъ губерніи; имъ съ любовію занимаются Вотяки, такъ что у нѣкоторыхъ изъ нихъ бываетъ до 60 ульевъ и болѣе. Всѣхъ же въ уѣздѣ насчитываютъ болѣе 10,000 ульевъ и каждый изъ нихъ можетъ дать отъ 20 до 50 фунтовъ меду, который идетъ въ Слободской и продается тамъ по 4 и 6 р. за пудъ. Воскъ же скупается кругловскими крестьянами по 14 и 15

р. сер. за пудъ (\*) и отправляется ими въ Казань. Къ сожалѣнію, пчеловодство въ Глазовскомъ уѣздѣ стало упадать съ 1855 года, съ тѣхъ поръ какъ побывала пчелиная язва, истребившая до 5,000 ульевъ. Причиною этой язвы были лѣсные пожары, дурной уходъ за пчелами (что существуетъ постоянно впрочемъ) и два дождливые лѣта къ ряду. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ лѣсными пожарами, едва ли не суть главныя причины гибели пчелъ.

Что касается до климата Глазовскаго уѣзда, то его скорѣе можно назвать суровымъ, нежели умѣреннымъ; онъ отличается рѣзкими переѣнами погоды, такъ что въ сутки разница бываетъ очень не рѣдко на 15°. Снѣгъ сходитъ въ началѣ апрѣля, но за тѣмъ снова нѣсколько разъ нападаетъ и морозы бываютъ въ маѣ мѣсяцѣ, отъ чего очень часто на высокихъ мѣстахъ вымерзаютъ озими; точно также бываютъ и ранніе морозы — около перваго сентября и 25–26 августа. По замѣчанію наблюдательныхъ жителей, отъ рѣзкихъ переѣнъ въ температурѣ, бываютъ болѣзни — лихорадки и горячки нервныя, а также ревматизмы. Въ Шумайловской и Порубовской волостяхъ приходится на 10 человекъ больныхъ горячкою одинъ и два смертныхъ случая (\*). Господствующій вѣтеръ с.-з.; въ половинѣ сентября падаетъ листь съ деревъсвъ; въ октябрѣ ежедневные дожди; около перваго ноября выпадаетъ снѣгъ; листь развертывается около первыхъ чиселъ мая; рѣки вскрываются между 10 и 15 апрѣля; замерзаютъ—же перваго и десятаго ноября.

Изъ естественныхъ богатствъ въ Глазовскомъ уѣздѣ находятъ: золото наносное въ пескахъ, но въ маломъ количествѣ, что не стоитъ обработки; есть также солончаки, скрываемые Вотяками изъ опасенія лишиться ихъ: обиліе желѣзныхъ рудъ, какъ замѣчено выше. Около селенія Шарканъ добывается известь, которою снабжается весь почти Глазовскій уѣздъ и Камско-Воткинскій заводъ. Есть также, и довольно много, точильные и жерновые камни; но обработка и вывозъ незначительны; громадное количество колчедановъ желѣзныхъ. Очень много попадаетъ минераль-

(\*) Съ пуда сотоваго меда получается до 8 фунтовъ воску.

(\*) Развитію горячекъ также много содѣйствуетъ и болотистая мѣстность вмѣстѣ съ небрежностію Вотяковъ, которые не пользуются никакими удобствами жизни: такъ въ Порубовской волости есть такія мѣста, что не знаютъ употребленія колесъ и ѣздятъ по землѣ на лодкахъ, — явленіе, достойное дикихъ.

ныхъ источниковъ, каковы сѣрные, желѣзные и углекислые; къ сожалѣнію они не могутъ приносить пользы больнымъ — суровый и непостоянный климатъ тому причиною. Изъ царства растительно-ископаемаго есть торфъ очень хорошаго достоинства и въ довольно значительномъ количествѣ. Въ Порубовской волости жители (Пермяки и Вотяки) употребляютъ ее на крашеніе тканей. Очень жаль, что до сихъ поръ не было сдѣлано пробы объ улучшеніи этого полезнаго растенія. Давъ лучшую землю и надлежащій уходъ, можно, кажется, получать марену хорошаго достоинства и такимъ образомъ акклиматизировать это растеніе, столь полезное по своему употребленію.

Вообще, можно сказать, что Глазовскій уѣздъ есть одинъ изъ множества неразработанныхъ и нетронутыхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Богатства его гниютъ и не приносятъ никому никакой пользы. Недостатокъ предприимчивости, бѣдность знаній и апатія тамошнихъ жителей на долго еще оставятъ край этотъ въ томъ невоздѣланномъ состояніи, въ какомъ природа сдала его въ руки тамошнихъ обитателей. И только тѣ богатства, которыя всплываютъ на поверхность сами собою — берутся народомъ — это хлѣбъ и лѣсъ; но первый, какъ сказано уже, не окупаетъ труда; за то второй истребляется немилосердно и безъ всякаго расчета. Недостатокъ въ народѣ ремеслъ есть главная причина его небогатаго состоянія; отъ того же происходитъ то апатическое состояніе народа, которое составляетъ его характеристическую черту; отъ того же зависитъ и неразвитость его.

### Замѣтки о Глазовѣ.

Сообщивъ кое-что о Глазовскомъ уѣздѣ, не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о городѣ. Глазовъ расположенъ по извилинѣ р. Чепцы въ видѣ глаза, отъ чего, какъ говорятъ, и получилъ названіе Глазова (\*), образовавшись изъ вотякскаго селенія.

---

(\*) Говорятъ нѣкоторые, что архитекторъ, планировавшій Глазовъ, просилъ съ общества за правильную и болѣе удобную планировку города какую-то назначенную имъ сумму, но получивъ отказъ, далъ Глазову настоящее его нелѣпное расположеніе. Въ какой степени эта молва справедлива, судить не берется, но кажется вѣроятною, потому что намъ довелось видѣть подобную планировку Меиселюска, въ слѣдствіе отказа общества въ деньгахъ архитектору. И дѣйствительно хуже подобнаго безобразія и неудобствъ расположенія придумать невозможно.

Расположеніе площади города Глазова имѣеть сходство съ яблокомъ глаза, церковь на площади представляетъ зрачекъ, вѣко верхнее—стронія на площади, нижнее вѣко досталось на долю Ченцы. Площадь всего города 233,500 кв. саж.; на этомъ пространствѣ жителей считается до 2,240, изъ нихъ 1,200 муж. пола. Постоянныхъ или лучше коренныхъ жителей Глазова составляетъ обрусѣлое поколѣніе Вотяковъ, которые, какъ извѣстно, отличаются лѣнностію и безпечностію. Понятно теперь, почему образованіе жителей Глазова стоитъ гораздо на низшей степени, нежели въ другихъ уѣздныхъ городахъ Вятской губерніи, хотя, по правдѣ сказать, и тамъ недалеко ушли въ дѣлѣ образованія. Важную роль тамъ играетъ наметанность, свойственная русскому человѣку, но никакъ не истинное убѣжденіе, а тѣмъ болѣе благородное побужденіе, которое, едвали кому знакомо, развѣ людямъ, получившимъ университетское образованіе, да и то не всегда.

Бѣдность промысловъ и ремесль въ Глазовѣ чрезвычайно стѣсняетъ жителей—нѣтъ ни портныхъ, ни сапожниковъ, ни столяровъ; словомъ, нѣтъ никакихъ почти ремесль, такъ что жители всѣ носимые предметы получаютъ изъ Вятки или Слободскаго. Даже съѣстные предметы, какъ напримѣръ, мясо можно получить или купить только въ базарный день, потому что въ городѣ нѣтъ постоянныхъ мясниковъ. Незапасшійся въ это время рискуеть питаться однимъ хлѣбомъ. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство можно встрѣтить во многихъ уѣздныхъ городахъ и въ концѣ недѣли во всѣхъ домахъ лѣтомъ можно встрѣтить присоленное, но съ запахомъ, мясо, потому что въ продажѣ нѣтъ свѣжаго. Горе заѣзжему, если онъ не имѣеть знакомыхъ и заѣхалъ въ Глазовъ или подобный ему городъ, гдѣ нѣтъ гостиницы, и притомъ послѣ базарнаго дня—онъ рискуеть до базарнаго дня голодомъ, потому что въ продажѣ нѣтъ ничего, а всякій домохозяинъ потому не дасть, что жизненными продуктами онъ запасался на недѣлю, соображаясь съ своимъ семействомъ.

За всѣмъ тѣмъ въ Глазовѣ есть промышленники, которые ведутъ значительную торговлю хлѣбомъ разнаго вида, льномъ и льнянымъ сѣменемъ, предметами сельскихъ произведеній. Цѣны и количество этихъ предметовъ въ 1857 г. были слѣдующія, считая за пудъ: ржаная мука продавалась по 20 и 25 коп., а въ прежніе годы, съ 1852 по 1856 г. по 12 и 15 к., рожь по 18 и 23 коп., а прежде по 10 и 14 коп., первой скуплено промышлен-

никами для отправки къ Архангельскому порту, черезъ Кайгородскую пристань, что на р. Сысолѣ, до 50,000 четв., на 101,250 р., ржи до 70,000 четв., на 129,150 руб., овса, по 18 и 22 к., до 60,000 пуд. на 12,000 р., льну черезъ слободскихъ и мѣстныхъ промышленниковъ, туда же, до 50,000 пуд., по 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к. на 100,000 р. Впрочемъ ленъ отправляется частью и въ Сибирь: льняного сѣмени, по 50 и 70 коп. за пудъ, на 18,000 р. Всего хлѣбнаго и ссыпнаго товара, скупаемаго въ Глазовскомъ уѣздѣ для Архангельскаго порта, будетъ на сумму до 360,500 р., не считая 112,000 пуд., на 28,560 р. хлѣба, идущаго на винокуренный заводъ, что при рѣчкѣ Кокманкѣ, гдѣ выкуривается до 100,000 ведръ вина (\*); изъ этого количества до 15,000 потребляется въ уѣздѣ, а прочія 85,000 ведръ сплавляются по Камѣ и Волгѣ въ Нижній Новгородъ и Саратовъ и отправляются также гужемъ въ Вологду. Кромѣ сказаннаго количества хлѣба, еще до 200,000 пуд. ржаной муки, на 60,000 р., идетъ на желѣзодѣлательные и чугуноплавильные заводы: Камско—Воткинскій, Песковскій, Омутницкій, Залазинскій, Нижне—Залазинскій, Бѣлорѣцкій и Пудемскій; туда же, ежегодно, отправляется овса до 20,000 пуд., на 4,000 р., и до 25,000 п. ячмыхъ крупъ по 30 и 40 коп. за пудъ, на 8,750 р. Всего ссыпнаго товара, вмѣстѣ со льномъ, глазовскими промышленниками, а частью и слободскими, скупается ежегодно на сумму, примѣрно, до 510,000 руб.

Въ Глазовѣ почти нѣтъ заводско—фабричной промышленности, исключая одного кожевеннаго завода, на которомъ выдѣлывается на 15,000 р. кожъ разнаго рода: юфти черной и бѣлой до 1,000 кожъ, барана и опойка до 1,000 кожъ. Сырья яловья кожи покупались въ 1857 г. по 3 р. за пудъ; за выдѣлку ея берутъ по 1 р. 50 коп. съ кожи и отправляютъ на Нижегородскую ярмарку, гдѣ продаютъ отъ 8 р. 50 к. до 9 р. за пудъ. За выдѣлку же опойка берется 50 к., а барана—30 коп. со штуки; опоекъ и баранъ идутъ большею частью для мѣстнаго употребленія и въ Слободской. Впрочемъ и выдѣлка ихъ незначительна, не болѣе трехъ или четырехъ тысячъ штукъ.

Есть также въ Глазовѣ одна салотопня, на которую посту—

---

(\*) Изъ четверти ржи получается до 8 ведръ полушара, пѣною отъ 3 р. 60 коп. до 4 р. за ведро, на 38,000 р.

пастъ сала въ сырцѣ, цо 2 р. и по 2 р. 50 к. за пудъ, до 15,000 пудъ, получается оно изъ уѣзда и съ Обвы, гдѣ развито скотоводство значительнѣе, нежели по Вятской губерніи. Топленое сало продается по 3 р. за пудъ; всего въ годъ на 75,000 р., идетъ преимущественно въ Казань.

Изъ мѣстной торговли замѣчательна торговля солью: изъ Соликамскаго уѣзда привозится въ Глазовскій до 40,000 пудовъ соли, цѣною отъ 50 до 60 коп, за пудъ, на 18,000 р. Большая часть ея расходится по уѣзду между Вотяками.

**ИВ. САВИНОВЪ.**

Чл.-Сотр. Обш.



## НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

КРАТКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ РУССКО-ЛИТОВСКАГО НОВОГРУДКА,

СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ ЭТОГО ГОРОДА РУССКИМЪ КНЯЗЕМЪ ЯРОПОЛКОМЪ ВЛАДИМИРОВИЧЕМЪ, СЫНОМЪ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА, ВЪ 1116 ГОДУ ДО КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

Iest wieczne źródło na górze Mendoga,  
To źródło żywią śniegi i tumany.  
Mickiewicz.

Разсматривая развалины Новогрудскаго замка, нѣкогда столь знаменитаго своею древностію, обозрѣвая его окрестности, наполненныя человѣческими костями и покрытыя безчисленными курганами, — могилами воиновъ, я возымѣлъ смѣлую мысль — исторически прослѣдить факты, которые-бы дали, хотя нѣкоторую, возможность представить его историческую дѣятельность. Но недостаточное количество матеріаловъ, найденныхъ мною въ прочитанныхъ источникахъ, которые только лишь упоминають о Новогрудкѣ; съ другой-же стороны желаніе вспомнить его старину — тутъ-же заставляють меня сдѣлать оговорку, что названіе моего труда «историческимъ обозрѣніемъ» очень громко и не удовлетворитъ его условіямъ. Это просто краткій историческій перечень тѣхъ годовъ, въ которые историки заставляютъ Ново-

грудокъ, такъ сказать, рельефнѣе выказываться передъ прочими городами, принимать частыя нападенія враговъ, отражать ихъ, съ великолѣпною добычею возвращаться въ неприступныя его стѣны, запираеть на крѣпко затворы и опять пировать и бражничать, ожидая новаго набѣга или Татаръ, или Шведовъ, или Нѣмецкихъ рыцарей.

---

*Источниками*, служившими мнѣ для собранія матеріаловъ, были:

«Dzieje narodu Litewskiego w krotkości zebrane». Нарбута.

«Regni Poloniae, Magnique ducatus Lituaniae, omniumque regionum, juri Polonico subjectorum». Novissima descriptio, studio Andreae Cellarii, Gymnasii Hornani rectore. 1659 anno.

«Obraz Litwy.» Ярошевича. 1844 Вильно.

«Melitele Nowogocznik», издав. Олынецемъ. 1829. Варшава.

«Historya narodu Polskiego». А. Нарушевича. 1783. Варшава.

«Pomniki do dziejów Litewskich». Нарбута. 1846. Вильно.

«Litwa». Крашевскаго. 1847. Варшава.

«Исторія Государства Россійскаго». Карамзина. Кромѣ этихъ сочиненій я сдѣлалъ нѣсколько извлеченій изъ: «Litwy» Рафаловича, «Anafielas» Крашевскаго; пробѣжалъ «Opowiadanie Starca» и «Древнюю Польскую Географію» (какого года — не знаю, потому что случайно нашелъ ее безъ начала и конца); но вообще, могу сказать, эти пышныя названія источниковъ не соотвѣтствуютъ сдѣланнымъ мною изъ нихъ извлеченіямъ; не смотря на мои старанія найти больше касающагося Новоградка, относительно этого города я нашелъ чрезвычайно мало. Во всякомъ случаѣ кой-что есть, и, на основаніи этихъ-то небольшихъ указаній, приступимъ къ нашей темѣ.

---

Но передъ описаніемъ литовско-русскаго Новоградка отличимъ его отъ другаго Новоградка (Nauenpille), называемаго *Лишковымъ* или *Керновомъ* (Нарбутъ).

Послѣдній Новоградокъ именовался «Литовскимъ» для отличія отъ «Русскаго» Новоградка, и былъ основанъ въ 1070 году

*Ердзивилломъ*, сыномъ Гимбу́та и племянникомъ Кернуса или Керна, который умеръ близъ озера Кернова, находящагося въ Троцкомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Визинчи (*Dzieje... Нарбу́та*). Этотъ Ердзивиллъ (\*), уступивъ брату своему Викинду владѣніе, лежащее на правомъ берегу Вилин, самъ жилъ въ своемъ *Naucerpille* съ титуломъ князя литовскаго или литовско-новогрудскаго. Таково было начало княжества Литовскаго, названнаго *Auxtele-Lietua*, т. е. горной Литвою, въ отличіе отъ *Zomaitė-Lietua* — низменной Литвы. Столицею горнаго княжества было Керново, откуда *Рингольдъ*, князь литовскій, перенесъ ее въ Новогрудокъ, въ 1230 году. Подтверженіемъ существованія двухъ Новогрудковъ служитъ и посвященіе *Вита Любянскаго* въ епископы Литовскаго края (*Episcopus Lithuanorum*) вмѣстѣ съ *Герардомъ*, епископомъ Русскимъ (*Episcopus Ruthenorum*). При этомъ случаѣ Нарбу́тъ приводитъ слова Длугоша: «Вита посвятилъ въ епископы въ Козловѣ (Галиціи) архіепископъ Гви́зненскій *Фульконъ*. Но папа не могъ утвердить на одну литовскую кафедру разомъ двухъ епископовъ, а потому назначилъ *Вита* въ Литовскую Русь (I), а *Герарда* въ собственную Литву, гдѣ онъ имѣлъ свой костелъ въ *Новогрудкѣ Литовскомъ* (*Naucerpille*, *Липковѣ*, *Керновѣ*) (*Przypomnienie ze starej daty... Нарбу́та*). Къ тому же посвященіе Вита было 8 мая, 1254 г. (Нарбу́тъ), а основаніе русскаго Новогрудка въ 1116 году, возстановленіе же въ 1217 г., что также отчасти можетъ подтвердить нашу мысль. Вообще же замѣтимъ, что литовскій Новогрудокъ существовалъ съ различными названіями, въ чемъ встрѣчается у историковъ небольшая сбивчивость: Нарбу́тъ, напр., называетъ его въ XIII столѣтїи *Naucerpille* (*Dzieje... Нарб.*), а Крашевскій говоритъ, что уже въ 1045 г. на мѣстѣ *Naucerpille* заложены были старыя Троки (*Litwa Крашевскаго*). Впрочемъ, какія бы ни были названія его, все таки были два Новогрудка, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ воеводству Троцкому, собственной Литвѣ, а другой Литовской Руси, воеводству Новогрудскому. Какъ Литва, такъ и Литовская Русь, предъ раздѣленіемъ своимъ на воеводства (XII

---

(\*). Его не надо смѣшивать съ другимъ Ердзивилломъ, сыномъ Монтвилла Гимбутовича и возстановителемъ нашего Новогрудка въ 1217 году (*Melitele-Одыща и Cellarius*).

стал.), населены были, по свидѣтельству *Стрыйковскаго*, *Ятвягами* и назывались землею *Польшсiановъ*, что *Калубекъ* съ *Богуфаломъ* переводить русско-литовскимъ словомъ *Pollexiani* (*Hustog. parodu Polskiego*. *Нарушевича*). Потомъ вся эта страна раздѣлилась на воеводства (9): *Виленское*, *Троцкое*, *Полоцкое*, *Новогрудское*, *Витебское*, *Брестское*, *Мстиславское*, *Минское* и *Индландское*. Изъ первыхъ двухъ составилаь собственно *Литва*; изъ остальныхъ же — *Русь Литовская*, раздѣляющаяся на *Бѣлую Русь* (въ *Полоцкое*, *Витебское*, *Мстиславское* и *Минское*) и *Черную Русь* (въ *Новогрудское* и уѣзды *Рѣчицкiй* и *Мозырскiй*); *Брестъ* назывался *Польшемъ*. Къ этимъ воеводствамъ принадлежали княжества *Жмудское* и *Курляндское*, какъ ленъ *Польши*.

Изъ этого видимъ, что нашъ *Новогрудокъ* принадлежалъ *Черной Руси*. Основанъ онъ былъ *Ярополкомъ Владимировичемъ*, сыномъ *Владимира Мономаха*, въ 1116 году (*Dzieje Narbuta...*) и съ этихъ-то поръ начинаетъ приобрѣтать славу, сожигается Татарами, снова возобновляется, вторично разрушается и опять возстановляется; дѣлается столицей всей *Литвы*: но время уменьшаетъ его значенiе, мало по малу онъ падаетъ, рушится и доходитъ, наконецъ, до того, что только одни развалины его замка припоминаютъ это бывшее и воскрешаютъ въ нашей памяти прежнее его величiе и славу.

Какъ самый городъ, такъ славно и обширно было и все воеводство *Новогрудское*.

Оно заключало въ себѣ: 1) г. *Новогрудокъ*, построенный на горѣ: имѣетъ много греческихъ и католическихъ церквей, коллегiумъ *иезуитовъ*, своего воеводу, каштеляна, старосту и земскiе суды. Въ немъ бываютъ сеймы, которые начинаются двадцать недѣль спустя послѣ *виленскаго*. Округу его принадлежатъ: мм. а) *Несвижъ*—резиденция князей *Радзивилловъ*, на рѣкѣ *Ушѣ*. Тутъ также *иезуитскiй коллегiумъ* и аббатство *Бенедектиновъ*; б) *Миръ-замокъ*; в) *Налибоки*; д) *Свѣржень*, гдѣ греческiй *Studium Theologiae dogmaticae et moralis* и *Seminarium*; е) *Столицы*; ф) *Турецъ*; г) *Любечъ*; h) *Кораличи* (*Кореличи*); i) *Сълюбъ*; j) *Цыринъ*; к) *Исколоць*; l) *Клецкъ*; m) *Даревъ*; n)

Полочане возвратились къ рѣчи-посполитой и въ правленіе Мендого снова вошли въ составъ Литовскаго княжества.

*Скирмунтъ*, управляя Новогрудкомъ, не прерывалъ своихъ дружественныхъ сношеній съ Зъвибунтомъ, княземъ литовско-жмудскимъ. Съ помощію его *Скирмунтъ* поразилъ Метислана Романовича вольнскаго и пинскаго князя, а княжество пинское присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Вскорѣ послѣ этого въ Новогрудокъ прибыли вторично послы заволжскаго хана *Балаклая*, припоминая о повиновеніи хану и о харачѣ; но и они съ безславіемъ вернулись въ Орду. Пылая мщеніемъ, Балаклая собралъ несмѣтныя силы и двинулъ ихъ на Скирмунта, но подъ *Кайдановымъ* былъ пораженъ Литовцами на голову и лишился жизни. Послѣ этой побѣды Скирмунтъ вторгнулся въ Задѣпровскія владѣнія, завоевалъ землю Сѣверскую и другія и надѣлилъ ими трехъ своихъ сыновей, давъ младшему изъ нихъ *Тройнату* Новогрудокъ.

Въ правленіе *Тройната* ханъ заволжскій *Курдасъ*, мстя за смерть отца своего Балаклая, соединилъ всѣ свои орды (заволжскую, погайскую, казанскую и крымскую) и съ ними опустошалъ огнемъ и мечемъ русскія княжества. *Тройнатъ* загородилъ ему дорогу. Поддерживаемый двумя своими братьями и многими русскими князьями, онъ сразился съ *Курдасомъ* за Мозыремъ, надъ рѣкою *Окуневкой*. Битва продолжалась цѣлый день, и Татары въ третій разъ были поражены на голову. Но и со стороны побѣдившихъ также много погибло князей и воеводъ и между ними оба брата *Тройната*, обширныя владѣнія которыхъ, по праву наслѣдства, перешли ему, а вскорѣ его сыну *Алгимуту*.

Земли Алгимунта занимали пространство отъ *Виліи* до Стародуба и Чернигова; кромѣ того цѣлое Полѣсье принадлежало ему же. Новогрудокъ былъ столицею этихъ владѣній, а скоро пріобрѣлъ еще большую извѣстность, сдѣлавшись, въ правленіе наслѣдника Алгимунта—*Рингольта*, столицею всей Литвы.

Между тѣмъ умеръ *Утенъ*, сынъ Куковойта и внукъ Зъвибунта, князь жмудско-литовскій, назначивъ *Рингольта* опекуномъ своего малолѣтняго сына Свенторога. И такъ *Рингольтъ* вдругъ сдѣлался властителемъ Жмуди и всей Литвы, и первый сталъ называться великимъ княземъ литовско-жмудско-русскимъ.

На такое внезапное возрастаніе могущества *Рингольта* не

быстрою Неважею; *Ердзивиллъ* же остался въ новогрудскомъ замкѣ, распространивъ свои владѣнія отъ Виліи до Мозыря. Такимъ образомъ сила *Ердзивилла* довольно окрѣпла; власть его установилась. Въ это время вдругъ приходитъ къ Новогрудку баскаки хана Заволжской орды *Кайдана*, который, обязавъ уже многихъ русскихъ князей ежегодною данью (харачь), прислалъ своихъ баскаковъ съ тою же цѣлію и къ *Ердзивиллу*. Великій князь приказалъ принести двѣ стрѣлы и, вручая ихъ посланнымъ: «вотъ моя дань», сказалъ, а ежели она понравится вашему хану, то въ сраженіи пошлю ему еще больше». — Съ этими словами баскаки удалились. *Ердзивиллъ* же, не медля, собралъ съ Литвы и со Жмуди войско и тайно отправился съ нимъ къ Мозырю, гдѣ, при устьѣ Принети въ Диѣрть, стоялъ обозомъ самъ ханъ. Силы Татаръ безмѣрно превъшали числомъ Литовцевъ, однако, несмотря на это, послѣдніе дружно ударили на хана, разбили его войско, и самъ онъ, оставивъ огромное число своихъ воиновъ на полѣ битвы, едва могъ спастись бѣгствомъ только съ небольшою свитою. Это было первое пораженіе Татаръ Литовцами. *Ердзивиллъ* съ тріумфомъ возвратился въ Новогрудокъ, гдѣ скоро, въ преклонныхъ лѣтахъ, и кончилъ жизнь свою полную славой. Немного передъ тѣмъ умеръ также и братъ его *Викинтъ*, князь жмудскій. Наслѣдство по немъ надеялось перейти къ *Ердзивиллу*, но какъ скоропостижная смерть его помѣшала этому, то имъ завладѣлъ Зывибунтъ, князь литовскій, который, такимъ образомъ, соединилъ подъ свое господство два особенныя владѣнія, Жмудь и Литву. Одно только Новогрудское княжество держалось отдѣльно.

По смерти *Ердзивилла* владѣть имъ сталъ сынъ его *Мингайло*.

Оскорбленный пограничными съ нимъ Полочанами, онъ объявилъ имъ войну; поразилъ ихъ подъ *Городцемъ* и, въ тотъ же день достигнувъ Полоцка, провозглашенъ былъ его жителями полоцкимъ княземъ. По смерти *Мингайла* двое его сыновей *Скирмунтъ* и *Гинвиллъ*, раздѣлили между собою отцовское наследство. *Скирмунтъ*, какъ старшій, остался въ Новогрудкѣ, а *Гинвиллъ* взялъ Полоцкое княжество и, женившись на тверской княжкѣ, первый изъ литовскихъ князей принялъ греческую вѣру. Потомки его въ продолженіе трехъ поколѣній господствовали въ Полоцкѣ. По кончинѣ послѣдняго изъ нихъ *Гльба*,

Полочане возвратились къ рѣчи-посполитой и въ правленіе Мендого снова вошли въ составъ Литовскаго княжества.

*Скирмунтъ*, управляя Новогрудкомъ, не прерывалъ своихъ дружественныхъ сношеній съ Зывибунтомъ, княземъ литовско-жмудскимъ. Съ помощію его *Скирмунтъ* поразилъ Мстислава Романовича вольнскаго и пинскаго князя, а княжество пинское присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Вскорѣ послѣ этого въ Новогрудокъ прибыли вторично послы заволжскаго хана *Балаклая*, припоминая о повинненіи хану и о харачѣ; но и они съ безславіемъ вернулись въ Орду. Пылая мщеніемъ, Балаклая собралъ несмѣтныя силы и двинулъ ихъ на Скирмунта, но подъ *Кайдановымъ* былъ пораженъ Литовцами на голову и лишился жизни. Послѣ этой побѣды Скирмунтъ вторгнулся въ Заднѣпровскія владѣнія, завоевалъ землю Сѣверскую и другія и надѣлилъ ими трехъ своихъ сыновей, давъ младшему изъ нихъ *Тройнату* Новогрудокъ.

Въ правленіе *Тройната* ханъ заволжскій *Курдасъ*, мстя за смерть отца своего Балаклая, соединилъ всѣ свои орды (заволжскую, погайскую, казанскую и крымскую) и съ ними опустошалъ огнемъ и мечемъ русскія княжества. *Тройнатъ* загородилъ ему дорогу. Поддерживаемый двумя своими братьями и многими русскими князьями, онъ сразился съ *Курдасомъ* за Мозыремъ, надъ рѣкою *Окуневкой*. Битва продолжалась цѣлый день, и Татары въ третій разъ были поражены на голову. Но и со стороны побѣдившихъ также много погибло князей и воеводъ и между ними оба брата *Тройната*, обширныя владѣнія которыхъ, по праву наследства, перешли ему, а вскорѣ его сыну *Алгимунту*.

Земли Алгимунта занимали пространство отъ Вилии до Стародуба и Чернигова; кромѣ того цѣлое Полѣсье принадлежало ему же. Новогрудокъ былъ столицею этихъ владѣній, а скоро приобрѣлъ еще большую извѣстность, сдѣлавшись, въ правленіе наследника Алгимунта—*Рингольта*, столицею всей Литвы.

Между тѣмъ умеръ *Утенъ*, сынъ Куковойта и внукъ Зывибунта, князь жмудско-литовскій, назначавъ *Рингольта* опекуномъ своего малолѣтняго сына Свенторога. И такъ *Рингольтъ* вдругъ сдѣлался властителемъ Жмуди и всей Литвы, и первый сталъ называться великимъ княземъ литовско-жмудско-русскимъ.

На такое внезапное возрастаніе могущества *Рингольта* не

быстрою Неважею; *Ердзивиллъ* же остался въ новогрудскомъ замкѣ, распространивъ свои владѣнія отъ Вилни до Мозыря. Такимъ образомъ сила *Ердзивилла* довольно окрѣпла; власть его установилась. Въ это время вдругъ приходятъ къ Новогрудку баскаки хана Заволжской орды *Кайдана*, который, обзавъ уже многихъ русскихъ князей ежегодною данью (харачь), прислалъ своихъ баскаковъ съ тою же цѣлю и къ *Ердзивиллу*. Великій князь приказалъ принести двѣ стрѣлы и, вручая ихъ посланнымъ: «вотъ моя дань», сказалъ, а ежели она понравится вашему хану, то въ сраженіи пошлю ему еще больше». — Съ этими словами баскаки удалились. *Ердзивиллъ* же, немедля, собралъ съ Литвы и со *Жмуди* войско и тайно отправился съ нимъ къ Мозырю, гдѣ, при устьѣ Припечи въ Дибрѣ, стоялъ обозомъ самъ ханъ. Силы Татаръ безмѣрно превъышали числомъ Литовцевъ, однако, несмотря на это, послѣдніе дружно ударили на хана, разбиши его войско, и самъ онъ, оставивъ огромное число своихъ воиновъ на полѣ битвы, едва могъ спастись бѣгствомъ только съ небольшою свитою. Это было первое пораженіе Татаръ Литовцами. *Ердзивиллъ* съ триумфомъ возвратился въ Новогрудокъ, гдѣ скоро, въ преклонныхъ лѣтахъ, и кончилъ жизнь свою полною славой. Немного передъ тѣмъ умеръ также и братъ его *Викинтъ*, князь жмудскій. Наслѣдство по немъ надлежало перейти къ *Ердзивиллу*, но какъ скоропостижная смерть его помѣшала этому, то имъ завладѣлъ *Зывибунтъ*, князь литовскій, который, такимъ образомъ, соединилъ подъ свое господство два особенныя владѣнія, *Жмудь* и Литву. Одно только Новогрудское княжество держалось отдѣльно.

По смерти *Ердзивилла* владѣть имъ сталъ сынъ его *Мингайло*.

Оскорбленный пограничными съ нимъ Полочанами, онъ объявилъ имъ войну; поразилъ ихъ подъ *Городцемъ* и, въ тотъ же день достигнувъ Полоцка, провозглашенъ былъ его жителями полоцкимъ княземъ. По смерти *Мингайла* двое его сыновей *Скирмунтъ* и *Гинвиллъ*, раздѣлили между собою отцовское наследство. *Скирмунтъ*, какъ старшій, остался въ Новогрудкѣ, а *Гинвиллъ* взялъ Полоцкое княжество и, женившись на тверской княжнѣ, первый изъ литовскихъ князей принялъ греческую вѣру. Потомки его въ продолженіе трехъ поколѣній господствовали въ Полоцкѣ. По кончинѣ послѣдняго изъ нихъ *Гльба*,

въ безчисленныхъ курганахъ, посреди которыхъ возвышается Мендоговъ

«Iz Mindowsa mogli tylko kurgan mały  
Iz Mindowsowej sławy ledwie tylko imię!» (Крашевскій).

По смерти Мендога въ Литвѣ происходить большіе безпорядки и замѣшательства: его убійца *Тройнатъ* овладѣваетъ властію и титуломъ в. князя. Но и его, въ свою очередь, скоро убиваютъ: сынъ *Мендога Воишелъ*, который было уже постригся въ монахи, (\*) поймалъ *Тройната* на охотѣ, убилъ его, а самъ вступилъ на престолъ.

*Воишелъ*, достойный сынъ своего отца, нѣсколько разъ опустошалъ Мазовію, Люблинъ и Пруссію, ходилъ на Волинь противъ *Льва Даниловича*, который его, во время переговоровъ, и убилъ. Услыша эту вѣсть, литовскіе бояре съѣхались въ бывшій Керновъ и единодушно избрали, въ 1268 г., на великокняжескій литовско-жмудско-русскій престолъ *Свенторога* (\*), сына *Утенуса*, на 96 году его жизни.

*Свенторогъ* правилъ княжествомъ десять лѣтъ; въ 1270 г. онъ скончался. Съ его смертію и *Новогрудокъ* начинаетъ мало

(\*) *Воишелъ*, господствуя въ *Новогрудкѣ*, славился тиранствомъ, ежедневно плагая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще, при жизни отца, сдѣлался христіаниномъ и смягченный вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую; уѣхалъ къ *Данилу Галицкому*, крестилъ сына *Льва Юрія*, отказался отъ свѣта, жилъ долго въ обители полоцкаго игумена *Григорія*, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть *Іерусалимъ* и *гору Авонскую* возвратился съ пути и на берегу *Нѣмана* основалъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ. (Вавель съ нимъ жилъ игумень этого монастыря *Елисей Нарбутъ*). Это мѣсто теперь называется *Лаврышевельмъ*, недалеко отъ *Новогрудка*. Церковь лаврышевская построена, во имя Воскресенія Христова, литовскимъ княземъ *Римундомъ* въ 1281 году<sup>1</sup>.

*Мендогъ* ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ христіанству. Но вѣсть о несчастной смерти его отца произвела въ *Воишелъ* дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечъ и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ черезъ три года снова надѣть ее когда отмститъ врагамъ *Мендога*. (Исторія Карамзина).

(\*) «Jest wieczny ogień w zamku  
Swientoroga,  
«Ten ogień żywią pobożne kapłany.»  
(Mieckiewicz).

скихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, выступаетъ на средину великій князь, соудствующій большою свитою высшихъ сановниковъ и рыцарей литовскихъ.

Начинается крещеніе. Папскій легатъ, законный братъ Гейдериха, въ то время епископа хельмскаго, совершаетъ священный обрядъ и надѣваетъ на Мендога литовскую корону.

Однакожь Мендогъ недолго оставался въ новой вѣрѣ; опасность со стороны крестоносцевъ и Руси миновалась, и Мендогъ, жалѣя недавно уступленныхъ владѣній, отказался отъ королевскаго титула и въ 1255 опять обратился въ идолопоклонство. Снова забралъ уступленные имъ владѣнія и страшнымъ образомъ опустошилъ княжества любельское и мазовецкое. Большую добычу отослалъ въ Литву, далъ вмѣстѣ съ тѣмъ сыну своему *Воишелу* Новогрудокъ, съ титуломъ «короля русскаго», а самъ напалъ на прусскихъ крестоносцевъ и разрушилъ почти всѣ, новозаложенные ими, города и замки. Только-что окончилъ свои побѣды въ Пруссіи, какъ снова принужденъ былъ воевать, во второй разъ, съ *Товцивилломъ*, шедшимъ съ *Ятвягами*, *Жмудью* и *Даниломъ* Галицкимъ на Новогрудокъ. Мендогъ вышелъ на встрѣчу, но, боясь, вѣроятно, постыднаго пораженія, спрятался въ небольшомъ замкѣ *Борутъ*. Война эта продолжается цѣлый годъ, и въ 1258 г. Данилъ уступаетъ Литвѣ на вѣчныя времена земли, принадлежація Бресту, Мельнику, Слониму, Новогрудку, Волковьску, Бѣльску и Гродно съ обязанностью помогать противъ каждаго врага, при чемъ женить своего сына Шварна на дочери Мендога; *Воишелъ* оставляетъ титулъ короля русскаго и принимаетъ названіе князя новогрудскаго (*Нарбутъ*; *Ярошевичъ*). Но блистательное поприще Мендога кончается: племянникъ *Тройнатъ* съ двумя своими сыновьями *Руклою* и *Репикассою* измѣннически убиваетъ его въ 1263 году, за похищеніе жены *Довмунта*, занальшавскаго князя.

«Na Novogródzkim polu czyja to mogiła,  
Ogromniem ciałem swoim gaisć kości pokryła?  
—Mindovsa to mogiła, jak Mindovsa sława».

которая запечатлѣла своєю памятью поля новогрудскія, устала ихъ грудами костей, оросила кровью его воиновъ и погребла ихъ

въ безчисленныхъ курганахъ, посреди которыхъ возвышается Мендоговъ

«Iz Mindowsa mogli tyko kurgan mały  
Iz Mindowsowej sławy ledwie tyko imie!» (Крашевскій).

По смерти Мендога въ Литвѣ происходятъ большіе безпорядки и замѣшательства: его убійца *Тройнатъ* овладѣваетъ властію и титуломъ в. князя. Но и его, въ свою очередь, скоро убиваютъ: сынъ *Мендога Воишелъ*, который было уже постригся въ монахи, (\*) поймалъ *Тройната* на охотѣ, убилъ его, а самъ вступилъ на престолъ.

*Воишелъ*, достойный сынъ своего отца, нѣсколько разъ опустошалъ Мазовію, Люблинъ и Пруссію, ходилъ на Вольшь противъ Льва Даниловича, который его, во время переговоровъ, и убилъ. Услыша эту вѣсть, литовскіе бояре съѣхались въ бывшій Керновъ и единодушно избрали, въ 1268 г., на великокняжескій литовско-жмудско-русскій престолъ *Свенторога* (\*), сына Утенуса, на 96 году его жизни.

*Свенторогъ* правилъ княжествомъ десять лѣтъ; въ 1270 г. онъ скончался. Съ его смертію и Новогрудокъ начиаеть мало

(\*) *Воишелъ*, господствуя въ Новогрудкѣ, славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще, при жизни отца, сдѣлался христіаниномъ и смягченныи вѣдою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Данилу Галицкому, крестилъ сына Льва Юрія, отказался отъ свѣта, жилъ долго въ обители половецкаго игумена Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Авонскую возвратился съ пути и на берегу Пѣмана основалъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ. (Вѣсть съ нимъ жилъ игумень этого монастыря *Елисей*. Нарбутъ). Это мѣсто теперь называется *Лаврышевль*, недалеко отъ Новогрудка. Церковь лаврышевская построена, во имя Воскресенія Христова, литовскимъ княземъ *Римундогъ* въ 1281 году).

*Мендогъ* ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ христіанству. Но вѣсть о несчастной смерти его отца произвела въ *Воишелъ* дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечъ и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее когда отступитъ врагамъ *Мендога*. (Исторія Карамзина).

(\*) «Jest wieczny ogień w zamku  
Swientoroga,  
«Ten ogień żywią pobożne kapłany.»  
(Mieckiewicz).

скихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, выступаетъ на средину великій князь, сопутствуемый большою свитою высшихъ сановниковъ и рыцарей литовскихъ.

Начинается крещеніе. Папскій легатъ, законный братъ Гейдериха, въ то время епископа хельмскаго, совершаетъ священный обрядъ и надѣваетъ на Мендога литовскую корону.

Однакожъ *Мендогъ* недолго оставался въ новой вѣрѣ; опасность со стороны крестоносцевъ и Руси миновалась, и *Мендогъ*, жалѣя недавно уступленныхъ владѣній, отказался отъ королевскаго титула и въ 1255 опять обратился въ идолопоклонство. Снова забралъ уступленные имъ владѣнія и страшнымъ образомъ опустошилъ княжества любельское и мазовецкое. Большую добычу отослалъ въ Литву, далъ вмѣстѣ съ тѣмъ сыну своему *Воишелу* Новогрудокъ, съ титуломъ «короля русскаго», а самъ напалъ на прусскихъ крестоносцевъ и разрушалъ почти всѣ, новозаложенные ими, города и замки. Только-что окончимъ свои побѣды въ Пруссіи, какъ снова принужденъ былъ воевать, во второй разъ, съ *Товцивилломъ*, шедшимъ съ Ятвягами, Жмудью и *Даниломъ* Галицкимъ на Новогрудокъ. Мендогъ вышелъ на встрѣчу, но, боясь, вѣроятно, постыднаго пораженія, спрятался въ небольшомъ замкѣ *Борутъ*. Война эта продолжается цѣлый годъ, и въ 1258 г. Даниль уступаетъ Литвѣ на вѣчныя времена земли, принадлежація Бресту, Мельнику, Слониму, Новогрудку, Волковыску, Бѣльску и Гродно съ обязанностью помогать противъ каждаго врага, при чемъ женить своего сына Шварна на дочери Мендога; *Воишелъ* оставляетъ титулъ короля русскаго и принимаетъ названіе князя новогрудскаго (Нарбутъ; Ярошевичъ). Но блистательное поприще Мендога кончается: племянникъ *Тройнатъ* съ двумя своими сыновьями *Руклою* и *Репикасою* измѣннически убиваетъ его въ 1263 году, за похищеніе жены Довмунта, занальшавскаго князя.

«Na Novogródzkim polu czyja to mogiła,  
Ogromniem ciałem swoim garsć kości pokryła?  
—Mindovsa to mogiła, jak Mindovsa sława».

которая запечатлѣла своею памятью поля новогрудскія, устлала ихъ горами костей, оросила кровью его воиновъ и погребла ихъ

развалины; крѣпкія его стѣны, изпещренные бойничными отверстіями, рушатся, и только двѣ башни (V), уцѣлѣвшія до нашего времени, свидѣтельствуютъ еще о его прежней славѣ и могуществѣ.

## ПРИМѢЧАНІЯ.

(I) *Витъ*, епископъ любчанскій, посланъ былъ въ Литовскую Русь, которой тогда столицею былъ Новогрудокъ (Русскій). Но въ *Любичь* (2 мили отъ Новогрудка, имѣіе, принадлежавшее тогда *Андрю Кіану*, любимцу в. к. литовскаго *Мендога*) нашелъ онъ себѣ пристанище; тутъ заложилъ онъ римско-католическій костелъ и при немъ доминиканскую миссію. Нарбутъ приводитъ слова *Станислава Адамовича*, который, разсматривая какое-то конкурсное дѣло, нашелъ въ бумагахъ слѣдующее извѣстіе: *Любечъ* съ принадлежащими ему, въ уѣздахъ Новогрудскомъ, Ошмянскомъ и Лидскомъ, землями находился, по дарственной записи *Мендога* во владѣніи *Анорелъ Васильевича Кіана*, кіевскаго боярина. Этотъ бояринъ, въ слѣдствіе татарскихъ грабежей и разбоевъ, ушелъ изъ Кіева къ *Мендогу*, принялъ римско-католическую вѣру и подарилъ *Любчу* еще имѣіе *Люголовици* (въ Ошмянскомъ уѣздѣ) съ нѣсколькими фермами. При *Гедеминь* доминиканцы перенесли свое мѣстопробываніе изъ *Любча* въ Новогрудокъ. (Przypomnienie ze starej daty przez Th. Narbuta).

(II) *Dzieje kościoła....* Лукашевича Познань. 1843 г.

(III) 1781 г. памятникъ для Новогрудка: нѣсколько тысячъ шляхты съѣхались для выбора земскаго писаря. По смерти *Тадеуша Данейки* всѣ желали *Михайла Рейтана*, брата Тадеуша. Не хотѣли—воевода новогрудскій *Неселовскій* и каштелянъ *Елскій*. *Неселовскій*, желая помѣшати этому выбору, уговорилъ *Казимира Гарабурду*, мужа родной сестры Рейтановъ, полать желаніе на это мѣсто. Начались споры. Помѣшники поѣхали въ бернардинскій монастырь, на балотировку. Снова стали споры, *Гарабурда* началъ ругаться, *Михаилъ Рейтанъ* выхватилъ на него саблю, и, если бы не Бернардины, онъ-бы окровавилъ *Гарабурду*. Долго еще спорили, наконецъ выбрали *Михаила Рейтана*. (Opowiadanie Starca.... Ржевусскаго).

(IV) Молодежь, какъ можно долѣе, удерживалась у іезуитовъ, подъ ферулою; не старались ни объ облегченіи преподаванія наукъ, ни о томъ, чтобы примѣнить предметъ къ понятію каждаго ученика; напротивъ они затрудняли это. Навлучшія лѣта юности проходили въ затвержваніи наизусть изъ *Альвара* правилъ грамматики, написанныхъ стихами, и т. об. развивали болѣе память, нежели разумъ. Послѣ *грамматики* объясняли *поззію*, *риторику*, а иногда и *философію*; далѣе шло *богословіе*, которымъ занимались болѣею частию тѣ, котоіые думали о духовномъ санѣ. Изъ другихъ-же наукъ, какъ напр. *исторіи*, *арифметики*, *геометріи* едва объяснялись общія, элементарныя понятія, и то не для всѣхъ. Новыхъ языковъ, кромѣ *фрацц.* вовсе не учили; даже не заботились о своемъ отечественномъ языкѣ, который чрезвычайно мѣшался ла-

тисскими выраженіями. Чтобы вполнѣ убѣдиться, какъ дурно шла педагогика іезуитовъ, стоитъ только взглянуть на программу экзаменовъ, которые выдерживались въ Вилнѣ. Заглавіе ея слѣдующее: *Experiment rocznego ścieżenia się w różnyżh umiejętnościach od Jasnie wielmożnej, młodzi szlacheckiej, edukujacej się w Collegium Nobilium Akademii wileńskiej societatis Iesu*; даней г. 1756, в мѣсяцѣ Маю. Главными авторами tego Experimentu было 21 сынѣв дѣятели и иныхъ урядниковъ, которыхъ по имени, назвику и годности wymieniono. Каждый зналъ заранѣе о чемъ его будутъ спрашивать.

*Предметы:* 1) *Языкъ французскій.* (Изложеніе Массюета Польской Исторіи Spectacle de la nature и *Ригольта*—экспериментальная физика).

2) *Латинскій языкъ* (Письма Цицерона; его рѣчь pro lege Manilia и жизнь Милтіада изъ Корнелія Непота.)

3) *Начатки Всобщей Географіи и краткое географическое ознакомленіе съ Царствомъ Польскимъ.*

4) *Физика* (о теплѣ, холодѣ, термометрахъ, ферментаціяхъ, волканахъ, потрясеніи земли, происхожденіи ключей, кровообращеніи, о силѣ и чувствѣ).

Наконецъ 3) *Священная Исторія*, какъ видно, обширно преподаваемая, въ которой разъяснялись очень важныя вопросы, какъ напр. сотворенъ-ли свѣтъ весной, или осенью? Гдѣ былъ рай и существуетъ ли теперь? Настоящій-ли былъ змѣй искушитель? Находили-ли въ мавнѣ одинаковый вкусъ и добрые, и злые? Что семьдесятъ толкователей Св. Писанія занимались переводомъ своимъ въ особенныхъ комнатахъ, или нѣтъ? и т. п. (*Obraz Litwy. Ярошевича. Wilno. 1845.*)

Кромѣ этихъ учебныхъ предметовъ отцы іезуиты ввели въ школахъ своихъ различныя игры, примѣнительно къ польскимъ обычаямъ—*potykanie sie na palcaŕu*. За монастыремъ было устроено обширное мѣсто и въ серединѣ этой площадки—*курганъ* называемый *taboret*. Школа раздѣлялась на двѣ части, какъ-бы на два войска, которыя нападали другъ на друга; защищались и брали *taboret* неприятеля. Части назывались по большей части, *Поляками* и *Турками*.

Къ іезуитамъ ходило до тысячи учениковъ. На случай ученическихъ жалобъ избирались изъ самихъ-же учениковъ судьи; судъ всегда производился въ четвергъ, по полудни, и этимъ приучали учениковъ къ защищенію дѣла, разрѣшенію жалобъ и упражняли въ діалектикѣ.

(*Opowiadanie Starca...*)

(V) *Замокъ Новоградскій* состоялъ прежде изъ 7 башенъ; на каждой было по нѣсколько орудій; вокругъ его былъ глубокой ровъ, наполненный водою, теперь высохшій. Въ народѣ ходитъ преданіе, что когда Шведы вступали въ замокъ, то ребенокъ одной шведской маркитанки упалъ съ моста въ ровъ и утонулъ. Опечаленная маркитантка (она-же была и колдуньей) прокляла за то воду, которая будто-бы съ тѣхъ поръ и исчезла (*przepadła w ziemię*).

5 Сентября, 1835 года.

*Новоградокъ.*

Старшаго учителя Новоградск. Двор. Учил.

**М. ДМИТРИЕВА.**

## IV.

### БИБЛИОГРАФІЯ.

---

#### НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

НА ПОСЛѢДНІЙ ОТЧЕТЪ КОММИССІИ ДЛЯ ЖУКОВСКОЙ ПРЕМІИ (\*).

---

Изъ отчета Коммиссіи для присужденія Жуковской преміи, напечатаннаго во 2-й книжкѣ Вѣстника Императорскаго Русскаго

(\*) Замячанія г. Члена-Сотрудника Общества А. Рославскаго-Петровскаго доставлены при письмѣ слѣдующаго содержания:

«М. Г. честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству, какъ предсѣдателю статистическаго отдѣленія, нѣсколько замѣчаній на послѣдній отчетъ Коммиссіи для присужденія Жуковской преміи и покорнѣйше прошу васъ, если вы признаете нужнымъ, сообщить эти замѣчанія Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, оставаясь въ полной увѣренности, что ваше превосходительство и почетные члены общества, столь ревностно подвизающагося на пользу отечественнаго просвѣщенія, не осудятъ меня за то, что я позволилъ себѣ вступитъ въ споръ съ коммиссіею, руководствуясь правиломъ: «Amicus Plato, magis amica veritas».

«Съ отличнѣмъ почтеніемъ и совершенною преданностію и проч.

А. Рославскій-Петровскій».

Географическаго Общества за 1858 годъ, я усмотрѣлъ, что Коммиссія, въ числѣ другихъ сочиненій, обратила вниманіе на Руководство къ Статистикѣ, изданное мною въ 1856 году и доставила о немъ свой отзывъ въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хотя отзывъ этотъ не заключаетъ ничего оскорбительнаго собственно для меня: ибо гг. рецензенты почти вовсе не входили въ разсмотрѣніе моего труда, ссылаясь на то, что теоретическая часть руководства, на основаніи положенія о жуковскихъ преміяхъ, не могла подлежать ихъ сужденію, а фактическая изложена чрезъ-чуръ коротко, да и самъ я не имѣлъ притязанія на Жуковскую премію, считая ее принадлежностію специальныхъ статистическихъ изслѣдованій, обогащающихъ науку новыми фактами, тѣмъ не менѣе не могу оставить безъ возраженія нѣкоторыхъ мыслей, мимоходомъ высказанныхъ Коммиссіею, которыя кажутся мнѣ несогласными съ истинною и которыхъ заявленіе въ нашей литературѣ, отъ имени ученаго общества, можетъ ввести въ заблужденіе будущихъ авторовъ статистическихъ руководствъ. Къ числу такихъ мыслей принадлежитъ понятіе о *краткости*, какъ *недостаткъ* въ учебникѣ. Мнѣ кажется, что, рассуждая о руководствѣ, предназначенномъ для употребленія юношества, необходимо отличать краткость объема, т. е. недостатокъ толщины въ книгѣ отъ скудости содержанія. Если руководство бѣдно содержаніемъ, т. е. фактами, служащими къ характеристикѣ извѣстнаго предмета, то, очевидно, оно не удовлетворяетъ своему назначенію; напротивъ — краткость объема, зависящая отъ соблюденія экономіи въ словахъ, разумѣется, безъ ущерба для ясности изложенія, считалась всегда достоинствомъ въ учебникѣ, и если слова одного древняго писателя: «*большая книга—большое зло*» могутъ имѣть примѣненіе, то, конечно, къ сочиненіямъ, имѣющимъ цѣлью познакомить учащихся съ главными результатами, добытыми наукою, гдѣ все вниманіе автора должно быть обращено на то, чтобы, не входя въ подробности, умѣть охарактеризовать предметъ немногими, но существенными чертами. Слѣдовательно, выставя краткость, какъ недостатокъ въ изданной мною книгѣ, гг. рецензенты должны

---

Отдѣленіе Статистики, которому были доложены замѣчанія г. профессора, постановило напечатать ихъ въ Вѣстникѣ на судъ читающей публики, дабы она сама могла сравнить ихъ съ отчетомъ коммиссіи, вызвавшимъ объясненія г. Рославскаго-Петровскаго. См. въ этой книгѣ въ отд. Приложенія засѣданіе Отдѣленія Статистики. *Ред.*

были указать не на число страницъ въ ней, но на отсутствіе того или другаго факта, важнаго для познанія общей системы элементовъ государственной жизни пяти европейскихъ державъ. Кто читаетъ со вниманіемъ мою книгу, тотъ, надѣюсь, не скажетъ, чтобы она была бѣднѣе числовыми данными другихъ статистическихъ руководствъ, изданныхъ на русскомъ языкѣ. Не говоря о другихъ отдѣлахъ, отличающихся большею полнотою, приведу въ примѣръ сдѣланный мною очеркъ мануфактурной промышленности, по мнѣнію рецензентовъ, особенно страдающій краткостью. Въ этомъ очеркѣ, какъ ни братокъ онъ, помѣщаясь всего на двухъ страничкахъ, находятся числовыя данныя для сравнительной оцѣнки мануфактурной промышленности нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ въ трехъ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) со стороны обширности производства (валовой стоимости мануфактурныхъ издѣлій вообще и относительно къ народонаселенію); б) значительности выголь, получаемыхъ фабрикантами, какъ признака большаго или меньшаго процвѣтанія промышленности и в) степени совершенства ея механической части; данныя, которыя, не представляя полной характеристики предмета, даютъ о немъ болѣе опредѣлительное понятіе, чѣмъ нерѣдко встрѣчающіяся въ статистическихъ руководствахъ общія выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «въ такомъ то государствѣ мануфактурная промышленность процвѣтаетъ, а тамъ-то она находится въ посредственномъ состояніи». Конечно я могъ бы значительно увеличить объемъ статьи, включивъ въ нее отдѣльныя производства, но тогда, при невозможности собрать о многихъ изъ нихъ числовыя данныя, мнѣ пришлось бы зайти въ область описательной статистики, что было бы противно основной мысли моего сочиненія: представить въ органической связи и, при томъ, наглядно настоящее развитіе элементовъ государственной жизни пяти первоклассныхъ державъ Европы, — мысли, которая проведена чрезъ весь очеркъ, и которой книга моя, вѣроятно, обязана тѣмъ, что она не только признана полезною для учащихся, но и возбудила, при своемъ появленіи, интересъ и въ взрослыхъ, судя, по выпискамъ, сдѣланнымъ изъ нея разными періодическими изданіями, въ томъ числѣ газетой *le Nord*, помѣстившею на своихъ столбцахъ главные результаты составленнаго мною очерка сравнительной Статистики.

Вторая мысль, высказанная Коммиссіею, противъ которой я намѣренъ возражать, относится къ примѣчаніямъ, помѣщеннымъ въ концѣ Руководства. Гг. рецензенты упрекаютъ меня за то, что я слишкомъ пространно изложилъ статью о движеніи народонаселе-

нія въ ущербъ другихъ, гораздо важнѣйшихъ, данныхъ. Хотя они не говорятъ, какія это данныя, но сдѣланное ими нѣсколько выше замѣчаніе (см. 134 стр.) на то, что «состояніе мануфактурной промышленности всѣхъ пяти государствъ изложено въ Руководствѣ всего на двухъ страничкахъ», заставляетъ думать, что мануфактурная промышленность, по мнѣнію ихъ, принадлежитъ къ числу предметовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія Статистики. Признаюсь, упрекъ, сдѣланный мнѣ Коммиссіею, чрезвычайно удивилъ меня. Сколько мнѣ извѣстно, всѣ статистики приписываютъ движению народонаселенія особенную важность. Такъ одинъ изъ именитыхъ ученыхъ прошлаго столѣтія, нашъ русскій академикъ Крафтъ, разсуждая о таблицахъ народонаселенія, послужившихъ основой къ изслѣдованіямъ политико-арифметиковъ, говоритъ, что «таблицы эти не только представляютъ истины новыя, открывая удивительный порядокъ, соприсутствующій роду человѣческому во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ прежде предполагали дѣйствіе слѣпаго случая, но и заслуживаютъ особеннаго вниманія правительствъ, относясь къ *первому изъ государственныхъ богатствъ*, т. е. жизни, благосостоянію и умноженію подданныхъ». Притомъ же не должно забывать, что эта часть статистическихъ изслѣдованій разработана лучше другихъ и сравнительно богаче матеріалами, годными для употребленія. Превосходные труды Кетле, Бернулли (\*) и Дюфо, такъ много способствовавшіе усвоенію Статистикѣ того научнаго характера, которымъ она можетъ похвалиться въ наше время, посвящены, или исключительно или главнымъ образомъ, народонаселенію, занимаясь преимущественно фактами, относящимися до движенія его. Впрочемъ, и сами члены Коммиссіи не вездѣ одинаково судятъ объ относительной важности предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію Статистики. Упрекая меня за слишкомъ странное изложеніе статьи о движеніи народонаселенія, они чрезъ нѣсколько страницъ ниже (см. 141 стр.), разбирая статистическое описаніе Кіевской губерніи покойнаго Д. П. Журавскаго, одобряютъ автора за то, что онъ изложилъ особенно подробно и отчетливо, какъ и должно было ожидать, факты, касающіеся народона-

---

(\*) Populationistik Бернулли, въ 1-й части своей, содержитъ 434 страницы, изъ которыхъ 330 относятся къ движенію народонаселенія. Кетле посвятилъ этому предмету почти половину своего *Essai de Physique sociale* (р. 37—339). Въ *Traité de Statistique* Дюфо движеніе народонаселенія занимаетъ 62 страницы (190—252), а факты, относящіеся къ промышленности и къ путямъ сообщенія, изложены на 2 страницахъ (349—369).

селенія. Въ заключеніе позволяю себѣ сдѣлать еще одно возраженіе. По словамъ рецензентовъ, изъ 58 страницъ, посвященныхъ Руководствомъ исключительно Статистикѣ Россіи, движеніе народонаселенія занимаетъ 41 страницу. Замѣчаніе это, очевидно, сдѣланное съ цѣлью *доказать*, что въ Руководствѣ не соблюдено надлежащей соразмѣрности между отдѣльными частями его, было бы умѣстно, если бы оно могло быть отнесено къ тексту книги, но въ самомъ текстѣ пропорціональность объема сохранена до такой степени, что каждому изъ двухъ главныхъ элементовъ государственной жизни: основнымъ силамъ и народной дѣятельности (культура), посвящено почти равное число страницъ; распространить же подобное требованіе и на примѣчанія (\*), не представляющія одного систематическаго цѣлага, едва ли справедливо, да и самый счетъ страницъ, сдѣланный рецензентами, не вѣренъ. Движенію народонаселенія посвящено въ Руководствѣ 30 страницъ (113—143), а все примѣчанія, относящіяся къ Статистикѣ Россіи, занимаютъ 54 страницы. Конечно неточность эта сама по себѣ маловажна и не заслуживаетъ вниманія. Но видя, что рецензенты сдѣлали ошибку въ ссылкѣ на книгу, подлежащую ихъ сужденію, не вѣрнѣ ли иной невѣрующей усомниться въ томъ, что они приняли на себя трудъ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ разобранныхъ ими сочиненій и ближайшаго знакомства съ тѣми источниками, на которыя опираются эти сочиненія? Впрочемъ, смѣю увѣрить комиссію, что я не принадлежу къ числу сихъ невѣрующихъ.

Этимъ оканчиваю мои возраженія, которыя, еще разъ повторяю, вызваны не авторскимъ самолюбіемъ, но желаніемъ успѣховъ русской наукѣ: ибо я увѣренъ, что отечественное просвѣщеніе мало выиграетъ, если будущіе издатели статистическихъ руководствъ, основываясь на мнѣніяхъ, высказанныхъ Коммиссіею въ отзывѣ о моемъ трудѣ, станутъ дарить русское юношество тол-

---

(\*) Если нужны примѣры, то могу сослаться на извѣстное сочиненіе Легоа «La France Statistique (Paris, 1843), въ которомъ цѣлая половина примѣчаній, объясняющихъ таблицы, относится къ движенію народонаселенія (р. LXXXIX—CV), между тѣмъ какъ состояніе всей мануфактурной промышленности Франціи представлено въ одной таблицѣ, занимающей двѣ страницы. Если въ специальномъ сочиненіи дано такъ мало мѣста мануфактурной промышленности, то, спрашивается, справедливо ли требовать пространнаго изложенія ея отъ Руководства, имѣющаго цѣлью познакомить учащихся съ общими началами науки и съ примѣненіемъ этихъ началъ къ современному быту главнѣйшихъ государствъ Европы?

стыми книгами, посвящая значительную часть ихъ мануфактурной промышленности, въ ущербъ другихъ, гораздо важнѣйшихъ, предметовъ, каковы законы движенія народонаселенія, представляющіе высокій научный интересъ и заслуживающіе, какъ справедливо замѣтилъ Крафтъ, особеннаго вниманія правительствъ, относясь къ первому изъ государственныхъ богатствъ, т. е. жизни, благосостоянію и умноженію подданныхъ.

**АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВСКІЙ-ПЕТРОВСКІЙ.**



## V.

### КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ.

---

**ЛЕГЕНДА О ТУЛЯКѢ.** У Туляка было сто товарищей. Разъ собрались они ловить невзрослыхъ птичекъ (1). Каждый изъ нихъ поймалъ по нѣскольку маленькихъ кречетовъ. Туляку же выдѣлили одного маленькаго филина. Лишь возвратились домой, какъ птицы все сдѣлались годными для охоты (2). Изъ ста товарищей Туляка шестьдесятъ молодцовъ сговорились раздѣлить между собою лучшихъ лошадей для поѣздки на охоту съ птицами, т. е. кречетами, и каждый изъ нихъ взялъ по одному аргамаку, а Туляку дали сиваго стрегуна, т. е. двухъ-годовалаго жеребчика. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ, взявъ своихъ птицъ, верхомъ отправился на охоту. Подѣхавъ къ одному большому озеру, они пустили своихъ птицъ; тѣ, т. е. кречеты, для однихъ наловили гусей, для другихъ журавлей, для нѣкоторыхъ утокъ (3). Филинъ Туляка и самъ превратился въ кречета и взмахомъ своихъ крыльевъ сшибъ въ томъ озерѣ семь лебедей, которыхъ Тулякъ и взялъ съ собою. На обратномъ пути молодцы тѣ сдѣлали скачку, и сивый стрегунъ Туляка, превратившись въ сиваго аргамака, бѣгъ котораго подобенъ былъ быстротѣ вѣтра (4), перегналъ всехъ лошадей тѣхъ молодцовъ. Удивились они и разсуждали между собою, что за обиду и оскорбленіе терпятъ они отъ Туляка: филинъ его обратился въ кречета, а стрегунъ въ аргамака. Потолковавъ, сговорились тѣ шестьдесятъ

молодцовъ между собою вколотить ночью въ копыта аргамака, принадлежащаго Туляку, шестьдесятъ гвоздей до самаго тѣла. Но въ ту ночь, когда они такъ злоумышляли противъ Туляка, явился ему Хызырь (\*) и говоритъ: о! сынъ мой, ты спишь безопасно; а твои товарищи строятъ козни противъ тебя, вбили они въ ноги твоего коня гвозди. Я тебя научу молитвѣ (\*\*), называемой *исъми эгамъ*. Прочитай ее, если ты дунешь на ноги твоего коня, то и все гвозди выпадутъ безъ вреда, и такъ же, если будешь находиться въ какихъ нибудь трудныхъ обстоятельствахъ, произнеси только сказанную молитву. Тулякъ тотчасъ проснулся, но Хызыря уже не было. Подошедши къ лошади, увидѣлъ онъ, что во все ноги ея вколочены гвозди. Какъ только Тулякъ произнесъ сказанную молитву—исъми эгамъ, все гвозди выпали, а ноги коня, какъ ни въ чемъ небывало, остались совершенно здоровы. Тайны этой никто не зналъ. На другой день поутру все товарищи Туляка отправились верхами, сѣлъ на своего коня и Тулякъ и отправился къ одному большому озеру посмотрѣть птицъ; увидѣвъ его товарищи, что онъ остался безъ всякаго вреда, весьма удивились и говорили: какъ же это Тулякъ вымочилъ ноги своего коня? не успокоимся мы теперь, пока не убьемъ его. Сговоримся мы трое, двое изъ насъ снимутъ узду, а одинъ пусть стегаетъ его армака нагайкою: когда вѣтру подобный армакъ его поскачетъ, то наткнувшись гдѣ нибудь на камень или дерево, убьетъ его. Тогда мы и успокоимся. И какъ думали, такъ и сдѣлали тѣ трое молодцовъ; двое изъ нихъ сняли узду съ его аргамака; а третій началъ стегать нагайкою (5). Поскакалъ армакъ и скакалъ непрерывно шестеро сутокъ. На седьмая сутки довезъ его, т. е. Туляка, до одного моря, проѣхать котораго уже было нельзя. Сходить Тулякъ съ аргамака и видѣть у берега моря стоитъ такая дѣва, что нѣтъ ей подобной въ цѣломъ свѣтѣ—нист-ендеръ-джегонъ-ханумъ.

(Должно быть даже здѣсь пропускъ, потому что разговоръ Туляка съ водяною красавицею представляется не совсемъ связнымъ. Не рѣшаемся восполнить пропуска, хоть, какъ сей часъ можно видѣть, онъ невеликъ и легко можетъ быть отгаданъ, а будемъ продолжать легенду, какъ она есть).

Легенда содержитъ даже разговоръ между Тулякомъ и красавицею. Разговоръ ведется стихами:

(\*) Хызырь есть имя извѣстнаго пророка у магометанъ, который покровительствуетъ благонамѣреннымъ или честнымъ путешественникамъ.

(\*\*) Молитва сія заключаетъ въ себѣ святыя имена Божіи.

*Стихи дочери Чацдархина.*

Ты, считая меня своею, не влюбись сынъ богача,  
я тебѣ подарю золотую серьгу свою, сынъ богача,  
съ горя ты умрешь — удались, сынъ богача,  
все же меня не возьмешь — уклонишь, сынъ богача (6).

*Стихи Туляка.*

Насъ путешествовало сто молодцовъ, изъ которыхъ  
трое сняли узду съ моего коня.  
Мой конь быстро улетѣлъ,  
отъ быстроты мои руки одервенѣли,  
я, незная твоего имени, извиняюсь!  
скажи мнѣ, какъ твое имя? прошу тебя и кланяюсь!

*Стихи двѣушки.*

Красивый Тулякъ, сынъ молодого,  
когда твой конь бѣжалъ быстро,  
и отъ быстроты твои руки одервенѣли;  
и когда ты не знаешь моего имени,  
какъ же ты попалъ сюда,  
или ты притворяешься незнающимъ для того,  
чтобы легче насмѣяться надо мною?  
Но я знаю твое имя — ты красивый Тулякъ,  
сынъ Сари Маркаса, сказала она ему (7).

*Стихи Туляка.*

Я для тебя, дочь воды, отказываюсь отъ бѣлаго своего кречета,  
который однимъ взмахомъ своихъ крыльевъ,  
расшибалъ спину и шею птицъ, и ловилъ гусей,  
длинношеихъ журавлей, кроваво-рылыхъ волковъ,  
легконогихъ лисицъ, и, пересѣкая дорогу стаямъ птицъ, ловилъ  
ихъ всѣхъ такъ легко, что не успѣваетъ бывало взмахнуть крыль-  
ями, какъ онѣ всѣ у него уже; однимъ словомъ, имѣвъ этаго кре-  
чета, не нуждался я ни въ какихъ другихъ охотничьихъ птицахъ,  
сказалъ ей Тулякъ.

*Стихи двѣушки.*

О, красивый Тулякъ мой, сынъ богача! Зачѣмъ ты спраши-  
ваешь мое имя? Тебѣ здѣсь не долго жить, потому что наше мѣ-

сто слишкомъ не просторно; ты съ горя умрешь, и все таки меня не получишь, — вотъ тебѣ подарокъ: два шарфа и два перстня, получивъ ихъ, отъѣзжай благополучно, сынъ богача! сказала она ему.

*Стихи Туляка.*

Отрекаюсь для тебя, водяная красавица, дочь воды, отъ холко-гриво-расчесаннаго, съ быстро-шагающими ногами, вѣтру подобнаго аргамака своего (8), который что разъ шагнетъ, то мѣсячный и годовый путь пробѣжитъ. Скажи мнѣ, водяная красавица, какъ твое имя, потому что я желаю быть съ тобою, сказалъ онъ ей.

*Стихи двушки.*

О, красивый Тулякъ мой, тебѣ здѣсь не долго жить, потому что наше мѣсто слишкомъ угрюмо и не надѣйся, Тулякъ мой, что я буду твоя; лучше вотъ тебѣ подарокъ: золотой гребень и лунообразное зеркало, которые украшали мое бѣлокурое лицо!

*Стихи Туляка.*

Отрекаюсь для тебя, дочь воды, отъ матери своей, которая носила меня въ своей утробѣ девять мѣсяцевъ, согнбалась подъ тяжестью отъ меня, родила меня со вздохами, садила меня на золото-подобное колѣно, просыпалась для меня ночью три раза, кормила меня грудью, давала мнѣ сметану ртомъ своимъ и молоко изъ своихъ груди (9); (отрекаюсь) отъ своего отца, у котораго раздвоенная борода, который обвертывалъ меня черною соболевою шубою, садилъ меня на золото-подобное колѣно, раздѣлялъ для меня ночной сонъ на три раза, когда кормили меня грудью. Скажи мнѣ водяная красавица, какъ твое имя? сказалъ ей Тулякъ.

*Стихи двушки.*

Ты не берешь мой подарокъ: два шарфа, два перстня! Скажи мнѣ Тулякъ, какая же цѣль у тебя? сказала она ему.

*Стихи Туляка.*

Твой подарокъ: два шарфа, два перстня мнѣ не нужны; а золотымъ гребнемъ и лунообразнымъ зеркаломъ украшай сама лицо

свое. Вотъ тебѣ честныя слова мои: я не желаю ничего, только красоту твою! сказала ей Тулякъ.

*Послѣдніе стихи дѣвушки.*

Отведи зрѣніе твое, сынъ богача; однакожъ ты попался, смотри, со стороны твоей идутъ бить человѣкъ! Сказавши это, она тотчасъ опустилася въ воду, но длинныя о шестидесяти четвертяхъ ея волосы не успѣли все скряться въ воду, и шесть четвертей осталось на водѣ, которыя Тулякъ увидѣвъ, тотчасъ схватилъ и началъ обвертывать вокругъ руки своей, чтобы вытащить ее изъ воды. Тулякъ продолжалъ обвертывать до тѣхъ поръ, пока вытащилъ ее до своего плеча. Но лишь только Тулякъ вытащилъ ее изъ воды, какъ увидѣлъ себя въ такомъ страшномъ мѣстѣ, въ которомъ нѣтъ ни солнца, ни луны, а стоялъ одинъ стальной дворецъ, впереди котораго течетъ медовое море, а позади молочное море, а по четыремъ сторонамъ дворца водяныя моря (10). Но не смотря не на что, Тулякъ все таки не упустилъ дѣвицы. Не зная, что дѣлать, она сказала: о, юноша, теперь уже я твоя; а ты мой, пусти меня, ради Бога? Я побѣгу во дворецъ и приготовлю мѣсто и постель, потомъ уже введу и тебя. Тулякъ отвѣчалъ ей: на дорогѣ моя лошадь шла шесть дней, а ты хочешь еще откладывать, чтобъ прехитрить меня. Когда ты терпѣлъ шесть дней, потерпи еще немного, сынъ богача, сказала она ему. Тулякъ пустилъ ее, но она, вошедши во дворецъ, заперла все двери и не выходила. Тулякъ, увидавъ ея хитрость, изумился и не могъ никакъ попасть къ ней, потому что высота дворца того была безконечна. Въ такомъ положеніи Тулякъ оставался до трехъ дней. На четвертый день, послѣ утренней молитвы, онъ вспомнилъ сказанную молитву исьми эгзамъ, и лишь только сказалъ: Боже накажи солнечнымъ зноемъ эту дѣвушку, весь здѣшній народъ и всехъ животныхъ, Богъ, принявъ его молитву, тотчасъ послалъ на трое сутокъ необыкновенный продолжительный жаръ, отъ котораго до капли высохли все находившіяся въ кругѣ того дворца моря; жилъ около того дворца и народъ, помѣщавшійся въ сорока домикахъ, — отъ страшнаго жару народъ тотъ не зналъ, что дѣлать, и собрался вокругъ дворца. Между тѣмъ дворецъ началъ страшно трястись, отъ чего и чачдарханъ весьма испугался и изумившись сказалъ: въ нашемъ владѣніи, должно быть, есть кто нибудь изъ правобѣрныхъ, котораго намъ непременно должно отыскивать; иначе мы погибнемъ. Въ то же время дочь его, вспомнивъ исторію, бывшую у нее съ Тулякомъ, рассказала своему отцу все, какъ было. Чачдар-

ханъ выслушавъ, тотчасъ же приказалъ привести Туляка во дворець. Приказаніе тотчасъ было исполнено. Тулякъ былъ введенъ и Чачдарханъ съ дочерью начали просить у него прощенія, чтобы онъ не погубилъ ихъ. Тулякъ, прощая ихъ, лишь только произнесъ извѣстную ему молитву, тотчасъ силою молитвы мѣсто то приняло свой прежній видъ. Чачдарханъ, увидѣвъ Туляка, что онъ былъ красивъ, отдалъ за него свою дочь, съ которою и жилъ Тулякъ тотъ нѣсколько времени благополучно и счастливо. Спустя нѣсколько времени однажды Чачдарханъ, нашедши Туляка желтолицымъ и весьма скучнымъ, сказалъ ему: дитя мое, любезный зять, вѣроятно ты соскучился по своихъ родныхъ, поѣзжайте на родину; а если захочешь жить здѣсь, то и опять приѣзжай; вотъ вамъ половина моего богатства; но на дорогѣ будьте осторожны, не оглядывайтесь назадъ, до тѣхъ поръ, пока доѣдете до родины (11). Тулякъ, услышавъ это отъ своего тестя, съ радости отправился съ своею водяною красавицею. Доѣзжая до того мѣста, въ которомъ водяная красавица опустилась въ воду, увидѣлъ Тулякъ своего аргмака, который съ голода сдѣлался, какъ жеребенокъ, и кречета, который съ голода сдѣлался какъ жаворонокъ. Но лишь только произнесъ Тулякъ свою молитву *исми эзалимъ*, какъ тотчасъ они приняли прежній видъ и Тулякъ тутъ же отпустилъ ихъ на волю. Послѣ того, когда они доѣхали до одной высокой горы, называемой Балканскою горою, то Тулякъ сказалъ красавицѣ: зачѣмъ мы не оглянемся назадъ? Взошедши на самую гору, Тулякъ дѣйствительно оглянулся назадъ и увидѣлъ множество скота, который выходя изъ воды шелъ къ нему непрерывною вереницею. Водяная красавица, видя то, сказала ему: ахъ какой ты неосторожный, вотъ, видишь ли, скотъ, вышедшій изъ воды, отдѣлился отъ того, который несовершенно еще вышелъ; и тотъ обратно ушелъ въ воду (12). Когда они жили на одной Балканской горѣ, съ своими водяными скотами, видѣвшіе ихъ люди приѣзжали къ нимъ и спрашивали, что они за люди и просили ихъ къ себѣ въ гости; но скоро за тѣмъ водяная красавица отошла отъ міра, и ее погребли на оной Балканской горѣ. Послѣ того когда Туляка привезли на его родину, то и ему исполнилось предопредѣленное Богомъ время его; онъ отошелъ отъ міра и былъ погребенъ на той же Балканской горѣ. Весь скотъ увели родственники его. Истинность Богъ самъ знаетъ.

## ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Заниматься ловлею или стрѣліемъ маленькихъ птичекъ прилично только дѣтямъ, а не какому нибудь силачу. Смотри Вѣстникъ Географическаго Общества 1833 года. Часть XV стр. 207.

(2) Подобныя превращенія дѣло обыкновенное въ татарскихъ сказкахъ, напр. какая нибудь шедущая лошадь мгновенно можетъ превратиться въ самаго статнаго аргамака, и на оборотъ, тамъ же стр. 128.

(3) Охота «кречетами» и теперь очень обыкновенна между уфимскими Татарами. Ловятъ птицъ и кречетами и кончиками (меньшая порода сокола) и ястребами.

(4) Обыкновенное сравненіе Татаръ. Въ ходу еще сравненіе скорости лошади съ быстрою стрѣлою.

(5) Держимся сколько возможно ближе подлинника.

(6) Тоже—ближе подлинника.

(7) Въ татарскомъ языкѣ глаголъ главный—управляющій ставится на концѣ.

(8 и 9) Такъ въ подлинникѣ.

(10) Сказочные домы у Татаръ представляются большею частію металлическими, напр. желѣзными (въ поэмѣ Баламакъ Камъ. Вѣстникъ Географическаго Общества 1835 г. Часть XV стр. 124).

(11) Какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ сказкахъ представляется опаснымъ оглядываться назадъ. «Такъ въ поэмѣ Баламакъ-Камъ» шамаялъ запрещаетъ Бѣлому-Лушо-Богатырю заглядываться на другихъ богатырей, иначе ждетъ его смерть. Въ западно-русскихъ сказкахъ также представляется опаснымъ оглядываться назадъ. Такова напр. сказка «Три сестры Чаровницы.» См. Пантеонъ русскихъ театровъ 1835 г. Срав. Вѣстникъ Географическаго Общества, часть XV стр. 122.

(12) Т. е. Тулякъ былъ бы гораздо богаче, имѣя бы болѣе скота, еслибы не вздумалъ оглянуться назадъ.

Въ заключеніе остается предложить вопросъ о самомъ Тулякѣ. Что это за лице? Преданіе оренбургскихъ или лучше уфимскихъ магометанъ считаетъ его святымъ, указываетъ даже его могилу—на Балканскихъ горахъ. Горы эти, извѣстныя подъ симъ именемъ и до сихъ поръ у зѣвшихъ магометанъ находятся, въ 15 или 16 верстахъ къ юго-западу отъ Уфы, и въ 8 вер. отъ р. Дѣмы. Магометане считаютъ ихъ святыми.

Между татарскими легендами большая часть эвическаго содержанія. Таковы напр. поэмы миусинскихъ Татаръ, въ которыхъ только и рѣчи, что о непобѣдимой силѣ того или другаго богатыря, предъ которымъ напр. и земля дрожить и море пѣшится. Очевидно такое представленіе можетъ заимать воображеніе народа или племени, стоящаго лишь на низкой степени, цивилизаціи, когда воображеніе поражается только чѣмъ нибудь колоссальнымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго.

Легенда же о Тулякѣ инаго характера. Здѣсь главное дѣйствующее лице не богатырь и не какой нибудь силачъ: это простодушный магометанинъ, которому покровительствуетъ *Хызыръ*—зророкъ, защитникъ простодушія и незлобія. Подъ

покровительствомъ такого защитника Тулякъ безопасно выдерживаетъ всѣ кovy, какіе строили ему его товарищи.

Легенды, какъ всѣ вообще, такъ въ частности татарскія, много заключаютъ въ себѣ матеріаловъ, служащихъ къ разъясненію исторіи, религіи, нравовъ и обычаявъ народа. Всего этого мы не находимъ въ предлагаемой легендѣ. Но зато въ ней есть элементъ другаго рода: это представленіе, относящееся къ кругу религіозныхъ преданій магометанскихъ, которыхъ много у *Суннитовъ* и въ частности *Ханифитовъ*, каковы и здѣшніе магометане.

### ЛЕВЪ СУХОДОЛЬСКІЙ.

**ФРАНЦУЗСКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ КАЙЕННѢ.** Въ числѣ сочиненій, обнаруженныхъ Іезуитами о своихъ миссіяхъ въ Кайеннѣ (\*), мы находимъ рядъ писемъ, отправленныхъ съ 1852 по 1856 г. членами этого ордена къ своимъ товарищамъ и знакомымъ въ Европѣ, сообщающихъ — хотя мимоходомъ — весьма замѣчательныя свѣдѣнія о положеніи тамошнихъ поселеній. Страшныя извѣстія, дошедшія по временамъ до насъ объ участи поселенцевъ, казались всѣмъ преувеличеніями, выдумками враговъ французскаго правительства, и недостатокъ въ вѣрныхъ источникахъ объ этомъ важномъ предметѣ сдѣлался отъ того тѣмъ чувствительнѣе. Писемъ же смиренныхъ братьевъ, которые сами вызвались на тяжелое служеніе въ томъ убійственномъ климатѣ и теперь еще дѣйствуютъ тамъ по порученію самаго французскаго правительства, нельзя подозрѣвать въ пристрастіи; тѣмъ менѣе, что всякое преувеличеніе затрудненій, ожидающихъ тамъ духовнаго пастыря, должно устрашать всякаго отъ столь опаснаго труда, слѣдственно вредить цѣлямъ ордена. Когда читаешь, что должность миссіонера въ Кайеннѣ ограничивается дѣяніями христіанской и апостольской любви, «неоставленіемъ умирающихъ утѣшеніемъ и духовнымъ напутствованіемъ за больными и умираніемъ съ ними и за нихъ», то такое описаніе можетъ казаться обыкновенною, умильною фразою; однакожь скоро убѣждаешься въ горькой, буквальной истинѣ этихъ словъ.

Видно прежде всего, что правительство при выборѣ ссылочныхъ мѣстъ имѣло въ виду одну только полицейскую безопасность, лишающую ссыльныхъ всякой возможности къ бѣгству и ради этой цѣли непростительнымъ образомъ пренебрегая условіями, необходимыми для жизни и здоровья содержащихся. Избрали для нихъ маленькіе острова вблизи нездороваго берега или мѣста

(\*) Подъ заглавіемъ: *Mission de Cayenne et de la Guyane française, Paris. 1857. Прим. Ред.*

на материкѣ, недоступныя отъ непроходимыхъ и заразительныхъ болотъ. Эти мѣста лишены почти всякой производительности, такъ что нужно подвозить къ нимъ изъ столицы почти все жизненныя потребности; одинъ парохоль и одно маленькое судно служатъ два раза въ мѣсяць средствомъ сообщенія между Кайенною и мѣстами ссылки. Острова, въ сравненіи съ колоніями на твердой землѣ, находятся въ завидномъ положеніи, такъ какъ напитанный лихорадочными міазмами воздухъ по временамъ очищается морскими вѣтрами; однакожъ и на нихъ положеніе содержимыхъ самое отчаянное.

Ближе всехъ къ столицѣ, не далѣе какъ на 6 льё отъ нея, лежитъ островъ La Mère, получившій свое имя въ противоположность другому близлежащему, нынѣ совсѣмъ покинутому острову le Père. Этотъ островокъ имѣетъ около польгѣ (коихъ 25 составляютъ градусъ) въ длину и возвышается, въ видѣ зеленого, густымъ лѣсомъ обросшаго, амфитеатра, надъ волнами морскими. Съ его отлогостей, богатыхъ источниками, видны Кайенна, берега материка и островъ le Père. Жаръ былъ бы на ней нестерпимъ, еслибъ свѣжій морскою вѣтръ его не уменьшалъ. По этой причинѣ La Mère считается самымъ здоровымъ мѣстомъ у всего кайенскаго берега и даже служить убѣжищемъ для тѣхъ больныхъ, коихъ лихорадки упорствуютъ противъ всехъ средствъ на материкѣ. Однакожъ и тутъ климатъ требуетъ себѣ обильныхъ жертвъ. Патеръ Реньго (Ringot) нашелъ здѣсь 400 такъ называемыхъ волоптеровъ, т. е. отпущенныхъ ссыльныхъ, которые вытерпѣли свое наказаніе въ острогахъ и тюрьмахъ Франціи и, прельщенные разными обѣщаніями, переселились на казенный счетъ въ Кайенну, въ качествѣ свободныхъ поселенцевъ. Уже въ маѣ 1852 года транспортъ такихъ людей прибылъ въ Кайенну, а въ августѣ 1854 года патеръ д'Аббади ихъ нашелъ на островѣ La Mère все еще не получившими обѣщанныхъ участковъ земли. Въ ожиданіи они занимались работами и проложили дорогу по непроходимому лѣсу чрезъ высочайшую точку острова; между тѣмъ ихъ число очень уменьшилось, какъ говорятъ, отъ унынія, скуки и отчаянія. Уже Реньго (Ringot) пишетъ: «Un bon nombre de ces pauvres volontaires, se voyant déçus dans leurs espérances, finissent par succomber sous le poids de leur ennui et de leur tristesse.» Патеръ Гервіанъ (Herviant), пробывъ шесть мѣсяцевъ на этомъ островѣ, умеръ 12 іюня 1855 г. въ Кайеннѣ, имѣя отъ роду 43 года; изъ его преемниковъ патеръ Булонъ (Boulogne) умеръ на островѣ отъ лихорадки, 26 сентября 1856 года. Таковъ самый здоровый изъ всехъ острововъ, называемый патеромъ Аббади «un vrais paradis terrestre».

Въ 12 лѣ къ сѣверо-западу отъ столицы, почти въ серединѣ между нею и устьями Синнамари, лежатъ les Îles du Salut, три островка, прежде названные Чертовыми островами. Ихъ переименовали въ 1763 году, когда по проэку Шуазеля о населеніи Кайенны, 13,000 поселенцевъ водворились на берегу, противулежащемъ Чертовымъ островамъ у устья рѣки Куру; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ эти тысячи вымерли и лишь 30 спаслись отъ губельнаго климата материка на Чертовы острова, переименовавъ ихъ потомъ, въ знакъ благодарности, въ Острова Спасенія. Наибольшій изъ этихъ острововъ называется теперь Ile royale; второй за нимъ Ile de St. Joseph; самый меньшій удержалъ имя: Ile du Diable; на первомъ находятся преступники изъ (уничтоженныхъ) острововъ брестскаго, булонскаго и ронсфорскаго; на второмъ, особы, высланныя за политическія вины, большею частью отцы семействъ изъ южной Франціи; на самый меньшій посылаются лишь непослушные ссыльные съ другихъ острововъ. На островѣ Св. Юсефа не было еще въ 1854 г. больницы, такъ что занемогшіе политическіе виновные отправлялись для излѣченія на Королевскій островъ, къ каторжникамъ. Средняя температура Ile royale, говорятъ, + 26° С.; его климатъ почитается, въ сравненіи съ материкомъ, здоровымъ, но при этомъ разумѣется, какъ бы по закону, что всякій вновь прибывшій долженъ ему платить дань — подвергаясь неизбѣжной лихорадкѣ.

Изъ ссыльныхъ мѣстъ на материкѣ мы сперва упоминаемъ о Серебряной горѣ, le Mont d'argent, при устьяхъ Ояпока (Oyapoc), который на разстояніи около 25 лѣ къ юго-востоку отъ Кайенны, впадаетъ въ море и, разширяясь, образуетъ губу, окаймленную на западѣ Серебряною горою, а на востокѣ Мысомъ Оранскимъ (Cap d'Orange) и — если представить себѣ оба мыса соединенными прямою линіею — представляетъ почти равносторонній треугольникъ, въ коемъ каждая сторона имѣетъ отъ 3 до 4 лѣ въ длину. Въ верхъ губы, обращенный къ югу, впадаетъ Ояпокъ; на западномъ берегу, недалеко отъ деревни, населенной Неграми, находятся устья рѣки Уарани; на восточномъ берегу — устье р. Уасса, берега коей населены 200 до 300 Индѣйцевъ. Приѣзжая изъ Кайенны и обогнувъ западный мысъ, вы находитесь въ виду поселенія: оно помѣщено на полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ или, лучше сказать, раздѣленномъ отъ него огромнымъ, непроходимымъ болотомъ. Пристать къ берегу трудно; для облегченія выгрузки начата въ 1855 году постройка плотины. У подошвы горы, то есть, у самаго берега, помѣщены каменные магазины, постройка коихъ еще не была окончена въ мартѣ 1855 г.; выше за ними

сѣдуетъ помѣщеніе для коменданта и для его штаба, госпиталь, помѣщеніе сестеръ Св. Павла и почти на верхушкѣ горы лагерь (camp), окруженный палисадникомъ, съ жилищами преступниковъ. Окрестныя болота, илъ и нечистоты, оставшіеся на плоскихъ берегахъ и островкахъ Ояпока, дожди, продолжавшіеся, при тропическомъ жарѣ, восемь или девять мѣсяцевъ, производятъ здѣсь убійственные мѣасмы, и дѣлаютъ Mont d'Argent весьма опаснымъ. Хотя одинъ изъ миссіонеровъ увѣряетъ, что лихорадка, которой ни одинъ изъ сюда прибывшихъ не избѣгаетъ, конечно очень тягостна, однакожь при надлежащей предосторожности отнюдь не смертельна; но больницы всегда переполнены и средняя смертность доходить, съ открытія поселенія, ежегодно до сорока процентовъ. Когда пaterъ Але (Alet) посѣтилъ въ мартѣ 1855 г. это мѣсто, то изъ 300 поселенцевъ въ этомъ одномъ мѣсяцѣ уже умерло пятнадцать!

До сѣмочнаго мѣста С. Жоржъ нужно пробираться по рѣкѣ Ояпокъ. Рѣка эта имѣетъ въ устьѣ  $\frac{3}{4}$  льѣ ширины и образуетъ, выступая изъ береговъ, множество островковъ, которые обросли быстро и немовѣрно роскошно; на пространствѣ отъ устья до С. Жоржъ ихъ будетъ до сорока, и это число в.зростаеъ еще ежегодно. Осушеніе и воздѣлываніе этой наносной земли приносили бы много пользы и сдѣлали бы ее удобною для разведенія сахарнаго тростника; но, по отзыву самихъ жителей, на такія работы нужно употреблять Негровъ, такъ какъ климатъ даже на возвышенныхъ мѣстахъ пагубенъ для бѣлыхъ. Берега рѣки едва поднимаются надъ уровнемъ воды и весьма топки; они всюду покрыты лѣсомъ, непроходимымъ кустарникомъ и вьющимися растеніями, и кишатъ змѣями, жабами, москитосами и жигалками, коихъ жало больше осинаго. Въ самой рѣкѣ водятся кайманы, не рѣдко въ 30 футовъ длины. Притоки, которые Ояпокъ принимаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи, многочисленны; но ихъ устья большею частью скрыты густо вьющимися растеніями, лишь лодочки изъ древесной коры, въ которыхъ Индѣйцы имѣютъ обыкновеніе останавливаться для стоянки, показываютъ, что тамъ и сямъ жиры притекаютъ къ главной рѣкѣ. Вся эта огромная, болотистая страна совершенно необитаема; первая индѣйская деревня находится на правомъ берегѣ въ 17 морскихъ миляхъ вверхъ по теченію рѣки: дома въ ней состоятъ изъ четырехъ-угольнаго частотка, покрытаго лиственною крышею и доставляютъ не болѣе какъ четыремъ или пятерымъ человѣкамъ тѣсное помѣщеніе. Въ шести льѣ отъ устьевъ Ояпока находится мѣсто, на коемъ Французы основали въ 1726 г. фортъ С. Луи: это была станція іезуитской миссіи, имѣющая сообщеніе съ миссіею С. Павла (въ 11 льѣ

далѣе вверхъ по рѣкѣ и въ 3 лѣе къ югу отъ большаго ояпокскаго порога) и съ другою миссіею (Sainte Foi du Camopi или Notre Dame de Ste Foi), при устьяхъ Камопи. Теперь не осталось никакихъ слѣдовъ форта, миссіи и ея прекрасной церкви; густой лѣсъ расплодился на ихъ мѣстѣ. Выше по рѣкѣ, на лѣвомъ берегу, значительное пространство безлѣсно; тутъ находятся населенія бѣлыхъ и деревушки индѣйскія, составляющія ояпокскаго округа, одинъ изъ четырнадцати округовъ, на которые дѣлится Гюяяна. Центромъ этого округа былъ Малуэатскій постъ (poste Malouet),—домъ, покрытый досками и окруженный палисадникомъ. Однакожъ извѣстно, что Бразильцы себѣ приписываютъ исключительное право на владѣніе всеми землями, лежащими на востокѣ отъ Ояпока и, дѣйствительно, съ 1836 года сюда переселилось нѣсколько португальскихъ семействъ. Еще выше, Габаре (Gabaret) втекаетъ съ лѣвой стороны въ Ояпокъ; здѣсь употребляется часть поселенцевъ изъ близкаго форта С. Жоржа для рубки лѣса, который состоитъ преимущественно изъ краснаго, весьма прочнаго, красиво волнистаго дерева (асаю), весьма удобнаго для полировки. Но есть и другія породы деревъ, очень цѣнныхъ за свою крѣпость и твердость. Въ С. Жоржѣ устроена первая пильная мельница, для отдѣлки этихъ лѣсныхъ произведеній.

С. Жоржъ основанъ позже именованныхъ колоній, однакожъ процвѣтаетъ лучше другихъ и отличается тѣмъ, что слѣдуетъ попытку обработыванія окрестной земли; однакожъ лишь оттого, что большинство переселенцевъ состоитъ изъ черныхъ, высылаемыхъ изъ острововъ Мартиникъ и Гуаделупъ. Она лежитъ на лѣвомъ берегу Ояпока и въ ней находятся: деревянная церковь, паровая пильная мельница, кузница, плотничья мастерская, домъ для молотья маниока, кирпичный заводъ, пекарня и т. д. Черное населеніе очистило около поля-квадратнаго километра лѣсу близъ берега; деревья срубаютъ въ четырехъ или пяти футахъ отъ земли и выжигаютъ пни, послѣ чего земля приноситъ плоды четыре или пять лѣтъ сряду. При этомъ конечно нужно безпрестанно заботиться о просушиваніи почвы, и съ этою цѣлью земля прорѣзана рвами, защищаемыми шлюзами отъ наводненій Ояпока во время дождей. Разведеніе маниока составляетъ главный предметъ сельской промышленности; его корень на видъ и по величинѣ похожъ на свекловицу, однакожъ, по отзыву Европейцевъ, въ питательности не можетъ замѣнить хлѣба. Кромѣ этого растенія разводятъ еще бананы, рисъ и кукурузу; для корма травяное растеніе, называемое «пара». Сверхъ того урождаются сахарный тростникъ, какао, хлопчатникъ; дорожныя аллеи обсажены пальмами, которыя даютъ

витательную капусту. Вообще надѣются, что работа черныхъ скоро доведетъ колонію до такой степени процвѣтанія, что она будетъ въ состояніи сама удовлетворять всеѣмъ своимъ потребностямъ.

Что касается до климата, то онъ, кажется, рѣшительно губителенъ для Европейцевъ. Наводненія Ояпока и восемь мѣсяцевъ продолжающіеся дожди покрываютъ почти постоянно всеѣ окрестности стоячею, гнѣющею водою, изъ которой тамъ и сямъ выставляются маленькіе острова. «Немногіе Европейцы — говоритъ патерь Биго (Bigot) — могутъ здѣсь прожить мѣсяць, не подвергаясь лихорадкѣ; «одни черные выносятъ климатъ. Поселеніе, основанное въ апрѣлѣ 1833 г., состояло изъ немногихъ черныхъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года прибыло 180 бѣлыхъ ссыльныхъ, но климатъ до того свирѣпствовалъ между ними, что въ началѣ декабря почти половина уже погибла. Уныніе и отчаяніе овладѣли остальными; многіе добровольно умерли голодною смертію; двое повѣсили себя, «при обстоятельствахъ, доказывающихъ величайшее отчаяніе (qui exprimaient une véritable rage); одинъ утопился. Всеѣ оставшіеся въ живыхъ находились въ невыразимомъ раздраженіи или уныніи «*tous les autres étaient dans un état d'exaspération ou d'abattement impossible à décrire*)... Ссыльные состоятъ изъ воровъ всякаго рода, мошенниковъ, поджигателей, убійцъ; въ моей паствѣ много, осужденныхъ «на вѣчную каторжную работу, и приговоренныхъ на ссылку отъ «20 до 60 лѣтъ. Между тѣмъ ссыльные изъ Негровъ составляютъ «двѣ трети всего населенія С. Жоржа; они большею частію молододы и довольно переимчивы. Число бѣлыхъ уменьшается ежедневно; тѣ изъ нихъ, которые не лежатъ въ больницахъ, слабы «и безсильны и, по правдѣ сказать, они все болны. Они убѣждены «въ томъ, что не проживутъ до конца года и врачи раздѣляютъ «это мнѣніе. Кажется также, что новый губернаторъ не желаетъ «болѣе посылать сюда европейскихъ ссыльныхъ.» Сочинитель этого письма, патерь Биго, поступившій въ декабрѣ 1833 года миссіонеромъ въ С. Жоржъ, здоровый мужчина 47 лѣтъ, скончался четыре недѣли послѣ этого письма, проживъ всего въ форгѣ четыре мѣсяца; его преемникъ, патерь д'Аббади былъ принужденъ переселиться черезъ нѣсколько недѣль на островъ La Mère, для возобновленія разстроеннаго здоровья; но не оправился и умеръ черезъ два года отъ новаго припадка лихорадки. Изъ числа 160 европейскихъ ссыльныхъ въ теченіе одного года умерло въ С. Жоржѣ 120! Не ранѣе какъ въ августѣ 1854 года перевели этотъ остатокъ съ мѣста, которое Европейцы по справедливости почитаютъ за вырытую могилу.

Весною 1835 года къ описаннымъ ссыльнымъ мѣстамъ приба-

вили еще два : St. Augustin и Ste Marie, къ которымъ въ послѣдствіи еще приступило третье : St. Philippe. Всѣ три лежатъ на правомъ берегу Ояка , который втекаетъ близъ Кайенны въ море , на разстояніи отъ десяти до пятнадцати лѣ въ прямомъ направленіи отъ морскаго берега. Число ссыльныхъ въ обоихъ первыхъ мѣстахъ довольно значительно ; однакожь даже по нашимъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ объ нихъ кажется, что и эти помѣщенія неудачно выбраны. Въ С. Августинѣ желтая лихорадка произвела сильныя опустошенія ; въ С. Маріи въ маѣ 1856 года изъ 1,150 человекъ было 130 больныхъ и миссіонеры, отправляющіе тамъ духовныя потребности, умирали скоро другъ за другомъ : патеръ Роленъ (Raulin) 28 іюля 1855, Мутонъ 14 сентября 1855, Але даже девять дней за нимъ. Всего миссіонеровъ умерло въ Кайеннѣ одиннадцать въ теченіе трехъ лѣтъ, почти всѣ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ устроенныхъ въ 1856 острогахъ: Le Gardien, Cayenne, Quartiers, Montjoli, Bourda и Baduel ; въ четырехъ изъ нихъ , кажется , до 1857 года не содержалось преступниковъ, такъ какъ въ одной таблицѣ, показывающей число содержимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Кайенны, за январь 1857 г., не упоминается объ острогахъ Кайеннѣ, Монжолі, Бурда и Бадуель. По этой таблицѣ въ январѣ 1857 года находилось въ :

	СВОБОДНЫХЪ	ССЫЛЬНЫХЪ
Iles du Salut . . . .	214	1,176
Het la Mère . . . .	88	119
Montagne d'Argent. . .	102	143
Saint Georges . . . .	26	151
Sainte Marie . . . .	145	676
Saint Augustin . . . .	77	376
Saint Philippe . . . .	21	25
Le Gardien . . . .	80	274
Quartiers . . . .	10	416
<b>Всѣхъ . . . .</b>	<b>763</b>	<b>3,358</b>

Къ веснѣ 1857 г. ожидали 560 новыхъ ссыльныхъ.

(Zeitschrift für allgem. Erdkunde. 1858. IV. 3).

**НОВОЕ ПУТШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АФРИКУ.** Мы спѣшимъ возвѣстить о новомъ путешествіи, предпринимаемомъ въ это лѣто съ береговъ Средиземнаго моря во внутреннюю Африку. Journal d'Alger отъ 5 февраля сего года увѣдомляетъ : Mr. de Krafft, membre de la société

historique algérienne, a l'intention de faire une expédition dans l'intérieur du Soudan. Il s'est embarqué pour Tunis; on pense que pour pénétrer dans la Nigritie il prendra la route de Ouargla au Djebel Hoggar, route, qui n'a pas encore été parcourue par les Européens. Баронъ Александръ Крафтъ — очень образованъ : онъ сынъ остроумной баронессы Крафтъ, урожд. Исаковой, которая живетъ во Флоренціи. О своихъ намѣреніяхъ баронъ Крафтъ писалъ Гумбольдту изъ Алжира, отъ 10 апрѣля 1858 г.

«Желаніе, продолжать открытіи д-ра Барта и изслѣдовать пути еще неизвѣстные Европейцамъ, возбудили меня предпринять путешествіе во внутрь Африки : черезъ три дня я отправляюсь отсюда прямо въ Триполисъ и это будетъ началомъ моего путешествія. Мои средства не позволяютъ мнѣ путешествія въ родѣ Рихардъ-Бартоваго ; напротивъ, я постараюсь избѣгать всякаго блеска и, по возможности, сохранять инкогнито турецкаго врача ; съ этою цѣлью я избралъ единственнымъ своимъ спутникомъ алжирскаго Мавра, нѣсколько знающаго арабскую, то есть большую частію симпатично-религіозную, медицину; я самъ беру съ собою аллопатическую и гомеопатическую аптеку.

Къ сожалѣнію я не ученый и результатъ моего путешествія, — если Богу угодно, чтобъ я возвратился — можетъ оправдать лишь весьма умѣренныя ожиданія. Aneroidный барометръ и нѣсколько термометровъ, двѣ буссоли, хронометръ, секстантъ и зрительная труба, — вотъ единственные инструменты, которые я буду употреблять при моихъ наблюденіяхъ. Фотографическій аппаратъ, который я также беру съ собою, боюсь, сдѣлается скоро неспособнымъ ; я и намѣренъ обратить преимущественное вниманіе на наблюденія, для которыхъ не нужны инструменты : постараюсь собирать растения и ископаемыя, приобрѣтать вѣрныя свѣдѣнія о торговлѣ, языкѣ, исторіи и словесности внутреннихъ народовъ и, болѣе всего, узнавать съ наивозможною точностью пути разныхъ каравановъ и мѣста, гдѣ они останавливаются.

Путь, которому я предполагаю слѣдовать, будетъ : изъ Триполиса въ Гадамесъ (Ghdames), оттуда, не касаясь, если возможно, Гата (Ghat), въ Анъ-Сала и потомъ въ Тимбукту. Изъ Тимбукту я постараюсь достигъ до озера Чадъ (Tschad), а оттуда, соображаясь съ своими силами и средствами, либо проникнуть къ востоку въ Вару и Дарфуръ (Картумъ) или возвратиться къ сѣверу чрезъ Бильму, Сеггедемъ и Мурзукъ.

Если берлинское географическое общество меня удостоитъ нѣсколькихъ порученій или запросовъ, я почту за счастье получить

ихъ въ Триполисѣ, на адресъ французскаго консула и постараюсь доставлять обществу, если найдутся караваны, отправляющіеся къ побережью, мои путевыя замѣтки; болѣе же всего нѣсколько ободрительныхъ словъ и совѣтовъ отъ васъ послужили бы для меня предзнаменованіемъ счастливаго успѣха.

(Zeitschr. f. allgem. Erdkunde. 1838. IV, 3).



# VI.

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

### ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

5 ноября 1858 года.

Императорское Русское Географическое Общество имѣло, 5 текущаго ноября, второе послѣ лѣтнихъ вакацій общее собраніе, въ которомъ подъ предѣлательствомъ г. Вице-Предѣлателя, Члена Государственнаго Совѣта адмирала **Ө. П. Литке** присутствовало 89 Дѣйствительныхъ Членовъ, Членовъ-Сотрудниковъ и постороннихъ госгителей.

Г. Вице-Предѣлатель открылъ засѣданіе сообщеніемъ гг. Членамъ извѣстія о возвращеніи въ С. Петербургъ главнаго астронома сибирской экспедиціи Общества **А. Э. Шварца**, который окончилъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Представивъ затѣмъ г. Шварца, присутствовавшаго въ засѣданіи, г. Вице-Предѣлатель заявилъ, что въ слѣдующее общее собраніе будутъ сообщены гг. Членамъ общія свѣдѣнія о ходѣ работъ экспедиціи и о мѣрахъ къ разработкѣ добытыхъ ею матеріаловъ. Собраніе привѣтствовало главнаго астронома съ счастливымъ возвращеніемъ и затѣмъ перешло къ очереднымъ занятіямъ.

Секретарь Общества сообщилъ собранію списокъ приношеній, сдѣланныхъ Обществу, и нѣкоторыя распоряженія Совѣта по предметамъ ученыхъ его занятій.

Весною нынѣшняго года Географическое Общество съ обща съ Генеральнымъ Штабомъ командировало хронометрическую экспедицію въ Вологодскую и Вятскую губерніи, для опредѣленія въ нихъ географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ въ которыхъ представлялась надобность, при составленіи издаваемой

Обществомъ карты Европейской Россіи. Нынѣ директоръ департамента Генеральнаго Штаба увѣдомилъ, что два астронома, отправленные въ маѣ мѣсяцѣ съ этой цѣлю въ означенныя губерніи, по случаю ненастной осенней погоды и сильнаго холода, имѣющаго вліяніе на правильный ходъ хронометровъ, вернулись въ половинѣ октября изъ своего путешествія. Несмотря на неблагоприятное лѣто и трудность въ переѣздахъ, астрономическія работы исполнены, сверхъ всякаго ожиданія, съ весьма большимъ успѣхомъ. Оба астронома опредѣлили въ той и другой губерніи 75 пунктовъ, и какъ состояніе хронометровъ и инструментовъ сохранено въ отличномъ порядкѣ, то это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что результаты опредѣленій будутъ имѣть вполне удовлетворительную точность. Въ настоящее время астрономы приступили къ исчисленію сдѣланныхъ ими наблюдений, и по окончаніи этой работы съ возможною скоростію доставятъ всѣ данныя для составленія оригиналовъ изготовляемой карты Европейской Россіи.

Дѣйствительный Членъ К. С. Веселовскій давно уже имѣлъ мысль объ учрежденіи при Обществѣ особаго метеорологическаго комитета изъ небольшого числа Членовъ, занимающихся спеціально метеорологіею, климатологіею и вообще физикою земнаго шара. Письмо г. Веселовскаго сообщенъ было извѣстному метеорологу, профессору Дерптскаго Университета г. Кемтцу, который охотно согласился не только участвовать въ трудахъ комитета, но и, согласно желанію нѣкоторыхъ Членовъ, принять на себя общее направленіе его занятій. Лучшимъ средствомъ къ достиженію цѣли комитета, т. е. къ соединенію разрозненныхъ работъ въ одно средоточіе и приданія имъ общей формы и системы, представляется, по мнѣнію г. Кемтца, изданіе особаго метеорологическаго журнала, имѣющаго выходить выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ. При печатаніи матеріаловъ сама собою возникнетъ необходимость разработки, которая, при значительномъ количествѣ наблюдений, можетъ дать новые и важныя для науки результаты, объясняющіе связь между различными метеорологическими фактами. Что касается до самаго способа печатанія поступающихъ статей, то, принимая въ соображеніе интересъ подобнаго сборника не только для русскихъ, но и иностранныхъ читателей, лучше всего было бы принять при изданіи за правило, печатать статьи на тѣхъ языкахъ, какъ онѣ написаны. При этомъ изъ русскихъ статей дѣлать краткія извлеченія на одномъ изъ иностранныхъ языковъ для иностранныхъ читателей, а изъ статей, печатаемыхъ на иностранномъ языкѣ, сообщать подобныя же извлеченія въ переводѣ на русскій, для помѣщенія въ Вѣстникѣ. Въ случаѣ одобренія этой мысли и разрѣшенія на изданіе журнала въ Дерптѣ, съ ассигнованіемъ на издержки, въ количествѣ 400 экземпляровъ, отъ 800 до 1000 руб. сер. въ годъ изъ суммъ Общества, г. Кемтцъ предлагаетъ свои услуги взять редакцію на себя.

Совѣтъ Общества, имѣя въ виду одобрителное заключеніе Отдѣленія Физической Географіи, разсматривавшаго предложеніе г. Кемтца и вѣдѣвшаго какъ учрежденіе особаго метеорологическаго комитета, такъ и изданіе журнала вполне полезными и соответствующими цѣлямъ Общества, съ своей стороны признавъ основательность предположеній и рѣшился дать осуществленіе этому предпріятію. Въслѣдствіе сего Совѣтъ просилъ Отдѣленіе образовать Метеорологическій Комитетъ и поручить ему войти теперь же въ ближайшія сношенія съ г. Кемтцомъ объ изданіи на предположенномъ основаніи журнала или сборника, на издержки которому Общество принимаетъ на себя расходъ до 1000 руб. въ годъ.

Всѣмъ за снѣмъ Дѣйствительный Членъ фонъ-Бушенъ прочелъ въ собраніи приготовленную имъ записку: о вулканическихъ явленіяхъ земнаго шара. Разсмотрѣвъ въ ней существующія теории происхожденія вулкановъ и главные характеристическіе ихъ признаки, г. Бушенъ представилъ затѣмъ краткій очеркъ распределенія вулкановъ на земномъ шарѣ. Статья г. Бушена объ этомъ интересномъ предметѣ будетъ напечатана въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ Вѣстника.

По окончаніи этого чтенія, присутствовавшій въ собраніи гость иностранецъ, англійскій астрономъ г. Деларю, представилъ сдѣланные имъ фотографическіе снимки луны въ разныхъ ея положеніяхъ и двойныя такія же изображенія, приспособленныя къ стереоскопу. Г. Деларю дѣлалъ при этомъ объясненія и обращалъ вниманіе на особенности снимковъ, которые возбудили живѣйшій интересъ между Членами, изъявившими астроному чувствительнѣйшую признательность за сообщеніе.

Въ заключеніе засѣданія объявляеть былъ результатъ балотировки, произведенной для выборовъ въ должность Члена Совѣта и въ Дѣйствительные Члены; большинствомъ голосовъ оказались избранными, на основаніи Устава, въ Члены Совѣта: А. Г. Троицкій и въ Дѣйствительные Члены: Н. А. Абрамовъ, А. И. Деспотъ-Зеновичъ, Ш. В. Казакевичъ, А. Ф. Раевъ, Н. М. Турбинъ и Н. Н. Таскинъ.

## ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІА СТАТИСТИКИ

27 сентября 1858 года.

Присутствовали: Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи А. П. Заблужій и гг. Дѣйствительные Члены: А. И. Артемьевъ, В. П. Безобразовъ, И. В. Вернадскій, В. И. Вешняковъ, Ю. А. Гагемейстеръ, кн. Голицынъ, К. И. Домонтовичъ, С. А. Иларовъ, Н. П. Корниловъ, К. А. Красовскій, Н. П. Лавровъ, К. Н. Лебедевъ, Гр. П. Неболсинъ, К. Д. Нейзманъ, Ю. С. Рѣхневскій, Я. А. Соловьевъ, Ф. Г. Терриеръ, А. Г. Троицкій, А. Ф. Штакельбергъ, Н. С. Щукинъ.

1. По прочтеніи и одобреніи журнала предшествоващаго засѣданія Отдѣленію предьявлены были видны поступившія статьи. Относительно ихъ опредѣлено было:

1) Статью г. Воронова, подъ заглавіемъ: *Вельскій уездъ*, передать на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену И. Кайшцу.

2) Доставленныя разными лицами свѣдѣнія о цѣнахъ передать на разсмотрѣніе гг. Дѣйствительнымъ Членамъ, изъявившимъ на то желаніе: 1) Я. А. Соловьеву — о *цѣнахъ въ селѣ Ивановѣ*. 2) К. П. Домонтовичу — о цѣнахъ по *Воронеднѣпровскому уѣзду* Екатеринославской губерніи, доставленныя Чл.-Сотрудникомъ Богровскимъ, и по Вельскому уѣзду — г. Вороновымъ, 3) Ю. С. Рѣхневскому — 3 приходорасходныя книжки, XVII и XVIII столѣтія и одну сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, всѣ на польскомъ языкѣ.

По поводу разсмотрѣнія поступающихъ въ Отдѣленіе матеріаловъ о цѣнахъ выражена была г. Предсѣдательствующимъ мысль о пользѣ безотлагательной разработки сихъ матеріаловъ.

Съ этою цѣлію предположено передавать такіе матеріалы гг. Членамъ, съ просьбою, подвергая ихъ критикѣ, готовить съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно

къ печати, дабы по мѣрѣ накопленія достаточнаго количества подобныхъ свѣдѣній, они могли быть издаваемые небольшими выпусками и такимъ образомъ дѣлались доступными и для тѣхъ изслѣдователей, которые не принадлежатъ къ Географическому Обществу. Предложеніе это принято Отдѣленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *опредѣлено*: выразить печатно, посредствомъ вѣдомостей, благодарность Отдѣленія Статистики всѣмъ лицамъ доставляющимъ согласно вызову его матеріалы для статистики цѣнъ въ Россіи и просить о дальнѣйшемъ и столь же радушномъ содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ.

2. Доложено предложеніе графа Солтана, Луцкаго уѣзда Волынской губерніи, относительно доставленія Отдѣленію статистическихъ матеріаловъ о цѣнахъ и другихъ предметахъ, за прошедшія столѣтія, каковыми матеріалами по отзыву графа Солтана, весьма богаты частныя архивы въ западныхъ губерніяхъ. *Опредѣлено*: отвѣчать графу Солтану, что Отдѣленіе будетъ считать драгоцѣннымъ всякое сообщеніе, какое угодно ему сдѣлать изъ статистическихъ матеріаловъ прошедшаго столѣтія.

3. Доложены присланныя г. Чл.-Сотрудникомъ Рославскимъ-Петровскимъ, при письмѣ на имя г. Предсѣдательствующаго, замѣчанія на послѣдній отчетъ Комисіи для Жуковской преміи. Гг. Члены сей Комисіи, присутствовавшіе въ засѣданіи, выразивъ мысль, что все сказанное ими о книгѣ всѣми уважаемаго статистика и сочлена ихъ вовсе не имѣло цѣлью уменьшать ея достоинство, предложили напечатать замѣчанія г. Рославскаго въ Вѣстникѣ Общества, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они доставлены. Предложеніе это принято единодушно.

4. По вопросу о присужденіи въ нынѣшнемъ году установленныхъ Обществомъ медалей, *опредѣлено* разсмотрѣть въ слѣдующемъ засѣданіи списокъ всѣхъ лицъ, представившихъ Отдѣленію въ теченіе 3 послѣднихъ лѣтъ какія либо статьи.

5. Относительно присужденія въ нынѣшнемъ году Константиновской медали по Отдѣленію Статистики *опредѣлено* ходатайствовать предъ Совѣтомъ о назначеніи ея капитальному труду Д. Чл. Аксакова: *Изслѣдованія объ украинскіихъ ярмаркахъ*, которое со всѣхъ сторонъ вызываетъ похвалы и одобренія.

6. Желая обратитъ вниманіе изслѣдователей на какой либо современный предметъ, заслуживающій статистическаго изученія, Отдѣленіе предположило назначить на слѣдующій годъ задачу для соисканія устанавливаемыхъ Обществомъ отъ времени до времени премій. По множеству предметовъ, на которые указывали гг. Члены, какъ на достойныя быть конкурсными темами Отдѣленія Статистики, *опредѣлено* отложить окончательное рѣшеніе этого вопроса до слѣдующаго засѣданія, къ которому нѣкоторые изъ гг. Членовъ изъявили желаніе представить письменныя предложенія своихъ темъ.

## ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

15 мая 1858 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго, присутствовали: Дѣйствительные Члены: А. И. Артемьевъ, В. И. Безобразовъ, А. Б. Фонъ-Бушенъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Г. С. Дестунисъ, М. И. Заблудскій-Десятовскій, М. И. Корниловъ,

В. А. Полевой, П. С. Савельевъ, В. Я. Фуксъ, И. И. Шопецъ, Н. С. Шукинъ, А. Г. Яновскій и Членъ-Содружникъ С. И. Гуляевъ, всего 14 человекъ.

По выслушаніи и подписаніи журнала предшествовавшаго засѣданія Отдѣленія, слушали:

## I.

Исправляющей должность Секретаря Общества Дѣйствительный Членъ В. П. Безобразовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что профессоръ Московскаго Университета **Ф. И. Буслаевъ** изъявилъ желаніе заняться разборомъ и издаемъ принадлежащихъ Отдѣленію списковъ пѣсень. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что еще въ недавнее время съ подобною просьбою обращался къ Отдѣленію **Г. Якушкинъ**, которому въ этомъ и не было отказано, и считая, что принадлежащія Отдѣленію матеріалы должны быть доступны для всѣхъ посвятившихъ себя изученію отечества, признало возможнымъ предоставить право пользоваться пѣснями и профессору **Буслаеву**, тѣмъ болѣе, что онъ и **г. Якушкинъ** могутъ издать ихъ по различнымъ плапамъ и съ различными комментаріями и что такимъ образомъ два изданія однихъ и тѣхъ же пѣсень могутъ быть одинаково полезны для науки древностей и шародописанія.

## II.

Дѣйствительный Членъ **И. И. Небольсинъ** и Членъ-Сотрудникъ **А. В. Терешенко** разсматривавшіе статью **г. Соколова** «О бытѣ государственныхъ крестьянъ Тульской губерній», представили о ней свои отзывы. По заключенію обоихъ рецензентовъ, статья эта представляеть собою весьма обстоятельное, подробное и по возможности правильное описаніе быта государственныхъ крестьянъ Тульской губерніи, и потому заслуживаетъ неперемѣннаго напечатанія въ одномъ изъ изданій Общества, впрочемъ по исправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ изложеніи. Определено: статью **г. Соколова** передать въ Редацію Вѣстника Общества; а автору статьи, управляющему Тульской Палатою Государственныхъ Имуществъ, изъявить благодарность Отдѣленія за сообщенія ея.

## III.

Отдѣленіе, обращаясь къ предложенію Дѣйствительнаго Члена **Раевского**, протоіерея Россійско-Императорской Миссіи въ Вѣнѣ, быть посредникомъ въ сношеніяхъ Общества съ западно-славянскими учеными, имѣло сужденіе о необходимости распространенія между ними изданій Общества, и потому постановило: просить Совѣтъ Общества выслать къ протоіерею **Раевскому** нѣсколько экземпляровъ разныхъ изданій Общества для раздачи ихъ славянскимъ ученымъ и другимъ лицамъ, которыя могутъ своими трудами и свѣдѣніями быть полезны для зачатій Общества. Вместе съ этимъ положено также просить Совѣтъ Общества, чтобы разрѣшено было Отдѣленію получать въ свое распоряженіе по нѣскольку экземпляровъ «Вѣстника Общества» и другихъ изданій для разсылки ихъ, по усмотрѣнію Отдѣленія, къ нѣкоторымъ Членамъ-Сотрудникамъ, наиболѣе сообщающимъ свои статьи въ Общество и не имѣющимъ средствъ пріобрѣтать изданія за деньги. Такая разсылка, служа въ нѣкоторой степени поощреніемъ сотрудниковъ къ новой дѣятельности, достигала бы въ то же время и главнѣйшей цѣли Общества: «распространять въ Россіи географическія, этнографическія и статистическія свѣдѣнія вообще и въ особенности о самой Россіи» (Уст. Общ. § 1.).

## IV.

Разсматривались слѣдующія статьи, полученныя отъ Членовъ-Сотрудниковъ и другихъ лицъ: 1) Продолженіе сборника пѣсень, записанныхъ въ Новоградскомъ уѣздѣ, и алфавитъ словъ, извлеченныхъ изъ этихъ пѣсень, отъ учителя М. Дмитріева; 2) Мѣстечка Рѣшетилетка и Оношья въ Полтавской губерніи, отъ прапорщика Л. Горленка; 3) Повѣрья и суевѣрья крестьянъ Владимірской губерніи; 4) Пѣсни и припѣвы волжскихъ бурлаковъ; 5) Сказаніе о двадцати лихорадкахъ; 6) Село Макаріи-Шурихъ бывшее помѣстье князя Д. М. Пожарскаго; 7) Деревня Сушана, Кіевскаго уѣзда, отъ священника В. Антопова; 8) Забѣлки о селѣ Вяжахъ Тульской губерніи, отъ Члена-Сотрудника г. Мясоѣлова; 9) Зырянская духовная пѣсня, отъ священника А. Луканина; 10) Малороссійская свадьба въ Курской губерніи, отъ А. Дмитрюкова; 11) Словарь словъ, употребительныхъ въ Симбирской губерніи, отъ Д. Орлова; 12) Хитрая кошка, отъ Члена-Сотрудника С. Михайлова; 13) Обычай въ селѣ Глѣбовѣ Рыбинскаго уѣзда, отъ дьякона И. Соснина; 14) Якуты Олекминскаго округа, отъ землемѣра Степанова; 15) Забѣтки о древностяхъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ, отъ учителя Евлевцева. Отдѣленіе, находя, что учитель Новоградскаго училища М. Дмитріевъ постоянно доставлялъ и доставляетъ пѣсни, сказки и другія статьи, относящіяся до быта Бѣлоруссовъ, и что такихъ присылокъ скопилось въ Отдѣленіи уже значительное количество, а сводомъ и разработкою ихъ никто изъ наличныхъ Членовъ Отдѣленія заняться не можетъ, по незнакомству съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, постановило просить самаго г. Дмитріева заняться составленіемъ одной общей статьи изъ всѣхъ доставленныхъ имъ статей, а равно и изъ другихъ, близко относящихся къ тому же предмету. Разсмотрѣніе статей за №№ 5 и 11—принялъ на себя Дѣйствительный Членъ И. И. Срезневскій, а № 14 Дѣйствительный Членъ Н. С. Щукинъ.—Всѣ же остальные статьи положено хранить въ Отдѣленіи вмѣстѣ съ прочими такого же содержанія.

## V.

Дѣйствительный Членъ А. Г. Яновскій представилъ Отдѣленію переводъ Тацеговой «Германіи», сдѣланный Г. Бахкаловскимъ и предлагаемый для предпринятаго Отдѣленіемъ свода этнографическихъ свѣдѣній изъ древнихъ писателей. Определено: рукопись эту имѣть въ виду при составленіи предложеннаго сборника. Предварительно же просить Дѣйствительнаго Члена Э. П. Эйхвальда рассмотреть этотъ переводъ и свѣрить его съ подлинникомъ.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

### I. ДѢЙСТВІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

	СТРАН.
1) Высочайшая награда, дарованная Дѣйствительному Члену Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семелову . . . . .	1
2) Выписка изъ письма начальника Хорассанской экспедиціи Н. В. Хавыкова . . . . .	5
3) Письмо главнаго астронома Сибирской экспедиціи Шварца . . . . .	7
4) Общее собраніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 8 октября 1838 года . . . . .	13
5) Донесеніе натуралиста Сибирской экспедиціи г. Радде . . . . .	19

### II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ:

1) Буриты. А. Ф. РАЕВА . . . . .	1
2) Озеро Косоголъ и его нагорная долина, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Членомъ-Сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Пермичинымъ, съ картою. . . . .	41
3) Замѣтки кочеваго Алтайца. Священника ВАСИЛІИ ВЕРЕЩКАГО . . . . .	77
4) Замѣтки о Вятскомъ краѣ П. В. САВИНОВА . . . . .	110
5) Наблюденія нѣкоторыхъ періодическихъ явленій органической природы въ г. Кишиневѣ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, г. ДЕНГИНКА . . . . .	141

6) Владимиръ Атласовъ, покоритель Камчатки. (Эпизодъ изъ исторіи Камчатки). Г. СПАССКАГО . . . . .	157
7) Нѣкоторыя указанія для путешествія по Китаю . . . . .	173
8) Забѣлки о Глазовскомъ уѣздѣ и Глазовѣ. Чл.-Сотр. Общ. НВ. САВИНОВА . . . . .	213
9) Нѣсколько словъ краіаго историческаго обозрѣнія русско-литовскаго Новогрудка, со времени основанія этого города русскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ, сыномъ Владиміра Мономаха, въ 1116 году до конца XIV столѣтія. Старшаго учителя Новогр. Двор. Училища М. ДМИТРИЕВА . . . . .	227

### III. ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ:

1) О состояніи картографіи въ Европѣ къ концу 1837 года, и въ особенности успѣхахъ спеціальныхъ топографическихъ работъ. Статья ЭМИЛЯ ФОНЪ-СИДОВА . . . . .	1
---	---

### IV. БИБЛИОГРАФІЯ.

1) О военной статистикѣ въ Россіи Дѣйствительнаго Члена А. Н. МАКШЕЕВА . . . . .	1
3) Нѣсколько замѣчаній на послѣдній отчетъ Комиссіи для Жуковской преміи. АЛЕКСАНДРА РОСЛАВСКАГО-ПЕТРОВСКАГО . . . . .	97

### V. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ:

1) Скрытые сѣрные ключи Дикаго озера въ Оренбургской губерніи. А. ПЕКЕРА . . . . .	1
2) Письмо доктора Густава Клемма къ исправляющему должность Секретаря Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. П. Безобразову . . . . .	3
3) Празднества и забавы при-Аргунцевъ. И. КАШИНА . . . . .	7
4) О договорахъ съ Китаемъ . . . . .	23
5) Письмо г. Фердинанда Лессенса къ г. Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества . . . . .	31
6) Письмо г. иностраннаго почетнаго члена Карла Риттера къ г. Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества . . . . .	—
7) Частное лунное затмѣніе въ г. Семипалатинскѣ. И. АБРАМОВА . . . . .	33
8) Городъ Семеновъ. Архимандрита МАКАРІЯ . . . . .	35
9) Экспедиція г. О. Энне на Амуръ . . . . .	39
10) О торговлѣ съ Китаемъ . . . . .	48
11) Спены въ дикихъ пустыняхъ Терая и на Гималаяхъ . . . . .	53
12) Объявленіе . . . . .	1
13) Легенда о Тулвикѣ. ЛЬВА СУХОДОЛЬСКАГО . . . . .	63

14) Французскія поселенія въ Кайеннѣ . . . . .	72
15) Новое путешествіе въ центральную Африку . . . . .	78

## VI. ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Засѣданіе отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 19 апрѣля 1858 года . . . . .	1
2) Общее собраніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 5 ноября 1858 года . . . . .	3
3) Засѣданіе отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 27 сентября 1858 года. . . . .	5

